

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 8 том - «Искушение Анжелики».

Перевод с англ. А.П. Науменко

Урал. кн. дом (Екатеринбург) 1992г.

- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)

- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
- [ЧАСТЬ ПЯТАЯ](#)
 - [Глава 58](#)

- [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
 - [Глава 75](#)
 - [Глава 76](#)
 - [Глава 77](#)
 - [Глава 78](#)
 - [Глава 79](#)
 - [Глава 80](#)
 - [Глава 81](#)
 - [Глава 82](#)
 - [Глава 83](#)
 - [Глава 84](#)
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Из леса донесся стук индейский барабанов — приглушенные, ритмичные раскаты нарушили тишину знойного дня, тяжело нависшую над деревьями и рекой. Жоффрей де Пейрак и Анжелика замерли на берегу, прислушиваясь к негромкому, достаточно отчетливому рокотанию. Оно доносилось сквозь густую завесу листьев и ветвей подобно биению какого-то огромного, мощного сердца. Природа, изнемогавшая в знойном мареве жаркого дня, напоминала о присутствии человека.

Анжелика инстинктивно ухватилась за руку мужа, стоявшего рядом с ней.

— Этот барабан, — сказала она, — о чем он говорит?

— Не знаю. Подождите.

Ночь еще не наступила, хотя день близился к концу. Анжелика и граф де Пейрак стояли под арками прибрежных деревьев у самой кромки воды. Простиравшаяся перед ними гладь реки напоминала огромную полосу из тусклого серебра.

Немного поодаль, слева, виднелись вытащенные на песчаный берег для просушки пироги, сделанные из пропитанной смолой березовой коры.

Линия маленькой бухточки, образованной здесь рекой, изгибалась полукругом, почти замкнутая узким мысом, а в самой глубине ее виднелись высокие черные скалы, увенчанные дубами и вязами, которые сулили желанную прохладу.

Они выбрали это место для своего лагеря. До них доносился треск ветвей, ломаемых для сооружения жилищ и растопки костров, и голубое облачко дыма уже поднялось в воздух и медленно поплыло над спокойными водами.

Анжелика энергично потрясла головой, чтобы избавиться от роя гудящих комаров, которые вдруг начали назойливо виться вокруг нее. Одновременно она попыталась избавиться и от смутного ощущения опасности, вызванного рокотанием барабанов в лесу.

— Странно, — проговорила она, почти не задумываясь над словами, — в тех деревушках абенаков, через которые мы проходили, совсем не было воинов мужчин. Только женщины, дети и старики.

— Да все туземцы отправились на юг торговать мехами.

— Не совсем так. Бродячие отряды, которые нам повстречались и шли на юг, состояли в основном из женщин. Можно подумать, что именно они занимаются торговлей мехами. Но где же тогда все мужчины?

Пейрак бросил на нее быстрый, непроницаемый взгляд. Он тоже задавал себе этот вопрос и так же, как и она, боялся, что знает на него ответ. Судя по всему, мужское население индейских поселений отправилось на какое-то тайное место встречи, чтобы обсудить там предстоящую войну. Но какую войну и против кого?

Он колебался, не решаясь облечь свои опасения в слова, и в конце концов предпочел промолчать.

Это был мирный, беззаботный час. Они уже несколько дней путешествовали без помех и препятствий. Мысль о том, что они возвращаются на побережье, в более населенные районы, наполняла их ребяческой радостью.

— Смотрите! — вдруг сказал Пейрак, сопровождая свои слова быстрым жестом. — Должно быть, вот о чем говорили индейские барабаны. Гости!

Напротив них три пироги огибали узкий мыс, входя в бухту.

По тому, как внезапно они появились, можно было предположить, что пироги поднялись вверх по

Кеннебеку, а не спускались вниз по течению, как большинство суденышек в это время года.

Сопровождаемый Анжеликой, которая следовала за ним по пятам, Пейрак быстро подошел к самому краю воды, где на светлом песке оставались буроватые следы от пенистых кругов, набегавших на берег. Он слегка прищурился и внимательно оглядел прибывших.

Индейцы во всех трех пирогах вели себя так, словно прибыли на место назначения. Подняв весла, с которых капала вода, они попрыгали за борт, чтобы подтащить пироги к берегу.

— Во всяком случае здесь мы видим мужчин, а не женщин, — прокомментировал Пейрак.

И тут, внезапно замолчав, он стиснул руку Анжелики.

В одной из пирог поднялась во весь рост высокая фигура в черной сутане и, спустившись в воду, направилась к берегу, над которым нависали раскидистые ивы.

— Иезуит, — пробормотала Анжелика.

На нее с такой силой нахлынула волна панического ужаса, что она едва удержалась от искушения броситься бежать и спрятаться в глубине леса.

Граф удержал ее, положив пальцы на запястье ее руки.

— Что заставляет вас бояться иезуитов, любовь моя?

— Вы же знаете, что думает о нас отец д'Оржеваль. Он считает нас опасными узурпаторами, если не приспешниками самого дьявола.

— До тех пор, пока он приходит к нам только как визитер, мы можем оставаться спокойными.

Тем временем на другой стороне бухточки Черное Платье, выбравшись на берег, быстро зашагал вперед. Его длинная тонкая тень передвигалась со скоростью, казавшейся странно неуместной на фоне этого утомленного зноем пейзажа, уже начинавшего

погружаться в сумрачное оцепенение вечера. Эта фигура принадлежала молодому человеку, переполненному жизненной энергией, человеку, который идет к своей цели напрямик, не обращая внимания на препятствия и порою даже не желая их замечать.

На мгновение он исчез из виду, добравшись до лагеря, и вокруг лагерных огней как будто воцарилась тяжелая, напряженная тишина. Потом до них донесся звук шагов испанского солдата, обутого в высокие сапоги, и вслед за ним, появившимся из-за зеленого занавеса ивовых ветвей, показалась высокая черная фигура.

— Это не он, — сквозь зубы произнес Пейрак. — Это не отец д'Оржеваль.

Он испытывал почти разочарование.

Посетитель был высок и тонок и выглядел очень молодо. Если учесть, что правила его ордена требовали долгого послушания, ему не могло быть меньше тридцати, и в то же время он, казалось, сохранял всю небрежную грацию человека, которому на десять лет меньше. Его волосы и борода были белокурыми, а глаза бледно-голубыми, почти бесцветными. Его лицо казалось бы бледным, если бы не красные пятна ожогов, которые оставило на лице солнце, всегда беспощадное к людям, обладающим такой светлой кожей.

Увидев графа и его жену, он остановился и какое-то мгновение изучал их, стояв нескольких шагах. Одна из его тонких, изящных рук прикасалась к распятию, висевшему на груди на красной ленточке, а другая сжимала трость, увенчанную серебряным крестом.

Анжелика подумала, что у него удивительно выразительный вид, напоминающий странствующих рыцарей или воинственных архангелов, изображаемых на цветных витражах французских церквей.

— Я — отец Филипп де Жеранде, — вежливо представился он, — коадьютор отца Себастьяна д'Оржеваля. Мой покровитель услышал о том, что вы путешествуете вниз по Кеннебеку, господин де Пейрак, и послал меня передать вам его приветствия.

— Будьте добры, передайте ему мою благодарность за его добрые намерения, — ответил де Пейрак.

Он сделал знак, чтобы испанец, ошеломленный присутствием отца иезуита и почти настороженный, удалился.

— Приношу свои извинения за то, что не могу предложить вам ничего лучшего, чем грубое гостеприимство походного лагеря, отец, но, как мне кажется, вы должны привыкнуть к такого рода неудобствам. Может быть, мы перейдем поближе к огню? Дым обеспечит нам некоторую защиту от moskitov. Насколько я припоминаю, это один из членов вашего ордена сказал, что здесь, в Америке, власяница не нужна, ибо с ее ролью вполне справляются комары и москиты, усердно занимаясь умерщвлением плоти.

Священник соизволил улыбнуться.

— Преподобный отец Бребу действительно несет ответственность за эту колкость, — признал он.

Они сели неподалеку от группы людей, занимающихся приготовлением пищи и подготовкой к ночлегу, но все же на достаточном расстоянии от них.

Анжелика сделала движение, собираясь уйти, но Жоффрей удержал ее едва ощутимым пожатием руки, потому что хотел, чтобы она присутствовала при этом разговоре. Она заняла место позади него, на большом, поросшем мхом валуне. Она уже заметила со всей быстротой интуиции, свойственной женщинам, что отец де Жеранде ведет себя так, словно не замечает ее присутствия.

— Вы позволите мне представить вам мою жену, графиню де Пейрак де Моран д'Ирристру? —

продолжал Жофfrey все тем же изысканно-безмятежным тоном.

Молодой иезуит наклонил голову в сторону Анжелики натянутым, почти небрежным жестом и снова отвернулся, глядя на гладкую, постепенно темнеющую поверхность реки, в глубине которой уже начинали отражаться алые отблески костров, зажигавшихся вдоль берега.

На противоположной стороне бухточки начали разбивать лагерь индейцы, сопровождавшие иезуита.

Пейрак предложил пригласить их разделить трапезу, состоящую из оленины, индюка, уже жарящегося на вертеле, и лососей, пойманных всего за час до этого и теперь запекающихся на горячих углях в упаковке из листьев.

Но отец де Жеранде покачал головой, объяснив, что эти индейцы принадлежат к нелюдимому племени кеннебасов и не желают общаться с чужаками.

Анжелика внезапно вспомнила о маленькой английской девочке Роз-Анн, сопровождающей их в этом путешествии, и огляделась вокруг, но так и не увидела ее. Позднее она узнала, что Кантор, едва заметив иезуита, схватил ребенка и мгновенно унес подальше. И терпеливо сидел с девочкой в чаще леса, перебирая струны своей гитары, чтобы развеселить ребенка, дожидаясь конца беседы.

— Насколько я понимаю, — продолжал отец де Жеранде, — вы провели зиму в глубинах Аппалач. Вы страдали от голода и цинги? Вы потеряли некоторых членов своей колонии?..

— Нет, слава богу, ни одного человека!

Священник приподнял брови, и на его лице появилась едва заметная удивленная улыбка.

— Мы в восторге оттого, что слышим из ваших уст хвалу Господу, мсье де Пейрак. По слухам, вы и ваши люди не принадлежите к числу благочестивых

верующих и среди ваших поселенцев есть даже еретики, люди, не принадлежащие к какой-то определенной религии, вольнодумцы и даже такие нечестивцы, чья гордость доводит их до богохульства и проклятий в адрес бога, да будет благословенно Его Святое Имя...

Он отмахнулся от чаши с жареным мясом и бокала вина, которые предложил ему Жан Ле Куеннек, молодой бретонец, служивший Пейраку в качестве оруженосца.

«Как жаль, — непочтительно подумала Анжелика, — что мы больше не можем воздействовать на этих иезуитов через их желудки... В свое время отец Массера был более податлив».

— Подкрепитесь хоть немного, отец, — продолжал настаивать Пейрак.

Но иезуит покачал головой.

— Мы ели днем. На сегодня достаточно. Я ем мало, так же как и индейцы... Но вы не ответили на мой вопрос, сударь. Вы намеренно выбираете своих людей среди тех, кто восстает против авторитета Церкви?

— Откровенно говоря, отец, от тех людей, которых я нанимаю, я требую, прежде всего, умения в обращении с оружием, топором и молотком, требую, чтобы они могли противостоять холоду, голоду, усталости, битвам, то есть в сущности любой беде без слова жалобы. Чтобы они сохраняли мне верность и подчинялись в течение того времени, которое будут работать на меня, и чтобы они как можно лучше старались выполнить поставленные мною задачи. Но, если они к тому же оказываются набожными и благочестивыми, я не считаю это особым препятствием.

— И тем не менее вы ни разу не воздвигли Креста ни в одном из своих поселений.

Пейрак не ответил.

Блеск сверкающей воды, внезапно загоревшейся от лучей заходящего солнца, как будто зажег в его глазах крошечные насмешливые искорки, которые так хорошо знала Анжелика, но он продолжал сохранять спокойствие и необычное дружелюбие.

Иезуит продолжал настаивать на своих расспросах.

— Не хотите ли вы сказать, что среди вас есть люди, которым этот знак, удивительный знак любви и самопожертвования, да благословит его Бог, может быть неприятен или даже враждебен?

— Возможно.

— А что, если некоторые из ваших людей — например, вот этот юноша с открытым, честным лицом, который предлагал мне пищу, — еще могут, вспоминая свое благочестивое детство, испытывать определенную тягу к этому символу искупления? Неужели вы намеренно лишаете их утешения, которое может предоставить им их Святая Религия?

— Человек всегда бывает вынужден в той или иной степени попускаться чем-то, если он живет в суровых условиях в смешанном обществе, к тому же в очень стесненных жилых помещениях. Не мне напоминать вам, отец, о том, как несовершенна человеческая натура, или о том, что обоюдные уступки совершенно необходимы, если человек хочет жить в гармонии и согласии.

— Мне кажется, что отказ от ежедневных воздаяний Господу и от поисков Его Милосердия должен быть самой последней уступкой, на которую может пойти человек; в сущности он совершит этим грех. Разве это не указывает, мсье де Пейрак, на то, как мало значения вы придаете духовному спасению? Работа, выполненная без дающей жизнь божественной силы, не значит ничего. Любая работа, не благословленная свыше, тщетна и ничтожна. Она подобна пустой раковине, дуновению ветра; она равна нулю. А это благословение

может быть дано только тем, кто признает, что всеми их поступками и действиями руководит Бог, кто подчиняется его законам и в молитвах, произносимых в каждый день своей жизни, предлагает ему плоды трудов своих.

— Однако, апостол Иаков писал: «Вера без дела мертва...», — Пейрак распрямил плечи, как будто согнувшиеся под грузом размышлений. Из прорези своей кожаной куртки он вытащил сигару, скрученную из табачных листьев, и зажег ее от пылающей головни, которую почти мгновенно поднес ему юный бретонец, тут же скромно удалившийся в сторону.

Когда Филипп де Жеранде услышал, что граф цитирует Писание, на его лице появилась холодная, едва заметная улыбка, свидетельствующая о том, что он признает удачный удар своего противника. Однако эта улыбка никоим образом не указывала на то, что он признает себя побежденным.

Анжелика молчала, раздраженно покусывая ноготь мизинца. Что воображает о себе этот иезуит, осмеливаясь так разговаривать с Жоффреем де Пейраком? И в то же время в ее памяти с новой силой всплыло ее монастырское воспитание, оживив чувство болезненной зависимости, которую она испытывала ребенком перед любым духовным лицом и в особенности перед иезуитами, которые не боялись ничего и никого, ни короля, ни Папы. Их орден был основан для того, чтобы учить и предостерегать могущественных мира сего. Широко раскрыв глаза, она задумчиво смотрела на изможденное лицо необычного гостя и снова испытывала здесь, в самом сердце американского леса, все те древние страхи, которые принадлежат Старому Свету: страхи, которые человек испытывает перед священником, обладающим мистической силой. Потом она снова перевела взгляд на мужа и вздохнула с облегчением. Он был свободен — и

всегда будет свободен от подобных влияний. Он был сыном Аквитании, наследником вольной философии бытия, дошедшей до него с незапамятных времен языческих цивилизаций. Он был существом, отличным от нее и этого иезуита, которые были опутаны сетью непоколебимых доктрин. Он избежал этого заманчивого влияния, и она страстно любила его за это. Она услышала, как он спокойно ответил:

— Отец, каждый человек, работающий на меня, волен молиться так, как ему угодно. А что касается остальных, то не считаете ли вы, что работа прекрасно освещает и очищает людей?

Иезуит, казалось, с минуту раздумывал, потом медленно покачал головой.

— Нет, сударь, я так не считаю. И более того, в ваших словах я узнаю опасную и глупую ересь, насаждавшуюся философами, которые хотели освободиться из-под влияния Церкви.

— Вы из Аквитании, — продолжал он другим тоном. — Люди из вашей провинции в Канаде и Акадии как многочисленны, так и активны. В Пентагуэте барон де Сен-Гастин полностью вытеснил англичан с берегов Пенобскота. Он крестил вождя эчеминов, и индейцы этого района относятся к нему как к одному из своих.

— Да, Гастин мой сосед по Голдсборо. Я знаю и уважаю этого человека, — ответил Пейрак.

— Да, так какие же гасконцы проживают в нашей колонии? — продолжал отец де Жеранде с деланной приветливостью. — Ах, да, этот Вовенар с реки Св. Джона...

— Такой же пират, как и я!

— Согласен! Но он полностью на стороне французов и является лучшим другом губернатора Акадии господина Виль д'Эврея. Па севере у нас мсье де Морсак из Катаракоу. Не говоря уже о нашем горячо любимом губернаторе мессире де Фронтенаке.

Пейрак, спокойно попыхивая своей сигарой, согласно кивал головой в ответ на это перечисление. Даже Анжелика ничего не могла прочесть по выражению его лица. Сквозь блестящие листья дубов, нависавших над скалами, просачивался вечерний свет. Проникая через густую зеленую массу, он тоже приобретал зеленоватый оттенок, от которого их лица казались необыкновенно бледными с глубокими, темными тенями. Река теперь сверкала золотым блеском, который в бухточке сгущался до цвета меди. Благодаря тому что в воде теперь отражалось яркое закатное небо, казалось, что вокруг стало светлее, чем незадолго до этого. Приближался июнь, когда вечера наступают на царство ночи, то время года, когда и животные, и люди уделяют сну только несколько коротких часов. Кто-то положил в костер большие черные грибы, круглые и сухие, похожие на пушечные ядра. Сгорая, они издавали горький характерный запах, благотворное действие которого сказывалось в том, что он отпугивал многочисленных комаров и москитов. Теперь этот запах смешивался с ароматом табака от трубок мужчин, сидевших у костров. Крошечная бухточка, это уютное убежище на Кеннебеке, была полна этими ароматными и туманным и испарениями.

Анжелика то и дело проводила рукой по лбу. Касаясь тяжелых прядей золотых волос, она отбрасывала их назад с влажных висков, чтобы хотя бы на миг ощутить блаженную прохладу. В то же время она бессознательно стремилась стряхнуть с себя охватывающую ее тревогу. Ее взгляд с неотступным интересом следил за обоими мужчинами, она с таким напряженным вниманием вслушивалась в их разговор, что ее губы приоткрылись. Но главным, что привлекало ее скрывалось за ними. Неожиданно отец де Жеранде перешел в наступление:

— Не могли бы вы объяснить мне, мессир де Пейрак, какому случаю следует приписать то, что каждый член вашей колония в Голдсборо является гугенотом, если вы, по вашему уверению, не испытываете никаких враждебных чувств к Церкви?

— Вы правы, отец. Случай, о котором вы упомянули, заключался в том, что однажды, когда я бросил якорь у стен Ла Рошели, горстка приговоренных к заключению в королевскую тюрьму гугенотов спасалась бегством. Я взял беглецов на борт своего корабля, чтобы спасти от того, что показалось мне верной гибелью, когда я увидел, как мушкетеры выхватывают свои шпаги. Не зная, я привез их в Голдсборо, чтобы они оплатили свой переезд освоением моих земель.

— Но почему вы вырвали их из-под эгиды правосудия короли Франции?

— Я и сам толком не знаю, — ответил Пейрак с небрежным жестом и своей обычной сардонической улыбкой. — Возможно, потому, что в библии написано: «Сохрани ты тех, кому назначено умереть!»

— Вы цитируете библию?

— Да, эта фраза встречается в Священном Писании.

— Она, как мне кажется, имеет опасный оттенок иудаизма.

— Мне кажется совершенно очевидным, что библия имеет оттенок иудаизма, — ответил Пейрак со смехом.

И, к величайшему изумлению Анжелики, отец де Жеранде тоже начал смеяться, на этот раз совершенно непринужденно.

— Да, это очевидно, — сказал он, охотно признавая неуместность своего замечания, — но, видите ли, мсье, в наши дни Священное Писание так часто смешивается в умах людей с самой отъявленной ересью, что мы считаем своим долгом относиться с подозрением к каждому, кто необдуманно его цитирует... Мессир де

Пейрак, от кого вы получили хартию, дающую вам права на земли Голдсборо? От короля Франции?

— Нет, отец.

— Тогда от кого же? От англичан залива Массачусетс, которые нагло именуют себя владельцами этих берегов?

Пейрак обошел ловушку.

— Я заключил союз с абенаками и могиканами.

— Но все эти индейцы — подданные короля Франции, большинство из них были крещены, и они не имеют никакого права никогда, ни при каких обстоятельствах вступать в какие бы то ни было союзы без согласования с мессиром де Фронтенаком.

— Пойдите и скажите это им...

В разговор вкралась ироническая нотка. По той манере, с которой граф окутывал себя сигарным дымом, можно было угадать его нетерпение.

— Что же касается моих людей из Голдсборо, то они не первые гугеноты, высадившиеся на этих берегах. Здесь был, например, господин де Монт, присланный королем Генрихом IV.

— Прошлое не имеет значения. Ведь именно сейчас вы находитесь здесь без хартии, без капеллана, без кредо, без поддержки любой из стран, претендующих на эти земли, — и вы один уже владеете большим количеством сторожевых пунктов, факторий и людей, чем все Франция, которая уже так давно здесь обосновалась. И вы один совершенно один, претендуете на владение всем этим, не так ли?

Пейрак сделал жест, который можно было расценить как утвердительный.

— По вашему собственному праву, — повторил иезуит, и его непроницаемые глаза вспыхнули. — Гордость! Гордость! Вот что было непростительным грехом Люцифера. Потому что это неправда, будто он захотел уподобиться Богу; но он заявил, что сам

является источником собственного величия, которое приписывал своему уму. Таково ваше кредо?

— Я не решаюсь уподобить свое кредо взглядам столь устрашающей фигуры.

— Вы уклоняетесь, мессир. Он, пытавшийся достигнуть Знания самостоятельно, без всякой помощи и ради своей собственной славы, к чему он пришел! Как ученик колдуна он утратил контроль над Знанием и вызвал разрушение Вселенной.

— И Люцифер, и злые ангелы пали вниз в потоке звезд, — пробормотал Пейрак. — А теперь они и их тайны смешались с землей, они стали крошечными ухмыляющимися гномами и гоблинами, которых люди встречают на дне шахт и рудников, где эти создания охраняют золото и серебро... Вы должны знать, отец, — ибо, вне всякого сомнения, вы изучали тайны Кабаллы — какое имя дали немецкие философы легионам демонов, состоящих из этих маленьких троллей, гномов и духов земли.

Священник напрягся и бросил на противника пронзительный взгляд, в котором можно было прочесть одновременно и вызов к бою, и признание того, что они оба связаны посвящением в общие тайны.

— Я прекрасно улавливаю ход ваших рассуждений, — неторопливо и задумчиво ответил он. — Мы все слишком медленно забываем о том, что некоторые имена, которые мы употребляем теперь в нашем повседневном языке, когда-то служили для обозначения орд дьявольских сил. Так, духи Воды, ундины, образовали легионы Похотливых. Духи Воздуха, сильфы, были легионами Лени. Духи Огня, символизировавшиеся саламандрами и блуждающими огоньками, были когортами Ярости. А духи Земли, гномы, были известны как...

— Мятежники, — ответил Пейрак с улыбкой.

— Истинные сыны Дьявола, — пробормотал иезуит.

Глаза Анжелики в смущении перебегали от одного участника этого странного диалога к другому.

Поддавшись внезапному порыву, она положила руку на запястье мужа, желая предупредить его и предостеречь.

Предупредить! Удержать его... Здесь в самом сердце Америки, в глубине ее девственных лесов, она внезапно столкнулась с той самой угрозой, которая когда-то восстала перед ними в их тулузском дворце. Инквизиция! А Жоффрей де Пейрак улыбался такой же сардонической улыбкой, еще более подчеркиваемой шрамами, сохранившимися на его лице.

Иезуит поймал взгляд Анжелики.

Скажет ли он завтра, вернувшись в свою индейскую миссию: «Да, я их видел! Они и в самом деле таковы, как нам их описывали. Он — опасный, коварный, неуловимый человек, а она прекрасна и чувствительна, как Ева, и все ее движения полны странной, несравненной грации...»

Скажет ли он: «Да, я видел, как они стояли у реки, отражаясь в голубых водах Кеннебека. Они стояли под деревьями; он был высоким, суровым и язвительным, а она была ослепительна; они опирались друг на друга, как мужчина и женщина, связанные каким-то союзом...» «Ах, но что это может быть за союз?» — скажет он, содрогнувшись, отцу д'Оржевалю...

И его конечности снова жалко задрожат от болотной лихорадки, которая так часто терзает миссионеров... «Да, я их видел и провел с ними много времени, и сделал то, что вы мне велели, — прослушал сердце этого человека... Но теперь я устал и изнемог».

— Вы пришли сюда за золотом? — спросил иезуит размеренным голосом. — Золото вы нашли! Вы пришли сюда, чтобы подчинить все эти чистые земли идолу золота.

— До сих пор меня еще не разу не обвиняли в идолопоклонстве! — с веселым смехом ответил ему Пейрак. — Разве вы не помните, отец, что 150 лет тому назад монах Трифейм учил в Праге, что золото представляет душу первого человека?

— Но он также установил, что золото содержится в субстанциях Греха и Зла, — с живостью ответил иезуит.

— И, однако, богатство дает власть, которая может послужить Добру. Ваш орден сознает это с первых дней своего основания, как нас кажется, ибо он самый богатый, орден в мире.

И, как он уже делал несколько раз до этого, отец де Жеранде резко сменил тему:

— Если вы француз, то почему же вы не враг англичан и ирокезов, которые пытаются погубить Новую Францию?

— Ваши ссоры уходят корнями в такое далекое прошлое, что я просто не в состоянии установить, кто из вас прав. Я постараюсь сделать все, что будет в моих силах, чтобы установить хорошие отношения со всеми. И кто знает, может быть, мне даже удастся наладить мир.

— Вы можете причинить нам огромный вред, — ответил молодой иезуит сдавленным голосом, в котором Анжелика уловила искреннее огорчение. — О, почему, — воскликнул он, — почему вы не воздвигаете Крест?

— Это эмблема конфликта.

— Многие преступления были совершены во имя золота.

— И во имя Креста тоже, — ответил Пейрак, сурово посмотрев на священника.

Иезуит поднялся во весь рост. Он так побледнел, что пятна солнечных ожогов на лице казались теперь свежими кровоточащими ранами.

На его тонкой шее, вздымающейся над белыми лентами, — единственным украшением его черной сутаны — бурно пульсировала синяя жилка.

— Наконец-то я услышал от вас ваше кредо, мессир, — последовал его резкий ответ. — Тщетно вы пытались уверить меня, что питаете к нам самые дружеские чувства. Каждое слово, срывавшееся с ваших губ, было окрашено тем отвратительным духом мятежа, который характерен для еретиков, с которыми вы связаны, — то же неприятие вечных символов благочестия, недоверие к открываемым истинам, безразличие к триумфу Истины! И вас мало заботят то, что вместе с Католической Церковью с лица земли исчезнет самый образ Слова, ставшего плотью, и тьма окутает человеческие души!

Граф тоже встал и снисходительным, даже несколько сострадательным, жестом положил руку на плечо молодого иезуита.

— Прекрасно! — сказал он. — А теперь, отец, послушайте меня и позвольте мне быть уверенным в том, что вы точно передадите мои слова человеку, который послал вас сюда. Если вы пришли ко мне просить, чтобы я не проявлял к вам враждебности, чтобы я помог вам во время голода и бедствий, то я сделаю это, как делал и раньше, с тех пор, как высадился на этих берегах. Но если вы пришли ко мне просить, чтобы я ушел отсюда вместе со своими гугенотами и пиратами, то я отвечу вам: НЕТ! И если вы пришли ко мне, чтобы просить помочь вам вырезать англичан и сражаться с ирокезами просто из принципа, без всякого повода с их стороны, отвечу вам: НЕТ! Я не ваш человек, я не подчиняюсь никому. У меня нет лишнего времени, которое я мог бы тратить впустую, и я считаю совершенно бесполезным переносить в Новый Свет все метафизические споры Старого Света.

— Это ваше последнее слово?

Их взгляды встретились.

— Несомненно, последнее слово будет не за мной, — с улыбкой пробормотал де Пейрак.

— Нет, за вами!

И иезуит резко зашагал под сводами деревьев.

Глава 2

— Это объявление войны? — спросила Анжелика, взглянув на мужа.

— Мне кажется, да.

Он улыбнулся и, положив руку на голову Анжелики, медленно погладил ее волосы.

— Но это только прелюдия. Мы должны обсудить все с отцом д'Оржевалем, и я попытаюсь это устроить. А тогда... Ну что ж, каждый день будет укреплять нашу победу. «Голдсборо» должен уже вернуться из Европы, и, кроме того, у меня есть несколько хорошо вооруженных прибрежных судов из Новой Англии и новое подкрепление из наемников. Если потребуется, я отправлюсь со своим флотом прямо в Квебек, но следующую зиму и намерен провести в полном спокойствии и комфорте, клянусь вам в этом. В конце концов, как бы враждебны и непримиримы по отношению к нам они ни были, это же всего-навсего четыре иезуита на территории, которая больше Франции и Испании, вместе взятых.

Анжелика задумалась. Несмотря на оптимизм и успокаивающие рассуждения графа, ей все-таки казалось, что битва будет вестись в такой плоскости, где количество людей и их вооружение будут очень мало значить по сравнению с таинственными, не имеющими названия силами, которые будут направлены против них.

И она чувствовала, что он ощущает то же самое.

— Почему, о, почему вы говорили с ним обо всей этой чепухе? — жалобно сказала она.

— Какой чепухе, любовь моя?

— Все эти рассуждения о маленьких демонах на дне шахт и теории какого-то монаха из Праги...

— Я пытался говорить с ним на его собственном языке. У него хорошая голова, и он прирожденный ученый. Он наверняка имеет целую охапку степеней — и бакалавра, и доктора; его голова забита всеми сведениями, которыми могут похвалиться на сегодняшний день теология и оккультные науки. И что только он собирается делать в Америке?.. Дикари расплатятся с ним по-своему.

Пейрак, по-видимому сохранявший хорошее расположение духа, поднял глаза к темному своду листвы, где хлопала крыльями какая-то невидимая птица. Наступила ночь, глубокая, бархатная ночь, темноту которой прорезали бивуачные огни. Сквозь ветви донесся чей-то голос, сзывающий всех к ужину.

Потом в наступившей вслед за этим тишине вдруг резко вскрикнула птица, так близко от них, что Анжелика вздрогнула.

— Сова, — сказал Жоффрей де Пейрак, — колдовская птица.

— О! Любовь моя, пожалуйста, не надо, — воскликнула она, обхватив графа руками и спрятав лицо в его кожаном камзоле. — Вы пугаете меня!

Он ласково засмеялся и нежно, но страстно погладил ее шелковистые волосы. Ему хотелось сказать ей что-нибудь, разъяснить смысл их разговора с иезуитом. Но неожиданно понял, что в этом нет никакой необходимости, потому что он и Анжелика чувствовали и сознавали одно и то же на каждой стадии этого разговора. Оба они знали, что этот визит был не чем иным, как объявлением войны. Возможно также, что он должен был обеспечить предлог для нее.

С необыкновенным искусством, свойственным членам этого ордена, молодой иезуит заставлял его сказать гораздо больше, чем он хотел. Следует признать, что иезуиты знают, как обращаться с человеческими натурами. Кроме того, они имеют

оружие другого рода, совсем особое, силу которого Жоффрей не мог полностью сбросить со счета.

Веселое настроение Жоффрея де Пейрака улетучилось почти незаметно для него самого, и каким-то непостижимым образом он почувствовал, что все его тревоги сосредоточились на жене.

Он крепче прижал ее к себе.

Каждую ночь, каждый день он ощущал эту потребность прижимать ее к себе, обвивать руками, чтобы чувствовать уверенность, что она действительно здесь, рядом с ним, и ничто не может повредить ей, разорвать этот защитный круг его рук.

Ему хотелось заговорить с ней, но, побоявшись, что его беспокойство может ей передаться, он решил промолчать.

Он только сказал:

— Мне недостает маленькой Онорины, а вам?..

Она кивнула склоненной головой, сильнее прижимаясь к нему в ответ на нежность, прозвучавшую в его словах. Немного погодя она спросила:

— Но ведь она в безопасности в Вапассу, правда?

— Да, любовь моя, она в безопасности, — ответил он.

Глава 3

Отец де Жеранде устроился на ночлег со своими индейцами и, когда ему передали приглашение разделить пищу белых, отказался.

Он отбыл на рассвете, даже не попрощавшись, что для человека его воспитания было выражением высшей степени неуважения.

Только одна Анжелика заметила его, когда он нес свой багаж к лодке на другой стороне бухточки. Вокруг вытащенных на берег пирог томно разгуливали несколько индейцев. Над землей висел утренний туман, поднимаясь до вершин деревьев, но он был такой прозрачный, что можно было разглядеть фигуры людей и даже их отражение в воде. В тусклом свете утра начинали блестеть тяжелые капли росы, и еще не видимое солнце уже стало бороться с последними ночными туманами.

Анжелика мало спала в эту ночь, несмотря на то, что их палатка была совсем не лишена удобств: если постель из сосновых веток, устланных мехами, была не самой мягкой из тех, на которых ей доводилось спать, то можно было смело сказать, что она знавала постели и похуже. Но события предыдущего вечера выбили ее из колеи, оставив чувство неприятной настороженности.

Теперь она стояла, наслаждаясь прохладой раннего утра, перед небольшим зеркальцем, укрепленным на ветви, и расчесывала свои длинные волосы, одновременно размышляя о том, что она должна найти какой-то способ смягчить сердце этого иезуита и хотя бы частично снять напряжение, которое делало его похожим на тугу натянутой, готовый к битве лук.

И тут она увидела его, почти готового к отплытию, и после недолгого колебания, отложив щетку и гребень, перекинула волосы за плечи.

Накануне вечером, когда иезуит разговаривал с мужем, у нее все время вертелся на языке один вопрос, но она так и не смогла выбрать подходящий момент по ходу этого серьезного разговора, полного тайного смысла и угрожающих намеков, чтобы задать его.

Но ей определенно хотелось получить ответ, поэтому она решила сейчас.

Приподнимая юбки, чтобы не коснуться угасших углей и горшков с жиром, которые валялась по всему лагерю, она прошла через обычный беспорядок, оставленный индейцами, и направилась по тропинке, идущей по краю бухточки; наконец, вспугнув двух рыжих собак, которые грызли внутренности оленя, она добралась до священника, уже собиравшегося отплыть со своими жалкими пожитками.

Он уже несколько минут как заметил ее, неожиданно возникшую из тающего золотистого утреннего тумана. Тот же самый блеск, который загорался на влажных листьях, играл и на ее струящихся белокурых волосах.

Отец де Жеранде принадлежал к людям хрупкого телосложения и часто в первые мгновения после сна он чувствовал, что ум пуст и притуплен. Потом к нему постепенно возвращалось воспоминание о Боге, и он начинал молиться. Но ему всегда требовалось некоторое время для того, чтобы прийти в себя и поймать обрывки своих мыслей, связав их воедино. Увидев приближающуюся Анжелику, он сначала не узнал ее и с беспокойством стал себя спрашивать, кем могло быть это видение.

Потом с ощущением, похожим на удар кинжала, он вспомнил, что это ОНА, графиня де Пейрак. Несмотря на его внешнюю бесстрастность, она ясно почувствовала,

как он внутренне вздрогнул от страха и отвращения, и как напряглось все его существо.

Она улыбнулась, пытаясь вызвать ответную улыбку на этом молодом каменном лице.

— Отец! Вы уже покидаете нас?

— Меня вынуждают мои обязанности, мадам.

— Отец, мне хотелось бы задать вам один вопрос, который давно меня интересует.

— Я слушаю вас, мадам.

— Не могли бы вы сказать мне, какие растения использует отец д'Оржеваль для изготовления своих зеленых свечей?

Иезуит явно ожидал чего угодно, но только не этого. Он был до такой степени захвачен врасплох, что даже утратил самообладание. Сначала он попытался найти в словах Анжелики какой-нибудь тайный смысл, потом, уяснив, что дело носит действительно практический, домашний характер, растерялся. На какое-то мгновение ему показалось, что она издевается над ним, и кровь бросилась ему в голову, однако он овладел собой и сделал отчаянную попытку припомнить подробности, необходимые для точного ответа.

— Зеленых, свечей? — пробормотал он.

— Говорят, что его свечи просто великолепны, — продолжала Анжелика, — и дают восхитительный белый свет. Насколько я понимаю, их готовят из каких-то ягод, которые собирают в конце лета индейцы, но я была бы очень обязана вам, если бы вы сказали мне хотя бы название кустов, на которых они растут — ведь вы так хорошо знаете местные языки...

— Нет, боюсь, что я не смогу... Я никогда не обращал внимания на свечи...

«Бедняга совершенно лишен практической сметки», — сказала она себе. Он живет в мире, созданном его собственным воображением. Но он гораздо больше нравился ей таким, чем когда прятался за латы

мистического воителя. Ей показалось, что она нашла точку для взаимного контакта.

— Это не так уж важно, — сказала она вслух. — Не смею задерживать вас, отец.

Он ответил ей сдержанным кивком.

Она наблюдала за тем, как он легко соскользнул в индейскую пирогу — с проворством, говорившим о длительной практике. Он не задел «ни песка ни камня», как любил наставлять своих миссионеров отец Бребу. Тело отца де Жеранде приспособилось к тяготам примитивной жизни, но его ум никак не мог смириться с ее невыносимым беспорядком. «Ему не справиться с дикарями», — сказал Пейрак. Ему не справиться и с Америкой. Это длинное худое тело с хребтом, торчащим сквозь поношенную сутану, будет замучено. Все они умирают смертью мучеников.

Отец де Жеранде в последний раз взглянул на Анжелику, и то, что он прочел в ее глазах, вызвало у него сардоническую усмешку.

Он постарался защититься иронической фразой от той непонятной жалости, которую, как он чувствовал, она испытывала к нему.

— Если вы так желаете получить ответ на тот вопрос, который вы мне задали, мадам, то почему бы вам не спросить об этом у самого отца д'Оржеваля?.. Почему бы вам не повидаться с ним в Норриджевуке?

Глава 4

Три небольших суденышка с раздуваемыми ветром парусами спускались вниз по Кеннебеку. На последнем привале весь багаж был перенесен из индейских пирог в более крупные и комфортабельные лодки, построенные и оборудованные тремя людьми графа де Пейрака. Перезимовав на фактории голландца, они вернулись на маленький серебряный рудник, основанный графом в прошлом году. У него повсюду были свои люди и союзники, и незаметно весь Рассветный Восток оказался опутанным сетью его поселенцев и рудознатцев.

Жан Ле Куеннек, проводив Флоримона де Пейрака до озера Шамплена вместе со всей экспедицией Кавелье де Саля, успел вернуться как раз вовремя для того, чтобы снова занять место возле графа де Пейрака, собиравшегося в путешествие к Атлантическому побережью. Он принес хорошие вести о старшем сыне графа, хотя и считал, что экспедиция по Миссисипи вряд ли будет успешной из-за трудного характера ее руководителя француза Кавелье.

Небольшое деревянное суденышко, которое могло похвастаться только двумя парусами, вряд ли вмещало больше пассажиров, чем индейские пироги, которые обладали просто фантастическим свойством увеличиваться в размерах, когда нужно было принять на борт большое количество человек; но зато оно было более комфортабельным.

Жан Ле Куеннек возился с парусами, а граф был занят Анжеликой, которая сидела рядом с ним.

Теплый порывистый ветерок играл ее волосами, и она чувствовала себя совершенно счастливой. Она отчетливо ощущала, что плывущая по течению лодка

находится в полной гармонии с самой сокровенной сутью человеческой души, олицетворяя собой свободу, переменчивость и в то же время контроль и самообладание, несмотря на пьянящее чувство временного избавления от земных случайностей. Река была очень широкой, и ее берега казались далекими и туманными.

Она была рядом с Жоффреем, и все ее существо наполнилось чувствами, одновременно и спокойными, и удивительно острыми. После Вапассу, после того, как они выиграли битву с зимой, она перестала терзаться противоречивыми чувствами. Она была счастлива. Ничто больше не могло нарушить спокойный ход ее жизни. Единственным, что имело значение для нее, было сознание того, что он рядом с ней и она теперь достойна его любви. Он сам сказал ей это на берегу Серебряного озера, когда над вершинами деревьев вспыхнуло полярное сияние. Она была его подругой, она была воплощением желаний его великого сердца и его не знавшего удержу духа она, так мало знавшая, она, так долго скитавшаяся по свету безвольно, беспомощно и бесприютно. Теперь она действительно принадлежала ему. Они осознали родство своих душ, она и этот устрашающе мужественный, сильный, всегда готовый к любым битвам, удивительный, ни на кого не похожий человек. Теперь они были связаны воедино, и ничто на свете не могло разорвать эти узы.

Время от времени она смотрела на него, впитывая его образ: загорелое, прочерченное шрамами лицо, сведенные брови, которые прикрывали глаза от ослепительного блеска воды. Сидя рядом с ним так, что их колени соприкасались, но не притрагиваясь к нему и не обмениваясь ни одним жестом, она с такой силой ощущала свое физическое единение с ним, что у нее то и дело вспыхивали щеки. Тогда он бросал на нее непонятный, почти небрежный взгляд.

Он видел плавные линии ее профиля и нежный изгиб покрытых пушком щек, которые ласкали золотые локоны, раздуваемые ветром. Весна оживила ее; фигура снова приобрела округлость и мягкость, и к ней снова вернулась та звериная грация, которая сквозила в каждом движении и даже в неподвижности.

В ее глазах сияли звезды; мягкие, влажные, полуоткрытые губы блестели.

Неожиданно, после того как они обогнули крутой изгиб реки, перед ними открылась небольшая пристань у опустевшей деревни. Индейцы что-то крикнули с одной из лодок.

Жоффрей де Пейрак показал на деревья, краски которых били приглушены знойным маревом.

— Вот это, — сказал он, — Норриджевук... миссия...

Сердце Анжелики отчаянно забилося, однако она собрала всю свою решимость, понимая в глубине сердца, что они не должны покидать этот район, не попытавшись встретиться с отцом д'Оржевалем лицом к лицу и не попросив с помощью дипломатии уничтожить все трудности и недоразумения, вставшие между ними.

Пока лодки, наклонившись набок, направлялись к берегу, она потянулась к своему саквоюжу из мягкой кожи, где хранила немногочисленные принадлежности.

Людам из французского дворянства, не подобал встречаться со столь грозным иезуитом в одежде, которая могла показаться небрежной или неряшливой.

Она тщательно прибрала свои волосы под накрахмаленным, но подобающим случаю чепчиком и дополнила впечатление широкополой фетровой шляпой с красными перьями. Присутствие этого пламенного цвета также было необходимо. Разве она не бывала в Версале и не была представлена королю? Ей нужно было напомнить об этом гордому церковнику, который имел обыкновение довольно пространно

распространяться о своих связях при дворе, чтобы произвести впечатление на окружающих.

Потом она набросила накидку с длинными рукавами, которую сама изготовила в форте из голубой лимбургской ткани, и украсила ее кружевным воротником и манжетами.

Лодка причалила к берегу, и Жан, ухватившись за свисающую ветвь, вытащил Анжелику на песок.

Чтобы не позволять жене замочить башмачки и край юбки, Пейрак поднял ее на руки и перенес на берег, ободряя при этом улыбкой.

Берег был пустынен. По краю тянулись заросли сумаха, над которыми возвышались высокие стройные вязы. Обитатели, по-видимому, покинули дереvушку несколько лет назад, потому что все окрестности успели густо зарости боярышником и шиповником.

Один из индейцев сообщил, что миссия расположена гораздо глубже в лесу.

— Мы просто должны поговорить обо всем с этим трудным человеком, — проворчал Пейрак.

— Да, должны, — согласилась Анжелика хотя и испытывала крайнее замешательство и тревогу. Бог не допустит, чтобы они покинула это место, не заручившись обещанием мира.

По мере того как они продвигались вперед, вытянувшись гуськом по узкой тропинке, прорезавшей чащу кустарника, запах шиповника казался все сильнее и навязчивее.

Когда река скрылась из виду, ветер утих и жара нависла над ними всей своей неподвижной тяжестью. Аромат цветов и пыльцы казался им гнетущим, их охватило какое-то лихорадочное возбуждение, смутная тоска, причин которой они сами не понимали.

Двое испанцев возглавляли колонну, двое других прикрывали тыл. Несколько вооруженных людей остались охранять лодки.

Тропинка вилась через, лес, то сужаясь, когда ей приходилось прокладывать путь через густой кустарник, то снова становясь шире, когда перед ней вставали рожицы вишневых деревьев или орешника.

Они шли уже около часа, когда в самых густых зарослях до них вдруг донесся звук колокола. Его чистый звон разносился по всему лесу, рассыпаясь чередой быстрых, певучих ударов.

— Это колокол часовни, — сказал один из остановившихся в удивлении путников. — Должно быть, она где-то недалеко.

И колонна из Вапассу снова двинулась вперед. До них уже начал долетать запах, говорящий о близости жилья, запах табака и пищи на огне, жареного сала и разваренного маиса.

Никто не вышел им навстречу, и это было крайне удивительно, если учесть обычное любопытство краснокожих, которые всегда стремятся не пропустить любое, даже самое обычное зрелище.

Колокол прозвучал снова и замолк. И неожиданно перед ними открылась маленькая деревушка — двадцать круглых вигвамов с крышами из березовой и вязовой коры. Их окружали крошечные огороды, где зрели тыквы, свисающие с длинных вьющихся стеблей. В разных местах что-то клевали несколько ободранных куриц, но, не считая их, селение было совершенно пустынно.

Посетители вышли на главную улочку в тишине, которая казалась почти осязаемой...

Испанцы опустили дула своих тяжелых мушкетов на деревянные рогульки, чтобы иметь возможность стрелять при любом подозрительном движении. Их глаза настороженно оглядывали все вокруг.

Они держали рогульки в левой руке, а указательные пальцы правой покоились на спуске ружья. Они так и продвигались вперед, крепко зажав под мышкой

приклады мушкетов, пока вся процессия не добралась до дальнего конца деревушки, где находилась часовня отца д'Оржеваля.

Глава 5

Окружённая цветущими кустами и похожая на уличный алтарь часовня была изящным деревянным строением, созданным отнюдь не посредственным ремесленником. Тот факт, что отец иезуит воздвиг ее собственными руками, имел широкую известность.

Над главной частью здания возвышалась колокольня, где еще вибрировал серебряный колокол.

Жоффрей де Пейрак молча шагнул вперед и открыл дверь.

И почти сразу же они были ослеплены ярким, мерцающим светом. Внутри часовни горело бесчисленное множество свечей. Шелест производил странное впечатление, словно говоря о чем-то скрытом присутствии. Тем не менее здесь никого не было, лишь пляшущий свет зеленых свечей, развевающий все тени.

Четыре серебряных канделябра стояли парами по обе стороны главного алтаря, к которому направились Жоффрей де Пейрак и Анжелика.

Над их головами висела лампа в ажурной оправе из позолоченного серебра в сочетании с малиновым стеклом. В ней было немного масла, в котором плавал длинный зажженный фитиль.

— Святое причастие, — пробормотала Анжелика, перекрестившись.

Граф снял шляпу и склонил голову. Свежий аромат наполнял воздух, согретый теплом горящих свечей.

По обе стороны алтаря были выставлены различные ризы и облачения, сверкающие шелком и золотом, с вышитыми ликами святых и ангелов, торжественные и роскошные; «платья света», как прозвали их индейцы, сильно завидовавшие из-за них священникам.

Знамя тоже было здесь, и они впервые увидели его — испятнанное сердцами по углам и мечом, пересекающим наискось шелковое полотнище, на котором остались следы битв.

Рядом с дарохранительницей, над которой стояло великолепное серебряное распятие для процессий, были выставлены необыкновенно красивые священные сосуды, реликварии и расшитые серебром антимины.

Один из реликвариев, дар королевы-матери, был древним произведением искусства — небольшой ларец из горного хрусталя, перевитый шестью золотыми лентами, унизанными попеременно рубинами и жемчужинами. Говорили, что в нем лежит осколок стрелы, которой был убит Св. Себастьян.

На самом алтарном камне лежало нечто, что они не могли определить, пока не подошли вплотную и не увидели: мушкет. Длинный, сверкающий, красивый атрибут войны лежал на алтаре как жертвоприношение, вернее — как категорическая декларация.

Они оба вздрогнули и будто услышали молитву, которая так часто слетала здесь с губ человека, владевшего этим оружием: «Прими, о Господи, искупление грехов наших, кровь, которую мы проливаем для Тебя... Нечистую кровь еретиков, кровь принесенных в жертву индейцев и мою собственную кровь, пролитую для Тебя, для славы Твоей, для вящей славы Твоей... Прими, о Господи, тяготы и муки войны, чтобы воцарилось Правосудие и враги Твои были стерты с лица земли. Да будут сокрушены идолопоклонники, не знающие Тебя, еретики, оскверняющие Тебя, и равнодушные, игнорирующие Тебя. Да останутся в живых только те, кто служит Тебе, да придет Царство Твое, да будет чтиться имя Твое! Я, Твой слуга, возьму в руки оружие и отдам свою жизнь ради вящей славы Твоей, ибо Ты для меня — все».

Эта страстная, неистовая молитва с такой отчетливостью прозвучала в их сердцах, что Анжелика почувствовала, как в ее душу заползает странный ужас.

Она понимала его. Она очень хорошо понимала, что этот человек должен считать Бога единственным существом, которого только и нужно принимать в расчет.

Будет ли он бороться за свою собственную жизнь?.. Что за насмешка! Чтобы защитить свою собственность? Как это ничтожно!

В ее сердце заговорила кровь крестоносцев, ее предков. Она понимала, из какого источника утоляет и вновь и вновь черпает свою жажду мученичества и жертвоприношения человек, положившим здесь оружие.

Она мысленно увидела его, со склоненной головой и закрытыми глазами, отрешенного от своего жалкого истерзанного тела. Здесь он превозносил тяготы войны, жестокость сражения, когда оружие ломается от слишком большого количества ударов; триумфы побед, их радости и гордость, благодаря ангелов и святых за силу и доблесть воинов...

«Мушкет Святой Войны, верный, слуга, бодрствуй здесь, у ног Короля Королей, пока не придет время тебе прогреметь в Его честь! Благословенное оружие, освященное и очищенное тысячу раз, прекрасное именем Того, кому ты служишь и кого ты защищаешь, неси стражу и молись, и да не одолеют тебя те, кто увидит тебя!

Пусть те, кто увидит тебя сегодня, поймут твое значение и то послание, которое я прокричал им через тебя!»

У Анжелики перехватила горло.

«Это ужасно, — подумала она. — На его стороне ангелы и святые, а на нашей...»

Она в смятении взглянула на стоящего рядом с ней мужа, и в ее сердце сразу же сложился ответ.

«А с нами... а с нами Любовь и Жизнь...»

На лице Жоффрея де Пейрака — изгнанника и искателя приключений — в пляшущем свете свечей, казалось, можно было увидеть выражение горечи и насмешки.

Однако граф сохранил бесстрастие. И не хотел пугать Анжелику, не хотел придавать этому инциденту его истинное мистическое значение; но он тоже понимал, о чем говорил выставленный на обозрение мушкет.

Такая сила! Такое признание! Между тобой и мной — навсегда война, беспощадная война.

Между ним, одинокой душой, и между ними, благословленными любовью, — война... вечная война!

И, вне всякого сомнения, там в лесу этот воинственный священник воочию видел их своим мысленным взором, этот иезуит, он мог представить их, выбравших восторги этого мира, эту чету, стоящую перед знаком креста так, что их руки почти соприкасались, готовые соединиться и действительно соединялись в тишине...

Теплая рука Пейрака сжала холодные пальцы Анжелики, потом он снова склонился перед дарохранительницей, медленно отступая назад, и повел жену прочь из этой сверкающей, пропитанной ароматом часовни, варварской, таинственной, обжигающей и неистойвой...

Оказавшись снаружи, они вынуждены были остановиться, чтобы снова привыкнуть к солнечному свету, прийти в себя и вновь вернуться в этот мир с его белым солнцем, жужжащими насекомыми и деревенскими запахами.

Испанцы все еще оставались настороже, их не покидало чувство тревоги...

«Где он? — подумала Анжелика. — Где он?»

И она взглядом поискала его за кустами и трепещущими деревьями, разомлевшими от жары, посветлевшими от тонкой, танцующей в воздухе пыли.

Граф де Пейрак подал знак, чтобы вся компания отправилась в обратный путь.

Когда они уже прошли половину расстояния до реки, начал накрапывать дождь, нежно что-то забормотавший в листве.

К этому шелесту присоединился отдаленный звук барабана.

Они прибавили шагу, но к тому времени, когда они добрались до лодок, река уже вспенилась неожиданным ливнем, а берега ее стали почти неразличимы.

Но это был лишь короткий летний ливень, и вскоре вновь показалось солнце на фоне омытого дождем пейзажа, еще более яркое, чем прежде, и паруса лодок весело надулись от ветра.

Лодки снова тронулись в путь в сопровождении целой флотилии из индейских пироги, спускавшихся по течению вниз, чтобы продать там свои товары, и вскоре Норриджевук исчез за мысом, поросшим кедрами и огромными, темными, стоящими плотной стеной дубами.

Глава 6

На следующей остановке, когда все были заняты устройством лагеря, Анжелика увидела бегущую индейскую женщину, которая несла на голове нечто странное. Она послала кого-то догнать ее, и та, вернувшись, с готовностью показала непонятный предмет, который оказался огромным караваем пшеничного хлеба. Она купила его сегодня в фактории голландца за шесть шкур черных выдр, получив там же пинту коньяка за двух серебристых лисиц. Сейчас она возвращалась в свой лагерь, где у нее еще были меха. Она сказала им, что фактория голландца ведет оживленнейшую торговлю.

Эта фактория возвестила о своей близости аппетитным запахом свежесыпеченного хлеба. Индейцы страшно обожали пшеничный хлеб, и весь меновой сезон помощник торговца был занят тем, что без усталости засовывал партии хлебов в огромную кирпичную печь.

Фактория была выстроена на острове в надежде, возможно и тщетной, что это спасет ее от участи предыдущих, которые в течение последних пятидесяти лет располагались вокруг большой деревни Хаусснок под тем или иным предлогом.

Сам Хаусснок тоже уже не заслуживал права называться городком или большим селением. От него осталось только название да привычка, заставлявшая кочевые племена останавливаться здесь на пути к югу.

С этого места, где река уже ощущала воздействие приливов, они, в сущности, добирались до устья Кеннебека, и, несмотря на прозрачную чистоту его вод, многое говорило о близости моря.

Влажный воздух имел характерный соленый привкус. Здешние индейцы, вавеноки и канибасы, натирались салом тюленей, на которых охотились зимой у берегов Атлантики. Вдобавок пахло рыбой и невыделанными мехами. Так что фактория была наполнена сложной симфонией запахов, которая вряд ли пришлась бы по вкусу людям с тонким обонянием. Но Анжелика давно перестала обращать внимание на такие мелочи, и лихорадочное оживление, когда река вокруг острова чернела от лодок, показалось ей благоприятным знаком, обещающим множество разнообразных товаров.

Едва ступив на остров, все начинали обмен. К Жоффрею де Пейраку сразу подошел человек, который, как оказалось, знал его, и стал разговаривать на странном языке.

— Пойдем-ка, — сказала Анжелика маленькой английской девочке Роз-Анн, — раздобудем что-нибудь попить. По-моему, здесь можно найти холодное пиво.

Они достаточно хорошо объяснялись друг с другом, так как несколько последних месяцев Анжелика старательно совершенствовалась в английском с помощью какого-нибудь случайного наставника вроде Кантора. Кроме того, ее подопечная не отличалась разговорчивостью; ее бледное личико всегда сохраняло выражение мечтательной благопристойности, совершенно несвойственной ее возрасту. Иногда у нее бывал отсутствующий, почти туповатый взгляд.

Но она была милым ребенком: покидая Вапассу, Роз-Анн без колебаний оставила Онорине свою куклу, которую так искусно прятала в лифе платья от глаз индейцев, когда те захватили ее вместе с родителями и она оказалась на грани смерти.

Онорина пришла в восторг от подарка; с этой дивной игрушкой и своим ручным медведем ей будет легче дожидаться возвращения матери.

Анжелика пожалела, что Онорина не сопровождает их. Малышке так понравилась бы суэта фактории в разгар менового сезона.

Голландец, хозяин фактории и агент «Массачусетс Бей Компани», царил посреди двора. С мушкетом в руке он измерял груды бобровых шкур.

Анжелика и Роз-Анн прошли в лавку. Несмотря на то что сюда постоянно сновали многочисленные индейцы, занятые торговлей, комната оставалась чистой и прибранной, что свидетельствовало о незаурядной энергии ее хозяина.

Справа стоял длинный прилавок, уставленный разнообразными весами, коробками и различными мерами для продажи бус и мелких скобяных изделий.

Над прилавком тянулись вдоль стены несколько деревянных полок с самыми разными товарами, среди которых Анжелика успела заметить одеяла, шерстяные колпаки, рубашки и белье, коричневые и белые сигареты, специи и галеты. Были здесь и бочонки с горохом, фасолью, черносливом, солониной и копченой рыбой.

В огромном кирпичном очаге, окруженном кухонной утварью, горел слабый огонь, на котором кипело скромное варево для хозяина и его помощников.

По карнизу очага был расставлен ряд пивных кружек и оловянных бокалов для покупателей, которые желали попробовать пива, стоявшего в большой бочке, сразу же привлекавшей внимание. С ее краев свешивались объемистые ковши, так что желающие могли обслужить себя на славу. Часть комнаты была оборудована, как таверна с двумя огромными деревянными столами, вокруг которых были расставлены массивные деревянные табуреты. Несколько перевернутых бочек могли служить при необходимости сиденьями, а иногда давали приют тем, кто любил пить в одиночестве. Сейчас здесь сидели

несколько групп людей, окутанных облаками табачного дыма.

Когда в комнату вошла Анжелика, никто не шелохнулся, но все головы неторопливо повернулась в ее сторону и у всех загорелись глаза. Поздоровавшись, она взяла с карниза два бокала; ей нестерпимо хотелось выпить холодного пива.

Чтобы добраться до бочки, ей пришлось побеспокоить индейского вождя, который, закутавшись в расшитый плащ, мечтательно попыхивал трубкой на конце одного из столов.

Она обратилась к нему на языке абенаков со всем уважением, подобающим для человека его ранга. О его высоком положении говорили орлиные перья, воткнутые в заплетенные на затылке черные волосы.

Индеец сразу же вышел из задумчивости, взгляд его стал ясным и острым, и он быстро вскочил на ноги. Какое-то мгновение он с удивлением и восторгом рассматривал ее, а затем, приложив руку к сердцу, выставил вперед правую ногу и отвесил ей самый безупречный придворный поклон.

— Мадам, как мне заслужить ваше прощение? — ответил он на великолепном французском языке. — Я никак не ожидал такого видения. Позвольте мне представиться: Жан-Винсент д'Аббади, сеньор Расдака и других имений барон Сен-Гастин лейтенант короля в крепости Пентагуэт и управляющий его владениями в Акадии.

— Барон, я в восторге от встречи с вами. Я так много о вас слышала.

— И я тоже, мадам... Нет, вам не нужно называть себя. Я сразу узнал вас, хотя никогда не видел прежде. Вы — прекрасная, самая прекрасная из всех женщин, мадам де Пейрак? И хотя я много раз слышал о том, как вы прекрасны, действительность превзошла все мои ожидания... Вы приняли меня за индейца? Как мне

оправдать мою невежливость? Увидев вас перед собою так внезапно и поняв, что это вы, я был совершенно ошеломлен, повержен, парализован, как все смертные, на долю которых выпадает счастье принимать у себя богиню, вдруг решившую из-за каприза посетить их в мрачных земных жилищах. Честно говоря, мадам, я знал, что вы бесконечно прекрасны, но не подозревал, что рука об руку с вашей красотой идут такая грациозность и такое обаяние. И потом, что за необыкновенное ощущение — услышать из ваших уст индейский язык, который я так люблю, и увидеть, как эта мрачная, грубая берлога озарилась вашей улыбкой! Этого я не забуду никогда!

— Вот теперь, сударь, я вижу, что вы действительно гасконец! — ответила она со взрывом смеха.

— Так вы действительно приняли меня за индейца?

— Конечно.

Она окинула взглядом его лицо цвета меди, на котором сверкали черные глаза его черные волосы и весь его облик.

— И вот так? — спросил он, сбрасывая с себя расшитый бисером и иглами дикобраза плащ.

Он предстал перед ней в голубом с золотым галуном мундире офицера полка Шариньян-Салье, отделанном кружевными манжетами. Но это была единственная принадлежность его военной формы; во всем остальном он следовал индейской моде, заменив форменные штаны и сапоги на длинные гамашы и

Однако он стоял веред ней, уперевшись рукой я бедро, со всей надменностью молодого офицера, находящегося на службе у короля.

— Ну и как? Разве я не безупречный версальский придворный?

Анжелика покачала головой.

— Нет, — ответила она, — вы опоздали со своими объяснениями, сударь. В моих глазах вы — вождь

абенаков.

— В таком случае, так тому и быть! — серьезно ответил барон. — И вы правы.

Склонившись, он поцеловал ей руку.

Этот оживленный обмен комплиментами во французском стиле происходил под наглыми, немигающими взглядами пьяниц в прокопченной табачным дымом комнате. Несколько же индейцев, присутствующих в лавке, не обратили на эту сцену ни малейшего внимания, настолько они были заняты торговлей. Один отсчитывал себе иголки, поднимая их одну за другой с помощью магнита, другой пробовал на краю прилавка лезвия складных ножей, а третий, отступивший назад, чтобы измерить кусок ткани, налетел на Анжелику и в раздражении бесцеремонно толкнул ее, чтобы она не стояла у него на дороге.

— Давайте пойдем в другое место, — предложил барон. — Здесь есть еще одна комната рядом с этой, где мы можем тихо и мирно поговорить. Я попрошу старого Джошуа Хиггинса принести нам что-нибудь поесть. Это очаровательное дитя — ваша дочь?

— Нет, это маленькая англичанка, которая...

— Ш-ш-ш! — прервал ее молодой гасконец. — Английская девочка!.. Если кто-нибудь это услышит, я немного поставлю за ее скальп, во всяком случае, за ее свободу.

— Но я официально выкупила ее у захвативших ее индейцев, — возмутилась Анжелика.

— Ваш статус француженки позволяет вам делать некоторые вещи, — ответил Сен-Гастин, — но стало широко известно, что мессир де Пейрак не выкупил английских поселенцев, чтобы окрестить их, и этот факт был не слишком благосклонно воспринят высшими кругами. Так что, прежде всего, пусть никто не подозревает о том, что эта девочка — англичанка.

— Но тем не менее здесь есть иностранцы. Разве глава фактории не голландец? А его помощники выглядят так, будто явились сюда прямо из Новой Англии.

— Это еще ничего не доказывает.

— Но ведь они здесь, не так ли?

— Но надолго ли? Поверьте мне, тут лучше действовать наверняка. Ах, моя дорогая графиня, — воскликнул он, снова поцеловав кончики ее пальцев, — как вы очаровательны и насколько же вы соответствуете сложившемуся о вас мнению!

— А я думала, что французы приписывают мне дьявольские свойства.

— В вас и есть что-то дьявольское, — парировал он. — Дьявольское для тех, кто, подобно мне, слишком легко увлекается красотой женщин... и дьявольское также и для тех, кто... Я хочу сказать, что вы, как две капли воды, похожи на своего мужа... которым я восхищаюсь и который, тем не менее, меня пугает. Должен признаться, что я покинул Пентагуэт и отправился в путешествие до Кеннебека только для того, чтобы встретиться с ним, поскольку у меня есть для него важные новости.

— Что-нибудь неладно в Голдсборо? — спросила, побледнев, Анжелика.

— Нет, поверьте мне, нет. Но, насколько я понимаю, мессир де Пейрак здесь, с вами; я попрошу, чтобы его пригласили присоединиться к нам.

Он толкнул дверь, но не успела Анжелика, державшая за руку Роз-Анн, пройти в соседнюю комнату, как кто-то с грохотом ввалился в главное помещение и бросился к барону Сен-Гастину.

Это был французский солдат, держащий в руке мушкет.

— На этот раз это так и есть, лейтенант, — проскулил он. — Они готовят свои военные котлы... Тут

нельзя ошибиться. Я всюду узнаю этот запах. Идемте, понюхайте, понюхайте!

Схватив офицера за рукав, он почти силой потащил сто наружу.

— Понюхайте! Только понюхайте! — продолжал он, задирая кверху свой нос, который одновременно был очень длинным и загнутым на кончике, что придавало ему вид ярмарочного шута, — это пахнет... это запах маиса и вареной собачатины. Неужели вы можете не почувствовать его?

— Здесь так много всяческих запахов, — ответил Сен-Гастин с гримасой отвращения.

— Меня не обмануть. Когда вот так пахнет, это значит только одно — что они вот там, в лесу, пируют перед тем, как выступить в военный поход. Они едят маис и вареную собачатину, чтобы это придало им мужества! И в довершение всего они пьют воду, — добавил он с видом крайнего омерзения, вытаращив глаза, как испуганная улитка.

У этого солдата было лицо настоящего шута, и любой Балаганщик, пригласи его выступить на своих подмостках, мог быть уверен в том, что одно его появление вызовет гомерический хохот.

Но ветер и на самом деле донес из глубины леса тошнотворный запах индейского пира.

— Он доносится вон отсюда, оттуда и оттуда, — продолжал солдат, показывая несколько точек на левом берегу Кеннебека. — Меня не проведешь!

До чего же нелепо выглядел этот человек в безобразно сидящем на нем голубам мундире, озабоченно и неуклюже сжимающий свое ружье! На нем не было ни гамаш, ни мокасин, и его тяжелые башмаки только придавали ему еще более нелепый и неуклюжий вид, а толстые хлопчатобумажные чулки, плохо завязанные под коленями и свисающие складками

вокруг ног, вряд ли могли сойти за деталь форменной одежды.

— Ну к чему впадать в такое состояние, Адемар? — сказал барон Сен-Гастин с деланной озабоченностью. — И вообще, не нужно было тебе вступать в колониальный полк, если ты так боишься нападения индейцев.

— Но ведь я уже сколько раз говорил вам, что меня напоил сержант, который вел вербовку во Франции, и я пришел в себя уже на борту корабля, — проскулил солдат.

В это время появился граф де Пейрак в сопровождении голландца и француза, который подошел к нему, как только они высадились.

Они слышали, как Адемар говорил о военных котлах.

— Мне кажется, парень прав, — сказал француз, — ходит много разговоров о том, что абенаки собираются напасть на этих наглых англичан. А вы, Гастин, присоединитесь к ним со своими эчеминами? Барон как будто был не слишком доволен этим вопросом и, не ответив, поклонился графу, который пылко протянул ему руку.

После этого Жоффрей де Пейрак представил жене своих спутников.

Голландца звали Питер Богген.

Другой человек оказался мессиром Бертраном Дефо, который владел совместно со своими тремя братьями харчевней в дальнем конце Французского залива.

Это был типичный пикардиец с широкими плечами и тяжеловесными чертами лица, будто изваянными из дерева, опаленного солнцем, и было очевидно, что прошло уже очень много времени с тех пор, как он в последний раз имел возможность встретиться с хорошенькой женщиной.

Вначале он, казалось, смутился, но потом, собравшись с духом и почерпнув мужества в своей

врожденной непринужденности, низко поклонился.

— Такое событие нужно отметить, — предложил он.
— Давайте выпьем чего-нибудь.

Какой-то странный звук, похожий на хрип, заставил их всех обернуться.

Солдат Адемар, судорожно цепляясь за дверной косяк, не отрывал взгляда от Анжелики.

— Дьяволица, — пробормотал он, — это она... она! И вы мне не сказали. Это нечестно. Почему вы не сказали мне этого сразу же, лейтенант?

Сен-Гастин взревел от бешенства.

Схватив беднягу, он твердым, рассчитанным пинком швырнул его на землю, так что тот перевернулся кувырком через голову и растянулся в пыли.

— Разрази гром этого идиота! — проговорил он, задыхаясь от ярости.

— Где вы выкопали это создание? — поинтересовался Пейрак.

— Это знает одно только небо! Вот такое добро посылают теперь из вербовочных центров. Неужели они воображают, что здесь в Канаде, нужны солдаты, которые только и делают, что потеют от страха?

— Пожалуйста, не расстраивайтесь так, мессир де Сен-Гастин, — сказала Анжелика, успокаивающе положив руку на локоть лейтенанта. — Я знаю, что имел в виду этот бедолага, и, — она не смогла удержаться от смеха, — он до того смешон с этими своими вытаращенными глазами. Это не его вина. По всей Канаде ходят мерзкие слухи, которые я бессильна опровергнуть, и это они его так напугали. Он не виноват.

— Значит, вы не оскорбились, мадам? На самом деле, нет? — настойчиво продолжал спрашивать Сен-Гастин, сопровождая свои слова типичными жестами южанина. — Как я проклиная всех тех, кто, воспользовавшись вашим отсутствием и тайной,

которая окружает ваше имя, распустил все эти вздорные и оскорбительные выдумки!

— А теперь, когда я вышла из лесов, мне и надлежит сделать все, что в моих силах, чтобы их развеять. Именно поэтому я и решила сопровождать мужа к океану; я хочу, чтобы к тому времени, когда я вернусь в Вапассу, вся Акадия была убеждена не в том, что я святая, боже упаси, но хотя бы в том, что я совершенно безвредна.

— Что касается меня, то я уже убежден в этом, — заявил широкоплечий Дефо, стукнув себя ладонью по сердцу.

— Вы оба — настоящие друзья, — с благодарностью сказала Анжелика. И обхватив своими руками плечи обоих мужчин, она подарила каждому из них по чарующей улыбке. Она знала, что может окружить своей дружбой обоих: и знатного аристократа Сен-Гастина, и достойного пикардийского крестьянина, которые стали братьями благодаря той дикой, необузданной земле Акадии, на которой они жили. Пейрак наблюдал за тем, как она, смеясь и перешучиваясь, увлекала их обоих к двери.

— Вы, может быть, и не поверите этому, друзья мои, — сказала она, — но женщине бывает не так уж неприятно, когда ей приписывают дьявольские свойства. В этом предположении есть что-то такое, что говорит о некотором мрачном уважении к известной силе, которую чаще всего просто отрицают. Бедный Адемар не заслужил столь жестокого обращения... А теперь, я вас умоляю, не будем больше говорить об этом, давайте пойдём и выпьем чего-нибудь; я умираю от жажды.

Они расселись вокруг стола во второй комнатке фактории и принялись смеяться и шутить над самыми серьезными вещами, которые многим другим показались бы просто драматическими.

Голландец, к которому в этой французской компании вернулась природная жизнерадостность и кипучее веселье фламандцев, поставил на стол стаканы, кружки и кувшины, пиво, ветчину, коньяк и даже бутылку испанского вина, красного и жгучего, которое недавно выменял на меха у карибского корсара, по ошибке забравшегося в устье Кеннебека.

Глава 7

Пейрак сидел, улыбаясь и следя за ходом разговора, но его взгляд не отрывался от Анжелики. Он вспомнил, как в старые времена в Тулузе она умела одним только словом, одной улыбкой так пленять всех его друзей, что с этого момента они были готовы отдать за нее жизнь. Он снова увидел все грани ее женского характера, ее быстрый, живой ум, несравненное изящество движений и очаровательное остроумие, причем теперь все это было усилено и отшлифовано опытом, приобретенным за прожитые годы.

Потом он вдруг вспомнил ее такой, какой она была в прошлом году, когда они высадились на эту землю после странного путешествия на борту «Голдсборо», во время которого они узнали и вновь обрели друг друга.

Тогда весь ее облик был пронизан печалью, она вела себя как беглянка; ее словно окружал ореол несчастья.

А теперь, спустя неполный год, она снова дышала былой жизнерадостностью и весельем и блистала тем особым оживлением, которое свойственно только счастливым женщинам. И всем этим она была обязана любви и счастью, которым не могли помешать даже перенесенные тяготы зимы, обязана ему!

Маленькая англичанка, бледная и молчаливая среди этой шумной компании, переводила взгляд с одного лица на другое.

Барон де Сен-Гастин сообщил о том, что маркиз д'Урвилль, командующий фортом Голдсборо, с помощью гугенотов из Ла Рошели отразил нападение двух кораблей, принадлежащих пирату Золотая Борода. Окончательную победу обеспечили залпы раскаленных докрасна пушечных ядер. Обнаружив, что палубы их кораблей охвачены огнем, пираты отступили в глубь

островов и затаились, однако все продолжают оставаться настороже.

Граф поинтересовался, не появились ли два судна, которых он ожидает — одно из Бостона, а другое, «Голдсборо», из Европы. Но для последнего было еще слишком рано. Что же касается маленькой яхты из Бостона, которая доставила в устье Кеннебека Курта Рица и его людей, то ей пришлось вступить в бой с Золотой Бородой и в гавань она вернулась изрядно поврежденной.

— Этот бандит заплатит мне в стократном размере, — пообещал Жоффрей де Пейрак. — Он ничего не выиграет выжиданием, и, если только он не вернет мне моего швейцарца, я сниму с него шкуру живьем.

Дефо сказал, что Французский залив просто кишит пиратами самого низкого пошиба и флибустьерами из тропических морей. Зная, что именно в эти летние месяцы и англичане, и французы встречают суда из Европы, полные товаров, они шныряют по всему побережью, надеясь перехватить корабли, что связано с меньшим риском, чем нападение на испанские галеоны. И мало того, их действия привлекли к берегам Акадии еще и британские военные корабли, которые должны были бы охранять рыболовный флот в районе Бостона или Вирджинии.

— И вообще, мессир граф, эти англичане не имеют права находиться во Французском заливе, где они ведут себя, как им заблагорассудится, будто так и должно быть.

— Вы так щедро снабдили меня в прошлом году провизией, мессир де Пейрак, — продолжал Дефо, — когда я едва не умирал с голоду, что мне захотелось хоть чем-то отблагодарить вас за доброту. Поэтому, когда я попал в устье реки Св. Джона, путешествуя вдоль побережья, я захватил с собой всех шестерых солдат, составлявших гарнизон маленькой крепости

Сен-Мари, и привез их сюда чтобы предоставить в ваше распоряжение.

— Значит, это вам, Дефо, мы обязаны присутствием этого кретина в форме — Адемара! — воскликнул барон.

На что собеседник возразил:

— Мне его навязали. Мне кажется, что от Монреалья до Квебека, от озера Настоятеля до залива Шалье все только и делают, что стараются избавиться от него, передавая другим. Но остальные — крепкие парни, которые знают, что такое хорошая драка.

Пейрак засмеялся, совершенно восхищенный.

— Спасибо, Дефо! Я рад хорошим стрелкам, но как отнесутся к этой краже мессир де Вовенар и шевалье де Грандривье?

— Они были в то время в Джемсиге, где ожидали визита губернатора Акадии мессира де Виль д'Эврея. Между прочим, именно поэтому я и отправился через залив, что показалось мне благоразумнее. Мои братья справятся с этим затруднением, — заключил он, сопровождая свои слова взрывом насмешливого хохота.

— Но почему вы не оставили солдат в Голдсборо? — спросил Гастин.

— Меня отнесло штормом прямо к островам Матиникус, — просто ответил Дефо. — А потом я в течение четырех дней был в плену у тумана. Не так-то легко пройти через пролив в бухту Голдсборо, и к тому же я мог наткнуться на Золотую Бороду. Но в конце концов мы все-таки всегда ухитряемся встретиться.

Пейрак поднялся из-за стола, чтобы пойти посмотреть на новых солдат, и его приятели последовали за ним.

Анжелика осталась в полутемной комнатке. Испанское вино было восхитительным, но немного кружило голову. Роз-Анн выпила только немного пива и хотела есть. Но не успели Анжелика и ее маленькая подопечная признаться друг другу в том, что им обеим

хотелось бы поплотнее перекусить, как в комнате вдруг появился симпатичный старик, поставивший на стол две тарелки с огромными ломтями поджаренного хлеба, которые были намазаны вареньем из черники, занимающей здесь, в Америке, внушительные пространства.

Он с улыбкой пригласил их немного подкрепиться. Его лицо, обрамленное тонкой белой бородкой, дышало удивительной добротой. Одет он был в строгий черный камзол и несколько старомодного вида штаны, расширяющиеся колоколом над коленями, а его белый плиссированный воротник напомнил Анжелике костюмы ее деда. Старик представился им как Джошуа Пилигрим.

Когда маленькая Роз-Анн наелась, он уселся рядом и задал ей несколько дружеских вопросов на английском.

Он как будто был очень растроган, услышав, что ее родители носят фамилию Вильямс и что они из Биддефорд-Себаго.

Старик сказал Анжелике, что дедушка и бабушка Роз-Анн живут всего в тридцати милях отсюда на реке Андроскоггин, в местечке, которое индейцы называют Невехеваник, что означает «страна весны». Лет десять назад они основали там поселение, которое стало расти и процветать и известно теперь под английским названием Брунsvик-Фэлс. Они были предприимчивым народом, эти Вильямсы, и постоянно стремились продвинуться все дальше и дальше в глубь страны. Джон Вильямс, сын, оставил Биддефорд на острове Себаго и был уведен в Канаду как пленник. Но деревни на побережье были не более безопасным местом, когда из лесов обрушивались на англичан целые полчища краснокожих. Но все-таки, когда живешь на берегу, всегда можно укрыться на островах.

Что же касается его самого, Джошуа, то он хорошо понимает таких людей, как Вильямсы, потому что

никогда не любил треску и никогда не наслаждался видом бушующего моря. Он предпочитает мясо диких индюков и деревья, отражающиеся в глади озер и рек.

Ему было десять лет, когда его отец, торговец из Плимута, основал эту факторию в Хауссноке. И Джошуа Пилигримом его прозвали за то, что он был среди Отцов Пилигримов и еще ребенком высадился на пустынный берег с борта корабля «Мэйфлауэр», оставшись в живых после первой страшной зимы, которая стоила жизни половине поселенцев.

Рассказав свою историю размеренным и несколько назидательным тоном, старик подошел к полке и тут же вернулся с гусиным пером, чернильницей и тонкой полоской березовой коры, напоминающей пергамент. Он начертил на ней несколько линий. Это был план, который должен был помочь им найти факторию Брунсвик-Фэлс, где жили дед и бабка Роз-Анн, старые Бенджамин и Сара Вильямс.

Он продолжал разъяснять Анжелике, что, если только они переправятся на правый берег Кеннебека и будут следовать на запад, то придут на место менее чем за один день.

— Это просто удивительно! — воскликнула она.

И она, и муж все время хотели вернуть ребенка родственникам, но это было сопряжено с определенными трудностями. Поскольку они направлялись в Голдсборо, к востоку, их путь уводил их все дальше от основных английских территории. Но та местность, где они находились сейчас, называемая англичанами Мэном, а французами Акадией, была, в сущности, пограничным районом, метавшиеся границы которого в общих чертах определялись Кеннебеком, ничейной землей, где не было ни хозяев, ни законов.

И вот провидению было угодно, чтобы семья их подопечной жила менее чем в десяти лье от Хаусснока...

Глава 8

В этот вечер они все снова вернулись в фабрику по приглашению голландца, который решил устроить прием в честь столь важных гостей. И первое, о чем зашел разговор — как и когда лучше всего вернуть девочку ее деду и бабушке.

Хозяин принес им карты местности.

Принимая в расчет все объезды, препятствия и холмы, им следовало ориентироваться не менее чем на три дня, которые придется затратить на поездку туда и обратно из Хаусснока, прежде чем они смогут отправиться в Голдсборо вместе со всем караваном. Но Жоффрей де Пейрак вскоре нашел другое решение. Брунвик-Фэлс располагался на реке Андроскоггин, которая была судоходной и достаточно быстрой, чтобы позволить им спуститься к устью Кеннебека всего за несколько часов. Поэтому экспедиция графа де Пейрака разделится на две группы. Первая, составляющая большинство, как и было задумано раньше, продолжит свой путь вниз по Кеннебеку до самого моря, где их будет ждать судно, присланное д'Урвиллем. А Жоффрей де Пейрак и Анжелика в сопровождении нескольких людей отправятся в английскую деревню и, передав ребенка в родную семью, спустятся вниз по Андроскоггину до побережья, где и присоединятся к первой группе. Все это не займет и двух дней.

Обсудив все детали и дела, они отдали должное угощению Питера Боггена. Он воспользовался старым рецептом, который переходил от одного человека к другому повсюду, где только жили в Новом Свете голландцы, от берегов Гудзона до Нового Амстердама и Оранжа.

Нужно взять большой котелок и влить туда два галлона лучшей мадейры, три галлона воды, положить три фунта сахару, немного овсяной муки, немного различных специй, несколько изюминок и несколько долек лимона... Смесь эту следует подавать обжигающе горячей в большой серебряной миске, которую ставят посредине стола так, чтобы каждый гость мог снова и снова погружать свою серебряную ложку в этот ароматный напиток.

Нет ничего более подходящего для того, чтобы развеселить человека и рассеять любые мрачные мысли.

Кроме четырёх Пейраков и их сына, за столом сидели барон де Гастин, мсье Дефо, капрал гарнизона Св. Джона, и капитан французского флибустьерского судна вместе со своим капелланом.

Завершали компанию голландец со своими двумя помощниками из английских протестантов.

Анжелика была единственной женщиной среди присутствующих, и только она и, возможно, священник мешали пирушке принять слишком вольный и буйный характер.

Но Анжелика решила про себя, что они не должны сожалеть о её присутствии, и постаралась создать счастливую атмосферу, в которой каждый чувствовал себя центром внимания и сиял от удовольствия. Из фактории доносились громкие взрывы радостного смеха, сливающиеся с таинственными звуками реки и ночи.

Когда прием закончился, все чувствовали себя необыкновенно счастливыми и питали друг к другу самые теплые дружеские чувства. Оставив голландца на его острове, они при лунном свете пересекли реку и вернулись на свои стоянки и корабли.

— Завтра я приду навестить вас, — прошептал Пейраку барон Сен-Гастин. — Мне нужно обсудить с

вами кое-какие важные дела. Но сегодня ночью нужно спать. У меня голова идет кругом. Спокойной ночи всем вам.

И он исчез в лесу в окружении нескольких индейцев, которые находились поблизости и возникли бесшумно, как тени, чтобы сопровождать его обратно.

Часовые, остававшиеся караулить ночью лагерь, получили от Пейрака строгие указания быть начеку. Для большей безопасности весь отряд разместился в двух шалашах, так, чтобы никто не оставался на ночь в одиночестве. Граф и его жена тоже покинули свое отдельное убежище, потому что Хаусснок привлекал подонков со всех лесистых земель, и, кроме того, сюда отовсюду собирались краснокожие. Некоторые из индейцев были крещеными. Золотые кресты и бусинки четок красовались среди перьев. Это все еще была французская Акадия, французская Канада, несмотря на присутствие голландца и его английских помощников. Это все еще была страна лесов, а в лесах Америки господствовала Франция.

Глава 9

— Какая жалость! — вздохнула Анжелика. — Ну можно ли найти человека очаровательнее, чем этот барон Сен-Гастин? И я так рада встрече с французами...

— Потому что они ходят перед вами на задних лапках?

Ни одному из них не хотелось спать, и теперь они прогуливались по берегу, причем Жоффрей слегка поддерживал Анжелику, поступь которой была не совсем твердой.

Он остановился и, положив ладонь ей на щеку, повернул к себе ее лицо.

При лунном свете она казалась покрасневшей и оживленной, ее глаза сверкали, как звезды.

Он улыбнулся снисходительно и нежно.

— Они думают, что вы прекрасны, любовь моя, — прошептал он. — Они платят вам дань восхищения, и я в восторге оттого, что вижу их у ваших ног. Я не так уж ревнив. Они знают, что вы принадлежите к их расе, что вы француженка, и это наполняет их гордостью. И они тоже принадлежат к нашей расе. И это остается неизменным и непреложным фактом, если даже мы заброшены на край света и оторваны от своего народа. Я тоже искренне радуюсь встрече со своим собратом французом — и тому; что я читаю в его открытом, бесстрашном взоре преклонение перед вами. Сумасбродная, неуправляемая раса; и мы тоже принадлежим к ней, любовь моя. И это останется неизменным навеки!

Стоявшая рядом ива отбрасывала густую тень, и они вместе вступили в нее, оставив сверкающий лунный свет ради этого желанного убежища. Крепко прижав к себе, он нежно поцеловал ее в губы. Желание, такое

знакомое и такое удивительное желание поднималось в них, заполняя собой все, как некое живое существо, горячее, жгучее, ненасытное.

Но они не могли больше медлить, потому что уже собирался забрезжить рассвет и лес не мог предоставить им достаточно укромного приюта. Обратно они шли медленно, ступая словно в каком-то трансе, окутанные своим желанием, этой обоюдной тайной, этим приливом, с такой силой поднимавшимся в них, что они испытывали почти боль от подавляемого, но не желающего умирать порыва, и в улыбках, которыми они обменивались, сквозили сожаление и взаимопонимание сообщников.

Рука Жоффрея де Пейрака, легко покоившаяся на бедре Анжелики, была для нее полна обещаний.

И каждое движение ее ноги, касавшейся его, приносило ему восторг и муку.

Но нужно было ждать.

Через несколько дней они будут в Голдсборо, познав все очарование и восторги длительного ожидания. Как медленно будут течь эти часы, наполненные нетерпеливым предвкушением...

Они снова обменялись несколькими словами со стоявшим на страже человеком.

Сооруженные наспех лачуги были заполнены спящими фигурами, но Анжелика была слишком возбуждена, чтобы пожелать присоединиться к ним, и предпочла остаться снаружи. Она уселась в одиночестве у самой воды, обхватив руками согнутые колени и опершись на них подбородком, в то время как ее взгляд блуждал по золотистой поверхности воды.

Она чувствовала себя счастливой и была полна трепещущей, нетерпеливой энергии. Все восхищало ее, и так же как доставляла наслаждение уверенность в том, что она скоро будет в его объятиях, приносило ей свои радости и ожидание. Их любовная жизнь

подчинялась распорядку их повседневной жизни; временами им приходилось проводить много дней подряд за тяжелой работой, полностью выматывающей все силы, так что они были весьма далеки от наслаждений, и вдруг один взгляд, одна нежная нотка в голосе заставляли их внезапно вспыхивать, и они испытывали ошеломляющее головокружение и непреодолимое желание остаться наедине.

Тогда она погружалась в стремительную, горячую темноту, захлестнутая тем, что про себя называла «моя золотая тьма», и тонула в этом забвении окружающего мира и, в сущности, самой жизни.

Столь тесно связанная с тканью их повседневного существования их любовь, их интимная жизнь иногда становилась похожа на журчанье подземного потока, на едва уловимую мелодию, а потом вдруг уподоблялась мощному натиску бури, и тогда все теряла свое значение, и они оказывались в полной изоляции в центре всего мира, подчиненные только ее властным законам и освобожденные от всех иных.

Эта любовная жизнь, проходящая сквозь дни, ночи, месяцы и времена года, была их общей тайной, источником лучезарной радости, чем-то таким, что, как она чувствовала, постоянно горит в ней. Это походило на нежную тяжесть, которую она словно ощущала на своей пояснице, или какое-то замирание сердца, это было нечто такое, что наполняло все ее существо, как ребенок заполняет собой материнское лоно. Любовь...

Она изнемогала от желания вновь оказаться в Голдсборо, который, как и Вапассу, был их убежищем. Там, в Голдсборо, была деревянная крепость, воздвигнутая на берегу моря, а в ней огромная комната с просторной покрытой мехами кроватью. Она спала там рядом с ним и снова будет спать, не обращая внимания на бушующее море, обрушивающее на скалы целые каскады брызг, и ветер, завывающий среди

склоненных деревьев полуострова. И один за другим погаснут огни грубых, но надежных гугенотских домов, находящихся под прикрытием этого дворца.

А утром все снова будет чистым и ослепительным, и острова в бухте будут сверкать, как драгоценные камни. Она отправится на прогулку по побережью в сопровождении целой стайки детишек, обойдет новый порт и отведаст омара с его характерным соленым привкусом, и насладится устрицами и другими моллюсками.

Потом она откроет сундуки, привезенные кораблем, пороется в них и наденет новые шуршащие платья и новые украшения и попробует сделать себе прическу в новом стиле. В Голдсборо есть большое зеркало в раме из венецианской бронзы, где она сможет увидеть свое новое отражение, каким-то оно будет?

Ее безмятежность была настолько глубока, что она даже не боялась обнаружить изменений в худшую сторону. Просто она увидит себя другой. Теперь она приобрела внешность, о которой тщетно мечтала так много лет: лицо счастливой и полностью удовлетворенной женщины.

Разве это не было похоже на чудо? Не прошло и года с тех пор как она, пошатываясь, полная внутреннего страха, ступила на эти берега. Настороженная, изможденная, худая, скованная внутренним напряжением, она неуверенно пошла по розовому песку Голдсборо и едва не упала на колени, как человек, готовый испустить дух. Но рука Жоффрея де Пейрака поддержала ее и не дала упасть.

Здесь закончились все жестокие битвы, через которые ей пришлось пройти со времен юности.

И какими же далекими казались теперь эти пятнадцать лет, когда она одна блуждала по жизни, неся на плечах всю тяжесть своего существования.

Сегодня она чувствовала себя моложе, чем тогда, Потому что теперь ее любили и охраняли.

Иногда ребяческая радость озаряла все ее существо, и безграничное доверие вытесняло подозрительность — ту подозрительность и недоверчивость испуганного, загнанного зверька, которая всегда таилась в ней раньше. Но как только она ступила на этот берег, ее обняла твердая рука возлюбленного. И с тех пор она уже никогда не отпускала ее.

«Как мы молодеем, когда нас любят, — подумала она, — а я привыкла чувствовать себя старой. Я была старше на сто лет. Всегда начеку, всегда настороженная и готовая сражаться».

Но теперь, когда к ней вновь пришел страх, это все равно уже не было той слепой безысходной мукой, которую она испытывала, когда боролась против короля и всех могущественных сил, объединившихся против нее.

Человек, в тени которого она сегодня отдыхала, был сильным, трезвым и осторожным. Он без всяких опасений принимал на себя любую ответственность; он был совсем другим, чем все остальные. Однако он знал, как подойти к ним и даже как сделать их своими друзьями, и она начинала понимать, что дух человека, достойного называться человеком, может сдвинуть горы, потому что он сильнее природы.

Он восторгается над всеми врагами, над всеми теми, кто таится во мраке и отвергает его силу. Его могущество так велико, что он сумеет привлечь их к себе благодаря своей удивительной мудрости и энергии.

И страна обретет мир, и люди всех национальностей приведут в порядок свои дома, леса станут чистыми, и будут основаны новые города, которые заполнит народ. Здесь достаточно природных красот, чтобы придавать

величие этой новой жизни. Новый Свет всегда будет сказочно богатым и чудесным и освободится от бесплодных войн.

Мысли Анжелики, захваченной мечтами и головокружительной красотой этой ночи, растворялись в ее необычном окружении, окутывались сдержанной страстностью природы, настраивались в лад странному напряжению, пронизывающему все вокруг. Ничто не могло приглушить ее тайное ликование.

И пускай над лесом плыл грубый запах военного пира и где-то вдалеке бил барабан, как чье-то встревоженное, нетерпеливое сердце, — все равно все было простым и понятным.

Она видела выделявшийся на фоне светлеющего неба силуэт небольшого трехмачтового флибустьерского судна, стоявшего на якоре на повороте реки.

Когда же она переводила взгляд в другую сторону, вверх по течению, она видела только бархатную темноту, насыщенную туманом и дымом и временами прорезаемую красным отблеском костров, которые жгли в своих вигвамах индейцы.

Протявкала лиса. Сзади нее прокралось по траве какое-то тяжелое, но проворное животное. Это была росомаха Кантора. На мгновение она увидела сверкание ее глаз, широко раскрытых в темноте, и эти бессознательно свирепые глаза будто спрашивали ее о чем-то...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 10

На следующее утро Анжелика сидела в маленькой внутренней комнатке фактории, занимаясь шитьем алого хлопчатобумажного платьяца для Роз-Анн, и думала, что ее семья будет более довольна, если девочка предстанет нарядно одетой, не выглядевшей как жалкая пленница «этих мерзких французов».

Через открытое окно она увидела паром, пересекающий реку. На нем были три лошади, которых накануне привел с побережья Мопертюи — траппер, работающий на Пейрака. Его сопровождали сын и Кантор.

Как только они достигли берега, мальчик со всех ног помчался к фактории и ворвался в нее в состоянии величайшего возбуждения.

— Отец говорит, что ты должна сейчас же отправиться в Брунsvик-Фэлс с Мопертюи. Он сам не сможет нас сопровождать, но я поеду с тобой в качестве переводчика. Мы встретимся с ним завтра или, в крайнем случае, послезавтра в устье Кеннебека, где уже стоит на якоре наше судно.

— Что за ерунда, — возмутилась Анжелика. — Я еще чуть-чуть не закончила платьяце. Теперь я так и не успею нашить на корсаж бантики. А почему твой отец не может сопровождать нас?

— Он должен встретиться с каким-то вождем эчеминов или мик-маков — я точно не знаю — на побережье, с кем-то, кого очень хочет представить ему барон Сен-Гастин. В отношениях с индейцами нельзя упускать ни одного шанса, и пользоваться им нужно немедленно, как только он представится. Индейцы так непостоянны. Поэтому отец срочно отправился на эту

встречу, а передать ребенка семье поручил нам. Я уже собрал твои вещи в лагере.

Анжелика помогла маленькой англичанке надеть новое платье и приколотла к нему кружевной воротничок и манжеты.

Потом она быстро причесалась и застегнула кожаный пояс, на котором висел ее пистолет.

Уже оседланные лошади ждали их, и Мопертюи с сыном крепко держали их под уздцы. Подчиняясь старой привычке, Анжелика проверила седла и упряжь. После чего расспросила каждого, как он вооружен.

— Ну что ж, тогда — в дорогу! — решила она.

— А как же я, что я должен делать? — опросил солдат Адемар, восседавший за дверью на опрокинутом бочонке с мушкетом между коленями.

Он уже стал всеобщим посмешищем, и все немало позабавились на его счет. Зная, как он боится Анжелики, или, может быть, не представляя, что еще можно для него придумать, капрал форта Св. Джона приказал ему служить личным телохранителем мадам де Пейрак, и теперь бедняга Адемар, разрывающийся на части между своим суеверным страхом и законами военной дисциплины, терпел муки ада.

Мопертюи бросил на него жалостливый взгляд.

— А ты оставайся здесь, старина!

— Но я не могу оставаться здесь один: тут полно дикарей!

— Ну, тогда идем с нами, — сердито ответил Мопертюи. — Твой капрал и все остальные уже выступили с мессиром де Пейраком.

— Выступили? — повторил парень, едва не плача.

— Ну, идем же с нами, я тебе говорю. Ведь мы, действительно, не можем оставить его здесь одного, — добавил траппер, бросив извиняющийся взгляд на Анжелику. — И потом, это как-никак лишнее ружье.

Они распрощались с голландцем и, перебравшись на противоположный берег реки, углубились в полумрак леса, где между деревьями вилась довольно отчетливая тропинка, уходящая на запад.

— Куда мы направляемся? — спросил Адемар.

— В Брунсвик-Фэлс.

— А это что такое?

— Английская деревня.

— Но я не хочу ехать ни в какую английскую деревню! Они же наши враги!

— Ох, да заткнись же ты, дурак набитый, успокойся.

Тропинка едва виднелась из-за молодой весенней поросли, но лошади как-то ухитрялись безошибочно следовать по ней, подчиняясь тому шестому чувству, с которым животные умеют узнавать тропы, проложенные человеком, несмотря на бесчисленные препятствия в виде кустарника и подлеска у них на пути. Весна явилась во всей своей молодой дерзости, чтобы прикрыть дикую черноту зимнего леса путаницей свежих зеленых побегов, но они были еще слишком юными и гибкими, и их легко можно было устранить. Трава была короткой и мягкой, подлесок наполнен светом. Путники наткнулись на развалины заброшенной деревни, о которой им говорили, и снова углубились в лес. Вскоре сквозь коридор берез и осин засверкала ослепительная гладь озера; оно лежало залитое солнечным светом, и ни одна морщинка, ни одна складка не портили его зеркальную поверхность. Был уже почти полдень, и все было окутано каким-то оцепенением, а царившая вокруг тишина, казалось, становилась все ощутимее, подчеркнутая непрерывным гудением насекомых.

Девочка ехала позади Анжелики, на двух других лошадях сидели Кантор и Мопертюи. Солдат и молодой траппер шли пешком, но это не доставляло им особенных затруднений, поскольку лошади все равно не

могли двигаться по этой тропинке быстрее, чем пешеходы. Тем не менее они избавляли женщину и ребенка от усталости.

Адемар продолжал бросать по сторонам встревоженные взгляды.

— Говорю вам, за нами кто-то крадется.

В конце концов они сделали остановку, чтобы доставить ему удовольствие, и он наострил уши.

— Да, это Волверина, — сказал Кантор.

И рядом с ними внезапно возник из подлеска напружиненный, словно приготовившийся к прыжку зверь с небольшой, но зловещей пастью, растянутой в рычании так, что видны были два белых острых клыка.

Кантор расхохотался над замешательством Адемара.

— Эт-то еще кто?

— Это росомаха, которая собирается скушать тебя живьем.

— Но она же большая, как овца, — проскулил бедняга.

Время от времени он оборачивался, чтобы посмотреть, следует ли за ним Волверина, а зловредное создание то и дело задевало его ноги, заставляя его подпрыгивать вверх.

— Если вы думаете, что это очень смешно — путешествовать, когда по пятам за тобой тащится вот такое!..

Это ужасно развлекало всех путников, а маленькая Роз-Анн никогда еще так не смеялась.

Лес здесь был таким же, как и на том берегу. Часто встречались неглубокие долины, которые то спускались к крошечным водопадам и ручьям, то снова поднимались до каменистых плато, заросших соснами и кедрами, где веял ароматной свежестью легкий ветерок, и вскоре опять ныряли в пенистую зелень деревьев, напоминающую море.

Этот ветер, вторгавшийся в полуденный зной, заставлял листья взволнованно трепетать, и подлесок наполнялся ласковым шепотом.

Они сделали еще одну остановку, чтобы изучить карту, врученную им старым Джошуа. После того как они миновали еще одну заброшенную индейскую деревню, их маршрут стал не таким четким, как раньше, но Кантор проверил направление по компасу и заверил их, что если они будут следовать по вене еще два или три часа, то придут к цели.

Хотя Кантор не обладал непогрешимым чувством, столь свойственным Флоримону, он, как и старший брат, имел обостренную наблюдательность, которая никогда не давала ему заблудиться. Их отец очень много занимался с ними, совсем еще мальчиками, обучая обращению с компасом, секстантом и хронометром.

Анжелика полностью доверяла своему сыну, хотя и очень сожалела о том, что Жоффрей де Пейрак не смог сопровождать их. По мере того как протекали часы, она все более и более недоумевала по поводу столь спешного отъезда.

Почему Жоффрей был не с ними? Как тих и пустынен лес, и в то же время какое множество шорохов разбудил поднявшийся ветерок.

— И мессир де Пейрак не объяснил вам, почему ему пришлось так неожиданно отправиться в это непонятное путешествие? — спросила она, повернувшись к трапперу. Она была знакома с ним меньше, чем с другими, потому что он не зимовал с ними в Вапассу, но знала, что он был верным и надежным человеком.

— Я сам не видел мессира де Пейрака, — ответил тот. — Мне передал его слова Кловис.

— Кловис?

В ее душе начало просыпаться смутное чувство тревоги. Во всем этом было нечто странное. Почему

Жофрей ничего не написал ей? Это было не похоже на него... Передавать что-то от одного человека к другому... Кловис?.. Ее лошадь внезапно запнулась за слегка выступающий из земли камень, и ей пришлось сосредоточить все внимание на том, чтобы повернуть ее в нужном направлении.

Сквозь ажурный рисунок темно-изумрудной дубовой листвы просвечивали массивные стволы, от которых поднимались вверх могучие черные ветви, что делало их похожими на гигантские канделябры.

Это напомнило ей Ньельский лес и те времена, когда ее повсюду подстерегали засады и ловушки...

Под впечатлением неприятных воспоминаний ей захотелось как можно скорее выбраться из этой глубокой тени.

— Мы не сбились с дороги, Кантор?

— Нет, нет, — ответил молодой человек, еще раз взглянув на карту и компас.

Но немного погодя он спешился и вместе с Пьером-Жозефом, молодым метисом, внимательно изучил окрестности. Здесь тропа исчезала, теряясь в подлеске, однако они оба продолжали уверять, что нужно следовать именно в этом направлении. Деревья подступали к ним все ближе и ближе, пока в конце концов не образовали узкий туннель, становившийся все темнее и темнее. Но вот они достигли поворота в туннеле, и стало гораздо светлее. Впереди сверкнуло яркое пятно солнечного света, означающее конец мрачного коридора.

Именно в это мгновение Мопертюи предупреждающе поднял руку, и все они, в том числе и лошади, замерли как вкопанные. Что-то изменилось почти неуловимо, и это изменение указывало на то, что пустынный лес скрывал в себе если не людей, то во всяком случае какое-то другое живое существо.

— Индейцы! — прошептал Адемар, почти теряя сознание от страха.

— Нет, англичане, — ответил Кантор.

В просвете между ветвями возник чей-то силуэт, окруженный солнечным ореолом. Трудно было вообразить более невероятное зрелище, чем то, что предстало перед их глазами.

На выходе из лесного коридора стоял горбатый, искривленный маленький старик, на котором была невероятно высокая конусообразная шляпа и огромные башмаки, из которых торчали костлявые ноги. Он сжимал руками старинный мушкетон с коротким, кончающимся широким раструбом дулом, до отказа набитым крупной картечью. Вне всякого сомнения, это оружие было в равной мере опасно как для стреляющего, так и для жертвы.

Путники старались не шевелиться.

— Стой! — закричал маленький старичок высоким пронзительным голосом. — Если вы являетесь духами, то лучше вам уйти прочь, ибо я стрелять буду!

— Вы же сами видите, что мы не духи, — ответил ему по-английски Кантор.

— Тогда, пожалуйста, минуточку подождите.

Старичок поднял свое антикварное ружье и одной рукой пошарил в старомодном камзоле, откуда в конце концов извлек огромные очки в черепаховой оправе. Водрузив их на нос, он стал очень походить на престарелую сову.

— Да! Вижу! — пробормотал он.

Потом он подошел к всадникам крошечными, семенящими шажками и принялся оглядывать Кантора с ног до головы, делая вид, что не замечает Анжелику.

— А кто ты есть, ты, говорящий на йоркширском наречии, как эти проклятые профессора из Бостона? Неужто без всякого страха скитаешься ты по лесам, без страха, ведомого каждому доброму христианину?

Неужто ты не знаешь, какое зло подстерегает парней и девиц, блуждающих по лесу? Они могут встретиться с Черным Человеком и вместе с ним совершить всяческие мерзости. Не ты ли насмехаешься надо мной, о сын Белиала похотливого, Князя Вод, от которого зачала тебя на одном из ведьминых шабашей женщина, сопровождающая тебя? Я бы не удивился этому! К тому же ты слишком красив, чтобы принадлежать к роду человеческому, молодой человек!

— Мы хотим увидеть Бенджамина и Сару Вильямсов, — ответил Кантор, не выражая особого изумления, так как ему уже приходилось встречаться с подобными чудаками в Бостоне. Мы сопровождаем их внучку Роз-Анн, дочь Джона Вильямса.

— Ха! Ха! К Бенджамину Вильямсу!

Старик наклонился вперед, чтобы получше разглядеть своими пронизывающими глазками за толстыми стеклами очков маленькую девочку в красном платье.

— Не говорят ли они, что это внучка Вильямсов? Хо! Хо! Какая шуточка! Вот уж мы посмеемся!

И он радостно потер свои ручки, как будто ему только что сообщили превосходную шутку.

— Ха! Ха! Не могу себе представить!

Его острые глазки, вне всякого сомнения, незаметно оглядели в всех остальных членов маленького отряда: двух трапперов в их кожаных куртках, отделанных на индейский манер бахромой, их пояса и яркие канадские береты и за ними — французского солдата в сто выцветшем, но еще вполне узнаваемом военном мундире.

Он снова положил свое удивительное ружье на плечо и сошел с тропы, пропуская их.

— Ну что ж, тогда следуйте своим путем, французы, — сказал он, все еще посмеиваясь про себя. — Тогда идите и отдайте старому Бену его внучку. Ха! Ха! Могу

себе представить, какое выражение будет на его лице! Ха! Ха! Что за шутка! Но не рассчитывайте на какой-нибудь выкуп, ибо он очень скуп!..

Анжелике удавалось более или менее следить за нитью разговора. Но, хотя она и вполне понимала английские слова, употребляемые старым чудаком, до нее совершенно не доходил смысл того, что он говорил. К счастью, Кантор продолжал сохранять свое безмятежное спокойствие.

— Далеко ли мы от Брунсвика? — вежливо спросил он. — Мы боимся, что сбились с пути.

Человек скорчил гримасу и покачал головой, будто желая показать, что, когда люди настолько безумны, чтобы отважиться разгуливать по собственному лесу дьявола, они должны знать, куда идут, и обходиться без посторонней помощи.

Во время разговора появилась еще одна фигура, молча прокрадываясь за спину старика. Это был высокий индеец с холодным взглядом, абенак из Сококи или Шипскота, если судить по его резко очерченному профилю и двум торчащим резцам. Он держал в руке пику и лук, а за спиной у него висел колчан со стрелами. Он с видом полного безразличия прислушивался к разговору.

— Нет, в самом деле, не могли бы вы сказать нам, как попасть в Брунsvик-Фэлс, достойный старый человек, — продолжал настаивать Кантор, который не мог придумать никаких других методов убеждения.

Но его просьба, несмотря на то что была выражена со всей возможной вежливостью, неожиданно вызвала у старика взрыв такого бешенства, что все его лицо исказилось от ярости. Он обрушил на них поток оскорблений, среди которых, как удалось разобрать Анжелике, были цитаты из библии, проклятья, пророчества, обвинения и пространные фразы на греческом и латыни. И все это должно было означать,

что эти люди из Брунсвика, называемого индейцами Невехеваником, — сплошь безумцы, невежественные язычники, одержимые дьяволом; и его, Джорджа Шаплейфа, нога никогда не ступит в это проклятое место.

Но Кантор продолжал настаивать на своем со всем простодушием юности, и старик постепенно начал успокаиваться. Поворчал еще немного, выпалил несколько анафем и, повернувшись к ним спиной, направился по тропинке, возглавляя отряд. А его индеец, сохраняющий молчание и безразличное выражение лица, шел позади, замыкая шествие.

— Должно ли это означать, что этот тронутый старик все-таки решил вывести нас на правильный путь? — проворчал Мопертюи.

— Как будто так, — ответил Кантор. — Последуем за ним! Вскоре мы увидим, куда он нас ведет.

— Предложите ему сесть на одну из лошадей, — сказала Анжелика. — Может быть, он устал.

Кантор передал предложение матери старому англичанину, но тот, не оборачиваясь, принялся жестикулировать с таким неистовством, что всем стало совершенно ясно, как он оскорблен. И кроме того, по его мнению, лошади тоже, безусловно, относились к порождениям дьявола.

Он важно шествовал по тропинке, и странно было видеть, что, несмотря на свои огромные, неуклюжие башмаки, он движется совершенно беззвучно, как будто не касаясь земли.

— Это старый знахарь, — объяснил Кантор, — и, по его уверениям, он прочесал все леса Америки в поисках своих трав и лекарственной коры. Уже одно это может объяснить подозрение, которое неизбежно должны питать к нему его соотечественники. В Новой Англии не любят тех, кто ходит по лесам. Но каким бы он ни казался странным, по-моему, мы вполне можем

положиться на него. Он выведет нас на правильную дорогу.

— Я не хочу идти к этим англичанам, и мне не нравится, что индеец движется за мной по пятам, — ворчал из тени Адемар.

Каждый раз, когда он оборачивался, его взгляд наткнулся на темное каменное лицо и неотступно следящие за ним глаза, похожие на озера с темной, непрозрачной водой. Его рубашка намочила от холодного пота, как это случилось и раньше в столь часто переживаемые им моменты ужаса. Он едва тащился, то и дело запинаясь о корни деревьев.

Маленький человечек в остроконечной шляпе, который мчался впереди, как темный эльф, как болотный огонек в траурном наряде, то исчезал из виду, попадая в густую тень, то снова появлялся в снопе красноватого солнечного света, проникающего сквозь просветы в листве. Но Анжелика с досадой заметила, что все повороты и изменения дороги по-своему свидетельствуют о приближении ночи. Ложбины уже начали заполняться лиловым полумраком.

Иногда старик на ходу поворачивался кругом и, подняв руки, бормотал какие-то неразборчивые слова. Его растопыренные пальцы словно указывали на что-то в небе.

— Я начинаю сомневаться в том, что он еще не совсем безумен и имеет понятие о том, куда ведет нас, — сказал в конце концов Мопертюи, которому стало не по себе. — Эти мне англичане!

— Какая разница, куда он нас ведет, если он выведет нас из этого леса! — ответила Анжелика, у которой уже истощилось терпение.

И почти сразу же после того, как она произнесла эти слова, как будто исполняя ее желание, перед ними открылось обширное плато, заросшее зеленой травой и усеянное кустами можжевельника. Кое-где виднелись

стоящие посреди равнины, как часовые на посту, одинокие кедры или небольшие группы черных елей. Далеко-далеко за грядой лесистых: холмов и долин зеркало закатное небо, похожее на перламутр, какое обычно можно увидеть над морем. Далеко-далеко отсюда. Обещание. Но ветер, дующий на плато, донес до них знакомый, неуловимый, полный воспоминаний запах.

Тропинка, извивающаяся между кустами и камнями, спустилась в неглубокую долину, которая, однако, уже заполнилась ночной темнотой, так что не было видео ни одного проблеска света. Ее противоположный склон вырисовывался своим верхним краем на фоне бледного вечернего неба. И именно оттуда шел этот полузабытый запах — сильный, домашний запах вспаханного поля.

В темноте они были не в силах ничего разглядеть и могли только догадываться, что перед ними лежит плодородная, влажная земля, пропахшая весной, и на ней проложены глубокие борозды.

Старый Шаплейф опять принялся бормотать и хихикать.

— Да, мы здесь. Роджер Стафтон еще на своем поле. Как был бы он счастлив, этот Роджер Стафтон, если бы мог разделаться с ночью, со звездами и со сном, который наливает тяжестью его веки. Он никогда бы не стал отдыхать, не позволил бы себе ни минутки отдыха. Он все работал бы и работал, копал, скреб, врезался бы в землю, всегда, беспрестанно трудился бы как вол. Он все вертел и вертел бы вилами, не переставая, как дьявол в пекле, целую вечность.

— Но вилы дьявола бесплодны, а мои нет, нелепый ты старик, — ответил с распаханного поля чей-то замогильный голос. — Дьявол пользуется только кончиками своих вил для того, чтобы шевелить ими отбросы человеческих душ, а я получаю плоды с земли, которую благословил Господь...

К ним двигалась какая-то смутная тень.

— И сколько бы дней моей жизни я этому ни посвятил, все равно этого будет недостаточно, — продолжал голос, как будто читая лекцию, — я не такой, как ты, старый колдун, и не боюсь испачкать свою душу общением с грубой первозданностью природы. Ото! Кого это ты привел к нам сегодня, дух тьмы? Кого ты привел к нам из этих проклятых земель?

Крестьянин подошел поближе, остановился и вытянул шею, стараясь разглядеть их.

— Здесь полно французов и индейцев, — проворчал он. — Стойте! Ни с места!

Они почувствовали, что он поднимает ружье к плечу. Все время, пока он произносил свой монолог, Шаплейф отвечал ему только непрерывным хихиканьем, словно все это казалось ему ужасно забавным. Лошади пугливо дергались и дрожали, испуганные голосом, обрушившимся на них из темноты. Кантор, призвав на помощь все свои познания в английском, как можно учтивее поприветствовал крестьянина, представил ему маленькую Роз-Анн Вильямс и, не делая секрета из того, что они действительно французы, намеренно упомянул имя своего отца: граф Пейрак из Голдсборо.

— Если вы поддерживаете какую-нибудь связь с Бостоном или с заливом Каско, вы, безусловно, слышали о графе Пейраке из Голдсборо. Он купил несколько кораблей, построенных на верфях Бостона.

Крестьянин, не снисходя до ответа, подошел поближе и обошел их кругом, приюхиваясь, как подозрительный пес.

— Я вижу, что ты по-прежнему таскаешь за собой это жуткое краснокожее существо, — сказал он, все еще обращаясь к старому знахарю. — Но лучше притащить в деревню целое гнездо змей, чем одного индейца!

— И завтра утром мы будем лежать в кроватях мертвые и оскальпированные этими предателями, как это случилось с людьми из Уэллса, которые однажды в штормовую ночь дали приют несчастной старом индианке. Она показала дорогу своим сыновьям и внукам, открыла им ворота форта, и все белые были перерезаны. Ибо так говорит Господь: «Никогда не забывай ты, что земля, в которую ты вошел, запятнана нечистотой людей этой земли... И не отдашь ты своих дочерей их сыновьям, и не возьмешь их дочерей за своих сыновей, и не будешь ты думать о их благополучии и о их процветании, и только так станешь ты сильным...» А вот ты, Шаплейф, ты с каждым днем становишься все слабее, потому что ты якшаешься с этими индейцами...

После этого угрюмого монолога на библейскую тему снова воцарилась молчание, и вскоре Анжелика поняла, что этот житель Брунsvик-Фэлса все-таки решил пропустить их.

Он даже возглавил группу и стал первым карабкаться по склону холма. Выбравшись из ложбины, они обнаружили, что снова окунулись в дивную прозрачность длинного весеннего вечера. Порыв ветра донес до них запах конюшен, с полей доносилось мычание коров, загоняемых домой.

Глава 11

Неожиданно передними выросли очертания большой английской фермы, резко вырисовывающиеся на фоне золотистого неба, испещренного красными полосами.

Дом стоял в стороне от других, и единственное освещенное окно, казалось, бросает осторожный взгляд на темную долину, из которой они только что появились.

Подойдя поближе, путешественники смогли разглядеть очертания обнесенной изгородью постройки. Это была овчарня, где стригли овец и делали сыр. Несколько мужчин и женщин сразу же обернулись и уставились на трех лошадей, доставивших к ним незнакомцев.

Чем дальше они продвигались по длинной тропинке, тем ближе казалось пылающее зарево заката.

За поворотом тропы перед ними открылась вся деревня с деревянными домами, лепившимися один над другим по склону холма, вершина которого была увенчана кленами и вязами.

Внизу простирался заросший травой луг, по которому бежал ручей.

Несколько прачек возвращались с него со своими плетеными корзинами, полными белья, удерживая их в равновесии на голове, и их синие платья хлопали, развеваясь на ветру.

За ручьем виднелись поля, поднимавшиеся сглаженными уступами к лесу с его бесчисленными рядами деревьев.

Тропинка превратилась в дорогу и, полого спустившись, повела их мимо домов и садов.

В прозрачном вечернем воздухе, как многочисленные звезды, сверкали свечи, зажженные за оконными стеклами или кусками пергамента, вставленными в рамы, и их яркие огоньки, заменяющие дневной свет, придавали всей этой мирной сцене удивительно праздничный вид, будто все вокруг было унижено драгоценными камнями.

Когда они остановились на другом конце деревни перед внушительным домом с выдающимся верхним этажом, позади собрались почти все обитатели Брунsvик-Фэлса, очевидно узнавшие о их прибытии каким-то таинственным путем. Они толпились, сбившись в кучу, с открытыми ртами и пристально устремленными взглядами — целое море черных и синих одежд, удивленных лиц, белых чепцов и остроконечных шляп.

Когда Анжелика, спешившись, обратилась ко всем присутствующим с приветствием, толпа попятилась с глухим ропотом, но после того как вперед выступил Мопертюи, поставивший на землю маленькую Роз-Анн, этот ропот превратился в гул, в котором смешались негодование, изумление, протест и приглушенные вопросы и замечания, которыми обменивались жители деревни.

— Что я еще такое сделал? — испуганно спросил Мопертюи. — Похоже, они никогда не видели трапперов, так, что ли? Во всяком случае, между нами мир, или, по крайней мере, мне так кажется!

Старый лекарь приплясывал вокруг них, как рыба, выброшенная на берег.

— Это здесь! Это здесь! — нетерпеливо повторял он, показывая на дверь большого дома. Он просто сиял от радости.

Он первый вскарабкался на деревянное крыльцо и твердой рукой толкнул дверь.

— Бенджамин и Сара Вильямс! Я привел к вам вашу внучку Риз-Анн из Биддефорд-Себаго и французов, которые ее захватили, — громко закричал он своим пронзительным ликующим голосом

На какую-то долю секунды перед Анжеликой предстал внутренний вид комнаты: в дальнем конце ее виднелся огромный камин, украшенный медной и оловянной утварью, а по обе стороны от него сидели двое пожилых людей, мужчина и женщина, оба в черном, натянутые и чопорные, как портреты. У обоих были одинаковые белые накрахмаленные воротники, а у женщины еще и огромный кружевной чепец. Оба они сидели неестественно прямо в резных деревянных креслах с высокими спинками. На коленях старика лежала огромная открытая книга, несомненно, библия, а женщина пряла лен. Поблизости, у самых их ног, сидели несколько детей и слуг в синей одежде, которые крутили колеса прялок.

Но это было лишь мимолетное видение, ибо при одном только упоминании о французах оба старика вскочили на ноги, так что библия и прялка грохнулись на пол, и с проворством, удивительным для их возраста, схватили висевшие над камином ружья, очевидно заряженные и взведенные, и прицелились в пришельцев.

Шаплейф захихикал еще громче и радостно потер свои ручки, но вид Анжелики, вытолкнувшей вперед маленькую девочку, произвел такое удручающее действие на стариков, будто напугав их сильнее, чем появление французов, что их руки затряслись, а ружья сразу же показались им невыносимо тяжелыми... Дула начали медленно опускаться, словно под действием какого-то оцепенения.

— О боже! Боже! — пробормотали бледные губы старой леди.

— О господи! — воскликнул ее муж.

Анжелика присела в низком поклоне, умоляя их извинить ее несовершенный английский, и сказала, что она счастлива оттого, что может вернуть им ребенка, перенесшего столь ужасное испытание, целым и невредимым.

— Это ваша внучка Роз-Анн, — настойчиво объясняла она, потому что они как будто не могли это осознать. — Разве вы не хотите ее поцеловать?

Все еще угрюмые, не улыбающиеся Бенджамин и Сара Вильямс продолжали мрачно смотреть вниз, на ребенка, и наконец, тяжело вздохнули.

— Да, да, действительно, — сказал в конце концов старый Бен, — мы и в самом деле видим, что это Роз-Анн, и нам хотелось бы ее поцеловать, но сначала она должна, она непременно должна освободиться от этого невероятного, невозможного красного платья.

Глава 12

— Ты могла бы с таким же успехом привести ее совершенно голой и с дьявольскими рожками в волосах, — заметил Кантор матери немного погодя.

Анжелика, уже осознавшая свой печальный просчет, терзалась раскаянием.

— А что они сказали бы, если бы я все-таки успела пришить к лифу платья золотые бантики, как я собиралась это сделать вначале?!

— Кошмар, — согласился Кантор.

— Но ведь ты жил в Новой Англии, ты должен был предупредить меня. Я пожалела бы свои пальцы вместо того, чтобы срочно шить ей новое платье, в котором мне пришлось возвращать ее этим жутким пуританам.

— Пожалуйста, прости меня, мама... Но ведь они вполне могли оказаться и более терпимой разновидностью. Такие тоже существуют. Да и вообще мне казалось забавным увидеть их реакцию.

— Ты такой же гадкий безобразник, как и этот чудной старый лекарь, которого они, по-моему, боятся, словно чумы. Я нисколько не удивилась бы, узнав, что он предвидел эффект, который произведет на них красное платье Роз-Анн, с той самой минуты, как увидел его впервые. Несомненно, только поэтому он и согласился проводить нас.

Все они, в том числе и несчастная Роз-Анн, были проведены в комнату, представляющую собой нечто вроде гостиной, смежную с главной комнатой. Безусловно, хозяева хотели как можно скорее убрать подальше от зевак ребенка в этом позорном и нелепом платье и женщину, которая ее доставила, чей кричащий и непристойный наряд, увы, слишком явно указывал на

ее религию и национальность — француженка и папистка!

Что за странные существа были эти пуритане; нельзя было не задуматься над тем, есть ли у них сердце... Знают ли они, что такое секс? Наблюдая их более чем прохладные родственные отношения, трудно было представить себе, что их семьи обязаны своим существованием любовному акту. Тем не менее у мистера и миссис Вильямс было многочисленное потомство, и, по крайней мере, двое детей жили в их большом доме в Брунсвик-Фэлсе вместе со своими семьями. Но Анжелика никак не могла понять, почему никто как будто не проявил интереса судьбе Джона и Маргарет Вильямс, которые были взяты в плен индейцами и уведены в Канаду.

Известие о том, что ее невестка родила ребенка в ужасных условиях среди индейских лесов, оставило миссис Вильямс совершенно равнодушной и холодной. А ее муж разразился длинной обвинительной речью, из которой следовало, что Джон и Маргарет получили по заслугам за свое непослушание.

Почему они не остались в Биддефорд-Сако, на побережье, и хорошо организованной, богобоязненной колонии вместо того, чтобы в своей гордости возомнить себя помазанниками Господа, избранными им для того, чтобы основать свою собственную колонию? В дикой глуши, которая так же чревата опасностями для их душ, как и для тел. И еще иметь наглость назвать новое поселение, которое было плодом их гордости и недисциплинированности, Биддефордом — как то место, где они родились?! И вот теперь они в Канаде, и поделом им! Он, Бен Вильямс, никогда не считал, что его сын обладает задатками руководителя и организатора.

От подробностей о несчастных пленниках, которые пытался сообщить ему Кантор, он отмахнулся, сказав,

что все уже знает о них от Дарвина, мужа сестры его невестки, довольно ограниченного молодого человека, который собирается вступить в новый брак.

— Но ведь его жена не умерла, — попыталась объяснить Анжелика. — По крайней мере она была жива, когда я рассталась с ней в Вапассу...

Но Бенджамин Вильямс не желал ее слушать. На его взгляд, все, что лежало к северу от великих лесов, все эти отдаленные, непроходимые земли, где одержимые дьяволом французы натачивали свои ножи, все эти земли вполне могли считаться частью того света, и, собственно говоря, слишком мало английских мужчин и женщин возвращались оттуда живыми.

— А теперь скажи мне совершенно честно, — попросила Анжелика Кантора, — может ли что-нибудь в моей одежде оскорбить их взор? Может быть, я, сама того не сознавая, тоже одета не совсем прилично?

— Тебе нужно было бы закрыть чем-нибудь вот здесь, — нравоучительно заметил Кантор, показывая на низкий вырез ее корсажа.

Они смеялись вместе, как двое детей, когда в комнату вошли служанки в синих платьях, которые внесли огромную лохань, перехваченную медными обручами, и множество кувшинов с горячей водой. За Кантором пришел высокий молодой человек, торжественный, как священник, и Кантор последовал за ним, изобразив на физиономии то же самое официальное и озабоченное выражение, которое казалось столь неуместным на их свежих молодых лицах.

Однако служанки, хорошенькие молодые девушки, на щеках которых играл свежий деревенский румянец, держались далеко не так натянуто. Как только они оказались вне поля зрения старого хозяина, их лица расцвели улыбками и они принялись с оживленным блеском в глазах рассматривать Анжелику, появление

которой было самым значительным событием в их жизни. Они с восхищением изучили каждую деталь ее наряда, несмотря на его простоту, и повторили каждый ее жест, что, впрочем, совсем не мешало им быстро сновать то туда, то сюда, принести в деревянной чашке кусок мыла и нагреть перед огнем полотенца.

Прежде всего Анжелика занялась Роз-Анн. Она уже не удивлялась больше тому, что маленькая англичанка временами казалась ей немного туповатой, ибо теперь она знала, в какой среде та росла. Атмосфера Ла Рошели давала о ней только самое смутное представление.

Тем не менее когда пришло время снова одеваться, и Анжелика пошла, чтобы взять приготовленное для девочки темное платье, робкий ребенок взбунтовался. Ее пребывание среди французов, каким бы коротким оно ни было, было гибелью для нее — так, по крайней мере, расценил позднее Его Преподобие пастор. Она неожиданно и страстно отшвырнула мрачное платье, уткнулась лицом в грудь Анжелики и залилась слезами.

— Я хочу, чтобы мне дали мое хорошенькое красное платье! — кричала она.

И как будто для того, чтобы подчеркнуть, откуда взялась в ней эта строптивость, она несколько раз повторила эту фразу по-французски, к величайшему потрясению служанок, оцепеневших от ужаса. Этот нечестивый язык на устах Вильямсов, этот бесстыдный взрыв своеволия и несдержанности, это неприкрытое кокетство — все это было ужасно неприятно, неловко и не предвещало ничего, кроме беды...

— Миссис Вильямс никогда на это не согласится, — нерешительно сказала одна из девушек.

Глава 13

Старая Сара Вильямс стояла очень прямая, очень высокая, очень худая, очень внушительная, с царственным видом, торжественно взирая сверху вниз на внучку и Анжелику. Ее позвали, чтобы урегулировать конфликт, и, действительно, никто не смог лучше, чем она, призвать на помощь дух Правосудия и Отречения. При ближайшем рассмотрении эта женщина в своем черном платье с белым гофрированным воротничком, над которым очень прямо возвышалась ее шея, производила сильное впечатление.

Ее веки, большие, тяжелые, синеватые, прикрывали черные, немного выпуклые глаза, которые то и дело вспыхивали на ее бледном, почти белом лице, черты которого, тронутые временем, тем не менее несли на себе отпечаток величественности.

И глядя на ее худые, бледные, набожно сложенные руки, нельзя было забыть ту молниеносную скорость, с которой они еще были способны схватить ружье.

Роз-Анн продолжала плакать, и Анжелика погладила ее по голове.

— Она же еще ребенок, — умоляюще обратилась она к непреклонной старой леди. — Ведь это же так свойственно детям — любить все яркое, радостное, красивое... И тут она заметила на голове миссис Вильямс изысканный чепчик из фламандского кружева, одно из тех самых изобретений дьявола, ввергающих в грех тщеславия, о котором так недавно распространялся старый Бен.

Миссис Вильямс показала жестом, что Роз-Анн может снова надеть свое возмутительное платье при условии, что она прикроет часть его вызывающего великолепия этим фартуком.

Потом, повернувшись к Анжелике, она подмигнула ей с заговорщическим видом, и по ее тонким, плотно сжатым губам проскользнула лукавая улыбка.

После этих обоюдных уступок Вильямсы и их гости вновь собрались вместе за столом для вечерней трапезы.

Мопертюи прислал сказать, что они с сыном воспользовались гостеприимством одного из жителей, с которым у них завязалось знакомство из-за мехов, когда они путешествовали в Салем.

Адемар, как потерянная душа, бродил по заросшим травой тропинкам колонии, сопровождаемый толпой любопытных юных пуритан, которые время от времени робко касались пальцем голубого мундира солдата короля Франции и его мушкета, свисавшего с безвольного плеча.

— В лесу полно дикарей, — скулил он, — я чувствую, что они повсюду вокруг нас.

Анжелика вышла, чтобы позвать его.

— Да полно, Адемар, мы же не встретили ни одной души за весь день! Пойдем в дом, подкрепись хоть немного.

— Сидеть среди этих еретиков, которые ненавидят Деву Марию? Никогда!

Он так и остался за дверями, хлопая себя по щекам, чтобы избавиться от москитов, и перебирая в уме опасности, которые подкрадывались к нему со всех сторон в этой проклятой стране — дикари, англичане... Он даже начинал чувствовать себя безопаснее в присутствии Анжелики, хотя в ней, как подозревали, таился дьявольский дух, но она, по крайней мере, имела преимущество быть француженкой. И более того, эта женщина, которую называли дьяволицей, разговаривала с ним терпеливо и ласково. Поэтому он останется здесь на страже и будет охранять ее, раз уж

офицеры короля сделали его солдатом и вложили в его руки мушкет.

Анжелике дали чашку горячего молока с разбитым в него яйцом. Она пришла в восторг от этого простого блюда с его таким знакомым, но почти забытым ароматом. Кроме того, на столе была индюшка в мятном соусе, который придавал ей особый привкус, и початки кукурузы. Потом подали пирог, начинка которого восхитительно пахла черникой.

Англичане были ужасно поражены, узнав, что граф де Пейрак и его семья жили в верховьях Кеннебека, более чем в четырехстах милях от моря. Конечно же, они были французами, но тем не менее их подвиг можно было считать беспримерным, особенно если учесть, что с ними были женщины и дети.

— Это правда, что вам пришлось съесть своих лошадей? — спрашивали они.

Молодые люди особенно интересовались этим джентльменом, который был другом и представителем Массачусетского залива. Каковы его планы? Правда ли, что он пытается заключить союз с индейцами и соотечественниками-французами, чтобы положить конец смертоносным набегам на Новую Англию?

Старый Бенджамин не принимал участия в разговоре. Он, конечно, слышал о графе де Пейраке, но предпочитал не забивать свою голову всей этой чепухой о разных народах, которые теперь якобы населяют Мэн.

Разве мало того, что сейчас на берегах Массачусетса почти не осталось свободных мест? Ему была неприятна сама мысль о том, что на земле существуют еще какие-то люди, кроме тех, что принадлежат к его маленькому роду.

Он хотел бы оставаться один со своими близкими, как на заре человеческого существования или как Ной, только что вышедший из ковчега.

Он всегда устремлялся к незаселенным землям, всегда любил представлять, что только они одни могут славить своего Создателя, они, «возлюбленная паства, избранные Богом для вящей славы его», но мир все время настигал его, напоминая о том, что Создатель, должно быть, считал необходимым поделить свои дары среди всех этих бесчисленных неинтересных и неблагодарных людей.

Анжелика, с первого взгляда узнавшая в этом патриархе не ведающего пристанища вожака (ей достаточно было только увидеть его длинный, надменный, любопытствующий нос, выступающий над белой бородой, и его суровый взгляд), с удивлением спросила себя, почему он так зол на сына за то, что тот хотел последовать примеру независимого отца, оставив Биддефорд-Сако для того, чтобы основать Биддефорд-Себаго. Но это, по-видимому, была одна из тех тайн во взаимоотношениях отцов и сыновей, которые существовали с основания мира. Человеческие недостатки прорезаются сквозь самые крепкие и благочестивые скорлупки, и Анжелика качала чувствовать первые проблески симпатии и привязанности к этим прямым, непреклонным людям.

Их очень интриговало присутствие Кантора. Этот молодой человек с яркими глазами словно не принадлежал ни этому, ни какому-либо другому месту на земле.

Англичане безоговорочно приняли его благодаря безупречному английскому и знанию Бостона; но потом, вспомнив о том, что он тоже француз и папист, несколько отпрянули назад. Все присутствующие — и старый Бенджамин, и его сыновья, и его зятя — с любопытством разглядывали Кантора из-под своих нахмуренных лбов, спрашивали, заставляли говорить и тщательно обдумывали каждый его ответ.

Незадолго до конца трапезы открылась дверь, и в комнату вошел огромный человек с толстым животом, появление которого мгновенно остудило постепенно установившуюся за столом веселую, дружескую атмосферу.

Оба старика немедленно приняли самое неприступное выражение.

Это был преподобный Томас Патридж.

Он сердито оглядел присутствующих и, когда его взгляд упал на Анжелику, остановился как вкопанный, изображая потрясение, словно ее вид превзошел худшее, что он мог вообразить. Печально и презрительно посмотрел на Роз-Анн, бесстыдно перемазавшуюся черникой, и демонстративно закутался в свой необъятный длинный женевский плащ, как будто отгораживаясь от окружавшего его порока.

— Я вижу, Бен, — начал он замогильным голосом, — я вижу, что мудрость не посетила тебя и в твоём преклонном возрасте: ты принимаешь здесь иезуитов и папистов, ты настолько безрассуден, что приветствуешь за своим столом живое воплощение женщины, которая послужила причиной столь ужасного низвержения человека, самое Евы, и она еще рисуется своей безответственностью и своими уловками обольстительницы! Ты осмелился приютить в лоне своей богобоязненной семьи этого ребенка, от которого нельзя ждать ничего иного, кроме позора и беспорядка. И в довершение всего ты осмелился приветствовать в своем доме его, встретившегося с Черным Человеком в лесу и подписавшего своей собственной кровью нечестивую книгу, протянутую ему самим Сатаной, что позволило ему безнаказанно разгуливать по тропам Язычников, но навсегда преградило доступ в каждый благочестивый дом...

— Это ты обо мне говоришь, пастор? — спросил старый Шаплейф, оторвав нос от своей тарелки.

— Да, о тебе, болван ты этакий! — прогремел пастор. — О тебе, который, не заботясь о душе, осмелился погрязнуть в магии, чтобы удовлетворить свое постыдное любопытство. Я, кого Господь наделил особым духовным видением, позволяющим читать в глубине людских душ самые сокровенные тайны, без труда могу разглядеть дьявольскую искру, сверкающую в твоих глазах...

— А я, пастор, могу прочесть в твоих налитых кровью глазах — и хотя эта кровь не имеет ничего общего с адскими силами, она тем не менее слишком густа и опасна для твоего здоровья, — так вот, я могу прочесть в них, что если только ты не побережешься, то в один прекрасный день будешь сражен одной из своих неистовых вспышек гнева...

Старый лекарь встал и, с многозначительным видом подойдя к разъяренному священнослужителю, заставил его наклониться, чтобы получше разглядеть белки его глаз.

— Я не стану настаивать на том, чтобы пустить тебе кровь, — сказал он. — Это было бы бесконечным делом. Но в моем мешке есть кое-какие травы, найденные благодаря моему постыдному любопытству, и эти травы, если ты согласишься подвергнуться моему лечению, позволят тебе беситься и толкать речи так часто, как будет угодно твоей душе, без всякого ущерба для твоего здоровья. Иди-ка ты в кровать, пастор. Я приду к тебе и сожгу немного укропных и других семян, чтобы отогнать демонов.

На этом и закончились пасторские обличения в этот особенный вечер.

Глава 14

Грубо обтесанные балки пахли медом, а в уголках и в щелях между ними виднелись пучки засушенных цветов.

Анжелика проснулась. В звездной ночи раздался пронзительный крик козодоя. Этот крик, с его повторяющимися двумя нотами, походил на скрип прялочного колеса и то удалялся, то вновь приближался. Она встала, подошла к окну и, опершись локтями о подоконник, выглянула в лес. Она знала, что люди в Новой Англии говорят, будто этот плач козодоя с его заунывностью означает: «Плачь! Плачь, бедный Вильям!» Они стали так говорить после того, как один из первых поселенцев, по имени Вильям, обнаружил, что его жена и дети перерезаны. Ночью он слышал звук, который принял за обычный крик козодоя, но на самом деле это был сигнал, который подавали спрятавшиеся в траве индейцы, подкрадываясь к хижине белого человека.

Неожиданно крик прекратился; на фоне ночного неба мелькнула тень — два остроконечных крыла и длинный закругленный хвост. Плавный бесшумный полет прерывался внезапными бросками то туда, то сюда. И — сверкание красного глаза. Птица охотилась.

Ночь была наполнена шумным стрекотаньем и кваканьем множества сверчков, кузнечиков и лягушек. Из леса доносился запах диких животных, аромат дикой земляники и тмина перемешивался с несвежим запахом хлева и навоза.

Анжелика снова забралась на свою высокую дубовую кровать. Ее причудливо выточенные столбики поддерживали обычно балдахин, отделанный бахромой, но в эту знойную июньскую ночь — ситцевый полог.

Льняные простыни, сотканые самой Сарой Вильямс, благоухали, как и вся комната, свежим ароматом цветов.

Из-под большой кровати были вытащены деревянные козлы, на них водружен матрас. В эту последнюю ночь здесь спала Роз-Анн.

Анжелика почти сразу же уснула снова.

Когда она вновь открыла глаза, небо над темной, плавной линией вязов на склоне холма было уже серовато-зеленый, а вместо заунывного крика козодоя раздавалась нежная и торжественная песня дрозда. Аромат свежих цветов и сирени, растущей вдоль заборов из струганых досок, вытеснял запахи ночи и леса.

Тыквы и кабачки, растущие у подножия домов под прикрытием своих вьющихся листьев, сверкали так, словно их украсила тяжелая утренняя роса.

И благоухание сирени в этом напоенном росой воздухе казалось необыкновенно свежим и сильным.

Анжелика снова оперлась локтями о подоконник маленького окна. Из утренней дымки начали один за другим появляться причудливые очертания деревянных домов с ломаными, неправильными плоскостями ребристых крыш, иногда спускавшихся почти до самой земли. С их фронтонами и нависающими верхними этажами, с огромными прямоугольными кирпичными трубами, возвышающимися точно посередине гребня крыши, они походили на миниатюрную копию феодального поместья Елизаветы. Большинство из них было построено из белой сосны, которая отливала серебром в проясняющемся свете утра.

Некоторые хозяйственные постройки были сколочены из грубо обтесанных бревен и покрыты соломой, но в целом деревня выглядела опрятной и процветающей.

За небольшими свинцовыми рамами не защищенных ставнями окон начали загораться свечи. Все говорило о покое и уюте, проистекающих из внимания, которое здесь уделялось мелочам жизни, и из сознания ценности времени, которое никогда не расходовалось впустую. Казалось, что вся жизнь этих изолированных от остального мира общин состояла из мелких, но существенных деталей. И многоцветные сады предназначались здесь не столько для того, чтобы радовать сердце и глаз, сколько для того, чтобы в них можно было посадить множество целебных, ароматических и съедобных растений.

Анжелика, удивленная и очарованная всем этим, поймала себя на мысли: что за люди эти англичане, которые привыкли не считаться ни с кем, кроме самих себя, и, просыпаясь, думали прежде всего о молитве. До чего же они отличались от людей, среди которых она привыкла жить! Выброшенные на берега Америки страстным и непоколебимым стремлением молиться по своему вкусу и необходимостью найти на земле место, где они могли бы это делать, они принесли сюда свой образ Бога, который запрещал развлечения, музыку, карты и красные платья — в сущности, все, что не было Работой или Богослужением.

Источником их радости и наслаждения было сознание хорошо сделанной, продуктивной работы. Чувство, что они в совершенстве справились со своей задачей, доставляло им высшее удовольствие, а спокойствие семейной жизни заменяло восторги чувственности.

Но их теология, отвергнув святых и ангелов, не оставила себе ничего, кроме демонов, которых они видели на каждом шагу. Они четко и полно знали их сложный иерархический порядок, от маленьких зловредных духов с острыми когтями, которые

протыкали мешки с зерном, до страшных властителей тьмы с их кабалистическими именами.

Однако красота земли, куда привел их Господь, скорее свидетельствовала в пользу ангелов.

Разрывающиеся на части из-за постоянных метаний от мягкости к неистовству, от сирена к терну, от честолюбивых помыслов к самоотречению, они находили оправданным жить, постоянно думая о своем последнем часе.

И тем не менее это все-таки недостаточно занимало их умы, по крайней мере, таково было мнение преподобного Патриджа, которое он неистово обрушивал на их головы в каждой воскресной проповеди.

Выглядывая из своего окна, Анжелика с удивлением заметила, что наступление дня не сопровождалось никакими признаками оживления деревни. Никто не выходил из дока, за исключением нескольких женщин, отправившихся на реку за водой, но и у них был необыкновенно беззаботный вид, и они явно не торопились.

Это и в самом деле было воскресенье. Воскресенье! В том числе и для католиков, о чем ей напомнило хныканье Адемара под окном.

— Сегодня праздник Св. Антония Падуанского, мадам, — проскулил он.

— Да поможет он тебе снова найти голову и утраченное тобой мужество! — ответила Анжелика, намекая на то, что Св. Антоний, как утверждали, помогал людям находить их утраченную собственность.

Но Адемару это казалось совсем не забавным.

— Спокойнее, — прошептала Анжелика, — и убери подальше свои четки. Протестанты не любят такие вещи.

Но Адемар продолжал судорожно сжимать в руках четки и непрестанно бормотать молитвы, в которых он

умолял Пресвятую Деву и всех святых защитить его, и куда бы он ни направился, его неотступно сопровождала толпа маленьких пуритан в сверкавших еще сильнее, чем вчера, башмаках и следящих за ним широко раскрытыми глазами из-под своих круглых шляп или черных чепчиков.

Тот факт, что сегодня было воскресенье, чего не предусмотрели по своей глупости французы, полностью расстроил их планы относительно отъезда.

Все остановилось, все замерло. Не могло быть и речи о том, чтобы заняться приготовлениями к путешествию — это толкнуло бы на скандал всю деревню.

Старого Шаплейфа, который шествовал через деревню со своим багажом и мушкетом на плече в сопровождении индейца и, очевидно, направлялся к лесу, провожали хмурыми, недобрыми взглядами, перешептыванием и даже угрожающими жестами. Но он совершенно не обращал на это внимания и шел мимо них насмешливый и презрительный, как всегда. Анжелика позавидовала независимости его ума.

Старик внушал ей то же восхищение, в которое ее когда-то приводил замечательный Савари. Единственным, что представляло для него интерес, была наука, и он давно перестал считаться с предрассудками своих собратьев по религии, если они хоть как-то мешали выполнению его основной задачи. Когда, бредя по лесу, он начинал приплясывать, размахивая своими бледными сужающимися пальцами, это означало, что он заметил какие-то цветы или почки, на которые и указывает себе, называя их при этом полатыни и запоминая место, где они растут.

Разве Анжелика не вела себя точно так же, когда искала необходимые ей травы в лесах вокруг Вапассу?

Старый Шаплейф и она узнали друг в друге родственные души, и Анжелика была очень опечалена,

когда увидела, что он уходит и скрывается из виду в тенистом ущелье, которое ведет к реке Андроскоггин.

Со склона холма донесся звон колокола, и все верующие направились к молитвенному дому, который представлял собой укрепленное строение, стоявшее над деревней среди вязов. Этот дом служил не только церковью, но также и центром, где вершились все мирские, гражданские дела.

Построенный из леса и обшитый досками, он ничем не отличался от других домов деревни, если не считать небольшой остроконечной колоколенки. Он служил еще и крепостью: в случае набега индейцев здесь могло укрыться все население деревни. В верхнем этаже его стояли две пушки, и их черные дула, виднеющиеся через амбразуры, обрамляли башенку с колоколом, этот символ мира и молитвы.

Сюда согласно обычаю, установленному отцами Новой Англии, приходили люди Брунsvик-Фэлса, чтобы держать совет, славить Господа, читать Библию, заниматься делами колонии, увещевать и слушать увещевания, осуждать соседей и подвергаться осуждению, и Бог принимал участие во всех этих делах. Анжелика не сразу решилась присоединиться к этой суровой компании, ибо остатки ее католического воспитания не позволяли ей без замешательства подумать о том, чтобы посетить еретическую церковь. Это был смертный грех, страшная опасность для души верующего. Корни ее нерешительности уходили в детство, полное ярких впечатлений.

— А я надена мое красное платье? — осведомилась Роз-Анн.

Направляясь к молитвенному дому вместе с ребенком, Анжелика заметила, что жители Брунsvик-Фэлса, по-видимому, несколько отступили от своих строгих правил ради Господа.

Хотя таких красных платьев, какое она сшила для Роз-Анн, все-таки не встречалось, можно было полюбоваться на маленьких девочек в розовом, голубом и белом. Красовались здесь и атласные ленты, широкополые шляпы, украшенные пряжками или перьями, кружевные чепчики. Женщины носили шляпы поверх своих чепчиков с узкими расшитыми краями, а кружевные чепцы, сшитые по английской моде, были очень удобными и практичными, и Анжелика сама носила такой во время своих скитаний по Америке.

Все наряды несли отпечаток спокойной элегантности, которая находилась в полной гармонии с неброскими, светлыми деревянными домами, окруженными кустами сирени и мягкой голубизной неба.

Прекрасное воскресенье в Невехеванике — стране весны.

Увидев проходящую Анжелику, жители ласково улыбались ей и кивали головами, а убедившись, что она направляется в церковь, пропустили ее вперед и последовали за ней, очень довольные, что в это утро она будет их гостьей.

Кантор присоединился к матери.

— Я чувствую, что мы не должны упоминать о нашем отъезде, это было бы неуместно, — сказала ему Анжелика. — Но судно твоего отца будет ждать нас в устье Кеннебека сегодня вечером или, самое позднее, завтра...

— Мне кажется, что мы могли бы отбыть после окончания службы. Сегодня все животные остались в поле, и за ними всеми приглядывает только один пастух. Телятам позволили сосать мать, чтобы не доить коров. Сегодня все отдыхают от всякой работы. Но я недавно видел Мопертюи, который вел к реке ваших лошадей. Он сказал, что хочет, чтобы они попаслись там под присмотром его сына, а к полудню он приведет

их обратно. Тогда мы сможем отправиться в путь, если даже это и будет означать, что сегодня нам придется располагаться на ночевку в лесу.

Выйдя на площадь перед молитвенным домом, они увидели нечто вроде деревянной стойки на довольно высокой платформе. В верхней части ее были прорезаны три дыры, причем средняя была гораздо больше других. Как объяснил Кантор, это был знаменитый позорный столб, у которого выставляли на всеобщее обозрение негодяев и еретиков. Рядом с этим варварским приспособлением висела доска, где писалось имя провинившегося и причина его наказания.

Карательные учреждения маленькой пуританской колонии состояли из этого позорного столба и места для бичевания.

К счастью, в это утро позорный столб был пуст, хотя преподобный Патридж и намекал в своей проповеди на то, что, по всей вероятности, он получит обитателя в самом недалеком будущем.

Сидевшая среди застывших, как восковые фигуры, верующих Анжелика узнала, что нарядные костюмы, которые она заметила в это утро, были отнюдь не результатом законного желания отметить Господний День, а скорее чем-то вроде безумия, внезапно охватившего вышедшее из повиновения стадо достойного священнослужителя. Буйное помешательство, занесенное извне... Не нужно было далеко идти, чтобы найти его источник, ибо оно проистекало из полувосточной религии, развращенность которой — под предводительством людей, стоящих на службе у дьявола, — едва-едва не увлекла к гибели все человечество. За этим последовал длинный перечень исторических фигур, в котором папы Клемент и Александр соседствовали бок обок с Астаротом, Асмодеем и Белиалом. Анжелика достаточно понимала английский, чтобы уловить, что в своей

напыщенной речи пастор то сравнивает с антихристом здравствующего папу, то, не переводя дыхания, вещает о Вельзевуле, и подумала, что он, пожалуй, все-таки хватает через край.

Все это напомнило ей времена ее молодости и детства, все те бесконечные стычки, которые она и другие дети затевали с маленькими гугенотами; те еретические фермы в Пуату, на которые все указывали с суеверным ужасом и осуждением; их жителей, державшихся поодаль от католических общин, их одинокие могилы под кипарисами.

Томас Патридж напомнил собравшимся о мимолетности всех атрибутов тщеславия.

Он гремел, обличая их слишком длинные волосы, — как у мужчин, так и у женщин. Слишком много ухоженных, нескромных локонов. Все это было просто ужасно и говорило об идолопоклонстве.

— Бертос! Бертос! — вдруг закричал он.

Можно было подумать, что он заклинает еще какого-то демона, но это был всего лишь церковный сторож, которого он громогласно призывал, чтобы тот пошел и разбудил какого-нибудь бессовестного человека, задремавшего, несмотря на весь этот крик.

Бертос, некий гном, подстриженный под горшок, вскочил со своего места и направился к спящему со своим длинным прутом, оканчивающимся оленьим копытом и пером, и с силой ударил им по голове провинившегося.

Перо служило для той же цели, выполняемой с большей деликатностью, поскольку речь шла о дамах. Если одна из них засыпала, не в силах выдержать проповедь, затянувшуюся сверх всякой меры, ей щекотали под носом этим пером.

— Жалкие грешники! Жалкие грешники! — продолжал священник замогильным голосом. — Вы напоминаете мне в своей слепоте людей Лаиса,

которые, как говорит Библия, не задумывались о своей безопасности, а их враги, дети Дана, точили ножа и готовились зарезать их. Но они продолжали смеяться и танцевать, считая, что у них нет врагов во всем мире, потому что не желали оглядеться вокруг и принять меры против грядущей опасности.

— Прощу прощения, но я не согласен с этим, — прервал его старый Бенджамин Вильямс, сидящий прямо, как будто проглотил аршин. — Пожалуйста, не намекайте, будто я не забочусь о безопасности моих людей! Я только что отправил послание правительству Массачусетса с просьбой прислать к нам восемь или десять сильных, наблюдательных людей, которые защитили бы нас во время жатвы...

— Слишком поздно! — взревел священник, приведенный в бешенство этим вмешательством. — Когда нет святости в душе, все людские предосторожности тщетны. Аминь, аминь, говорю я тебе: ко времени жатвы тебя уже не будет. Даже завтра, да, даже, может быть, до наступления этой ночи, как многих из вас, уже не будет! Индейцы в лесу вокруг нас, они готовятся к нападению! Я их вижу, я слышу, как они точат свои ножи для скальпов, да, я вижу алую кровь, сверкающую на их руках, твою кровь... и твою, — закричал он, внезапно показав на некоторых из присутствующих, которые страшно побледнели. Но и все остальные тоже были охвачены ужасом.

Рядом с Анжеликой сидела хрупкая, маленькая старая леди по имени Элизабет Пиджин, в обязанности которой входило обучение девочек деревни: она дрожала от страха, как осиновый лист.

— Ибо красный цвет не есть цвет радости, — провозгласил замогильным голосом Томас Патридж, сурово глядя на Анжелику, — это цвет бедствия, и вы внесли его к нам, бесчувственные люди! Скоро

услышите вы голос Всемогущего, который провозгласит с небес: «Ты предпочел удовольствия этого мира радости глядеть в Мое лицо. Потому да скроешься ты навсегда с глаз моих, да исчезнешь ты!» И погрузитесь вы во тьму Ада, и будете вы вечно пребывать в бездонной, черной бездне, вечно... вечно... всегда, всегда!

Все содрогнулись. Нерешительно вышли люди на залитую солнечным светом площадь, еще преследуемые эхом этого неумолимого загробного голоса: «Навсегда! Вечно, вечно!»

Глава 15

— Этот шум из-за красного платья никогда не кончится, — проворчала Анжелика.

Безмятежность воскресной трапезы, сопровождаемой чтением отрывков из Библии, не до конца развеяла неприятное чувство, оставшееся от пасторской проповеди. После завтрака Анжелика провела некоторое время в садике, где росли съедобные и лекарственные растения, изучая их и растирая обрывки некоторых между пальцами, чтобы определить их по запаху. В знойном, накаленном солнцем воздухе озабоченно гудели пчелы. Внезапно ей нестерпимо захотелось увидеть Жоффрея. Мир вокруг показался ей пустым, а ее присутствие в этой английской деревне — чем-то странным и невыносимым; это ощущение напоминало то удивление, которое человек иногда испытывает во сне, не понимая, что он здесь делает, и чувствуя, что происходит что-то странное и необъяснимое.

— И о чем только думает Мопертюи? — крикнула она Кантору. — Ты только посмотри! Солнце уже садится, а он все еще не явился из леса с лошадьми!

— Я пойду посмотрю, что там, — крикнул Кантор и быстро пошел на противоположный конец деревни.

Она наблюдала, как он приближается к деревьям, образующим зеленый заслон вокруг поселения. Она уже была готова позвать его обратно, закричать: «Нет, Кантор, не уходи! Кантор, сын мой, не ходи в лес!» Но он уже исчез за поворотом тропинки, которая вела к овчарне и к самому дальнему дому, стоящему у самого леса. Поэтому она вернулась в дом Бенджамина, поднялась по лестнице, торопливо завязала свой кожаный мешок, схватила пистолеты, надела шляпу и

быстро спустилась вниз. Под окнами сидели несколько служанок, которые были ничем не заняты по случаю воскресенья, и то ли мечтали, то ли молились. Не желая тревожить их, она молча прошла мимо и вышла на заросшую травой деревенскую улочку. Роз-Анн в своем красном платье увязалась за ней.

— Ох, не уходите, милая леди, — пробормотала девочка на своем нескладном французском, едва поравнявшись с ней.

— Дорогая моя, но я уже ДОЛЖНА покинуть вас, — ответила ей Анжелика, не замедляя шага. — Я и так очень задержалась. Не знаю, как вы проводите здесь свое воскресенье, но я уже должна бы быть на побережье, где меня ждет корабль. А теперь так поздно, что мы не доберемся туда раньше, чем к рассвету...

Маленькая англичанка с трогательной привязанностью и заботой попыталась отнять у Анжелики ее багаж, чтобы самой понести его, и так они вместе вскарабкались по склону холма и, повернув по тропинке, увидели последние дома деревни, самые маленькие и бедные, построенные из бревен и покрытые соломой и березовой корой, а за ними в отдалении самый последний дом — большую овечью ферму. Но, прежде чем добраться до него, нужно было еще пройти мимо сарая, где хранился маис и где провели эту ночь французы. Должно быть, именно здесь нашел сейчас убежище Адемар, спасавшийся во сне от своих страхов. После сарая им встретился небольшой домик учительницы, мисс Пиджин, окруженный зарослями цветов. Он находился в некотором отдалении от добротной фермы с ее фронтоном и флюгером — этой красивой постройки, стоящей среди хорошо огороженных пастбищ. За ней виднелась ложбина, из которой они выбирались накануне вечером, несколько вспаханных полей, спускавшихся по крутому склону, а

еще дальше — лес, царство деревьев, стремительных вод и отвесных скалистых уступов.

В саду мисс Пиджин они неожиданно увидели величавую фигуру миссис Вильямс, стоявшую среди мальв, с которых она ловко обрывала засохшие цветки. Она властным жестом подозвала к себе Анжелику, которая опустила на землю свой багаж и направилась к старой даме, чтобы попрощаться с нею.

— Взгляните только на эти мальвы, — сказала миссис Вильямс. — Неужели они должны страдать только потому, что сегодня день Господен? Я получила еще один нагоняй от пастора, но я оборвала его. Мы сегодня и так сыты по горло...

Указательным пальцем руки, затянутой в перчатку, она показала на маленький домик за своей спиной.

— Он сейчас там, вещает этой бедняжке Элизабет о ее последнем часе!

Ее проворные пальцы снова принялись за работу, а острые глаза под тяжелыми веками бросили быстрый взгляд на Анжелику, после чего в уголках ее суровых губ промелькнула тень улыбки.

— Возможно, они поставят меня у позорного столба, — сказала она. — А на доске напишут: «За чрезмерную привязанность к мальвам!»

Анжелика смотрела на нее, немного растерявшись, и на ее губах тоже мелькнула улыбка. Еще с прошлого дня, когда она впервые столкнулась лицом к лицу с этой грозной, на первый взгляд, не внушающей симпатии старой леди, последняя как будто находила определенное удовольствие, внезапно обнаруживая неожиданные стороны своего характера. Анжелика уже не знала, что о ней думать, и теперь была в затруднении: то ли миссис Вильямс поднимает ее на смех, подшучивая и провоцируя ее, то ли она, Анжелика, перестала понимать по-английски. Ей пришла в голову мысль, что достойная старая

пуританка, может быть, имеет небольшое пристрастие к какому-нибудь сильному напитку — джину или, скажем, рому, которые иногда могут приводить ее в веселое настроение, но она тут же отогнала эту мысль, как совершенно неправдоподобную и чудовищную. Нет, это было что-то иное, может быть, и нечто подобное опьянению, но бессознательному и происходящему из совсем другого, очень чистого источника.

Потом, стоя перед этой высокой величественной женщиной, которая возвышалась над ней суровая и твердая, как скала, и тем не менее была способна на неожиданные проявления такой беззаботной независимости, Анжелика испытала то же чувство нереальности всего происходящего, которое впервые ощутила немного раньше. Это было сомнение в том, что она действительно находится здесь, ощущение непрочности, зыбкости всего окружающего, как будто земля ускользала из-под ее ног.

Но все это ей только казалось. Природа вокруг них замерла, напоенная густым ароматом цветов и гудением пчел.

Сара Вильямс вышла из чащи мальв, с любовью проводя пальцами по их стеблям с тугими розетками зеленого, розового и чисто белого цвета.

— Теперь они счастливы, — пробормотала она.

Она отворила калитку и двинулась к Анжелике, снимая на ходу перчатки и засовывая их в большой кошелек, висящий у пояса, в котором она носила небольшие садовые инструменты. При этом ее глаза ни на мгновение не отрывались от лица незнакомки, вернувшей ей вчера маленькую внучку.

— Встречались ли вы во Франции с королем Людовиком XIV? — спросила она. — Говорили ли вы с ним? Да, я уверена, что так оно и было. На вас еще остался отблеск Солнца. Ах вы, француженка! Как же вы грациозны! Пройдитесь немного, пожалуйста, —

попросила она, сопровождая свои слова жестом, который указывал, куда отойти Анжелике, — пройдите для меня вот туда...

Странная улыбка, таящаяся в уголках ее губ, стала заметнее, как будто она уже не могла сдерживать какое-то тайное веселье.

— Я тоже слишком похожа на ребенка. Я люблю все яркое, изящное и свежее...

Анжелика прошла несколько шагов, как просила ее старая женщина, я повернула обратно. Выражение ее лица было насмешливым, однако, хотя она сама и не подозревала об этом, в нем было что-то ребяческое. Старая Сара Вильямс очаровала ее. Стоящая здесь, в тени огромных вязов, листья которых бросали зеленоватый отсвет на ее восковые щеки, заставляя их казаться еще более бледными, чем обычно, эта высокая англичанка держалась так прямо, и ее шея над небольшим крахмальным жабо была такой длинной и изящной, что ей могла бы позавидовать любая королева. Ее тонкая талия, затянутая тугим корсетом, внизу переходила в более плавную линию, подчеркиваемую юбкой с фижмами, представлявшими собой нечто вроде валика из черного бархата, который носился вокруг бедер, как пояс. Такова была мода начала века, и Анжелика видела такие платья на своей матери и тетках. Но ее черная верхняя юбка, присобранная над темно-лиловой нижней, была короче, чем носили в те дни, к миссис Вильямс, немного придерживая ее одной рукой у талии, не проявляла ни малейшего беспокойства от того, что это позволяло увидеть ее сапоги, тоже черные, но изящно сшитые, которые, вероятно, были очень удобны для ходьбы по влажным тропинкам и вспаханым полям.

«Как она, должно быть, была прекрасна», — подумала Анжелика. Возможно, и она станет когда-нибудь такой же... Она мысленно увидела себя в таких

же сапогах, быстро шагающую по своим владениям. Люди будут замедлять шаг из уважения к ней, а она будет испытывать полную внутреннюю свободу, и сердце ее будет переполняться радостью при одном только виде цветущего луга или ребенка, делающего первые шаги. Возможно, она будет менее скованна, менее сурова... Но была ли в действительности так уж сурова и миссис Вильямс? Сейчас она приближалась к ней, и ее лицо с тяжелыми, несколько увядшими чертами, которые тем не менее были проникнуты гармонией, было озарено зеленым отблеском лучей, пробивающихся сквозь листву, и несло на себе печать нескрываемого удовлетворения. Она остановилась рядом с Анжеликой, и тут выражение ее лица неожиданно резко изменилось.

— Неужели вы не слышите этого запаха краснокожих? — спросила она, сдвинув свои темные брови и глянув надменно и неприятно, как прежде.

В ее голосе звучали ужас и отвращение.

— И вы можете не слышать его?

— Да, и в самом деле не могу ничего услышать, — ответила Анжелика.

Тем не менее она содрогнулась. И все-таки ей казалось, что воздух нигде еще не был так чист, как здесь, на склоне этого холма, так напоен ароматами жимолости и вьюнков, смешанными с благоуханием садовых цветов, где преобладали запахи сирени и меда.

— Я чувствовала этот запах часто, слишком часто, — сказала Сара Вильямс, качая головой, словно упрекала себя в чем-то. — Я всегда могу уловить его, он преследует меня всю мою жизнь. Он словно пропитывает все вокруг меня. Хотя и прошло уже много времени с тех пор, как я и Бенджамин брались за оружие, чтобы защитить наш дом от этих красных змей... Когда я была ребенком... и потом, позже, когда мы жили в хижине около Уэллса...

Она оборвала себя и вновь покачала головой, не желая больше вспоминать столь знакомые ей чувства страха и непрестанной готовности к битве.

— Там, там было море... В крайнем случае можно было бежать этим путем. Но здесь, здесь моря нет...

Они прошли еще несколько шагов.

— Разве здесь не прекрасно? — спросила она голосом, утратившим свою убедительность.

Маленькая Роз-Анн, стоя на коленях в траве, собирала кораллово-красные колокольчики.

— Невехеваник, — пробормотала старая женщина.

— Страна весны, — откликнулась Анжелика.

— Так вы это знаете, да? — спросила англичанка, бросив быстрый взгляд в ее сторону.

И снова ее непроницаемо черные глаза под набухшими лиловыми веками пристально посмотрели на Анжелику, эту незнакомку, как будто стараясь прочесть ее мысли, найти какой-то ответ, какое-то объяснение.

— Значит, вы любите Америку, да? — спросила она. — А ведь вы еще так молоды...

— Я совсем не так уж молода, — запротестовала Анжелика. — Моему старшему сыну уже семнадцать, и...

Старая Сара прервала ее взрывом смеха. Анжелика впервые услышала, как она смеется — тонким неудержимым смехом, почти как маленькая девочка, показывая свои длинные, немного похожие на лошадиные, но совершенно здоровые зубы.

— О, нет, вы молоды, — повторила она. — Вы еще и не жили, моя милочка!

— Вот как?

Анжелика почти рассердилась. Миссис Вильямс, действительно, была лет на двадцать пять старше ее, и это, конечно, давало ей право на некоторую снисходительность. Но Анжелика имела основания

считать, что ее жизнь не была ни столь короткой, ни столь неинтересной, чтобы про нее можно было так говорить.

— Ваша жизнь только начинается! — провозгласила миссис Вильямс тоном, не терпящим возражений. — Она только-только начинается!

— В самом деле?

— Как очаровательно вы это сказали! Ах вы, француженка, какая же вы счастливая! Вы похожи на пламя, которое начинает сверкать и расти, полное уверенности в себе среди темного мира, который больше не таит никаких ужасов! Только теперь вы начинаете жить; как вы можете не понимать этого? На молодой женщине лежит бремя построения жизни, бремя самоутверждения.

Сокрушительное бремя! И она так одинока... После того как человек перестает быть ребенком, есть ли в мире более одинокое существо, чем молодая женщина?.. Но когда вы достигаете сорока или пятидесяти — вот тогда вы можете начать жить! С самоутверждением закончено, все это позади. Вы снова свободны, как дитя, снова находите себя... Мне кажется, я никогда не была так счастлива, как в тот день, когда обнаружила, что моя молодость ушла, наконец-то ушла, — вздохнула она. — На душе у меня вдруг сделалось так легко, мое сердце стало более пылким и отзывчивым, мои глаза открылись на мир. Даже сам Бог будто стал мне ближе, дружелюбнее. Я все еще была одинока, но начала с этим свыкаться. Я купила два самых красивых кружевных чепчика, какие только могла найти у разносчика, забредшего в нашу деревню, и ни гнев пастора, ни упреки Бена не могли помешать мне носить их с тех пор.

Она снова засмеялась озорным, вызывающим смехом и потрепала Анжелику по щеке, как будто та была ребенком. Анжелика забыла о том, что она должна

быть уже далеко отсюда! Солнце словно замерло на небе, лежа огромным, распустившимся во всей красе ярко-желтым цветком на постели из маленьких белых пушистых облачков, стоявших над самым горизонтом.

Она слушала миссис Вильямс, которая медленно шла по деревне, держа ее под руку. Большая часть домов все еще была скрыта из виду поворотом тропинки и склоном, к тому же их окутывала едва заметная, почти прозрачная дымка, поднимающаяся от ручья.

— Вы любите эту землю, правда, мадам? — продолжала миссис Вильямс. — Это говорит о вашем вкусе и воспитании. Она так прекрасна. Мне не суждено было узнать ее так, как мне этого хотелось бы, но вы, вы сможете узнать ее лучше, чем я. Когда я была молода, я ненавидела ту жалкую, полную опасностей жизнь, которую мы вели на этих берегах. Мне хотелось поехать в Лондон, о котором я слышала от моряков и наших старейшин. Я оставила его, когда мне было шесть лет, и еще помню его теснящиеся шпильки и узкие переулки, загроможденные скрипучими каретами. Девушкой я часто мечтала о побеге, о возвращении в Старый Свет, но меня останавливало одно — страх перед проклятием. Нет, — сказала она, как бы отвечая на реплику Анжелики, — нет, в юности я не была хорошенькой. Я прекрасна ТЕПЕРЬ, потому что я достигла своего совершенства. Но когда я была молодой, я была слишком худой, слишком высокой, бледной, вялой, в общем, абсолютно непривлекательной. Я всегда была благодарна Бену за то, что он согласился жениться на мне в обмен за участок земли и рыбную лавку, которые он хотел получить от моего отца. Это намного увеличивало ценность его собственных земель с их маленькой бухточкой, поскольку они примыкали к нашим. Это было для него удивительно счастливой возможностью. Он

был просто вынужден жениться на мне, и сделал это без колебаний.

Она подмигнула Анжелике.

— И, насколько я знаю, он никогда не пожалел об этом.

Она мягко рассмеялась.

— Но в те дни я не могла даже зажечь искорку во взгляде пиратов, имевших обыкновение высаживаться на берег неподалеку от нас, чтобы обменять ром и ткани, награбленные на побережье Карибского моря, на какую-нибудь свежую пищу. Это были джентльмены удачи, чаще всего французы. Я все еще ясно вижу перед глазами их загорелые лица буканьеров и их костюмы, такие диковинные рядом с нашими темными одеждами и белыми воротниками. Им никогда и в голову не приходило чем-то притеснить нас, ибо мы были бедны, как Иов. Они были в восторге от того, что встречали белых людей на этом диком побережье и могли отведать свежие овощи и фрукты, которые мы выращивали на своих огородах. И вот между ними, этой безбожной и беззаконной оравой, и нами, с нашим преувеличенным благочестием, тем не менее возникло что-то вроде дружбы, потому что и они, и мы были заброшены на край света.

Теперь на побережье можно встретить слишком много людей, и слишком много в заливе кораблей с дурной репутацией. Поэтому мы предпочли убраться подальше и стали жить в пограничных землях...

Я удивляю вас, дитя мое, всеми этими рассказами, этими признаниями, но вы не должны забывать, что ваш бог менее грозен, чем наш. Когда мы стареем, мы становимся или безумными, или безжалостными и злобными, или колдуньями, или просто начинаем поступать так, как нам хочется. Тогда все успокаивается и ничего уже не имеет значения!

Она вновь покачала своим чепцом, сначала с вызывающим, а потом с одобрительным и безмятежным видом.

Вчера вечером она была такой чопорной, такой неумолимо далекой, а сегодня проявляла такую чувствительность, почти смирение!

Анжелике снова пришло в голову, что достойная пуританская леди может иметь тайное пристрастие к надежно запрятанной бутылке сливовой водки или джина; но она снова немедленно отбросила эту мысль, потому что ее сердце было тронуту этими внезапными откровениями, сделанными старой дамой, словно во сне.

Позже ей суждено было заново пережить эту трогательную сцену и понять ее истинный смысл...

Судьба замедлила свой безжалостный ход, но его predeterminedность толкала женщину, приближавшуюся к своему последнему часу, на неожиданные, почти бездумные поступки, которые можно было расценить как порыв души, как проявление пылкого сердца — сердца, которое всегда было горячим и любящим под неприступной внешностью, навязанной ей непреклонными религиозными правилами.

Старая Сара повернулась к Анжелике и, взяв ее лицо в свои длинные белые руки, с материнской страстью посмотрела с высоты своего роста.

— Да благословит тебя земля Америки, мое дорогое дитя, — сказала она тихо и очень торжественно, — и я молю тебя... Я молю тебя, спаси ее от гибели и разорения!

Ее руки соскользнули вниз, и она посмотрела на них так, словно сама была ошеломлена своим жестом и своими неожиданными словами.

Она оцепенела, и ее лицо снова стало холодным, как мрамор, а пронизательные черные глаза пристально вглядывались в необъятные просторы неба,

которое походило на огромную раковину, перевернутую над долиной.

— Что случилось? — пробормотала она. Остановившись, она прислушалась, потом снова пошла вперед. Они молча сделали еще несколько шагов, потом миссис Вильямс опять остановилась и вдруг с такой силой стиснула запястья Анжелики, что та вздрогнула от боли.

— Слушайте! — сказала англичанка, и на этот раз ее голос прозвучал совсем по-другому: холодно, ясно, отчетливо.

И тут они услышали какой-то тревожный отдаленный звук, доносящийся до них сквозь чистый вечерний воздух.

Это был неопределенный, нечленораздельный шум, похожий на рокот моря или шелест ветра, а над ним, перекрывая его, поднимался далекий, жалкий, пронзительно высокий крик:

— Абенаки! Абенаки!

Сара Вильямс торопливо потащила Анжелику к повороту тропинки, за которым скрывалась из их вида остальная часть деревни. Все казалось спокойным, сонным и пустынным.

Но рокочущий звук становился все громче и громче, и теперь уже можно было разобрать, что в него сливались завывания тысяч голосов, среди которых еще можно было различить отчаянный вопль кучки деревенских жителей, которые начали сновать между домами, как крысы, охваченные паникой.

— Абенаки! Абенаки!

Анжелика оглянулась на поля, и перед ее взором открылось жуткое зрелище. Это было то, чего она боялась, что предчувствовала и во что не желала верить! Из леса вытекала целая армия полуголых индейцев, потрясающих томагавками и ножами; подобно полчищам муравьев, покидающих муравейник,

они в мгновение ока растеклись по полям в долине и выплеснулись из нее, как темная, движущаяся волна, как густой красный поток, как мощный прилив, разбившийся на отдельные ручейки на околице деревни, и перед ними несся их смертоносный, жуткий вопль:

— Уоу-оу-оу! Уоу-оу-оу!

Волна индейцев подкатилась к ручью, переплыла через него, выбралась на другой берег, начала карабкаться по склону холма, подбираясь к первым домам.

Какая-то женщина в синем платье побежала наверх к тому месту, где стояли другие обитательницы деревни. Она шаталась как пьяная, и ее рот, распахнутый в отчаянном крике, казался черной дырой на белом как мел лице.

— Абенаки! Абенаки!

Что-то невидимое ударило ее между плеч; она издала слабый звук, похожий на икоту, и упала па землю лицом вниз.

— Бенджамин! — воскликнула Сара Вильямс. — Бенджамин! Он совсем один в доме!

— Стойте!

Анжелика попыталась удержать ее, но та вырвалась и побежала вперед, к своему дому, испугавшись, что ее престарелый муж может быть захвачен врасплох, если он задремал над библией.

Сара успела пробежать только несколько ярдов, когда Анжелика увидела индейца, выскочившего из подлеска. Он несколькими прыжками настиг старую женщину и свалил ее на землю одним ударом своего томагавка. Потом, наклонившись, схватил чепец вместе с волосами и оскальпировал ее одним ловким движением руки. Анжелика, содрогнувшись, повернулась в поисках пути к спасению.

— Беги! — крикнула она Роз-Анн, показывая ей на овчарню. — Вон туда, к лесу, беги скорее!

Она сама помчалась со всей скоростью, на которую только была способна. Добежав до сада мисс Пиджин, она остановилась, чтобы подобрать оставленный здесь кожаный мешок, распахнула калитку и ворвалась в дом, где преподобный Патридж и почтенная старая дева все еще продолжали разговор о последнем часе.

— Дикари!.. Они уже здесь!..

Она так задохнулась, что не могла вспомнить подходящие английские слова и продолжала тщетные объяснения по-французски.

— Дикари! — повторяла она. — Абенаки... они уже здесь... спасайтесь на овечьей ферме!..

Ей еще раньше пришло в голову, что эта надежного вида ферма, по всей видимости, укрепленная, может выдержать осаду и позволить оказать хоть какое-то сопротивление.

В критические моменты способность к импульсивным поступкам, диктуемым подсознанием, имеет не меньшее значение, чем опыт и привычка. Анжелика увидела, как тучный Томас Патридж мгновенно вскочил, схватил маленькую мисс Пиджин, подняв ее на руки, как тряпичную куклу, и, проскочив через сад, без промедления помчался к предложенному месту убежища.

Анжелика уже хотела последовать за ним, но передумала и, спрятавшись за дверь, перезарядила два своих пистолета, а затем, держа один из них наготове, снова вышла на улицу.

К счастью, это место, скрытое из виду поворотом тропинки и склоном, еще не привлекло внимания индейцев. Шум, доносившийся из другой части деревни, был жутким и оглушительным, но здесь царила тишина, похожая на какое-то предсмертное ожидание. Даже птицы смолкли.

Анжелика добежала до сарая, где хранился маис.
Здесь спал Адемар!

— Вставай! Индейцы здесь! Беги! Бега на овечью ферму! Захвати свой мушкет!

Когда он в ужасе бросился прочь, она схватила ружья обоих Мопертюи и рожки с порохом, висевшие на крючках.

Она лихорадочно пыталась зарядить ружье, обдирая до крови пальцы, когда внезапно что-то обрушилось за ее спиной. Обернувшись, она увидела индейца-абенака, проникшего в сарай через крышу и теперь скользившего вниз по огромной куче зерна. Она резко повернулась, еще держа мушкет за дуло, и с силой ударила краснокожего прикладом по виску. Он грохнулся на землю, и она бросилась бежать.

Затененная тропинка была еще пустынна, когда Анжелика помчалась по ней вниз. Потом она услышала, что следом кто-то бежит, и, оглянувшись, увидела индейца, который быстро догонял ее, держа наготове топорик.

Он почти бесшумно скользил по траве, и Анжелика не могла остановиться, чтобы прицелиться. Единственной ее надеждой было как можно скорее добежать до убежища, и она бежала, не чувствуя, как ноги касаются земли.

Наконец она добралась до двора фермы и спряталась за стоявший здесь фургон. Почти одновременно в стенку фургона вонзился топорик индейца. Собрав все свои силы, чтобы прийти в себя и прицелиться, Анжелика в упор выстрелила в краснокожего. Он упал прямо поперек входа во двор, прижимая руки к обожженной порохом груди.

Еще несколько шагов, и она была у порога дома, где дверь перед ней открылась прежде, чем она успела в нее постучать. После этого дверь немедленно

захлопнули снова и задвинули двумя тяжелыми дубовыми брусьями.

Глава 16

Кроме священника и мисс Пиджин, французского солдата Адемара и маленькой Роз-Анн, здесь был хозяин фермы Самюэль Корвин со своими домашними — женой, тремя детьми, двумя молодыми работниками и девушкой-служанкой. А также его сосед, старый Джоз Картер, и молодая чета по фамилии Стафтон со своим младенцем, нашедшие убежище у Корвинов на время нападения.

Никто не плакал и не причитал; американские фермеры волей-неволей привыкли к сражениям и кровопролитию. Женщины уже занялись чисткой ружей, снятых со своего места над очагом.

Самюэль Корвин приспособил свое ружье в одну из многочисленных бойниц, которыми был оборудован его дом, как и большинство домов Новой Англии, особенно построенных в первые времена ее заселения. Сквозь другую бойницу обитатели дома могли наблюдать за тем, что происходит снаружи, и они видели, как графиня де Пейрак поразила преследовавшего ее индейца.

Когда Анжелика вошла, они угрюмо взглянули на нее; она принесла с собой оружие, она была, как и все остальные, энергичной и старательной. Священник сбросил свою рясу на скамейку и теперь стоял в рубашке с короткими рукавами и готовил пороховые заряды. Его слегка оттянутые назад губы обнажали крепкие выступающие зубы. Он ждал, когда ему предоставят свободное ружье, и Анжелика передала ему мушкет Мопертюи, взяв себе ружье Адемара, который дрожал, как осиновый лист.

Кто-то из детей начал плакать, и сиу мягко велели замолчать.

Вокруг дома все было тихо. Слышался только отдаленный рокочущий шум, похожий на ропот моря, который время от времени достигал максимальной силы, соответствуя возрастающему неистовству резни.

Потом раздались несколько гулких выстрелов, и Анжелика вспомнила о маленьких пушках в укрепленной церкви. Можно было только надеяться, что некоторым жителям удалось укрыться в ее стенах.

— Господь защитит своих, — пробормотал пастор, — ибо они и Его армия.

Кто-то яростными жестами заставил его немедленно замолчать.

На тропинке показались несколько бегущих индейцев с факелами в руках. Они, по-видимому, появились со стороны глубокой ложбины за домом и, не останавливаясь, пробежали мимо.

Ребенок начал плакать снова, и тут Анжелике пришла в голову мысль; она подбежала к одному из огромных пустых котлов для варки сыра и предложила Роз-Анн и еще трем маленьким ребятишкам спрятаться внутри него.

— Вы будто сидите в уютной гнездышке, — сказала она, — и не должны шевелиться.

Потом она наполовину прикрыла крышку. В этом тайнике дети будут не столь охвачены паникой, и так меньше риска, что их собьет с ног кто-нибудь из сражающихся.

После этого она вернулась на свой наблюдательный пост.

За забором стояли несколько краснокожих; они заметили распростертое поперек тропинки тело своего товарища.

Их было четверо; они переговаривались и поглядывали на дом. Их раскрашенные лица, озаряемые красным отблеском заката, производили жуткое впечатление, и Анжелика, запертая здесь, в этом

маленьком пространстве с горсткой белых людей, жизни которых угрожала смертельная опасность, почувствовала, как в ее душу проникает мертвящий ужас перед краснокожими, а тело начинает покрываться мурашками.

Индейцы распахнули калитку и проникли во двор, слегка пригибаясь, как дикие звери, полные тайны и жути.

— Огонь! — спокойно скомандовал Корвин.

Прозвучал залп, и, когда рассеялся дым от выстрелов, они увидели, что трое абенаков корчатся на земле в предсмертных судорогах, а четвертый благополучно бежал.

После этого последовало массовое нападение. Дикари выплескивались из глубокой ложбины за домом, как гигантская, бесконечная волна, которая вскоре охватила его со всех сторон. Красновато-коричневые тела становились все более и более многочисленными, и их жуткие завывающие крики сливались с раскатами мушкетных выстрелов.

Осажденные продолжали стрелять, как заведенные, передавая разряженные ружья женщинам и хватая из их рук только что заряженные. Быстро сковали шомпола, прочищая нестерпимо горячие от непрерывной стрельбы дула, а лихорадочно спешащие руки торопливо опрокидывали пороховницы, и громкое лязганье, с которым то и дело захлопывались затворы, служило добавочным аккомпанементом к грому выстрелов и пронзительным крикам и вою, доносившимся снаружи. Пороховой дым разъедал их пересохшие глотки, а стекавший по лицам пот, попадавший в полуоткрытые рты, сквозь которые вырывалось хриплое и прерывистое дыхание, имел горький, неприятный привкус.

Анжелика выронила мушкет. Кончились заряды! Она схватила свои пистолеты, зарядила, набила карманы

малокалиберными пулями, натолкала их полный рот, чтобы иметь под рукой, когда понадобятся, и привязала к поясу пороховой рожок и коробочку с турецкими капсулями, чтобы не тратить на них ни одного лишнего движения.

Послышался скрежещущий звук на крыше, и в глубине комнаты свалился сквозь проделанную дыру индеец, приземлившись рядом с пастором Патриджем, который тут же сбил его с ног прикладом ружья. Но по пятам за первым краснокожим последовал второй, обрушивший удар своего томагавка на далеко не хрупкий череп преподобного Томаса. Колени у него подогнулись, и индеец, схватив его за волосы, уже успел сделать ножом широкий надрез на лбу, когда получил прямо в грудь весь заряд из пистолета Анжелики.

Индейцы через отверстие в крыше продолжали наводнять комнату, и англичане стали отступать к огромному камину, где Анжелика, опрокинув набок тяжелый деревянный стол, перегородила им угол так, что он мог теперь служить прикрытием. Позже она с удивлением спрашивала себя, откуда у нее взялись силы для этого. Неистовство битвы придало ей сверхчеловеческую силу, крепнущую от яростного бешенства, которое она испытывала при мысли о том, что позволила себе так глупо попасть в ловушку в этой деревне, населенной иностранцами, что вполне могло стоить ей жизни.

Из своего убежища осажденные продолжали стрелять в двух направлениях: в дальний конец комнаты, где по-прежнему проникали сквозь крышу нападающие, и в дверь, которая уже начинала трещать под ударами индейских топоров.

Шла настоящая бойня, и белые, на стороне которых было отчаяние обреченных и огнестрельное оружие, едва не одержали победу. Но патронов у них

становилось все меньше. Корвин, получив удар лезвием топора немного ниже плеча, с криком скорчился на полу.

Один из индейцев, извиваясь змеей, проскользнул между стеной и краем стола и, ухватив за юбку одну из женщин, потянул ее к себе. Она вырвалась как одержимая и, отпрыгивая назад, выронила рожок с порохом, который был у нее в руках.

Старый Картер разил поперек стола каждого, кто приближался на расстояние мушкетного приклада. Но, когда он в очередной раз поднял руки, чтобы обрушить на врага свое смертоносное оружие, между его ребер предательски вонзилось лезвие охотничьего ножа. Он пошатнулся и перегнулся пополам, словно набитая соломой кукла с безвольно обвисшими руками.

И тут внезапно, будто цирковой акробат, выполняющий виртуозный и опасный трюк, кто-то взвился в воздух из глубины комнаты, пролетел над головами остальных с широко расставленными, как у танцора, ногами, в опустился прямо среди англичан, вернее, даже позади них, по другую сторону стола.

Это был сагамор Пиксарет, вождь патсуикетов и самый прославленный воин Акадии.

Анжелика услышала за своей спиной его насмешливый голос и почувствовала, как сильная рука сдавила ее шею.

— Ты моя пленница, — с триумфом провозгласил патсуикет.

Анжелика отшвырнула ставшие не нужными пистолеты и обеими руками схватила его за длинные косы, к которым были привязаны лисьи лапки.

Из-за того, что это хитрое лицо со злобными глазками было ей знакомо, она уже не чувствовала больше никакого страха и даже перестала считать Пиксарета, которого знала, и его индейцев врагами. Они были абенаками, она понимала их язык и была

знакома с их странным, примитивным образом мышления. Резко отвернув голову в сторону, она выплюнула две пули, еще остававшиеся у нее во рту.

— Так ты захватил эту деревню ради того, чтобы взять в плен меня? — закричала она на индейца, все еще не выпуская его волос. — Это Чёрное Платье приказал тебе так сделать, да?

И ее зеленые глаза впелись в него таким неистовым взглядом, что он застыл, пригвожденный к месту.

Ему указали ее как врага! Но какая другая женщина осмелилась бы вот так схватить его за обрядовые косы и так смело смотреть ему в лицо, когда смерть витала прямо над ее головой?!

Однажды она уже стояла с тем же выражением на лице между ним и ирокезом. Она вообще не знала, что такое страх.

— Ты моя пленница, — свирепо повторил он.

— Я согласна с тем, что я твоя пленница, но ты не убьешь меня и не передашь Черному Платью, потому что я француженка и потому, что дала тебе свой плащ, чтобы ты мог укрыть им останки своих предков.

Вокруг них стоял оглушительный крик. Сражение достигло крайней точки. Битва шла врукопашную. Но вскоре все кончилось, и крики ярости, ужаса и воинственные возгласы постепенно смолкли, уступив место напряженной тишине, в которой можно было услышать только стоны раненых.

Картер был оскальпирован, но остальные европейцы остались в живых, потому что абенаков интересовал прежде всего выкуп, который могли предложить им пленники. Преподобный Патридж, освободившись из-под горы похоронивших его тел, теперь стоял между двумя воинами, пошатываясь, с лицом, залитым кровью.

Воздух прорезал отчаянный, полный муки вопль:

— Помогите мне, мадам, или я погиб!

Это был Адемар, которого вытащили из-под какой-то мебели.

— Не убивайте его! — закричала Анжелика. — Разве вы не видите, что это французский солдат?

Анжелика была вне себя, одержимая одной только мыслью о том, что она должна выбраться из этой ловушки, в которую так глупо попала. Трагическая нелепость ситуации вызывала в ней яростный гнев и только подстегивала ее решимость.

В течение уже нескольких минут она не могла думать ни о чем, кроме одного. ОНА ЗНАЕТ ЭТИХ ИНДЕЙЦЕВ. И благодаря атому она спасется из расставленной для нее западни. Они были дикими зверями, но диких зверей можно укротить. В пустыне Магреба Колен Патюрель разговаривал со львами и одерживал над ними верх... Она начала понимать, что военный отряд Пиксарета был отделен от остальных индейцев и напал с другой стороны, и эта битва за ферму не имела никакого отношения к сражению, развернувшемуся в деревне.

Пиксарет колебался. Кое-что из того, что сказала ему Анжелика, привело его в замешательство. «Я француженка!» А его научили сражаться против англичан. И более того, он никогда не мог забыть тот роскошный плащ, который она дала ему для его предков.

— Ты была крещена? — спросил он.

— Конечно же, была, — раздраженно воскликнула она, несколько раз перекрестившись и призывая Деву Марию.

И тут Анжелике показалось, что она заметила сквозь разбитую дверь промелькнувшую фигуру знакомого канадского траппера. Она бросилась вперед, узнала его и отчаянно закричала:

— Мсье де Л'Обиньер!

Это был Трехпалый с Трехречья. Услышав ее крик, он обернулся и направился к ней. Когда дело доходило до драки, он с презрением отвергал оружие белых. Сейчас он держал в руках полированный деревянный томагавк и маленький индейский топорик, острое, как бритва, лезвие которого было красным от крови. Его голубые глаза ярко выделялись, сверкая на почерневшем от пороха, испачканном кровью лице, и еще больше крови было на его замшевом костюме и на связке скальпов, свисавших с разноцветного пояса.

Как она сможет найти какой-то контакт с этим человеком? Как она сможет перехитрить его? Он был неподкупным рыцарем, воителем самого Бога, одержимым и яростным, как Модрей, де Ломени и Арребу, мечтавшие о мести, спасении и рае...

Но он узнал ее.

— Мадам де Пейрак! — воскликнул он. — Что вы делаете здесь, среди этих проклятых еретиков? Горе вам!

Он вошел в разоренный дом, который уже обшаривали абенаки, согнавшие в кучу всех своих пленников.

Она схватила его за воротник камзола.

— Черное Платье, — закричала она, — я уверена, что видела вдали Черное Платье с его знаменем!.. Это отец д'Оржеваль вел вас в битву, не так ли? Он знал, что найдет меня в этой деревне!

Она не столько спрашивала, сколько констатировала факты, и он стоял, совершенно ошеломленный и сбитый с толку, глядя на нее с открытым ртом.

Потом он попытался найти ответ, какое-то объяснение:

— Вы убили Пон-Бриана, — выдавил он наконец, — и вы со своим мужем перевернули вверх дном всю

Акадию с помощью ваших союзников. Мы должны были захватить вас...

Значит, это было правдой.

Жоффрей! Жоффрей!

Они собирались похитить и увезти как узницу жену грозного властелина из Вапассу, могущество которого уже ощутила страна Акадия.

Они увезут ее в Квебек и тем самым окажут на него давление. Она никогда больше не увидит Жоффрея.

— Мопертюи? — спросила она почти беззвучно.

— Мы захватили и его, и сына. И взяли под арест. Они оба — канадские французы и в такой день, как сегодня, должны быть среди своих собратьев.

— Они принимали участие в атаке вместе с вами?

— Нет. Их дело будет разбираться на суде в Квебеке. Они служили врагам Новой Франции...

Ну как она могла одержать над ним верх? Он был фанатиком, бескомпромиссным, легковверным, коварным, жадным, неустойчивым, верящим в чудеса, в святых, в правосудие Бога и короля Франции и в верховную власть иезуитов. Второй Михаил Архангел! Она его не интересовала. Он получил приказ и должен был оправдать себя в глазах своих всемогущих покровителей.

— И вы думаете, что после этого мой муж, граф де Пейрак, будет помогать вам продавать бобровые шкуры в Новой Англии? — зашипела она на него сквозь зубы. — Не забывайте, что он уже выдал вам аванс тысячу фунтов и обещал дать в два раза больше, если вы сумеете получить прибыль...

— Т-с-с! — прошептал он, побледнев и оглядываясь вокруг себя.

— Помогите мне выпутаться из этой истории, или я прокричу правду о вас с крыш Квебека!

— Не будем ссориться, — прошептал он, — мы можем уладить все потихоньку. Мы на некотором

расстоянии от остальной части деревни. Я вас не видел...

И, повернувшись к Пиксарету, он добавил:

— Отпусти эту женщину, сагамор! Она не англичанка, и ее пленение навлечет на нас беду.

Пиксарет протянул свою красную, блестящую от масла руку и положил ее на плечо Анжелики.

— Она — моя пленница, — повторил он тоном, не терпящим возражений.

— Пусть будет так, — лихорадочно согласилась Анжелика, — я твоя пленница, я этого не отрицаю. Ты можешь последовать за иною куда угодно, и я не стану возражать. Но ты не отправишь меня в Квебек... Что ты будешь там со мной делать? Они не захотят выкупить меня, потому что я уже была крещена. Так что доставь меня в Голдсборо, где тебя щедро отблагодарит мой муж, который заплатит тебе любой выкуп, какой ты только пожелаешь.

Это было похоже на игру в покер, от которой шли мурашки по коже. Диких зверей нужно было приручить, сбить с толку, убедить. Но она их знала. Ей приходили в голову самые нелепые доводы, но это было именно то, что могло лучше всего подействовать на их уклончивые, скрытные умы. Не могло быть и речи о том, чтобы отрицать права Пиксарета на нее, потому что он немедленно сразил бы ее ударом своего томагавка только для того, чтобы утвердить их, но она знала, что он был свободолюбивым, непостоянным и абсолютно независимым от своих канадских союзников человеком. И теперь, понимая, что он лишен возможности вновь прославиться, вернув еще одну заблудшую душу для рая его дорогих французских друзей, поскольку она уже была крещена, он начал сомневаться в значительности своей добычи. Она должна была победить его прежде, чем из-за поворота тропинки покажется другой француз, знающий, что означает

захват мадам де Пейрак, — может быть, даже сам грозный отец д'Оржеваль. Раз уж де Л'Обиньер, благодаря счастливой случайности, оказался ее союзником...

Пока они разговаривали, им на голову начали сыпаться горящие головешки, потому что абенаки Пиксарета, повсюду тыкавшие своими факелами в поисках добычи, в конце концов подожгли дом.

— Идите! Идите! — настойчиво повторяла Анжелика, подталкивая людей наружу. Она помогла встать некоторым из англичан, которые были ранены или оглушены, и вдруг воскликнула: — Боже милостивый, дети!

Бросившись обратно в дом, она подняла крышку котла и одного за другим извлекла оттуда детей, онемевших от ужаса. Разоблачение этого странного тайника вызвало всеобщее веселье индейцев, принявшихся сгибаться от хохота, хлопать себя по бедрам и показывать на интересное зрелище.

Жар становился непереносимым; балки на крыше затрещали, и одна из них надломилась, осыпав их снопом сверкающих искр.

Все бросились во двор, торопливо перебираясь через тела убитых и обломки.

Вид деревьев, таких близких, таких приветливых, и прохлада, которую обещала заросшая лесом ложбина, подстегнули и без того неудержимое желание Анжелики как можно скорее бежать отсюда. На счету была каждая секунда.

— Позволь мне спуститься к морю, сагамор, — сказала она, — или твои предки рассердятся на тебя за то, что ты не захотел со мною считаться. Они знают, что мои личные духи не заслуживают, чтобы с ними обращались так пренебрежительно. Ты сделаешь серьезную ошибку, если отвезешь меня в Квебек. В то

же время ты никогда не пожалеешь, если отправишься со мной.

Мучительное выражение, появившееся на лице высокого абенака, отражало его внутреннюю борьбу, но Анжелика не дала ему времени разобраться с мыслями.

— Проследите, чтобы за нами не следили. Скажите, что меня в деревне не оказалось, — приказала она Трехпалому, который тоже был огорошен стремительностью, с которой развивались события, и повелительным тоном Анжелики. — Мы отблагодарим вас. Знаете ли вы, где мой сын Кантор? Вы захватили его?

— Я клянусь вам Святым Причастием, что мы его не видели.

— Тогда пошли, — сказала она. — Я ухожу. Идем! Идем!

— Подожди! — воскликнул Пиксарет, увидев, что она собирает всех оставшихся в живых англичан. — Эти люди принадлежат моим воинам...

— Хорошо, пусть они тоже пойдут с нами. Но только те, кому принадлежат пленники.

Три громоздких, разукрашенных перьями гиганта выскочили вперед с угрожающими криками, но Пиксарет остановил их резким возгласом.

Анжелика задержалась только для того, чтобы взять на руки одного из малышей, потащить за собой одну из женщин и подтолкнуть огромную фигуру Томаса Патриджа, который шатался, ослепленный собственной кровью.

— Адемар, поди сюда! Возьми этого парня за руку и не выпускай ее, что бы с тобой ни случилось. Крепитесь, мисс Пиджин!

Она спустилась по склону, повернувшись спиной к опустошенной, сожженной деревне, увлекая их за собой навстречу свободе, как ей часто случалось делать и раньше: и в Ла Рошели, и в Пуату, и даже еще раньше, в

давние дни ее детства, когда она убегала, всегда убегала вместе с толпой изгнанников, вырываемых ею из лап смерти.

В этот вечер душа старой Сары шла вместе с ней, когда она углублялась все дальше и дальше в лес, и молчание темных деревьев все сильнее окутывало ее и оставшихся в живых англичан из Брунsvик-Фэлса.

С ними шел и Пиксарет, и трое его воинов, считавших англичан своим движимым имуществом. Они бежали за ними вприпрыжку, сохраняя, однако, некоторое расстояние, и ни разу не попытались догнать их.

Анжелика знала это, чувствовала и, по мере того как они все дальше удалялись от обреченной деревни, начинала все меньше бояться этих индейцев, понимая, что они утратили большую часть своего исторического воинственного пыла.

Англичане, заинтригованные непонятным для них поведением Анжелики, то и дело оглядывались и жаловались, что дикари их преследуют.

— Вам нечего бояться, — отвечала Анжелика. — Здесь их только четверо, а не сотня. И я с вами. Они больше не причинят вам никакого вреда. Я их знаю. Ничего не бойтесь. Все, что от вас требуется — это идти и идти.

Теперь она могла так ясно читать мысли Пиксарета, как будто сама вложила их в голову дикаря.

Он был ребячлив как дитя и любил все новое, необычное, интересное. Кроме того, он был суеверен, и его заинтересовали и испугали личные духи Анжелики.

Он следовал за ней, преисполненный любопытства, удерживая словом своих нетерпеливых воинов, и как зачарованный ждал, что произойдет дальше, и мечтал узнать природу тех хитрых, неуловимых и неукротимых духов, которых он видел пляшущими в зеленом пламени глаз этой белой женщины.

Потом они увидели, как в просветах ветвей под ними засверкали спокойные воды реки Андроскоггин. На берегу лежали несколько каноэ; они сели в них и начали скользить по течению к морю.

Глава 17

Ночь... У подножия водопада, в темноте, прорезаемой только искорками светлячков, наполненной кваканьем лягушек и запахом горелого, устроились европейцы на короткий отдых. Привалившись друг к другу около каноэ, дрожащие, несмотря на теплую ночь, они молились или тихо стонали.

Они ждали здесь рассвета.

Роз-Анн тесно прижалась к Анжелике, и Адемар, сидевший по другую сторону от нее, с радостью сделал бы то же самое; во всяком случае, он старался держаться к ней как можно ближе.

— Они там не спят, — шептал он. — Как только я впервые ступил ногой на эту землю дикарей, я понял, что однажды потеряю свой скальп!

Маленькая, хрупкая мисс Пиджин не получила ни одной царапины, и это она вела преподобного Патриджа, который, будучи почти все время на грани бессознательного состояния, ухитрялся оставаться на ногах только благодаря силе инерции и еще тому, что такие могучие люди просто не могут упасть на землю иначе, чем мертвыми. При первой же возможности добрая учительница обмыла ему лицо и перевязала лоб своей шалью. Потом, когда они добрались до лодок, Анжелике удалось выбрать момент, чтобы развязать свой кожаный мешок и достать оттуда пакетик с желтым порошком — солью железа, которую дал ей Жоффрей. Эта соль помогала свертыванию крови, и с ее помощью ей удалось остановить кровотечение.

Несмотря на то что с него уж наполовину сняли скальп, пастору суждено было отделаться только

безобразным шрамом на лбу, который явно не прибавлял приветливости его обычному выражению.

Он спал тяжелым сном, и в тишине явственно слышалось его хриплое, затрудненное дыхание. Половина его лица под повязкой страшно распухла и посинела. Счастье еще, что было темно, потому что он, не облагодетельствованный природой и раньше, теперь выглядел просто отвратительным.

Маленькая девочка, лицо которой казалось белым пятном в темноте, плакала, напряженно вытянувшись во весь рост.

— Тебе надо поспать, Мэри, постарайся уснуть, — ласково сказала Анжелика по-английски, — ты должна постараться уснуть.

— Я не могу, — жалобно простонала девочка. — Дикари следят за мной.

Все четверо, действительно, восседали над водопадом и смотрели вниз, в темноту, в которой сгрудились их несчастные пленники.

Отблески небольшого костра освещали их медные лица и сверкающие змеиные глаза.

Они продолжали следить за белыми с большим любопытством и интересом, но ни разу не попытались напасть на них. Они были теперь совершенно спокойны и курили, переговариваясь между собой. Что будет дальше? Что еще придумают эти неизвестные духи, жившие в белой женщине из Вапассу? Какой поступок заставят ее совершить эти ее личные духи? Взгляды встречались над низвергающимися водами потока.

Анжелика делала все, чтобы успокоить своих подопечных.

— Они больше не причинят нам никакого вреда. Мы должны заставить их спуститься к побережью, а там мой муж, граф де Пейрак, сумеет обойтись с ними именно так, как требуется. Он знает, как разговаривать

с ними, как польстить им, и предложит им щедрые дары в обмен на нашу жизнь и свободу.

Они ошеломленно смотрели на нее, чувствуя своими холодными, чисто пуританскими умами, что и она тоже была из совсем другой породы, немного пугающей их и даже немного отталкивающей. Эта чрезмерно красивая белая женщина, которая могла разговаривать с индейцами на их собственном языке, казалось, обладала свойством проникать в самую глубину души этих темных, жестоких язычников, что помогало ей еще более приручать их и подчинять своей воле.

Они понимали ее и относились к ней, как к старому Шаплейфу, — одновременно со страхом и некоторым презрением, в то же время прекрасно зная, что обязаны ей своей жизнью и, уж безусловно, своей свободой.

Только благодаря той неприличной фамильярности, с которой она обращалась с этими дикарями, благодаря той легкости, с которой она могла с ними разговаривать, благодаря ее неистовым монологам на ненавистном языческом языке, которые так легко срывались с ее прекрасных губ, они могли увидеть, как изменилось настроение индейцев. Только благодаря этому они остались в живых и под самым носом индейцев могли убежать в лес, подальше от места трагической резни.

Они сознавали, что это было истинным чудом, и понимали, что им необходимо ее покровительство и дальше. И, успокаиваемые самим звуком ее голоса, старались как могли оправдать ее странное поведение, напоминая себе, что ведь она, в конце концов, — француженка...

Где-то около полуночи Анжелика поднялась наверх к сидевшим над водопадом дикарям и совершенно открыто спросила, нет ли у них куска медвежьего сала или тюленьего жира, которым она могла бы смазать

ожоги девятилетнего Сэмми Корвина, причинявшие ему ужасную боль.

Индейцы засуетились и вскоре принесли ей в пузыре лося драгоценный тюлений жир, обладающий неприятным запахом, но зато чистый и целебный.

— Не забывай, о женщина, что этот мальчик принадлежит мне, — сказал ей один из воинов. — Но позаботься о нем как следует, потому что завтра я заберу его в свое племя.

— Этот мальчик принадлежит своему отцу и матери, — ответила Анжелика. — Мы выкупим его у тебя.

— Но я захватил его в битве... И мне нужен белый ребенок в мой вигвам.

— Я не позволю тебе забрать его, — отрезала Анжелика с непоколебимым спокойствием.

Потом она добавила, чтобы смягчить гнев индейца:

— Я дам тебе много других вещей, и ты никогда не будешь чувствовать, что тебя обделили добычей... Завтра мы все это обсудим.

Если не считать этого инцидента, ночь прошла спокойно. Они больше не слышали шума резни. Пробираясь сквозь лес, они увидели за изгибом реки отдаленное красное зарево, означавшее, что Брунsvик-Фэлс, пограничная деревня, был сожжен дотла.

И вот теперь они скорчились здесь, ища приюта во тьме, и мысли их были совершенно пусты.

Когда рассвет начал окрашивать небо в серый цвет, что-то скользнуло вниз по склону, продираясь сквозь траву и кустарник, и перед ними предстала Волверина, оскалившая зубы в том, что в данных обстоятельствах можно было расценить как приветственную ухмылку. Следом за ней явился Кантор, несущий на руках спящего английского ребенка. Это был мальчик лет трех, который крепко спал, держа пальчик во рту.

— Я нашел его около матери, которая была оскальпирована, — объяснил Кантор. — Женщина все

время повторяла ему: «Не бойся, я обещаю, что они ничего тебе не сделают». Увидев, что я взял его на руки, она наконец закрыла глаза и умерла.

— Это сын Ребекки Тернер, — сказала Женни Стафтон. — Бедное дитя! Его отец убит в прошлом году.

Они замолчали, потому что четверо индейцев начали приближаться к ним. Однако они не проявляли никаких признаков агрессивности. Изолированные от остальных воинов своего отряда и сбитые с толку поведением этих странных пленников, на которых они как будто даже не могли предъявить свои права собственности, они вели себя совсем по-другому, чем раньше.

Человек, претендовавший на мальчика Корвина, подошел к Кантору и протянул руки к спящему ребенку.

— Отдай его мне, — сказал он. — Отдай его мне. Я всегда мечтал иметь в своем вигваме белого ребенка, а твоя мать никогда не позволит мне забрать того, которого я взял в плен в Невехеванике. Дай мне этого ребенка, ведь у него нет ни отца, ни матери, ни семьи, ни деревни. Что ты будешь с ним делать? А я заберу его с собой и воспитаю его охотником и воином, а сделаю его счастливым. В наших вигвамах дети живут счастливой жизнью.

Выражение его лица было умоляющим, почти жалобным.

Должно быть, Пиксарет, не без некоторого лукавства, убедил его за оставшуюся часть ночи, что Анжелика ни за что не позволит ему завладеть его юным пленником, маленьким Самюэлем, и что, если он будет противиться ей в этом, она превратит его в лося, которым он и останется до конца жизни.

Разрываемый между страхом перед столь плачевной судьбой и желанием отстоять свои права, он решил, что они могут прийти к компромиссу, если ему отдадут маленького сироту, спасенного Кантором.

Анжелика бросила на сына встревоженный, вопрошающий взгляд.

— Как ты думаешь, Кантор?

Со своей стороны, она просто не знала, что будет правильным в данном случае. Ее сердце разрывалось при одной только мысли о том, что белый ребенок будет унесен в глубину леса; в то же время определенное чувство справедливости и осторожность подсказывали ей, что она должна согласиться на смиренную просьбу абенакского воина. Она и так провела их, достаточно часто заставляя поступать по-своему, и теперь, если она будет слишком много спорить с ними по поводу их добычи, они могут неожиданно потерять терпение.

— Как ты думаешь, Кантор?

— Ну, — ответил, пожав плечами, юноша, — мы ведь знаем, что белые дети не чувствуют себя несчастными в вигвамах индейцев. Вероятно, будет лучше отдать одного этого, раз уж у него все равно не осталось никого из родных, чем позволить расколоть черепа нам всем.

Его устами говорила сама мудрость.

Анжелика вспомнила отчаянные вопли маленького канадского мальчика, племянника Л'Обиньера, когда его забирали у приемных родителей-ирокезов.

Белые дети не бывают несчастными у индейцев.

Она вопросительно повернулась к англичанам. Миссис Корвин сидела, страстно прижимая к себе сына, и ясно понимала, что его судьба висит на волоске. Что же касается остальных, то они явно давали понять, что при данных обстоятельствах относятся к судьбе маленького мальчика Тернеров с относительным безразличием. Если бы преподобный Патридж был в полном сознании, он мог бы запротестовать во имя вечного спасения души ребенка, но он все еще был не в себе.

Лучше было отдать осиротевшего мальчика, чем позволить выхватить из рук матери маленького Корвина, особенно после того, как, благодаря счастливой случайности удалось уцелеть и спастись всей их семье.

— Отдай ему мальчика, — тихо сказала Анжелика Кантору.

Убедившись, что он выиграл, краснокожий совершил несколько головокружительных прыжков и как мог выразил свою благодарность.

Потом он протянул свои огромные руки и нежно принял ребенка, который без всякого страха смотрел на склонившееся над ним лицо, измазанное кричащими красками.

В восторге от того, что он, наконец, получил то, чего так жаждало его сердце, воин распрощался с белыми и, обменявшись несколькими словами со своими товарищами, исчез в лесу, любовно прижимая еретическое дитя к своему ожерелью из медвежьих зубов и распятию. Он считал, что спас ребенка от варваров из его собственного народа, чтобы научить настоящей жизни среди Настоящих Людей.

Кантор рассказал, как, расставшись с матерью, чтобы поискать Мопертюи и лошадей, он заметил среда деревьев какие-то подозрительные тени.

Несколько воинов принялись его преследовать, и ему удалось отделаться от них только после того, как он увел их на значительное расстояние в сторону плато.

Вернувшись круглым путем, он услышал грохот сражения и начал подбираться к деревне со всеми предосторожностями, поскольку в его намерения вовсе не входило играть роль заложника, попавшись в лапы канадцев.

Он стал свидетелем того, как уводили на север группу англичан, захваченных в плен, и, не увидев

среди них своей матери, он решил, что ей удалось бежать.

— А тебе не приходило в голову, что мне могли перерезать горло или снять скальп?

— О, нет! — ответил Кантор с таким видом, будто подобная мысль просто не могла его посетить.

Блуждая вокруг горящих развалин Брунсвик-Фэлса, он наткнулся на Трехпалого из Трехречья, от которого и узнал, что мадам де Пейрак уцелела и вместе с горсткой оставшихся в живых англичан ушла по направлению к заливу Сабадахок.

Инцидент с ребенком будто показал, что индейцы, по крайней мере в настоящее время, проявляют по отношению к Анжелике определенную терпимость, когда дело касается решения вопросов, интересующих их всех. Как бы странно это ни выглядело спустя всего несколько часов после нападения на деревню, это тем не менее было в полном согласии с неустойчивым, легко поддающимся влиянию образом мышления краснокожих.

Только благодаря силе своего характера Анжелике удалось увести их совсем в другом направлении, чем они намеревались вначале, в они уже почти начали забывать, почему накануне сражались и что делали здесь с ней и горсткой глупых англичан. Их интересовало только одно — чем кончится это увлекательное приключение, в которое она их вовлекла.

Однако Пиксарет счел должным напомнить ей о некоторых существенных принципах.

— Не забывай, что ты моя пленница, — вмешался он, показывая пальцем на ее затылок у шеи.

— Я знаю, знаю, я ведь уже говорила тебе, что согласна с этим. Разве я хоть чем-то мешала тебе оставаться поблизости от меня? Спроси своих товарищей, похожа ли я на пленницу, которая собирается убежать?

Несколько огорошенный неуловимостью ее аргумента, в котором, как он чувствовал, было что-то подозрительное, но в то же время и комическое, Пиксарет склонил голову набок, чтобы лучше поразмыслить, и его раскосые глаза засверкали от восторга, когда его товарищи шумно высказывали ему свое мнение.

— В Голдсборо ты даже сможешь продать меня моему же собственному мужу, — объяснила Анжелика. — Он очень богатый человек и, не колеблясь, щедро расплатится с тобой. По крайней мере, я на это надеюсь, — добавила она, неожиданно сделав кислую гримасу, что страшно развеселило индейцев.

При мысли о том, что муж Анжелики может быть вынужден снова покупать свою же собственную жену, их веселье не знало пределов.

Нет, они определенно получили массу удовольствия от того, что последовали за этой женщиной с Верхнего Кеннебека и англичанами, которых она тащила с собой.

Всем хорошо известно, что ни одно животное не может превзойти в неуклюжести этих иннгли (англичан), а эти иннгли из-за своего страха и ран были еще более неуклюжи, чем обычно. Они едва тащились, растягиваясь на земле едва ли не на каждом шагу, и без конца опрокидывали пироги.

— О! Эти иннгли! Мы из-за них умрем со смеху! — повторяли индейцы, корчась от хохота. Потом, чтобы напомнить о том, кто здесь хозяева, они внезапно добавляли:

— Ну, хватит! Давайте дальше! Идите, вы, англичане! Вы убили ваших миссионеров, сожгли наши хижины, насмехались над нашей верой. До тех пор, пока вас не окрестят Черные Платья, вы для нас ничто, даже не бледнолицые, хотя их языческие предки и били богами!

Продолжая двигаться вперед под аккомпанемент подобных высказываний, жалкий отряд через два дня добрался до залива Сабадахок, где в устье Андроскоггина и Кеннебека было назначено место встречи.

Горизонт над широким разливом устья был затянут дымкой, но они уловили, что к запаху тумана, поднимающегося над морем, примешивается подозрительный запах горелого.

Анжелика торопливо вскарабкалась на небольшой холм. Не было видно ни одного паруса. Она не могла различить и намека на какое-нибудь судно на всем протяжении серого горизонта.

Анжелика инстинктивно поняла, что залив совершенно пустынен. Ни один корабль не стоял здесь на якоре. Она тщательно наблюдала за берегом, чтобы, заметив на нем людей, сразу же принять их на борт.

Не было и признака «Рошеле», маленькой яхты под красным флагом, на которой должен был ждать ее Ле Галл или даже Жоффрей!

Никого знакомого. Вообще никого на условленном месте встречи.

Пошел мелкий дождь, и Анжелика прислонялась к стволу сосны. Вся окрестность пропахла смертью и диким безлюдьем. Она увидела, как слева от нее поднимается в небо, как гигантский растущий гриб, столб черного дыма; это было там, где, как ей говорили, находился Шипскот, английское поселение, расположенное у устья Андроскоггина. Она собиралась оставить там оставшихся в живых англичан из Брунsvик-Фэлса, прежде чем сесть на борт «Рошеле».

Но теперь было похоже на то, что Шипскот тоже был сожжен до основания.

Анжелику охватило всепоглощающее чувство несчастья, и ей показалось, что все ее силы иссякли. Оглянувшись, она увидела, что за ней наблюдает

Пиксарет. Она не должна показать ему, что напугана. Но она не могла уже удержаться.

— Их здесь нет, — сказала она ему почти в отчаянии.

— А кого ты ждала?

Тогда она объяснила ему, что ее муж, властелин Вапассу и Голдсборо, должен был встречать ее здесь на борту корабля. Он взял бы их всех в Голдсборо, где он, Пиксарет, получил бы самые прекрасные на свете бусы и попробовал бы самую лучшую в мире огненную воду...

Краснокожий печально покачал головой, как будто искренне разделяя ее тревогу и разочарование. Потом беспокойно огляделся вокруг.

Тем временем на холм поднялись Кантор и англичане, сопровождаемые двумя индейцами.

Они устало опустились на землю под соснами, чтобы хоть как-то укрыться от морозящего дождя. Анжелика объяснила им создавшееся положение. Трое индейцев принялись что-то оживленно обсуждать.

— Они говорят, что индейцы-шипскоты их злейшие враги, — перевела Анжелика остальным европейцам. — Они пришли сюда с севера и относятся к воноланкетам.

Она несколько не была удивлена услышанным, так как знала, что индейцы постоянно воюют между собой. А это означает, что, если только они удалятся на некоторое расстояние от дома, они оказываются уже на вражеской территории, что связано с риском для их жизни, если только они не вооружены и не в огромном количестве.

— Это не имеет значения, — угрюмо сказал Стафтон, — Шипскот они или воноланкеты, нам это все равно. Они с равным успехом могут нас оскальпировать. И зачем нам нужно было тащиться в такую даль? Мы все скоро погибнем.

Молчаливое, безлюдное побережье, казалось, скрывало в себе угрозу. Им казалось, что из-за каждого

мыса, из-за каждой группы деревьев вот-вот выскочат индейцы с поднятыми томагавками, и теперь Пиксарет и его воины, по-видимому, чувствовали себя так же неуютно, как и их пленники.

Анжелика сделала усилие, чтобы побороть свой страх.

— Нет! Нет! На этот раз я не собираюсь сдаваться, — сказала она, сжав кулаки и не совсем точно представляя, кому она бросает вызов.

Прежде всего, решила Анжелика, они должны как можно скорее оставить этот отрезок побережья, на котором снова вспыхнула открытым пламенем индейская война, и любой ценой постараться добраться до Голдсборо. По пути они смогут найти другие деревни или другие подходящие для их целей суда.

Голдсборо! Территория Жоффрея де Пейрака. Их владение! Их убежище. Но Голдсборо был так далек отсюда!

На горизонте не было видно ни одного паруса.

И так недавно, почти вчера, старая Сара Вильямс, взяв в руки лицо Анжелики, сказала ей: «Америка! Америка! Ты должна ее спасти!»

Это была ее последняя просьба, может быть, несколько странная, потому что смерть была уже рядом, в кустах, готовая сразить ее. И не такое ли смутное беспокойство ощущала теперь Анжелика, чувствуя, как окутывает их запахом тумана, морских водорослей и резни тоскливый, бесприютный вечер?

— Ни! — сказал вдруг Пиксарет, положив руку ей на плечо.

И показал на две человеческие фигуры, поднимающиеся с берега по склону холма.

На какое-то мгновение в ней вспыхнула надежда, но она тут же узнала по характерной остроконечной шляпе, что это были всего лишь старый лекарь Шаплейф и его индеец.

Все бросились к старику, чтобы узнать какие-нибудь новости, и он сказал, что вон там индейцы сожгли все дотла, он только что оттуда, с побережья. Корабль? Был ли здесь корабль? Нет.

Немногие жители, которые сохранили свои скальпы и не попали в плен, спаслись, перебравшись на лодках на острова.

Видя отчаяние несчастных беженцев из Брунsvик-Фэлса, он, наконец, не без страшных колебаний я бесконечных гримас, предложил отвести их в свою хижину, находившуюся в десяти милях от залива Каско, где они могут отдохнуть и получить некоторый уход.

Несмотря на все неудобства, которые сулило им пребывание туманной ночью на открытом воздухе, большинство, в том числе и сама Анжелика, колебались, не решаясь покинуть условленное место встречи. Может быть, корабль из Голдсборо просто задержался и придет через несколько часов или на рассвете следующего утра?

Все решилось благодаря неожиданному появлению на опушке леса индейцев-шипскотов.

Пиксарет и его воины растаяли в воздухе, как по мановению волшебной палочки. Анжелика уже начала с тревогой спрашивать себя, не сменила ли она один индейский эскорт на другой, менее сговорчивый, но тут выяснилось, что, к счастью, Шаплейф и его спутник были в самых хороших отношениях с вновь прибывшими. Старый Шаплейф, лекарь, которого индейцы ставили наравне со своими лучшими знахарями, пользовался огромным уважением в местности, где он практиковал более тридцати лет. Его влияние на индейцев позволило ему распространить свое покровительство на Анжелику и ее спутников, и любезность шипскотов зашла так далеко, что они даже предложили понаблюдать, не появятся ли поблизости какие-нибудь корабли. Они тщательно запомнили

описание «Рошеле» и обещали, что если только они его увидят, то направят его к мысу Макуойт, где стояла хижина старого Шаплейфа.

Глава 18

Жоффрей де Пейрак вздрогнул от неожиданности.

— Что? Что ты сказал?

Он только что узнал, что мадам де Пейрак, отбыла без него вместе с сыном в английскую деревню Брунsvик-Фэлс, чтобы вернуть семье маленькую английскую девочку.

Об этом случайно упомянул Жак Виньо, только что прибывший к нему на мыс Смелл около Попхэма, куда он сам приехал двумя днями раньше с бароном Сен-Гастином.

Ящики с товарами для обмена и подарками, задержавшиеся в Хауссноке из-за отсутствия судов, которые могли бы их перевезти, были доставлены сюда только сейчас, и сопровождали их Виньо и один из солдат.

— Но когда же мадам графиня приняла это странное решение?

— Всего через несколько часов после вашего отъезда, сударь, в тот же самый день...

— Разве ей не передали, что я могу отсутствовать несколько дней и прошу ее терпеливо дожидаться меня в фактории голландца?

Двое людей этого не знали. «Что за безрассудство! — думал Пейрак. — Когда кругом все полно слухами о войне! Фактория голландца была, кроме всего прочего, хорошо укрепленным форпостом, где ей ничто не угрожало. Но отправиться в глубь страны почти без сопровождения...»

— С кем они туда поехали?

— С обоими Мопертюи.

— Что за дикая мысль! Она, должно быть, сошла с ума! — гневно воскликнул граф.

Про себя он обругал Анжелику, не в силах преодолеть внезапно нахлынувшее чувство сильнейшей тревоги за нее.

Нет, она, должно быть, сошла с ума. И в самом деле, она сошла с ума! Это просто непостижимо. Она вела себя совершенно безответственно! Когда он увидит ее снова, он скажет ей несколько отнюдь не приятных слов, потому что он должен заставить ее понять, что, несмотря на их привилегированное положение, этот район еще долгое время не будет безопасным, особенно к западу от Кеннебека.

Он начал высчитывать. Прошло три дня с тех пор, как он выехал из фактории, направляясь на побережье, и, очевидно, столько же времени прошло с тех пор, как Анжелика отправилась в пограничное селение... Но где она может быть теперь?

Шел мелкий дождь, и над заливом висел туман, сквозь который слышался громкий рокот поднимающегося прилива, быстрые потоки которого плескались вокруг полузатопленных островков.

Из-за этих равноденственных приливов задержались многие из европейцев и индейцев, которые должны были прибыть по морю к назначенному месту встречи.

Великий вождь Матеконандо хотел, чтобы на встрече присутствовали все, поэтому они ждали, начав предварительные переговоры. В воскресенье капеллан барона Сен-Гастина, монах с густой бородой и загорелым, как у пирата, лицом, отслужил мессу.

И вот, наконец, в это утро во вторник все население побережья, которое среди всех бесчисленных изгибов береговой линии определялось как меньший залив Мэна, собралось в одном месте. Последние ящики с подарками только что прибыли, и церемония должна была вот-вот начаться.

Именно в этот момент Пейрак и услышал о неожиданной выходке Анжелики.

Где она могла быть сейчас? Вернулась ли в Хаусснок? Или, согласно ранее разработанному плану, спустилась по Андроскоггину, одному из ответвлений устья Кеннебека, к заливу Веселой Встречи, где их должен ждать Корентин Ле Галл с «Рошеле»?

Мучаясь этой неопределенностью, он решил послать за своим оруженосцем Жаном Ле Куеннеком.

Он велел ему прежде всего как следует подкрепиться, потом проверить состояние своей обуви и оружия и готовиться к спешному отбытию.

Потом он сел и начал писать краткую записку, а один из испанских солдат почтительно держал его чернильницу.

Когда перед ним предстал готовый к отъезду Жан, он вручил ему записку и, кроме того, дал дополнительные указания.

Если Жан найдет мадам де Пейрак в фактории голландца, они должны упаковать все, что там осталось, и вернуться к нему сюда. Если же окажется, что она еще не вернулась из Брунsvик-Фэлса, он, Жан, должен отправиться туда сам и во что бы то ни стало найти мадам де Пейрак, где бы она ни была, после чего доставить ее в Голдсборо кратчайшим путем.

Получив эти строгие наставления, молодой человек отбыл. Пейраку пришлось сделать усилие над собой, чтобы отогнать острое чувство беспокойства об Анжелике и сосредоточить внимание на предстоящей встрече, потому что, откликнувшись на призыв барона Сен-Гастина, все эти маленькие люди прибыли сюда издалека, часто подвергаясь немалой опасности, только для того, чтобы увидеться с ним.

Кроме индейцев из всех главных племен округи, решили собратья вместе и посоветоваться с французским дворянином из Голдсборо и несколько

разбросанных по обширному пространству белых людей, отбросивших на сей раз различия своих национальностей и вражду между странами, из которых происходили.

Здесь были английские торговцы из Пемакуида, из Кротона, с Устричной реки, Вискассета, Томастона, Вулвича, Св. Джорджа, Невагана — всего около двадцати англичан, торговавших на маленьких разбросанных факториях, расположенных на фиордах Мисконгинского залива, по реке Дамарискотта или у устья Кеннебека. Прибыли также и их соседи-враги, с которыми, если только в этот момент они действительно не убивали друг друга, они обменивались домашней утварью и молоком немногих коров: французы из Акадии, поселенцы и рыбаки с Лебединых островов, где они растили овец, садили цветы и картофель бок о бок с прямыми потомками Адама Уинтропа из Бостона, голландцы, высланные Кемпденом, и даже седой престарелый шотландец с острова Монхиган, самого изолированного острова в заливе Мак-Грегор, который прибыл сюда с тремя сыновьями и теперь их клетчатые пледы развевались на порывистом ветру в дальнем конце полуострова.

Штат Массачусетс недвусмысленно рекомендовал англичанам и голландцам обратиться к графу де Пейраку, если они в один прекрасный день вдруг поймут, что им необходимы покровительство и защита в их отдаленных аванпостах, которые разбросаны по дикому побережью Мэна, наводненному французами и кровожадными индейцами и вообще пользующемуся славой места, которое могут населять только не совсем нормальные люди.

Акадцы слушались советов барона Сен-Гастина.

Шотландцы поступали так, как им хотелось.

Короче говоря, здесь были люди всех сортов и всех разновидностей.

Снова вспомнив об Анжелике, Пейрак еще раз проклял женщин, чьи капризы, часто очаровательные, но гораздо чаще несвоевременные, вносят только тревогу и осложнения в дела мужчин.

Потом, взяв себя в руки, он, в окружении своей испанской охраны в стальных кирасах и шлемах, выступил навстречу гостям.

Его сопровождал барон Сен-Гастин, и великий вождь Матеконандо вышел к ним в своем самом великолепном одеянии из замши, расшитом ракушками и иглами дикобраза. На его длинных маслянистых волосах, смазанных тюленьим жиром, красовалась круглая плоская шляпа с узкими полями, сделанная из черного атласа и украшенная белым страусовым пером, которому, должно быть, было не менее ста лет.

Один из его предков получил это перо от самого Верразано, флорентийского исследователя, служившего королю Франции Франциску I. Побывав здесь со своим стопятидесятитонным кораблем, он первый назвал эту страну Аркадией за красоту ее деревьев и вод. Это название в слегка измененном виде впоследствии сохранилось.

Это белоснежное перо, едва тронутое в некоторых местах желтизной, прикрепленное к шляпе шестнадцатого века, свидетельствовало о той заботе, с которой сохраняли эту реликвию обычно неопрятные и беспечные индейцы.

Величайший из всех вождей надевал этот убор только в самых торжественных случаях.

Жоффрей де Пейрак вручил вождю тарратинов саблю с насечкой из золота и серебра, несколько красиво отделанных шкатулок с ножницами, бритвами и ножами, десять нитей сверкающих бус из голубого стекла, каждая длиной в шесть футов, и в обмен получил несколько перламутровых раковин и горстку аметистов — символический знак дружбы.

— Я знаю, что у тебя нет жадности к мехам, ты ищешь только союза с нами.

— Видите, — объяснил Пейраку Сен-Гастин, — я хочу, чтобы мои индейцы перестали сражаться, иначе через несколько десятилетий они исчезнут с лица земли.

Великий вождь тарратинов ласково положил руку на плечо барона Сен-Гастина и с восхищением посмотрел на него.

Сен-Гастин был человеком среднего роста, скорее даже невысоким; но он был невероятно силен, подвижен, отважен, остроумен и чувствителен и завоевал общую привязанность всех прибрежных племен.

— Я сделаю его своим зятем, — доверительно сообщил Пейраку Матеконандо, — и потом он станет моим преемником — вождем всех эчеминов и микмаков.

Глава 19

«Анжелика!.. Господи, только бы с ней ничего не случилось! Я должен был взять ее с собой. Сен-Гастин захватил меня врасплох. Я должен был никогда не оставлять ее одну, ни днем, ни ночью, ни на одно мгновение... Моя бесценная, моя безумная любовь... Она слишком долго была независимой. И, едва оставшись одна, она снова захотела почувствовать свободу... Я должен заставить ее понять, что нас подстерегают опасности. На этот раз мне придется проявить строгость... Но сейчас мне нужно отбросить все эти тревожные мысли... Я должен сосредоточиться... Мне нельзя разочаровать всех этих людей, которые пришли сюда, чтобы встретиться со мной. Я понимаю, что молодой Сен-Гастин просит меня от их имени. Какой замечательный парень! Он видит вещи в их истинном свете, но знает предел своим возможностям... О чем он меня просит? Он хочет, чтобы я выполнил, в сущности, невыполнимую задачу... Я должен пройти по узкой тропе между бесчисленных ловушек...»

Таковы были мысли графа де Пейрака, сидевшего на густой траве перед построенной для него хижинкой из коры.

После того как церемония встречи с ее пиршеством и раскуриванием трубок мира закончилась, он оставил собравшихся, объяснив им, что кочет побыть несколько часов в одиночестве, и теперь сидел, покуривая, и смотрел на оконечность мыса, где время от времени вырастал белый плюмаж пены от какой-нибудь случайной высокой волны.

Океан бился о заросший деревьями берег, осыпая каскадами брызг ели, кедры, дубы и медные буки, а

иногда, когда ветер вдруг изменялся, оттуда доносился сладкий аромат гиацинтов и дикой земляники.

Жоффрей де Пейрак подозревал Жуана Фернандеса, высокого идалго, командовавшего его охраной, и попросил его сходить за французским бароном. Он чувствовал, что предпочитает сейчас поболтать с полным энтузиазма гасконцем на его любимую тему, чем оставаться в одиночестве, потому что мысль об Анжелике снова и снова вызывала в его душе мучительное чувство беспокойства, мешавшее ему прийти к какому-то приемлемому выводу.

Барон Сен-Гастин не замедлил присоединиться к нему и сел рядом на траву. Подчиняясь традициям страны, он вытащил из складок своего плаща трубку и тоже закурил. Потом он начал говорить, но весь разговор, в сущности, сводился к его монологу, в котором он раскрывал весь свой мир, с его мечтами, планами и горестями...

Дождь прекратился, но все по-прежнему было окутано туманом, и лагерные огни, растянувшиеся цепочкой вдоль побережья, казались сквозь него огромными распустившимися орхидеями с трепещущими красными лепестками. Каждый огонь был окружен ореолом, что зрительно удваивало общее количество зажженных костров.

С наступлением сумерек рокот моря стал глуше, теперь к нему примешивались крики птиц, собиравшихся над обширным водным бассейном. Это были чайки Джегера с длинными, как у ласточек, коричневыми крыльями и хищными клювами.

— Должно быть, на море шторм, — сказал барон, следя взглядом за их полетом. — Эти маленькие пираты ищут убежища на земле только в том случае, если морс слишком бурно, чтобы они могли на него опуститься.

Он глубоко вдохнул вечерний воздух и, почувствовав аромат, доносившийся из леса, тяжело

вздыхнул. Лето было уже совсем близко, а в этих краях оно означало наступление самых худших напастей.

— В это время года к нашим берегам стекается масса рыболовных судов всех стран вместе с буканьерами из Санто-Доминго, — сказал он. — Разрази чума этих бандитов! Они вдут на гораздо меньший риск, перехватывая наши бедные суденышки, доставляющие провизию из Франции в поселения в Акадии, чем нападая на испанцев. Видит бог, этих кораблей я так едва хватает, а тут еще они перехватываются под самым нашим носом! Что за вонючее племя эти ямайские флибустьеры!

— Золотая Борода?

— С ним я еще не встречался.

— Мне кажется, я слышал о нем, когда был на Карибском море, — продолжал Пейрак, сморщив лоб от усиленных попыток вспомнить. — Это было во время моего последнего плавания туда. Джентльмены удачи отзывались о нем как о хорошем моряке и прирожденном вожаке... Лучше бы он оставался в Вест-Индии.

— Ходят слухи, что он французский пират, недавно получивший каперское свидетельство во Франции от какого-то богатого общества, основанного с целью преследования французских гугенотов везде и всюду. Это вполне объясняет его нападение на ваших людей в Голдсборо, и, кроме того, это вполне в духе нашего правительства в Париже. Когда я был там в последний раз, я увидел, что всякое продвижение зависит прежде всего от религиозного рвения, и это особенно усложняет наши дела здесь, в Акадии...

— Вы хотите сказать, что люди могут еще помнить о том, что ее основателями были протестанты?

— И о том, что самый рьяный католик Шамплен вначале был всего лишь картографом у Пьера де Жюса, сеньора Монта, отъявленного гугенота.

Они обменялись улыбками, с восторгом понимая, что одинаково чувствуют и мыслят во всех делах.

— Это было давно, — сказал Сен-Гастин.

— И уходит все дальше и дальше от нас... Мне очень интересно все, что вы говорите, барон, и теперь я начинаю понимать, почему этого необычного пирата так упорно подбивали напасть на Голдсборо, несмотря на его местоположение, хорошо укрытое от посторонних глаз. Но если даже в этом заключалась его некая святая миссия, откуда он узнал о Голдсборо?

— Слухами земля полнится. В этих краях на каждые сто лье приходится не более трех французов, но по крайней мере один из них будет шпионом короля... и иезуитов.

— Осторожнее, мой мальчик.

— Вы смеетесь? Но мне это совсем не кажется смешным. Я хочу мирно жить здесь со своими эчеминами и мик-маками. Эти люди из Парижа и состоящие у них на жалованье пираты не имеют права соваться в наши края. Они не принадлежат к Заливу.

Нет, дайте мне лучше басков, охотящихся на китов, или рыбаков из Сен-Мало, которые провоняли все наше побережье своей сушеной треской. Они по крайней мере имеют право быть в Акадии. Они приходили сюда еще пятьсот лет назад!.. Но их водка и оргии с индейскими девушками... Что за несчастье!.. А в общем, мне кажется, я предпочел бы корабли, поднимающиеся сюда из Бостона, потому что с ними мы, во всяком случае, можем обмениваться скобяным товаром и тканями. Но английских кораблей здесь слишком, слишком много.

Он обвел широким жестом весь горизонт.

— Их сотни... Всюду, всюду сотни английских судов. Хорошо вооруженных, хорошо снаряженных и оборудованных. А вон там, внизу — Салем, их великий центр, где они сушат рыбу. И их смола, деготь,

скипидар, невыделанные шкуры, китовый ус и тюлений жир — они производят от восьмидесяти до ста тысяч центнеров в год. Он воняет, но приносит прибыль. И от меня хотят, чтобы я удержался в Акадии, сохранил ее для короля с моими четырьмя пушками и деревянной крепостью размером шестьдесят на двадцать футов и еще успешно конкурировал с англичанами на рыболовных угодьях, имея всего пятнадцать баркасов...

— Ну, не так уж вы бедны, — сказал Пейрак. — Говорят, что вы преуспели в торговле мехами.

— О да, тут я превзошел самого себя, признаюсь. Но я хочу стать богатым для того, чтобы помочь индейцам, чтобы их жизнь была более устойчивой и процветающей. Большую часть моих племен составляют эчемины, но есть и мик-маки из племени тарратинов. Я могу говорить на всех их пяти или шести диалектах — эчеминов, вавеноков, пенобскотов, канибасов, тарратинов. Все это мои люди, самые лучшие из всех абенаков. И это ради них я хочу быть богатым, чтобы позаботиться о них, цивилизовать их и защитить... Да, защитить их, этих безумных доблестных воинов!

Он немного подымял своей трубкой, потом снова протянул руку на запад, в окаймленную пеной темноту.

— Вон там, в заливе Каско, я владею островом, который недавно отвоевал у англичан. И не столько ради того, чтобы избавиться от них, сколько потому, что с этим островом связано много легенд. Он лежит неподалеку от устья Презумпскота у Портленда, в южной части залива Каско, и с незапамятных времен могикане, мик-маки и эчемины считают его местом, где располагается древний рай. У них есть поговорка, которая гласит: «Если ты уснешь на этом острове, ты уже никогда не проснешься тем же самым человеком». Но в течение жизни нескольких поколений остров принадлежал английским фермерам, и индейцы были очень несчастны из-за того, что не могли встречаться

там для своих родовых пиров, когда августовская жара делает невыносимым пребывание в глубине страны. Поэтому я отобрал этот остров и передал его индейцам. Какая была радость! Какой восторг! Сколько у нас было празднеств! Но если не удастся сохранить мир, что толку от всех этих усилий?

— Вы думаете, что мир под угрозой?

— Не только думаю, я в этом уверен. И именно поэтому я так торопил вас встретиться с Матеконандо. Да, все шло более или менее нормально после Бредского договора. Но сейчас мир может быть нарушен в любой момент. Отец д'Оржеваль, этот паладин, точно явившийся из дней минувших, мобилизовал абенаков с севера и запада, которые живут в лесу и представляют собой почти такую же грозную силу, как и ирокезы. Что же касается великого Пиксарета, их вождя и самого благочестивого христианина из всех, кого когда-либо удавалось обратить в свою веру миссионерам, то как можно ожидать, что кто-то найдет с ним общий язык? Он ужасен!.. Мессир де Пейрак, война неизбежна.

Отец д'Оржеваль хочет, чтобы она разразилась, и хорошо к ней подготовился. Я уверен, что он прибыл сюда с приказами и полномочиями от самого короля Франции, чтобы снова разжечь конфликт с англичанами. Это вполне устроило бы нашего суверена, и следует признать, что этот иезуит — самый грозный политик, когда-либо ступавший на эти берега. Я знаю, что он послал одного из своих священников, отца Мареше де Вернона, с тайной миссией в Новую Англию, прямо до Мериленда. Он должен найти там какой-нибудь предлог для нарушения перемирия, и отец д'Оржеваль, несомненно, дожидается только его возвращения, прежде чем перейти в наступление. Не так давно меня посетил отец де Жеранде, явившийся с просьбой присоединиться к их крестовому походу

вместе с дружественными мне племенами. Я уклонился от прямого ответа. Я знаю, что я французский дворянин, офицер и воин, но...

Внезапно он прикрыл глаза, как будто от боли.

— Я больше не могу выносить все это...

— Что?

— Гибель, резню, бесконечное убийство моих братьев, непростительное истребление их расы.

Пейрак знал, что, говоря о своих братьях, Сен-Гастин имеет в виду индейцев.

— Понимаете, их так легко вовлечь в войну: они ведь так легко возбудимы и их нетрудно обмануть. Вы знаете так же хорошо, как и я, сударь, что самая сильная страсть краснокожих — ненависть к врагам и прежде всего к врагам их друзей, таков их кодекс чести. Мирная жизнь не свойственна их натуре, и все-таки я уже слишком часто видел, как умирают те, кого я любил, и ради чего?

Вы понимаете, я не могу говорить об этом ни с кем другим... Мы здесь слишком далеки от солнца. Вы понимаете, о чем я говорю? На таком расстоянии мы ничего не можем сделать для того, чтобы открыть глаза королю. Мы забыты, мы одиноки. Правительство вспоминает нас только тогда, когда наступает время собирать доходы с меховой торговли или нужно просить нас послать войска против англичан в интересах иезуитов и их святых войн. Но ведь это неправда, что мы принадлежим Франции. Здесь, в Акадии, никто никому не принадлежит. Все эти острова, мысы, все эти потайные бухточки населены свободными людьми. Французы или англичане, голландцы или скандинавы, рыбаки или торговцы — мы все здесь в одинаковом положении: меха и треска, обмен и береговая торговля. Мы люди Французского залива, люди побережья Атлантики... У нас всех общие интересы и общие нужды. Мы должны объединиться под вашей эгидой!

— Почему моей?

— Потому что это можете сделать только вы один, — пылко ответил Сен-Гастин. — Только вы достаточно сильны, независимы, неуязвимы. Вы со всеми — и в то же время остаетесь на расстоянии от всех остальных. Как бы мне это выразить? Мы знаем, что вы в дружеских отношениях с англичанами, и тем не менее я уверен, что если бы вы отправились в Квебек, вся эта высокая публика смотрела бы вам в рот. И даже... Видите ли, мы, канадцы — храбрый и хитрый народ, но нам недостает кое-чего такого, чем обладаете вы — политического чутья. Лицом к лицу с таким человеком, как отец д'Оржеваль, мы стоим немногого. Только вы один можете ему противостоять.

— Иезуиты очень могущественный орден, в сущности, самый могущественный из всех, — ответил Пейрак тоном, в котором нельзя было услышать никакого чувства.

— Но... и вы тоже!

Жоффрей де Пейрак повернул голову, чтобы взглянуть на своего собеседника. На его тонком юношеском лице выделялись прежде всего пылающие глаза, обведенные синеватыми кругами, что придавало ему слегка женственный, изнеженный вид; возможно, именно поэтому его считали похожим на индейца, в чертах безбородых лиц которых иногда проскальзывала некая сексуальная неопределенность, двойственность. Однако в его случае это было утонченностью древней непобедимой расы, сложившейся от смешения крови иберов и мавров и имевшей, возможно, каких-то древних азиатских предков. Та же самая кровь текла и в жилах Пейрака, а ростом, необычным для гасконца, он был обязан английским предкам своей матери.

Барон Сен-Гастин с тревогой взглянул на своего старшего собеседника.

— Мы все готовы сплотиться под вашим знаменем, мессир де Пейрак...

Пейрак продолжал смотреть на него, словно пытаюсь проникнуть в душу, и как будто не слышал его. Так значит, на него смотрела вся нация, выражавшая свои желания этим музыкальным молодым голосом с акцентом Гиени, их родной провинции.

— Поверьте мне, поверьте мне, — настойчиво повторял этот голос, — если война будет продолжаться, то и дело вспыхивая вновь, это будет означать гибель нас всех.

— И первыми погибнут самые уязвимые — наши индейцы, наши друзья, наши братья, наши родственники... Да, наши родственники; потому что у каждого белого в Акадии есть там, в лесу, тесть, шурина, свояченица, кузен или кузина. Мы связаны с ними узами крови через тех индейских женщин, которых мы любим или на которых мы женаты. Я и сам скоро женюсь на Матильде, моей маленькой индейской принцессе. Что за сокровище это дитя, если бы вы знали, мессир...

Но все они умрут, если только мы не защитим их от их же собственных воинственных порывов. Ибо в один прекрасный день англичанам надоеет подвергаться этой бесконечной резне. Англичане, живущие вдоль нашего побережья, безусловно, не любят войну и не слишком легко возбудимы. Они ненавидят только одно — грех, и нужно, чтобы на поясах абенаков повисло еще намного больше их скальпов, прежде чем они убедятся в необходимости взяться за оружие. Но уж если это произойдет, да защитит нас Господь! Они тяжелы на подъем, но если уж решили драться, то будут драться до конца... Упорно, яростно, методически, без ненависти или другой страсти, позвольте мне заметить, но так, как будто они выполняют долг, свой религиозный долг. И они очистят землю, которую дал им Господь. Они истребят моих эчеминов и тарративов

до последнего человека, как истребили сорок лет назад пекуотов и совсем недавно нарагансетов... до последнего человека, говорю я вам, до самого последнего человека!

Он почти кричал.

— Естественно, я попытался объяснить все это людям из Квебека, но с меня уже хватит! Они заявили, что англичане трусы и мы должны сбросить их в море, очистив американское побережье от этих еретиков, от этих протестантских паразитов... Может быть, это и так. Англичане трусы, но это упорный народ, и их в тридцать раз больше, чем нас, канадцев; страх может сделать их грозными, коварными и хитрыми... Я знаю этих англичан, я много раз имел с ними дело и снял с них в бою достаточно скальпов. Нет, никто не может упрекнуть меня в том, что я плохой французский офицер. На стенах моей крепости в Пентагуэте сушится более ста английских скальпов, которые я со своими индейцами собрал в сражениях с поселенцами на берегах Залива. Два года назад мы дошли почти до Бостона и могли бы захватить его, если бы только наш король прислал нам в помощь хотя бы один военный корабль. Но он абсолютно ничего не делает, чтобы помочь «своим» во Французской Акадии...

Он остановился, задохнувшись.

Потом продолжил с трогательной мольбой:

— Вы поможете нам, не правда ли, мессир? Вы поможете мне спасти моих индейцев?

Граф де Пейрак опустил голову на руку, пряча глаза.

Ему казалось, что никогда еще он с такой силой не желал, чтобы Анжелика оказалась рядом с ним.

Если бы только она была здесь! Если бы только он мог почувствовать ее близость рядом с собой! Ее нежное, милосердное женское присутствие, ее молчание, глубокое молчание, которое умела сохранять

в нужные моменты только она, с той неуловимо таинственной манерой, которая была свойственна только ей одной.

Но каким понимающим было ее молчание! Каким страстным и пронизательным! Само присутствие его жены как бы искупало все те преступления и ужасы, о которых только что говорилось.

Он поднял голову и посмотрел прямо в глаза судьбе.
— Хорошо! — сказал он. — Я помогу вам.

Глава 20

Над заливом висел такой густой туман, что даже пронзительные крики чаек звучали приглушенно и, доносясь сквозь клубящиеся вихри белой мглы, казались жалобными стонами терзаемых душ.

Возвращаясь в Хаусснок, Жоффрей де Пейрак уже собирался распрощаться с Сен-Гастинном, когда они заметили судно, которое, точно некий призрак, плыло вверх по Кеннебеку. Медленно увлекаемое ленивым ветерком, оно с легким шелестом прошло совсем рядом с ними. Это был небольшой торговый или каперский корабль водоизмещением около ста двадцати или ста пятидесяти тонн, и его грот-мачта, на которой развевался оранжевый вымпел, вряд ли была выше остроконечных вершин древних дубов, обрамлявших берега реки. Проскользнув мимо, он растаял, словно видение, но немного погодя они услышали сквозь туман, как загремела якорная цепь. Судно легло в дрейф, и кто-то начал пробираться по едва намеченной тропинке, проходившей у самого края воды. Как оказалось, это был моряк в красно-белой полосатой фуфайке и с резакom за поясом.

— Нет ли среди вас, господа, мессира де Пейрака?

— Это я.

Моряк слегка сдвинул назад свой шерстяной колпак, изображая приветственный жест.

— Вам просили кое-что передать с корабля, который мы встретили в заливе за островом Сегуин, как раз перед тем, как войти в Дрезденское течение. Это была яхта под названием «Рошеле». На ее борту находилась мадам де Пейрак, которая и просила передать Вашей Светлости, что она встретится с Вами в Голдсборо.

— Ну, прекрасно, — воскликнул Пейрак с огромным облегчением. — Когда это было?

— Вчера, перед самым закатом.

Сейчас была среда. Значит, сказал он себе, Анжелика, по всей видимости, благополучно завершила свою безрассудную вылазку в Брунсвик-Фэлс. «Рошеле», курсировавшая в этих водах, взяла ее на борт, и какие-то причины, связанные, возможно, с грузом или ветрами, вынудили ее капитана Корентина Ле Галла снова отправиться в путь.

Успокоившись относительно судьбы жены и сына, граф несколько не беспокоился больше о своей возможной задержке. Он найдет какой-нибудь другой способ добраться до своих земель в Голдсборо. Он ни на мгновение не заподозрил во лжи встретившегося им человека, потому что такого рода обман — крайне редкое явление среди моряков.

— Возвращайтесь обратно со мной через Пентагуэт, — предложил барон Сен-Гастин. — Сухопутный маршрут, возможно, не слишком приятен, поскольку грязь еще не высохла, но все же это будет быстрее, чем путешествие по морю. Тем более что у вас нет иного выбора, как только дожидаться подходящего судна или же использовать ваши лодки, оставшиеся в Хауссноке, а это, безусловно, займет немало времени.

— Хорошая мысль, — согласился Пейрак. — Эй вы, там! Он обращался к моряку, силуэт которого уже начал расплываться в тумане.

— Вот здесь кое-что для вас, — сказал Пейрак, протягивая ему горсть жемчуга.

Моряк вздрогнул и, открыв рот, уставился на Пейрака.

— Розовый жемчуг, с Карибского моря...

— Да. Я надеюсь, вы найдете ему применение. Такие жемчужины встречаются не каждому.

Моряк, казалось, был смущен великолепием дара.

— Благодарю вас, милорд, — пробормотал он, наконец. Потом несколько раз торопливо поклонился и будто испугался чего-то. Стремительные уход его напоминал бегство.

Вот так и получилось, что, добравшись до побережья в Сабадахоке, Анжелика обнаружила, что залив безлюден.

Глава 21

Дом Джорджа Шаплейфа в заливе Макуойт был ветхой, избитой ветрами хижинкой, стоявшей на кончике мыса под согнувшимися кедрами.

Ограда, которой было обнесено это строение, вряд ли заслуживала название палисада. Но Анжелика и ее английские спутники, которым потребовался почти целый день на преодоление трех лье, отделявших реку Андроскоггин от этого узкого полуострова, сочли предложенный им приют самым желанным.

Живущая здесь старая толстая индианка, которая, возможно, была матерью индейца, сопровождавшего повсюду старого лекаря, угостила их тыквенным пюре. За ним последовали съедобные моллюски, большие и ароматные, с восхитительной розоватой мякотью, похожие на те, что собирают у берегов Бретани. В хижине было множество лекарств из трав — порошки, мази и засушенные травы в коробочках из берестовой коры, что позволило Анжелике заняться лечением больных и раненых.

Несмотря на то что лес был украшен яркими звездочками цветов, распустившихся в нежной молодой траве, и воркованьем лесных голубей, этот последний переход страшно изнурил людей. Бедные англичане совершенно выбились из сил и страдали от ран. Кроме того, они были перепуганы. Но если они боялись встретить злых духов, перебираясь через болото, то Анжелика гораздо сильнее опасалась наткнуться на орущих раскрашенных дикарей с поднятыми над головами томагавками.

Двадцать трупов, оставшихся лежать в заросшей цветами долине, не могли привлечь особого внимания в эту весну, когда почти три тысячи индейских воинов

выступили на войну с поселенцами Новой Англии, уничтожив свыше пятидесяти селений и вырезав несколько сот жителей...

И только цветущие кусты кизила да кораллово-краевые колокольчики водосбора, качающиеся на своих тонких стеблях под сенью могучих дубов, будут рассказывать о их ужасной судьбе в течение многих-многих лет, сменяющих друг друга над берегами прекрасной реки Андроскоггин.

Но теперь путники добрались до моря, и за узким мысом раскинулся залив Каско с его бесчисленными островами.

Море проникало здесь всюду, оно плескалось среди прибрежных скал и деревьев, и свежий ветер приносил запах соли и морских водорослей, а к низкому рокоту прибоя примешивался лай тюленей, располагавшихся на отмелях.

Вокруг бревенчатой хижины было разбито небольшое поле, засаженное кукурузой, тыквами и фасолью, а на краю скалы под несколькими склонившимися ивами начинала пробуждаться жизнь в кучке ульев.

Два дня они ждали, не появится ли вдали парус. Потам к ним зашел индеец-шипскот, друг Шаплейфа, и сказал, что ни один корабль бледнолицых не показывался вблизи Сабадахока.

Что случилось с «Рошеле»? Где Жоффрей? Анжелика начала испытывать нетерпение, и ее мысленному взору представилась орда абенаков, спускающаяся вниз, по направлению к Голдсборо.

А что, если барон Сен-Гастин заманил Жоффрея де Пейрака в ловушку? Нет, этого не могло быть. Жоффрей заподозрил бы неладное... Но разве ее собственный инстинкт не подвел ее, позволив ей так странно попасть впросак? Разве она не подняла на смех бедного

Адемара, когда он в отчаянии кричал: «Они готовят военные котлы! Кого они хотят убить?»

Сейчас Адемар, по-видимому, полностью утратил способность что-то понимать. Он только бормотал молитвы над своими четками да озирался вокруг с совершенно диким видом. И опять он был прав. На этом одиноком мысу, затерянном в отдаленной местности, они были так же одиноки и заброшены, как на необитаемом острове, но эта оторванность в то же время не могла надежно защитить их от подкрадывающихся дикарей, которым пришла быв голову мысль снять с них скальпы.

В любое другое время самые сильные и выносливые из них вполне могли бы попытаться дойти пешком до какого-нибудь другого селения на английском побережье Мэна, усеянном небольшими, отдаленными друг от друга деревушками, и найти там какое-нибудь судно. Но сейчас большинство этих построенных из дерева селений было охвачено пламенем, и направиться на запад было равносильно тому, чтобы добровольно попасть под ножи краснокожих. Лучше всего было держаться настороже и позволять забыть о себе, о жалкой горстке бледнолицых существ, заброшенных судьбой на это ужасное, жестокое побережье дикого, не подвластного ничьим законам континента. Здесь у них, по крайней мере, была крыша над головой, лекарства для больных, овощи, моллюски и водоросли для утоления голода и подобие ограды, создававшее иллюзию безопасности. Однако Анжелику беспокоило полное отсутствие оружия, потому что, если не считать мушкетона старого Шаплейфа с его скудными запасами зарядов, у них не было ничего, кроме нескольких сабель и личных ножей, а также мушкета Адемара, к которому не было ни пороха, ни пуль.

Солнце снова поднялось над горизонтом, и Анжелика поручила Кантору следить, не появится ли вдали какой-нибудь парус, играющий в прятки среди островов, и не подойдет ли он достаточно близко, чтобы они смогли подать ему сигнал. Но все корабли, которые им удавалось увидеть, по-видимому, направлялись в обратную сторону. Эти корабли с их белыми или коричневыми парусами, надуваемыми ветром над сверкающей голубизной воды, не отвечали ни на один звук или сигнал, который они могли им подать, и казались издали живыми существами, проявляющими к ним такое полное равнодушие, что это еще сильнее терзало их изболевшиеся сердца.

Несмотря на страх перед местными племенами, Пиксарет продолжал держать своих узников под незримым надзором. В сущности, он даже не столько следил, сколько заботился о них. Во время их путешествия к побережью он однажды даже явился к ним, чтобы понести измученного ребенка.

Потом, когда они уже поселились в хижине, он вошел в нее и поставил перед ними тыквенный сосуд, наполненный корневищами какого-то дикого растения. Англичане, назвавшие эти клубни картофелем, отнеслись к ним с большим одобрением. Испеченные в горячих углях, они оказались очень вкусными и не такими сладкими, как батат или артишоки. Кроме того, он принес им сладковато пахнущие лишайники и огромного лосося, которого сам и изжарил на прутике.

Однако, увидев перед собой трех дикарей во главе с гигантом-вождем, несчастные жители Брунsvик-Фэлса торопливо попятнулись, потому что с поясов патсуикетов свисали засохшие скальпы, еще так недавно снятые с голов их родных и друзей. Обменявшись несколькими словами, Пиксарет и его подданные удалились в лес. Но когда Анжелика выходила наружу, чтобы оглядеть горизонт, она часто видела Пиксарета и двух его

краснокожих спутников на другой стороне фиорда, где они, угнездившись, как птицы, на верхушках деревьев, что-то высматривали посреди залива. Они махали ей и кричали какие-то шутки, из которых она могла расслышать только отдельные слова и обрывки фраз, и по ним чувствовала, что шутки были вполне дружескими.

Нужно было привыкать к свободным и непринужденным манерам дикарей, к их быстро меняющемуся настроению, что таило в себе и опасные, и успокаивающие стороны, и пытаться жить с ними, как с дикими зверями, которых можно укротить только превосходством и силой характера.

Но сделай она хоть один неверный шаг — и ей пришлось бы опасаться всего самого худшего.

Пиксарет представил ее двум своим воинам, имена которых было очень легко запомнить — Теноуинант, что означает тот-кто-хорошо-обо-всем-осведомлен, тот-кто-искусен-во-всех-делах и Оуаоуеноуроуе, то есть тот-кто-так-же-хитер-как-собака-идущая-по-следу.

Вообще-то говоря, она предпочитала называть их именами, данными им при крещении, которые они сообщили ей с немалой гордостью: Мишель и Жером. Трудно было придумать большее несоответствие, чем связь столь кротко и благочестиво звучащих имен и этих людей с дико размалеванными физиономиями: левый глаз обведен красным, что символизирует первую рану, другой белым, чтобы устрашать врагов, подбородок вымазан голубым, что означает палец Великого Духа, и так далее. И все это меркнет в обрамлении дикой копны волос, в которые воткнуты перья и вплетены мех, четки и медали.

Обвешанные оружием, намазанные жиром, с голой грудью, украшенной татуировкой и нарисованными краской узорами, чаще всего босые, с развевающимися

на ветру кожаными набедренными повязками, они устремлялись к ней, как только она их окликала.

— Мишель! Жером!

И она сдерживала смех, внезапно тронутая их видом.

Они говорили с невероятным акцентом, который было почти невозможно понять, почти так же, как английский акцент!

Пиксарета, вождя патсуикетов, она никогда не могла воспринимать всерьез именно из-за его несколько забавного имени. Но, как он объяснил ей, это было еще не все. Вначале его называли за его счастливый характер Пиоерлет, то есть тот-кто-понимает-шутки, но его военные подвиги позволили ему получить имя Пикасоурет, или ужасный, которое французы упрощенно произносили как Пиксарет.

Так значит, Пиксарет!

С того самого дня, когда она, встав между ним и раненым ирокезом, дала ему в обмен за жизнь его врага свой шелковый плащ цвета утренней зари, и началась их странная дружба. Этот тревожащий, скандальный, поразительный, приводящий в ярость союз, давший пищу для многочисленных сплетен.

Анжелика еще не знала, какую роль сыграет в ее жизни Пиксарет всего через несколько недель, но чувствовала, что не боится его.

Иногда он принимал задумчивое выражение и как будто отвечал на какой-то не высказанный вслух вопрос.

— Да, — заявлял он, — мы решили иметь дело с англичанами, но ведь потом французы вернулись обратно, и как я мог разочаровать тех, кто меня крестил?

И, пробежав рукой по своему ожерелью из крестов и медальонов, продолжал:

— Крещение хорошо для нас, воноланксетов, но для гурунов оно плохо: почти все они умерли от оспы или были вырезаны ирокезами. Но мы, мы воноланксеты, а это совсем другое дело!

Старый Шаплейф тоже подолгу разговаривал с Анжеликой. Обнаружив, как много она знает о травах, он был просто счастлив, когда мог научить ее чему-то новому, и спорил с ней, если она не разделяла его личную точку зрения. Изучив содержимое мешочка с лекарствами, который она носила в своем кожаном мешке, он упрекнул ее за то, что она пользуется белладонной, которая является дьявольской травой, ибо растет в саду Гекаты.

В то же время сам он питал особое пристрастие к кустарниковой полыни, «восхитительному растению, которое находится под влиянием Меркурия и заслуживает гораздо большего уважения, чем то, которым пользуется сейчас».

Планеты и их могущественное влияние были также заключены в его коробочках с лекарствами, и он уверял, что кусочек меди, веточка вербены и голуби одинаково принадлежат Венере.

А о благословенном чертополохе он говорил:

— Это трава Марса, который под знаком Овена излечивает венерические болезни назло Венере, которая их вызывает. Я продал множество чертополоха морякам. Они приходят ко мне и просят его под тем предлогом, что у них на борту чума, но я-то знаю, что это значит...

А потом, внезапно вновь превращаясь в истинного ученого, он называл латинским именем почти каждую траву, которая была ему известна, и на дне его сундука среди всяческой колдовской чепухи она обнаружила «Гербатум виртутибус» Эмилиуса Макеса и одну из замечательных «Регимен санитатис салерно» — настоящие книжные сокровища!

Так прошло два дня. Они прожили их как люди, потерпевшие кораблекрушение и не знающие, что уготовила для них судьба.

Когда воздух был чист и прозрачен, они могли разглядеть на юго-западе извилистую линию побережья, над которой кое-где поднимались вверх сероватые облачка, таявшие в почти прозрачном мареве, висевшем над заливом, которое отливало то розовым, то голубым, то молочно-белым, как тонкий дорогой фарфор...

Эти серые пятна отмечали места пожаров, разожженных индейскими факелами...

Фрипорт, Ярмут, все окрестные деревни были охвачены пламенем; под угрозой был сам Портленд.

Но все это было слишком далеко, так далеко, что они не могли разглядеть массы людей, устремившихся через пролив ради спасения своей жизни. Высокие паруса то появлялись, то исчезали, как множество белых крыльев, которые было трудно отличить от крыльев бесчисленных чаек, бакланов и буревестников.

Птиц было так много, что несмотря на ослепительный свет июньского дня, иногда словно опускались внезапные сумерки, когда небо заслонялось взмахами тысяч крыльев; птицы слетались сюда, привлеченные стаями трески, сельди, макрели и тунца, которые приходили метать икру в водах великого Массачусеттского залива. Он простирался, как огромный рог изобилия, с одной стороны открывающийся в Атлантический океан, а с другой замкнутый процветающим и ужасным Французским заливом, прославившимся своими чудовищными приливами.

На третий день их пребывания на мысу Макуойт Кантор сказал матери:

— Если и завтра ни один корабль или лодка не бросят якорь в этом проклятом месте, я отправлюсь на

восток пешком вдоль побережья. Если я не буду попадаться на глаза индейцам и буду находить пироги для переправы через проливы и устья рек, я в конце концов благополучно доберусь до Голдсборо. А отправившись один, я привлеку к себе меньше внимания, чем если бы мы выступили в путь всем отрядом.

— Но разве такое путешествие не продлится многие и многие дни?

— Я могу идти с такой же быстротой, как любой индеец.

В итоге она согласилась с этим планом, хотя мысль о расставании с Кантором внушала ей сильную тревогу. Она находила утешение и поддержку в его юной силе и энергии, в его готовности к любым неожиданным превратностям, которые мог уготовить американский континент.

Нужно было что-то делать; они не могли без конца ждать помощи, которая могла и не явиться.

В этот вечер она продолжала наблюдать за окрестностями, пользуясь благоприятной ясностью вечернего неба.

Неумолкаемо кричащие птицы нашли себе прибежище в устьях многочисленных речушек. Мягкий, почти неуловимый туман начал рассеиваться, и залив Каско словно погрузился в ослепительное и безмятежное оцепенение. Море, переливающееся золотом, демонстрировало свои острова, как драгоценные камни, отливающие многоцветными отблесками, — горящие топазы, синие сапфиры, черные агаты. Их было триста шестьдесят пять, как здесь говорили, столько же, сколько дней в году.

Однако это продолжалось недолго. Золото утратило свой блеск. Море опять стало холодным и бледным, и земля с ее причудливо изрезанными берегами постепенно растворилась в непроглядной темноте.

Резкий ветер донес до них запахи с залива. Теперь весь ландшафт казался вычеканенным из меди и бронзы.

Сразу же после того как село солнце, Анжелика заметила какое-то судно у мыса Харпсвелл, на востоке. В последних лучах опустившегося за горизонт светила корабль казался золотым. И уже в следующее мгновение она обнаружила, что больше не видит его.

— Не было ли у него на носу огромной берцовой кости? — вопросительно воскликнул старый лекарь. — Держу пари, что он свернул свои паруса, как бы готовясь войти в порт. Я его знаю. Это корабль-привидение, который появляется у мыса Харпсвелл каждый раз, когда грозит беда тем, кто его видит. И порт, в который он направляется — Смерть.

— Он совсем не свертывал паруса, — сердито ответила Анжелика.

И юный Кантор, заметив, что ее все-таки расстроили слова старого колдуна, многозначительно подмигнул ей, чтобы успокоить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 22

На следующий день Анжелике не спалось. Она встала очень рано и отправилась поискать ракушек среди прибрежных скал, обнажившихся во время отлива. Колония тюленей, которая располагалась на ближайшей отмели, оглашала воздух пронзительными криками, эхом разносившимися по всем окрестным бухточкам. По-видимому, животные были крайне возбуждены.

Анжелика пошла к ним, чтобы посмотреть, что встревожило этих обычно столь мирных животных. Неуклюжие и неповоротливые на земле, они совершенно преображались, оказываясь в воде, и их темные, блестящие туловища, мелькающие среди сверкающих волн на закате солнца, казались удивительно гибкими и проворными.

Подойдя к ним поближе, она обнаружила причину их беспокойства. Два или три тюленя лежали мертвыми, и их уже окружали стаи орущих, кружащихся птиц. Тюлени были зверски забиты дубинками. Их собратья, огромные быки, тщетно пытались отогнать алчных пернатых хищников.

Увидев эту сцену, Анжелика вздрогнула, потому что бойня была делом человеческих рук. ЗНАЧИТ, ЗДЕСЬ БЫЛИ ЛЮДИ...

И это были не индейцы, потому что они охотятся на тюленей только зимой.

Анжелика огляделась вокруг. Должно быть, какой-то корабль, возможно, и тот, который старый Шаплейф принял за призрак, подошел сюда ночью под прикрытием туманной темноты.

Она вскарабкалась вверх по склону.

Солнце еще не показалось, так как над самым горизонтом висело небольшое облако, но небо было голубым, прозрачным и спокойным.

Потом до нее донесся запах горячей травы, который нельзя было спутать с дымком, поднимающимся из маленького каменного очага в хижине. Быстро и осторожно ступая и инстинктивно прячась за кустами и соснами, она продвигалась вперед по краю мыса, вдававшегося в фиорд.

Выглядывая из промежутков между ветвями деревьев, Анжелика увидела корабль, скрытый за одним из многочисленных выступов, между которыми извивалась, врезаясь в глубь суши, узкая полоска фиорда. И откуда-то снизу, под тем самым местом, где она стояла, лениво поднималась вверх струйка дыма и слышалось неразборчивое бормотание нескольких голосов. Анжелика легла на землю и подползла почти к самому краю скалы, однако так и не смогла разглядеть людей, расположившихся лагерем на узкой полоске из гальки, усеянной водорослями. Но их голоса звучали теперь громче, и она сумела разобрать обрывки французских и португальских слов, произнесенных грубо и хрипло.

Теперь она могла разглядеть все судно, оказавшееся всего лишь шлюпом. Вернувшись в хижину, она позвала детей внутрь. Отдохнув после длительною перехода по лесу, они снова начали играть маленьким мячом, набитым конским волосом.

— Там внизу расположились какие-то люди, — сказала она Кантору. — У них есть суденышко, которое могло бы захватить человек восемь-десять из нас, но я не уверена, что они будут настолько великодушны, что согласятся взять нас на борт.

Она не испытывала особого доверия к людям, способным на беспричинную бойню беззащитных

животных, которых они даже не удосужились подобрать.

Кантор тоже отправился взглянуть на пришельцев с того места, на которое указала ему мать. Вернувшись, он заявил, что видел их. Это из числа тех, что налетают летом на побережье Северной Америки в поисках добычи, несомненно, менее ценной, но зато гораздо легче достающейся, чем испанские корабли.

— Нам нужно это судно, — продолжала настаивать Анжелика, — если только мы сумеем добиться от них помощи.

Ее слова были обращены прежде всего к Кантору и Стафтону, который оставался единственным не выбывшим из строя человеком и мог хоть сколько-то помочь ей в принятии решения.

Пастор, лежавший с высокой температурой, все еще находился в полубессознательном состоянии. Корвин был в ярости и горестном смятении и только величайшим усилием воли удерживался от того, чтобы не ругаться в присутствии пастора. Оба его батрака, молчаливые, неуклюжие парни, были готовы взяться за любую задачу, требующую применения мускульной силы, но советом помочь не могли. Старый Шаплейф держался особняком, поодаль от своих гостей, говоря, что он должен покинуть их этим вечером или завтра, чтобы пойти в лес, ибо скоро настанет ночь, когда нужно рвать дикую вербену.

Что же касается Адемара, то он вообще не обладал чувством ответственности.

Оставались Стафтон — фермер, который, хотя и не имел воображения, но являлся тем не менее отважным и мужественным человеком, и Кантор — сын дворянина, чья короткая жизнь была уже богата опытом. Анжелика верила своему сыну, доверяя его особому возрасту, в котором сочетаются инстинктивная осторожность,

сознание собственных возможностей и вызывающая мужская смелость.

Кантор вызвался захватить шлюп под самым носом пиратов и привести его на противоположную сторону мыса, где на него сядут все остальные.

Вдруг Анжелика встала и направилась к дверям, сразу же осознав, что привлекло ее внимание.

Снаружи раздавался крик козодоя, повторяемый снова и снова, настойчивый утробный крик.

Ее звал Пиксарет.

Она подбежала к краю мыса и отсюда увидела индейца, расположившегося на противоположном берегу на вершине огромного черного дуба. Полускрытый густой листвой, он лихорадочно жестикулировал, показывая ей на что-то, что находилось ниже того места, где она стояла.

Она взглянула вниз на берег, и кровь застыла в ее жилах, потому что оттуда прямо к ней карабкались вверх люди, цеплявшиеся за редкие кустики можжевельника и низкорослые сосны, торчавшие из расщелин скалистого склона.

Вне всякого сомнения, это были пираты со шлюпа. Когда один из них, поняв, что они обнаружены, поднял мерзкую физиономию и посмотрел на нее, она увидела зажатый у него в зубах нож.

Очевидно, пираты тоже разузнали, что на этом пустынном берегу у них есть соседи, и будучи закоренелыми бандитами, собирались застать их врасплох.

Увидев, что неожиданное нападение сорвалось, они принялись отвратительно ругаться и еще быстрее ползти по каменному склону.

Взгляд Анжелики упал на ульи с пчелами. Прежде чем убежать, она схватила один из них и в тот самый момент, когда флибустьеры добрались до края утеса, обрушила его с гудящим содержимым на их головы.

Получив такой удар, они начали жутко вопить, завывая. Она не стала задерживаться ради удовольствия понаблюдать, как они пытаются отбиться от черного облака разъяренных пчел.

Убегая, она выхватила свой остро отточенный нож. Оказалось, это была мудрая предосторожность, поскольку бандиты разбились на две группы.

Чья-то ухмыляющаяся, похожая на шута фигура вдруг выросла между ней и жилищем Джона Шаплейфа. На пирате красовался яркий, как у попугая, наряд и треуголка с красными страусиными перьями. Он размахивал дубинкой.

Должно быть, он был выпивши или же просто решил, что женщины можно не бояться, потому что сразу же бросился на нее. А после того как она отпрыгнула в сторону, чтобы уклониться от просвистевшей мимо нее дубинки, оступился и буквально наткнулся на острое лезвие, которое она выставила перед собой как единственное средство защиты.

У него вырвался хриплый крик, и на какое-то мгновение она ощутила вонючее дыхание пьяницы, пропитанного ромом, и к тому же с гнилыми зубами. Его руки разжались, но, падая, он едва не увлек ее за собой. Содрогнувшись от ужаса, она изо всех сил оттолкнула его. Он скорчился у ее ног, прижимая руки к животу. В его слезящихся глазах появилось выражение крайнего недоумения.

У Анжелики хватило благоразумия не проявлять дальнейшего интереса к судьбе этого человека. Она опрометью бросилась к хижине Шаплейфа и торопливо заперла ворота шаткого палисада.

Глава 23

— У него выпадают кишки!

Этот зловещий крик, прозвучавший в чистом воздухе июньского вечера, разнесся эхом по всему заливу Каско.

— У него выпадают кишки!

Где-то там, за кустами, кричал один человек другому, и осажденные англичане и французы слушали его вопль из своей тщательно забаррикадированной хижины.

Столь трагически начавшийся день близился к концу. Шансы противников были более или менее равны. Одну сторону представляли Анжелика и англичане, правда, страдавшие от недостатка оружия, но зато не теряющие бдительности под прикрытием своих бревенчатых стен. На другой же были пираты, свирепые и агрессивные, но ужасно искусанные пчелами и вдобавок отягощенные раненым, у которого вываливались внутренности.

К несчастью для Анжелики и ее компаньонов, пираты укрылись у ручья поблизости от дома, чтобы иметь возможность обмывать свои распухшие от укусов лица и конечности.

С этого удобного наблюдательного пункта они могли держать под наблюдением весь дом, не позволяя кому-либо выйти из него, и то кричали оскорбления, то стонали. Их самих не было видно, но жалобы, доносившиеся из-за густого занавеса деревьев, указывали место, где они расположились.

Когда наступила ночь, их вопли, крики и вздохи, раздававшиеся с регулярными интервалами, слились с лаем тюленей на прибрежной полосе внизу, и все

вместе это создавало шум, от которого волосы становились дыбом.

Вскоре луна залила своим светом всю сцену. Море стало серебряным. Целая флотилия черных, как сажа, островов, казалось, была готова отплыть к какому-то дальнему белому горизонту.

Где-то около полуночи Анжелика влезла на стул и приподняла одну из черепичных плиток крыши, чтобы выглянуть наружу и получить общее представление о сложившейся ситуации.

— Эй, вы, там, внизу, послушайте меня, моряки! — крикнула она по-французски ясным, громким голосом.

Она увидела, как зашевелились смутные тени пиратов.

— Послушайте меня, мы можем договориться. У меня здесь есть лекарства, которые могут облегчить ваши страдания. Я могу перевязать раны пострадавшего... Подойдите к дому на расстояние двух морских сажений и сложите оружие. Мы не хотим вашей смерти, мы хотим только спасти свои жизни и воспользоваться вашим судном. В обмен на это мы уделим внимание вашим недугам.

Вначале ответом ей была только тишина, но вскоре послышался приглушенный шепот, заглушавшийся порывами ветра.

— Мы займемся вашими ранами, — повторила Анжелика. — Иначе вы все умрете. Пчелиный яд — верная смерть, а если не оказать помощь вашему раненому другу, то это будет означать для него верный конец.

— Кому вы это говорите! Верный конец... У него выпадают кишки, уже выпали, — пробурчал из темноты чей-то низкий голос.

— Это, безусловно, не принесет ему пользы. Так будьте благоразумны. Сложите оружие, как я вам сказала, и я позабочусь о вас.

Ее нежный мелодичный голос, доносящийся к ним из ночной темноты, казался им успокаивающим, как будто он исходил с самого неба.

Но пираты уступили не сразу. Они продержались до самого рассвета.

— Эй, там, женщина, — прокричал один из них, — мы идем!

Из-за кустов донеслось лязганье стали и появилась, пошатываясь, чья-то неуклюжая фигура, обвешанная саблями, ножами, тесаками, вооруженная к тому же топором и маленьким пистолетом.

Все это он сложил на землю в нескольких шагах от палисада.

Анжелика, прикрываемая мушкетом старого Шаплейфа и мушкетом, который держал Кантор, подошла к нему поближе. Он почти ничего не видел из-за страшной опухоли, вызванной пчелиными укусами, в результате чего его лицо превратилось в нечто вроде подушки, а шея и руки казались надутыми и отвердевшими.

Шаплейф снова нахлобучил свою высокую пуританскую шляпу в, весело хихикая и сопя, обошел человека кругом.

— Вижу! Вижу! Тыква как будто совсем созрела!

— Сжальтесь надо мной! — умоляюще попросил человек.

Его рубашка, испещренная: давними пятнами крови, и короткие бумажные штаны, оставляющие открытыми волосатые колени, представляли собой типичный наряд настоящего буканьера. Его пояс, с которого свисали многочисленные ножны для ножей всех возможных размеров, недвусмысленно свидетельствовал о том, что он принадлежит к людям, которые охотились на диких кабанов и быков на островах Карибского моря, убивали их, свеживали и разрубали на части, а потом, прокоптив мясо, продавали его проходящим кораблям. В сущности,

это были океанские мясники, и их даже можно было высчитать торговцами ничем не хуже других, если бы они не были вынуждены заняться войной и пиратством из-за нетерпимости испанцев, не желавших мириться с присутствием кого бы то ни было, кроме самих себя, на островах американских архипелагов.

Его товарищи, оставшиеся за деревьями, находились в еще более скверном состоянии, чем он. Хилый, болезненного вида юнга выглядел так, словно готов был отойти в лучший мир, португалец с оливково-смуглой кожей походил на кочан капусты, и последний, тоже довольно смуглый моряк, напоминал своим видом тыкву. Что же касается того, кто был ранен...

Анжелика приподняла вонючее тряпье, брошенное на него, и стоявшие рядом зрители задохнулись от ужаса и отвращения. Анжелика и сама едва подавила приступ непреодолимой тошноты, внезапно подкатившейся к горлу.

Зияющая рана была не менее пятнадцати дюймов длиной, и из нее вылезали наружу внутренности — нечто, похожее на клубок свивающихся, корчащихся и судорожно подрагивающих змей, — кошмарное зрелище распоротого человеческого живота!

Все словно приросли к земле, и только Пиксарет, неожиданно появившийся, принялся изучать жуткое зрелище с забавной любознательностью.

Анжелика сразу же поняла, что это совершенно необыкновенный случай. Раненый с неуловимой насмешкой наблюдал за каждым ее движением из-под своих лохматых бровей. Несмотря на восковой оттенок его кожи и заострившиеся черты лица, Анжелика не смогла заметить на этом безобразном лице пьяницы ни одного признака приближающейся смерти. В это трудно было поверить, но человек, похоже, был полон решимости выжить. Кинжал не повредил его

внутренности, в противном случае он умер бы почти моментально.

И именно он заговорил первым, хотя его голос и звучал не совсем естественно, поскольку он пытался при этом удержаться от гримасы боли:

— Да, моя госпожа! Неприглядное это дельце, когда кто-то получает хорошую трепку, а? Требуха для похлебки, вот как я это называю, а я уж знаю, о чем говорю. Теперь вы должны снова зашить мне все это.

Должно быть, он размышлял над этим всю мучительную долгую ночь и в конце концов сумел убедить себя, что такое возможно. Забавный маленький тип, не лишенный ума, хотя, несомненно, первостатейный негодяй. Он был вожаком или капитаном этой мерзкой пятерки. Достаточно было бросить только один взгляд на него и его товарищей, чтобы понять, что это за публика. Морская накипь, отбросы моря! Анжелика посмотрела сначала на его лицо, говорившее о дьявольской живучести, потом на чудовищную грыжу, вокруг которой уже начинали кружиться и жужжать мухи, привлеченные гнилостным запахом.

— Хорошо, — решила она, — посмотрим, что тут можно будет сделать.

Глава 24

— Я видела кое-что и похуже, — твердила она себе, торопливо выкладывая инструменты из дорожного мешка на кусок доски в хижине.

Это было не совсем так, хотя в течение зимы в Вапассу ей приходилось выполнять настоящие операции, сложность и разнообразие которых все время возрастали. Необыкновенное искусство гибких, проворных пальцев и уверенные движения рук вдохновляли ее на выполнение таких вещей, которые в это время и в згой стране могли быть названы весьма смелыми и рискованными экспериментами.

Например, когда пришла весна, она вылечила индейского вождя, у которого спина была распорота лосиными рогами. Тогда она впервые попыталась соединить края раны несколькими стежками. Рана зажила удивительно быстро.

Ее репутация приобрела широкий размах, и в Хауссноке на нее обрушилась целая ватага краснокожих, требующих, чтобы их полечила бледнолицая госпожа с Серебряного озера.

Она выбрала себе самые тонкие иглы из тех, что они хранили для торгового обмена, и мсье Жонас своими искусными пальцами часовщика придал им слегка изогнутую форму, которую Анжелика считала наиболее подходящей для столь деликатной работы. Теперь она поздравила себя с тем, что ей удалось уберечь свой мешок во время всех бедствий, недавно обрушившихся на ее голову. Это было просто удивительно. В нем было все, в чем она нуждалась сейчас, в том числе пакетик с толчеными стручками акации, содержащими большое количество танина. Она использовала этот порошок для припарок, которые препятствовали распространению

заражения по всему телу после того как рана затягивалась. Однако его было недостаточно, и она показала порошок Пиксарету, который, внимательно изучив и понюхав снадобье, понимающе улыбнулся и бросился в лес.

— Вместе с кем-нибудь из англичан посмотри судно, — приказала Анжелика Кантору. — Нужно убедиться, что оно готово к отплытию. Будь все время начеку и не расставайся с оружием, хотя, как мне кажется, эти несчастные негодяи сейчас не могут причинить особого вреда.

Элизабет Пиджин робко вызвалась помочь Анжелике, но та решила, что будет лучше отослать ее в помощь жертвам пчел. Поскольку в обязанности старой девы входила еще и перевязка головы преподобного Томаса, ей теперь дел хватало. Она выбрала из кучи пиратского оружия саблю с наименее зазубренным лезвием и, храбро засунув ее за пояс, потрусила к хижине, где старый Шаплейф уже начинал раскладывать свои лекарства, при этом бурно веселясь.

Анжелика взяла плоский камень, лежавший под деревом рядом с раненым, очистила и разложила на нем коробочку с иглами, пинцет, тростниковые зажимы, воронку из коры, бутылку с очень крепкой водкой, ножницы и немного корпии, которую сумела сохранить в промасленном мешочке совершенно чистой и белоснежной.

Не было необходимости переносить раненого на другое место, поскольку ручей протекал совсем рядом. Она зажгла небольшой огонь и поставила на него глиняный горшок с небольшим количеством воды, куда высыпала порошок, приготовленный из акации.

Вернулся Пиксарет с пригоршнями, полными зеленых стручков. Анжелика взяла один, откусила немного и с невольной гримасой выплюнула зеленый вяжущий сок. Стручок еще не достиг полной зрелости,

которая насыщает его танином — веществом, имеющим бесценное свойство помогать затягиванию ран, предохраняя их от сепсиса. Поэтому эти зеленые стручки были еще не так эффективны.

— Придется нам довольствоваться ими.

Она уже была готова бросить стручки в кипящую воду, когда ее вдруг остановил Пиксарет.

— Пусть это сделает Мактара, — сказал он. И показал на старую индианку-служанку или подругу Шаплейфа. Она, по-видимому, знала свойства растения и, присев на корточки около огня, примялась жевать стручки и выкладывать их на большие листья, которым полагалось служить в качестве припарки. Анжелика не мешала ей, зная от старого колдуна из Бобрового стойбища около Вапассу, что лекарство, приготовленное таким способом, действует наиболее эффективно.

Потом она вернулась к своему пациенту, в глазах которого светились одновременно надежда и страх. Увидев, что она опустилась рядом с ним на колени и ее лицо, обрамленное золотом волос, приняло выражение сосредоточенной решимости, старый буканьер почувствовал, что слабеет, и его злодейская физиономия стала почти жалобной.

— Погодите, моя красавица, — прошептал он, и его голос дрогнул. — Прежде чем вы начнете, нам надо бы немножко поболтать. Если вам удастся залатать меня и я опять окажусь на плаву, вы ведь не отберете у нас оружие и не заставите отдать вам нашу старую лоханку, а? Ведь это все, что оставила нам эта свинья, Золотая Борода. Ведь вы не захотите стать хуже него, правда же?

— Золотая Борода? — переспросила Анжелика, насторожившись. — Вы что, из его команды?

— Были... Этот сукин сын высадил нас здесь на берег, не дав даже достаточно пороха, чтобы мы могли

защитить себя от дикарей, зверей и таких людей, как вы, которыми усеяно все побережье; все вы мародеры, грабители, каждый из вас...

— Ну, хватит разговоров, — сказала Анжелика, внешне сохраняя спокойствие, — вы слишком разговорчивы для человека, который стоит перед смертным порогом. Мы поговорим обо всем этом потом.

Человек совершенно измучил себя разговором, и его восковая кожа словно присохла к черепу, отчего лицо приняло вид маски смерти с красными кругами вокруг выпуклых глаз.

Но именно эти красные веки указывали на его неременное желание выжить и на его способность сделать это. «Он будет жить», — и ее губы сжались. О Золотой Бороде она подумает потом.

— Еще слишком рано ставить условия, понял ты, сударь? — сказала она вслух. — Мы поступим с вашим оружием и судном так, как найдем нужным. А для тебя будет большой удачей уже то, что ты останешься в живых.

— Во всяком случае... потребуется не один день... чтобы залатать... старую лоханку... чтобы она была к чему-то пригодна, — прошептал раненый, не желая сдаваться.

— И для того, чтобы залатать тебя, болван, тоже понадобится не один день. А теперь, парень, береги силу и молчи.

И она положила руку на его дряблый: лоб, покрытый липким потом.

Она размышляла, не дать ли ему успокаивающее питье, настоящее на той самой белладонне, которую так не любил Шаплейф. Но не было ничего более сильного для того, чтобы заглушить невероятную боль операции.

— Крепкого пунша, — простонал пират, — дайте мне хорошего крепкого пунша, обжигающего, горячего, с

долькой лимона, дайте мне мой последний пунш...

— Неплохая мысль, — отметила Анжелика, — это поможет ему справиться с шоком. Этот флибустьер так пропитался ромом, что он может стать его спасением... Эй вы там, негодяи, — обратилась она к буканьеру, который мог еще передвигаться и теперь направлялся к ним, — не найдется ли у вас пинты рому?

Человек заковылял со всей скоростью, на которую только были способны его распухшие ноги, и, спустившись в сопровождении одного из англичан к лагерю на берегу, вернулся с черной стеклянной бутылкой, наполовину наполненной лучшим вест-индийским ромом, если верить запаху, распространившемуся вокруг, как только Анжелика вытащила пробку.

— Ну вот, — сказала она. — Пей, парень, сколько влезет, пока небо не начнет кружиться вокруг тебя, как волчок.

По ее фамильярному тону он сразу же понял, что дело начинает принимать серьезный оборот.

— Худо дело, — простонал он и добавил с отчаянием во взгляде:

— Есть ли кто-нибудь в этой забитой богом дыре, кто может выслушать мою исповедь?

— Я могу, — ответил Пиксарет, опускаясь на колени. — Я главный катехист Черного Платья и вождь всех абенаков. Господь избрал меня для того, чтобы я мог отправлять таинства крещения и отпущения грехов.

— Иисус Христос! Дикарь, берущий облатку! Или, может быть, я просто спятил?! — воскликнул раненый и тут же потерял сознание — то ли от потрясения, то ли просто от чрезмерного напряжения.

— Это к лучшему, — отметила Анжелика. — Я очищу рану теплой водой с примесью экстракта белладонны.

Она взяла небольшой кусочек коры, свернутой в виде воронки, что позволяло направлять на рану тонкую

струйку воды из калебасы, которую держал Пиксарет, и склонилась над зияющим отверстием.

При первом же прикосновении, хотя оно и было очень осторожным, раненый содрогнулся и попытался сесть, но его удержали сильные руки Стафтона.

Анжелика заставила высокого буканьера лечь поперек бедер раненого товарища, а индеец Шаплейфа держал его лодыжки. Оказавшись в столь неудобном положении, раненый наполовину пришел в себя и принялся умолять окружающих приподнять его голову, чтобы он мог проглотить еще немного рома, но потом, так и не выйдя из полубессознательного состояния, позволил привязать свои запястья к двум кольям, крепко вбитым в землю. Анжелика скатала в комочек немного корпии, сунула ее ему в зубы и, убедившись, что он легко может дышать через нос, положила ему под шею охапку соломы.

Старый английский врач стоял на коленях по другую сторону от больного, сняв свою огромную шляпу. Потом схватил тростниковые зажимы и поставил первый из них так, чтобы соединить края раны. Анжелика резким, решительным движением вонзила иглу в тело, которое, несмотря на видимую дряблость, оказалось необыкновенно плотным. Соединив кожу вместе и придерживая ее пальцами, она почти незаметным движением кисти, требующим, однако, чрезвычайной силы и ловкости, протащила через ткань наощенную нитку и завязала ее узелком. Анжелика работала быстро и ритмично, не поддаваясь колебаниям и сомнениям, не поднимая головы от раненого, и казалось, что она почти неподвижна, если не считать проворно снующих рук. Старый Джон следил за ее движениями, помогая, когда неожиданный рывок истязаемого тела сбрасывал зажимы.

Несчастный лежал в полной прострации, но все его тело то и дело сотрясалось от мучительных конвульсий,

время от времени сквозь кляп прорывался жуткий вопль, звучавший каждый раз, словно последний. Белые и багровые петли кишок все время стремились высунуться сквозь малейшее отверстие, образуя бесчисленные грыжи, и Анжелика все время боялась, что одна из них лопнет или окажется проткнутой, что, как она хорошо сознавала, будет роковым концом. Но кишки выдержали, и в конце концов последний узел был завязан.

Человек выглядел так, словно уже скончался.

Анжелика взяла протянутые индейской женщиной припарки из танина и облепила ими весь живот больного, после чего крепко спеленала его полосами ткани, которые подложила под тело еще перед началом операции.

Анжелика встала, почти не чувствуя спины. Она работала больше часа. Потом направилась к ручью, чтобы вымыть руки. Вернувшись, собрала принадлежности.

Она услышала стук молотка, доносившийся из бухточки. Судно будет готово к отплытию раньше, чем его несчастный капитан.

Анжелика де Пейрак приподняла веки раненого и послушала его сердце. Он был жив. И, оглядывая его от грязных ног, покрытых мозолями, до нечесаной копны волос, она почувствовала неожиданный прилив симпатии к этому несчастному изгнаннику, чью жалкую жизнь она только что спасла.

Глава 25

На борту пиратского суденышка, вновь держащегося на воде, для всех не хватало места. Отбор тех, кто должен остаться, не мог обойтись без душевных конфликтов, и Анжелике снова пришлось взять руководство на себя.

Было ясно, что как умелый моряк Кантор должен вести судно до самого Голдсборо. Выросшие у моря Стафтон и Корвин составят его команду. И вполне естественно, что они отправятся вместе с семьями. Не пожелали расставаться с ними и батраки, заявив, что умрут от страха без своих хозяев. Всех этих людей было достаточно для того, чтобы целиком заполнить суденышко. И не могло быть речи о том, чтобы взять на борт больных, которым полагалось лежать. Анжелика с самого начала понимала, что ей придется остаться с ними, в никогда еще ее чувство долга не стоило ей так дорого. Но как она могла бросить на произвол судьбы этих умирающих людей? Все еще прикованный к постели преподобный Патридж был ничуть не крепче искусанных пчелами пиратов и ее пациента, перенесшего операцию и каким-то чудом начавшего поправляться. Кантор неистово сопротивлялся, не желая и думать о том, чтобы оставить мать в таком жалком и опасном обществе.

— Да пойми же ты, пойми, — говорила она ему, — мы не можем взять на борт никого из этих страдающих людей. Они будут мешать вести судно, им требуется уход, которого мы не сможем им обеспечить в море, и это вполне может стоить им жизни.

— Хорошо, пусть они остаются здесь под присмотром старого Шаплейфа.

— Шаплейф уверяет меня, что должен отправиться в лес в одну из ближайших ночей и никак не может отложить свой поход из-за луны. Но мне кажется, все дело в том, что он просто не желает оставаться один на один с этими карибскими подонками...

— Ну, а как же ты? Разве ты не подвергаешь себя огромной опасности, оставаясь в этой компании?

— Я могу постоять за себя. Да, кроме того, они все больны и совершенно беспомощны.

— Не все. Один из них уже достаточно силен, и мне не нравится его вид.

— Ну что ж, тогда так. Ты возьмешь его к себе на борт, и Корвин и Стафтон будут пристально следить за ним до тех пор, пока вы не высадите его на какой-нибудь остров в заливе Каско. Потом как можно скорее добираться до Голдсборо. Если ветер будет попутным, ты успеешь вернуться сюда на «Рошеле» меньше чем через неделю. За это время не сможет случиться ничего страшного...

Она пыталась убедить и его, и себя. В конце концов Кантор согласился, что у них нет другого выхода.

Чем быстрее они отплывут, тем скорее воссоединится вся их семья в стенах Голдсборо, которое казалось им приютом мира и безопасности и означало конец всех бедствий. В Голдсборо были деньги, люди, оружие и корабли...

Теперь на этом небольшом мысу, вдающемся в залив Макуойт, их осталось только восемь человек.

Прошло всего лишь два дня после того как пиратский шлюп, поставив все паруса и подчиняясь умелому руководству Кантора, выскользнул из крошечной бухточки и, выгнувшись, как чайка на ветру, исчез за дальними островами.

Он уносил с собой семьи Корвинов и Стафтонов вместе с их слугами, маленькую Роз-Анн и самого

здорового пирата, которого полагалось держать под наблюдением и высадить на остров при первой же возможности. В сущности, маленький шлюп был просто не в состоянии принять на борт кого-нибудь еще, и только дикая наглость Волвериной, которая, как толстая выдра, с лихорадочной быстротой плыла за судном, могла заставить Кантора найти там место и для нее.

Маленький Самюэль Корвин, ожоги которого не совсем зажили, остался, как и преподобный Томас, еще слишком слабый, чтобы перенести путешествие по морю, и мисс Пиджин, пожелавшая быть рядом со своим пастором. Что же касается Адемара, то он вначале жаждал уехать, но его страх перед морем и англичанами постепенно одержал верх, и в конце концов он решил, что уж лучше ему остаться с Анжеликой. Тем более что он пришел к выводу, что она, благодаря то ли дьявольским чарам, то ли чему-то еще, обладает какой-то защитной силой. Анжелика поручила ему добывать дрова, воду и ракушки, а также обмахивать больных, которых изводили москиты.

Она испытывала некоторую привязанность к раздражительной жертве своей операции, который как будто твердо вознамерился остаться в живых. Его звали Аристид Бомаршан, по крайней мере так сообщил ей один из его друзей. Это имя означало «прекрасный торговец», и Анжелика нашла его совершенно неподходящим. Прозвища Болван или Распоротое Брюхо подходили ему гораздо больше.

В это утро преподобный Патридж открыл глаза и, отметив, что сегодня воскресенье, потребовал библию для того, чтобы подготовить проповедь. Они решили, что он бредит, и попытались успокоить его. Но он пришел в такую ярость и так упорно настаивал на том, что сегодня воскресенье, Господен день, что им ничего не оставалось, кроме как смириться и согласиться с ним.

Прошла неделя со дня уничтожения английской деревни.

Анжелика все еще питала тайную надежду на то, что один из кораблей Жоффрея де Пейрака курсирует в устье Кеннебека. Кантор собирался встретиться с ним. Но сказал, что если не найдет такого корабля, то, будучи в Голдсборо примерно через два дня, пришлет им помощь оттуда. Большой, хороший, надежный корабль, защищенный тяжелыми пушками, на котором они смогут отдохнуть во время плавания по открытому морю и вернуться домой, покончив со всеми тревогами.

Как это будет чудесно!

Но прошло уже два дня, а из горизонта не было заметно и признака какого-либо паруса.

Элизабет Пиджин дрожащим голосом читала пастору библию, а двое больных буканьеров слушали ее с подозрительным и надменным видом. За ними приходилось ухаживать, но никто не жаждал их быстрого выздоровления. Третий, самый высокий и сильный, проводил время то у изголовья Распоротого Брюха, то около двух других, лежащих в хижине, и подолгу болтал с ними на смешанном жаргоне, распространенном в восточном Средиземноморье. Он, по-видимому, поправлялся.

— Следи за ним, — сказала Анжелика Адемару. — Иначе он как-нибудь завладеет одним из своих ножей и воткнет его нам в спину.

Этот верзила выказывал искреннюю заботу о раненом.

— Это мой брат, — заявил он.

— Он не похож на тебя, — заметила Анжелика, сравнивая стоящего рядом с ней гиганта с тщедушной фигуркой, лежащей под одеялами.

— Мы братья по Берберскому побережью. Мы обменялись кровью и пятнадцать лет делились друг с другом добычей.

И он добавил с ухмылкой, которая казалась еще более отвратительной на лице, распушем от пчелиных укусов:

— Может, поэтому я и решил не перерезать вам горла... из-за того, что вы спасли жизнь Аристиду.

Ей приходилось сидеть с Распоротым Брюхом всю ночь. Она укрепляла над ним кусок холста, чтобы уберечь от росы, выпадавшей ночью, и от внезапных коротких ливней, а иногда и от брызг, приносимых высоким прибоем.

Она наблюдала за ним, решительная и собранная, и с удивлением заметила, что обреченный человек начинает выздоравливать. Эта вероятность успеха так зачаровывала ее, что иногда она начинала испытывать к бедняге Аристиду почти нежность.

В тот же вечер, когда ему была сделана операция, он открыл глаза, потребовал табаку и попросил «грогу и чтобы в нем был целый лимон... и я хочу, чтобы его очистил для меня ты, Гиацинт».

Хотя он и не получил желаемого грога с лимоном, который она заменила хорошо процеженным рыбным бульоном, его здоровье тем не менее начало быстро поправляться.

И в то знаменитое воскресенье, когда пастор Томас подал первые признаки выздоровления, она сказала своему пациенту:

— А сейчас я собираюсь помочь тебе сесть.

— Что, сесть? Да ты что, хочешь убить меня?

— Нет, но нужно заставить твою кровь двигаться, чтобы она не загустела. И я запрещаю тебе разговаривать со мной с такой фамильярностью теперь, когда ты уже вне опасности.

— Благодарю покорно! Что за женщина!

— Иди-ка помоги мне, берберский убийца.

Вдвоем они взяли его под мышки, приподняли и усадили. Он смертельно побледнел и покрылся

испаринной.

— Водки! Водки!

— Адемар, принеси мне бутылъ.

Хлебнув из нее, он как будто пришел в себя. Она прислонила его к груде мешков, покрытых шкурами, и окинула удовлетворенным взглядом.

Он отер свой мокрый лоб. Анжелика сбрила его кишашую паразитами бороду, и теперь он казался таким же безвредным, как какой-нибудь маленький бакалейщик, которого держит под башмаком грозная жена и изводят надоедливые кредиторы.

— Теперь я уже не смогу тягаться с Золотой Бородой, — проскулил он. — И это уж точно...

Она помогла ему снова лечь и потом, когда он немного отдохнул, сказала:

— Расскажи-ка мне о Золотой Бороде и о тех разговорах, которые я слышала от твоих товарищей насчет того, будто я рождена из бедра Сатаны.

— О, я тут ни при чем, — воинственно заявил он.

— Ты знаешь, кто я такая?

— Не очень хорошо, но Золотая Борода знает. Вы — француженка из Голдсборо, о которой говорят, что она ведьма и сообщница колдуна, делающего золото из ракушек.

— Почему уж тогда не из рома, как сделал бы на его месте ты? — отпарировала Анжелика. — Это гораздо больше устроило бы тебя, не так ли?

— Ну, такие уж сплетни ходят среди моряков, с которыми мы встречались во Французском заливе. А моряки должны доверять друг другу, знаете ли.

— Моряки? Да вы не столько моряки, сколько пираты. Во всяком случае, моряки не пользуются вашим жаргоном.

— Вы можете говорить это о нас двоих, если вам угодно, — ответил Распоротое Брюхо с видом оскорбленного достоинства, — но о Золотой Бороде вы

так сказать не можете. Это вам настоящий джентльмен, можете мне поверить! И мало того, это лучший моряк на всем земном шарике. И если об этом говорю я, вы можете мне верить, потому что при всем при том вы сами видели, как он с нами обошелся. Этот сукин сын вышвырнул нас на произвол судьбы, высадив на необитаемый берег, по сути, без оружия и продовольствия. Он заявил, что мы позорим его корабль.

Оказавшийся рядом пират-португалец, теперь уже не такой опухший, согласился с больным:

— Да, я знаю Золотую Бороду даже дольше, чем ты, атаман, — с того времени, когда мы были в Гоа и Вест-Индии. Я поссорился с ним из-за этого Голдсборо, но всегда буду жалеть об этом.

Анжелика приложила пальцы к своим волосам, потому что ветер сдувал их ей на глаза и она была вынуждена то и дело откидывать их назад.

Она попыталась собраться с мыслями, но этот незатихающий ветер отвлекал ее, и она никак не могла сразу ухватиться за нужную мысль.

— Так ты хочешь сказать, что вы знали, кто я, и знали, ЧТО Я ЗДЕСЬ, когда Золотая Борода высадил вас в этой бухточке?

— Нет, этого мы не знали, — ответил Бомаршан. — Это была просто удача, вот что это такое. Удача, которая иногда подмигивает таким красивым, как мы, парням, когда они попадают в заварушку. И это уже не в первый раз она едва успевает вытащить нас из пекла. Правда, Гиацинт?

— Но откуда вы узнали, что я здесь? — нетерпеливо продолжала она настаивать.

— Ну да вот так уж вышло, понимаете. Когда мы смекнули, что вверху на скале есть люди, мы поднялись и стали слушать и тут уж догадались, что это вы, та самая француженка из Голдсборо, графиня де Пейрак, и

что с вами целая куча англичан. Тогда мы и подумали, что удача плывет нам в руки, понимаете?

— Что ты понимаешь под своей удачей?

— Ну, то, что сказал Золотая Борода, конечно: что у него есть приказы относительно графа и графини Пейрак — он должен быть убит, а она захвачена в плен...

— Это все? Приказы от кого?

Сердце Анжелики отчаянно колотилось, словно собиралось выпрыгнуть из груди. Про ее опьяневшего пациента можно было сказать, что он, и так болтливый, как сорока, после неоднократного заглядывания в бутылку начинал молоть что-то уже совсем несвязное.

Глава 26

По тому, как скривились его губы, она поняла, что он не может ответить на ее вопрос.

— Это было тогда, когда он ездил в Париж перед своей последней экспедицией в Карибское море. За бумагами, подписанными министром. Ты ведь ездил с ним, Лопец, да?

Португалец кивнул.

— А кого нужно было убить? — настойчиво добивалась Анжелика.

— Человека, который живет с вами, графа, того, кто делает золото из ракушек.

— Вы должны убить его! И поэтому вы и пытались захватить меня?..

— О господи! Ну поставьте себя на наше место. Но теперь, когда вы распороли мне брюхо, а потом снова зашили его, я знаю, что вы ДОЛЖНЫ быть ведьмой, и это уж точно.

И он подмигнул ей, хотя она сама не могла бы сказать наверняка, было это вызвано лукавством или же гадким умыслом, и захихикал беззвучно и издевательски.

— А почему ваш капитан высадил вас здесь на берег? — осведомилась она.

— Мы повздорили из-за дележа добычи; но это не женского ума дело, если даже эта женщина и колдунья, — надменно ответил Аристид.

— Скорее всего из-за того, что вам было не место в его команде, если он действительно джентльмен, как ты утверждаешь, — возразила Анжелика.

Достаточно было только один раз взглянуть на этих пятерых пиратов, чтобы понять, что они относятся к отребью человечества подобно тем, которых был

вынужден повесить на рее во время последнего плавания Жоффрей де Пейрак.

Задетый за живое пират нашел спасение в оскорбленном молчании.

— Но что Золотая Борода собирался делать в Голдсборо? — не отступалась Анжелика.

Раненый больше не мог сохранять своего обиженного молчания.

— Да полно вам, не будьте дурочкой! Захватить его, конечно, с окрестными землями!

Анжелика от изумления широко раскрыла глаза.

— Не надо распахивать глазки, как две тарелки, моя красавица. Я ведь уже говорил вам, что мистер Золотая Борода — капер, у которого есть законные верительные грамоты от министра, общества в Париже и даже губернатора Тортуги. И более того, — раненый многозначительно поднял палец, — более того, он получил в концессию от короля Франции все земли, лежащие между вершинами Голубых гор и заливом Голдсборо.

— Теперь я поняла! — воскликнула Анжелика.

— Эта мысль никогда не выходила у него из головы, хотя он и моряк. Он всегда мечтал поселиться с несколькими своими друзьями на каком-нибудь клочке земли и выращивать там французскую пшеницу. Вот из-за этого-то мы с ним и поссорились — и я, и Лопец. Видите ли, я всегда хотел болтаться по белу свету до тех пор, пока не пойду на корм акулам, и я оказался прав. Золотая Борода, со всем своим умом и поддержкой самого короля, только теперь понял, к чему привели его большие замыслы колонизации. Раскаленные пушечные ядра ниже ватерлинии — вот чем встретили его жители Голдсборо. Наше бедное «Сердце Марии»...

— Что это такое?

— Название нашего судна.

Анжелика отметила про себя, что чем подлее замыслы пиратов, тем более благочестивое название стараются они выбрать для своего судна — явно с целью заслужить покровительство или хотя бы прощение высших сил.

— Неужели твой хозяин действительно не знал, что эти земли уже кому-то принадлежат и там живут поселенцы?

— Нам сказали, что там есть женщины. Белые женщины, не какие-нибудь индианки. Так что, как видите, будь я проклят, если это не было стоящим дельцем. Мы собирались захватить землю и, распределив женщин на всех, взяться за дело. Что вы и назвали бы настоящей колонией! Но как бы не так! Раскаленные пушечные ядра — вот что мы получили, а когда попытались высадиться на берег, эти оборванцы едва не разорвали нас на куски. Корабль дал крен и загорелся. Нам ничего больше не оставалось, как удирать на острова, словно жалкая кучка трусов. Вот вам все, что касается Золотой Бороды и его идиотских маний величия, его бумаг на право владения и его планов вспахивать землю, и женщин тоже, — вот вам все об этом...

Он захохотал хриплым смехом, перешедшим в приступ кашля.

— Тебе нельзя кашлять, — сурово заметила Анжелика. Она проверила, не разошлась ли его рана.

Этот Аристид был мерзким негодяем, но если он говорил правду, она получила сейчас самые ценные сведения.

Она внутренне затрепетала при одной только мысли о том, что, если бы гугеноты из Голдсборо не выступили на свою защиту с такой отвагой, ее подруги по Ла Рошели вполне могли попасть в лапы этих мерзавцев.

— Нет, Золотая Борода совсем не тот, за кого вы его принимаете, — продолжал раненый слабым, но

решительным голосом, как будто подслушав ее мысли. — У него есть подлинные верительные грамоты, поддержка короля, поскольку он плавает под флер-делисом, деньги, которыми снабжают его принцы, все у него есть, говорю вам. Он, конечно, обошелся со мной очень грубо, но на борту его судна нам не на что было пожаловаться. Я же говорю вам, что он джентльмен, этот Золотая Борода. Что же касается нашей дневной порции коньяка, то мы получали его столько же, сколько выдают обычно на кораблях Его Величества. Говорю вам, мы чувствовали себя людьми... Не найдется ли у вас кусочка сыра, леди, а?

— Сыра? Ты сошел с ума! Спи! — ответила Анжелика. Потом она укрыла его одеялами до подбородка и утерла его безвольный рот.

— Бедный старый болван! Ты не заслуживаешь даже веревки!

И, несмотря на прохладу, опускавшуюся на эти берега, несмотря на лай тюленей и темные очертания елей на краю мыса, она вдруг вспомнила пиратов, с которыми встречалась в Средиземном море, где кипел водоворот авантюристов всех стран и рас, и снова почувствовала былой страх и очарованность...

Когда-то в Брунсвик-Фэлсе миссис Вильямс сказала ей, что в старые времена даже самые отъявленные негодяи из этих джентльменов удачи, бросавших якорь у берегов Новой Англии, где стояли бедные деревушки поселенцев, никогда не причиняли им вреда, но эти дни ушли в прошлое. Возрастающее богатство колонистов стало привлекать сюда все больше грабителей.

Нужно было очистить все побережье, взять его в твердые руки и положить конец царящему повсюду произволу и беспорядкам. И перед ее мысленным взором выросла высокая фигура Жоффрея, такого надежного и могучего, который не мог оставаться в

стороне от всего, что было жизнью и действием. Он казался ей мужским воплощением Нового Света.

О, любовь моя! Они говорят, что ты должен быть убит!..

Но он не позволит себя убить.

Однако теперь, когда вновь вспыхнула индейская война, заставившая перепуганное население искать убежища на островах среди заливов, когда снова всплыли на поверхность все старые разногласия и споры между далекими государствами, все значительно усложнилось. Любое судно, явившееся сюда с грабительскими намерениями, могло быть уверено, что не останется без добычи. И по воле какого случая или чьего-то умысла оказалась здесь она сама, всего несколько дней назад оставив форт Вапассу в твердой уверенности, что ничто не помешает ей беспрепятственно добраться до их владений в Голдсборо?

— Лопец, — сказала она, прерывая свои размышления, — ты был в Париже с этим Золотой Бородой, когда он ездил туда подписывать свои бумаги и, вне всякого сомнения, получать деньги для снаряжения своего корабля. Кто из вельмож был его покровителем? Кто помогал его партнерам и кто они? Можешь ты назвать мне их имена?

Но португалец отрицательно покачал головой.

— Я был там всего лишь как его слуга. Иногда другие слуги приносили послания. Там был еще...

Он как будто задумался.

— Я не знаю его имени. Но если вы когда-нибудь встретите высокого капитана судна с пятном цвета портвейна — багровой меткой вот здесь, — он прикоснулся рукой к своему лбу, — берегитесь, ваши враги близко. Одно доброе дело заслуживает другого — ведь, в конце концов, вы спасли моего товарища...

Глава 27

И снова вечер опустился на залив Каско, и длинная светящаяся оранжевым полоса протянулась к западу, где земля спускалась вниз, изгибаясь плавной, вогнутой кривой, внезапно переходящей на юге в широкий полукруг, охватывающий бесконечное царство островков и полуостровков, которыми было усеяно голубое пространство моря, кишачее белыми и голубовато-серебряными стаями рыб, занесенных сюда северными течениями.

Эти воды, где размножалась рыба со всего мира, привлекаемая обширными запасами планктона, с незапамятных времен манили рыбаков.

Жители Сент-Мало приходили сюда на своих шлюпах задолго до того, как Христофор Колумб открыл Вест-Индию.

Весной все море покрывалось белыми парусами, похожими на гигантские лепестки кувшинок.

Чем темнее становилось вокруг, тем яснее видела Анжелика огоньки далеких костров, сверкавшие, как звезды.

— Он не пьет, — пробормотал Аристид рядом с ней. — Что вы скажете о моряке, который не пьет?

— О ком ты говоришь, приятель?

— Об этом проклятом Золотой Бороде, пропади он пропадом... Он не пьет, если только он не с женщиной, а это случается нечасто. Можно подумать, что он не любит женщин... и пить тоже. И однако это страшный человек. Когда мы захватили Портобелло, он заставил, чтобы монахи из монастыря Св. Антония шли перед его людьми, как живой щит, и испанцы из гарнизона плакали, стреляя в них.

Анжелика содрогнулась.

— Этот человек, должно быть, сам дьявол.

— Нет, не настолько, как вы думаете. На борту его судна всегда читаются молитвы и провинившихся посылают наверх, в «воронье гнездо», где они должны двадцать раз перебрать четки.

Анжелике, которой было явно не по себе, показалось, что она видит в темноте развевающуюся на ветру золотую бороду кровожадного пирата. При одной только мысли о том, что корабль этого человека простоял на якоре у подножия мыса целую ночь, когда приходил сюда, чтобы высадить на берег своих мятежников, по ее телу пробежали мурашки.

— Он вернется, вот увидите, — простонал раненый.

Анжелика снова содрогнулась, и ей вдруг показались зловещими унылое завывание ветра в вершинах кедров и внезапная вспышка летней молнии, осветившей горизонт.

— Спи, друг мой.

Она поплотнее закуталась в плащ, так как собиралась просидеть с ним до середины ночи, а потом ее должен был сменить другой буканьер, кровный брат больного. Он тоже примостился у огня, этот человек-гигант, и она слышала, как он неистово скребет свою нечесаную бороду, чтобы хоть как-то облегчить нестерпимый зуд, терзающий его кожу.

Она сидела, раздумывая о тысяче самых разных вещей, запрокинув голову к звездам, и не замечала, что верзила смотрит на нее горящими глазами. Теперь, когда он начинал поправляться, он обнаружил, что испытывает при виде этой женщины какие-то странные чувства. Она сидела неподвижная, как статуя, закутавшись в черный плащ, над которым белело только ее лицо, похожее на пятно лунного света, и один золотой локон все время упрямо падал ей на щеку, пока она не отбрасывала его рукой. И одного этого движения было достаточно, чтобы раскрыть все тайное богатство

ее красоты со всеми совершенными линиями, которыми он так восхищался.

— Что до меня, то я не люблю Золотую Бороду, — тихо проговорил он. — Я люблю женщин.

И откашлялся, чтобы прочистить горло.

— Не позволяете ли вы себе иногда немного позабавиться, леди?

Она медленно повернула голову в сторону этого громадного детины.

— С такого рода людьми, как ты? Нет, мой мальчик.

— А что вам не нравится в таких людях, как я?

— Лицо, похожее на тыкву, слишком безобразно для того, чтобы у кого-нибудь появилось желание его поцеловать.

— Если вам не хочется целоваться, то это совсем не обязательно, — последовал его примирительный ответ. — Мы можем заняться и кое-чем другим.

— Не двигайся с места, — резко бросила она, увидев, что он собирается направиться к ней. — Я распорол живот не одному человеку за гораздо меньшее. Что же касается тебя, то не обольщайся надеждой, что я возьмусь зашивать тебя обратно.

— А ты твердый орешек, черт возьми, — проворчал он, опять яростно расчесывая свою шкуру. — Но ведь я предлагаю тебе хорошую возможность. Мы совершенно одни, у нас бездна времени. Меня зовут Гиацинт... Гиацинт Буланже. Вы действительно не хотите этого?

— Нет, не хочу, с вашего позволения. Так велит осторожность, Гиацинт, — добавила она довольно игриво, не желая слишком восстанавливать его против себя. — Моряки, слоняющиеся по разным берегам, не всегда являют собой образец здоровья. Взглянув на тебя, я уже могу побиться об заклад, что ты сгнил от сифилиса до самой сердцевины.

— Нет, это неправда, клянусь вам, — оскорбленно воскликнул пират. — Я выгляжу так только из-за этих

проклятых ульев, которые вы обрушили на наши головы.

И тут раздалось ворчанье Аристида:

— Прекратите лаяться над моей головой, как будто я уже окошел.

Анжелика сказала себе, что не стоит особенно волноваться по этому поводу. Она видала кое-что и похуже. Но в том состоянии скрытого, но постоянного беспокойства, в котором она сейчас находилась, желание этого зловещего субъекта посреди мрачной ночи, окутавшей дикое, безлюдное побережье, вызвало в ней чувство непонятной тревоги и почти непереносимого страха. Ее нервы были на таком пределе, что она едва поборола желание кинуться куда глаза глядят и бежать что есть сил. Однако она заставила себя сидеть неподвижно, сохраняя безразличный вид, чтобы пират не заподозрил, что она боится. Потом, воспользовавшись первой же возможностью, она встала, приказала буканьеру следить за костром и за кровным братом и вернулась в хижину.

Мисс Пиджин, склонившаяся над пылающими углями, походила на крошечную колдунью, готовящую снадобье.

Анжелика нагнулась над мальчиком Сэмми, потрогала его теплый лоб, проверила бинты и, улыбнувшись старой деве, снова вышла наружу и села за хижинкой рядом с индианкой Мактарой.

Из-за туч только что вынырнул лунный серп. В эту ночь никто не мог уснуть. Быстрый стрекот сверчков походил на высокий аккомпанемент к смешанной музыке, слагавшейся из шума ветра и рокота моря.

Появился старый лекарь, закутанный в раздувавшийся на ветру плащ, который закрывал всю его голову до полей шляпы, оставляя на виду только огромные круглые стекла очков, проходя через

которые, лунный свет внезапно превращался в два заостренные пучка. За стариком как тень следовал его индеец, тоже закутанный в свое красное одеяло, с мушкетом в руках.

— На этот раз, — заявил Шаплейф, — я действительно отправляюсь рвать дикую вербену, эту священную траву, это колдовское растение. Это слеза Юноны, капля крови Меркурия, радость простодушных. Она должна быть сорвана перед восходом Сириуса, когда над горизонтом нет ни солнца, ни луны, которые могут это увидеть; и вскоре последует ночь, когда все знаки имеют нужное сочетание. Я больше не могу ждать... Я оставляю вам два заряда пороха для вашего мушкета и кое-какие снадобья для ваших пациентов, чтобы они были не столь опасными... Не упускайте из виду этих негодяев, внимательно следите за ними!

Она мягко ответила по-английски:

— Спасибо, мистер Шаплейф!

Он сделал несколько шагов и обернулся, слушая этот нежный, странный голос, прошептавший сквозь ночь: «Спасибо, мистер Шаплейф».

Он посмотрел на нее, В лунном свете зеленые глаза Анжелики казались невероятно яркими.

Его беззубый рот растянулся в сардонической усмешке.

— А вы отправляетесь на шабаш ведьм? — спросил он. — Поедете ли вы сегодня ночью на своей метле? Сегодня или никогда для такой женщины, как вы. При такой луне вы встретите дьявола с гусиными ногами... Есть ли у вас скипетр, намазанный бальзамом с шабаша? Вы знаете его рецепт? Сто унций свиного или человеческого жира, пять унций гашиша, пятьдесят цветков конопля, столько же цветков мака, щепотка корня чемерицы и немного размолотого семени подсолнуха...

Пока он говорил по-английски, она плохо улавливала смысл его слов, но потом он повторил свою формулу по-латыни, и она вздрогнула от страха.

Старая индианка, плотная и приземистая, проводила Шаплейфа до самого края леса, потом медленно и торжественно вернулась обратно. Анжелика задумалась над тем, какую роль могла играть в жизни старого сумасшедшего англичанина эта Мактара. Индианки очень редко становились служанками. Может быть, она была его скво? Это объяснило бы презрение, с которым относились к нему его соотечественники, считавшие падением любые отношения с краснокожими.

Позже Анжелике довелось услышать историю этой странной четы, жившей на самом дальнем краю залива Макуойт. Быль о том, как молодая индейская девушка, последняя оставшаяся в живых представительница племени пекуотов, истребленного белыми, продавалась сорок лет назад на рыночной площади в Бостоне. Ее купил для своих хозяев молодой подмастерье, недавно приехавший из Англии с дипломом аптекаря в кармане. Держа в руках веревку, которой она была связана, он потащил девушку за собой и вот тут-то, взглянув на ее гибкое, как у молодой лани, тело и черные глаза, похожие на пруды с затененной водой, он почувствовал себя во власти той темной, непонятной страсти к добру и к безумию, которая преследует каждого сына Шекспира.

В результате вместо того чтобы вернуться домой, он направился с ней прямо в лес. Так они оба стали изгнанниками.

Глава 28

По широкой коричневой полосе блестящих прибрежных камней, обнаженных отливом, пробирался какой-то человек, прыгая через оставшиеся среди них лужи воды.

Когда он подошел поближе, Анжелика узнала в нем Жана Ле Куеннека, бретонца из Вапассу, конюшего ее мужа.

Обезумев от радости, она побежала навстречу и обвила руками его шею.

— Жан, мой дорогой Жан! Как я рада тебя видеть! А мессир граф... где он?

— Я здесь один, — ответил молодой бретонец.

Потом, заметив разочарование, отразившееся на лице Анжелики, он добавил:

— Когда мессир граф услышал, что вы отправились в английскую деревню, он приказал мне во что бы то ни стало разыскать вас. Я уже неделю иду по вашим следам от Хаусснока до Брунsvик-Фэлса, потом вниз по Андроскоггину.

Он вынул из камзола письмо.

— Мессир граф просил передать вам это.

Она нетерпеливо схватила бумагу, в восторге оттого что держит что-то, побывавшее в его руках, но устояла перед искушением поцеловать ее перед тем как взломать печать.

Она надеялась, что в письме содержатся какие-то указания Жоффрея относительно места их встречи на побережье или, вопреки очевидности, сообщение о его прибытии. Но в нем было только несколько довольно резких строк: «Если это письмо застанет вас в Брунsvик-Фэлсе, возвращайтесь вместе с Жаном на фабрику Питера Боггена. Если вы уже вернулись в Хаусснок,

терпеливо дожидайтесь меня там. И постарайтесь, пожалуйста, постарайтесь не делать ничего безрассудного и опрометчивого».

Тон этого письма — между его строк сквозила почти скрытая враждебность — озадачил и встревожил Анжелику. Ее внезапно словно обдало холодом.

Достойный Жан, догадавшись по выражению ее лица, что послание его господина не отличается сердечностью (он заметил, что когда Жоффрей де Пейрак вручал ему письмо, у него был весьма гневный вид), попытался как можно тактичнее смягчить подобный эффект.

— Мессир граф очень беспокоится о вас из-за этих слухов о войне, которые ходят повсюду вокруг...

— Но... — сказала она.

Ее поразила одна фраза Жана: «Когда мессир граф услышал, что вы отправились в английскую деревню...» Но разве не он сам послал ее туда? Она напряженно пыталась припомнить точные обстоятельства своего отъезда. Но с тех пор прошло почти две недели, и отдельные подробности уже начали тускнеть в стираться в памяти.

— Мессир граф тоже был прав, — заметил Жан. — К западу от Кеннебека поднялось настоящее волнение. Под деревьями копошится целый муравейник краснокожих с томагавками и факелами в руках. Там нет ничего, кроме почерневших руин, трупов и кружащихся ворон... К счастью, я обнаружил несколько дикарей, еще продолжающих грабить Невехеваник, и они сказали мне, что вы направились на юг с Пиксаретом, а не на север, как все остальные. После этого я испугался, что меня могут принять за англичанина, особенно из-за моих светлых волос. Мне пришлось все время скрываться...

Она взглянула на его изможденное, усталое, поросшее щетиной лицо и снова взяла себя в руки.

— Но ты, должно быть, совершенно измучен, мой дорогой друг! Ведь тебе, вероятно, ни разу не удавалось как следует поесть за все время пути... Пойдем, подкрепись немного!

Жан был здесь, и с ним словно незримо явились ее люди, ее верные друзья, теплый мир Вапассу, и с чувством бесконечной тоски она мысленно представила себе этот форт в далеких лесных просторах, такой простой, грубый и уютный, и Онорину...

Все это казалось теперь принадлежащим к какому-то иному миру. Ибо случилось что-то, нарушившее этот магический круг, круг любви... Меловой круг древних кельтских легенд...

Вечер близился к концу. Анжелика обнаружила, что ее снова одолевают прежние опасения и предчувствия. Неумолчный шум моря напоминал о ее прошлом одиночестве, о той изматывающей борьбе, которую она должна была вести как одинокая женщина, этой бесконечной борьбе с алчными мужчинами, расставлявшими перед ней ловушки, борьбе, которая никогда не ослабевала, вне зависимости от формы, которую она принимала в различное время. И именно из-за этого рокота моря, к которому примешивались голоса пиратов, она подумала о Средиземноморье, где оказалась когда-то совсем одна и где ее преследовали, как загнанное животное.

Однако вскоре ей удалось справиться с этой мимолетной слабостью, так как счастье последних месяцев придало ей силы.

Она чувствовала, что ей удалось преодолеть все препятствия, стоявшие на пути к полному расцвету ее личности, и что теперь она постепенно приближается к той внутренней безмятежности и ясности ума, которые являются привилегией ее лет и главным их украшением. Теперь, когда она была уверена в себе, уверена в любви, в которой могла найти убежище и

отдых, мир казался ей не таким враждебным и легче покорялся ее воле.

Она должна продержаться еще немного, и это изнурительное время кончится. Все снова вернется в нормальное русло.

Она искала возможность для дальнейшего разговора с Жаном, на открытом лице которого выразалось явное удивление оттого, что он застал ее в обществе подобных висельников. Но, то ли благодаря случайному совпадению, то ли в результате какого-то мелкого заговора, она ни разу не смогла найти момент, чтобы остаться с ним наедине, потому что весь вечер им завладевал кто-нибудь другой. Но, несмотря на то что Буланже и Бомаршан выбивались из сил, желая показать, что считают его своим, конюший графа де Пейрака не мог преодолеть своего отвращения к ним.

— Ешь, парень! — сердечно потчевал его Гиацинт, наливая полный черпак ароматного супа и делая все, что было в его силах, чтобы придать приветливое выражение своей зловещей, жутко распухшей физиономии.

Жан вежливо поблагодарил его, но остался все таким же напряженным и время от времени пытался поймать взгляд Анжелики, надеясь прочесть в нем молчаливое объяснение.

В этот вечер они ужинали черепаховым супом, который сварил сам Гиацинт. Черепаховый суп всегда был блюдом буканьеров, и следовало признать, что на этот раз он был просто восхитителен, потому что, как большинство пиратов, Гиацинт был прекрасным поваром.

— Я чувствую, что в меня вливается жизнь, — сказал Аристид, прищелкнув языком.

— Скоро ты у нас запрыгаешь, как кролик, — согласилась Анжелика, укутывая его на ночь.

Теперь у нее возникло странное ощущение, будто не она наблюдает за ними, а скорее он и его товарищи следят за ней.

Тем не менее она сумела отойти в сторонку с Жаном, чтобы объяснить ему, почему она оказалась в столь странной компании.

— Капитан высадил их на побережье, возможно, за неподчинение. Они не опасны, пока болеют... То есть в настоящее время. Но очень хотела бы, чтобы мессир де Пейрак как можно скорее присоединился к нам. Кантор должен уже добраться до Голдсборо... Есть ли у тебя заряды и порох?

Но он истратил то, что у него было, охотясь на диких животных, которыми питался в пути. У него не осталось ничего, кроме горстки пороха на самом дне пороховницы.

Анжелика зарядила мушкет и положила его рядом с собой.

Жара была непереносимой, и ночной ветерок с моря не мог развеять ощущение давящей, тяжелой духоты.

Анжелика села по уже сложившейся привычке под деревом, неподалеку от раненого. Ее начало охватывать какое-то странное оцепенение, непреодолимая сонливость, и вскоре она обнаружила, что не в силах открыть глаза.

Последнее, что она видела, была половинка луны, вынырнувшая из-за туч, и протянувшийся от нее длинный сверкающий шлейф серебряного света, который осветил залив, выхватывая из темноты черные холмики разбросанных по нему островков.

«Это моя луна, — Смутно подумала Анжелика, — та луна, которая насылает на меня влюбленность». Она знала, что становится гораздо более возбудимой в те ночи, когда луна вздымается на небе, как треугольный латинский парус.

Потом она быстро заснула, и ей приснился тревожный сон: она была окружена толпой людей, чьи лица не могла разглядеть, потому что они стояли вокруг нее, выделяясь на фоне зеленовато-розового неба, как черные плоские контуры.

Внезапно она вздрогнула. Это был не сон, потому что ее глаза были открыты. Она была окружена толпой людей. Она видела, как их темные фигуры медленно двигались вокруг нее, и небо было розовым, потому что над заливом Каско вставал рассвет.

Анжелика попыталась встать. Ее тело было словно налито свинцом. Она машинально провела рукой по лицу.

И тут она увидела неподалеку от себя Жана; он стоял, привязанный к дереву, опутанный по рукам и ногам, и его губы были стиснуты от бешенства.

Был здесь и Аристид Бомаршан, который сидел, поддерживаемый двумя незнакомыми моряками, и жадно поглощал содержимое новой бутылки рома.

— Вот так, моя милашка, — сказал он, захихикав. — Теперь наша очередь взять верх...

Чей-то голос сказал:

— Заткнись, старый череп, ни один уважающий себя джентльмен удачи не будет оскорблять побежденного врага, особенно, если этот враг — прелестная дама.

Анжелика посмотрела на говорившего. Он был молод, красив, хорошо одет и, судя по его улыбке и манерам, когда-то был пажом.

— Кто вы? — спросила она ничего не выражающим голосом. Он приподнял свою широкополую шляпу с красными перьями и галантно поклонился.

— Я Франсуа де Бассомпье.

Потом, после второго глубокого поклона, добавил, прижимая руку к сердцу:

— Лейтенант капитана Золотая Борода.

Глава 29

И только в этот момент она заметила корабль, стоящий на якоре в бухточке у подножия мыса. Это было очень красивое судно, хотя и несколько старомодное, с высокой кормой и палубами, украшенными разноцветными узорами, ярко сверкающими в рассветных лучах.

Это был не столько военный корабль, сколько большое торговое судно, отличавшееся изяществом и благородством.

— Ха, ха! — засмеялся Гиацинт. — Черепаховый суп усыпляет, не правда ли, особенно, если в него добавить капельку кое-чего другого... Я мог выбирать из всех ваших маленьких бутылочек.

Внезапно Анжелика полностью пришла в себя. Она поняла, что произошло. Быстро вскочив на ноги, она вихрем налетела на Бомаршана, схватила его за плечи и принялась трясти, как сливовое дерево.

— Ах ты, мерзавец! Я зашила тебе живот, а ты предал меня Золотой Бороде!

Понадобились четверо, чтобы оттащить ее от Аристида, который в результате этой свирепой тряски стал желтым, как воск, и обильно покрылся потом.

— Все снова раскроется, — стонал он, прижимая руку к животу.

— Надеюсь, что так оно и будет, — ответила разъяренная Анжелика.

— Держите ее, — умолял он остальных. — Вы же видите, что она со мной сделала? Женщина, которая так трясет больного человека, не заслуживает снисхождения.

— Идиот! — закричала на него Анжелика и не терпящим сопротивления жестом решительно

вырвалась из державших ее рук, бросив при этом:

— Руки прочь от меня!

Тяжело дыша, она испепеляла взглядом Аристида, который чувствовал себя далеко не лучшим образом.

Он был совсем не Адонисом, что еще больше подчеркивалось его плохо подогнанной одеждой, болтавшейся на исхудавшем теле.

— Ты мерзкая тварь! — закричала она с непередаваемым презрением. — Самое отвратительное, самое презренное существо из всех, кого я когда-либо видела. Я с удовольствием бы плюнула на тебя...

— Возьмите у нее нож, — умолял он.

— Пусть кто-нибудь попробует подойти ко мне, — сказала Анжелика, немного отступив назад и положив руку на кинжал.

И кружок пораженных мужчин смотрел на нее, как на какое-то видение с ослепительно золотыми волосами, раздуваемыми ветром, и светло-зелеными глазами, которые словно отражали морскую гладь.

— Мадам, — произнес мсье де Бассомпье с величайшей почтительностью, — боюсь, что я должен попросить у вас ваше оружие.

— Идите и возьмите его!

— Берегитесь, лейтенант! — завопил Аристид, — она умеет им пользоваться. Это она распорола мне брюхо.

— И обрушила улы на головы, — добавил буканьер, именуемый Гиацинтом, благоразумно держась на некотором расстоянии, — и теперь наши физиономии похожи на тыквы.

Все посмотрели на него и разразились хохотом.

— Говорю вам, она опасна! — возмущенно взревел Гиацинт. — Она ведьма, эта женщина. Вы же знаете. Ведь нам сказали это в заливе.

Но хохот стал еще громче.

Анжелика почувствовала, что большинство этих людей придерживается не слишком-то лестного мнения о жалких дезертирах, так бесчестно предавших ее.

Она сделала вид, что потеряла всякий интерес к этой мерзкой парочке, и повернулась к Бассомпье, который по крайней мере был французом и, по видимости, дворянином.

— Как им удалось так предать меня? — спросила она, подойдя к нему без всякой опаски. — Этот негодяй был тяжело ранен, да и остальные были не в лучшем состоянии. И мы все время наблюдали за ними. Как они сумели сообщить вам, что я здесь?

— Это сделал Мартинец, — ответил молодой человек. — Он высадился на один из островков в заливе, где мы конопатили свой корабль, и сказал нам, где вы.

Мартинец?! Пятый пират, отплывший с Кантором и англичанами? Внушающий опасения тип, которого они хотели высадить где-нибудь на берег, прежде чем покинуть залив Каско. Значит, этому хитрому негодяю не составило никакого труда сделать так, что они высадили его на тот самый остров, где отдыхали и приводили в порядок свое судно его бывшие товарищи.

Имея такие ценные сведения, как то, что графиня де Пейрак может быть захвачена в плен без особого труда, мятежник вполне мог рассчитывать на теплый прием.

И все это время, пока Анжелика изнуряла себя, выхаживая этого мерзавца, он, несмотря на тяжелую болезнь, все-таки сумел найти в себе достаточно сил для того, чтобы придумать и осуществить этот образец двурушничества и вероломства, этот подлый удар в спину, жертвой которого она стала.

Появление Жана вряд ли входило в их планы, но он был один.

Несомненно предупрежденные дальними сигналами о прибытии своих единомышленников, в ночь перед тем, как команда должна была высадиться в бухте, негодяи подлили в суп снотворного.

Она огляделась вокруг. А где Адемар, старая индианка и четверо англичан, спасшихся от резни? Какой-то шум, доносившийся с берега, навел ее на мысль, что их, вероятно, уже направили на корабль, как пленников.

А что с Пиксаретом? Она пристально всмотрелась в опушку леса, но лес был нем и неподвижен и не сулил ей никакого избавления. Перед ней лежало море, горизонт которого был окутан легкой лиловой дымкой, и по мере того как бледнели розовые краски рассвета, все сильнее заливались бесцветным и ярким светом дня маленький залив Макуойт и корабль, стоящий в нем на якоре.

Анжелика снова овладела собой, и ее ум лихорадочно заработал. Она взвешивала, какие преимущества может извлечь из того обстоятельства, что попала в руки французских каперов. Карибские буканьеры считали себя связанными наполовину с Англией, наполовину с Францией. Английские пираты вполне могли не удостоить ее вниманием и оставить в покое на скале, но зато со своими соотечественниками она могла как следует обговорить все подробности дела.

Этот человек Золотая Борода! Ну что ж, ничего не поделаешь! Он хочет войны. Он хочет взять ее в плен, несомненно, для того, чтобы использовать ее потом как заложницу против Жоффрея де Пейрака! Ну что ж, пусть! Но он выслушает ее! Он еще пожалеет об этом набеге... Каким бы человеком он ни оказался, она была совершенно уверена, что сумеет одержать над ним верх.

Золотая Борода! Человек, рассчитывающий запугать людей именем головореза, хвастун, который думает, что маска делает человека! Не слишком умный, по всей вероятности, но, возможно, более цивилизованный и более сговорчивый, чем большинство его собратьев.

Анжелика заметила, что люди из его команды одеты были гораздо лучше и чище, чем можно было ожидать, и это навело ее на мысль, что, быть может, она сумеет найти взаимопонимание с их хозяином. Конечно, они все-таки следовали в своей одежде той безвкусной и крикливой манере, которой придерживаются почти все моряки, особенно пираты, утратившие все связи с миром и набившие карманы золотом.

В каждом человеке, который не знает ограничений, скрывается хвастливое дитя. Однако в их манерах не было ничего грубого или говорившего о сомнительной репутации, и теперь она яснее понимала, почему были высажены на берег как нежелательные элементы те пять негодяев, которых она обнаружила.

Анжелике понадобилось лишь несколько секунд, чтобы отметить все это. Ее дыхание вновь стало ровным, сердце восстановило нормальный ритм, и в голове сложился план действий.

— А этот Золотая Борода, ваш капитан, где он?

— Он как раз направляется к нам, мадам.

Франсуа де Бассомпье показал на лодку, спущенную с борта корабля и сейчас приближавшуюся к берегу.

У человека, который стоял на носу, была фигура гиганта. Он казался черным силуэтом на фоне залитого утренним светом пейзажа, и черты его лица почти не различались. Можно было только разглядеть, что у него борода и длинные волосы, как у древнего викинга, и вся его голова словно окружена золотым ореолом. На нем был камзол с рукавами и широкими отворотами, расшитыми золотым галуном, широкая перевязь, отягощенная множеством оружия; высокие сапоги

достигали половины бедер, подчеркивая сильные линии мускулистых ног. Вырисовываясь на фоне ослепительного залива, он показался Анжелике настоящим великаном.

Когда они были уже в нескольких саженях от берега, он внезапно надел большую фетровую шляпу с желтыми и зелеными перьями попугая, которую до сих пор держал в руке.

Анжелика внезапно почувствовала, как ее охватило смутное беспокойство. В самом ли деле этот капитан образованнее и доступнее своего экипажа?

Воспользовавшись тем, что все как будто смотрели на вновь прибывших, она незаметно скользнула поближе к Жану, который стоял привязанный к дереву.

— Приготовься! — прошептала она, — Я собираюсь перерезать ножом твои путы. Когда этот Золотая Борода выйдет на берег, все будут смотреть только на него и двинутся навстречу. Тогда беги в лес как можно быстрее... Беги! Беги! Иди к мессиру де Пейраку и предупреди его. Скажи, чтобы он не очень беспокоился обо мне. Я сделаю все, чтобы задержать пирата до тех пор, пока граф подоспеет на помощь.

Она говорила, как индейцы, почти не двигая губами, и при этом не отрывала взгляда от лодки.

Ей показалось, что Золотая Борода — грозный капитан, обладающий невероятной властью над своими людьми, потому что все они неотрывно смотрели на него, выстроившись в ряд.

В тот самый момент, когда он спрыгнул в воду и зашагал к берегу, Анжелика просунула кинжал между связанными за деревом запястьями Жана и одним взмахом перерезала веревки.

В полной тишине, нарушаемой только внезапным криком чаек, наполнившим ее сердце тревогой, пират медленно приближался к мысу.

Пытаясь отвлечь внимание от Жана, Анжелика смело шагнула вперед.

Жан бросился наутек, как заяц, перепрыгивая через кусты, перелетая через трещины и выбоины в камнях, проскальзывая между стволами сосен, карабкаясь по скалам, которые становились все выше. Ориентируясь на яркий свет с залива, проникавший через листву, он обогнул рукав воды, который глубоко врезался в сушу, и оказался по другую сторону фиорда.

Тут, совершенно задохнувшись, он остановился, уверенный, что его никто не преследует. Снова овладев дыханием, он подкрался к краю утеса, чтобы посмотреть, где находится.

С этого удобного наблюдательного пункта перед ним открывался весь залив со стоящим на якоре кораблем и черневшим от множества людей берегом.

Он поискал глазами мадам де Пейрак и, не увидев ее, еще сильнее наклонился вниз, ухватившись за корень искривленной сосны, росшей на самом краю скалы.

И тогда он увидел... ОН УВИДЕЛ...

Он стоял, раскрыв рот от изумления, и ему, моряку Жану, который многое успел повидать в своей нелегкой жизни, внезапно показалось, что весь мир вокруг него раскалывается на куски в результате какой-то неведомой катастрофы.

Золотая Борода стоял на берегу, держа в объятиях женщину. Женщину, которая смотрела на него как зачарованная.

И эта женщина была жена графа де Пейрака!

Стоя на берегу в окружении всех этих людей, почти так же изумленных, как и Жан на вершине скалы, Золотая Борода и Анжелика смотрели друг на друга, не отрывая глаз, и страстно обнимались и целовались при всех, как двое любовников после долгой разлуки. Как двое любовников после долгой разлуки.

Глава 30

— Колен! — сказала она.

В каюте, куда он привел ее, было прохладно и сквозь открытые окна можно было увидеть сверкающие воды залива и пляшущее на них отражение островка.

Судно все еще стояло на якоре. Молчаливое, разомлевшее от жары, оно нежно, мечтательно покачивалось на воде, и единственным звуком, доносившимся сюда, был ленивый плеск волн о его корпус. Казалось, что «Сердце Марии» внезапно опустело, и единственными его обитателями остались те двое, кого так драматически свела лицом к лицу сама Судьба.

— Колен! Колен! — повторяла она, как во сне.

Анжелика смотрела на него, приоткрыв рот. Она все еще не могла полностью придти в себя после бурного потрясения, в котором смешались изумление, растерянность и неистовый восторг, обрушившиеся на все в ту минуту, когда этот гигант ступил из воды на берег и она внезапно узнала... Да, узнала эти широкие плечи, эти голубые глаза и потом, когда он увидел ее, это неопишное выражение на его лице — изумление, заставившее его остановиться. Она подбежала к нему. Колен! Колен! Мой дорогой друг из пустыни!

В небольшом пространстве каюты огромная фигура человека, известного теперь под именем Золотой Бороды, затмевала собой все остальное.

Он молча смотрел на нее.

Было очень жарко. Он расстегнул свою портупею и положил ее на стол, потом сиял камзол. На перевязи висели три пистолета и небольшой топорик, и Анжелика вспомнила, что ей стало больно, когда он прижал ее к себе во всем этом вооружении. Но он тут же

наклонился, прикоснувшись своими губами к ее губам, и это было таким неожиданным, потрясающим и восхитительным ощущением...

Теперь, когда улеглось лихорадочное возбуждение первого момента встречи, она начинала видеть в нем пирата, в которого он превратился, и пожалела о своем порыве, бросившем ее в его объятия.

Белый воротник его рубашки, расстегнутой на массивной груди, и белые рукава, закатанные на его мускулистых руках, казались яркими пятнами света среди сгущавшихся в каюте теней...

Последний раз она видела его в Сеуте, испанском городе на сарацинской земле.

С тех пор прошло четыре — нет, пять лет, и теперь они были в Америке.

Анжелика начала приходить в себя и поняла, что произошло. Этим утром в тревожном свете занимающегося дня она ожидала встречи с Золотой Бородой, грозным пиратом, врагом... А человек, который подошел к ней, был Колен Патюрель — ее спутник, ее друг, ее старый любовник... Потрясающий сюрприз!

Но это было правдой. Немного безумной, но все-таки правдой. И разве это не было привычкой всех искателей приключений, всех моряков — встречаться вот так друге другом в каждой точке земного шара, куда только могут забросить их плывущие по морям корабли?

Случай — какой она не смогла бы даже вообразить себе, — свел ее лицом к лицу с человеком, вместе с которым она бежала из Мекнеса, покинула Берберию... Но это было на другой стороне земного шара и очень давно. Ни один из них не знал, что делал все эти годы другой.

Присутствие этого высокого молчаливого человека, такого знакомого и в то же время чем-то отличающегося от того, которого она помнила,

заставило ее еще острее почувствовать реальность этих прошедших лет, словно они вдруг начали наполнять эту тесную комнату, как тяжелые, слегка мутные волны, все сильнее отделяющие их друг от друга. Они становились все более и более чужими, заново преодолевая барьер времени.

Анжелика опустила подбородок на руки и заставила себя улыбнуться, чтобы развеять неловкость, от которой запылали ее щеки и чересчур заблестели глаза.

— Так значит, это вы, — сказала она. — Вы, мой дорогой друг Колен в обличье корсара Золотая Борода, о котором я так много слышала... Должна признаться, что этого я ожидала меньше всего... Мне и в голову не приходило...

Она оборвала себя на полуслове, потому что он шевельнулся. Пододвинув табурет, он сел напротив нее за стол, сложив руки на груди и слегка наклонившись вперед, и продолжал не мигая смотреть на нее своими задумчивыми голубыми глазами.

И под этим пристальным взглядом она растерялась, не зная, что сказать, потому что чувствовала, что он вглядывается в нее, отыскивая каждую знакомую черточку, как вглядывалась она сама в это обветренное лицо, окаймленное золотой бородой, в этот широкий лоб, пересеченный тремя светлыми линиями, которые под этой спутанной нормандской гривой волос походили скорее на шрамы; в это вновь обретенное, немного изменившееся, знакомое, такое успокаивающее и любимое лицо. Все это, несомненно, было только иллюзией, потому что разве он не стал преступником за эти прошедшие годы?

Но она не могла не смотреть на него, когда он наклонился к ней, увидев, что она затрепетала от страха. И она знала, что его пыливый взгляд видит женщину, которой она стала, и что свет, проникающий сквозь открытые окна, окутывает ее волосы

жемчужным покрывалом. Он видел черты женщины, которая больше не старалась скрыть их, черты, полные гордости и уверенности в себе, отмеченные печатью величественности, которую накладывает на них только зрелость: они отличались большей чистотой линий, большей гармонией в очертаниях скул, носа, лба, в изгибе рта. В ее зеленовато-голубых, как море, глазах таилась большая мягкость, тайна и тень, и все существо дышало законченным совершенством, которое довело до безумия Пон-Бриана.

Глава 31

После долгой паузы он сказал:

— Удивительно! Вы даже еще прекраснее, чем я вас помнил.

— И, однако, — продолжал он, — только один Бог знает, как терзали меня эти воспоминания!

Анжелика отрицательно покачала головой.

— Нет ничего удивительного в том, что сегодня я красивее того жалкого создания, которым была тогда... И мои волосы почти совсем поседели, смотрите.

Он кивнул.

— Я помню... Они начали сесть, когда мы пробирались по пустыне... Слишком много боли... Слишком много страданий... Бедное дитя! Бедное мужественное дитя!

Она узнала его голос с легким крестьянским акцентом и едва заметным отеческим поддразниванием, которое скрывалось в его низкой глубине, так трогавшей ее в былые дни. Но она не хотела быть растроганной до такой степени, чтобы не найти нужных слов в ответ.

И жест, немного печальный и грациозный, которым она провела рукой по лбу, отбрасывая локон своих золотистых волос, заставил его глубоко вздохнуть.

Анжелика предпочла бы представить все случившееся в более легком тоне, поговорить и пошутить с ним. Но она чувствовала, что взгляд Колена Патюреля проникает в самые глубины ее души, подчиняет ее себе и парализует.

Он всегда был серьезным человеком и редко смеялся. Но сегодня он казался еще более серьезным и сосредоточенным, чем обычно, и эта его тяжелая

непроницаемость вполне могла скрывать печаль или коварство.

— Так вы знаете, что я жена графа де Пейрака? — спросила она, чтобы нарушить молчание.

— Да, действительно, я это знаю... Потому-то я и здесь. Чтобы захватить вас, поскольку мне нужно свести кое-какие счета с властителем Голдсборо графом де Пейраком.

Внезапно его лицо осветилось улыбкой, которая сразу же наложила отпечаток нежности на его грубоватые черты.

— Но если бы я сказал, что ожидал найти под этим именем вас, это было бы ложью, — продолжал он. — Но здесь вы, вы, о ком я грезил днем и ночью так много лет.

Анжелика почувствовала, что теряет контроль над происходящим. Она понимала, что последние несколько дней, проведенных на крайней точке открытого всем ветрам полуострова в отчаянной и почти призрачной надежде на спасение, подорвали ее способность к сопротивлению, и теперь, когда судьба поставила ее перед ситуацией, требовавшей от нее больше сил, чем у нее оставалось, она чувствовала себя беспомощной и беззащитной.

— Но вы — Золотая Борода, — воскликнула она, словно пытаясь защитить себя от себя самой. — Вы больше не Колен Патюрель... Вы стали преступником.

— Нет, боже сохрани, с чего вы взяли?! — ответил он с удивлением, но сохраняя полное спокойствие. — Я — корсар короля, и у меня есть документы, подтверждающие это.

— Правда ли, что вы подставили монахов под огонь испанцев, когда взяли Портобелло?

— О! Это совсем другое дело. Они были присланы к нам губернатором, считавшим, что их благочестивые молитвы заставят нас согласиться на его условия, но

предательство всегда остается предательством, если даже мы и победили их. Испанцы не похожи на нас, людей севера, и никогда не будут такими. Слишком много мавританской крови течет в их жилах... И вот чего я не могу выносить. В тот день, когда мы заставили этих монахов идти перед нами, на холмах горело десять погребальных костров, десять костров, зажженных по приказу этих благочестивых монахов — АУТОДАФЕ, устроенные как жертвоприношение в честь победы, и на них сгорели несколько сотен индейцев, не пожелавших работать в золотых рудниках или отказавшихся принять крещение...

Еще более жестокие, чем мавры, и более алчные, чем все христиане, вот что такое эти испанцы. Жуткая смесь ненасытной жадности к фанатизма... Нет, я не испытываю ни малейших угрызений совести за то, что заставил этих монахов служить нам заслоном в Портобелло. Но это правда, и я готов признаться, моя любимая, что я уже не тот добрый христианин, каким был когда-то... Оставив Сеуту на «Бонавентуре», я попал вначале в Восточную Индию.

Там на мою долю выпало спасти жизнь дочери Великого Могола, захваченной в плен пиратами. Богатства, которыми он осыпал меня в знак благодарности, сделали меня вполне состоятельным человеком. После этого я отправился через Тихоокеанские острова в Перу, потом в Новую Гренаду и наконец на Антильские острова, где, после сражений с испанцами, в которых я участвовал вместе с великим английским командором, капитаном Морганом (я был с ним в Панаме), я последовал за ним на Ямайку, губернатором которой он стал. С деньгами, полученными от Великого Могола, и захваченной добычей я мог снарядить свой корабль и стать капером. Это было в прошлом году. Да, я признаю, что после Марокко я перестал быть добрым христианином. Я

обнаружил, что могу молиться только Деве Марии, потому что она женщина и благодаря ей я думал о вас. Я знаю, что это не совсем правильно, но я чувствовал, что сердце Пресвятой Девы полно снисхождения к бедным людям, что она понимает все и особенно — дела такого рода. Вот почему как только я оказался владельцем собственного судна, я назвал его «Сердце Марии».

Он осторожно снял кожаные перчатки и положил на стол перед ней свои голые руки вверх ладонями.

Она отвела взгляд от его лица и увидела багровые шрамы, оставленные гвоздями, которыми его распинали. Однажды в Мекнесе султан Мулаи Исмаил приказал прибить его гвоздями над Новыми Воротами при въезде в город, и если он не умер, то только потому, что ничто не могло победить Колена Патюреля, Короля Рабов.

— Одно время моряки начали звать меня Распятым, — продолжал он, — и я сказал, что убью всякого, кто назовет меня этим именем, после чего имел несколько случаев сдержать свое слово. Я знал, что недостойно носить такое священное имя. Но я не преступник, я всего лишь моряк, который после бесконечных сражений и грабежей сумел стать хозяином самому себе... Другими словами, получить свободу. И только мы одни знаем, что это значит нечто большее, чем сама жизнь.

Он говорил долго, и сердце Анжелики постепенно начало успокаиваться. Она ощутила благодарность к нему за то, что он дал ей время снова овладеть собой. Жара снаружи становилась не такой изнуряющей.

— Хозяином самому себе, — повторил он. — После двенадцати лет рабства и многих лет горькой зависимости от капитанов, не достойных даже веревки, на которой их следовало бы повесить, это нечто такое,

что может наполнить восторгом сердце любого человека.

Его руки скользнули навстречу рукам Анжелики, обхватили их, но не сжали.

— Помните, — спросил он, — вы помните Мекнес?

Она покачала головой и отняла руки, прижав их к себе в знак отказа.

— Нет, почти нет, я не хочу вспоминать. Все изменилось. Мы теперь в другой стране, Колен, и я — жена графа де Пейрака...

— Да, да, я знаю, — сказал он стой же едва уловимой улыбкой, — вы уже говорили об этом.

Но она видела, что эти слова не произвели на него никакого впечатления, и она навсегда останется в его глазах той одинокой, загнанной рабыней, которую он взял когда-то под свою защиту, его спутницей по побегу, его любимой девочкой из пустыни, которую он нес на своей спине и которой обладал на пустынной, каменистой земле Рифа, упиваясь сладостными восторгами любви.

И вдруг она вспомнила, что носила в себе ребенка от Колена, и ее пронзила острая боль, столь же нестерпимая, как та, которую она чувствовала, потеряв этого ребенка.

Она опустила веки и против своего желания запрокинула голову, снова переживая бешеную гонку в карете, уносившей ее, пленницу короля Франции, все дальше и дальше по французским дорогам, потом несчастный случай, ужасный толчок, боль и кровь, которая начала из нее течь... Тогда она была покинута всеми; и сейчас, в этот краткий миг оживших воспоминаний, она с ужасом спрашивала себя, как ей удалось вырваться из сокрушающих клещей королевского проклятия и начать новую жизнь. Это казалось почти невероятным.

Наблюдавший за ней мужчина увидел промелькнувшее на этом тревожно прекрасном лице выражение боли и горя, никогда не проявляющихся, никогда не высказываемых. Тех печалей, которые женщины таят в себе, потому что мужчины их никогда бы не поняли.

Солнечный свет, ставший уже розоватым, сделал золотистое лицо Анжелики красивым какой-то особой, неземной красотой и снова оживил мучительные воспоминания, терзавшие его днем и ночью, удивительные воспоминания об этой женщине, спавшей рядом с ним или замиравшей от наслаждения в его объятиях.

Он привстал и наклонился к ней.

— В чем дело, мой ягненок? Вам плохо?

— Нет, ничего, — мягко ответила она.

Низкий встревоженный голос Колена, так напоминающий о прошлом, тронул ее до глубины души, но теперь это было совсем другое чувство, похожее на нежное движение ребенка, шевельнувшегося под сердцем матери, и она узнала это особое чувство, эту сладкую волну физического желания, которое против ее воли вызвало в ней присутствие этого мужчины.

— Я так устала, — пробормотала она. — Все эти дни ожидания у моря и ухода за тем жалким негодяем... Да, как его имя?

И она нервно провела руками по лбу и щекам, стараясь избежать его взгляда.

Он поднялся во весь свой рост, обошел вокруг стола и остановился перед ней. Под этим низким потолком он казался настоящим великаном. За эти годы геркулесовская фигура самого сильного раба Мулаи Исмаила, состоявшая только из мускулов и костей, несколько пополнила и раздалась, в результате чего этот гигант, которого никому не удавалось победить или подчинить своей воле, приобрел внушительный

вид: квадратные плечи, мощная круглая шея, могучий, как у быка, лоб, и широкая, как щит, грудь.

— Отдохните, — нежно сказал он, — я пришлю вам кое-что подкрепиться. Вы должны отдохнуть, и тогда вам станет лучше, и мы сможем поговорить.

Его тон оставался уверенным и действовал на нее успокаивающе, уменьшая ее тревоги. Но она чувствовала, что он пришел к какому-то неумолимому решению, касавшемуся ее, и бросила на него почти умоляющий взгляд.

По его телу пробежала дрожь, и он стиснул челюсти.

Она надеялась, что он оставит ее, но он неожиданно опустился на колени, и она почувствовала, как его горячая рука стиснула ее щиколотку мертвой хваткой, которую ничто не могло бы разжать, и его пальцы приподняли подол ее платья до колена.

Он обнажил ее жемчужно-белую ногу, на которой виднелся старый шрам — синеватая изогнутая полоска.

— Он здесь, — воскликнул он со сдерживаемым восторгом, — он еще здесь, след укуса змеи.

И, наклонившись, неожиданно прижался обжигающе горячими губами к синеватому шраму.

Потом почти с такой же быстротой отпустил ее и, бросив на нее взгляд, полный страстного томления, вышел из каюты.

Глава 32

Она осталась одна, но жгучее ощущение его поцелуя на старой ране, оставленной ножом Колена так много лет назад, когда он спасал ее от укуса змеи, все еще не проходило, и она продолжала чувствовать его стальные пальцы на своей щиколотке.

Она увидела, что розовые пятна, оставшиеся от его пальцев, начинают постепенно бледнеть.

Он всегда был таким, этот нежный, миролюбивый, мужественный человек, никогда не сознающий своей силы! Он часто причинял людям боль, сам того не желая, под влиянием сильного волнения. И, обладая ею, часто пугал ее, иногда заставляя даже стонать — такой слабой и хрупкой чувствовала она себя в его объятиях, ощущая себя жалким существом, которое он легко мог раздавить, даже не заметив этого. Но, осознав свое непреднамеренное неистовство, он каждый раз молил: «Прости меня... Я скотина, да? Ну скажи мне это, скажи, что я скотина». На что она отвечала, смеясь: «Нет, ты не скотина. Разве ты не чувствуешь, что сделал меня счастливой?»

Анжелику охватила сильная дрожь, и она принялась быстро расхаживать по маленькой каюте, не в состоянии справиться с терзавшими ее чувствами. Жара опять казалась непереносимой, вечерний свет был уже оранжевым, цвета серы.

Ее платье прилипло к лопаткам, и ей нестерпимо захотелось сменить одежду и почувствовать на теле холодные струйки воды.

Захваченная врасплох пиратами в это утро, она не успела обуться, когда ее взяли в плен. Так босой она спустилась и на берег, где ждал ее Золотая Борода, — как крепко он прижал ее к себе! — и сейчас,

расхаживая по деревянному полу каюты, она все еще оставалась босой. Она подошла к окну и встряхнула волосами, надеясь почувствовать прохладу морского бриза, но воздух был по-прежнему неподвижным и тяжелым, с резким запахом расплавленной смолы. Моряки все еще продолжали смолить и конопатить шпангоуты судна... Ее совершенно подавляла мысль о том, что случай столкнул ее лицом к лицу с любовником из ее прошлой жизни, который оставил в ее сердце такой неизгладимый след, что она сама не понимала этого. И снова ее сердце дрогнуло, когда она почувствовала сладкую волну желаний, захлестнувшую ее при одном только воспоминании о его низком голосе, спрашивающем ее: «В чем дело, мой ягненок? Вам плохо?»

Такие простые слова, но они всегда трогали ее до глубины души. Как и его обладание ею — примитивное, но всеобъемлющее и полное такой неистовой силы, что она подчинялась ему, еще не успев его разделить.

Этот пыл, это неистовство огромного нормандца, незнавшего никакого удержу, как только ее глаза говорили ему «да», захлестывали ее, как волна, покрывающая с головой, ошеломляющая. Ее тело снова вспомнило эти забытые ощущения, этот необыкновенный восторг любви в пустыне.

Он всегда был ужасно нетерпелив в своем стремлении как можно скорее овладеть ею. Он хотел ее немедленно. Он укладывал ее на песок и сразу же проникал в нее, без слова любви, без ласки. Однако она никогда не чувствовала себя оскорбленной таким обращением, потому что каждый раз ощущала в натиске его могучего тела, в этом безжалостном, непреклонном вторжении, в этой силе, огромной, но спокойной и щедрой, безграничное и почти мистическое самозабвение, полное растворение всего его существа. Он мог быть небрежен по отношению к ней, но не по

отношению к самому акту. Он был подобен некоему священнослужителю, забывшему обо всем, кроме любви, прославлявшему в торжественной службе жертвоприношение, союз, земную радость человечества.

И таким ли уж святотатством была мысль, что Колен Патюрель относился к любви так же, как ко всему, что он делал вообще, — с верой, благоговением, силой и неистовством?

Иногда ей казалось, что она умрет, не выдержав его объятий, потому что ее измученное тело, ослабевшее после всех перенесенных лишений, было не в силах выносить его безумные восторги и отвечать на них; но тем не менее эти объятия научили ее находить наслаждение в подчинении, особое наслаждение быть ничем, кроме предлагаемой ему чаши, из которой он может напиться вволю; ничем, кроме плоти, дающей ему наслаждение; ничем, кроме тела, женского тела, предоставленного самому себе и забытого под ним, но позволяющего ему испытать такой безудержный и полный экстаз.

Отречение, самозабвение, самопожертвование, которые вдруг вознаграждались в самый неожиданный момент, в то мгновение, когда она погружалась в забытие, и мужской натиск, достигший предела, вырывал ее из небытия, снова возвращая к жизни с криком пробуждения, криком возрождения, обновления, криком, поднимавшимся из самой сокровенной глубины ее существа, в то время как она корчилась в последних судорогах.

Она еще помнила эти неудержимые содрогания, ослепительную волну необыкновенного чувства, пронизывающего все ее тело, полумертвое и все-таки способное испытывать наслаждение, являющееся источником всей жизни.

Как почка, которая неожиданно лопается под весенними лучами.

В этом пробуждении всего своего существа она узнавала извечную силу жизни.

«Я жива, жива», — то и дело повторяла она про себя. Своей слепой страстью он словно вырывал ее из сна смерти, в который она погружалась, и кровь снова начинала течь в ее венах, а она, пораженная этим чудом, широко раскрытыми глазами смотрела на склоненное над нею лицо Колена с его голубыми, прозрачными глазами, похожими на озера с чистой водой, и прохладным ртом, видневшимся сквозь спутанные волосы его золотой бороды, и чувствовала на своем лице нежное веяние его прерывающегося, учащенного дыхания.

Да, Колен не только спас ей жизнь: он вернул ее к жизни и научил ее не просто жить, а любить жизнь. И тем, что она нашла в себе силы и мужество найти своего мужа и детей, она во многом обязана ему.

О, почему же теперь дыхание моря и шелест прибоя в узких фиордах побережья с такой отчетливой яркостью воскресили все эти видения прошлого? В лесах Вапассу она забыла Колена.

«Я должна выбраться отсюда», — сказала она себе, начиная поддаваться панике.

Подбежав к двери, она попыталась открыть ее. Но дверь была заперта. Потом она заметила свой дорожный мешок, лежащий на полу, и поднос с едой на столе, на котором стояла Миска салата, жареный лосось с отваренной кукурузой и стеклянное блюдечко с ломтиками консервированного ананаса и лимона. Вино в бутылке, по-видимому, было хорошего сорта, а вода в кувшине — холодной.

Очевидно, кто-то входил сюда, пока она грезил наяву, и оставил все это, а ее мысли были так далеко, что она даже не заметила.

Она не притронулась к пище, но отпила немного воды.

Открыв свой мешок, она обнаружила, что половина ее вещей исчезла, и это возмутило ее. Она сейчас же пойдет и спросит Колена послать его бездельников-моряков на берег за остальными вещами.

Он сделает все, что она прикажет. Он был ее рабом. Она — единственный человек в мире, который что-то значит для него. Она поняла это в тот самый момент, когда их глаза встретились и они узнали друг друга.

Он не хотел ничего на свете, кроме нее, все еще ее одной, всегда ее. И она была возвращена ему...

Как ей убежать от него? Как ей убежать от самой себя?

Она была уже готова застучать в дверь с громким криком, но передумала. Нет, ей не хотелось видеть Колена. Одно только воспоминание о том, как он смотрел на нее, привело ее в состояние крайнего возбуждения, и у нее появилось чувство, что с нее довольно.

Если бы только Жоффрей поскорее взял ее отсюда...

«Надеюсь, что Жан поторопится!»

Она выглянула из окна. День близился к концу. Солнце исчезло за краем тучи, время от времени освещавшейся краткой вспышкой летней молнии, и качка корабля, все еще стоявшего на якоре, стала более ощутимой.

Анжелика сбросила одежду и полила себе на затылок холодной водой из кувшина, струйки которой потекли по всему телу. Ей стало легче, и она накинула на себя тонкую батистовую рубашку. Она все так же расхаживала взад и вперед по маленькой каюте, в которой уже совсем стемнело, напоминая бледный, возбужденный призрак. Короткая рубашка приятно касалась разгоряченного тела, и она в конце концов заметила, что ее голые ноги приятно обвеваются

легким бризом, наконец-то подувшим с моря и вспенившим небольшие пока волны.

«Собирается шторм... Вот почему корабль все еще не снялся с якоря и не вышел в море, — подумала она. — Должно быть, Колен почувствовал приближение шторма».

Она сняла пестрый кусок ситца, которым была накрыта кровать, завернулась в него и легла. Она хотела спать.

Но мириады мыслей продолжали тесниться в ее мозгу. Почему Золотая Борода хотел захватить ее? И что у него за документы на землю Голдсборо? Почему Жоффрей послал ее в английскую деревню? Она подумает об этом позже, позже...

Раздался глухой удар грома, раскатившийся эхом по всему побережью. Но следующие раскаты были уже более отдален-

Шторм разразился дальше, в море...

Раскачивающийся корабль уносил ее далеко отсюда, она погружалась в сладкое оцепенение. Колен... давно... в пустыне...

Он целовал ее только потом, после того как его тело утоляло свой крайний голод. Он ласкал ее только потом... Их поцелуи были нежными, нерешительными и осторожными, потому что их губы потрескались от недостатка воды и обжигающих солнечных лучей и часто кровоточили... Дрожь пробежала по всему ее телу, и оно напряглось при воспоминании о сухих, потрескавшихся губах Колена, прижатых к ее губам, о губах Колена, скользящих по ее телу...

Она резко повернулась. Потом, находясь уже на пределе нервного напряжения, совершенно измученная, уснула глубоким сном.

Глава 33

— Нет, Колен, не надо, я умоляю тебя, не надо...

Руки Золотой Бороды, мускулистые руки Колена, настойчиво поднимали ее, привлекали к его груди, и, тесно прижатая к этой твердой обнаженной груди, она чувствовала, как пальцы Колена, скользя вниз, ухватились за край ее тонкой батистовой рубашки и, потянув, стащили покров без всякого усилия, одним рывком, бесшумным, как дуновение тумана. Руки Колена легли на ее спину, бедра, завладевая ею, снова знакомясь с ее телом. Мужская рука пробиралась между ее ног туда, в то местечко, где кожа нежна, как атлас, потом двинулась еще выше в ласке, которой, казалось, не будет конца.

— Нет, Колен, не надо, прошу тебя... умоляю тебя!

Ее окутывала черная ночь, черная, но словно затканная бронзовыми нитями.

Мужчина поставил свечу на стол позади себя, но для Анжелики, обнаженной и едва не теряющей сознание в объятиях Колена, все было ночью. И сам он тоже был, как ночь, как бездонная пропасть ночи; темная фигура, которая наклонялась пая ней, окутывая всю ее своей непроглядной, неукротимой страстью. И, прижимая ее к себе и все еще настойчиво лаская, он нашел ртом ее губы, несмотря на то что она пыталась уклониться, отчаянно поворачивая голову из стороны в сторону в последней попытке сопротивления.

— Моя маленькая девочка, моя маленькая девочка!
— прошептал он, желая успокоить ее.

Так он называл ее когда-то...

Наконец ему удалось преодолеть ее сопротивление, и она почувствовала, что к ее губам прижались его

мягкие прохладные губы, окруженные щекочущей теплотой бороды.

После этого он замер, не двигаясь, но не выпуская ее головы из стального кольца своей руки, и не делал больше никаких попыток преодолеть барьер ее сомкнутых губ. И мало-помалу она сама начала испытывать желание пробудиться, шевельнуться, узнать тайну этого мужского рта, как печать, лежавшего на ее губах, побуждая его ожить, откликнуться и наконец чувствуя, что его губы раскрылись. И тогда она тоже сдалась с глухим, жадным вскриком, охваченная внезапным чувством голода, и целиком отдалась таинственному, интимному началу поцелуя.

Невыразимый, головокружительный диалог, исследование более тонкое, более изысканное, чем полное обладание робкое любопытство, узнавание, признание, открытие, вспыхнувшая искра, которая, не угасая, вспыхивает вновь и вновь; трепещущее желание и нежность в крови, солнце, неожиданно вспыхивающее в мозгу, бесконечная близость, никогда не утоляемая жажда, райский вкус забвения, восхитительная пища для утоления голода; подчинение, отклик все более нежный, все более полный, пока все тело, переполненное желанием, не становится одним бесконечным, нетерпеливым подношением, жертвой, празднеством любви, полностью готовым к совершению торжественного ритуала.

Непреодолимая сила Колена давила на нее, заставляя все сильнее и сильнее откидываться назад, пока она не оказалась пригвожденной к кровати, слабая и беспомощная.

— Нет, Колен, пожалуйста, любовь моя, не надо... Сжался надо мной, я не могу... я не могу больше... сопротивляться тебе.

Его колени начали давить на ее плотно стиснутые ноги, пытаюсь разъединить их одним твердым движением, одним упорным, неослабным нажимом...

Тогда Анжелика воскликнула в порыве протеста, почти сама не сознавая, что она говорит:

— Если ты это сделаешь, я возненавижу тебя! Богом клянусь, я возненавижу тебя, Колен!

Он замер, как громом пораженный, вслушиваясь в эти ее слова, вонзившиеся в него, словно лезвие кинжала.

Протекла в молчании долгая минута, и мерцающее пламя свечи отбрасывало на стену огромные тени — эти извечные тени человеческих ночей, бесформенные, вечно меняющиеся с незапамятных времен, тени мужчины и женщины, сплетенных в любовном объятии...

Анжелика решительным рывком высвободилась из плена могучих рук Колена и так поспешно и неловко вскочила с кровати, что едва не перевернула стол, с которого упала на пол и погасла свеча.

Она захватила с собой кусок ситца, в который завернулась перед тем как уснуть, и теперь лихорадочно натягивала его на себя, одновременно пытаюсь поставить стол как преграду между собой и Коленом, набивая себе при этом множество синяков.

Она не видела его, потому что их окружала абсолютная тьма. Ночь была безлунной, ночь облаков и стелющихся туманов.

Но она чувствовала, что мужчина снова собирается с силами, как зверь перед прыжком.

— Анжелика! Анжелика! — донесся до нее сквозь темноту голос Колена, и в этом возгласе звучала не только яростная боль неосуществившегося желания, но и беспредельное, невыразимое отчаяние.

— Анжелика!

Он двинулся ей навстречу, пошатываясь, с протянутыми руками и споткнулся о стол.

— Успокойтесь, — мягко сказала Анжелика сквозь стиснутые зубы, — и уходите. Я не могу вам отдаться, Колен. Я жена графа де Пейрака.

— Пейрака! — пробормотал Колен, и ей показалось, что он умирает. — Пейрака, этого отщепенца, этого джентльмена удачи, изображающего на акадском побережье то ли принца, то ли короля...

— Я его жена!

— Вы вышли за него так же, как выходят замуж все шлюхи, болтающиеся по Антильским островам... За его золото, его корабли, за те драгоценности, которыми он вас увешивает, потому что он кормит вас... Не так ли? На какой скале вы его нашли? Ведь вы скитались по свету в поисках богатого корсара, не правда ли? А он предложил вам изумруды и жемчуг... Так? Если говорить откровенно?

— Я не обязана давать вам объяснения. Я его жена и обвенчана с ним перед Богом.

— Чепуха! Такие вещи легко забываются!

— Не святотатствуйте, Колен!

— Я тоже могу предложить вам изумруды и жемчуг... Может быть, я так же богат, как и он... Вы любите его?

— Люблю я его или нет — это вас не касается! — воскликнула она в отчаянии. — Я ЕГО ЖЕНА и не намерена заниматься нарушением священных клятв.

Он вздрогнул, и она быстро добавила:

— Мы не можем это сделать, Колен... Об этом не может быть и речи! С этим покончено... Вы погубите мою жизнь...

Он спросил ее глухим, невыразительным голосом:

— Это правда, что вы стали бы ненавидеть меня?

— Да, стала бы! Мне пришлось бы возненавидеть вас. Мне стала бы ненавистна даже память о вас, даже

прошлое... Вы стали бы причиной моего несчастья, моим злейшим врагом, причиной моего худшего прегрешения... Я возненавидела бы и себя. Я предпочла бы, чтобы вы убили меня прямо сейчас... Убейте меня! Лучше убейте, чем...

Хриплое дыхание Колена, задыхавшегося в смертельной муке, походило на скрежет кузнечных мехов.

— Оставьте меня одну! Оставьте меня, Колен!

Она говорила мягко, почти ласково, но сдержанное неистовство, таящееся в ее словах, придавало каждому из них силу и остроту отточенного кинжала.

— Я не могу вас оставить, — выдохнул он, — вы принадлежите мне. Вы принадлежали мне во всех моих снах, во всех моих мечтах, И теперь, когда вы здесь, передо мной, я не могу отказаться от вас. Иначе какой смысл будет в том, что я снова нашел вас? В чем тогда будет значение случая, снова приведшего вас на мою тропу? Мне слишком не хватало вас все эти дни и ночи... Я слишком страдал из-за воспоминаний о вас, чтобы теперь от вас отказаться... Вы должны быть моей.

— Тогда убейте меня; убейте меня сразу же!

В тягостном молчании слышалось только их напряженное дыхание. И Анжелика чувствовала, что ее решимость слабеет, когда была вынуждена ухватиться за стол, чтобы удержаться на ногах на этом корабле, непрестанно наклоняющемся то назад, то вперед в головокружительном, безмерном движении, в слепом водовороте, в котором ее страх перед собственной слабостью примешивался к страху перед тем, что может случиться, если ее опять настигнет неумолимое «то», приближение которого она уже ощущала... В этот момент она действительно предпочла бы умереть.

Когда она услышала, что Колен шевельнулся, и почувствовала, что он приближается, из самой глубины ее существа вырвался немой вопль — вопль, подобного

которому она еще никогда не слышала в себе, в котором не смогла узнать мольбу о помощи, обращенную к чему-то более сильному, чем ее собственная слабость, более светлому, более милосердному...

Потом она постепенно начала понимать, что вокруг нее все снова тихо и спокойно, и, осознав, что она опять одна, почувствовала страшную пустоту.

Колен оставил ее, Колен ушел.

Глава 34

Это был жестокий для нее миг: миг смятения, миг отчаяния, в который над ней одержало верх никогда не умирающее в каждой женщине дитя, со всей его нелогичностью, напрасными сожалениями, упорным нежеланием смириться с реально существующей действительностью; миг, в который ее измученное тело и обезумевший ум иступленно боролись в тисках невыносимой дилеммы. Она чувствовала во всем теле, вплоть до кончиков пальцев, такую нестерпимую боль, что готова была закричать.

В конце концов ее нервы начали успокаиваться, и она принялась тщетно шарить вокруг в поисках свечи. Должно быть, она закатилась в какой-то угол, но в каюту теперь проникал мягкий молочный свет луны, выглядывающей в просвет между двумя тучами, и Анжелика, шатаясь, словно пьяная, добралась до маленького балкончика, на который выходили большие французские окна, и прислонилась к позолоченной балюстраде.

Опершись на локти, она сделала несколько глубоких вдохов.

Теперь луна светила в полную силу. Небо, еще испещренное облаками, лежало над ее головой, как створка жемчужной раковины, наполненной несмолкающим гулом прибоя и тоскливым, скорее даже зловещим, криком тюленей на побережье.

Взгляд Анжелики еще блуждал по сторонам, ни на чем не останавливаясь, но ее чувства постепенно успокаивались, и когда она наконец полностью осознала, какой страшной опасности только что избежала, у нее подкосились ноги.

«Я почти сделала это», — сказала она себе, покрываясь холодным потом.

Потом, по мере того как проходили одна за другой секунды, ее начал охватывать самый примитивный страх, полностью разрушивший ослепительный, чудесный мираж искушения.

«Если бы я это сделала!..»

В этот самый момент, говорила она себе, она была бы как мертвая, как... Она не могла подобрать подходящих слов, что бы описать то состояние полного крушения, гибели и изнеможения, которое она чувствовала бы, если бы...

Отныне она будет знать, что желание следует причислить к самым ужасным земным катаклизмам, таким, как цунами, циклоны, извержения вулканов и землетрясения, как нечто такое, что не признает доводов разума, безжалостно сокрушая слепой физической мощью человеческую слабость.

Как она нашла в себе силы спастись от него? Она в ужасе закусилась пальцы, не отрывая взгляда от зияющей под ней бездны.

Как я могла?

Она притронулась к губам.

«И этот поцелуй... Я никогда не должна была... я не должна была так целовать Колена».

Ее язык у его языка.

Она закрыла лицо руками.

«Непростительно! Непростительно!»

Жоффри!

Позвав его, она тут же почувствовала суеверный страх, как будто он и на самом деле стоял за ее спиной, глядя на нее своими пронизывающими глазами.

«Ведь это Жоффри научил меня восторгам поцелуя, и он же вернул мне вкус к нему. И я люблю... я так люблю эти бесконечные поцелуи, которыми мы обмениваемся, я могла бы провести всю свою жизнь,

прижавшись к его сердцу, обвивая руками его шею и не отрывая губ от его рта... Он знает, что я могла бы. Как же я могла дойти до того, что едва не изменила ему? Я так слаба потому, что разлучена с ним...»

Никогда женщина не бывает такой уязвимой, как в тот момент, когда она испытывает жгучую потребность в утешении из-за разлуки с любимым. Мужчины должны понимать это; мужьям следует это знать.

Обнаружив, что вся перенесенная ею сумятица чувств происходит из-за того невыносимого ощущения пустоты и одиночества, от которого она страдала, оставшись одна вдали от него, Анжелика мало-помалу начала снимать с себя давящий груз вины.

«Он никогда не должен был оставлять меня одну... Да и вообще, так ли уж это серьезно? Если даже предположить, что я сделала бы это? Объятие? Неужели это действительно разлучило бы меня с ним? Ведь это так немного... Все равно, что напиться, чувствуя жажду. Нет ничего дурного в том, чтобы напиться... Если это все, о чем идет речь, когда обманывают нас, женщин, то к чему поднимать такой шум? Проходящее желание, внезапная жажда — такой пустяк, в сущности. В будущем я буду снисходительнее относиться к прегрешениям мужчин.

А что, если Жоффрей однажды... с другой женщиной?.. Нет, я этого не вынесу... Я умру... Да, теперь я знаю, что это очень серьезно! Прости меня... Ну почему с тех самых пор, как был создан этот мир, такой случайный, несущественный акт влечет за собой такую трагедию? Дух силен, а плоть слаба! Ох, как это верно!

И почему именно Колен, почти чужой мне, заставил меня почувствовать такое непреодолимое искушение? Неужели любовь так телесна? Жоффрей часто говорил мне это в своей обычной циничной манере, когда хотел подразнить меня. Любовь определяется волнами

взаимного притяжения, которые излучаются кожей каждого человека... Нет, не только в этом! Но, возможно, это одно из существенных условий, без которых она не может возникнуть? В прошлом было несколько мужчин, которые, конечно, не были мне противны, но я знала, что с ними мне чего-то недостает. Того, что я с самого начала чувствовала с Жоффреем даже тогда, когда он еще пугал меня...

А с Коленом? С ним я всегда испытывала что-то еще, нечто такое, что я сама не могла бы объяснить... И, может быть, и с Дегре тоже. И, если задуматься, то, как ни странно, с толстым капитаном из Шатле, к которому я приходила «заплатить» таким образом за спасение Кантора... У меня остались о нем совсем не такие уж неприятные воспоминания... Но с королем? Вот этот случай мне более понятен... Здесь чего-то не хватало... Отсутствовало что-то неуловимое, то странное, почти сверхъестественное узнавание одной плоти другой, которое возникает между некоторыми людьми без всяких видимых причин.

Но, что бы такое ни существовало между Коленом и мной, — а в этом-то и таится опасность, — я никогда больше не должна оставаться с ним наедине».

Она мечтательно позволила своим рассеянными мыслям блуждать вокруг при лунном свете, и под мерную качку корабля перед ее мысленным взором предстала процессия всех мужчин, которых она когда-либо знала, — таких разных, не похожих друг на друга; и неожиданно, сама не зная почему, она увидела среди них честное, открытое лицо графа Ломени-Шамбора и далекую благородную фигуру аббата из Ньеля, величественную, но снисходительную.

Глава 35

Человек пытался спрятаться, цепляясь за деревянные резные украшения под балюстрадой.

Анжелика прервала на несколько минут свои рассеянные раздумья о непоследовательности и нелогичности сынов человеческих в делах любви, перемежающиеся ее воспоминаниями и сравнениями, для того, чтобы понаблюдать за ним.

Ее внимание привлек легкий шум, и, наклонившись вперед, она увидела силуэт человека с растрепанными волосами и в изодранной в клочья одежде, который цеплялся за так называемые «галереи» — выпуклые резные украшения, обвивающие оба этажа кормовой надстройки.

— Эй, вы! — прошептала она. — Что вы здесь делаете?

Увидев, что его обнаружили, человек скользнул вбок, и через мгновение она снова увидела его немного ниже. На этот раз он держался за лепной карниз вокруг большого медальона, на котором была нарисована аллегория Сердца Марии, окруженного ангелами.

Таинственный акробат бросил на нее угрожающий взгляд, в котором тем не менее было и что-то вроде мольбы.

Его запястья были в свежих кровоточащих царапинах.

Анжелика поняла: на борту корабля Золотой Бороды находились узники. И это, должно быть, был один из них, пытающийся бежать.

Она показала ему жестом, что ей все ясно, и отошла, сделавшись невидимой для него.

Убедившись, что она не станет поднимать тревогу, человек набрался мужества, и она почувствовала

толчок, когда он оторвался от борта, а затем услышала всплеск.

Когда она снова посмотрела за борт, все было спокойно. Она искала его взглядом в воде рядом с кораблем, но он выплыл на поверхность уже на некотором расстоянии от него, оказавшись в тени острова, и быстро поплыл прочь.

Анжелику охватила невероятная тоска. Ей тоже хотелось исчезнуть, покинуть этот корабль, где ей расставляла ловушки ее собственная слабость. Завтра Колен снова будет здесь.

«Я должна во что бы то ни стало покинуть это судно, — сказала она себе, — во что бы то ни стало...»

Глава 36

У подножия горы Дезерт протекал прохладный, тенистый ручей, прозрачная вода которого пахла глиной. Пьер де Жюс де Монт пил из этого ручья, когда в 1604 году прибыл сюда, чтобы основать первую в Северной Америке европейскую колонию. Он был богатым дворянином-гугенотом, которому его друг Генрих XIV Французский пожаловал титул вице-короля Атлантического побережья Нового Света. Его сопровождал географ Самюэль Шамплен и поэт Лескарбо, воспевший «дивные воды Акадии».

От этого первого поселения не осталось ничего, кроме покосившегося полусгнившего креста, воздвигнутого иезуитом отцом Биаром, и старой часовни с позванивающим на ветру серебряным колоколом, который временами раскачивали боа-кис и любопытные краснокожие ребятишки из племени кадиллак. Здесь кончалась древняя индейская тропа, идущая с севера через леса и озера от далекой горы Катхедин, потом прыгающая со скалы на скалу и пересекающая неширокую полосу моря, прежде чем оборваться на острие горы Дезерт.

Этот источник, зеленая трава и нежная березовая поросль привлекали сюда стада мычащих бизонов, мрачных, допотопных гигантских медлительных существ с упрямыми головами и бархатными холками.

Просвечивая темными массами сквозь золотую листву, они казались грозными и опасными, но на самом деле были мирными буколическими животными.

Лесные индейцы редко охотились на них, предпочитая оленей, косуль и ланей. Поэтому стадо бизонов, поглощенное в это утро пощипыванием высокой травы у подножия горы, не проявило никаких

признаков беспокойства, когда их изящно вырезанные ноздри учуяли запах группы людей, принесенный ветром.

Жоффрей де Пейрак в сопровождении нормандца Роланда д'Урвилля, флибустьера из Дюнкерка Жиля Ванрейка и монаха Эрасмуса Бора высадился на остров, оставив шебеку в бухточке на восточном его берегу, чтобы подняться на гору. Эта вершина, самая высокая точка во всей округе, была расположена не далее одного лье от Голдсборо, если добираться до нее по морю, и представляла собой пик свыше полутора тысяч футов высотой, сложенный огромными двойными блоками розового гранита.

Как только путник покидал подножие горы, окутанное зеленой пеной листвы, вся растительность вокруг внезапно исчезала, за исключением редких темных островков из искривленных сосен, немногочисленных блестящих кустиков черники, растущих прямо на голой скале, и карликовых рододендронов, образующих розовые и багряные ковры, покрывающие впадины и пологие склоны горы.

По мере того как они поднимались вверх, легкий шелестящий ветерок становился все более пронзительным и ледяным.

Четверо людей, сопровождаемые эскортом из моряков, несущих мушкеты, быстро и проворно карабкались в гору без всякой тропинки. Огромные глыбы розоватого гранита, похожие иногда на плиты, вели их наверх к вершине, как ступени старой, выбитой лестницы.

В каждой щели, в каждой расселине, куда ветер сумел занести хотя бы горстку плодородной земли, цвели тысячи крошечных прелестных цветов: белые и желтые цветочки камнеломки и разнообразные блестящие еще каких-то цветов, унизывающие огромные плоскости

голых скал причудливой вязью узора, напоминающего взысканную вышивку.

Не обращая внимания на всю эту красоту, сочетавшуюся с диким величием окружающей панорамы, граф де Пейрак упорно продвигался вперед, все выше и выше, желая достичь вершины прежде, чем опустится какой-нибудь неожиданный туман и горизонт станет невидимым.

В том, чтобы изучить обширную панораму, открывающуюся с вершины, горы, сосчитать все островки и внимательно оглядеть все бухточки, заливы и полуострова, и заключалась его цель, побудившая начать этот подъем.

Дорога была каждая минута. Дни пролетали, как мгновения, в суматохе этого бурного времени года, в лихорадочной торопливости всеобщего пробуждения, когда и земля, и ее жители жадно бросались в бушующий летний поток.

Индейцы спускались к побережью, чтобы обменять здесь свои товары, белые отправлялись на рыбную ловлю, валили строевой лес, сеяли зерно, занимались торговыми сделками; великий водоворот бурной деятельности мчал и кружил их всех в лихорадочной суете и сумятице слишком короткого сезона.

Одно событие следовало вплотную за другим. Всего десять дней назад, расставшись со своим молодым союзником, бароном Гастином, в Пентагуэте на Пенобскоте, граф Пейрак отправился на восток, в Голдсборо.

Он немного задержался в пути, потому что маршрут, пролежавший по почти неприступным местам, проходил неподалеку от двух его небольших рудников, на которых добывались серебро и сильвинит — руда, содержащая золото в темной и, следовательно, не видимой простым глазом форме. Здесь он остановился, чтобы понаблюдать за производимыми работами,

подбодрил рудокопов, которые провели тут всю зиму, и отправился дальше, оставив с ними Кловиса за старшего. Немного погодя он встретился с капелланом Сен-Гастина монахом по имени Бор, который передал ему послание от барона.

Так он узнал о резне, устроенной на западе. Абенаки вырыли из земли свой боевой топор и теперь опустошали английские колонии Мэна вплоть до самого Бостона.

«Мне удалось сдержать свои племена, — писал Сен-Гастин. — Так что никто не тронется с места в нашей части страны. Я направил послания английским торговцам в Пемакуиде и Вискассете — моим ближайшим соседям, — в которых заверил их, что нет никаких оснований для тревоги и что они могут оставаться на своих местах.

Тем не менее они предпочли укрыться на острове Неваган с запасами продовольствия и вооружения. Но я хочу поручиться, что с вашей помощью на нашей территории будет сохранен мир».

Потом Пейрак добрался до Голдсборо.

Здесь он одновременно узнал, что Анжелика не прибыла в Голдсборо на борту «Рошеле», якобы встретившего ее в заливе Сабадахок, как сказал ему неизвестный моряк. А его сын Кантор, только что доставивший в Голдсборо шлюп, переполненный английскими беженцами, снова отплыл на «Рошеле», капитаном которого оставался Ле Галл, чтобы забрать Анжелику из залива Каско, где она, как ему объяснили, осталась с ранеными и больными.

Чувствуя одновременно некоторое спокойствие за судьбу жены и досаду, вызванную всеми этими задержками, этими бесконечными препятствиями, несовпадениями и необъяснимым поведением всех и каждого, Жоффрей де Пейрак колебался, раздумывая, не следует ли ему отправиться вслед за сыном. Но,

приняв во внимание то лихорадочное возбуждение, которым была охвачена маленькая прибрежная колония, решил, что ему лучше поберечь свое время.

Встреча с человеком «с жемчугом» на берегах Кеннебека — с корабля под оранжевым флагом — все еще не выходила у него из головы. Кто были эти люди, солгавшие ему? Может быть, они просто не поняли что-то, когда им прокричали сквозь туман какие-то слова с другого судна?

Ему нужно дождаться, когда вернется Анжелика на борту «Рошеле», и тогда он разберется в этой чертовщине. Самое главное — она жива и здорова. И тем не менее он не успокоится полностью до тех пор, пока не заключит ее в свои объятия.

Все это было четыре дня назад, и теперь, торопливо взбираясь по склону горы Дезерт, он спешил, может быть, еще и потому, что тайно надеялся первым увидеть вдали парус, несущий спокойствие и мир.

За его спиной спутники обменивались шутками, тут же уносимыми в сторону порывами ветра. Жиль Ванрейк, француз по национальности и обращенный в католичество протестант, был веселым, земным слугой короля Франции, служить которому предпочитал все-таки издалека. Он был разодет в желтый атласный дублет с пуговицами, выделанными из настоящих пистолей, штаны из шелка сливового цвета и зеленые плиссированные чулки.

Его голова под шляпой с перьями попугая была обвязана шарфом из пестрого ситца, кушак из этого же ситца с пестрым цветочным рисунком обхватывал его слегка выпирающее брюшко. Живой и проворный, несмотря на свою комплекцию, он слыл неутомимым и грозным драчуном и славился тем, что не получил ни одной раны во всех своих многочисленных дуэлях. Единственным шрамом на его теле был след, оставшийся на руке от рукояти его шпаги — результат

длительного пользования оружием; «днем и ночью», как любил он говорить, «днем и ночью!»

Северянин из Нижних Провинций, которые так долго были в подчинении у Карла V и его потомков, он отличался темными глазами и черными закрученными усами в испанском стиле, дополнявшими добродушную чувственность его чисто фламандского лица.

Граф Пейрак подружился с ним в Карибском море, и теперь Ванрейк решил нанести ему визит в его северной колонии, поскольку полагал, что это время года слишком неласково к мелкому флибустьеру из Св. Кристофера, особенно из-за всех этих испанцев, которыми кишит все вокруг.

Он появился одновременно с «Голдсборо», который вернулся из Европы под командой Эриксона.

«Голдсборо» доставил ремесленников и нескольких беженцев-гугенотов, а на борту корсарского судна были более или менее темнокожие женщины, и в их числе — испано-индейская мулатка необыкновенной красоты, любовница Ванрейка. Не успев высадиться на берег, она немедленно начала танцевать на песке под стук своих кастаньет к вящему неудовольствию господ Маниголя и Берна, которые считали себя ответственными за дисциплину в порту и за мораль их маленькой протестантской общины.

Ночь летнего равноденствия была отмечена довольно бурными скандалами и драками, и, несмотря на то что присутствие Жоффрея де Пейрака помешало событиям развернуться в совсем уже нежелательную сторону, губернатор д'Урвилль заявил, что «с него хватит этих ненормальных», и пожелал уйти в отставку.

На другой день после столь колоритной ночи, знаменующей середину лета, Пейрак взял их с собой на гору, чтобы дать им немного развеяться. Он тоже хотел куда-нибудь удалиться, чтобы прийти в себя. И он надеялся, что благоприятный ветер позволит ему

увидеть с этой вершины парус корабля, несущего к нему Анжелику, каким бы далеким ни был еще этот парус.

Потом в его голову пришла другая мысль, касающаяся подозрительного судна, которое они встретили у берегов Кеннебека, того самого, чем развевающийся на ветру оранжевый флаг он видел тогда над вершинами деревьев. Ему хотелось проверить свою гипотезу.

Маленькая группа его подчиненных, лейтенантов и друзей весело болтала у него за спиной, проворно карабкаясь по огромным плитам розового гранита.

Д'Урвилль расспрашивал Ванрейка, что побудило его, флибустьера с Антильских островов, пытаться добиться удачи здесь, в Массачусетсом и Французском заливах. И Ванрейк отнюдь не делал тайны из своих планов.

— Я слишком мелкая рыбешка для тех громадных испанских галеонов, которые бороздят в наши дни воды Карибского моря. Они имеют не менее шестисот тонн водоизмещения и вооружены до зубов, да к тому же еще сопровождаются целой бандой других судов. Кроме того, я мог бы торговать с мессиром де Пейраком: мы могли бы предложить ему сахар, черную патоку, ром, хлопок в обмен на сушеную треску и строевой лес для мачт... Мы могли бы даже объединить силы для нападения на какой-нибудь вражеский корабль.

— Посмотрим... — ответил Пейрак. — А пока приводите в порядок свое судно, отдыхайте в наших владениях — в общем, делайте все, что вам будет угодно. Мне пришло в голову, что вы действительно могли бы оказать мне помощь в недалеком будущем против Золотой Бороды — пирата, о котором вы должны были слышать на Ямайке.

Теперь они были уже на гребне горы. Ветер, неистовствующий на оголенной вершине, с такой силой

обрушивался на них, словно пронзая ледяным лезвием, что они едва удерживались на ногах. Первым сдался Ванрейк, который заявил, что привык к теплему климату, и, продрогнув до костей, поспешил укрыться на подветренном склоне за скалистым выступом. Вскоре к нему присоединился и Роланд д'Урвилль, удерживающий свою шляпу обеими руками. Отец Эрасмус Бор боролся с ветром столько времени, сколько ему потребовалось для того, чтобы прочесть «Отче наш» и «Славу Марии», но после этого он решил, что с него хватит, и моряки Ванрейка разделили его мнение.

Эрико Энци, сопровождавший Пейрака, продолжал стоически держаться, хотя и пожелтел, как лимон, в своих арабских шарфах и тюрбанах, составлявших его обычный костюм мальтийца.

— Хватит с тебя, — сказал ему наконец граф. — Иди спрячься где-нибудь.

Он остался один на вершине тары Дезерт и, сопротивляясь не ослабевавшему натиску ветра, не мог оторвать глаз от простирающейся перед ним панорамы.

Впереди, очерченная иероглифами суши и воды, лежала во всем своем очаровании, сложности и необозримости земля, только начинавшая оживать в полную силу; земля, предлагавшая неисчерпаемый запас редкостных зрелищ.

Со всех сторон виднелось море, проникающее в глубь суши; со всех сторон виднелась суша, прорезающая своими полуостровами и мысами голубую поверхность буйного, непокорного океана, который, впрочем, с этой высоты казался гладким и шелковистым, как атлас. И всюду — острова, увенчанные соснами темно-медного цвета, острова, окутанные зеленым золотом берез, только что надевших свой летний наряд.

В дальнем конце залива гриф мог различить, район, почти целиком состоящий из розовых и красных скал,

прорвавших поверхностные залежи бурого железняка, ставшего почти лиловым под давлением мощных ледников, лежавших здесь в далеком прошлом.

В гравии речных морен, более молодых, чем этот железняк, можно было обнаружить доисторические останки шерстистых слонов с бивнями, изогнутыми в виде охотничьих рогов. Гранитные выступы были сглажены льдами, и изредка встречающиеся среди них острые скалы, отражавшиеся в глубоких водах фиордов, как свежие раны, свидетельствовали о внезапных разломах.

И все эти заливы, острова, реки, плавание по которым было опасным из-за сильных приливных течений, эти берега, усеянные тюленями, заросшие лесами, где кругом сновали индейцы, надеющиеся продать свои меха судам, заплывающим сюда летом; весь этот огромный район вокруг Французского залива, похожий на миниатюрное Средиземноморье, эта пустыня, этот рай, этот ведьмин котел, сужающийся все сильнее и сильнее по мере того как человек проникал в глубь него все дальше и дальше, пока не достигал крайней точки, где жили братья Дефо, Марселина-ла-Белль со своими десятью детьми, Гонтран-ле-Жюне, зять старого Никола Пари, и горстка других жителей, барахтавшихся в болотах Чинекто, которые продавали корзины с торфом под проклятия, щедро расточаемые им за их дикую, безбожную жизнь отцом Жаном Руссе, — вся эта крошечная частичка Американского континента уже имела свою собственную историю. Эта история, полная боли и печали, повторяла ее всю, с ее жестокостью, первозданностью, с ее неизведанными просторами и затерянными вдали горизонтами.

Жоффрей де Пейрак опустил взгляд на овальную бухточку, где виднелась крошечная отсюда шебека с удлиненными, резко очерченными линиями.

Это суденышко было построено под его собственным наблюдением в Киттери в Новой Англии, стоявшем на реке Пискатакуа в штате Массачусетс, который был уже старым портом. Что осталось теперь, подумал он, от этой оживленной верфи? Вероятно, одни только тлеющие угли? Вновь вспыхнувшая индейская война несла всем неисчислимы бедствия.

Птицы начали с шумом кружиться, поднимаясь вверх, что означало приближение одного из хозяев и властелинов здешних мест — тумана... Жоффрей де Пейрак сложил подзорную трубу и присоединился к своим компаньонам, которые прятали носы в воротники, пытаясь защититься от леденящего холода.

Он сел рядом с ними, закутавшись в свой огромный плащ. Дикий ветер пригибал разноцветные перья их плюмажей, и внезапно подкравшийся в тишине туман, чьи волны, похожие на кольца дыма, уже за клубились над розовыми склонами горы, окутал их и поглотил в своих таинственных недрах. Так тяжело было его дыхание, что даже ветер стих и исчез с последним шепотом, и на какое-то время воцарилась полная тишина. Белые люди, одни во всей не видимой теперь вселенной, сидели, словно в облаках, над исчезнувшим миром.

— Ну, мессир д'Урвилль, мне кажется, что вы собираетесь подать мне прошение об отставке с поста губернатора Голдсборо? — сказал Пейрак.

Нормандский дворянин вспыхнул, потом побледнел и посмотрел на графа взглядом, в котором читалось признание способностей Пейрака читать самые сокровенные мысли других людей. Но на самом деле в этом предположении не было ничего удивительного или зловещего, поскольку за несколько дней до этого Пейрак сам видел, как губернатор рвал на себе волосы от отчаяния перед вставшими перед ним трудностями.

По его словам, в Голдсборо было теперь слишком много людей. Со всеми этими гугенотами, рудокопами, пиратами и моряками всех национальностей он совсем запутался, перестал понимать, что к чему, и вряд ли на что-то способен. Где были те старые добрые времена, когда он, почти единственный человек, распоряжающийся в этой пустынной местности, мог посвятить себя прибыльной торговле мехами с индейцами и редкими кораблями, отваживающимися заходить в гавань, тогда еще неблагоустроенную и труднодоступную?!

Теперь все начало походить на континентальную ярмарку, и он, д'Урвилль, нормандский дворянин с мыса Котентин, не имел времени даже на то, чтобы оказать внимание своей прелестной жене, дочери местного вождя абенаков-какоу, или на то, чтобы под предлогом посещения того или иного соседа — француза или англичанина — отправиться для разнообразия в плавание по бурному океану и наслаждаться всеми прелестями такой прогулки.

— Монсеньор, — воскликнул он, — бога ради, не подумайте, что я не хочу больше служить вам. Я всегда буду здесь, всегда буду готов подчиниться вашим приказам и прийти к вам на помощь, всегда буду к вашим услугам, если речь пойдет о том, чтобы атаковать ваших врагов, защищать ваши владения пушками и даже шпагой, командовать вашими солдатами и моряками, но я должен честно признаться, что оказываюсь не на высоте в ситуациях, где замешаны Дьявол, Святые и Писание. Ваши гугеноты — трудолюбивая, мужественная, способная, предприимчивая публика и дьявольски хорошие торговцы, но и дьявольски способные нарушители спокойствия, настоящие смутьяны. Да, они превратят Голдсборо в прекрасный, хорошо организованный город, но мы никогда не дождемся конца всей этой

болтовни, потому что никогда не узнаем, каким законам мы должны, по их мнению, следовать. Чтобы ни сделали с ними в Ла Рошели, но эти люди, если можно так выразиться, были настолько изуродованы, что перестали чувствовать себя подданными короля Франции. Стоит хоть одному французу, на шее которого висит медальон с изображением Святой Девы, приблизиться к ним, как они начинают поднимать шум и отказывают ему даже в глотке воды. Мы неплохо ладили друг с другом этой зимой и провели много часов за болтовней у огонька во время штормового сезона. Я и сам немного вольнодумец — прошу прощения, отец, — и не особенно рисковал оскорбить их своими молитвами. И мы славно дрались вместе, когда нам пришлось выступить против этого пирата Золотой Бороды. Но именно потому, что я знаю их слишком хорошо, я и не чувствую в себе достаточно дипломатических способностей для того, чтобы сохранять равновесие среди всей этой невообразимой путаницы религий, национальностей и еще вдобавок этих пиратов.

Жофfrey де Пейрак молчал. Он думал о своем друге, капитане Жесоне, преследуемом гугеноте, который в Средиземноморье свыкся с латинским темпераментом. Этот человек мог бы сотворить чудеса там, где отступал д'Урвилль. Но Жесон был мертв, так же, как в замечательный ученый Абдэль-Мехрат, который тоже мог бы помочь ему. Д'Урвилль, этот веселый и умный человек, отказывался от своего поста не из трусости и даже не из лени, хотя та жизнь, которую он вел здесь прежде, позволявшая ему наслаждаться полной свободой, и выработала в нем определенное легкомыслие и беззаботность.

Младший сын в семье, он не получил никакого профессионального образования, если не считать умения владеть шпагой и ездить верхом, и, едва умея читать, прекрасно сознавал свои недостатки. Он убил

на дуэли человека и, спасая голову от плахи, которая угрожала ему по законам, введенным кардиналом Ришелье, бежал в Америку. Ничто, кроме этого, не могло бы привести его сюда, поскольку он не имел представления о какой-либо иной жизни, кроме жизни парижских таверн и картежных притонов.

К счастью для него, он был родом с полуострова Котентин, этого рожка улитки, высовывающегося с Французского побережья в сторону Англии, который можно было считать почти островом благодаря одиночеству его диких побережий, перелесков и песчаных пустошей.

Воспитанный в старом замке на мысе де ла Хагуа, д'Урвилль любил и понимал море, взрастившее его. Он мог творить чудеса с маленьким флотом Голдсборо, увеличивающимся с каждым годом, держа его в своей руке крепкой хваткой, но Жоффрей де Пейрак понимал, что с его плеч, действительно, нужно снять ношу, которую он считал для себя непосильной.

— А как вы, мессир Ванрейк? Если вы устали мериться силами с испанцами, не прельщает ли вас честь стать вице-королем в здешних широтах?

— Возможно!.. Но только тогда, когда я приобрету себе деревянную ногу. Мне кажется, я предпочел бы это продаже репы и кокосовых орехов где-нибудь на улицах Тортуги... Но, кроме шуток, мои сундуки еще недостаточно полны. А нужно быть очень богатым человеком, чтобы иметь влияние на население, которое состоит из авантюристов и гугенотов. Я и так уже вызвал среди гугенотов настоящий скандал со своей Инес. Вы видели Инес?

— Я видел Инес.

— Разве она не очаровательна?

— Она и в самом деле очаровательна.

— Понимаете, я, наверное, еще не могу порвать с этим прелестным созданием. Но позже... Мне эта мысль

кажется интересной... Ведь вот вам Морган, величайший пират и грабитель наших дней, а сегодня он — губернатор Ямайки, и смею вас заверить, что он не шутит там со всем, что касается закона и порядка, и даже принцы обнажают перед ним голову... Я чувствую, что и я из той же породы. Вы знаете, я не так уж глуп, как кажусь на первый взгляд!

— Именно поэтому я и не поколебался сделать вам это предложение...

— И я чрезвычайно польщен им, мой дорогой граф, я в самом деле просто польщен... Но позже, позже! Понимаете, я еще не перебесился, если даже мне и суждено это немного погодя!

Глава 37

Туман начал рассеиваться. Жоффрей де Пейрак поднялся и снова вернулся на площадку на вершине горы.

— Вы надеетесь увидеть Золотую Бороду, притаившегося в каком-нибудь уголке? — спросил его д'Урвилль.

— Возможно.

Но что он искал на самом деле, что надеялся увидеть в этом лабиринте из воды и суши, простиравшемся у него под ногами? Его привело сюда не столько логическое размышление, сколько какое-то смутное, но достаточно сильное шестое чувство.

«Человеке жемчугом»... Человек, которому он подарил на берегу Кеннебека эти розовые жемчужины, этот человек, солгавший ему, — был ли он сообщником Золотой Бороды? И тот таинственный корабль — был ли он кораблем этого пирата? И почему кто-то дважды пытался обмануть его насчет того, что случилось с Анжеликой?

Были ли случайными эти «ошибки»? Он не верил в такое. Чтобы послания, передаваемые из уст в уста, не доносились с величайшей точностью — редчайший случай на море. Особые отношения братства, существующие между всеми моряками, родство их душ и надежд требовали безусловной четкости. Так откуда же эти внезапные, повторяющиеся обманы? Какая новая опасность таилась за ними?

С залива налетел еще один порыв ветра, рассеявший туман до самого горизонта. Ясное голубое небо опрокинулось над морем, как выпуклая причудливая раковина, обрамленная перламутром.

Жофfrey с трудом начал продвигаться вперед, шаг за шагом преодолевая сопротивление воздушного потока, как будто чью-то враждебную силу, и, добравшись до края плато, лег на камень, чтобы меньше чувствовать натиск ветра.

Не отрывая от глаз подозрительной трубы, он методично осматривал усеянный островами морской простор.

Там он видел суденышко, стоящее на якоре, там — целую флотилию индейцев, переплывающих проливы, здесь — два шлюпа ловцов трески и немного подальше, с подветренной стороны островка, сами рыболовные суда.

Их команды сошли на берег, и он мог разглядеть дымок, поднимающийся с того места, где они разводили смолу, варили еду или коптили мясо.

Он продолжал исследовать открывшуюся перед ним панораму и постепенно начал ощущать, что неровные гранитные выступы впиваются ему в грудь, причиняя довольно сильную боль.

Найдет ли он то, ради чего пришел сюда, на эту оголенную, продуваемую всеми ветрами гору?

На западе виднелась только что показавшаяся в просвете между облаками цепь голубых гор, резко вырисовывавшихся на фоне неба, и их цвет был действительно таким ярко-голубым, что залив у подножия носил то же самое название: залив Голубой горы.

Может быть, где-то там, за ними, была в опасности Анжелика?

«Анжелика! Анжелика! Жизнь моя!»

Лежа здесь, на голой скале, он вдруг воззвал к ней в неудержимом порыве чувства, стремившегося преодолеть эти бесконечные расстояния. Она вдруг стала чем-то далеким и бесплотным, но в то же время ощутимо живым, теплым и привлекательным, как могла быть привлекательной только она одна.

«Анжелика! Анжелика! Жизнь моя!»

Ветер со свистом обрушивался на него, и казалось, что он свирепо шипит:

«Он разлучит вас! Вот увидите! Вот увидите!»

Это предостережение, сделанное Пон-Брианом, человеком, которого он убил за то, что тот пожелал Анжелику, неумолимо шелестело в его ушах: «Он разлучит вас... вот увидите!»

Охваченный внезапно нахлынувшим чувством боли и тревоги, он бессознательно поднес руку к груди, но потом, овладев собой, подумал:

«Но чего я должен бояться? Завтра, самое позднее послезавтра она будет здесь... Анжелика уже не юная, неопытная и незащищенная женщина. Она не раз доказывала мне, что жизнь не способна согнуть ее. Она может справиться с любой трудностью и разве не доказала это еще раз, бог знает каким образом избежав этой странной ловушки в Брунsvик-Фэлсе?.. Да, она воистину из породы воинов и рыцарей, моя бесстрашная! Можно подумать, что опасность делает ее только сильнее, энергичнее и проницательнее... и еще прекраснее... Как будто от этого только сильнее расцветает ее невероятная жизнеспособность!.. Анжелика! Анжелика! Мы справимся со всем этим, любовь моя, не правда ли? Мы оба... Где бы ты ни была, я знаю, что скоро мы опять будем вместе...»

Он вздрогнул. Все это время, пока его ум был занят раздумьями, он продолжал блуждать рассеянным взглядом по расстилавшейся перед ним панораме и теперь случайно заметил нечто необычное среди лабиринта островов — оранжевый флаг, развевающийся на мачте судна, полускрытого деревьями одного из островков. Он долго лежал без движения, замерев, как охотник, отслеживающий дичь, и не отрывал от глаз подозрительной трубы. Потом встал, оценивая увиденное.

Он нашел то, что хотел разглядеть с вершины горы
Дезерт.

Глава 38

— Монсеньор! Монсеньор!

В тот момент, когда шебека графа де Пейрака огибала мыс Скуудик, его окликнул чей-то голос с французского рыболовного суденышка, плившего в нескольких кабельтовых от нее с подветренной стороны.

Стоя у поручней на корме, он узнал Жана Ле Куеннека, которого посылал найти Анжелику.

Немного погодя, как только оба судна бросили якоря у пристани Голдсборо, граф поспешил встретиться с Жаном.

— Говори же, парень! Говори скорее!

На лице Жана не было обычно присущего ему веселого выражения, и сердце Жоффрея де Пейрака сжалось от страшного предчувствия.

— Ты нашел мадам графиню? Почему она не с тобой? Ты опередил «Рошеле»?

Несчастный Жан опустил голову. Нет, он не видел «Рошеле». Да, ему удалось встретиться с мадам графиней после того как он пересек район устья Андроскоггина, где все было выжжено и разграблено индейцами. Он нашел ее на берегу залива Каско.

— Все это я знаю... Кантор уже рассказал нам. Он отправился, чтобы забрать их.

— Увы! Слишком поздно! — сказал Жан, едва не плача. — Кантор не найдет ее там, потому что Золотая Борода взял мадам графиню в плен как заложницу.

И, желая смягчить эффект от своих жестоких слов, торопливо прибавил, что, по его мнению, мадам графине не угрожает никакая опасность. Она умеет постоять за тебя, а у этого необыкновенного пирата как будто вполне приличная команда. У графини хватило

хладнокровия помочь ему убежать я подходящий момент, чтобы он, Жан, мог сообщить о том, что с ней случилось.

И он рассказал им об обстоятельствах своего побега.

— Я бросился бежать, и, к моему счастью, они не выслали за мной погоню. Весь день я пробирался вдоль побережья, а вечером, когда добрался до бухты, мне посчастливилось обнаружить там пришвартовавшееся французское рыболовное судно. Его команда запасалась свежей питьевой водой. Они взяли меня на борт и согласились свернуть со своего курса, чтобы поскорее доставить меня сюда.

Смертельно побледневший Жоффрей де Пейрак стиснул кулаки.

— Золотая Борода! Все время этот бандит! Он не уйдет от меня! Прошлый месяц он захватил главу моих наемников, а теперь в его руках моя жена! Какая оскорбительная наглость!

Он с тревогой подумал о Ле Галле и Канторе, которые теперь уже должны были достичь условленного места встречи, — только для того, чтобы увидеть, что там никого нет, или, что еще хуже, застать там этих опасных морских разбойников. Сможет ли Кантор, обнаружив, что его мать попала к ним в лапы, удержаться от искушения проявить преждевременную враждебность и начать военные действия? Впрочем, нет! Парень для этого слишком осторожен! В Средиземноморье он узнал все хитрости корсарского ремесла и несомненно ограничится тем, что будет держать корабль Золотой Бороды под неотступным наблюдением, пытаясь одновременно установить контакт с отцом.

К несчастью, «Голдсборо» в течение еще двух дней не сможет быть пригодным для погони и сражения. Но если они поработают над ним всю мочь, то на

следующий вечер, возможно, смогут выйти на нем в море в сопровождении шебеки, которая будет оборудована двумя пушками, и корабля Ванрейка. Надо надеяться, что такая демонстрация силы будет достаточной для того, чтобы убедить этого пирата в необходимости переговоров.

Жофfrey де Пейрак повернулся и опять направился к Жану.

— А что еще ты не осмеливаешься сказать мне?.. Что ты скрываешь?

Его пронизывающий взгляд ни на секунду не отрывался от Жана, который в ужасе затряс головой.

— Нет... монсеньор, клянусь вам... Клянусь вам на образе Святой Девы и Святой Анны... Я сказал вам все, все... Почему?.. Почему вы думаете, что я что-то скрываю?

— С ней что-то случилось? Она ранена, не так ли?.. Или больна?.. Говори...

— Нет, монсеньор, я никогда не посмел бы скрыть от вас такое несчастье... Мадам де Пейрак, действительно, прекрасно себя чувствует... Она ухаживает за другими... Она и осталась там из-за больных и раненых... Она даже зашила живот одному из этих четырех вонючих негодяев, тому самому, который ее предал.

— Да, я это знаю...

Острые глаза Пейрака внимательно изучали открытое лицо моряка, который за последнюю зиму стал его соратником и другом. Ни ирокезы, ни призрак голода не могли заставить его затрепетать. Но сейчас Жан трепетал с головы до ног. Пейрак обмял молодого человека за плечи.

— В чем же дело?

И Жан почувствовал, что вот-вот разразится слезами, как ребенок. Он опустил голову.

— Я проделал длинный путь, — пробормотал он. — И не так-то легко было не попадаться на глаза дикарям,

которые вышли на тропу войны.

— Это верно... Ну что ж, иди отдохни. Около форта есть теперь нечто вроде таверны, которую содержит мадам Карер с дочерьми. Там вкусно кормят, и начиная с сегодняшнего дня они смогут предложить посетителям кларет, только что привезенный из Европы. Иди подкрепи свои силы и будь готов отправиться со мной уже завтра, если только погода будет нам благоприятствовать.

Граф Пейрак и Роланд д'Урвилль вызвали Маниголя, Берна, пастора Бокера и еще кое-кого из лиц, наиболее значительных среди гугенотов, в одну из комнат форта, служившую им палатой совещаний; кроме того, был приглашен Ванрейк и его лейтенант, капитан «Голдсборо» Эриксон и отец Бор.

За спиной графа стоял дон Жуан Альварец, командир его маленькой испанской охраны, — темная, угрожающая фигура, стерегущая его безопасность.

Жоффрей де Пейрак кратко сообщил присутствующим о недавних событиях. То обстоятельство, что его жена, графиня де Пейрак, попала в руки врага, заставляло их соблюдать величайшую осторожность и предусмотрительность. После многих лет, проведенных на Карибском море, они знали, на что способны джентльмены удачи, знали их уловки и приемы, и Жиль Ванрейк подтвердил общее мнение, сказав, что мадам де Пейрак не грозит дурное обращение до тех пор, пока она будет иметь цену как заложница. Ни одна знатная дама, будь она испанка, португалка или француженка, никогда не могла пожаловаться на плохое обращение тюремщиков, пока ожидала выплаты щедрого выкупа, который должен был обеспечить ей свободу. Говорили даже, что некоторые из них не очень спешили вырваться из плена, особенно если захвативший их пират обладал недурной внешностью. Но не менее хорошо было

известно и то, что, когда пираты подвергались настойчивому преследованию, были вынуждены вступить в бой, садились на мель или разочаровывались в своих надеждах на выкуп, они без всяких колебаний выполняли свои угрозы по отношению к пленницам.

Они не должны были забывать также о том, что в случае внезапного нападения Голдсборо мог теперь рассчитывать только на наземную оборону. Поэтому перед выступлением экспедиции нужно было поделить имеющиеся боеприпасы поровну между всеми.

В этот момент испанский часовой просунул в дверь испуганную голову в черном стальном шлеме и прокричал:

— Экселенц, там вас кто-то спрашивает.

— Человек.

— Пусть войдет!

На пороге появился хорошо сложенный, обросший бородой человек, насквозь промокший и не имеющий другой одежды, кроме изодранных матросских штанов.

— Курт Риц! — воскликнул Пейрак.

Вновь прибывший был «другим» заложником Золотой Бороды, швейцарским наемником, которого Пейрак пригласил к себе на службу в качестве офицера-вербовщика во время своего посещения Мериленда. Жители Голдсборо тоже узнали его, потому что он в мае прибыл сюда с солдатами, нанятыми им для графа де Пейрака. Он уже собирался выступить вместе с ними в глубь страны, когда однажды вечером его захватили врасплох люди Золотой Бороды, который затаился где-то среди островов, подготавливая осаду Голдсборо. Это случилось незадолго до решающей битвы, вынудившей пирата спасаться бегством, и все опасались, что Курт Риц может дорого заплатить за это поражение. Но он был здесь и, по всей видимости, в добром здравии, хотя и утомленный длительным путешествием.

Пейрак дружески схватил его за плечи.

— Грюс готт! Ви гейт ес мит инен, либер герр? Я беспокоился о вас.

— Мне наконец-то удалось бежать с этого проклятого судна и от этого проклятого пирата, монсеньор.

— Когда это произошло?

— Около трех дней назад.

— Трех дней, — задумчиво повторил Пейрак. — Это случилось в то время, когда судно Золотой Бороды стояло на якоре в северной части залива Каско у мыса Макуойт?

— Мсье, вы, должно быть, обладаете вторым зрением! Я и в самом деле слышал именно это название от членов его команды. Мы бросили якорь на рассвете... Потом начались бесконечные переезды с корабля на землю и обратно, в общем, какая-то суматоха. Под вечер я заметил, что каюта, в которой меня содержали, была как следует не закрыта. Юнга, приносивший мне скудный рацион, забыл запереть ее на висячий замок, так что мне нужно было только дождаться глубокой ночи, чтобы выбраться наружу. Я оказался на корме, прямо под кормовой палубой, и все вокруг было тихо и безлюдно. Я видел огни, горевшие на побережье, и похоже было, что команда веселится на берегу. Луны не было, так что я поднялся вверх, на кормовую палубу. Потом, цепляясь за резные украшения, спустился до балкона капитанской каюты, нырнул в воду и ухитрился добраться до ближайшего островка. Там я переждал некоторое время, чтобы убедиться, что никто не поднял тревоги, потом наметил себе еще один остров, подальше, и рискнул попытать счастья, хотя я и плохой пловец. К рассвету я до него добрался. На западном берегу его скрывалась несколько английских беженцев, но я не присоединился к ним, а ждал на восточном берегу среди скал. Днем я увидел несколько индейских пирога, проплывавших мимо, в которых сидели

тарратины, эчемины и себаго, направлявшиеся на север. С их поясов свисали скальпы. Я просигналил им и показал распятие, висящее у меня на шее. Вы знаете, мы ведь католики, там, в верховьях Роны. Они взяли меня к себе на борт и высадили где-то около устья Пенобскота. Потом я шел, шел дни и ночи напролет и, не желая огибать кругом каждый фиорд, переплывал некоторые из них, так что меня едва не унесло в морс высоким приливом... Но, как бы там ни было, я здесь.

— Слава богу! — воскликнул Пейрак. — Мсье Берн, нет ли у вас под рукой бутылки с добрым вином, чтобы подбодрить этого величайшего мореплавателя бывших Лесных штатов?

— И в самом деле есть.

Мастер Берн вынул из стола бутылку кларета и оловянный бокал.

Человек осушил вино одним глотком. Соленая вода вызвала у него нестерпимую жажду, но он давно ничего не ел, и крепкое вино сразу бросилось ему в голову так, что кровь прилила к лицу.

— Ах! Ес шмект прима. Айн файнер вайн! Меня так накачало на волнах, что теперь голова идет кругом.

— Вам повезло, — сказал кто-то. — Вот-вот должны были подуть сильнейшие равноденственные ветра, но вы их избежали.

Швейцарец налил себе второй бокал и явно развеселился.

— А моя добрая алебарда еще у вас? — спросил он. — Ее не было со мной, когда я гулял среди скал на берегу и эти проклятые негодяи набросились на меня.

— Она все еще здесь, на стойке, — сказал Маниголь, показывая на ряд крючьев вдоль стены, удерживающих копья и пики различных размеров, среди которых выделялась самая длинная пика, украшенная восхитительным стальным цветком чертополоха, этой эмблемой швейцарского оружия, элегантная выделка

которого так долго маскировала его смертельную силу, которую оно имело в руках швейцарца, — его изогнутое лезвие, предназначенное для захватывания и подтаскивания, его острый край, способный снести прочь человеческую голову, его острие, пронзающее сердце и внутренности.

Курт Риц со вздохом схватил свою пику.

— А! Вот она наконец-то! Сколько горьких, бесконечных недель я провел на борту этого судна, кусая себе ногти от отчаяния! А что стало с моими людьми?

— Они в форте Вапассу.

Пока они смотрели на него, им всем пришло в голову, что он, должно быть, бежал в тот самый день, когда Золотая Борода взял в плен Анжелику де Пейрак. Видел ли он ее? Заметил ли он жену графа де Пейрака? Но какое-то смутное чувство, похожее на дурное предчувствие, удержало всех, в том числе и самого Пейрака, от расспросов на эту тему.

— Они дурно с вами обращались? — нерешительно спросил его Пейрак.

— О, нет! Золотая Борода совсем не отъявленный бандит, он добрый христианин. Его люди молятся на палубе каждое утро и вечер. Но он жаждет вашей крови, мессир граф, потому что, как он утверждает, земля Мэна, где вы обосновались, принадлежит ему; и он и его люди явились сюда для того, чтобы основать здесь колонию... Ему и его людям были обещаны женщины Голдсборо, про которых ему сказали, что они из ссыльных каторжанок.

— Какая наглость! — вскричал Маниголь.

— Поэтому он был чрезвычайно изумлен сопротивлением, которое ему оказали, и захватил меня только для того, чтобы вступить в переговоры с вами, ибо он упрям, как мул. После того как эти господа угостили его раскаленными ядрами, он отправился на

один из островов в заливе Каско, чтобы отремонтировать корабль, но он вернется.

Курт Риц выпил еще раз. Теперь она начинал приходить в прекрасное расположение духа.

— О! Я много мог бы рассказать вам о Золотой Бороде. Я разговаривал с его моряками и с самим Золотой Бородой, потому что он грубый, но честный, да, честный человек. Издалека он производит устрашающее впечатление, но у него вполне достойные намерения. И во всем этом замешана женщина... его любовница... Это она встретилась с ним у мыса Макуойт. Должно быть, именно она и затеяла все это дело, потому что она выглядит настоящей шлюхой. Это одна из тех женщин, которые без единой ошибки складывают цифры на листе пергамента, наполняют свои сундуки деньгами и отправляют парня на войну, чтобы наполнить их еще раз. Но они стоят того, эти шельмы. Прекрасны, как Венера, и умны к тому же. И тот мужчина, который не согласится с радостью отдать за них жизнь, должен не любить ни жизнь, ни любовь. Любовница Золотой Бороды из этой породы женщин... и так же красива... Весь корабль охватило возбуждение, когда она появилась на его борту. Она француженка. Она ждала его там, на мысе Макуойт. Ее глаза похожи на озера с водой, вырывающейся из-под скал, а ее волосы — как сноп солнечных лучей. Это благодаря ей я сумел бежать в ту ночь, потому что Золотая Борода выдал каждому из своих людей по три пинты рома, чтобы отпраздновать это событие... а что касается его самого...

Курт Риц откинул голову в приступе беззвучного смеха, потом осушил еще один бокал вина.

— Он... я никогда бы не подумал... Он сходит из-за нее сума... Я видел их сквозь щели в стенах моей каюты, когда они шли по палубе; он держал ее за руку и смотрел на нее... смотрел на нее...

Вино затуманило ему голову, и он бормотал и бормотал, не обращая ни малейшего внимания на всеобщее молчание и нисколько не удивляясь тому, что они, видимые им словно сквозь дымку, стояли так, как будто приросли к земле, без тени улыбки на суровых, застывших лицах.

— А имя этой женщины? — спросил, словно выстрелил, граф, но его голос, казалось, доносился из какой-то окутанной ватой вселенной. Все присутствующие были охвачены чувством паники и отчаяния, желанием бежать отсюда. Голова Курта Рица болталась из стороны в сторону.

— Вайс ништ! Все, что я знаю, что она француженка... и что она прекрасна! Вот это я знаю! И что она довела его до предела, этого Золотую Бороду, просто до точки... Я ИХ ВИДЕЛ... той ночью в каюте, через кормовое окно... Окно было открыто... Я спустился так низко, что мог заглянуть в него... На столе горела свеча, и я их увидел... Женщина была обнаженной в объятиях Золотой Бороды... Это тело богини... с волосами, рассыпавшимися по плечам... При дневном свете я решил, что они золотые, но тут понял, что они были, как лунный свет... Поток серебряного сияния... как у феи... В этой женщине есть что-то такое, чего нет больше ни у кого, что-то чудесное... Я хорошо понимаю, почему он сходил с ума из-за нее, этот пират. Я не осмеливался прыгнуть в воду, потому что окно было открыто... Люди могут обладать острым слухом даже тогда, когда они заняты любовью, а ведь Золотая Борода — капитан... он всегда начеку... Я должен был немного подождать...

Он говорил и говорил. Теперь уже он был совершенно пьян и продолжал рассказывать, не проявляя ни малейшего удивления по поводу давящей тишины, установившейся в комнате, не понимая, что есть что-то странное уже в том, что ему позволяют

продолжать в таком духе, расписывая и смакуя каждую подробность любовной сцены.

Он продолжал, мотая головой из стороны в сторону;
— Откуда она взялась, эта женщина? Не знаю. Она встретилась с ним там... Ее имя... Погодите, одну минуточку, мне кажется, я припоминаю. Я слышал, что, обладая ею, он называл ее: «Анжелика! Анжелика!» Это имя ей очень подходит.

Наступила жуткая тишина, и вдруг Курт Рид, выронив алебарду, начал, шатаясь, отступать к стене, пока не уперся в нее, внезапно протрезвевший, со смертельно побледневшим лицом и вытаращенными глазами, не отрывавшимися от Пейрака.

— Не убивайте меня, мессир!

Однако никто не пошевелился. Не шевельнулся и граф Пейрак, который продолжал стоять перед ним прямой и невозмутимый как всегда. Но в его глазах светилось что-то ужасное, и Курт Риц увидел в этом черном взгляде свою смерть. Как человек, привыкший к полю боя, он безошибочно чувствовал, что она нависла над ним. И теперь, полностью протрезвев, сам не зная почему, он смотрел на Пейрака и знал, что находится в смертельной опасности.

И в тот же самый момент он с жутким прозрением понял, что все участники этой непостижимой для него самой драмы, все те, кто стояли здесь, как тени, в нереальной, неземной тишине, предпочли бы оглохнуть, онеметь, ослепнуть или оказаться в шести футах под землей, лишь бы не переживать такое в этих четырех стенах.

Он с трудом сглотнул.

— В чем дело, господа? — почти простонал он. — Что я такое сказал?

— Ничего!

И снова голос его господина донесся как будто из другого мира.

— Ничего, за что бы ты мог упрекнуть себя, Риц... А теперь иди, тебе надо отдохнуть... Через несколько дней ты встретишься со своими людьми в форте Вапассу в Аппалачах.

Швейцарец, пошатываясь и спотыкаясь, направился к дверям, и, как только он вышел, все остальные поспешили молча последовать его примеру, и каждый из них, уходя, низко кланялся властелину Голдсборо, как кланялся бы, прощаясь с королем Франции.

Выйдя наружу, они надели шляпы и в молчании разошлись по домам. Все, кроме Жилия Ванрейка, который отозвал в сторону д'Урвилля и сказал:

— Объясните, ради бога...

Глава 39

Жоффрей де Пейрак повернулся к Жуану Фернандесу.

— Пришлите ко мне сюда Жана Ле Куеннека.

Когда Жан вошел в комнату для совещаний, граф был уже один. Он стоял, склонившись над картой, которая как будто занимала все его внимание.

Густые волосы, тронутые на висках сединой, наполовину скрывали лицо, склоненное над картой, а опущенные веки не позволяли видеть его взгляд.

Однако, когда он выпрямился и его взгляд упал на Жана, парень вздрогнул, чувствуя, как в него заползают холодной змеей беспокойство и страх.

«В чем дело? Что случилось с моим господином? — подумал он. — Болен, ранен или получил какой-то удар? Похоже, что он получил какой-то внутренний удар... и смертельный».

Жоффрей де Пейрак обогнул стол и направился к Жану. Он казался таким спокойным и держался так прямо, что Жан начал думать, будто ему померещилось.

«Нет, ничего не случилось... И что я еще придумал?»

Жоффрей изучал его с пристальным вниманием, от которого ничто не могло ускользнуть. Жан был человеком среднего роста и едва достигал до плеча Жоффрея де Пейрака. Этот хорошо сложенный молодой человек с открытым, смелым выражением приятного лица все еще выглядел моложе своих тридцати лет, хотя полная приключений жизнь давно превратила его в ветерана, человека, готового ко всему. Но что касается Жоффрея де Пейрака, то это лицо французского кельта не представляло для него никаких секретов, потому что он мог читать по нему, как по открытой книге.

— А теперь, Жан, — мягко сказал он, — скажи мне то, что ты не посмел сказать мне раньше.

Бретонец побледнел и сделал шаг назад, тщетно пытаясь подобрать слова, в которых он мог бы выразить свой отказ. Охваченный ужасом, он уже знал, что ему нет спасения, ибо ему уже приходилось видеть, как добивается своей цели Жоффрей де Пейрак, если уж он поставил ее перед собой, если он вознамерился узнать правду о чем-то, что было подсказано ему его дьявольским шестым чувством. Он был похож на охотника, который не прекратит преследование и ни разу не сойдет со следа до тех пор, пока не загонит свою добычу.

— Что с тобой? Что ты не смог рассказать мне? Ты думаешь, я не вижу, как ты расстроен? Скажи мне, что случилось? Это случилось на мысе Макуойт, где ты расстался с графиней, не так ли? Что же ты мог увидеть, что могло случиться с тобой, чтобы ты так расстроился и растерялся?

— Но... я не... — Жан беспомощно пожал плечами. — Я рассказал вам все, что там случилось, монсеньор.

— Это случилось там, не так ли? Отвечай мне, это было там?

Бедный парень кивнул и закрыл лицо руками.

— Что ты видел? Что это было? Это случилось перед тем, как ты бежал?

Жан жалобно затряс головой.

— Хорошо, значит, это было после того, как ты убежал?! Ты сказал мне, что ты побежал. Ты бежал, потом обернулся и что-то увидел... Так, да? Что-то странное, что-то невероятное.

Как он догадался? В этом было что-то дьявольское. Жан дрогнул.

— Что это было, что ты увидел? — повторил неумолимый голос. — Что ты увидел, когда,

обернувшись, посмотрел на побережье, где ты ее оставил? Что ты увидел?

Потом Жан неожиданно почувствовал, как его шею сзади стиснула сильная рука, страшная рука, сдавившая его, как стальные тиски. Ему показалось, что он сломается пополам.

— А теперь скажи мне, — произнес тот же мягкий и угрожающий голос.

Потом, осознав, что молодой человек побагровел и задыхается, граф ослабил хватку, сделав попытку овладеть собой, и в его убедительном голосе прозвучала мучительная нежность.

— Скажи мне, мой мальчик... я тебя умоляю!

Соппротивление Жана было сломлено, и он упал на колени, хватаясь за дублет Жоффрея де Пейрака отчаянным жестом слепого.

— Простите меня, монсеньор. Простите меня!

— Расскажи мне об этом...

— Я бежал... я бежал... Я совершил побег в тот момент, когда Золотая Борода вышел на берег... воспользовавшись тем, что все смотрели на него... Мадам графиня предложила мне выбрать этот момент... Я бежал, бежал, потом обернулся, чтобы проверить, нет ли за мной погони... а повернулся к берегу.

Он с мукой взглянул на Пейрака.

— Она была в его объятиях, монсеньор! — воскликнул он, цепляясь за графа так, как будто эти страшные удары обрушивались на него самого. — Она была в объятиях Золотой Бороды... и они целовались, о! Простите меня, монсеньор, убейте меня... Они целовали друг друга, как любовники... как любовники после долгой разлуки...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 40

За три дня до этого в северной части залива Каско плыло суденышко. Один корабль среди многих и многих. Но море так огромно и острова на нем столь многочисленны, что казалось, будто это судно одно, как загнанное животное, пробирается вперед, постоянно рискуя столкнуться с предательской скалой или опасным течением. Наклоняясь в подветренную сторону, оно огибало полуострова, исчезало, сливаясь с тенью от скал, снова появлялось, освещенное яркими лучами солнца, иногда сопровождаемое ароматом заросших цветами берегов, иногда швыряемое вверх и вниз соленым шквалом.

На островах можно было разглядеть человеческие фигурки, бегущие по берегу, размахивающие руками и что-то кричащие. Встречались и другие лодки или большие корабли, затаившиеся в бухточках и заливах. Некоторые из них, плывущие около берега или занимающиеся рыбной ловлей у дальнего конца каких-нибудь скал, сразу же меняли курс, а другие вообще появлялись только после того, как суденышко проплывало мимо.

Оно было всегда совершенно одиноким в лабиринте, составленном из трехсот шестидесяти пяти островов залива Каско. Кораблик направлялся к югу от мыса Макуойт, следуя вдоль побережья.

Остаток предыдущей ночи, за время которого Анжелика тщетно пыталась придумать тысячу и один способ, как избавиться от Колена, совершенно измучил ее.

Утром он пришел к ней в каюту. Она все-таки уснула, но спала очень мало и теперь чувствовала себя усталой, разбитой, с тяжестью на сердце, но тем не

менее была полна решимости добиться, чтобы он отпустил ее на свободу.

Однако он предвосхитил ее требование.

— Следуйте за мной, мадам, — сказал он холодно.

Он был спокоен и сдержанно отчужден, производя внушительное впечатление со всем своим оружием, опять увещивающим его. Она вышла за ним на палубу. Некоторые члены его команды слонялись поблизости, делая вид, что заняты своими повседневными обязанностями, однако на самом деле им просто хотелось увидеть пленницу Золотой Бороды. Анжелика увидела суденышко, пришвартованное к корпусу корабля. Оно плясало вверх и вниз на волнах, соломенным тюком предохраняемое от столкновений с кораблем.

Это был английский шлюп — одна из тех больших лодок, которые постоянно снуют от залива к заливу, от деревни к деревне между Нью-Йорком и Пемакуидом или еще дальше. Его хозяин, угрюмый, могучего вида человек, был остановлен в это утро французскими флибустьерами с «Сердца Марии», и никто не знал, каково было его истинное отношение к добыче, которой они нагружали его суденышко. Но, привыкнув плавать в этих водах, он, должно быть, знал, что благоразумнее проявлять осторожность, когда имеешь дело с непрошеными гостями с Карибских берегов. Наклонившись вперед, Анжелика заметила множество пассажиров, занявших места на борту шлюпа, среди которых она узнала бульдожью физиономию преподобного Патриджа, преданное лицо мисс Пиджин, юного Сэмми Стафтона и Адемара, протестующие вопли которого наполняли удивительно прозрачный воздух, окрашенный зарей в нежные тона глицинии.

— Нет, каково! Снова попасть в руки пиратов! Нет, определенно можно сказать, что я просто коллекционирую несчастья!..

Деревянный брус, перегораживающий выход к трапу, был снят, и через отверстие была переброшена веревочная лестница.

— Так вот, — заметил Колен сдавленным голосом, стоя рядом с Анжеликой и обращаясь только к ней одной, — нам лучше расстаться, моя дорогая, не так ли? Шкипер этого судна говорит, что плывет в Пенобскот. Так что, если ветер будет благоприятным и он направится прямо на эст-норд-эст, вы будете там, самое большее, через четыре дня...

Несмотря на все его усилия, продиктованные добрыми намерениями, он не мог удержаться от фамильярного обращения с ней; и она поняла, что каждый раз, когда он ощущает ее близость, ему кажется, что они снова в пустыне, где он один во всем мире видит ее и заключает в объятия...

Она взглянула на него, пытаясь заставить его понять ее чувства — дружбу и благодарность.

Ее переполняла радость при одной только мысли о том, что всего через четыре дня она опять будет с Жоффреем и кончится весь этот кошмар.

Она сможет перевести дыхание и разобраться в своих мыслях и чувствах. Снова соединившись с мужем, услышав успокаивающие звуки его голоса, столь приятного ее слуху, она попытается понять что к чему. Они все обсудят вместе...

Лицо Колена исказилось, как от боли, когда он увидел сияющую улыбку, появившуюся на ее лице.

— Ах! Вы его любите, я вижу...

Но она почти не слышала его.

Она знала, что ни в коем случае не должна поддаваться волнению и должна бежать как можно скорее.

Нужно воспользоваться предоставленной ей возможностью, пока он не передумал. Она и так уже почувствовала, что ее сердце сжалось от смутного

чувства сожаления, оттого что она узнала его по характерному щедрому жесту, который он сделал, отпуская ее.

Анжелика взяла у одного из моряков свой дорожный мешок и небрежно перекинула его через плечо.

Она все еще была босая, но какое это могло иметь значение?! Зачем человеку башмаки на скользкой, неустойчивой палубе шлюпа? В последний момент она едва не спросила о Распоротом Брюхе — человеке, которому она сделала такую операцию, но вовремя удержалась от искушения, не желая задерживаться на корабле ни одной лишней минуты. Она отказалась от помощи человека, пытавшегося помочь ей спуститься по веревочной лестнице, весело крикнув:

— Спасибо, дружище, но знаете, мне довелось немало поскитаться по Средиземноморью.

Колен положил руку на ее плечо, не в состоянии удержаться теперь, когда наступил момент ей уходить. Он пристально смотрел на нее своими удивительно яркими голубыми глазами, которые все еще казались почти детскими на его грубоватом, с крупными чертами лице, обрамленном светлыми волосами и бородой, из которой он пытался сделать символ страха. Он пытался охватить взглядом ее всю, словно стараясь навечно запечатлеть в своей душе ее образ, как пытается человек запомнить мимолетное видение, тень, фантасмагорию, рожденную в его мозгу, и она как будто также перестала быть для него реальностью. Тем не менее она чувствовала, что он думает не только о своей всепоглощающей страсти к ней, но и о чем-то еще, о чем-то более неотложном, серьезном и имеющем отношение не ко внутреннему, а к внешнему миру, что, по-видимому,, занимало и мучило его. Дважды он был уже готов заговорить.

— Берегитесь, — прошептал он наконец, — берегитесь, мой ягненок,.. есть люди, которые не

желают вам добра! Отнюдь не добра!

После этого он отпустил ее, и она быстро соскользнула вниз по веревочной лестнице, оказавшись на носу суденышка в тот самый момент, когда его капитан оттолкнулся от корабля багром, совершенно не заботясь о том, что Анжелика, оступившись, едва не упала в воду.

Несмотря на это, она все-таки обратилась к нему с сердечным приветствием по-английски, единственным ответом на которое был взгляд, столь же выразительный, как у дохлой рыбы. Несомненно, это был еще один пуританин, который считал каждую молодую, смеющуюся и... взъерошенную женщину воплощением самого дьявола!

Анжелика счастливо уселась рядом с Адемаром и Сэмми, а молодой юнга тем временем распустил кливер и другие паруса, и капитан отвел свое суденышко от корсарского корабля, чтобы поймать ветер.

Так маленький шлюп «Белый бутон» начал лавировать между островами залива Каско, в одиночестве ныряя с гребня одной волны на другую, как прекрасная белая птица.

На борту судна, подобравшего Анжелику, французского солдата и английских беженцев, было еще три пассажира.

Среди них был коробейник из колонии Коннектикут, маленький негритенок, служивший ему помощником, и... медведь. Именно на медведя в первую очередь обратила внимание Анжелика, почувствовав на себе чей-то взгляд, мудрый, оценивающий и забавный, который неудержимо притягивал ее, хотя она сразу и не поняла, от кого он исходит.

Это был медведь. Она неожиданно заметила его под ложной кормовой палубой, где он лежал, устроившись, как в собственной берлоге. Уткнувшись своим чутким носом в лапы, он смотрел на нее крошечными

сверкающими глазками. Разносчик немедленно представил ей своего медведя:

— Мистер Виллоуби... И поверьте мне, миледи, я не мог бы пожелать себе лучшего друга, чем этот зверь.

Его самого звали Элиас Кемптон, и не прошло и часа, как Анжелика знала о нем буквально все. Родившись в Массачусетсе, он покинул маленькую колонию Ньютон в возрасте восьми лет вместе со своими родителями и еще сотней ее жителей. Следуя за своим пастором Томасом Хукером, который был недоволен суровой олигархией пуритан, они шли по лесу до тех пор, пока не вышли к реке с широкими, спокойными серыми водами — Коннектикуту. На ее берегах они основали Гартфорд, на месте которого раньше не было ничего, кроме маленькой голландской фактории. Теперь это был приятный городок, благочестивый и веселый, который жил за счет моря. Не так-то легко было возделывать землю на берегах такой реки, как Коннектикут, потому что ее течение так и манило спуститься вниз, к устью, к более плодородным почвам... Что и сделал Элиас в возрасте двадцати лет, захватив с собой мешок с товаром и своего медведя, Мистера Виллоуби.

— Я вырастил его, и мы никогда не расставались.

Он рассказал ей, что медведь сопровождает его во всех путешествиях, и ото иногда приводит к определенным осложнениям, но зато создаст непринужденную и веселую обстановку, которая благоприятно действует на покупателей, обычно весьма неохотно расстающихся со своими денежками. Медведь умеет танцевать и может показывать несколько фокусов, но лучше всего он проявляет себя в борьбе. Самые сильные парни в деревне обычно охотно вступают с ним в единоборство, и он, Прекрасный игрок, всегда вначале уступает им, но потом одним

дружеским, почти небрежным ударом могучей лапы сшибает с ног молодых драчливых петушков.

— Виллоуби... — задумчиво произнес преподобный Патридж. — Но мне кажется, я припоминаю пастора с такой фамилией, который живет где-то неподалеку от Уотертауна.

— Вполне возможно, — согласился разносчик. — Мой друг так походил на достойного проповедника, который когда-то одновременно пугал и смешил меня, что я дал ему его имя.

— Какое неуважение! — резко произнес Томас Патридж, оскорбленный до глубины души. Потом продолжил угрожающим тоном: — Вы могли навлечь на себя крупные неприятности...

— Коннектикут не Массачусетс, с вашего позволения, преподобный отец. Наши люди гораздо терпимее и обожают хороший смех.

— Это страна таверн, — проворчал пастор, — пьяниц от рождения.

— У нас свои порядки, и мы не путешествуем по воскресеньям, чтобы угодить Господу.

Явно довольный собой Элиас Кемптон извлек из своих карманов пачки табака, картинки, кружева и несколько маленьких часиков. У него было все, что только можно было придумать для того, чтобы вызвать интерес у обитателей самых далеких, заброшенных в глубь страны поселений (или, вернее, у их жен); и, путешествуя вдоль побережья вокруг каждого залива, вокруг каждой, самой маленькой, бухточки, он лучше, чем кто-либо другой, знал, что можно найти в одном месте и чего недостает в другом, от чего вспыхнут глаза одной молодой девушки и что вызовет презрительную гримасу другой, что очарует ребенка или старика или осветит сиянием чистой радости скромную бревенчатую хижину.

Он сообщил, что направляется на остров Бартлет, который лежит к востоку от Пенобскота, чтобы приобрести там окрашенную в необыкновенно яркие красные или синие тона шерстяную ткань, которой славится это место. Все дело в том, что овцы там пасутся на лугах, где растут сотни разнообразных цветов, а жители получают особый дубильный экстракт с кораблей, приходящих туда из Карибского моря.

— Но этот остров, должно быть, совсем рядом с Голдсборо, — заметила Анжелика, решив про себя, что тоже отправится на этот остров за покупками.

Элиас Кемптон знал Голдсборо понаслышке, но никогда не вел там дел, поскольку до сих пор там отсутствовали сто обычные покупатели — жены поселенцев.

— О, теперь там есть женщины, и я сама буду вашей первой покупательницей, — заверила его Анжелика.

Восхищенный коробейник упал на колени, но только для того, чтобы немедленно измерить ее ножку, так как он был еще и странствующим сапожником, и обещал ей сделать пару изумительных башмачков из самой мягкой кожи, со шнурками, заканчивающимися медными наконечниками, предохраняющими их от износа. На севере, на Лисьем острове, живет один старый шотландец, который выделывает для него необыкновенно мягкую кожу. Если, конечно, он застанет в живых всех этих англичан, потому что их вполне могли оскальпировать за это время индейцы.

Молчаливый капитан, преисполненный презрением к своим пассажирам, обращал все внимание на управление судном. И снова не кто иной, как покладистый коробейник, взял на себя труд сообщить новым спутникам, что вышеупомянутый шкипер отзывается на имя Джек Мервин. Он наткнулся на него в Нью-Йорке, и этот угрюмый, не располагающий к себе человек оказался великолепным моряком.

Джек Мервин и в самом деле направлял свое суденышко между коварными, сверкающими на солнце течениями и покрытыми пеной океанскими рифами с непринужденным, артистическим мастерством, которое знающему глазу казалось почти чудом.

Не считая нескольких маневров с кливером, которые он приказывал исполнить своему мальчику со светлыми, как пакля, волосам и, он управлял судном один, ухитряясь справляться одновременно и со штурвалом, и с большим квадратным парусом, иногда натягивая шкот большим башмаком.

Путешествие обещало быть довольно непродолжительным при условии, конечно, сохранения хорошей погоды. Но через несколько часов Анжелика с тревогой заметила, что их судно упорно направляется на юг. Она обратилась с вопросом к капитану, но он сделал вид, что не понял ее несовершенный английский. Тогда преподобный Патридж торжественно приказал ему отвечать, когда с ним говорят. Тот снизошел до ответа и, глядя в сторону, процедил краешком рта, что если кто-то желает выбраться из этого проклятого лабиринта островов залива Каско, не потеряв при этом ни своей жизни, ни своего судна, то лучше всего выбрать наиболее краткий маршрут и направиться к Портленду, а там попасть в течение, проходящее между Горным островом и островом Удобным, который чаще называют Белой Шляпой. До тех пор, пока Белая Шляпа не исчезнет из виду, нужно следовать вдоль побережья на юг, заключил он. Юный Сэмми широко раскрыл глаза, пытаясь увидеть знаменитую Белую Шляпу.

Шокированный недостаточным уважением со стороны английского моряка к нему, духовному лицу, преподобный Томас начал поглядывать на него с подозрением, бормоча недовольно, что он, вероятно, виргинец, а все члены этой колонии — висельники и

вообще подонки, и что они не должны приносить свои безбожные нравы в Массачусетский залив. Так он и продолжал бубнить в сторону, повествуя историю Виргинии мисс Пиджин, пока Адемар, уловивший кое-что из сказанного им, не начал скулить:

— Если этот парень каторжник, а он явно на него смахивает, он высадит нас на какой-нибудь необитаемый остров...

— В этих краях нет необитаемых островов, мой бедный друг, — успокоила его Анжелика.

И в самом деле, было странно испытывать такое полное, бескрайнее одиночество между небом и морем, между скалами и берегом и в то же время видеть вокруг себя пестрый калейдоскоп парусов, флотилий пирог, деревянных селений, верфей со скелетами строящихся рыболовных судов, идущий вдалеке караван больших кораблей, а на берегу — группы людей, то сидящих вокруг огня в ярких, кричащих нарядах и занятых варкой смолы, тюленьего или китового жира в огромных котлах, то суетящихся вокруг расстеленных на берегу сетей и корзин с крабами. Потом других, в черных остроконечных шляпах и черных камзолах, и их жен в черных или темно-синих платьях и белых чепцах, снующих между скалами в поисках моллюсков или собравшихся вокруг суповых горшков — единственного, что осталось от их домов.

В течение более чем полувека постоянное население архипелага залива Каско представляло собой пестрое сборище, состоявшее из шотландцев, ирландцев, англичан и даже французских гугенотов, к которому в рыболовные сезоны присоединялись флотилии рыбаков из Сен-Мало, Дьеппа или Бостона, китобои с Баскского побережья, а теперь, в эти трагические знойные июньские дни, еще и беженцы с побережья материка.

В сущности, весь залив кишел этими людьми, спасавшимися от индейцев. Повсюду сновали суда, нагруженные оловянными мисками и тарелками, библиями и старинными мушкетами. Начиная от низовьев Кеннебека и Андроскоггина, факелы абенаков повсюду оставляли за собой длинный хвост огня, и после Невехеваника запылали Брунсвик, Фрипорт, Ярмут, Фэлмут, Портленд и, еще дальше к югу, Сако и Биддефорд. Когда, уже под вечер, судно добралось до устья маленькой реки Презумпскот, расположенного в двух милях от Портленда, с берега донесся жуткий запах все еще тлеющего пепелища и разлагающихся трупов, к которому примешивался приносимый свежим бризом аромат разогретых на солнце сосен. Перед ними вырос небольшой островок, украшенный удивительным разнообразием вечнозеленой растительности, радующий глаз совершенством линий и красок. Сидящие в лодке пассажиры с опаской наблюдали за скалами, которые придвигались все ближе и ближе, пока их хрупкое суденышко не заплясало на волнах всего в нескольких кабельтовых от островка. Они то и дело бросали встревоженные взгляды на Джека Мервина, которого как будто ничто не касалось. Этот холодный человек плыл туда, куда вела его собственная прихоть.

В течение дня он часто подплывал вплотную то к одному, то к другому острову, и казалось, что судно вот-вот выбросит на берег. В этих случаях он внимательно разглядывал побережье, словно ища что-то или кого-то, и Анжелика начала думать, что он ищет знакомого среди беженцев, тем самым доказывая: сам он не из Виргинии. Иногда он окликал другое судно и расспрашивал, как далеко продвинулись индейцы вдоль побережья...

Глава 41

И здесь, у самого острова, он неожиданно убрал паруса, и судно начало бесцельно кружиться, постепенно увлекаемое прибоем все ближе к берегу. В лучах заходящего солнца, от которых вспыхивали зелеными и голубыми искорками сосновые иглы, остров казался короной из изумрудов. Несмотря на постоянный шум прибоя и ветра, им показалось, что до них доносится райское пение бесчисленных птиц.

— Это остров Макуорта, — сказал пастор, понизив голос, — рай индейцев. Берегитесь, — добавил он, поворачиваясь к владельцу судна. — Я не удивился бы, обнаружив, что остров наводнен дикарями. Они являются сюда из глубины страны через озеро Себаго и реку Презумпскот. Это их древний рай, как они говорят, и они не выносят присутствия здесь англичан. В прошлом году этот проклятый француз из Пентагуэта, барон Сен-Гастин, захватил его со своими дикарями. Объединившись с другими тарратинами, спустившимися сюда от Себаго, они вырезали всех сыновей старого Макуорта, а также семьи Ричарда Вина и Самюэля Эндрю; с тех пор остров стал безлюдным...

Не успел он произнести эти слова, как суденышко, обогнув небольшой мыс, вошло в бухточку, на берегу которой лежало множество пустых красновато-коричневых пирог. В золотистом вечернем свете эти хрупкие пироги из коры, пропитанной бальзамом и смолой, сверкали, как прозрачные надкрылья гигантских майских жуков. И в тот же миг на землю внезапно упала тьма. Это тысячи и тысячи птиц взвились с вершин деревьев в небо, закрыв его плотной щебечущей и кричащей завесой.

Онемев от ужаса, пассажиры маленького судна увидели тысячи краснокожих привидений, появившихся в просветах между стволами деревьев — бесчисленное множество индейцев с жутко раскрашенными физиономиями.

Все в лодке в единодушном порыве ухватились друг за друга, и позже Анжелика вспомнила, что прижала к себе не Сэмми, а Элиаса Кемптона, разносчика из Коннектикута. Лодка качалась на волнах, которые швыряли ее то туда, то сюда, но постепенно увлекали все ближе и ближе к берегу.

Анжелика в ужасе взглянула на Джека Мервина. Он, как человек, внезапно очнувшийся от дремоты, схватился за штурвал и, развернув парусе поспешностью, искупавшей его недавнее безрассудство, вырвал судно из предательского приюта. Но, сделав это, он по-прежнему не спешил удалиться от острова и, проплыв немного по прямой, развернул судно и вновь направился к острову Макуорта, держась на расстоянии, недостижимом для стрел, но тем не менее так близко к берегу, что можно было разглядеть каждую деталь воинственной раскраски индейцев.

Они увидели все сборище краснокожих, представляющих собой неподвижно застывшее, живописное, но жуткое зрелище, фоном которому служили деревья, ветви и скалы острова. Живое, клубящееся облако птиц у них над головами все еще создавало зловещие, наполненные страшным шумом сумерки. Джек Мервин продолжал изучать индейцев, плавая то туда, то сюда вдоль берега. Было ли это вызовом, или любопытством, или же провокацией? Нужно было обладать недюжинным умом, чтобы прочесть мысли Джека Мервина по выражению его лица.

Потом, сделав мальчику знак поставить кливер, он все с тем же безразличным видом взял курс на юго-

восток, наконец-то распрощавшись с островом Макуорта, этим легендарным раем индейцев.

Мало-помалу небо снова посветлело, и вскоре только несколько чаек продолжали упорно сопровождать их.

Анжелика дрожала почти так же, как и англичане. Она не знала, было ли это наваждением или просто почудилось ей, но она могла бы поклясться, что в этих жутких сумерках, внезапно свалившихся на них, она разглядела среди деревьев издевательски ухмыляющееся лицо сагамора Пиксарета.

— Вы — безрассудный человек, Джек Мервин, — резко заметил разносчик. — Вот уже три недели, как я путешествую с вами и мирюсь с вашими мрачными шуточками, но с меня хватит. Каждый раз, когда мы едва проскакиваем мимо какой-нибудь скалы или когда вы решаете отплыть от берега как раз в тот самый момент, когда разражается шторм, я думаю, что настал мой последний час... А бедняга мистер Виллоуби? Неужели вы не видите, что он чахнет от испуга? С него же свисает шкура. Он уже едва шевелится, он даже не может больше танцевать...

— Вот и прекрасно, если он не будет больше шевелиться, — проворчал Мервин, — Что хорошего можно ждать от танцующего на борту медведя?

И он сплюнул в волны с видом величайшего презрения.

Анжелика не смогла удержаться от смеха, что было естественной реакцией на пережитый испуг. Признаться, они были довольно живописным сборищем, разместившимся на борту этой скорлупки. Негритенок, закутанный в красный домотканый плащ, походил на огромную круглую редиску, а его белки, казалось, вылезают из орбит.

А где Адемар? Неужели он потерял сознание? Нет, он боролся с тошнотой, перегнувшись через борт судна.

Он никогда не мог переносить море.

— И пока вы разгуливали, как на параде, взад-вперед перед этим сборищем красных змей, Джек Мервин, — продолжал разглагольствовать коробейник, которому нужно было излить все, что накопилось у него в душе, — неужели вам ни разу не пришло в голову, что из-за какого-нибудь мыса может внезапно вылететь целая флотилия их пирог, которая захватит нас врасплох с тыла?

Но шкипер, по-видимому, на обвинения маленького человечка обращал не больше внимания, чем обратил бы на укол его иголки.

Под действием внезапно вспыхнувшего любопытства Анжелика пристальнее всмотрелась в шкипера. Из-под выцветшего красного шерстяного колпака свисали длинные очень темные волосы. У него было длинное лицо с неопределенными, неподдающимися точному описанию чертами. Цвет лица был характерным для мужчины европейского происхождения: ни слишком смуглым, ни красным, а лишь свидетельствующим об отменном здоровье и слегка загоревшим на морских ветрах.

Ему было лет сорок, может быть, года на два больше или меньше. Глаза у него были темные, похожие на ртуть, но тяжелые веки часто приглушали их блеск, что придавало ему безучастный, туповатый вид.

Он постоянно жевал табак и как-то по-особому сплевывал в море.

Его плечи, обтянутые грубой льняной рубашкой с открытым воротом и жилетом с роговыми пуговицами, были узкими, но сильными. Он носил штаны из драгета — грубой, невероятно прочной шерстяной ткани, предназначавшейся специально для моряков, — штанины которых едва заходили за колена. Его икры походили на связку канатов.

Анжелика подумала про себя, что этот Мервин ей не нравится, и Колен сделал не слишком удачный выбор, остановив столь необычную лодку. Но, возможно, у него просто не было другого варианта. Колен...

Золотая Борода! Она почувствовала, как ее сердце на мгновение сжалось то ли от стыда, то ли от страха. Этот день на море был так полон самыми разнообразными впечатлениями, что ее воспоминания о Колене несколько поблекли. В глубине души она была довольна, что все так кончилось, но поскольку теперь она чувствовала себя в полной безопасности, не опасаясь больше собственной слабости, ее женская натура, не признающая законов логики, временами заставляла ее испытывать то острое сожаление, то смутную печаль. Колен... Глубина его голубых глаз, опьяненных ее присутствием, сила его первобытного объятия. Что-то такое, что, она знала, принадлежало только ей одной. Ее тайна. Почему человек не может любить согласно велениям своего сердца и тела? Почему сила и качество ее любви должны быть связаны с таким трудным выбором? Как будто распыление чувств и таланта осуждает ее никогда не познать их в полной мере. Было ли это только иллюзией, оставшейся от ранних лет ее ученичества, или и на самом деле главный долг чести для женщины — хранить верность мужу? Не отягощает ли она себя бесполезными ограничениями? Если бы только она уступила Колену, какой восхитительный момент суждено было ей пережить... И Жоффрей никогда не узнал бы об этом.

Она почувствовала, что ее бросило в краску от собственных мыслей; и унижительно было уже то, что они могли возникнуть.

Она нетерпеливо потрясла головой, подставив ее ветру.

Она должна забыть... забыть во что бы то ни стало.

Остров Макуорта таял вдали и теперь, окутанный зеленоватой дымкой, более, чем когда-либо, походил на корону из изумрудов.

— Смотрите! Смотрите! Я вижу Белую Шляпу! — закричал маленький Сэмми.

Старый Белоголовый был огромным гранитным куполом, увенчивающим маленький Уютный остров.

Пресная вода, поступающая из глубины суши, постоянно сталкивалась с соленой водой океана, и в месте их соприкосновения рождалась обильная белая пена, швыряемая на ветер приливами и отливами. Ключья этой пены ложились на поверхность серой гранитной скалы и, высыхая, придавали ей вид огромной шляпы или головы старика с белыми кудрями.

При более внимательном взгляде можно было различить снежно-белый слой пены и не менее толстый слой отложений, остающихся от морских птиц, гнездящихся или просто сидящих на каждом удобном участке скалы. Они продолжали продвигаться вперед сквозь нечто, напоминающее снежный буран, обнаруживая под этим пушистым плюмажем кипучую жизнь, царившую на острове.

Можно было с полным основанием сказать, что в эти последние июньские дни, полные неистового, хотя и кратковременного цветения, каждый берег буквально кишит пуританами и тюленями, над которыми с радостным шумом носятся птицы. И каждый человек, пытающийся высадиться на сушу среди всех этих поморников, чаек, крачек и других представителей пернатого царства, каждый, пытающийся поставить свою ногу на скалистую поверхность, белую от пены или перьев, мог с равным успехом наткнуться на переваливающегося тюленя или на степенного пуританского священника, закутанного в женевский плащ.

Причем и тот, и другой были одинаково величавы, суровы и равно негодовали, обнаружив себя в подобной компании, намереваясь, впрочем, выйти с честью из скверной ситуации. Яйца раздавливались в гнездах, кучи съедобных моллюсков, гребешков, омаров, крабов, устриц и мидий, лежащих около костров на подстилке из водорослей, растаптывались ногами, и для того чтобы быть услышанным в этом неумолчном гаме, нужно было обладать голосом еще более пронзительным, чем у морских птиц.

— Не подходите сюда! Не подходите сюда! — кричали беженцы, увидев приближающееся к берегу судно. — У нас нет пищи, в нас и так уже слишком много. Скоро не останется даже моллюсков на всех, и у нас мало оружия и боеприпасов!

Мервин отплыл на некоторое расстояние от острова, и маленький Сэмми Стафтон прижал ко рту сложенные лодочкой руки:

— На острове Макуорта тьма индейцев, — прокричал он своим тоненьким ребячьим голоском, перекрывшим грохот прибоя и пронзительные вопли птиц. — Смотрите, чтобы они не пришли сюда и не поубивали вас всех...

— Откуда ты, паренек?

— Из Брунsvик-Фэлса, с границы.

— Что там стряслось?

— Все погибли, — снова прокричал мальчик своим тонким голоском, и слова его уплывали вдаль, как звуки флейты.

Прилив был достаточно высок, и судно могло подняться далеко вверх по заливу, где были сделаны причалы, но, встретившись с бурей протеста со стороны обитателей первого же острова, Мервин не делал никаких попыток причалить. Казалось, что он снова внимательно и с любопытством изучает все вокруг.

Толстая женщина с высоко подоткнутыми юбками, которая собирала что-то в расщелинах скал, окликнула его, когда они проплывали мимо.

— Вы с побережья?

— Нет, я из Нью-Йорка.

— А куда вы направляетесь?

Он показал подбородком на север.

— В Голдсборо.

— Я знаю это место, — сказал кто-то, — это в устье Французского залива. Вас оскальпируют там французы и их дикари...

Джек Мервин снова взялся за штурвал и направил судно ко входу в маленькую бухточку, но в тот момент, когда он огибал каменистый выступ, к нему бросилась другая женщина, отчаянно жестикулируя и таща за собой девочку с небольшим узелком вещей.

— Возьмите ее с собой, — крикнула женщина, — у нее не осталось в живых никого из семьи, но я знаю, что где-то там, около Французского залива, у нее есть дядя; то ли на острове Матиникус, то ли на Длинном острове, по эту сторону от Маунт-Дезерт, я точно не знаю где. Возьмите ее с собой...

Женщина подтолкнула девочку, и растерявшийся ребенок влетел в лодку в тот самый момент, когда ее подхватила волна, унося в море.

— Старая дура! — заорал наконец-то пробудившийся Джек Мервин. — За кого ты меня принимаешь? За попечителя сирот? У меня есть чем заняться и кроме забот об этих псалмопевцах, черт бы вас всех побрал!

— Ты говоришь, как язычник, — отпарировала женщина со своей скалы, — и у тебя к тому же девонширский акцент. В день своего рождения ты получил вдвойне черствое сердце... Но спаси это дитя, или твои злые деяния, в конце концов, задушат тебя, где бы ты ни был, в этом я могу поклясться.

Мервин, от злости вскочивший на ноги, снова ухватился за штурвал и едва успел отвернуть от острого камня, выступающего из воды.

— Старая дура, — снова проворчал он, — если на их стороне сам ад, то почему бы им не завоевать весь мир?

— Женщина права, ваши слова... — начал было преподобный Томас, но в эту минуту судно захлестнуло волной, которая прекратила спор, вымочив всех с ног до головы, после чего Мервин поручил своему мальчику вычерпывать воду.

Море становилось все беспокойнее, и маленькое суденышко проваливалось все глубже и глубже между вздымавшимися волнами. Мервину пришлось сосредоточить все свое внимание на управлении им, так что не могло идти и речи о том, чтобы вернуться к острову Белой Шляпы и высадить девочку на берег. Жемчужно-серый с розовым туман возвестил о наступлении вечера, одного из тех долгих июньских вечеров, которые неслышно опускались на море. Нужно было найти место для ночлега. К счастью, Мервин как будто знал окрестности и поплыл вдоль побережья Горного острова, потом мимо Длинного острова, за которым должен был показаться остров Чибигуэ. На половине пути вдоль восточной стороны Длинного острова он повернул лодку к галечному берегу, который выглядел не столь густо заселенным беженцами. Спрыгнув в воду, он установил суденышко в скалистой расщелине и направился на сушу, предоставив дамам выбирать на берег как им заблагорассудится. Они сделали это, не заботясь о своих ногах, потому что после долгих часов неподвижности было необыкновенно приятно пройтись по холодной воде, а потом по песку. Девочка с Уютного острова, которую звали Эстер Холби, рассказывала историю своего несчастья мисс Пиджин, а выбравшийся из своего убежища медведь Мистер Виллоуби направился к

берегу, держа нос к лесу. Анжелика увидела, что он был огромным, медлительным, ласковым существом. Он принялся бродить среди деревьев в поисках корма, хотя Элиас Кемптон время от времени и окликал его, призывая к себе, чтобы не пугать других обитателей этого места.

Слушая юную Эстер, Анжелика начала проникаться к ней глубоким уважением. Внезапно заброшенная судьбой к незнакомцам, среди которых она обнаружила французского паписта и... медведя, бедная девочка тем не менее не проявила ни малейшего признака страха, держась в новой для нее ситуации с большим достоинством. Когда несчастье обрушивается на голову англичанина, он не говорит о нем, как это часто делают французы. Это можно сравнить с камнем, упавшим в глубокий колодец, поверхность которого становится после этого даже еще спокойнее, чем прежде.

Мервин вернулся обратно с охапкой ветвей и разжег огонь. Потом он наполнил водой железный котелок, бросил в него кусок солонины и поставил на огонь. Его движения были точными и размеренными, как у аккуратного человека, привыкшего жить в одиночестве. С удивительной быстротой наступил отлив, обнажив обширное пространство земли, коричневой от оставшихся на ней водорослей, покрытое маленькими блестящими лужицами воды, тянущимися вдоль берега насколько видел глаз!

Из леса выбежали маленькие английские дети и принялись собирать моллюсков среди камней.

За черными деревьями сгустились сумерки, а небо и море приняли одинаковый оранжевый оттенок, который постепенно все сгущался и сгущался, пока не превратился наконец в ярко-розовое зарево, и, казалось, что оно никогда не угаснет. Дети прыгали от камня к камню, напевая какую-то песенку, потом, довольные «уловом», перешли поближе и предложили

вновь прибывшим содержимое своих корзин. Мервин купил у них две пинты моллюсков и гребешков, а Анжелика попросила их снова спеть песенку, которую они напевали и которая, как объяснила ей маленькая девочка, родившаяся на острове, была любимой песенкой ракушек. Их свежие, чистые голоса вновь раздались в воздухе, словно бросая вызов всем грозившим им несчастьям. Среди них было много беженцев с побережья материка, которые были в восторге от этих приключений в Заливе, столь далеких от трудной фермерской работы или от долгих часов учебы в молитвенном доме, так что они нисколько не кривили душой, убежденно подчеркивая: «Ракушки лечат круглый год, приходите есть мои ракушки и скажете «прощай» докторам».

Желая отблагодарить их за любезность, разносчик подозвал своего медведя, и, к величайшему удивлению и восторгу ребятишек, зверь поднялся на задние лапы и отвесил им низкий поклон. Потом, когда ему поочередно предлагалось отыскать самую хорошенькую девочку или самого шаловливого и самого драчливого мальчишку, он вначале задумывался, как будто колебался, и в конце концов клал перед избранным лицом цветок, игрушку или монетку.

Вскоре вокруг костра «чужаков» собралась целая толпа, и Элиас Кемптон, заметив среди зрителей человека атлетического вида с мускулистыми руками, предложил ему помериться силой с медведем. Это была хорошая, честная борьба: человеку разрешалось пользоваться кулаками, а Мистер Виллоуби обязывался не пользоваться когтями. С искусством опытного актера хитрый медведь несколько раз сделал вид, что шатается под ударами человека, но потом, когда парень уже решил, что победа за ним, зверь легко сшиб его одним небрежным ударом лапы...

После долгих аплодисментов и смеха пастор призвал всех собравшихся на молитву, и встреча на этом прервалась.

Глава 42

Анжелика не могла заснуть, потому что ночь была холодная и она никак не могла согреться даже у самого костра. Остальные закутались кто в плащи, кто в одеяла, а коробейник и мистер Виллоуби сладко посапывали в унисоне объятиях друг друга. Анжелика позавидовала маленькому человечку из Коннектикута, которому, должно быть, было так тепло и уютно от толстой шкуры его друга.

Она твердо решила, что отныне, где бы ни была и что бы с ней ни случилось, никогда не ляжет спать, не имея под рукой трех вещей: плаща, пистолетов и башмаков. И, еще не успев открыть глаза, сразу же схватит эти крайне необходимые предметы и только после этого начнет осматриваться вокруг, что бы там ни происходило. Благодаря тому что она не проявила достаточно быстрой реакции, ночь застала ее с полуголыми руками, в тонком корсаже, и холод, казалось, проникал до самых ее костей, хотя воздух был невероятно сухим.

Она встала и принялась расхаживать вдоль по берегу. Воздух был кристально чист и словно вибрировал, и спящий остров издавал глубокий, гармоничный сгон, словно выдох, в котором сливались воедино шепот ветра, бормотание человеческих голосов, дыхание людей, ворчанье тюленей и рокот прибора...

Удаляясь от лагеря, где фонарь Джека Мервина отбрасывал желтый свет, служивший ей ориентиром, Анжелика направилась к какому-то другому свету, который она заметила между деревьями. Ей говорили, что этот остров славится своими «поющими побережьями», которые можно услышать при

определенном направлении ветра, как нежную мелодию или звуки шагов армии на марше... Было ли то, что услышала она, стоном душ, не нашедших покоя, или же это был шелест индейских пирог, выслеживающих свою добычу в лабиринте островов?

Но свет, который она заметила, был не роковой западней, как ей было почудилось, а всего лишь сиянием короткой июньской ночи. Оно стало медленно исчезать, опрокинувшись над землей зеленым флуоресцирующим куполом...

На берегу расположилась колония морских львов, и большие быки, хозяева побережья, выделялись то тут, то там, как темные монолитные глыбы. Они пристально смотрели на мерцающее море, бог знает что там выглядывая, а более черные и маленькие самки лежали, свернувшись клубочками около них... Это были миролюбивые создания, полные серьезной грации и невинности, которых тревожило появление людей в их владениях, где они так долго были полными хозяевами; и она поймала себя на том, что смотрит на них с какой-то нежной жалостью. Чтобы не беспокоить их, Анжелика обошла колонию животных по краю леса, и большие быки повернули к ней свои массивные усатые головы. В прошлом веке один путешественник с удивлением описывал тюленей: «Головы у них, как у собак, но без ушей, а шкуры коричневые, как домотканое полотно, изготовляемое нищенствующими монахами».

Анжелика читала это, когда была ребенком и мечтала попасть в Америку... И вот теперь она здесь, на этом забытом богом Американском берегу. Уже не мечтательный, возбудимый ребенок из старого замка Монтелу, а женщина, достигшая середины жизненного пути. И однако она чувствовала, что в ней мало что изменилось. «Наши характеры складываются в

колыбели. Мы можем измениться, только отрекшись от самих себя...»

Но что это означает — отречься от самого себя? Вот Жоффрей никогда не был на это способен...

Она скрестила руки на груди и растерла плечи и предплечья, чтобы хоть немного согреться. Только вчера ночью она была в объятиях Колена на борту его корабля. При воспоминании об этом она задрожала еще сильнее... Но все это уже стало только тревожным сном, который она должна постараться забыть, схоронить, вычеркнуть из своей памяти.

В дальнем конце побережья лежал скелет кита, выброшенного на берег. Гигантский мрачный остов, выделявшийся на фоне этой светлой ночи особой снежной белизной, — лес костей, отливавших жемчужным блеском. И сквозь арки его ребер, словно начерченных мелом на ночном небе, она видела дрожащие над горизонтом звезды.

Анжелика замерла, не отрывая глаз от этого зрелища, и задрожала еще сильнее.

И тут к ней подошла внезапно появившаяся откуда-то женщина, бледная и белая в молочном свете ночи.

— Ты замерзла, сестра, — нежно сказала она. — Вот, пожалуйста, возьми мой плащ. Можешь вернуть его мне после восхода солнца.

Анжелика, не привыкшая к фамильярной форме обращения на «ты», которую ей еще ни разу не приходилось слышать от англичан, за исключением случаев, когда они обращались к Богу, посмотрела на женщину, как на неземное существо.

— Но как же вы, мадам, разве вы не будете страдать от холода?

— Я воспользуюсь плащом своего мужа, — ответила женщина с улыбкой, тоже почти неземной. Потом, положив руку на лоб Анжелики, она добавила: — Да благословит тебя бог!

Когда Анжелика вернулась обратно к своему лагерю, она увидела Джека Мервина, который сидел на краю скалистого мыса, словно часовой. Она остановилась в нескольких шагах от лагеря, чтобы взглянуть на него, тем более что теперь, закутавшись в плащ милосердной незнакомки, она чувствовала себя гораздо лучше.

Этот человек интересовал ее все больше и больше. Утром, когда она впервые увидела его, он показался ей всего лишь обычным грубым моряком, но теперь, когда он предстал перед ней в этой задумчивой позе, ей стало ясно, что он, по всей видимости, относится к числу тех исключительных натур, которые ищут в дальних морях убежища от одиночества, горящего в душе свирепым, ярким пламенем.

«Должно быть, он был пиратом, — подумала Анжелика, — и, возможно, это даже человек благородного происхождения. Человек, уставший от своих преступлений, который хочет забыть и быть забытым опасными товарищами былых дней... Не их ли он караулит, ищет и боится, терзаясь угрызениями совести или страхом? Или он — младший сын какой-нибудь знатной английской семьи, впавшей в бедность, который вообразил, что станет принцем, если будет вести жизнь, полную приключений? И теперь, устав от компании, с которой встретился на борту корабля, он отказался от всего, чтобы вернуться к одиночеству моря...

Должно быть, ему не повезло и в любви, потому что чувствовалось, что он не выносит женщин...»

Глядя на очертания плеч застывшего в неподвижности человека, можно было подумать, что он превратился в камень. Казалось, что его душа покинула тело, чтобы блуждать на свободе. Что он мог слышать, что он видел в эти тайные минуты своего отсутствия?

Видел ли он индейские пироги, приближающиеся к нему по светящемуся морю?

Странная это была ночь, полная смутных опасностей и угроз, полная чар поэтических и злых.

Анжелике захотелось вывести этого человека из странной летаргии, которая почти пугала ее.

— Какая прекрасная ночь, не правда ли, мистер Мервин? — громко сказала она. — Ночь, которая наводит на размышления, вам не кажется?

Спал ли он? Его глаза были открыты, но взгляд их был пустым, отсутствующим, и тем не менее через несколько минут он повернул к ней голову.

— Меня околдовывает красота этой земли, — продолжала Анжелика под влиянием порыва, который она больше не могла сдерживать. Ей хотелось добиться какого-то взаимопонимания с этим человеком. — Здесь можно дышать свободно... Я даже не знаю, как это объяснить... Это что-то неизвестное, навсегда исчезнувшее из Европы и до такой степени забытое там, что само понятие кажется чужеродным ей... Обнаружить это можно, только достигнув этик берегов... Это что-то таинственное и волнующее, что я назвала бы... самой сущностью свободы...

Она размышляла вслух, вполне сознавая, что мысли, которые она пыталась облечь в слова, были сложными и неопределенными, а поскольку она к тому же стремилась выразить их на своем далеко не совершенном английском, то не было бы ничего удивительного, если бы моряк не понял вообще ни слова. Поэтому она почти удивилась, увидев, что ей, напротив, удалось отвлечь его от грез.

Она видела, как исказились его черты, как засверкали глаза, но потом его лицо несколько смягчилось, и на нем появилась презрительная, сардоническая усмешка, а в темных глазах вспыхнуло отвращение, почти ненависть...

— Как вы смеете произносить такие слова, делать такие заключения? — спросил он, будто нарочно стараясь сделать свой протяжный говор еще более неразборчивым и вульгарным. — Как вы смеете говорить о свободе, вы, женщина?

И он презрительно засмеялся. Ей показалось, что она видит выглядывающее из-за его спины лицо врага со злобной ухмылкой, лицо какого-то сверхъестественного существа, презиравшего и отвергавшего ее... Лицо демона! Вот что таилось под его странной внешностью — демон, охотящийся за людьми...

Она отступила назад, охваченная пронизывающим чувством оцепенения, и пошла прочь от него.

Он властно ее окликнул.

— Погодите минутку, — крикнул он. — Где вы были только что?

— Я немного прогулялась, чтобы согреться.

— Так вот, не предпринимайте больше никаких прогулок на полуночные пиршества в лесу, потому что я намерен отплыть на рассвете и никого ждать не буду.

— Что за грубая скотина! — сказала себе Анжелика, укладываясь спать перед костром.

Он и был всего лишь грубой скотиной и ничем больше. Неотесанная скотина в англосаксонском варианте. «Страна, породившая целую расу грубых головорезов. Самые скучные варвары во всем мире...»

Она плотнее закуталась в плащ, одолженный ей женщиной со сверкающими глазами. Все они немного сумасшедшие, эти англичане!

«Вы говорите о свободе! Вы, женщина!.. Вы, женщина!»

В ее ушах все еще звучал его презрительный голос.

«Вы... женщина... вы... женщина».

И несмотря на все свои усилия, она вдруг почувствовала себя страшно одинокой в эти

томительные ночные часы, подавленная могуществом сил, которым ничто не в состоянии противостоять. Как глупо было с ее стороны думать, что она сможет бороться с ними!

К счастью, был на земле один человек, который был ее спутником и любил ее...

— Жоффрей, любовь моя, — вздохнула она.

Потом она заснула.

Глава 43

Проснувшись, Анжелика увидела, что все вокруг окутано густым туманом и солнце, едва проглядывающее сквозь его пелену, стоит уже достаточно высоко в небе.

Джек Мервин, снова превратившийся в самого обычного во всех отношениях брюзгливого и неприветливого человека, был занят погрузкой на судно бочонков с пресной водой. Это позволяло предположить, что шкипер планирует длительное путешествие по морю без промежуточных остановок и, может быть, воздержится от соблазна прогуляться между островами. Он также ухитрился раздобыть где-то половину большого круглого сыра и немного пшеничного хлеба, так что его пассажирам не грозила голодная смерть во время длительного перехода.

— Наше отправление откладывается из-за тумана, — объяснила Анжелике мисс Пиджин, — так что вы можете поспать еще, дорогая!

— Мне нужно найти добрую женщину, одолжившую этот плащ, — ответила графиня.

Однако, Джек Мервин неожиданно призвал всех на судно.

— Но как вы собираетесь плыть в этом киселе? — запротестовал Кемптон. — Это будет нашим концом. Это же верная смерть.

— Смерть! Вы сошли с ума! — заскулил Адемар, начинавший все лучше и лучше понимать английский язык. — О мадам, удержите его, не позволяйте ему выйти в море. Сегодня ночью я видел ужасный сон и теперь я чувствую, что он вот-вот может сбыться.

Адемар был простодушным, почти слабоумным человеком, а во Франции, во всех ее провинциях, твердо

верят, что такие люди обладают даром предвидения.

— Что же ты видел во сне, мой бедный мальчик?

— Что вы утонули, мадам, и я видел вас на дне, где все зелено, как при свете венецианской лампы, с вашими волосами, колышущимися, как водоросли.

— О! Хватит, ради бога! — воскликнула Анжелика. — Ты просто не можешь раскрыть рот без того, чтобы не посеять вокруг себя панику. И потом, ты же должен быть доволен тем, что увидел меня утонувшей, раз считаешь меня дьяволицей.

— Мадам, не говорите так, — пробормотал Адемар, несколько раз осеняя себя крестом.

Пастор бросил на него косой взгляд и поджал губы. Он уже по горло был сыт этим обществом папистов, к которым теперь прибавился еще и Мервин, по всей видимости, безбожник и вольнодумец. Он уже почти решил было остаться на Длинном острове, но мисс Пиджин отговорила его, сказав, что, если он хочет воссоединиться с тем, что осталось от его паствы из Брунsvик-Фэлса, он должен продолжать свой путь в Голдсборо.

— Поторапливайтесь, все на борт, быстрее! — проворчал Мервин, добавив какое-то английское выражение, которое было незнакомо Анжелике, но показалось ей чем-то средним между «вы, бесхребетные» и «вы, бездельники».

Но, несмотря на все его понукания, никто не проявлял особой спешки.

— У вас плащ женщины из секты квакеров! — внезапно заявил преподобный Патридж, показывая на плащ, который пыталась передать ему Анжелика. — Уж не говорили ли вы с членом этой позорно известной секты, а? Несчастливая вы женщина! Это могло подвергнуть огромному риску спасение вашей души. Вы правы, мисс Пиджин. Не следует оставаться в месте, где рискуешь встретиться с такого сорта людьми, хотя

я был уверен, что Новая Англия уже полностью очищена от них. По-видимому, нужно была повесить еще больше этих нечестивцев, чтобы преподать урок другим.

— Но я не понимаю, за что нужно вешать людей, единственное преступление которых состоит в том, что они предлагают свои плащи озябшим людям, — запротестовала Анжелика.

— Но квакеры представляют серьезную угрозу общественному порядку, — ответил пастор.

— Да, — вступила в разговор мисс Пиджин, — они отказываются снимать шляпы даже перед самым королем, называют его братом и говорят ему «ты» и «тебе». Они уверяют, что могут непосредственно общаться с богом.

— Воплощенная непочтительность, — воскликнул пастор.

— Они отказываются платить десятину церкви...

— Нельзя вольно обращаться с учением, — продолжил пастор и был уже готов разразиться длинной проповедью, когда взорвался Джек Мервин. Для начала он два-три раза выругался, назвав их врожденными дураками, и эта энергичная фраза заставила мисс Пиджин и юную Эстер взвизгнуть от ужаса и заткнуть уши.

— Богохульник! — прогремел пастор.

— Заткнитесь, вы, презренный болван, — сказал Мервин, и его резко очерченный рот исказился от неподдельной ненависти, — вы не можете рта раскрыть без того, чтобы не посеять вокруг смятение и тревогу.

— А ты, жалкий негодяй? Я с самого начала понял что ты безбожник, сын Люцифера — того, кто осмелился взглянуть в лицо самому Богу и сказать: «Я равен тебе!»

— Было бы лучше, если бы невежественные люди вроде вас не брались судить своих собратьев-людей;

такой дурак, как вы, явно наделает при этом множество прискорбных ошибок.

Преподобный Томас не мог стерпеть подобное от обычного моряка, если не от какого-нибудь каторжника из колоний; он не мог допустить, чтобы тот разговаривал с ним таким тоном и употреблял такие выражения перед слабыми женщинами, чье поведение целиком зависело от доверия, которое они будут испытывать к своему пастору. Смириться со столь унижительным низвержением с пьедестала означало пойти на риск посеять сомнение в этих простых верующих душах. До того как посвятить себя изучению теологии, Томас Патридж был энергичным молодым человеком, увлекавшимся боксом. Он не утратил своей силы и теперь, когда его рана почти зажила, все еще мог оказаться грозным противником. Он схватил Мервина за ворот рубашки и разбил бы его лицо мощным ударом кулака, если бы тот, тоже проворный боец, не высвободился, с силой ударив ребром ладони по державшей его руке. Пастор взревел от боли, лицо его побагровело.

Анжелика бросилась между двумя мужчинами.

— Умоляю вас, — сказала она, вложив в свои слова всю властность, на которую только была способна, — умоляю вас, джентльмены! Вы потеряли рассудок.

Она силой удерживала их, положив руку каждому на мускулистую грудь, и чувствовала, как клокочет в них гнев, подобно клокочущей лаве в жерле вулкана, готовой в любую минуту прорваться на поверхность. Однако ее властный взгляд одержал верх над чувствами обоих, и ей удалось унять их.

— Пастор! Пастор! — молила она. — Постарайтесь простить человека, который не был удостоен духовной благодати, как вы. Не забывайте, что вы представляете Бога, который осуждает насилие...

Пастор посерел от сверхъестественных усилий овладеть собой и от боли, которую причинил ему удар Мервина, едва не сломавший его запястье.

Джек Мервин тоже смертельно побледнел, на его виске бешено пульсировала жилка, глаза стали еще более холодными и непроницаемыми.

Анжелика чувствовала, как неровно бьется под ее пальцами сердце Джека Мервина, и в эту минуту он опять показался ей обычным человеком, уязвимым и доступным.

— Вы тоже не слишком благоразумны, — сказала она ему, словно делая выговор провинившемуся ребенку. — Доброму христианину не подобает оскорблять человека, облеченного духовной властью. Более того, этот священник ранен: всего лишь несколько дней тому назад его наполовину оскальпировали индейцы.

По глазам моряка можно было ясно прочесть, что, по его мнению, было бы лучше, если бы они успешно завершили свою работу.

Первым сдался преподобный Патридж.

— Я уступаю вам только потому, что этого хотите вы, миледи, хотя вы и француженка и принадлежите к этой скандальной религии, к этим вавилонянам и фанатикам. Я склоняюсь перед вами, потому что вы доказали, что вы — наш друг. Но что касается этого...

— Он тоже... он тоже доказал, что он ваш друг. Он взял нас всех на борт своего судна и помогает нам добраться до Голдсборо, где мы наконец-то будем в полной безопасности.

Она продолжала держать руку на груди Джека Мервина до тех пор, пока не почувствовала, что его бешеное сердцебиение несколько успокоилось, после чего он высвободился, отступив назад, уже полностью овладевший собой.

Когда ссора кончилась, все, включая мистера Виллоуби, заняли свои места на борту суденышка. Как только они покинули причал, туман рассеялся, и они увидели на берегу большую толпу людей, махавших им на прощанье. Здесь были и квакеры в своих круглых шляпах и больших белых чепцах, стоявшие поодаль от других, как зачумленные, но тем не менее веселые и ничуть не смущенные.

Проплывая мимо, Анжелика крикнула им о плаще, оставленном ею для милосердной женщины на другом берегу.

Потом они миновали остров Клипп, остался позади и остров Джевелл. Это был самый дальний от материка остров залива Каско и потому менее других подвергавшийся риску нападения индейцев, но его население уже было занято организацией обороны с оперативностью, делавшей честь местному руководителю, капитану Джозефу Доннелу.

Поселенцы из Бостона, Фрипорта и Портленда, которых он доставил сюда со своим маленьким флотом, работали днем и ночью. Мужчины и женщины не покладая рук возводили укрепления, и не прошло и недели, как над единственным местом, где могли приставать к острову суда, уже возвышался маленький форт, окруженный зубчатыми валами с амбразурами. Были построены печи для обжига извести, получаемой из ракушек, с помощью которой скреплялись балки и доски. Другая группа занималась возделыванием почвы и посевом пшеницы на случай долгой осады. Детей сразу же после прибытия на остров поделили по возрастам, и все те, кто мог держать в руках нож — как девочки, так и мальчики, — были направлены в помощь людям, занимавшимся расчисткой земли или рыбной ловлей. А малыши, голенькие и розовые, резвились в ледяном море среди тюленей и дельфинов под присмотром нескольких женщин.

Все эти сведения пассажиры лодки Джека Мервина получили вместе с последней корзиной моллюсков и устриц перед тем, как отправиться в открытое море.

Потом они вышли в океан, который расстилался перед ними весь голубой, белый и испещренный золотыми пятнами, и ничто уже не попадалось на глаза, кроме случайного паруса, мелькнувшего где-то вдали.

Анжелика оглядела открытую линию горизонта. Острова исчезли. Судно продолжало держать курс на вест-норд-вест, и каждый новый порыв ветра, надувавший паруса, уносил его все дальше от опасного побережья, все ближе к Голдсборо.

День прошел быстро благодаря рассказам корабейника, которые перемежались чтением отрывков из библии. Во время этих чтений Анжелика краешком глаза наблюдала за Джеком Мервином, но шкипер «Белого Бутона» снова принял свой обычный презрительный вид и равнодушно жевал табак, время от времени пренебрежительно сплевывая за борт.

Все время происходило что-то, развлекавшее пассажиров. Довольно долго за судном следовал белый дельфин. Он был большим, как бык, и гибким, как змея, и то отставал, то вдруг вырывался вперед с бешеной скоростью, с величайшим удовольствием воспринимая крики детей и каждый раз бросая на них озорной взгляд своих маленьких глазок.

Где-то в полдень на горизонте возникли очертания острова Монхиган. Этот изолированный остров, расположенный к югу от архипелага Дамарискотта и побережья Пемакуида, довольно далеко оторвался от других, лежа в открытом море. Его называли иногда Морским островом. Он возвышался, как единственный драгоценный камень, розовые и голубые скалы которого были увенчаны диадемой из лесов с бесчисленным множеством диких цветов. Называли его

также Волчьим островом, поскольку было время, когда он был буквально наводнен этими животными.

Теперь остров населяло множество басков, бретонцев, нормандцев, шведов и голландцев, испанцев и португальцев, англичан и шотландцев. И множество судов со всего света пробирались по его узкому фиорду напротив гранитного горба островка Рамана.

Когда остров приблизился и его можно было разглядеть более отчетливо, пассажиры «Белого бутона» увидели, что над ним висит огромное черное облако, сгущающееся к западу. И они замолчали, чувствуя, как их сердца сжались от страха.

Темное облако, по-видимому, висело неподвижно, но время от времени его очертания менялись, принимая форму плоского гриба с острыми краями.

— Неужели это дым? — прошептала Анжелика.

Даже Мервин поначалу как будто проявил интерес, но ничего не сказал. Первой раскрыла тайну юная Эстер, выросшая на морском берегу.

— Это облако, — сказала она, — состоит из птиц, которые слетелись к острову Монхиган отовсюду и теперь парят над ним, несомненно привлеченные какой-то особой приманкой.

Она не ошиблась. Приблизившись к острову, они услышали пронзительные крика тысяч и тысяч кружащихся птиц.

Позже они узнали, что баскский корабль загарпунил кита в водах острова Монхиган и прибуксировал его к берегу, где экипаж принялся грузить китовый жир в бочонки.

Глава 44

Мервин искусно провел судно между острыми камнями, торчащими из воды, и плавно ввел его в узкий проход, который, слабо напоминая бухточку, заканчивался крошечной песчаной отмелью, полого поднимавшейся к лесу.

Он спрыгнул за борт, оказавшись по пояс в воде, и тянул лодку до тех пор, пока не почувствовал, что ее днище заскрипело по песку. Потом вскарабкался на ближайšie камни, чтобы привязать ее, и, торопясь сам, просигналил своим пассажирам, чтобы они покинули лодку.

— Поживее! Не болтайте здесь, скорее идите к лесу, — крикнул он им.

Он знал, как опасно медлить на восточном берегу острова Монхиган. Они послушно заторопились, подгоняемые его призывами, и побежал и на берег, забрав с собой вещи и корзины с остатками пищи.

— Быстрее! Быстрее! — кричал Мервин непонятно почему.

И в этот момент разразилась катастрофа.

Земные колебания, которые сокрушают скалы Черной Головы и скалы Белой Головы на восточном побережье острова Монхиган — страшная вещь! Они всегда начинаются неожиданно, коварно и, ухватив свою жертву, почти сразу затухают.

Высокая снежно-белая струя воды взвилась справа от группы женщин и детей, словно внезапно забивший гейзер, преграждающий им путь. Их всех окатило водой с ног до головы. Пока они смотрели направо, сзади подкралась другая волна. Огромная, сверкающая, с покатым горбом, она поглотила их всех. Женщины и

дети попадали на колени и, увлекаемые волной, покатались вниз вместе с прибрежной галькой. Потом, внезапно почувствовав себя освобожденными, большинство из них проворно вскочили на ноги, цепляясь за торчащие из воды камни у берега, собрали плавающие пожитки и торопливо поспешили вверх, на сушу. Тут Анжелика обернулась и увидела голову маленького Сэмми, то всплывающую, то исчезающую в пенящейся воде в самом устье маленького залива. Не раздумывая ни минуты, она бросилась бежать вдоль мыса и нырнула как раз в то мгновение, когда новый прилив поднес к ней ребенка. Она схватила Сэмми, встретившись с ним на гребне волны.

Потом море в своей безумной пляске опять унесло их прочь от берега. Взглянув на него, Анжелика увидела на краю скалистого мыса — в той точке, где только что была сама, — высокую фигуру Мервина: он быстро направлялся к единственному месту, куда их могло выбросить. Море, продолжавшее свой бешеный галоп, швырнуло их ему навстречу.

— Ловите его! — крикнула Анжелика, бросая маленького англичанина по направлению к Мервину.

Он поймал ребенка в воздухе. Анжелика попыталась ухватиться за камень, но море увлекало ее с такой быстротой и силой, что она снова оказалась далеко от берега. Ее так засасывало во впадины между волнами, как будто под ее ногами разверзлась бездна. Ее юбка, пропитавшаяся водой, начала тянуть ее вниз, точно свинцовый груз, и она обнаружила, что больше не может шевелить ногами, чтобы поддерживать себя на поверхности. Увлекаемая водой к мысу, где стоял Джек Мервин, она видела, как он приближается к ней с невероятной, сумасшедшей скоростью. Теперь он стоял один на краю мыса, очевидно, переправив спасенного ребенка в безопасное место.

Он один, мрачный, огромный, стоял здесь на ветру, развевающим его длинные черные волосы, и его черный силуэт отчетливо вырисовывался на фоне ярко-голубого неба, а красный шерстяной колпак казался приближающимся бакеном. Она протянула руку, готовясь ухватиться за его ладонь, но, вопреки ее ожиданиям, он не пошевелился, оставаясь стоять как статуя со скрещенными на груди руками.

Он не помог ей. Пальцы Анжелики схватили пустой воздух, скользнули по камням, не в состоянии ухватиться за них, и когда чудовищный водоворот снова унес ее от берега, у нее вырвался крик. Это был крик ребенка, крик удивления и разочарования... «Если бы только он протянул мне сейчас руку, я могла бы ухватиться за нее... ОН НЕ ПРОТЯНУЛ МНЕ РУКИ».

Ее рот наполнился соленой водой, она начала задыхаться. Собрав всю силу воли, она взяла себя в руки, понимая, что только при этом условии ей удастся удержаться на поверхности и позволить увлечь себя другому потоку, который рано или поздно, но вынесет ее на берег. Ее единственная надежда заключалась теперь в этих кипящих водах, без передыху бьющих во впадины у подножья скал, стены которых гудели от ударов, наполняя маленькую бухточку эхом, похожим на орудейные раскаты.

Ее поглотила черная волна, закрутила в своем бешеном беге, переворачивая снова и снова, и глаза Джека Мервина опять появились перед ней, на этот раз совсем близко.

И тут она поняла.

ОН ПРИШЕЛ СЮДА НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СПАСТИ ЕЕ, А ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ, КАК ОНА ПОГИБНЕТ.

Потому что он желал ее смерти.

Это было написано на его непроницаемом лице с горящими глазами, взгляд которых был устремлен в другой мир и, казалось, проникал сквозь нее, сквозь это

жалкое, избитое, покрытое синяками и ссадинами женское тело, которое море старалось разорвать на куски и которое было для него простым обломком кораблекрушения.

Теперь, когда она увидела Мервина в это последнее безумное мгновение, он показался ей еще более демоническим, чем в прошлую ночь; и из самой глубины ее души поднялся крик, полный смертной муки:

— Жоффрей! Жоффрей!

Ее крик был полон отчаяния. Ее внутренний голос звал: «Жоффрей! Помоги! Помоги! Демоны пытаются убить меня... Они здесь!..»

Потом, в проблеске внезапного озарения, она подумала: «Этот англичанин, эта гнусная свинья!.. Мне нужно было остерегаться его. «Вы, женщина», — сказал он. И вот теперь он с восторгом наблюдал, как умирает она, женщина».

Поддаваясь панике, постепенно охватывающей все ее существо, она принялась отчаянно барахтаться, но только погружалась все глубже и глубже. Внезапно она почувствовала, будто что-то схватило ее снизу и тянет на дно. Она рванулась, пытаясь снова выбраться на поверхность, и с ужасом поняла, что ее юбка зацепилась за камни, которые держат ее, точно на якоре, в то время как волны швыряют туда и сюда, переворачивают и захлестывают, но не могут вырвать из этой ловушки. В висках стучало так, что казалось, будто они готовы лопнуть, и каждый раз, когда она предпринимала новую отчаянную попытку, стремясь вырваться из западни, она поднималась вверх так ненадолго, что даже не успевала глотнуть воздуха.

Она больше не могла это выдержать. Она уже готова была открыть рот, чтобы вдохнуть. Вдохнуть смерть.

Потом она освободилась после неожиданного рывка. Юбка порвалась, и Анжелика снова смогла увидеть

дневной свет. Но она была уже так измучена, что едва успела перевести дыхание, прежде чем снова скрылась под водой.

Горькие волны перекатывались над ней, били ее, пожирали, раздавленную и бессильную.

«Нет! Нет! Я не хочу умирать!.. — отчаянно кричала она в душе. — Я не хочу утонуть... Это слишком ужасно. Жоффрей, Жоффрей, я должна снова увидеть тебя... Я не хочу оставаться здесь одна, вдали от тебя, на дне моря...»

Но разве Адемар во сне этой ночью не видел ее, колышущуюся в самой глубине зеленой бездны, с волосами, плывущими за ней, как водоросли... одну... одну... уснувшую навсегда...

Что-то ударило ее в висок. Как будто в голову жестоко вогнали гвоздь. Анжелику стукнула о скалу и ненадолго выбросило на поверхность.

Ослепительная картина: солнечный свет и прямо над ней все та же неподвижная, прямая фигура, которая вдруг ожила, наклонилась и бросилась в воду.

Мираж!

Она тонула, тонула, погружалась, исчезала навсегда.

Глава 45

Ее тащили по берегу за волосы. Анжелика чувствовала, как тело постепенно освобождается от обволакивающей липкой воды, напивается свинцовой тяжестью и оставляет за собой глубокую борозду в гальках, которыми усыпана отмель. Вялая, изможденная, она была покрыта ссадинами, которые кровоточили и болели, а Джек Мервин, тоже взмученный до предела, волок ее вверх по берегу так, как волок бы лодку или мертвое животное.

Он остановился, преодолев последнюю полосу водорослей, оставленную морем почти у самых деревьев. Здесь жестокие волны уже не могли их настигнуть. Он упал на землю рядом с ней, и в своем полузабытии она слышала, как он хрипло и со свистом дышит, словно подражая кузнечным мехам.

Сказывалась длительная борьба с океаном, во время которой она конвульсивно ухватилась за него, сковывая его движения, и ему пришлось ударить ее, чтобы слегка оглушить; море не менее двадцати раз уносило их так далеко от берега, что он казался какой-то призрачной, недостижимой тенью. В конце концов им все-таки удалось выбраться на сушу на значительном расстоянии от того места, где они были вначале.

Легкие Анжелики словно охватило огнем, и все ее попытки перевести дыхание кончались ничем, потому что при малейшем движении грудь болела так, что казалось, будто она разорвется.

Она попыталась встать на четвереньки, как умирающее животное, делающее последнюю сверхъестественную попытку подняться на ноги. Шаря вокруг, как слепая, она ухватилась за лежащего рядом мужчину, и в этот момент на нее нахлынула

непреодолимая тошнота, и ее начало безудержно рвать. Соленая влага сожгла горло и небо, и она без сил рухнула на бок.

Джек Мервин встал. Какое-то мгновение он не мог сопротивляться охватившему его изнеможению, но теперь он уже снова был самим собой. Он сбросил с себя грязный жилет и отшвырнул его в сторону, снял колпак и тут же снова надел его на голову, а перекрученную жгутом рубашку повесил на шею.

Затем, склонившись над Анжеликой, он взял ее за руку выше локтя и заставил встать сначала на колени, а потом и на ноги.

— Идем! Идем! Ну, давайте!

Он потащил ее, то подталкивая перед собой, то волоча сзади, и его голос звучал совсем по-другому, чем прежде, потому что, несмотря на сдержанный гнев, в нем сквозила теперь и тень какого-то волнения. Ей удалось ступить несколько шагов, но для того чтобы отрывать ноги от земли, приходилось делать невероятные усилия. Все вокруг нее плыло, кружилось, земля уходила из-под ног, и она опять упала лицом вниз на песок, облепивший ей щеки.

«Жоффрей! Жоффрей! «Они» пытаются убить меня. «Они» всегда хотели меня убить».

Мервин попытался снова поставить ее на ноги, но она постоянно падала на землю. Она кричала, плакала, ее рвало, горло и небо болели, и ей казалось, будто они кровоточат. Ее трясло так, что стучали зубы, и, рыдая, она произвольно вытирала свое мокрое лицо.

— Оставьте меня в покое... Дайте мне умереть... Я не против того, чтобы умереть здесь... Но не в море... Я не хотела тонуть, это слишком гадко...

Джек Мервин пошел вперед, не дожидаясь ее, потом обернулся с рассерженным видом, заметив, что она снова лежит на земле, и вернулся назад. Он, казалось, смирился с положением и, приняв какое-то

решение, снова схватил ее, но на этот раз положил ее на живот, повернув голову набок и вытянув руки крестом.

Потом он достал из-за пояса нож и, разрезав платье до пояса, сорвал с нее пропитавшуюся водой одежду, прилипшую к холодному, как лед, телу, одежду, которая и так уже была взодрана в клочья о камни. Он обнажил ее до поясницы.

Затем положил обе руки на основания ее ребер и начал ритмично надавливать на них, отчего она сразу же почувствовала себя лучше. Ее дыхание, которому помогали эти размеренные движения, стало глубже и регулярнее.

Потом он принялся энергично массировать ей спину своей ладонью, и мало-помалу кровь, застывшая в ее жилах, снова начала утихать, нервы стали успокаиваться, зубы перестали выбивать непроизвольную дробь; нежное тепло разлилось по всему ее существу, а мысли словно плавали, разрозненные, смутные, но спокойные.

«Этот человек зол, как смертный грех... Но у него добрые руки... Да, у него добрые руки... Как хорошо! Какое блаженство! Ох, какое это блаженство — чувствовать себя живой!»

Мир вокруг перестал кружиться и расплываться, и снова под ее распростертым телом была твердая и милая земля.

«Если он будет продолжать это, он спустит всю кожу с моей спины... Заметил ли он выжженное на плече клеймо? Я боюсь... Но имеет ли это какое-нибудь значение? Он тоже может быть бандитом, тюремной пташкой... А что, если он предаст меня... Нет! Он же англичанин. Возможно, он даже не знает, что означает флер-де-лис...»

Теперь она чувствовала себя гораздо лучше и села без посторонней помощи.

— Благодарю вас, — прошептала она, — и прошу прощения!

— Все в порядке? — отрывисто спросил Мервин.

— Да, более или менее!

Однако она переоценила свои силы, потому что черная пелена снова заволокла все перед глазами, и она беспомощно уронила голову на плечо Джека Мервина. Плечо было твердым, но изгиб его был нежным и надежным. Мужское плечо.

— Как удобно, — пробормотала она по-французски.

Ее мысли рассеянно блуждали; она наконец осознала свою наготу и инстинктивным жестом стыдливости попыталась прикрыть грудь жалкими обрывками своего лифа.

Мервин обхватил ее одной рукой за плечи, другой под коленями и без всяких усилий поднял на руки. Анжелика подумала, что она как будто снова стала ребенком. Ничто не могло больше повредить ей, и шум моря становился все глуше и глуше, по мере того как он продвигался с ней по тропинке в глубь леса. Вряд ли он шел долго, но она не потеряла сознание, просто заснула крепким, здоровым сном, пробудившись от которого всего через несколько минут, почувствовала себя совершенно отдохнувшей. Она обнаружила, что сидит на земле, прислонившись к стволу дерева и опустив голову на колени, а властный голос Джека Мервина раздается где-то вверху, приказывая юной Эстер снять одну из нижних юбок и рубашку, чтобы Анжелика могла в них переодеться. Девочка бросилась за ближайший куст и вскоре вернулась, протягивая одежду Анжелике, и та следом отправилась за деревья.

Юбка и рубашка маленькой англичанки еще хранили тепло ее молодого тела, и Анжелика сразу же почувствовала себя лучше. Она выполоскала волосы в ближайшем ручье, смыв соленую воду и песок, и вернулась к своим компаньонам. Достойный Элиас

Кемптон разжег небольшой костер, чтобы согреть маленького Сэмми, который сидел закутанный в пасторский плащ. Все уставились на нее широко раскрытыми глазами, потому что никто уже не думал, что увидит ее живой.

— Садитесь поближе к Мистеру Виллоуби, госпожа де Пейрак, — настаивал разносчик. — Да! Да! Вот увидите, он вас согреет.

— Мы должны идти дальше, — вмешался Мервин. — Мы сможем получить помощь на другой стороне острова.

Так они снова отправились в путь, следуя друг за другом по тропинке, которая вилась между огромными соснами, похожими на колонны в кафедральном соборе. Ночь была теплая и сухая, вокруг потрескивали искры. Но было ли это ночью?.. Сквозь деревья все еще проглядывало бледно-бирюзовое небо.

— Сегодня ночь летнего равноденствия, — сказал Адемар, — в эту ночь солнце вообще не заходит и расцветает папоротник волшебными цветами, крошечными, красновато-коричневыми, как ржавчина, которые цветут всего несколько часов. Говорят, что люди, увидевшие такой цветок, никогда не возвращаются назад... Давайте скорее выйдем из этого леса. Здесь так много папоротников, и уже опускается ночь... Иванова ночь...

Анжелика шла, как лунатик. Она была едва жива от усталости, и ее желудок все еще был словно наполнен льдом.

Мервин бросил в ее сторону случайный взгляд.

— Как вы себя чувствуете?

— Вполне нормально, — ответила она, — но мне кажется, что мне стало бы гораздо лучше, если бы я могла выпить хороший глоток рому или чего-нибудь горячего.

После того как они миновали поворот тропинки, перед ними, наконец, открылась расположенная на западном берегу острова деревня, которая утопала в лучах заходящего солнца. На них сразу же обрушились гомон птиц и крики рыбаков, сопровождаемые вонью гниющего мяса и растапливаемого жира.

Слева от них, у самого входа в деревню, показалась ферма, выстроенная из бревен.

Остановившись на пороге, Джек Мервин громко обратился к хозяевам, но никто не ответил. Тогда он и его спутники прошли в дом. Считая само собой разумеющимся, что здесь действуют те же священные законы гостеприимства, которые позволяют каждому умирающему от голода или просто заблудившемуся человеку вести себя в любом жилище, встретившемся ему на пути в этих пустынных краях, как у себя дома, он направился прямо к деревянному кухонному шкафу, вынул из него голубые и белые миски китайского фарфора и оловянный черпак, потом подошел к очагу и начал приподнимать крышки на всех кастрюлях и горшках.

В одной он зачерпнул полный черпак обжигающе горячих моллюсков и гребешков, из другой вытащил три вареных картофелины, потом налил в эту смесь немного молока из горшка, который стоял, греясь среди углей.

— Съешьте это, — сказал он Анжелике и поставил перед ней на стол миску, — съешьте это побыстрее.

Потом он принялся проворно раздавать всем суповые миски, как будто всю жизнь только и занимался тем, что подавал суп беднякам.

Глава 46

Позже Анжелика вынуждена была признать, что никогда не пробовала ничего более вкусного, более восхитительного, более утешающего, чем этот суп из моллюсков, который она ела на бедной ферме какого-то поселенца на острове Монхиган после того, как едва не утонула.

Так состоялось ее знакомство с национальным блюдом обширного района, лежащего между мысом Код и северной точкой залива Св. Лаврентия, включая залив Фанди и Новую Шотландию. Французы, канадцы и жители Акадии называют его «шодре», англичане — «чауде». Этот восхитительный, небесный суп содержит в себе все самые чудесные дары, которые могут предложить эти берега: картофель, который растет в Америке диким, полезные, питательные моллюски из щедрого по-матерински моря и молоко — этот дивный, изысканный напиток Старого Света, напоминающий о далеких землях с травянистыми пастбищами.

И все это можно найти в миске со столь восхитительным ароматом.

А если еще добавить сюда сочную луковицу, шепотку перца или мускатного ореха, несколько кусочков солонины и, в самую последнюю минуту, по шарiku сливочного масла в каждую порцию...

Должно быть, именно за моллюсковым супом, налитым в серебряную супницу, а может быть, и в золотую (почему бы и нет?), были составлены договоры, определившие судьбу страны, судьбу целой части света.

Все с жадностью набросились на еду, и долгое время стояла тишина, прерываемая только вздохами

удовлетворения и прищелкиванием языками,

— Здорово, вы! Чувствуйте себя, как дома, англичане! — сказал по-французски чей-то голос, и, обернувшись, они увидели на пороге крупную крестьянскую женщину.

— Эй! А это еще что такое, Иисусе милостивый?

— Это всего лишь медведь, — пробормотал Элиас Кемптон, поглощая последние капли супа.

— Я это вижу, дурень ты здоровый! Но неужели я должна терпеть медведя прямо у себя в доме? Или мой дом уже превратился в конуру? Может быть, я должна и ему предложить супа в одной из моих прекрасных тарелок, которые привезла сорок лет назад из Лиможа моя добрая матушка, не разбив ни одной за время долгого пути?

— Мадам, вы француженка? — спросила ее Анжелика на том же языке. — Может быть, это акадийский дом?

— Ну, может быть, и так, а может быть, и нет. Не могу даже точно сказать вам, кто мы такие здесь, на Монхигане... Сама я родом из Порт-Ройяла на полуострове Акадия, где когда-то высадилась пяти лет от роду с отрядом поселенцев мсье Пьера д'Олнея, но это было целую вечность тому назад. В двадцать лет я вышла замуж за нашего соседа, шотландца по имени Мак-Грегор, и мы поселились с ним на острове Монхиган, где и прожили почти тридцать пять лет.

Джек Мервин начал расспрашивать женщину по-английски, интересуясь, совершали ли индейцы попытки напасть на остров и вообще, были ли какие-либо тревожные события в заливе Пенобскота. Она покачала головой и ответила ему по-английски, довольно правильно, но с сильным французским акцентом.

Она рассказала, что индейцы: могоканы, тарратины, мик-маки и эчемины из Пенобскота и Даррикоты — все

еще сохраняют мир. На сей раз они не стали выкапывать из земли свой боевой топор, потому что великий французский дворянин, правящий Голдсборо, сумел убедить всех белых, живущих в районе залива, и в особенности эту горячую голову, маленького Сен-Гастина, не ввязываться в столь дикую кампанию. Всего лишь на прошлой неделе ее муж, старый Мак-Грегор, ездил с тремя сыновьями на мыс Попхэм, чтобы встретиться там с «великим господином из Голдсборо». Они заключили союз со всеми белыми жителями района, а также с главными вождями окрестных индейцев, обменялись обещаниями и заверениями дружбы и выкурили трубку мира. Лорд Голдсборо могуч и богат: у него есть свой флот, а денег просто куры не клюют. Он обещал, в случае необходимости, защитить каждого от его собственного правительства, если у кого возникнут неприятности из-за того, что он поддерживает мир. И это очень справедливо! Здесьним людям уже до смерти надоело плясать, как марионеткам, по капризу королей Франции или Англии, которые больше всего заботятся о том, чтобы самим и ногой не ступить на землю своих колоний.

Анжелика покраснела от волнения, услышав имя своего мужа, графа Пейрака. Она забросала добрую женщину градом вопросов и узнала, что, оставив устье Кеннебека, Жоффрей направился в Голдсборо. Значит, по всей вероятности, она может рассчитывать застать его там, если они доберутся туда завтра, а это вполне возможно, потому что море остается спокойным, несмотря на равноденственные приливы.

Обнаружив, что она принимает в своем скромном доме жену самого великого лорда Голдсборо, миссис Мак-Грегор захлопала от восторга в ладоши, присела в глубоком реверансе, который мать учила делать ее перед дворянами, и принялась обхаживать всех гостей, обращаясь к ним то на французском, то на английском

языках, в зависимости от того, с кем говорила. Анжелика рассказала ей о своей беде, о том, как она едва не утонула, высадившись на этот остров; и женщина сообщила, что такие вещи случаются здесь почти каждый день и в каждой семье кто-нибудь да утонул.

— Я принесу вам подходящую одежду, мадам, — сказала она голосом, лишенным и тени волнения.

— Нет ли у вас пары штанов для человека, который меня спас? Он все еще насквозь мокрый.

— Пары штанов? Нет, здесь нет ничего подобного, моя бедная госпожа! Мои мужчины не носят ничего, кроме своих больших клетчатых пледов-тартанов, как они их называют; шотландец потеряет покой, если не будет расхаживать повсюду с голым задом, извините за выражение. Но наш сосед мистер Уинслоу, приехавший сюда из Плимута, вероятно, сможет помочь этим джентльменам и найдет то, что им нужно.

И она отослала мужчин вместе с медведем к своим соседям англичанам, оставив у себя только женщин и детей, в том числе и маленького негритенка.

— Настоящий чертенок из табакерки этот парнишка, он словно выскочил из самого ада! Но ведь сегодня Иванова ночь, не так ли? Ночь, когда выходят на свет все домовые и чертенята... Смотрите! Смотрите, какое светлое еще небо... В полночь баски разожгут свои костры и начнут танцевать...

Дело в том, что здесь, на Монхигане, живут веселые люди, которые умеют не падать духом, несмотря на все несчастья и всех утопленников. К тому же два дня тому назад баскам из Байонны удалось загарпунить кита.

После отчаянной борьбы, в ходе которой от ударов мощного хвоста взлетели на воздух две лодки и был убит один китобой, добычу доставили к острову под пронзительные крики многочисленных птиц. Кит, уже разрезанный ножами китобоев на розовые и белые

куски, все еще плавал в воде между стоящим на якоре судном к маленькой, тихой песчаной отмелью, где были установлены три больших котла. Целое состояние качалось на волнах прибое у берега Монхигана, и морякам, бросавшим кубики жира в котлы, казалось, что они держат в руках золотые монеты. Некоторые из них были заняты перетаскиванием корзин со спермацетом — белым маслянистым веществом, заполняющим огромные пустоты в голове кита, используемым для производства самых дорогих свечей. Китовый ус пойдет на изготовление одежды, плюмажей, эгретов, корсажей и вееров...

Язык кита, этот лакомый кусочек, будет послен и доставлен к столу принцев, а из ворвани сварят похлебку для бедных во время великого поста. Кости превратятся в балки, стропила и изгороди.

Великий гарпунер Эрнани д'Астигуарра, который был также и капитаном маленького стопятидесятитонного судна, расхаживал гордый, будто павлин, по берегу, опираясь на свой гарпун так, как индеец опирается на свое копье. Когда на небесном своде задрожит первая звезда и потемнеют очертания леса на фоне зеленого неба, они прекратят работу и зажгут на берегу огромные костры, потому что сегодня ночь летнего равноденствия и они должны танцевать и прыгать через огонь.

Тем временем Анжелика вела с миссис Мак-Грегор переговоры о покупке плаща из котика, который очаровал ее бархатистой нежностью своего меха.

— Сейчас мне нечем вам заплатить, но, как только я доберусь до Голдсборо, я пришлю вам кошелек с двадцатью кронами и небольшой подарок, выбор которого я оставляю за вами.

— Послушайте, — сказала ей старая дама, — у нас здесь есть все, что нам нужно, так что незачем проявлять столько беспокойства о таком пустяке.

Говорят, что вы обладаете даром исцеления больных; так вот, если вы поможете моему внуку Элистару снова встать на ноги, это будет вполне достаточным вознаграждением. Это станет к тому же благословением для ребенка.

Так они отправились навестить юного Элистара. У миссис Мак-Грегор было двенадцать детей, и оставшиеся в живых сыновья и дочери, которые все переженились и повыходили замуж, составляли весьма внушительную семью, проживающую тут же на острове. Для того чтобы избежать ревности национальных святых каждого из родителей, как шотландских, так и французских, детям давались поочередно французские и шотландские имена. Поэтому Леонард следовал за Огилви, а за Элистаром шла нежная Жанет.

Несколько дней тому назад с маленьким Элистаром произошла странная история: убегая по скалам от наступающего высокого прилива, он попытался перепрыгнуть через расщелину. Оступиться или промахнуться было нельзя: под ним зиял шестифутовый провал. Он едва сумел, избежав падения, приземлиться на другой стороне трещины, как вдруг ужасная боль не дала ему прочно встать на ноги.

Анжелика сразу же увидела, что в тот момент, когда мальчик коснулся носками ног со скалистой поверхности, он повредил себе основные сухожилия под коленями. Вернуть их в прежнее состояние было достаточно болезненным делом, но после часового массажа мальчик смог опять поставить на каменный пол робкую, неуверенную ногу. Придя в восторг от того, что она больше не болит, он пообещал сегодня же вечером исполнить танец со скрещенными саблями. Анжелика твердо сказала, что этого делать не стоит. Ему нужно отдыхать, чтобы укрепились поврежденные связки. Она попросила дать ей немного гусиного сала и после окончательного массажа простилась с мальчиком,

который мог уже передвигаться, опираясь на тросточку. Теперь он по крайней мере сможет побывать на празднике.

За свершающимся чудом наблюдала целая толпа, облаченная в клетчатые одеяния, причем клетки были как красно-зеленые, так и черно-зеленые, поскольку присутствовали представители сразу двух кланов: Мак-Грегори и Мак-Дуффы; на головах зрителей красовались синие береты с помпонами. Среди этих ярких фигур резко выделялись темные камзолы английских торговцев и поселенцев. Их семьи были потомками первых жителей Плимута — Отцов-Пилигримов, и всем им так же, как и старому Джошуа, встреченному Анжеликой в Хауссноке, несмотря на их строгие нравы, была свойственна некоторая живость, даже веселость, которая пришлась совсем не по нраву преподобному Патриджу. Были здесь и две семьи ирландских рыбаков, и одна семья французов, носившая фамилию Дюмаре. Эта семья получила известность из-за того, что в ней было больше утопленников, чем в любой другой семье острова. Но как могло быть иначе, если ребенок здесь, едва успев встать на ноги, уже бросался в волны верхом на деревянной доске? Эти люди постоянно путешествовали от одного острова к другому, а море в этих краях отличается еще большим вероломством, чем где-либо в других широтах. И однажды, особенно если • мореплавателю четырнадцать или пятнадцать лет — возраст, когда неведом страх и еще нет опыта, — такой неутомимый бродяга заливов находил в волнах свою смерть.

В семье Дюмаре была старая бабушка, которая всегда предчувствовала несчастье. Независимо от того, день ли, ночь ли, она вставала и принималась складывать и прятать одежду мальчика, который был в

это время в море. «Он только что утонул», — говорила она.

Путешествуя вокруг деревни и по разным фермам, Анжелика наслушалась всевозможных историй и легенд. Ее визит был величайшей честью для жителей острова, а исцеление юного Элистара еще ярче высветило сложившийся вокруг нее ореол. Этим вечером на остров высадились моряки двух судов из Дьеппа, причалившие к берегу, чтобы пополнить запасы питьевой воды; они тоже смешались с местным населением, и теперь повсюду слышался гул голосов, говоривших на странном жаргоне, состоявшем из смеси индейских диалектов, некоторого количества французских слов из Сен-Мало и обрывков английского языка.

Несколько миролюбивых мик-маков, приходившихся родственниками обитателям острова, начали выходить из леса и раскладывать меха и дичь у порогов домов. Потом они усаживались на корточки на какой-нибудь бугор, желая принять участие в празднике бледнолицых. Большинство этих индейцев были очень высокими людьми, почти гигантами, с квадратными физиономиями цвета меди.

Около десяти часов вечера Анжелика решила, что она посвятила достаточно много внимания и времени суете этого мира и теперь может урвать несколько минут для недолгого сна, прежде чем начнется всеобщее веселье.

Ей удалось как следует вымыться горячей водой у миссис Мак-Грегор, и ее густые волосы быстро высохли на знойном воздухе, но она изнемогала от усталости.

Поэтому она закуталась в свой великолепный плащ из котикового меха и села поодаль от других, прислонившись к корням огромного дуба.

Завтра она будет в Голдсборо. Только бы, во имя всего святого, море осталось спокойным.

Внизу, между домами, и на берегу начиналось все большее и большее оживление, уже раскладывались костры.

Вытаскивались бочонки и высокие пивные кружки, на временно сооруженные столы ставились миски. Уже наступила ночь, но большие костры Ивановой ночи не зажгутся до самого последнего момента — до полуночи.

Мимо пробежали несколько держащихся за руки детей. Среди них были маленький негритенок Тимоти, корабельный юнга Эббиал и Самюэль Корвин.

Монхиган, вечный Монхиган, мать всех мореплавателей, переживал еще одну волшебную ночь. Биение его сердца слышалось в слухом реве прибоя, бьющегося о скалы, и в первых ударах барабанов, предвещающих начало праздника басков.

Когда-то, примерно в 1000 году, в этот узкий фиорд проскользнули преследуемые туманом корабли с драконами на носах и обнаружили то же, что и теперь, утесы, покрытые ковром цветов. И с тех самых пор таинственные знаки, высеченные на серых камнях, хранят память о посещении викингов, этих нормандцев с золотыми волосами и бородами. После них здесь побывали Джон Кабот, Верразано Флорентиец, направлявшийся во Францию, испанец Гомес, англичанин Рат, французский священник по имени Андре Тео, сэр Гемфри Гилберт, Госнольд, Шамплен, а также Джон Смит, которые были посланы сюда в 1614 году с поручением «добывать в Северной Америке золото и китов».

История острова была длинной, многолюдной и пестрой. И волнующая сага острова Монхиган звучала во всех этих разноголосых возгласах, прорезающих ночь на ирландском или шотландском языках, но с одинаковой галльской живостью и весельем, в удивительной симфонии запахов земли, в клятвах, произносимых на всех мыслимых наречиях мира, в

смехе мужчин, женщин и детей, в пестром маскараде костюмов со всех стран света: в шотландских тартанах, красных баскских беретах, черных шляпах кальвинистов, атласных шейных платках горстки буканьеров с Барбадоса и разноцветных шерстяных колпаках моряков из всех портов земного шара.

Спрятавшиеся в траве сверчки без умолку играли свою бесконечную пронзительную сарабанду; и вдоль шафранового горизонта, над которым наконец-то начала опускаться ночь, как темная пена с зеленого небосвода, скользили паруса, все больше и больше парусов.

И вдруг все исчезло: море стало пустынным, берег безлюдным. Анжелика в одиночестве смотрела на море и покинутое всеми побережье. Почему на нем так много портов носят имена, означающие опустошение, забвение? Имена, звучащие, как звон погребального колокола. Все пусто кругом, все поблекло, исчезло: пропали киты и косяки трески и сардины, эти огромные серебряные щиты на поверхности воды, и тучи птиц, и тюлени на взморье в своих монашеских рясах, и белые дельфины, и голубые кашалоты, и свирепые касатки, и ласковые котики...

Но не это было самым печальным... Сердце сжимается от щемящего чувства бессилия и уныния; смутная, непонятная тоска охватывает душу...

Слишком много воспоминаний, слишком много сражений, слишком много убийств, слишком много утопленников, слишком много алчности, слишком много страстей, слишком много душ, блуждающих среди ненависти и запустения, всеми забытых, собирающихся со стонами и рыданиями в тумане, в порывах ветра, в брызгах волн, которые увлекаются то туда, то сюда гигантскими, ужасающими приливами и со свистом и завываниями поглощаются недрами земли.

Так много пустынных берегов...

Сверкающий мельчайший туман тяжело оседает на кедрах в лесу, на зеленых иголках сосен, на блестящей листве кленов и меди буков, опускается на поля, заросшие диким люпином и рододендронами, на кусты сирени у разрушенного дома, на розы, цветущие в забытом саду.

Земля привидений, земля теней: французы, англичане, голландцы, шведы, финны, испанцы, бретонцы, нормандцы, шотландцы, ирландцы; пираты, крестьяне, рыбаки, китобои, трапперы; пуритане, паписты, иезуиты, монахи; индейцы эчемины, тарратины, мик-маки — где вы все? Где вы, тени Акадии, страны, имеющей сотню имен, королевства полуостровов и заливов, укромных уголков под сенью листвы с проплывающим мимо парусом?

Запах леса и запах водорослей, запах индейцев, запах скальпов, запах пожарищ, запах морских берегов, запах, который доносится с моря и поднимается от земли, запах, который окружает тебя, как фимиам, и ты цепенеешь, не в силах шевельнуться, и над всем этим — холодный, безжалостный взгляд, наблюдающий за тем, как ты умираешь...

Тишину нарушил пронзительный визг, сразу же пробудивший Анжелику. Этот особый, режущий ухо вопль мгновенно вырвал ее из кошмара, и она встrepенулась с сильно бьющимся сердцем, опять оказавшись у подножия дерева, под которым Задремала.

— Что это? Режут свинью?

Нет, это были всего лишь шотландские волынки, начинающие играть внизу, на берегу.

В нескольких шагах от себя Анжелика заметила Джека Мервина, который сидел, глядя на берег, где только что зажгли огромный костер и шотландцы

танцевали, перепрыгивая через скрещенные сабли, или боролись с черным медведем.

— Я видела сон, — сказала Анжелика почти про себя, — как будто люди так много воевали друг с другом, что все эти края стали пустынными и заброшенными.

И только тут она заметила, что говорит по-французски.

Спина Джека Мервина оставалась неподвижной, как камень. Он сидел, положив руки на колени, так что его кисти расслабленно свисали, и она впервые заметила, что, несмотря на ссадины и мозоли, у него все же удивительно длинные, изящные, аристократические руки.

Неприятное чувство какой-то тревоги и смятения, которое она часто испытывала при виде этого человека, нахлынуло на нее с особой силой, когда она вспомнила, как невероятно он поступил, отказавшись протянуть ей руку и наблюдая холодным, безжалостным взглядом ее отчаянную борьбу со смертью.

Что заставило его позволить ей тонуть и пережить эту страшную борьбу с морем, а потом вдруг броситься в воду тогда, когда уже почти ничего нельзя было сделать, и в самый последний момент спасти ее ценой сверхчеловеческих усилий? Он был очень странный человек. Может быть, он просто безумен, в конце концов!

— Дайте мне руку, Джек Мервин, — вдруг сказала она, — и позвольте прочесть по ней ваше будущее.

Но он только бросил на нее свирепый взгляд и крепко сцепил руки, явно давая понять этим, что желает оставить их при себе.

Анжелика внезапно рассмеялась. Нет, она, должно быть, и в самом деле еще не совсем проснулась, если осмелилась проявить даже такое кокетство и шаловливость по отношению к этому враждебному

женоненавистнику. Но ее сердце в этот момент было подобно кораблю с туго натянутыми ветром парусами, который готов устремиться к далекому горизонту, и вся эта суматоха, в том числе и завывающие волынки, приводила ее в восторг.

— Как это чудесно — чувствовать себя живой! Мервин, я так счастлива!.. Вы спасли мне жизнь.

Мервин нахмурился, все еще крепко сжимая свои руки. Должно быть, слушая, как она беседует сама с собой, он решил, что она просто сошла с ума.

Она засмеялась снова, опьяненная этой июньской ночью, околдованная ее несмолкающими резкими звуками.

Ритмичный призыв барабанов и флейт звучал еще громче, чем волынки.

Анжелика вскочила на ноги.

— Мисс Пиджин, миссис Мак-Грегор, миссис Уинслоу, и вы, Жанет и Дороти, пойдете, пойдете... Давайте танцевать фарандолу с басками.

И, схватив за руки, она повлекла их за собой, сбегая по склону холма к берегу.

Глава 47

Баски шли друг за другом босиком и на цыпочках, кувыркаясь и кружась; они были великолепными танцорами, исполненными грации и силы, и отблеск костров ложился на их красные, как маковый цвет, береты.

Впереди кружился и кружился высокий, гибкий парень, держащий над головой тамбурин с медными бубенчиками, которые он то и дело встряхивал своими проворными пальцами.

Когда Анжелика со своими спутницами вступила в круг света вокруг костра, их встретили шумными приветствиями и расступились, освобождая место.

— Клянусь Св. Патриком, — воскликнул ирландец Парсонс, — эта удивительная женщина уговорила присоединиться к танцу всех наших женщин!

— Я кое-что о ней слышал, — отозвался англичанин Уинслоу. — Говорят, что она — дьяволица.

— Дьяволица! — со смехом прогрохотал старый Мак-Грегор. — Держи карман шире, вы просто ничего не понимаете в таких делах. Она фея! Мне приходилось встречать их на болотах, когда я был ребенком в Шотландии, и я сразу же ее узнал. Пусть так, сосед, пусть так. Сегодня сумасшедшая ночь. От одного только звука этих баскских флейт у меня начинается зуд в ногах. Пойдемте станцуем и мы, сосед. Сегодня сумасшедшая ночь!

Фарандола продолжала следовать своим причудливым, извилистым путем между кострами, домами, скалами и деревьями.

Каждая женщина: старая или молодая, бабушка, мать, девушка или совсем ребенок — должна включиться в танец в эту колдовскую ночь летнего

равноденствия. Высокий гарпунер, капитан Эрнани д'Астигуарра, протянул руку Анжелике, увлекая ее за собой в танце и ни на мгновение не отрывая взгляда, от ее лица. Вскоре он обнаружил, что она знает большинство основных движений баскской фарандолы, и, как только они снова вернулись на берег, вытащил ее в центр круга. И здесь, подчинившись чарам этой волнующей музыки, она исполнила с ним множество сложных, стремительных и грациозных моментов, традиционных для страны басков.

В Аквитании, в Тулузе, Анжелике приходилось танцевать почти все эти фигуры, потому что в своем замке они отдавали им предпочтение перед излишне чопорными и скучными придворными танцами. Жоффрей де Пейрак часто брал с собой молодую жену на большие народные празднества в баскскую деревню в Пиренеях, где она, выступая в роли молодой госпожи, радостно разделяла веселье своих вассалов.

Эти воспоминания одно за другим нахлынули на нее под звуки неистовой музыки.

Короткая юбка юной Эстер позволяла Анжелике свободно вскидывать ноги в быстром темпе танца, и она весело смеялась, позволяя капитану басков увлекать себя вдоль берега. Она двигалась с такой легкостью, что едва касалась земли, и золотые волосы то летели за ней, как развевающийся на ветру флаг, то ударяли ее по щекам, окутывая все лицо шелковистой паутиной.

Неотразимый капитан говорил с ней то по-французски, то по-баскски, когда фигуры танца снова сводили их вместе, и его стальная рука при каждой новой встрече обвивала ее все более и более властно.

— Фея вышла из моря в Иванову ночь, — сказал он. — Монхиган — счастливый остров. Во всем этом так много волшебства, мадам. Откуда вы могли узнать наши танцы?

— Дело в том, что я графиня де Пейрак де Моран д'Ирристрию.

— Ирристрию?.. Это имя из нашей страны.

— Да, это и в самом деле так.

— Значит, вы из Аквитании?

— Да, по замужеству.

— Но что же делает ваш муж, позволяя вам блуждать в одиночку на самом краю света?

— Он не так уж далеко отсюда, так что осторожнее, сударь.

— Мадам, — продолжал он на баскском, — у вас самая красивая на свете фигура, самая гонкая талия, которую мне доводилось когда-либо сжимать в руках, а ваши глаза просто опьяняют... Знаете ли вы джигу сбора винограда? — продолжал он, снова переходя на французский.

— Мне кажется, да.

— Тогда пойдете.

Он бешено вовлек ее в танец и принялся кружить до тех пор, пока все не поплыло перед ее глазами: темно-синее небо мелькало в просветах между языками пламени костра, и веселые лица качались перед ней, как множество шаров.

— Достаточно, — воскликнула она, — у меня кружится голова.

Он остановился, но только после того, как оторвал ее от земли и несколько раз повернул вокруг себя.

Все захлопали в ладоши, и Анжелика засмеялась, когда ей передали бутылку из козьей шкуры, из которой нужно было излить струйку вина прямо в горло, не прикасаясь к ней губами. Еще один взрыв аплодисментов был наградой за ее новую удачу.

Вверху, на склоне холма, сидели, прислонясь к стволам дубов и созерцая открывающуюся перед ними сцену с одинаково мрачным, осуждающим видом, преподобный Патридж, отнюдь не одобрявший такое

поведение людей, и моряк Джек Мервин, который не был настроен разделять общее веселых

Заметив эту пару, Анжелика залилась неудержимым смехом; они были до того смешны, что слова здесь были бессильны.

Ее веселый смех еще более подстегнул веселье других, и все опять начали танцевать: взрослые парами, а дети кругом под звуки волюнок, поддерживаемых барабанами, и буре из Лиможа перемежалось с шотландской джиггой и корнуэльским танцем. Менее подвижные или уставшие участники сборища проводили время, хлопая в такт музыке.

Временами тот или другой из танцоров грохался за деревянный стол, чтобы осушить кружку пива или сделать добрый глоток вина. Все корабли, стоявшие в гавани, выставили сюда свои запасы вин, приберегаемых для особых случаев: испанские вина с берегов Карибского моря, французские вина и терпкое вино из дикого винограда с острова Мартиника. Пьющие переключались с одного вина на другое, и солнечные лучи разных континентов, смешиваясь воедино в бокалах, наполняли их желудки приятной теплотой и придавали необыкновенную легкость ногам, хотя позже эти волнующие ощущения и должны были смениться опасной слабостью.

За столами восседали две старейшие дамы острова — одной из них была та самая бабушка Дюмаре, которая предчувствовала несчастья, — и без устали открывали ножами устриц и моллюсков.

Мессир д'Астигуарра напомнил Анжелике, как правильно есть «лоубинкас», любимое блюдо Беарна и Басконии. Оставляя Байонну, он позаботился о том, чтобы взять с собой на судно достаточный запас этих невероятно пряных и острых маленьких сосисок, которые полагается есть обжигаяще горячими, и вслед

за каждой надо немедленно проглатывать холодную сырую устрицу.

Верх гастрономического блаженства: нестерпимо горячая сосиска и холодная устрица. Потом еще одна дьявольская сосиска, такая острая, что на глазах наворачиваются слезы, и зеленая, холодная, как лед, плавающая в своем соленом соку устрица, которую нужно высасывать прямо из ее радужной скорлупки. Танцы, смех, ритмичное хлопанье в ладоши, янтарное вино с таким же сильным и трепещущим ароматом, как и пение флейт...

Некоторые из пирующих сидели, другие попадали на землю, некоторые начали пошатываться, сами того не замечая, иные чувствовали себя не совсем в своей тарелке и сильно побледнели, но никто не обращал на все это ни малейшего внимания.

И вверху над всеми, у домов на опушке леса, восседали индейцы — мик-маки и могикане, — которые наблюдали за пиршеством бледнолицых почти с той же серьезностью, что и преподобный Патридж. Им казалось, что нет смысла пить вино, которое даже не может как следует опьянить человека, и поэтому они считали, что только одна огненная вода обладает божественными и магическими свойствами. Когда у них накапливается достаточное количество водки, полученной с кораблей в обмен на меха, они устраивают где-нибудь в глубине леса величайший пир и уж тогда по-настоящему сходят с ума и общаются с Духом Снов. Они не довольствуются одним только смехом и танцами, как делают глупые бледнолицые, которые к тому же еще и ничего не едят, кроме каких-то жалких моллюсков...

Когда пробила полночь, из пламени костра вылетел, как черный дьявол, первый смельчак.

Потом баски принялись прыгать через огонь один за другим, широко расставив напружиненные ноги и

подняв руки, и каждый новый прыжок сопровождался испуганным и восхищенным возгласом зрителей.

— Дьявол целый год бессилён перед тем, кто прыгнул через костер в ночь летнего равноденствия, — сказал Эрнани д'Астигуарра.

— В таком случае я тоже прыгну, — заявила Анжелика.

— Но женщины не могут этого делать, — запротестовал один из басков, потрясенный таким нарушением традиции.

— Так значит, вы оставляете своих женщин на милость дьявола, а? — парировала Анжелика, натянув ему на нос его же собственный берет.

Она слегка сумасбродна и чуточку пьяна, но что из того? Это была такая возможность, какой ей никогда больше могло не представиться, а она всегда мечтала о чем-то подобном.

— Если речь идет о НЕЙ, то все в порядке, ОНА может! — сказал Эрнани с огромным убеждением, глядя на нее взором, полным скрытой страсти. — Но ваши волосы, мадам... Вы должны позаботиться о своих волосах, — добавил он, положив руку ласкающим жестом на голову Анжелики, но она почти не заметила этого, захваченная лихорадочным возбуждением и опьянением момента.

— Не бойтесь! Я родилась под знаком Стрельца, а это знак Огня, дети которого, когорты Неистовых и легион саламандр, могут безнаказанно проходить сквозь пламя. Я ДОЛЖНА прыгнуть! Мессир д'Астигуарра, вашу руку!

Он подвел ее к потрескивающему костру, остановившись перед ним всего в нескольких шагах, и все смолкли.

Анжелика сбросила башмаки, позаимствованные ею у миссис Мак-Грегор. Песок под ногами казался

прохладным, а прямо перед ней вздымалось ревущее пламя, высокое и золотое.

Ей, тоже вкусившей обжигающих «лоубинкас», жгучего вина и соленых даров моря, показалось, что она сама превратилась в пламя, которое вот-вот затрещит и разгорится.

Эрнани протянул ей маленькую плоскую бутылку, которую она понюхала, и сразу же узнала знакомый аромат.

— Это же арманьяк из виноградников Пикеполя!.. Тысячу благодарностей, сударь!

И она сделала длинный глоток.

Все следили за ней. Никто точно не помнил ее имени, но все, что о ней говорилось, смутно бродило в их затуманенных головах.

Она стояла перед ними босая, готовая к прыжку и казалась им богиней, не вполне принадлежащей к их миру, но превосходящей их своей спокойной независимостью существа, уверенного в себе.

Они видели, что ее тонкая талия совсем не похожа на хрупкую, ее красивые плечи, несмотря на все свое изящество, свидетельствуют о жизни, богатой переживаниями и борьбой. Они чувствовали по блеску в ее глазах, что, бросая вызов пламени, она желает как бы окончательно покончить со всеми адскими огнями, через которые ей довелось пройти.

Однако сама Анжелика ни о чем не думала в этот момент, потому что все ее внимание было сосредоточено на предстоящем ей трудном и чарующем испытании.

Вначале она почувствовала какое-то стремление в своем теле, изнемогающем от духоты летней ночи. Стремление взмыть в воздух зародилось в ее живом теле, едва не погибшем в этот же самый день; и ей вдруг показалось, что она видит среди извивающихся и перекрещивающихся языков огня сверкающее,

страшное лицо, которое зовет ее к себе — лицо мифического духа Ивановой ночи, ослепительного существа, волосы которого то темнели, то становились багровыми. Лицо Дьяволицы!

Зазвенел тамбурин. Эрнани д'Астигуарра схватил Анжелику за руку и повлек ее вперед, все быстрее и быстрее...

Перед ней выросла золотая стена.

Крепко сжав ее руку, Эрнани поднял Анжелику в воздух. И, прыгнув вперед, она почувствовала горячее дыхание огня, проникла сквозь его колышущуюся раскаленную завесу, ощутила мимолетный ожог, когда сверкающий красный вихрь попытался обвить ее вокруг и не выпустить из своих тисков, и опять оказалась на свободе, опустившись на землю по другую сторону костра и окунувшись в прохладу ночи, в то время как другой баск оттащил ее подальше от огня, в безопасное место.

Еще двое басков бросились к ней и затушили ладонями тлеющий подол ее юбки.

Слегка запахло опаленными волосами, и Анжелика встряхнула своими локонами.

— Ничего! Я проскочила, благодарение Богу!

— Я из-за вас заболею! — завопил Адемар, заливаясь слезами. — Что стало бы со всеми нами, если бы вы упали? Неужели вам мало воды для того, чтобы умереть, или вам нужен еще и огонь?

Он был мертвецки пьян.

Снова заиграла музыка, на этот раз как-то неровно и сумбурно, и рука высокого гарпунера Эрнани обвила талию Анжелики, увлекая ее в сторону.

Его черные глаза сверкали, как два карбункула, и когда он заговорил с ней на баскском, к его голосе звучала настойчивость.

— Встреча с вами — незабываемое переживание, мадам. Вы пленили мою душу. Мы закончим згу ночь

вместе, не так ли?

Анжелика высвободилась, чтобы лучше видеть его, но ее удивление было вызвано не столько сверхнаглым предложением, которое он ей только что сделал, сколько тем, что он говорил по-баскски и она не должна была ничего понять.

— До чего удивительно, — воскликнула она, — но... я, оказывается, понимаю баскский язык! Я — язык басков! Эту невероятную тарабарщину, которую как будто не может выучить ни один человек, если только он не родился на берегах Сале!.. Может быть, в вашем арманьяке было какое-нибудь волшебное зелье, мессир д'Астигуарра?

— Нет... но... не говорите ли вы, мадам, на каких-нибудь индейских диалектах?

— Я и в самом деле знакома с языком абенаков, на котором говорят в районе Кеннебека.

— Это объясняет загадку. Наш язык родственен языку индейцев. Я полагаю, что, будучи выходцами из Азии, обе наши расы отправились в путешествие вокруг света в противоположных направлениях, и индейцы окончили свой путь здесь, а мы — к Байонне. Когда мои предки охотились на китов в этих водах, они без всякой подготовки выступали в роли переводчиков между ними и миссионерами.

Он опять попытался привлечь ее к себе.

— Итак, мадам, если вы поняли мое смелое предложение, каков будет ваш ответ?..

Она приложила к его губам два пальца.

— Ш-ш-ш, сударь! В ночь равноденствия люди говорят много глупостей, но они не должны их делать. Это время волшебных чар, а не грубой реальности.

Судя по всему, наступил момент, когда всем порядочным дамам следовало удалиться, и Анжелика вместе с мисс Пиджин, цеплявшейся за одну ее руку, и миссис Мак-Грегор, тащившейся за другой и, в свою

очередь, поддерживающей одну из своих дочерей, за которой следовал целый выводок детей, не без труда вскарабкались вверх по склону холма, стремясь добраться до того, что смутно представлялось им группой домов на его вершине.

Они так хохотали над тем, что то и дело скользили и оступались, что все их лица были мокры от слез и болели бока.

И вдруг перед ними выросла непреклонная фигура воплощенной праведности, и голос преподобного Патриджа прогремел:

— Мисс Элизабет Пиджин, я от всей души осуждаю ваше настоящее поведение. Вы, такая благочестивая...

— О, да оставьте вы бедняжку в покое, — прервала его Анжелика и сама удивилась своему хриплому голосу. — В конце концов она досыта натерпелась страха и горя за эти две недели! Она имеет полное право немного порадоваться теперь, когда мы все вне опасности!

Она закружила вокруг себя хихикающую мисс Пиджин и опять начала танцевать.

— Я возьму вас в Голдсборо, дорогая, и там вы будете в безопасности... Миссис Мак-Грегор, можно ли нам отдохнуть под вашей крышей?

— Да, мои милые, — пропела миссис Мак-Грегор, которая была пьяна, — мой дом — в вашем распоряжении.

Они улеглись на набитых водорослями матрацах, которые были расстелены на полу в гостиной. Но не успели они поудобнее устроиться, как в ставни принялась барабанить группа моряков, требующих женщин.

Старый Мак-Грегор вскочил с постели и занял позицию в дверях с мушкетом в руке. Он заорал, что сделает решето из каждого, кто посмеет потревожить покой дам.

После этого все опять успокоилось, а потом наступил рассвет.

Так закончилась сумасшедшая Иванова ночь на острове Монхиган, самая короткая ночь в году, языческий праздник летнего солнцестояния с кострами, торящими на берегу и на вершинах холмов; ночь, когда в подлеске зацветает папоротник, когда старый Шаплейф уходит в лес Нового Света, чтобы сорвать дикую вербену... слезы Юноны, кровь Меркурия, радость простодушных...

Глава 48

Начался третий день путешествия. Утро после такой ночи... Над островом висел туман, который мог в любую минуту перейти в дождь, и все вокруг было пропитано запахом догоревших костров и дохлой рыбы. Только чайки, бакланы да другие морские птицы снова затеяли свою крикливую перебранку. «Теперь наша очередь!» — как будто жалобно выговаривали они.

Когда Анжелика начала спускаться к причалу вместе с Адемаром и юным Самюэлем, ее догнала бегом дочь миссис Мак-Грегор, за которой следовали две девочки, восьми и двенадцати лет.

— Возьмите их с собой, возьмите, — сказала она, пыхтя и отдуваясь, — возьмите их в Голдсборо. Как я поняла, там есть школа, где они могут научиться хорошо говорить по-французски, как моя мать, и выучить молитвы. Вот уже три года, как у нас здесь не стало пастора... А уж что касается письма... Бедняжки! Здесь они скорее научатся богохульствовать!

Явившись на пристань с Дороти и Жанет, следовавшими за ней по пятам, Анжелика чувствовала некоторое смущение.

— Я заплачу за проезд этих детей, когда мы доберемся до Голдсборо, — сказала она Джеку Мервину, который просто отвернулся с мало любезным видом человека, судно которого, по-видимому принимают за ненужную лоханку.

Зевая и не совсем уверенно держась на ногах, заняли свои обычные места остальные пассажиры «Белого Бутона», и в самый последний момент из тумана вдруг возник капитан Эрнани, точно такой же веселый, сак и накануне, и положил на колени Анжелике что-то тяжелое.

— Это для ваших друзей в Голдсборо, — сказал он.
— Я знаю, что они из Шаранте сумеют оценить это по достоинству...

«Это» оказалось белым дубовым бочонком, полным самого лучшего арманьяка. Поистине бесценное сокровище!

Мервин уже оттолкнул свое судно от берега, и Анжелика едва успела поблагодарить щедрого капитана.

— Навестите нас в Голдсборо! — крикнула она.

Они смотрели, как он стоит на берегу, посылая ей воздушные поцелуи, пока его яркий красный берет не растаял в тумане.

Привыкнув к капризам своего капитана, пассажиры «Белого Бутона» приготовились к отплытию, едва лишь он распорядился это сделать. Но вскоре ям стало ясно, что выходить в море в таком «гороховом киселе» было сущим безумием.

К счастью, никто из них не мог по-настоящему задуматься над этим. Все дремали после бессонной ночи, а что касается Анжелики, то она была в восторге от этого поспешного отплытия. Этим вечером они будут в Голдсборо, и ничто уже не могло омрачить ее безоблачно счастливого настроения: ни мерзкая погода, ни темное мрачное море, ни косые взгляды, которые бросал преподобный Патридж, все еще дующийся на мисс Пиджин, сидевшую теперь с жалким раскаивающимся видом, ни даже выражение лица Джека Мервина, которое было еще холоднее и враждебнее чем обычно.

Ей казались просто восхитительными две маленькие шотландки с круглыми лукавыми личиками, выглядывающими из огромных, красно-зеленых, клетчатых пледов, в которые они были укутаны с ног до головы. Обе они цепко держали в ручонках маленькие узелки, представлявшие собой большие носовые

платки, в которые были завязаны их скудные пожитки. Младшая девочка держала еще простую индейскую куклу, сделанную из оболочки кукурузного початка, со щеками, наарумяненными малиной, и с сухой травой вместо волос.

Анжелика подумала об Онорине и о яркой грации детства.

Туман все сгущался, и Мервин велел своему юнге трубить в специальный рожок. Как только парень принялся с натугой дуть в огромную раковину, из тумана вырисовались очертания большого рыбацкого шлюпа, направившегося прямо к ним. Казалось, что на борту у него не было ни души, но как только он приблизился, воздух потряс ужасающий вопль — военный клич краснокожих. И пока они сидели не в состоянии пошевелиться от ужаса, из тумана появилось дуло пистолета, положенного на борт шлюпа, и кто-то невидимый обратился к ним по-французски:

— Клянусь Святым Причастием — вы англичане?

— Мы французы! Мы французы! — торопливо заверили Анжелика и Адемар.

Шлюп подошел к борту «Белого Бутона», с него забросили бортовые крючья, заставив маленькое суденышко остановиться. Это был корабль из Акадии, который рыскал в поисках английских пленников.

Неизвестно откуда появилось вдруг молодое безбородое загорелое лицо, обрамленное черными кудрями, на которых красовалась фетровая шляпа с орлиными перьями, и красивые черные глаза быстро оглядели всех пассажиров лодки.

— Хо! Хо! А мне кажется, что я вижу среди вас немало англичан!

Он показался теперь весь. На его камзоле из мягкой кожи, отделанном бахромой в стиле индейцев, позвякивали серебряное распятие и несколько медальонов. На поясе висели резак и топорик, а в руке

он держал длинный пистолет с украшенным перламутром прикладом. За ним появилась несколько физиономий самого гнусного вида, весьма смахивающих на шайку бандитов, и среди них три или четыре мик-мака в черных остроконечных шапках, расшитых жемчугом.

Их молодой предводитель подозрительно посмотрел на Анжелику и прищурился,

— А вы вполне уверены в том, что вы французы, я не англичане?

— А вы, — парировала она, — вполне уверены в том, что вы француз, а не индеец?

— Я, — негодуя воскликнул он, — Хьюберт д'Орпентьи с мыса Сейбл. В Акадии и во Французском заливе меня знает каждый!

— А я, молодой человек, графиня де Пейрак, и думаю, что в Акадии и Французском заливе каждый знает моего мужа!

Нимало не смущенный Хьюберт д'Орпентьи спрыгнул на борт судна Джека Мервина.

Хотя его дед с материнской стороны был великим сагамором лесов, его второй дед по отцу был одним из конюших Людовика XIII и научил его придворным манерам, так что он весьма изысканно поцеловал Анжелике руку.

— Мадам, я узнаю вас по вашей репутации: прекрасна и отважна! Менее всего в мои намерения входит оскорбить вас. Но мне кажется, что среди ваших спутников есть несколько англичан, а это как раз то, что мне нужно для продажи в качестве заложников.

— Эти люди принадлежат мне, и я должна доставить их к моему мужу, графу де Пейраку.

Молодой д'Орпентьи глубоко вздохнул.

— И... у вас нет никаких запасов, никаких товаров на борту этого шлюпа? Зима в наших краях была очень суровой, и мы все еще ждем прибытия одного из судов

нашей компании, который должен нам доставить продовольствие из Бордо. Если окажется, что он потерпел кораблекрушение или был захвачен пиратами, мы окажемся в самом бедственном положении.

— Поэтому вы позволили себе немного попиратствовать за счет других, — заметила Анжелика, делая невероятные усилия, чтобы спрятать бочонок с арманьяком, подаренный ей Эрнани д'Астигуаррой. — Мне очень жаль, но здесь вы не найдете ничего. Мы бедны как Иов.

— И в самом деле!.. Эй вы, английский капитан, отойдите-ка в сторону и позвольте взглянуть на палубу!

Повелительно махнув длинным дулом своего пистолета, он показал Мервину, что тот должен уступить ему дорогу. Его товарищи продолжали удерживать маленькое суденышко в непосредственной близости от своего корабля, обмениваясь при этом шутками на индейском языке, делая глазки юной Эстер, украдкой разглядывая Анжелику и оскорбительно высмеивая еретического пастора.

Анжелика уже начала раздумывать над тем, чем может закончиться это приключение, когда вдруг увидела, что молодой д'Орпентьи перепрыгнул обратно на борт своего шлюпа и, улыбаясь от уха до уха, несколько раз почтительно помахал ей своей шляпой.

— Можете двигаться дальше, мадам, вы и ваши заложники свободны. Счастливого пути!

— Тысячу благодарностей, мсье. Если вам придется туго до нового урожая, приезжайте в Голдсборо.

— По всей вероятности, я так и сделаю. Мессир де Пейрак всегда был щедр с нами. А вы, вы действительно так прекрасны, как говорят о вас во Французском заливе. Сегодняшний день не пропал для меня даром...

— Что за молодой безумец! — сказала Анжелика, пожав плечами.

Потом они опять остались одни, то взлетая вверх, то ныряя вниз в сплошном тумане.

Джек Мервин, ворча, снова поднял паруса и попытался сориентироваться. Коробейник отер пот со лба. Если бы акадцы разграбили его товар, он был бы разорен.

— Миледи, благодарю вас. Если бы не вы...

— Пожалуйста, не благодарите меня. Я тут ни при чем.

У нее и в самом деле сложилось впечатление, что внезапная смена настроений молодого вождя пиратов объяснялась не только ее присутствием. Неужели его отступление было вызвано тем, что он обнаружил лежащего под палубой Мистера Виллоуби? Нет, дело, конечно, было совсем не в этом, потому что такой человек, как Хьюберт д'Орпентьи, никогда не позволил бы себе испугаться какого-то медведя, ручного или даже нет.

Она поймала себя на том, что оглядывается вокруг и даже смотрит вверх, в небо. Эти акадцы, которые проводят на море почти столько же времени, сколько в своих лесах, могли почувствовать надвигающийся шторм, увидеть какие-то незаметные неискушенному глазу приметы, которые могли побудить их как можно скорее искать укрытия.

Она уже отметила, что море становится все беспокойнее и Джек Мервин явно сбавил скорость, несомненно, не желая больше прибегать к помощи рожка, чтобы не привлечь еще каких-нибудь пиратов. Он только развернулся поперек ветра и осторожно пробирался вперед сквозь туман, сосредоточив все внимание на том, чтобы предотвратить возможное столкновение.

Анжелика с тревогой посмотрела на него.

— Мы доберемся до Голдсборо сегодня к вечеру?

Он как будто не слышал ее.

К счастью, туман начал редеть. Он стал прозрачным, как тонкий фарфор, затем распался на отдельные длинные полосы, похожие на газовые ленты. Потом вдруг появился горизонт, сверкающий множеством красок и блестящий, словно драгоценная эмаль. Солнце стояло еще высоко в небе, и, хотя море по-прежнему вздымалось черно-синими, с белыми пенящимися гребнями, огромными волнами, можно было уже разглядеть береговую линию, в зеленых очертаниях, которой было что-то такое, что неуловимо, но настойчиво напоминало окрестности Голдсборо.

Сердце Анжелики отчаянно забилося.

Теперь она была уже не в состоянии думать о чем-то другом, кроме быстро приближающейся минуты встречи. И сидела, уставившись взглядом в пространство, совершенно не замечая довольного вида своих спутников, которые тоже почувствовали близкий конец путешествия.

«Жоффрей, любовь моя!»

Целая вечность прошла с тех пор, как их так неожиданно разлучили.

К тому же после всех препятствий, вставших у нее на пути, она больше всего боялась, что ей еще может помешать нечто такое, против чего нельзя бороться, как нельзя бороться против злого рока. Она не успокоится полиостью до тех пор, пока не окажется снова рядом с ним, не прикоснется к нему и не услышит его голос. Тогда все это исчезнет. Как хорошо она знала его манеру смотреть на нее, этот взгляд, в котором она читала признание своей красоты, его глаза — единственные, не похожие ни на чьи другие. Он в высшей степени обладал даром уединения и отрешения, даром, который является исключительно привилегией мужчин, сердца которых переполнены радостью любви. Это ярко выраженное свойство мужского характера временами раздражало Анжелику,

потому что она была настоящей женщиной, и в ней смешивалось все: чувства, страсти, тревоги, желания, кипевшие в водовороте глубокой реки, впадающей в море.

Такова уж природа женщины, всегда переполняемой избытком самых различных ощущений. Она не всегда, послушно следовала за ним, но она непременно должна идти следом, и он умел заставить ее это делать, потому что в подобные моменты казалось, будто у него нет больше никаких дел, кроме как любить ее и доказывать ей это. Он так умел убеждать ее, что все сомнения, страхи и опасности оставались за порогом комнаты, где они собирались предаться своей любви. Он так искусно увлекал ее за собой в тот мир, где они оставались только вдвоем и сердца и тела их были переполнены радостью и изумлением...

Она знала и то, что сначала не скажет ему о Колене. Нет! Позже... Потом... Когда она снова найдет путь к его сердцу, когда они снова обретут друг друга в пьянящем восторге забвения, когда она опять заживет, наслаждаясь полной свободой своего тела, без всяких ограничений отдающего блаженству его ласки, когда она вновь почувствует, какое это счастье — обнаженной и беззащитной лежать в его теплых объятиях...

Глаза Анжелики встретились с глазами Джека Мервина, который пристально смотрел на нее.

Как долго он наблюдает за ней? Сколько ее мыслей он сумел прочесть по ее лицу, пока она сидела, грезя на яву?

Он почти сразу же отвел взгляд, и она увидела, что выплюнул в море огромную табачную струю. Спокойный и обстоятельный, как всегда, он вынул изо рта плитку табаку, сунул ее в свою шерстяную шапку, как било принято у моряков, и водрузил шапку обратно на голову. Во всех этих знакомых, будничных жестах было

нечто бесповоротное, что ей суждено было понять позже. Потом он как будто понюхал ветер.

Словно приняв какое-то решение, он протянул свою большую искривленную ногу с цепкими, как клешня рака, пальцами и ухватил полотнище большого паруса с такой силой, что не мог бы сделать лучше рукой. Управляясь один со штурвалом и остальными снастями, он развернул тяжелую лодку, так что она почти легла одним бортом на воду.

Анжелика вскрикнула.

Но ее восклицание было вызвано не столько этим блестяще выполненным маневром, который, в случае если бы его исполнил менее искусный моряк, мог вышвырнуть всех их в воду, сколько тем, что она только теперь увидела, как близко они от берега. Можно было разглядеть очертания проплывающих мимо деревьев и слышать рокот прибоя, бившегося о подножие скал.

И в то же время два розовых холма, фамильярно называемые Луковицами горы Дезерт, за которыми лежало Голдсборо, начали таять в тумане, оставаясь все дальше и дальше к востоку.

— Но вы идете не в том направлении, — воскликнула Анжелика, — Голдсборо вон там! Вы направляетесь в противоположную сторону.

Англичанин продолжал сохранять избранный им курс, не достаивая ее ответом, и вскоре Луковицы совсем исчезли из виду.

«Белый Бутон» отвернул на северо-запад и вскоре вошел в большой залив, усеянный множеством островов. Юная Эстер, однажды посетившая своего дядюшку на острове Матиникус, узнала залив, в который впадает Пенобскот.

Анжелика взглянула на солнце, пытаясь определить, который час. Оно стояло еще довольно высоко. Если повезет и, конечно, если Джек Мервин не будет околачиваться здесь слишком долго, они еще

смогут, благодаря длинным июньским вечерам успеть до полуночи добраться до Голдсборо.

— Куда вы нас теперь везете? — спросила она у него.

Но она могла бы с тем же успехом обратиться к деревянному чурбану.

Около часа они плыли вверх по широкому устью, и, когда после этого лодка свернула налево, направившись вверх по узкой, тенистой реке, Анжелика не могла не обменяться возмущенным взглядом с Элиасом Кемптоном. Они испытывали кровожадное желание наброситься на этого шкипера, Джека Мервина, раз и навсегда справиться с ним и взять штурвал в свои руки.

Здесь, под прикрытием деревьев, ветер стих, превратившись в теплый, приятный бриз, медленно подталкивающий суденышко вверх по течению. Мервин свернул паруса, взялся за весла и вскоре подплыл к заросшему ивами и ольхой берегу с песчаной отмелью. В глубине виднелись смешавшиеся в буйном, роскошном хаосе сосны, дубы, клены и березы, и от подлеска поднимался теплый аромат лета. Запахи моря сюда уже не долетали, и слышалось дыхание диких пчел.

Мервин выпрыгнул за борт, оказавшись до половины бедер в воде, и подтащил лодку к берегу, где крепко привязал ее.

— Вы можете сойти на берег, — сообщил он невозмутимым тоном, — мы прибыли на место.

— Но мы должны быть сегодня вечером в Голдсборо, — закричала Анжелика вне себя. — О! Этот проклятый англичанин просто изводит меня! Он сводит меня с ума... Вы...

Она пыталась как-то выразить свои чувства и свое мнение об этом тупоголовом существе и не могла найти нужных слов... особенно английских.

— Вы ужасно неразумны, Джек Мервин! — продолжала она, заставив себя сохранить спокойствие. — Вы должны знать, что недалеко отсюда живет этот жуткий француз, барон Сен-Гастин, который питает большую страсть к волосам англичан, и, если он и его эчемины налетят на нас, я совсем не уверена, что успею объяснить ему или им, кто я такая, прежде, чем все мы будем убиты.

— Вы слышали, что она сказала, безмозглый болван? — добавил разносчик. — Все это место провоняло французами и дикарями, а мы беззащитны. Вы хотите, чтобы нас всех перерезали?

— Идите на берег, — повторил Мервин, оставаясь совершенно равнодушным.

Медведь Мистер Виллоуби последовал за ним с большой охотой, потому что любил запахи земли. Должно быть, поблизости был мед, так как он поднялся на задние лапы и принялся скрести передними по стволу сосны, издавая при этом негромкое взволнованное рычание.

Остальные пассажиры, вздохнув, сделали, как им было сказано. Это место не сулило им ничего доброго, и они чувствовали тяжесть на сердце.

Потом они принялись с интересом следить за поведением Мервина. Осмотревшись, он опустился на колени у подножия большого дерева и начал разгребать руками толстый слой прелых листьев, скопившихся возле его корней.

— Что он делает?

— Может быть, он зарыл здесь какое-нибудь сокровище?

— Он вполне мог это сделать. Многие пираты прячут свою добычу на этих берегах.

— Эй, Мервин, проклятый вы негодяй, — воскликнул коробейник, — в чем состоит ваше сокровище? Это

испанские дублоны, португальские майдоры или серебряные песо?

Моряк не отвечал, продолжая копать. Под слоем листьев оказался сплетенный из ветвей щит, который он убрал в сторону, за ним последовали камни и мох. В конце концов он извлек из глубины образовавшейся ямы довольно большой пакет, завернутый в старые шкуры и промасленную ткань. Потом на свет появился еще один сверток, поменьше, и удовлетворенный англичанин поднялся на ноги.

— Хорошо! Подождите меня здесь, — сказал он, — я долго не задержусь; пока меня не будет, достаньте что-нибудь поесть. На борту еще осталось немного сыра и хлеба и бутылка вина, которую дала мне миссис Мак-Грегор.

Он был так доволен, обнаружив в тайнике свои свертки, что стал почти дружелюбным. Он повторил:

— Подождите только одну минутку!

И ушел в густую ивовую заросль. Анжелика начала обсуждать положение дел со своими спутниками, потом, убедив себя сохранять терпение, вернулась на судно, чтобы взять там продукты. Они вполне могли перекусить. Место казалось совершенно пустынным и было достаточно удалено от всякого жилья. Если они не будут оставаться здесь слишком долго, они имеют шанс выбраться отсюда, не успев привлечь внимание местных дикарей, которые рано или поздно почуют их присутствие.

Бесполезно было сердиться. Они просто должны были смириться с капризами своего капитана и с внезапными сменами его настроения. Принимая во внимание его невыносимый характер, опасности военного времени и памятуя о том, что еще три дня назад все они были пленниками Золотой Бороды в заливе Макуойт, следовало признать, что путешествие оказалось очень кратким и прошло на редкость удачно.

Она вернулась к своим спутникам и с помощью маленького Сэмми начала раскладывать на большом плоском камне порции для каждого члена маленькой компании. Все начали молча есть. Потом уже, в конце трапезы, Анжелика подняла взгляд и увидела, что все англичане сидят смертельно бледные, с раскрытыми ртами и дикими от ужаса глазами и смотрят на что-то позади нее. Ей стоило величайших усилий заставить себя обернуться и взглянуть в лицо новой опасности.

Из-за ив, длинные серебристо-зеленые листья которых нежно трепетали на ветру, только что появился иезуит в черной сутане.

Глава 49

Первой реакцией Анжелики было вскочить и встать между перепуганными насмерть англичанами и вновь появившимся незнакомцем. Второе, что она сделала — посмотрела на распятие священника, желая убедиться, есть или нет на нем рубин, по которому узнавали отца д'Оржевала. Но рубина не было.

Этот иезуит, неподвижно стоящий в своей черной сутане под сенью ил всего в нескольких шагах от них, был высоким, худым человеком с гладко выбритым лицом и длинными темными волосами, ниспадающими ему на плечи. Его высокий черный воротник с белыми лентами облегал длинную мускулистую шею, увенчанную головой с благородными и незаурядными чертами лица. Одна его рука была опущена вниз, а другой он придерживал распятие, висевшее на груди, обхватив его двумя пальцами за нижний конец и как будто представляя присутствующим.

Два темных, не знающих страха глаза смотрели на окаменевшую от ужаса группу мужчин и женщин, словно пытаясь пригвоздить их к земле, как загипнотизированных животных.

В конце концов он шевельнулся и вышел из тени под деревьями на залитый солнечным светом берег. И тут Анжелика заметила, что из-под измятой и слежавшейся складками сутаны выглядывают босые ноги. И эти ноги показались ей странно знакомыми.

— Привет, как дела? Как вы все себя чувствуете? — раздался голос Джека Мервина. — Вы меня не узнаете?

Обратившиеся в соляные столбы Анжелика и англичане не могли выдавить из себя ни одного слова в ответ на это приветствие, которое, в силу какого-то

колдовства или же благодаря непонятной галлюцинации, исходило из уст иезуита.

Он продолжал медленно идти им навстречу, а они все отступали и отступали назад, пока не оказались у самой кромки воды.

Видя их ужас, он опять остановился.

— Это, — сказал он по-английски с едва заметной улыбкой, — и есть то самое сокровище, которое я откопал из тайника несколько минут назад: всего лишь моя бедная сутана, которую я оставил здесь, отправляясь в дальний путь, и которую наконец-то могу надеть вновь после восьми месяцев отсутствия.

Потом, повернувшись к Анжелике, он продолжал по-французски:

— Так ли уж вы удивлены моим превращением, мадам? У меня сложилось впечатление, что вы начали подозревать меня.

— Мервин, — пробормотала она, — вы Джек Мервин?

— Он самый. А также отец Луи-Поль Мареше де Вернон, член общества иезуитов. Так что, как вы убедились, проклятый англичанин, случается, может превратиться в окаянного француза, даже в жуткого паписта.

Его преобразившееся лицо осветилось проблеском юмора. Он продолжал объяснять:

— Прошлой осенью мой настоятель доверил мне секретную миссию, с которой я должен был отправиться в Новую Англию. Мой облик моряка — только одна из многих масок, которые я вынужден был там надевать, чтобы избежать риска быть узнанным и с успехом выполнить мою миссию. Слава Богу, теперь я опять на территории французской Акадии, живой и невредимый.

Он говорил на изысканном французском языке, который тем не менее еще сохранял некоторые признаки английского акцента. Это объяснялось только

длительной привычкой, поскольку в течение многих месяцев он изъяснялся только на английском.

— Но... вы тоже француз? — запинаясь, пробормотала Анжелика, которая была не в состоянии справиться со своим изумлением.

— Совершенно верно. Мои родители родом из Оже, но я говорю по-английски с детства, потому что я был пажом при английской королевской семье, когда она жила в изгнании во Франции. Позже я ездил в Лондон, чтобы усовершенствовать свое знание языка.

Несмотря на эти вежливые объяснения, Анжелика все еще никак не могла поверить в то, что перед ней стоит Джек Мер-вин, шкипер шлюпа. Она стояла, будто пригвожденная к месту, и, глядя на ее приоткрытый рот и непонимающие глаза, он не мог удержаться от смеха.

— Полно, мадам, не надо так удивляться! Некоторые ваши замечания вызвали у меня серьезное беспокойство, но теперь я вижу, что мне нечего было бояться. Вы ни разу не заподозрили мою истинную сущность.

Впервые они увидели его смеющимся. И, как ни парадоксально, именно благодаря этому наконец-то узнали его.

Словно во внезапной вспышке озарения, Анжелика вдруг постигла глубину личности Джека Мервина, так интересовавшей ее.

Ну, конечно же! Конечно, он был иезуитом!

Как она могла не понять этого раньше? Ведь она воспитывалась в католическом монастыре, которым так мастерски управляли члены этого самого могущественного и надменного ордена того времени; каждую неделю все воспитанницы были обязаны исповедоваться одному из преподобных отцов, не имея права утаить в глубине души даже самую малость, — и как же она могла позволить так провести себя?

Как могло случиться, что, несмотря на множество нитей, ведущих к истине, она ни разу даже не заподозрила, в чем дело, и в ее уме не возникло и тени сомнения?

В ту ночь, когда он сидел на скалах Длинного острова, такой далекий, что она даже испугалась, ОН МОЛИЛСЯ, как умеют молиться одни только сыновья Святого Игнатия; и то, что она приняла за отрешенность или летаргию, на самом деле было

А когда он раздавал им пищу на Монхигане, как она могла не узнать это особое проворство и умение, свойственное членам любого религиозного ордена, привыкшим, вне зависимости от своего ранга, раздавать бедным порции супа еще со времен своего послушничества?

Да и в тот самый день не объяснялась ли внезапная смена поведения молодого акадского дворянина Хьюберта д'Орпентьи тем, что он узнал в английском капитане миссионера, который, быть может, готовил его когда-то к первому причастию? Должно быть, священник сумел как-то дать ему понять, что он не должен ничего говорить вслух.

Мистер Виллоуби подошел к иезуиту, понюхал его и, узнав запах шкипера «Белого Бутона», потерся о его сутану, а отец иезуит погладил зверя по большой мягкой голове.

— Мы ведь и в самом деле уже знакомы, Мистер Виллоуби, — пробормотал он.

В течение многих дней они делили на коварном море один и тот же кров из изъеденных непогодой досок. Дружелюбие мистера Виллоуби окончательно убедило даже самых недоверчивых англичан, и они совсем упали духом, погрузившись в уныние и понимая, что их судьба отныне решена и они погибли безвозвратно, Анжелика не могла выдавить из себя ни единого слова. Никогда еще она не чувствовала себя

такой убитой; размышляя над последствиями, которые могло иметь для нее и ее спутников это перевоплощение, она даже не могла найти в себе мужества посмеяться над тем, как здорово ее провели. Она пыталась понять, было ли чистой случайностью то, что судно мнимого Джека Мервина оказалось за бортом корабля Колена, или же она опять попала в ловушку.

Она опустила голову, сдаваясь на милость судьбы, и горькая складка прочертила уголок ее губ.

Иезуит повернулся к англичанам.

— Вам нечего бояться, — сказал он по-английски. — Здесь вы под моим покровительством.

Он подошел к кромке воды, поднял глаза к вершинам деревьев и, сложив руки лодочкой, издал индейский клич, который повторил несколько раз как сигнал.

Листья зашевелились, и почти тотчас же появилась шумная орда дикарей. Некоторые из них перешли реку вброд по отмелям, а некоторые спустились вниз по склону холма. Они упали на колени перед иезуитом, прося благословения, и всячески выражали ему свои дружеские чувства. И, конечно же, появился великий сагамор Пиксарет, важный и чванливый.

— Ты думала, что убежала от меня, — сказал он Анжелике. — Но я всегда знал, где ты; я следил за тобой и знаю все, что с тобой случилось, а теперь Черное Платье вернул тебя мне. Ты моя пленница.

Некоторые из дикарей хохотали, проводя руками по скудным остаткам волос Элиаса Кемптона, который был ни жив ни мертв от страха, а его ручной медведь угрожающе ворчал.

Увидев зверя, многие индейцы отпрянули и схватились кто за копья, кто за луки. Но иезуит успокоил их одним словом. Индейцы с благоговением смотрели, как он кладет руку на голову медведя, но Черное Платье уже ничем не мог их удивить.

— Форт Пентагуэт, которым командует барон Сен-Гастин, не так далеко отсюда, — сказал Анжелике отец де Вернон. — Будьте добры последовать за мной, мадам, и отправимся туда.

— Ну ладно, — неожиданно раздался голос Адемара, когда все они уже карабкались вверх по склону холма, — скажите, отец, вы случайно не брат Джека Мервина? Вы на него здорово похожи. А куда он, между прочим, делся? Нам пора уже и отплывать! Пора нам убираться отсюда, потому что здесь, знаете ли, со всеми этими дикарями... и...

Глава 50

— Нет, вы только взгляните, отец, — сказал барон Сен-Гастин, выразительно показывая на стену, сплошь увешанную английскими скальпами, — ну разве я не преданный офицер на службе Бога и Его Величества? Я со своими эчеминами и мик-маками провел более чем достаточно кампаний против этих английских еретиков, чтобы отвоевать себе место в раю. И можно ли упрекнуть меня в равнодушии к делам религии, МЕНЯ, совершившего обращение великого вождя Матеконандо и его детей, МЕНЯ, ставшего даже их крестным отцом, поскольку в то время на этих забытых Богом берегах не нашлось больше ни одного человека, который мог бы взять на себя эту христианскую обязанность?!

И однако теперь ваш покровитель, отец д'Оржеваль, едко упрекает меня в том, что он называет уклонением от долга или даже изменой, имея в виду мое отношение к священной войне, в которую он только что вовлек абенаков. Во-первых, я хотел бы заметить, что считаю эту кампанию преждевременной. Индейцы еще заняты торговлей и выращиванием урожая, что для них вопрос жизни и смерти.

— Крестовый поход может внезапно стать самым неотложным делом, — ответил отец де Вернон, — если его поддерживает каждое верное сердце. Может быть, в результате вашего... уклонения от долга... кампания продлится дольше, чем следовало, в, таким образом, помешает индейцам заниматься торговлей я урожаем вплоть до самой зимы.

— Нет уж, пусть это минует моих индейцев, — накуплено проворчал Сен-Гастин.

— А вы не считаете, что их ДОЛГ заключается в том, чтобы сражаться за Бога, именем которого они были

крещены?

Это было на следующий день после их прибытия в Пентагуэт. Они втроем сидели в главном холле крепости, заканчивая дневную трапезу, которая и свела их вместе.

Анжелика сидела на конце большого деревянного стола, отец Мареше де Вернон посередине его, а Сен-Гастин взволнованно расхаживал взад-вперед по комнате, так что колыхались все перья его индейского головного убора.

Густой туман, поднявшийся с рассветом, окутывал их серой, непрозрачной пеленой, как будто заключая в какой-то особый мир, в который проникали извне только душераздирающие крики чаек, похожие на вопли заблудших душ.

Французская застава была весьма скромным строением.

Сен-Гастин предоставил в распоряжение Анжелики маленькую комнату, которая, по всей видимости, принадлежала ему самому; но она провела часть ночи в сарае, где были заперты англичане, пытаясь в меру своих сил развеселить их, потому что они были погружены в глубокое уныние.

Теперь, когда они опять подали в руки французов, они больше не сомневались в том, что их отвезут в Квебек и продадут этим ужасным канадским папистам. Если, конечно, барону Сен-Гастину не удастся вступить в переговоры с Бостоном о их выкупе. Преподобный Патридж мог не беспокоиться, будучи уверенным в том, что его собратья по религии, большей частью члены магистрата и другие знатные люди города, не бросят его на произвол судьбы, даже если им придется поднять налоги ради того, чтобы собрать необходимую для его выкупа сумму. Но мисс Пиджин, не имеющей родственников, было суждено пожизненное рабство, самой болезненной стороной которого станет

необходимость ежедневно сопротивляться всем просьбам и искушениям, побуждающим ее отречься от своей веры и принять католичество.

Измученные, они все же уснули, попробовав немного маиса и рыбы, а Анжелика долго сидела, раздумывая над тем, как ей передать послание мужу.

Под конец все закружилось и завертелось у нее в голове. Какая злая случайность подтолкнула Колена остановить в то утро именно это суденышко, на котором возвращался в Акадию после завершения своей шпионской миссии замаскированный иезуит? Знал ли Колен, кем был этот английский капитан, непрерывно жевавший табак и так умело сплевывавший его за борт?.. Уж не поэтому ли он прошептал: «Берегитесь, они желают вам зла?»

Стремительная тень Пиксарета, казалось, неизбежно сопровождала ее во всех ее странствиях. Он был в Макуойте за день до того, как там бросил якорь корабль Золотой Бороды; ей показалось, что она заметила его на острове Макурта, а теперь он поджидал ее здесь, на берегах Пенобскота.

Она решила, что должна поговорить с Сен-Гастинном, и ей даже не пришлось его искать, поскольку на следующее утро он пришел сам и пригласил ее присоединиться за столом к нему и иезуиту.

Все это время с момента прибытия священник был очень занят. Информированные о его появлении боем своих барабанов, индейцы стекались сюда со всех сторон, так как что считали, что гораздо лучше, если их окрестит Черное Платье, а не какой-то скромный, благочестивый монах.

Была отслужена месса, и узники слышали доносившиеся к ним издали заунывные звуки молитвы.

Во время трапезы барон Сен-Гастин подбадривающе подмигивал Анжелике. «Все будет в порядке, не бойтесь», — пытался он ей сказать. Тем не менее он

тщательно следил за своим языком, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего при иезуите, который, прочитав молитву, ел неторопливо и воздержанно, не поднимая глаз от еды. Потом начался спор, Гастин уверял, что он никогда не отказывался помогать преподобным отцам в их тяжелой, неблагодарной миссии обращения индейцев и распространения католичества в Северной Америке. В качестве доказательства он показывал свою чудовищную коллекцию рыжих, каштановых и белокурых скальпов, которые, свисая с деревянных колышков, покрывали целую стену зала сплошным слоем человеческих волос, омерзительным, дурно пахнущим слоем. Их натягивали на небольшие кольца из ивовых прутьев, привязывая кусочками кишок, как бобровые шкуры, и вывешивали сушиться у дверей хижин воинов — мик-маков, тарратингов и эчеминов. Потом, когда скальпы были готовы, их привозили в форт Пентагуэт и вручали Сен-Гастину, который благодарил индейцев от имени короля Франции и вручал им небольшие подарки.

— Когда я вспоминаю о том, сколько скальпов этих еретиков я снял лично! — воскликнул Сен-Гастин с оскорбленным видом человека, служебное рвение которого остается незамеченным. — На моем счету их в два раза больше, чем у любого из моих воинов.

И более того, отец, этот год у нас был мирным. Когда вы перед своим отъездом в Новую Англию встретились с отцом д'Оржевалем и Жаном Руссе, было ясно, что не следует делать никаких выпадов против этих еретиков до вашего возвращения, поскольку цель вашей миссии как раз и заключалась в отыскании подходящего повода для нарушения договора. И вдруг отец д'Оржеваль выкапывает боевой топорик, как говорим мы, индейцы, более чем за десять дней до вашего возвращения!

— Несомненно, у него были для этого более веские основания, чем любые из тех, которые мог привезти ему я, — ответил отец де Вернон, не проявляя никаких эмоций. — Им руководит сам Бог, и мне редко приходилось видеть, чтобы он вступал на какой-либо путь, не взвесив предварительно всех обстоятельств.

— Мне кажется, я могу сказать вам, почему он начал эту войну, не дожидаясь вашего возвращения, — вмешалась Анжелика.

Отец де Вернон, который на протяжении всего разговора обращался исключительно к Сен-Гастину или сидел, погружившись в глубокое раздумье и не поднимая глаз от остатков своей скудной трапезы, медленно повернул к ней свой загадочный, невеселый взгляд — такой знакомый ей взгляд Джека Мервина.

— Да, — продолжала Анжелика, — я уверена, что отец д'Оржеваль увидел благоприятную возможность захватить меня в плен, когда я одна отправилась в английскую деревню Брунsvик-Фэлс, к западу от Кеннебека, и немедленно объявил войну, зная, что через несколько дней я уже буду в полной безопасности в Голдсборо и ему больше не представится подобного случая.

К ее удивлению, иезуит утвердительно кивнул.

— Да, должно быть, именно так все и произошло. А что вы делали в этой английской деревне, мадам?

Анжелика бросила на него вызывающий взгляд.

— Я возвращала семье маленькую английскую девочку, которую мы выкупили у абенаков.

— Значит, вы, француженка и католичка, считаете, что совершенно правильно и необходимо вернуть невинное дитя в это гнездо мракобесов-еретиков, хотя судьба, я бы даже сказал, Провидение, решила предоставить ей возможность увидеть истинный свет веры Христовой в Канаде?

Сначала Анжелика ничего не ответила, потому что все еще не могла привыкнуть к подобной манере разговора Джека Мервина, но в конце концов парировала с полуулыбкой:

— Да, гнездо! Дети похожи на птиц. И каким бы бедным ми было их родное гнездо, им нравится жить именно в нем.

— Значит, вы воспротивились воле Господа, — сурово прервал он ее. — А как случилось, что после этой... ловушки... вас не отправили в Квебек?

— Я боролась, — гневно ответила она. — Я боролась за свою жизнь и за свою свободу.

И, вспомнив презрительный взгляд, который он бросил на нее при лунном свете на берегу Длинного острова, она повторила: — Свою свободу!

— Значит, вы стреляли в солдат Христа? — продолжал он.

— Я всего лишь стреляла в дикарей, которые пытались меня оскальпировать.

— Но...

— И я вполне счастлива оттого, что смогла прийти к соглашению с сагамором Пиксаретом, вашим знатным новообращенным.

Иезуит нахмурился. Это казалось ему самой невероятной частью ее истории.

— А почему, по вашему мнению, мадам, отец д'Оржеваль должен был пожелать захватить вас в плен и отправить в Канаду?

— Вы знаете это не хуже меня...

— Прошу прощения, мадам, но я не знаю. Я покинул эти края несколько месяцев тому назад, и все это время мне было невероятно трудно связываться с моим настоятелем. Моя жизнь среди англичан была полна опасностей, потому что, если бы они только обнаружили, что я шпионю в пользу Христа и короля Франции, мне, несомненно, пришлось бы туго. В ту

пору, когда я отправлялся отсюда, вы еще только-только высадились на берег в Голдсборо.

— Но вы уже считали нас шипами, воткнувшимися в ваше тело, если не прямыми врагами, когда мы поселились в Голдсборо, имея в своем распоряжении гораздо больше средств, чем большинство здешних поселенцев. Какая великолепная возможность бросить тень на имя моего мужа я отдать его во власть фанатической ненависти жителей Новой Франции, объявив его жену воплощением дьяволицы, — горько возразила Анжелика. — Об этом вы должны знать, я уверена... Ясновидящая монахиня описала поселение на берегу, которое могло быть и любым другим, но в котором все недружелюбно настроенные лица настойчиво видели Голдсборо и только Голдсборо... Разве она не видела привезенных нами лошадей в образе единорога, мифического животного, на котором восседала при своем первом появлении женщина-демон? И когда я отправилась на лошади в глубь страны, сходство показалось таким несомненным, что канадцы в ужасе грохнулись на колени. И тем не менее это было только чистой случайностью...

— Да, — задумчиво ответил отец иезуит, — когда приходят в движение дьявольские силы, часто бывает так, что случай точно благоволит к тем, через кого совершается Зло.

— Но кто совершает зло во всей этой ерунде? — закричала Анжелика, — и почему это именно я должна быть вашей дьяволицей? В конце концов, в Америке есть и другие женщины, к которым вы можете приклеить это имя с тем же успехом, что и ко мне. Разве не вы, Сен-Гастин, упоминали о какой-то женщине, живущей в глубине Французского залива, которая славится своим развратным образом жизни и носит прозвище Марселина-ла-Белль?

Барон разразился смехом.

— О, нет, только не она. Это было бы слишком смешно. Она способна лишь рожать детей от каждого сходящего на берег капитана и открывать раковины моллюсков быстрее любой другой женщины в заливе. Говорят, что она может всунуть острие ножа между створками раковины и раскрыть ее прежде, чем предыдущая раскрытая раковина упадет на землю... Она просто фокусница, тут я согласен.

— А не может ли это искусство тоже рассматриваться как магическое? — со смехом спросила Анжелика. — Что вы на это скажете, отец?!

Но Джек Мервин продолжал сохранять ледяной вид, отказываясь принимать участие в легкомысленном обсуждении столь серьезного дела. Казалось, что он размышляет над ее предположением. Наконец он отрицательно покачал головой.

— Марселина Раймондо? Нет, она недостаточно умна.

— Так значит, женщина-демон должна быть умной, да?

— Безусловно! Если как следует подумать. Кто еще, после Бога, умнее Люцифера, Властелина всех демонов? Хорошо известно и то, что, воплощаясь в женское тело, демоны с большим трудом скрывают во время земного пребывания свой блестящий ум. Иногда даже можно разоблачить их по этому особому качеству, столь редкому среди женщин... Не будем забывать, что самые значительные из всех адских духов — Бегемот, Маммон, Беаст и Авадон, ангел Разрушения, — могут иметь женские воплощения.

— Я понял, — воскликнул Сен-Гастин, внезапно воодушевившись. — Женщина, которую мы ищем, должно быть, мадмуазель Радегон де Фержак, гувернантка детей мессира де ла Рош из Порт-Ройяла. Она зла, как ласка, скупа, как ваш Маммон, и безобразна, как все семь смертных грехов.

Но иезуит опять покачал головой,

— Нет, вы на ложном пути. Не может быть и речи о том, чтобы принять ваше предположение, поскольку вы говорите о безобразной женщине. Может быть, женственность этих демонов не может проявиться по-другому, но дело в том, что еще ни разу не было замечено, чтобы они поселились в теле некрасивой женщины.

— А как же ведьмы?

— Это совсем другое дело. Ведьмы — всего лишь человеческие существа, общающиеся с Дьяволом, в то время как адский дух, который проникает в тело женщины или воплощается в нее при ее рождении, есть истинный демон, один из тех падших ангелов, которые последовали за Люцифером, упавшим с небес в начале Времени.

— Но вы не можете так думать обо мне, это невозможно, — воскликнула Анжелика, стискивая руки. — Я ничего не сделала, ничего такого, чтобы заслужить столь ужасную репутацию.

— Однако предсказание достаточно специфично. Оно говорит о женщине, которая очень красива и соблазнительна...

— Разве я так уж красива?

Она была столь встревожена, что в ее вопросе отсутствовало всякое кокетство, и молодой Сен-Гастин подарил ей восхищенную улыбку.

— Да, мадам. Но я не стану порицать вас за это...

— И соблазнительна?.. — продолжала Анжелика, поворачиваясь к иезуиту. — Ну, отец, ведь я провела в вашем обществе более трех дней...

Он посмотрел на нее своим загадочным взглядом, то мрачным, то вспыхивающим, то лишенным всякого выражения; взглядом, в котором ничего нельзя было прочесть, и задумчиво погладил подбородок.

— Соблазнительна?.. Не знаю... Но пленительна, да... В ночь летнего равноденствия на Монхигане...

Анжелика прервала его, боясь, что краска, залившая ее щеки, дойдет до корней волос.

— Да, действительно! Ночь равноденствия... Раз уж вы о ней упомянули... А что можно поставить мне в вину? Я смеялась, я пила, я танцевала, признаюсь. Но поскольку вы там присутствовали, вы можете подтвердить, что я не делала ничего постыдного. Неужели католическая церковь собирается выказать такую же строгость к проявлениям веселья, как реформистская церковь? Сознаюсь, что если бы я знала, кто вы и что вы...

На этот раз он резко прервал ее:

— В самом деле? Вы и в самом деле ничего не подозревали, мадам? А меня временами сильно беспокоил ваш пронизательный взгляд.

— О, нет, совсем нет! Не питайте на этот счет иллюзий. Самое большее, на что я была способна, это предположить, что вы бывший капитан пиратского судна или младший сын какой-нибудь знатной фамилии, пытающийся разбогатеть... Так что сами видите, увы! Я отнюдь не колдунья, несмотря на все приписываемые мне силы. Если бы я знала, как я уже говорила, что вы иезуит, я, безусловно, была бы менее... буйной, более осторожной. Но, помимо этой оговорки, я ни о чем не жалею...

На какое-то мгновение она опять мысленно вернулась к этой удивительной ночи.

— Как мне объяснить тот восторг, который я испытывала в эту дивную июньскую ночь после перенесенной опасности?.. Разве я не побывала в лапах у смерти в тот самый день? И вы знаете это лучше, чем кто-либо другой, вы, спасший меня из моря...

Она замолчала, внезапно осознав, что вот этот самый священник, сидящий здесь, с рукой, покоящейся

на распятии, на самом деле был тем самым человеком, который волок ее за волосы вверх по берегу, вернул ее к жизни и отнес на руках к костру.

Никогда в жизни Анжелика не испытывала еще такого смущения, как теперь, когда она тщетно пыталась подобрать слова, которые не поджаривали бы ее, как на горячей сковороде. И вдруг заметила, как слегка дрогнули губы отца де Вернона, и по искорке, промелькнувшей в его взгляде, по тени улыбки, тронувшей его каменные черты, догадалась, что он пытается сдержать смех.

В сущности, он смеялся с самого начала разговора с ней. Он смеялся про себя, наслаждаясь ее смущением и замешательством, когда вынуждал ее говорить всяческие глупости.

— Ну, вы опять подняли меня на смех, — воскликнула она.

— Ну, я должен сказать...

И он начал смеяться открыто. Потом иронически посмотрел на нее, но в его взгляде была определенная теплота, и она впервые заметила искру человечности, таящуюся в глубине этих суровых глаз, и подумала, что видит в них проблеск дружеского участия.

Могла ли она надеяться, что за эти три дня, которые она провела между медведем и маленьким негритенком, он действительно узнал ее? Он не верил, что она демон. Она видела это по его глазам.

— Отпустите меня, Мервин, — дружески прошептала она, невольно подавшись к нему.

Священник немедленно отвел взгляд, его тяжелые веки тут же опустились, и на лице появилось обычное надменное выражение.

— Но... вы можете идти, мадам, кто вас держит? Вы не моя пленница, насколько я знаю... Вы пленница только Пиксарета...

Глава 51

Виднеющийся в сумерках Голдсборо был уже маленьким городом.

Таким увидела его на следующий вечер Анжелика, когда, взглянув вдаль сквозь пелену морозящего дождя, обнаружила мерцающие огоньки, горящие в окнах домов, которые окружали порт, тянулись вдоль берега и карабкались вверх до самых верхушек скал.

Лодка плясала среди черных волн. В них дробились на тысячи сверкающих отблесков желтые и белые огни фонарей и свечей, красные огни огромных костров, служивших сигналами в местах опасных рифов.

Анжелика с восторгом вдыхала запах земли и жилья, доносимый ветром.

— Я снова увижу тебя в Голдсборо, — пообещал ей Пиксарет перед самым ее отбытием из Пентагуэта. — Не забывай, что ты моя пленница и я должен потребовать у твоего мужа выкуп за тебя.

Но, если не считать этого напоминания, он вел себя очень либерально по причинам, известным только ему одному, и позволил ей покинуть форт после того, как она получила его торжественное благословение. Этот великий вождь, наделенный могуществом свыше, обожал священнодействовать и был на вершине блаженства оттого, что мог, как Черные Платья, даровать свое покровительство в виде большого знака креста, начертанного им в воздухе.

К концу утра туман несколько рассеялся, и они смогли выйти в море. Отец де Вернон и Сен-Гастин проводили их до берега. Иезуит оставил при себе золотоволосого паренька, служившего ему юнгой; мальчика звали Эббиал Нилс, Мервин подобрал этого сироту на набережной Нью-Йорка. Никто не знал, кем он

был — ирландцем, англичанином или шведом, — но, как бы там ни было, его полагалось окрестить.

В самый последний момент спустился к воде еще кто-то с огромным сундуком, в который Сен-Гастин торопливо скидал свою коллекцию английских скальпов.

— Мессир де Пейрак сказал мне, что собирается посетить Квебек, — объяснил он Анжелике, — и я подумал, что могу попросить его быть настолько любезным, чтобы передать от меня губернатору этот подарок. Надеюсь, что это произведет хорошее впечатление, и в высоких кругах перестанут обвинять меня в том, что я проявляю недостаточно рвения в борьбе с англичанами.

Нашли местечко и для бочонка арманьяка. Потом рулевой, акадский фермер, взялся за штурвал, а Сэмми, который в течение нескольких последних дней обучался мореходству, помог ему управиться с парусом.

Жемчужная пелена дождя очень быстро скрыла от них очертания прибрежных деревьев, и вместе с ними исчезла из виду высокая фигура человека, стоящего на берегу реки, затерянной в самом сердце американских лесов, человека в черной сутане, имя которого было Джек Мервин.

Глава 52

Сколько раз Жоффрей де Пейрак перебирал в уме ужасные известия, полученные им накануне вечером?

Прошла ночь, но он даже не шелохнулся; он продолжал сидеть за столом, опустив голову на руку и закрыв глаза.

Сколько раз в течение этой ночи слышал он эхо грубого, насмешливого голоса швейцарского наемника:

— Ее имя?.. Я не знаю. Но когда он обладал ею, он называл ее Анжелика!.. Анжелика!..

И каждый раз его сердце сжималось в тисках невыносимой боли.

А потом эти слова Жана, которые тоже пролили мало света на положение дел, если вообще можно говорить о каком-то свете в этом мраке интриг, внезапно натянувших отвратительную маску на лицо его возлюбленной:

«Они целовались, как любовники после долгой разлуки...»

Не здесь ли была скрыта разгадка тайны, объяснение ее невероятной измены? Бывший любовник? Человек из ее прошлого, из той части ее жизни, которой ей, несомненно, теперь недоставало: когда она была свободна, жизнь ее была легче и она могла удовлетворять желания своего восхитительного тела так, как ей только хотелось, не боясь гнева ревнивого мужа?

Теперь он понимал, как все это должно было произойти... Незнакомец, человек из прошлого, услышав имя Анжелики и узнав, что она находится поблизости, послал ей известие в Хаусснок, и она, воспользовавшись отсутствием Пейрака, поспешила на встречу со своим любовником под предлогом посещения английской

деревни. Потом их сообщник встретил Пейрака на Кеннебеке и дал ему фальшивые сведения, чтобы подольше и понадежнее отдалить его от жены...

Нет... Что-то тут было не так. Здесь было что-то другое... И Анжелика предстала перед ним такой, какой была в тот последний вечер в Вапассу, когда она подняла голову, прислушиваясь к отдаленному вою волков, и прощальные отблески северного сияния озарили ее лицо, ставшее от этого таким же нежно-розовым, как небо. Блеск ее мечтательных глаз, удивительных и непостижимых, пробудил в нем восхищение, перешедшее в обожание, волна которого захлестнула все его существо, ибо он с уверенностью прочел в этом взгляде, что она — единственная в своем роде, неповторимая женщина, не похожая ни на одну женщину в мире. И принадлежит ему и только ему одному.

До чего же он был наивен и самонадеян! Что за кретин! Как же он мог не заметить, что она была обыкновенной распутницей, имевшей за плечами богатую опытом жизнь и пышно одаренной всем колдовством своего пола; женщиной, которая использовала все, что делало ее столь не похожей на других, для того, чтобы позволить себе быть, как остальные: неверной, легкомысленной, не имеющей ни чести, ни памяти... Для таких существ нет ничего святого... Ничего, кроме удовольствия настоящего момента и надежды на то, что потом улыбка или взгляд помогут им загладить нанесенные ими раны... Ведь так легко снова прибрать к рукам потерявшего голову мужчину, и так заманчиво для этого мужчины поверить в то, что говорит ему прелестный ротик: что она его любит, что она всегда любила его и никого, кроме него! Да, несмотря ни на что, несмотря на ее измену...

Время от времени его переполняла сумасшедшая надежда. Все это лишь дурной сон, Анжелика должна

скоро появиться, и она появится и несколькими словами все объяснит... И он снова обретет ее, обретет безраздельно чистую, нежную, своего друга, свою любовницу, ласково и страстно отдающую себя ему одному; ту, какой она была в уединении лесов в эту зиму, когда спала рядом с ним в их огромной кровати, или весной, когда они вместе гуляли среди диких гиацинтов, наслаждаясь свободой, и он с восторгом смотрел на нее и целовал ее снова и снова, пока не чувствовал, что больше не выдержит, и тогда, убедившись, что они одни...

Обращенные к вершинам деревьев глаза Анжелики отражали свежую зелень молодой листвы, и она со смехом говорила: «Вы сошли с ума, мой дорогой повелитель...»

Тогда она принадлежала ему. Ему одному, и только он доставлял ей наслаждение...

Так будет и теперь, когда он снова найдет ее. Иначе не может быть. Но потом его мысли вновь натыкались, как слепец на препятствие, на неоспоримую реальность фактов:

«КОГДА ОН ОБЛАДАЛ ЕЮ, ОН НАЗЫВАЛ ЕЕ АНЖЕЛИКОЙ! АНЖЕЛИКОЙ!»

Удар, приглушенный крик. Каждый раз воспоминание об этих словах потрясало его, заставляло сгибаться пополам, как будто в его тело входило острое лезвие клинка.

Он не мог заставить себя не возвращаться без конца к одному и тому же: ее, обнаженную и томную от наслаждения, видели в объятиях Золотой Бороды!

Мысль о том, чтобы усомниться в достоверности рассказа бедняги Курта Рица, даже ни разу не пришла ему в голову. Прямота, с которой изложил свою историю этот парень, говорила сама за себя: он не имел ни малейшего понятия о том, что она может каким-либо образом относиться к личной жизни его господина. А

вино, которое ему дали выпить на пустой желудок, на время притупило его осторожность, сделав еще более откровенным. Будь он трезвее, он мог бы заметить общее замешательство, насторожиться и прервать свой рассказ, потому что по натуре был очень осторожным человеком.

Нет, здесь не могло быть никаких сомнений. Курт Риц был свидетелем этой сцены, когда совершал свой побег. Однажды ночью, вдали от мужа, Анжелика предала себя ласкам незнакомого мужчины. Ее застали врасплох, ее, жену графа Пейрака, его жену в объятиях Золотой Бороды, и от этого никуда нельзя было уйти...

Та, другая женщина, обожаемая, медленно таяла, исчезала в глазах Жоффрея де Пейрака... Оставалась только Незнакомка — та женщина, которой, как он подозревал, она была когда-то: гордая, чувственная женщина, живущая свободной, насыщенной жизнью; комедиантка, тем более искусная, что только наполовину признавала свои плутни, находя их совершенно естественными и необходимыми.

Жизнь оставила на ней свои следы, и все те трудности, с которыми ей приходилось сталкиваться, притупили ее способность любить. Ничто больше не имело для нее значения, кроме удовлетворения потребностей момента. И влияние, которое Анжелика имела на всех мужчин, не объяснялось ли оно именно ее интимным пониманием их? Она слишком хорошо знала мужчин, была слишком близка к ним... Одним только словом, одной улыбкой она получала их в свое распоряжение, будь то вельможи или простые мужики. Ее искусство, несомненно, было приобретено благодаря тому, что она слишком долго и со слишком нежного возраста была жертвой мужчин. Но теперь было уже поздно, ало было причинено, и в этом заключалась страшная правда. Теперь она была сильнее любого мужчины, они ничем не могут ее утратить, и она

получала тех, кого желала... Она любила всех мужчин, любых, самых разных, в чем и заключался секрет ее очарования и ее неослабевающей власти над ними; за исключением, возможно, лишь тех, кто выставял себя на смех самовлюбленностью и воинственной кичливостью, как этот парень, Пон-Бриан. Она не заслуживала доверия только потому, что оттолкнула его: он ей не нравился. Но как с Ломени-Шамбором? Пейрак заметил их взаимную симпатию и теперь начал задумываться над тем, не обманул ли его добродетельный сеньор под его же собственной крышей?

Анжелика! Анжелика!

Глаза Пейрака заволкло красным туманом мести.

Поднять паруса, догнать однажды ночью судно Золотой Бороды... Взобраться на борт, застать их двоих врасплох, убить их...

Ему стоило невероятных усилий снова взять себя в руки.

Над Голдсборо поднимался день. Туман превратил всю округу в холодную, безлюдную пустыню, оглашаемую только заунывными звуками раковин с залива.

Всего в нескольких милях отсюда Анжелика пробуждалась в форте Пентагуэт. Через несколько часов она сойдет на берег, радостная, горящая нетерпением снова встретиться с мужем.

Совершенно измученный Пейрак увидел в глубине своего сердца разбитый образ. Он так устал, что больше не мог искать оправданий для истины, которая должна была открыться перед ним во всей своей горечи; и он наконец смирился с тем, что должен видеть ее такой, какая она есть: дешевой, лживой, такой же, как и все остальные... Точно такой же, как все другие женщины!

Глава 53

Начинающийся день принес с собой все тягостные заботы, от которых зависят человеческие жизни.

Граф Пейрак направился в порт. Один в белом, глухом мире, в котором ему отныне суждено брести с этим удивительным ощущением тягостной утраты, с этой неожиданной раной, всю глубину и боль которой он еще не постиг... Анжелика!..

Спускаясь вниз к воде, он начал испытывать жгучее нетерпение вступить в бой. И это придало ему силы держаться прямо. Ему пришло в голову, что туман явился даром свыше: ни один из его кораблей не был готов выйти в море в этот же день и пуститься в погоню за пиратом. Туман удержит его от необдуманной поспешности и позволит тщательно разработать план. Завтра или послезавтра он сможет начать преследование не на жизнь, а на смерть, и тогда ничто не остановит его до тех пор, пока он не настигнет Золотую Бороду и не убьет его своими собственными руками.

Подготовка «Голдсборо», шебеки и двух других судов, стоящих на якоре в гавани, была начата немедленно.

Одержимый стремлением к мести, он вначале с безразличием, а затем с раздражением воспринял принесенные несколькими индейцами новости о том, что два английских судна попали в беду у мыса Шуудик. Пускай все они идут к дьяволу, кем бы там они ни были — англичанами, французами или кем-то еще.

Потом он овладел собой.

Пусть никто никогда не сможет сказать про него, что он забыл свои обязанности и долг из-за женщины; что женщина настолько лишила его мужества, что он

стал безразличен к судьбам людей, которых мог спасти только он один.

Голдсборо, который был его созданием, стал маяком Французского залива. Все смотрели на него, как на оплот, гарантирующий помощь, жизнь и совет. О! Как мало все это вдруг стало для него значить! Но он не имеет права дрогнуть ни на одно мгновение. Малейший признак колебания с его стороны будет означать крушение всего возведенного здания.

— А те, кто уже знает обо всем, что они ждут от него? Неужели он так много пережил и сумел вырваться из стольких ловушек лишь для того, чтобы теперь обречь на гибель и в течение нескольких часов разрушить все из-за несчастной любви?

Давняя привычка к строгой самодисциплине, внутреннее чувство ответственности, которое всегда выделяло его из общей массы как вожака, как человека, отличающегося от других, вступило в силу и помогло ему справиться с собой.

Справиться!..

Он проворно поднялся на борт своего корабля, собрал команду и направился в район бедствия, где ему удалось спасти маленький флот, посланный во Французский залив правительством Массачусетса, чтобы отомстить абенакам за резню, вдохновленную французами. Одним из судов командовал бостонец Фипс, другом — сам английский адмирал Бартоломью Шерингем.

Оказавшись под защитой залива Голдсборо, английский адмирал был просто безмерно счастлив принять щедрое гостеприимство графа де Пейрака. Очень элегантный, в напудренном парике и со шпагой на боку, он не делал секрета из того, что не испытывал особого желания участвовать в этой экспедиции в глубь Французского залива, гоняясь за невидимым противником, который имел обыкновение то и дело

исчезать в какой-нибудь из бесчисленных бухт. Но этим проклятым французам следовало преподать хороший урок. Нужно было получить от Квебекского правительства обязательство сдержать орды преданных ему дикарей. Англичане случайно прослышали о том, что мессир де Виль д'Эврей, губернатор Акадии, путешествует вверх по реке Св. Джона, чтобы навестить своего лучшего друга мессира де Гранд-Буа. Если бы можно было поймать его в ловушку и взять в плен, это было бы очень кстати для английского правительства.

Пейраку не составило большого труда убедить адмирала Шерингема в том, что такая экспедиция не могла иметь другого исхода, кроме объявления войны между Англией и Францией, поскольку в Квебеке приветствовали бы любой предлог для раздувания конфликта. И что было бы гораздо лучше, если бы он присоединился к графу Пейраку и помог ему преследовать пиратов, которые наводнили Французский залив и мешают промыслу английских, как, впрочем, и французских и португальских, ловцов трески.

Однако бостонец Фипс, многие родственники которого были оскальпированы канадцами и их абенаками, отказался прекратить погоню за ними и, как только туман поднялся, снова вышел в море. Тем не менее, поскольку теперь он действовал от своего собственного имени и на свой страх и риск, не находясь больше в компании британского адмирала, дипломатические осложнения, вызванные его действиями, грозили быть менее серьезными, а сражение на реке Св. Джона — менее кровопролитным.

Рассмотрев все возможные способы разминирования грозящей взорваться бомбы, Пейрак созвал к себе местных вождей эчеминов и их покровителей могикан.

Он условился с ними, что к малекитам и соурикезам на востоке будут направлены два гонца с вампумами:

пусть они, если им этого хочется, помогают французам, с которыми они связаны узами дружбы и кровного родства, но, по возможности, не убивая никого из англичан. Если в районе Французского залива будут вырыты боевые топоры, это принесет мало хорошего местным племенам, которые и так понесли тяжелые потери во время жестокого зимнего голода, да и кто тогда останется, чтобы защищать их от налетов ирокезских банд, этой постоянной угрозы летних месяцев?

Разослав эти слова мудрости, он поручил Кромли предупредить нескольких оторванных друг от друга англичан, упорно цепляющихся за свои участки земли в устьях рек Св. Креста и Мэчиаз.

Старый Сэлпрайс, несомненно, откажется покинуть свой маленький форт, но семья Стрентонов в Мерчнейсби поймет, что в ее интересах лучше всего укрыться на июль в Голдсборо.

Каждая из этих мер вначале стоила Жоффрею де Пейраку сверхъестественных усилий, но потом он мало-помалу стал выполнять их уже чисто машинально. Осуществление всех этих необходимых и неотложных дел подействовало как временный бальзам на его открытую рану, даровав ему нечто вроде забвения.

И все же, несмотря на кипучую деятельность и суету, которыми был заполнен этот день, еще ни один день в его жизни не казался ему таким длинным, скучным и жестоким.

Между тем он наблюдал за ходом подготовки судов к экспедиции, которая должна была отправиться на следующее утро в погоню за Золотой Бородой.

Он не должен проявить слабость.

Отомстить надо достаточно хладнокровно и обдуманно, не упуская из виду общих интересов. Он не имел права поступить иначе.

И однако, что значили для него другие, что значила для него его работа, что значила для него жизнь... БЕЗ нее?..

В этот вечер он снова, как и накануне, собрал тех же самых людей, чтобы продолжить совет, который был так драматически прерван появлением Курта Рида, но на сей раз он попросил присутствовать еще и английского адмирала.

За исключением последнего, не подозревавшего о неловкости и болезненности ситуации, все вошли в комнату осторожной поступью, с опущенными глазами.

Пейрак сидел, ожидая их, за резным столом, на котором были расставлены его чернильница, перья, песочница, измерительные приборы и, как и накануне, была расстелена карта.

Он поприветствовал их и пригласил войти и занять свои места.

Услышав его голос, такой ровный, с легкой хрипотой, к которой они уже начинали привыкать, они подняли глаза и, несмотря на его спокойный вид, вздрогнули.

На нем был роскошный костюм из атласа цвета слоновой кости, отделанный алым муаром и крошечными защипами в форме ромбов, которые были закреплены жемчужинками. Каждое его движение вызывало алый блеск. Этот костюм был доставлен из Лондона на «Голдсборо» вместе с плотно облегающими ноги красными сапогами и перчатками. Пейрак предпочитал английский стиль одежды, который своим пристрастием к дублету, облегающим штанам и мягким кожаным сапогам гораздо более соответствовал его беспокойной жизни, чем принятые у французов камзол, жилет и сапоги с очень широкими отворотами. В то же время унизанное жемчугом кружево его жабо и манжет соответствовало французской моде.

Его густые черные волосы, обрамлявшие загорелое, обветренное, покрытое шрамами лицо, придавали ему облик пирата и резко контрастировали с утонченностью и изяществом его одежды, а более светлые пятна волос на висках неожиданно смягчали суровость темной, опаленной солнцем и ветром кожи. Был ли хотя бы намек на бледность на этом смуглом лице, хотя бы след волнения, скрывающегося за этими бесстрастными чертами, или затаенное страдание в этом смелом, пронизывающем взгляде, который остановился на них и уже не отрывался? Никто не мог бы даже заподозрить этого! Это они опустили глаза и, казалось, страдали от нестерпимого смущения.

«Урок, — часто повторял потом флибустьер Жиль Ванрейк, — урок — вот что преподавал нам в ту ночь этот Пейрак! Урок всем нам, мужчинам, которые как будто с рождения обречены самой природой однажды стать рогоносцами... И я скажу вам, что никогда еще ни один рогоносец не смотрел в лицо всему миру с таким великолепным достоинством!»

— Господа, — сказал Пейрак, — вы знаете, что я вынужден начать войну и не знаю, что уготовило нам небо. Сейчас по всему горизонту назревает шторм. Но я, по крайней мере, могу покинуть вас, дав полное представление о той ситуации, которую вам помогут преодолеть ваше мужество, ваш добрый разум и ваше искусство. И, я добавил бы, ваше стремление к миру. У нас нет врагов. В этом может заключаться ваша сила.

Я обращаюсь в первую очередь к вам, господа из Ла Рошели, потому что именно в ваши руки я скоро передам судьбу этого поселения и защиту его территории. Мсье д'Урвилль должен сопровождать меня так же, как мсье Ванрейк и наш английский союзник сэр Бартоломью Шерингем, в погоне за пиратом, который причинил нам столько беспокойства. От него нужно избавиться раз и навсегда. Поэтому нам надо

согласовать наши планы относительно обороны, преследования и нападения. И прежде всего мы должны оценить и распределить имеющиеся в нашем распоряжении запасы оружия.

Поглощенные своими расчетами и планами, они не заметили, как опустилась ночь. В комнату вошел испанец, чтобы зажечь свечи в подсвечниках и в выкованной из стали люстре, свисавшей с потолка.

Мало-помалу они снова втянулись в русло повседневной жизни и забыли о происшествии, случившемся вчера вечером. Поэтому вначале они решили, что это всего лишь повторение — дурного сна, когда тот же самый, что и накануне, часовой просунул голову в дверь с тем же самым встревоженным выражением лица и обратился к Пейраку:

— Монсеньор! К вам пришли!

Но на сей раз это был не Курт Риц, измученный своим побегом от пирата.

На сей раз это была ОНА.

Обернувшись, они увидели ослепительное видение: на темном фоне летней ночи они увидели ЕЕ!..

Глава 54

Ослепительно прекрасная, она стояла и смотрела на них с сияющей улыбкой на губах. Ее взгляд быстро отыскал в дальнем конце комнаты высокую фигуру графа Пейрака. Жоффрей! В костюме, которого она никогда на нем не видела. Он был здесь...

Все присутствующие, словно окаменев, смотрели на нее в полном молчании.

Отблескивающий золотом бархатистый плащ из тюленьего меха, в который была закутана ее фигура, подчеркивал теплый тон ее кожи, а волосы теперь, когда она стояла, ярко вырисовываясь на темном фоне, сияли таким нестерпимым золотым блеском, что казалось, будто ее голова окружена нимбом.

Это маленький Лорье Берн проводил Анжелику до дверей главного зала форта, где, как он знал, держали совет с графом де Пейраком его отец и другие видные лица колонии вместе с флибустьерским капитаном и английским адмиралом.

Она просто не узнала знакомых мест, так изменился Голдсборо. На этом почти пустынном берегу, каким он был в прошлом году, теперь кипела жизнь, такая деятельная даже в сгустившейся темноте, что она вполне могла бы решить, будто попала в какое-то другое поселение, если бы вскоре не встретила своих подруг Абигель и Северину Берн. Ей так не терпелось как можно скорее увидеться с мужем и убедиться, что он здесь, в Голдсборо, что это помешало ей заметить неловкость и холодность, с которыми поздоровались с ней обе женщины. И только позднее она вспомнила это и поняла почему. Но тут появился юный Лорье с корзиной ракушек на плече и бросился ей на шею со

всей пылкой непосредственностью своих десяти лет. «Дама Анжелика! О! Дама Анжелика! Как здорово!»

По ее просьбе он проводил ее по извилистым улочкам нового Голдсборо. Когда они добрались до форта, им пришлось пройти мимо человека с алебардой.

— Это швейцарский наемник, — прошептал ей на ухо Лорье. — Он появился только вчера вечером...

— Эй вы! — окликнула человека Анжелика, пораженная неприятным чувством, которое вызвал в ней угрюмый взгляд, брошенный им, когда она проходила мимо. — Не видела ли я вас где-нибудь раньше?

— Да, мадам, это и в самом деле так! — ответил он. — Вы видали меня раньше.

В его тевтонском голосе прозвучала нотка презрения.

Но Лорье уже вел ее вверх по деревянным ступеням, и дверь комнаты для совещаний была распахнута перед ней.

В полной тишине — сокрушительной тишине, которая сразу же поразила ее, как что-то необычное, — она вошла в зал. Здесь были лица, которые она так хорошо знала, лица, превратившиеся в камень...

— Мсье Маниголь, здравствуйте... О! Мастер Берн! Как я рада снова увидеть вас... Мой дорогой пастор, как вы поживаете?..

Эти протестанты в черных камзолах, эти пестрые незнакомцы, французский флибустьер, английский офицер и еще монах в серой домотканой рясе...

И никто из них, ни один человек, не ответил ей. Ни один... Ни один... Они не отрывали от нее глаз. И все эти люди... Все они стояли как деревянные статуи, и Жоффрей так же, как и все остальные, неподвижно замер, наблюдая за тем, как она идет по комнате.

Теперь она стояла перед ним и тщетно пыталась встретиться с ним взглядом. И тем не менее он смотрел

на нее пристальным взором, в котором было что-то странное и мрачное. Какой-то кошмар! Жоффрей склонился над рукой, которую она ему протянула, но она не почувствовала прикосновения его губ к своей коже, это был просто знак вежливости.

Она услышала свой голос, который доносился как будто издалека и слегка дрожал:

— Что случилось? Голдсборо постигло какое-то несчастье? И тут все ожили и принялись один за другим откланиваться и покидать комнату. Никто и не подумал улыбнуться. В той же атмосфере катастрофы, что и накануне, вновь совершался тот же самый церемониал.

Оказавшись за пределами комнаты, Жиль Ванрейк спросил, задыхаясь:

— Это была она?

— Ну, а как бы вы думали, кто это мог быть? — проворчал Маниголь.

— Но она... она удивительна! Она изумительная, потрясающая!.. Это же все меняет!.. Господа, как же вы хотите, чтобы такая прекрасная не делала завоеваний всюду, где только появляется, чтобы она не уступала иногда велениям любви, которую зажигает в других?.. Это было бы безнравственно... Я и сам чувствую... О! Мой бог, что же теперь будет? Это ужасно! Я надеюсь, что он не... Нет, она слишком прекрасна для того, чтобы он мог убить ее... У меня подкашиваются ноги... Я очень чувствительный человек, знаете ли, — и он был вынужден сесть на песок.

Глава 55

— Что происходит? — повторила Анжелика, повернувшись к мужу. — Кто-нибудь умер?

— Возможно! Откуда вы появились?

Глядя на нахмуренный лоб и ледяное выражение лица Пейрака, она пыталась понять его.

— Что вы имеете в виду? Откуда я появилась? Разве Жан не добрался сюда? Разве он не сказал вам, что...

— Да, он сказал! Он сказал мне... Он сказал мне, что вы были взяты в плен Золотой Бородой... Он сказал мне и кое-что еще... Так же, как и Курт Риц.

— Курт Риц?

— Это швейцарский наемник, который работает у меня и который тоже был захвачен Золотой Бородой в прошлом месяце. Рицу удалось бежать три дня назад. Но перед этим он видел вас на борту судна Золотой Бороды. Он бежал однажды ночью, спустившись вниз по корме... Окно было открыто... Он видел вас... На борту этого судна... В каюте... С ним... С НИМ...

Жоффрей де Пейрак говорил отрывистыми фразами, его голос был сдавленным и жутким, и с каждым сказанным им словом перед Анжеликой все отчетливее проступала страшная

Парализованная этим всепоглощающим чувством изумления и ужаса, она видела, как эта правда приближается к ней, как чудовищный, но реально существующий зверь, готовый прыгнуть и уже выпускающий когти, чтобы растерзать ее на кусочки... Человек!.. Человек, которого она видела спасающимся в ту ночь в заливе Каско... Это был швейцарский наемник, один из людей Пейрака... И он видел ее... Он видел, как Колен вошел в ее каюту и заключил ее в объятия...

— Окно было открыто, — продолжал сдавленный голос, словно издали. — Он видел вас, мадам! Вы были нагой... нагой в объятиях Золотой Бороды и отвечали на его поцелуи... на его ласки... отвечали ему!.. Ему!..

Что он ожидал услышать в ответ? Негодующее восклицание, неистовые отрицания, может быть, смех? Но нет, ничего!.. Молчание!

Ничего, кроме молчания! Самое страшное, что только можно пережить после таких слов.

И в этом молчании, которое словно падало капля за каплей и каждая секунда ложилась на предыдущую свинцовым грузом, Жоффрей де Пейрак подумал, что сейчас умрет от горя.

Время шло. И подошел момент для того, чтобы... оправдать себя. Каждая новая секунда падала, как капля расплавленного свинца, ставя печать на неизбежном. Подтверждая ее виновность, которая проявлялась еще и в ее внезапной мертвенной бледности, и в затравленном взгляде ее широко раскрытых, испуганных глаз.

Анжелика была совершенно неспособна связать воедино хотя бы два обрывка мыслей. Все шумело одновременно в кошмарном тумане.

Колен! Колен!.. Она должна сказать ему, что это был Колен... Нет! Это только ухудшит положение... Он ненавидел его уже и до этого.

Если бы она даже захотела, она все равно не смогла бы выдать из себя никакого объяснения, не смогла бы произнести ни одного слова. Ее горло было так сжато, что она была не в состоянии издать хоть какой-нибудь звук, ее трясло с головы до ног. Она чувствовала, что вот-вот упадет в обморок, и была вынуждена прислониться к стене и закрыть глаза. И, видя, как она опускает веки с тем своим нежным, болезненным и загадочным выражением, которое всегда трогало его

до глубины души, а временами и раздражало, граф больше не смог сдерживать свой гнев.

— Не смейте опускать глаза! — пронзительно закричал он, едва не сломав стол ударом кулака. — Смотрите на меня!

Он схватил ее за волосы и жестоко запрокинул ей голову.

Ей показалось, что сейчас он сломает ей шею. Склоняясь над ней, он изучал своим горящим взглядом лицо, которого больше не узнавал, на котором ничего не мог прочесть, лицо незнакомки. Он мог говорить, но она его не слышала. «Так это правда! Вы! Вы! Вы, кого я вознес на такой высокий пьедестал!»

Он яростно потряс ее, охваченный безумным желанием разбить, уничтожить фальшивый образ, который она ему предлагала, и снова найти другую женщину, свою возлюбленную.

Потом он внезапно ударил ее со всего размаха своей поднятой руки, ударил с такой силой, что голова Анжелики мотнулась в сторону и стукнулась о деревянную стену. В ее глазах все заволкло красным туманом. Он отпустил ее и оттолкнул от себя. Она сама не понимала, как ей удалось удержаться на ногах.

Жоффрей де Пейрак подошел к окну и взглянул сквозь стекло на сырую ночь. Он тяжело дышал, пытаясь овладеть собой.

Когда он снова обернулся, его жена стояла там же, неподвижная, с закрытыми глазами. Тоненькая струйка крови начала стекать вниз из ее изящного носа.

— Убирайтесь! Убирайтесь! — произнес он ледяным тоном. — Мне противно вас видеть. Убирайтесь, я вам говорю! Я не хочу больше вас видеть, никогда! Я не хочу убивать вас...

Глава 56

Она шаталась и запиналась, натыкаясь на острые углы и незнакомую мебель в полумраке комнаты, изредка освещаемой только бледным светом луны, проглядывающей в просветы между тучами. Желание спрятаться, исчезнуть навсегда загнало Анжелику в самую глубину деревянной крепости. И, предохраняя ее от столкновения с порывистым ветром, бушевавшим снаружи, ее инстинкт — инстинкт раненого зверя, который ищет свою нору, чтобы умереть в ней, — привел ее через все коридоры и лестницы к дверям огромной жилой комнаты; и, не узнавая ее, она тем не менее чувствовала, что это была «их комната». Та самая, где они предавались любви в прошлом году, та самая, в которой она мечтала опять оказаться наедине с ним.

Она пошарила в темноте, опять натыкаясь на углы и выступы, и в конце концов остановилась посередине комнаты, где во всем атом адском хаосе, обрушившемся на нее и сокрушившем ее, впервые осознала, что слышит какой-то звук, доносившийся извне. Это было смешанное дыхание двух людей, звук, который словно окружал ее и который, как она поняла только после пережитой минуты страха, был не чем иным, как эхом ее собственного прерывистого дыхания и рокота прибоя, бившегося о подножия скал под крепостью.

Она была одна.

Страх, который на мгновение поглотил все остальные чувства, теперь оставил ее только для того, чтобы смениться сокрушающей уверенностью в том, что случилась непоправимая катастрофа. Ей казалось, что половина ее головы стала просто огромной, превратившись в бесформенный нарост вроде тех, что

можно увидеть на тыквах, и как будто излучала боль, стекавшую вниз. Можно было подумать, что эта опухоль состоит из раскаленного докрасна железа. Она с величайшей осторожностью прикоснулась к ней одной рукой и обнаружила участок кожи, потерявший всякую чувствительность. В сущности, никакой опухоли и не было, но одно только прикосновение пальцев заставило ее содрогнуться от страшной боли. И в это же самое мгновение все снова вернулось к ней во всей своей беспощадной ясности. Колен!.. Его руки, обвинявшие ее тело, его пальцы, скользившие по ее коже, его губы, завладевшие ее губами в поцелуе, который все длился и длился...

Человек, прятаясь снаружи, видел все это при свете свечи... И теперь Жоффрей знал... И обвинял ее в самом худшем. Как она могла заставить его понять, как она могла объяснить ему, как она могла убедить его смириться с этим?..

Если бы она только упомянула имя Колена, он убил бы ее. Он и так уже едва не убил ее в этот вечер. Она чувствовала это самой глубиной своей оцепеневшей плоти и не могла ничем ответить на это, не могла сделать ни малейшего движения, чтобы защититься. Он обладал силой, которая позволяла ему уничтожить ее, превратить ее в ничто. Потому что для нее он был — ВСЕ.

Она оставалась недвижима в темноте и теперь едва осмеливалась дышать, боясь пробудить не только ужасную физическую боль, но и обрывки ужасного видения, то и дело встававшего перед ее глазами — Жоффрей! Жоффрей! Его страшное лицо и сверкание его дублета, в котором при каждом его движении можно было увидеть сквозь прорези в светлом атласе блеск этой алой подкладки, как струящийся поток непрерывно падающих капель крови, как ручейки кровавых слез. Кровь текла и теперь, текла по ее лицу.

Ее пальцы были измазаны ею, и, проведя языком по онемевшим губам, она почувствовала соленый привкус. Анжелика попробовала кровь, находясь в каком-то странном оцепенении. Он ударил ее!..

Он ударил ее, и она это заслужила! Бездонная пропасть разверзлась у самых их ног...

Она оставалась в этой непроглядной темноте, и все ее чувства были напряжены до предела, и все ее тело до последней жилки трепетало при мысли о зияющей бездне, и потом опять безотчетный страх начал заполнять все ее существо; и казалось, что тысячи демонов вдруг вынырнули из этой пропасти и поползли к ней, хихикая, с горящими во тьме глазами...

Все произошло слишком быстро, сразу же после того, как она решила, что дни, проведенные ими в Вапассу, навсегда возродили связывающие их узы, и поверила в то, что их любовь стала нерушимой и неприступной.

Это налетело, как ураган, как землетрясение, и в то же время — подкралось украдкой и предательски.

Зверь, извергнутый бездной, жестокие глаза которого она не заметила вовремя, подкрался к ним и бросился в нападение.

Она попала в ловушку — они оба попались в нее, — в ловушку, точную природу и действие которой она еще не понимала, но чьи челюсти, как она уже чувствовала, начали безжалостно сокрушать ее. Ловушка была расставлена так умело, что и она, и Жоффрей были поражены в самое сердце с первого же удара.

«Жоффрей! Жоффрей! Пожалуйста, приди!.. Не оставляй меня одну! Я боюсь!»

Вся комната кишела опасными тенями, когда она начала оценивать непреодолимые барьеры, выросшие между ней и им, ее ненаглядным мужем, которого она смертельно оскорбила.

Чья-то рука словно сдавила ее горло, душила ее, не давала вздохнуть. Чтобы не потерять сознание, она прижала к своему распухшему рту обе руки, как бы желая заглушить вырывающиеся рыдания и невыносимой болью вырвать себя из быстро приближающегося забвения. В конце концов объединенное действие боли и невыносимого горя нашли выход в отчаянных, неудержимых, почти детских рыданиях... «Если он больше не любит меня... если он больше меня не любит... Что со мной будет?»

Глава 57

Момент, который он только что пережил, показался ему самым ужасным мгновением во всей его жизни.

В нем, обезумевшем от ярости и потерявшем самообладание, боролись два человека. Если бы только он не выгнал ее прочь, сумел ли он дальше сопротивляться своему всепоглощающему желанию заключить ее в объятия — не менее сильному, чем желание убить ее? Эти два отдельных существа, поселившиеся в нем, в эти страшные минуты поделили пополам его тело, его душу, его кровь, так что он был разорван надвое: и одна его часть жаждала отмщения, а другая стремилась к поклонению и чувственному восторгу.

В его жилах одновременно пульсировали любовь и ненависть.

И когда он схватил ее за волосы, разве его рука не ощутила их тонкую шелковистость, их мягкую теплоту? И когда он склонился над ней, над ее запрокинутым лицом, над этим лбом, широким и гладким, как полоса прибрежного серебряного песка, разве его губы, выбрасывающие жестокие слова, не томились желанием прижаться к ее губам в страстном поцелуе?.. И разве не промелькнула в его мозгу мысль: «До чего же прекрасен ее лоб!»

И так, разрываемый на части противоположными течениями любви и гнева, он стоял — униженный, трепещущий от ярости из-за женщины, которой был обязан открытием новой стороны своего характера, заставившей его убедиться в том, что он способен на слепое насилие, на непреодолимое вожделение, способен даже опуститься до уровня малодушного

потворства своим чувствам вопреки всем доводам разума...

Такое сказочно прекрасное существо, созданное для любви!.. Вот что он подумал. Вот что подумали они все, когда она появилась перед ними на пороге ночи, и неоспоримая очевидность ее красоты и женственности поразила их всех, как ударом, до такой степени, что всякое негодование, злоба, презрение и подозрения мгновенно улетучились, оставив всех этих мужчин переполненными только безграничным изумлением и мыслями о неописуемом волшебстве ее присутствия.

Такое сказочно прекрасное существо, созданное для любви!.. О вы, идолопоклонники, чувственные вы идиоты! Всегда готовы преклонить колени перед богиней!

Неудержимый порыв погнал Жоффрея де Пейрака наружу, в молчание ночи.

Плыли облака, то и дело затеня серебряный диск луны, на фоне которого вырисовывались очертания мачт, то поднимающихся, то опускающихся. Плясал на ветру свет немногих фонарей, и это, если не считать медленного движения случайно появившегося часового, было единственным признаком жизни.

Мир был мертв.

Где была она? «Анжелика! Анжелика! Любовь моя!»

Он вернулся в форт и молча взбежал по деревянной лестнице. Он слышал ее через дверь, слышал ее рыдания. И он стоял перед этой дверью, снова охваченный диким пламенем и с таким напряжением во всем теле, что в конце концов оно начало болеть от мучительной борьбы с искушением. Ему хотелось открыть дверь, войти, оказаться наедине с ней, склониться над ней, схватить ее, прижать к своему сердцу и забыть, забыть все в радости их движений, их ласк, шепота их голосов, их смешавшегося, слившегося дыхания, поцелуев и страстных слов: «Моя любовь! Моя

любовь! Все это не имеет значения! Я люблю тебя!»
Забыть, забыть все это...

Он пришел в себя только в комнате на нижнем этаже, где уже почти догорели свечи и где он стоял, прижавшись лбом к оконному стеклу, сквозь которое уже пробивался бледный свет зарождающегося дня.

Нет, Анжелика не станет причиной его падения, он не будет рабом недостойной женщины. Нет, никогда!

Почему она так громко плачет там, наверху? Разве она не знала, что делает, когда позволила другому мужчине, чужому, любить себя? Она, о которой он был такого высокого мнения! Разве она не знала, что она разрушает?.. Нет, она не знала. Она не знала!.. Она была женщиной, безответственной женщиной, такой же, как и все остальные!

Они котят иметь все и все разрушают!

«Я ни за что не должен был прощать ее раньше...
Все они одинаковы!.. Все одинаковы!..»

Он дождется высокого прилива, выйдет в море со всеми своими кораблями, найдет Золотую Бороду, если даже для этого ему придется гнаться за ним до самого Карибского моря... И прежде чем убить его своими собственными руками, он сорвет с этого незнакомого и ненавистного лица покров прошлого. Он хочет знать, что представлял собой этот человек, которому Анжелика показала свое лицо любовницы.

«О! Если бы я только мог вырвать ее из своего сердца! И я сделаю это, если потребуются».

Такое сказочно прекрасное создание!..

«Голдсборо» привез ей платье из Европы — из Франции!

Он подошел к сундуку, стоящему в дальнем конце комнаты, и поднял крышку. Вынул муаровые шелка и изысканнейшее кружево, и его пальцы машинально пробежались по платью, разглаживая тяжелые складки

юбки и корсажа и придавая им ту форму, которую они приняли бы, если бы облегали женское тело.

«Как бы она была прекрасна в этом наряде! Эта серебряная с розоватым оттенком парча на ее царственных плечах! Я взял бы ее с собой в Квебек... и она покорила бы там всех!..»

Его кулаки стиснули этот призрак женственности, который как будто сразу поблек и прекратил существование от его хватки.

Потом неосознанным жестом он поднес к лицу смятую материю и долго стоял так, словно забывшись и не сознавая, где он находится, и с тоской вдыхал тонкий аромат цветов и женственности, исходивший от роскошного наряда.

Навстречу ему бежали сквозь утренний туман чьи-то фигуры.

— Монсеньор! Бог за нас. Корабль этого проклятого Золотой Бороды недалеко отсюда... Его только что видели у архипелага.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 58

Множество детей, босоногих и шумных, всегда носились веселой бандой по всему Голдсборо: мальчики с непокрытыми головами, девочки с развевающимися волосами, которые выбивались из-под их круглых шапочек или чепчиков. Юбки были подоткнуты, штаны закатаны: так удобнее было шлепать по лужам, залезать в лодки, скакать по берегу, гоняться за котиками. Они поедали устриц, выпивали яйца чаек, сосали цветы — целое войско, всегда неугомонное, быстрое, неожиданно появляющееся то там, то тут, в которое входила и стайка маленьких голых индейцев.

Они с любопытством прижимали личики к доскам сарая, пытаясь увидеть сквозь щели пойманных пиратов, потом мчались в гавань, чтобы полюбоваться прекрасной картиной, нарисованной на корме «Сердца Марии» — корабля, захваченного этим утром; потом неслись к лесу, чтобы набрать родниковой воды, и, прибежав обратно, опускались на колени и поили раненых.

Солнце садилось в Голдсборо, увидевшем в этот день поражение пирата Золотой Бороды.

Утром Анжелика была разбужена дальним гулом канонады.

Ее душа и тело изнемогали от боли, и она не понимала, где находится; потребовалось некоторое время, чтобы наконец осознать, что она в Голдсборо. Потом она взглянула на свое распухшее лицо в зеркало: одна сторона его была сплошь сине-черной, затек и уголок рта. Она с трудом могла повернуть голову. Оглядев комнату, она обнаружила в нескольких бельевых сундуках кое-какую одежду, которую сама

сложила туда перед тем, как они покинули форт осенью. Она оделась и причесалась, все еще находясь в каком-то тупом оцепенении. Ей нужно было найти какую-нибудь помаду, мазь — что-нибудь, что помогло бы хоть немного замаскировать ее уродство.

Распахнув ставни, она увидела несколько кораблей под ветром у самой кромки обмытого дождем неба, на сером фоне которого время от времени можно было заметить красную вспышку выстрела. Потом до нее донесся гулкий звук разрыва. В Голдсборо шло морское сражение, в котором, по-видимому, три или четыре корабля выступили против одного, который после искусного маневрирования поставил все паруса и начал стремительно уходить, преследуемый противниками. Вскоре они исчезли из поля зрения Анжелики.

Немного погодя из глубины дома ее позвал чей-то женский голос.

— Дама Анжелика! Дама Анжелика! Где вы? А, вот вы где! Слава богу! Идемте! Идемте скорее! Милая госпожа, там всюду раненые, в все залито кровью!

Анжелика узнала в этой маленькой женщине мадам Карер, женщину из Ла Рошели, которая эмигрировала в Новый Свет год назад со своими одиннадцатью детьми и мужем-адвокатом.

— Что случилось? Почему здесь раненые?

— Они только что разделались с этим проклятым Золотой Бородой!

— Кто это «они»?

— Мессир граф, флибустьер Ванрейк, английский адмирал — в общем, все, кто поклялся заставить этого негодяя просить пощады! Они узнали сегодня утром, что он скрывается среди островов, и мессир граф немедленно вышел в море и пустился в погоню. Они нагнали его и вынудили вступить в бой, и вот только что мсье д'Урвилль привез известие о победе... Но, похоже, когда они взяли его на abordаж, началась

сущая резня... Корабли возвращаются в гавань со своей добычей и всеми ранеными. Мессир де Пейрак передал нам, что вы здесь и что вас нужно предупредить, чтобы вы были готовы позаботиться о несчастных жертвах.

— Вы уверены, что именно мой муж просил вас передать мне это?

— Ну конечно! Что бы мы делали без вас? Судя по всему, хирург «Бесстрашного» тоже ранен и не может выполнять свои обязанности. Что же касается нашего доктора Парри, то ведь вы его знаете. От него мало толку, когда речь идет о такой бойне, как эта... Боже праведный! Что с вами случилось, бедняжка вы моя!.. Попали вы в переделку!

— О, это так, ничего!

Анжелика поднесла руку к щеке.

— Я... я попала в кораблекрушение у острова Монхиган и ударилась о скалу... Подождите меня, я иду. Я должна только захватить свой мешок и положить в него необходимые инструменты. Есть ли у вас сколько-нибудь запасов корпии?

Она методично собрала все, что казалось ей необходимым, двигаясь, как автомат, в та время как ее голова раскалывалась от мучительных размышлений.

Колен... Колен погиб от руки Жоффрея де Пейрака... Если бы она только сказала что-нибудь вчера вечером... Если бы она только набралась мужества заговорить... Но нет, это было невозможно! Она была ее в состоянии что-то сказать, что-то объяснить. И вот теперь Жоффрей де Пейрак убил Золотую Бороду... и послал за ней, чтобы она взяла на себя заботу о раненых... Значит, он, по крайней мере, помнит о ее существовании. Но почему? Замышлял ли он еще какую-то месть? А что, если он бросит к ее ногам тело Колена? Она ни за что не выдержит этого. Она не сможет удержаться от того, чтобы встать на колени, обхватить руками большую бородатую голову Колена и заплакать над ним.

«О боже! — молила она. — Не дай Жоффрею поступить так ужасно! О боже, как же это случилось, что мы с ним внезапно должны были стать такими ярыми врагами?»

Она скатилась по лестнице вслед за мадам Карер и побежала к тому месту, где жители деревни уже выкладывали набитые водорослями матрасы, кожаные ведра со свежей водой и одеяла. Первые раненые были выгружены из шлюпок и лежали на земле, оглашая воздух стонами или цветистыми ругательствами.

Остаток утра прошел в каком-то кошмаре, во время которого Анжелика не могла думать ни о чем другом, кроме как о том, чтобы резать живую плоть, зашивать или чистить раны, перевязывать их, перебегая от одного человека к другому, звать на помощь, организовывать полевой госпиталь и посылать детей по всем направлениям за травами, бинтами, водой, ромом, маслом, нитками, иголками и ножницами.

С закатанными рукавами, с руками, испачканными кровью по локоть, она в течение нескольких часов непрерывно занималась только тем, что выполняла неотложные операции, брала на себя ответственность определять серьезность ран, указывала, что нужно делать в том или ином случае какие лекарства необходимо приготовить. Очень скоро она обнаружила, что вокруг нее восстановился старый порядок. Она узнала женщин, добровольно предоставивших себя в полное ее распоряжение: Абигель, проворную и деятельную, несмотря на свою беременность, бойкую мадам Карер, ловких и послушных молодых женщин, по примеру старших мужественно державшихся перед лицом смерти в страданий. Внезапно она увидела рядом с собой тетюшку Анну, которая передавала ей свои хирургические инструменты, внимательная и аккуратная, как всегда, и старую Ребекку, утешавшую умирающего.

По пятам за ней всюду следовал молодой парень, державший большой медный таз, который он то и дело наполнял свежей водой, чтобы она могла вымыть руки и смочить бинты. И только чуть позже она узнала в нем Мартела, старшего сына метра Берна.

Она сразу же заняла среди них свое прежнее место. Но, пока ее руки с обычным проворством выполняли все эти многочисленные обязанности, ее чувства, столь же обнаженные и болезненно ощущающие малейшее прикосновение, как и открытая рана, отмечали некоторые мельчайшие подробности в их поведении по отношению к ней. Едва заметный взгляд... Это могло просто показаться ей... Нет! Люди Голдсборо знали... Все знали.

Тем не менее мадам Карер держалась с ней по-прежнему сердечно и открыто. Но мадам Карер никогда не была сплетницей. Она отказывалась верить ходившим в Голдсборо слухам о том, что графиня Пейрак изменила своему мужу с пиратом. Глаза, украдкой следившие за Анжеликой в это утро, когда она трудилась без усталости и отдыха, были заняты тем, что прикидывали степень и возможность клеветы... Однако самое ужасное заключалось как раз в том, что речь шла не о клевете, а о правде или, вернее, полуправде. Она лежала в объятиях Золотой Бороды, она подчинялась его ласкам. Ей хотелось закричать на весь мир о том, что она не виновна. Ей хотелось бы убедить в этом себя, снова стать такой, как раньше. Она склонялась над ранеными с бесконечной нежностью и бесконечным состраданием, потому что внутри себя она тоже ощущала открытую рану, которая становилась с каждым мгновением все болезненней, и ей так хотелось, чтобы кто-нибудь положил на нее сострадательную руку. Но никто не сделает этого для нее.

— Ах, мадам, спасите меня! — молили тяжелораненные.

Но что касается ее — к кому она могла бы обратиться с мольбой: «Спаси меня?»

Ее боль была того особого рода, который не заслуживает никакого сочувствия, и временами пронзала ее с такой силой, что она чувствовала себя почти парализованной.

«Жоффрей больше не любит меня... Как я могла так поступить с ним, таким добрым, таким удивительным? Как я могла так унижить его в глазах всего мира?.. Он никогда не простит мне. Он просил меня позаботиться о раненых... Почему? Ну, конечно, потому, что он нуждался в моей помощи. Сначала его люди, а уж потом его обида... Это так на него похоже. Но потом он отошлет меня, отвергнет меня. Он никогда больше не захочет меня видеть. Он кричал: «Я никогда больше не хочу вас видеть!»

Но, несмотря ни на что, она чувствовала, что пока она вот так работает для него, пока она на его стороне, между ними существует нечто вроде перемирия. И мысль о том, что он все-таки послал за ней, была для нее проблеском надежды.

Он послал за ней. Он вспомнил о ней. Значит, она еще что-то значила для него, она еще на что-то годилась. Она с новым пылом взялась за свои обязанности.

Несчастные, над которыми она склонялась, подбадривая и утешая, думали, что они видят перед собой ангела, спустившегося с небес, и, едва лишь она прикасалась к ним, успокаивались и замолкали.

— Это жена графа Пейрака? — спрашивали те, кто не знал ее.

— Да, — отвечали другие. — Вот увидите, она поможет вам.

Все это доверие, окружавшее ее, питало мужество Анжелики и, постепенно притупив ее душевные муки, помогло ей снова поднять голову и стойко держаться, хотя она и не забывала о своем распухом лице, теперь вдобавок покрытом потом.

Она тщательно прислушивалась, надеясь уловить какие-нибудь обрывки разговоров об исходе битвы.

Но никто ни разу не упомянул о смерти Золотой Бороды.

Говорили только об ужасной, кровавой схватке, которая произошла между командами нескольких кораблей, когда взяли на абордаж «Сердце Марии». И мессир де Пейрак первым прыгнул на ее борт.

Примерно в середине утра в гавань вошли корабли, окружившие свою добычу.

Давшее сильный крен, лишившееся всех мачт, окутанное слоем дыма, «Сердце Марии» остановилось у островка посередине залива.

Потом настала очередь пиратов, которых переправляли на берег в шлюпках и уже начали собирать в одну группу под охраной моряков с «Голдсборо» и солдат гарнизона.

Мсье д'Урвилль отправил их в амбар, где хранился маис. Это было примитивное, наспех сколоченное строение, но достаточно просторное и с одной дверью, что облегчало охрану узников.

Один из пленных пиратов орал как одержимый, пока его пытались тащить по берегу вверх.

— Отпустите меня, болваны, убийцы вы такие! Я ранен, говорю я вам, тяжело ранен! Вы меня убьете!

При звуках этого пронзительного голоса Анжелика сразу же наострила уши и узнала своего невероятного пациента Распоротое Брюхо, которого она оперировала в заливе Каско.

Она подошла к нему и сказала:

— Этот бездельник говорит правду. Вы не должны заставлять его идти! Положите его здесь.

— А, вот, наконец, и вы, и не слишком-то быстро! — простонал Бомаршан. — Куда вы подевались, мадам? Вы не должны были бросать меня вот так, с таким шрамом поперек живота.

— Замолчите, мерзкое вы создание! На мой взгляд, вы могли бы хоть сто раз отправляться к дьяволу после той гнусной шутки, которую вы со мной сыграли.

Тем не менее она осмотрела его и с удовлетворением отмстила, что чудовищный шрам Аристиды Бомаршана выглядит достаточно хорошо и как будто подживает. Это было и впрямь настоящим чудом, поскольку его товарищи на борту «Сердца Марии», по-видимому, обращали на него мало внимания после того, как он снова попал на судно.

— Как мне не хватало вас, мадам! Мне определение не хватало вас! — повторял ее. — Они оставили меня умирать в дыре, полной крыс, как какой-нибудь мусор!

Она сменила ему повязку, спеленала, как новорожденного, полосами холста и оставила лежать на песке.

Немного погодя она опустилась на колени перед мсье де Бассомпье, чтобы обработать его плечо, рассеченное ударом сабли. Это был тот самый офицер, первый помощник Золотой Бороды, который взял ее в плен на мысе Макуойт. Сегодня его лицо было черным от пороха, и видно было, что он устал и ослаб.

— Что с вашим капитаном? — прошептала она, — Золотая Борода, где он? Что с ним случилось? Он ранен или убит?

Он бросил на нее горький взгляд и отвернулся.

Ее гложущий страж не утихал, и она чувствовала, что эта тревога все сильнее сковывает ее.

Солнце достигло зенита, и к ее горю и усталости добавилась еще и жара.

В этот момент кто-то подошел к мадам де Пейрак и спросил, не будет ли она так добра, чтобы подняться на борт пиратского судна и посмотреть, есть ли среди тяжелораненых такие, кого они могут без особого риска переправить на землю, а кого из них лучше оставить на месте.

Она села в шлюпку в сопровождении Мартела, который нес необходимый ей багаж, маленький бочонок со свежей водой и медный таз. У трапа ее встретил человек в черном камзоле, изрешеченном дырами и перемазанном порохом, и старомодном, странно кривобоком парике. Он, хромя, повел ее на боевую палубу.

— Я хирург мистера Ванрейка, Нессенс. Пушечное ядро попало в каюту, где я оперировал... Что же касается моего коллеги на борту «Сердца Марии», то его нашли мертвым под грудой тел. Так что, как видите, раненым пришлось бы худо, если бы в Голдсборо не оказалось вас, мадам. Как только стало известно, что вы здесь, раненые сразу приободрились, и я отдал приказ перевезти их по возможности больше, чтобы они могли поступить на ваше попечение, раз уж мне помешали успешно выполнять мои обязанности. Вы пользуетесь такой репутацией, что люди начинают узнавать о вас за морем. Что же касается меня, то я должен довольствоваться тем, что очистил сегодня три корабля. Но здесь есть несколько несчастных, относительно которых я затрудняюсь принять решение...

Продвигаться по судну было не так-то легко, потому что палуба была наклонена под опасным углом. Из-за того, что в ходе битвы разбилось несколько бочонков с сидром, все вокруг пропиталось этим кисловато пахнущим напитком, смешанным с кровью. Они скользили и оступались в этой противной мешанине, и

нужно было то и дело хвататься за что-нибудь, чтобы хотя бы медленно продвигаться вперед.

Уже был отдан приказ о том, чтобы не допустить затопления поврежденного судна, и слышно было, как перекликаются группы занятых работой людей.

— Это судно было повреждено гораздо сильнее других, — объяснил Нессенс. — Его преследовали четыре корабля: шебека мессира де Пейрака, «Голдсборо», «Бесстрашный» и английский корабль. А вскоре к ним присоединилась и маленькая яхта «Рошеле». Мы провели хорошую операцию по очистке вод, половина бандитов выведена из строя.

Хирургу было за тридцать. Когда еще во Франции, он понял, что несмотря на свою достаточно высокую квалификацию, он некогда не сможет практиковать будучи протестантом; ему стало ясно, что перед ним открыт только один путь: стать изгнанником и принять на себя опасную должность хирурга на каперских судах.

После того как они с Анжеликой осмотрели умирающих, она предложила перевязать ему раны. Заметив, что его хромота вызвала вывихом, который он получил, упав во время обстрела, она вправила этот вывих и как следует помассировала посиневшие, распухшие мышцы и сухожилия. После такого лечения он был уже почти здоров.

Когда она пересекала палубу в обратном направлении, собираясь опять сесть в шлюпку, ее окликнул чей-то слабый голос:

— Мадам! Сеньора!

Позвавший ее человек лежал, придавленный к поручням бухтами каната, которые почти совсем закрыли его. Должно быть, его проглядели, когда собирали раненых, и он до сих пор лежал здесь, забытый в сумятице и беспорядке, царивших после сражения. Она освободила его и немного подняла вверх

по палубе, прислонив к основанию мачты. Взглянув на его восковое лицо и огромные черные глаза, она подумала, что где-то их видела.

— Я Лопец, — выдохнул он.

— Лопец?.. Лопец?

Она порылась в памяти. Он помог ей с тенью улыбки на посеревших губах:

— Помните... Лопец!.. Тогда... Пчелы...

Она вспомнила. Так, значит, он был одним из тех флибустьеров, с которыми она сражалась, пытаясь защититься, и на головы которых сбросила улей с пчелами. И вот теперь, уже после того, как бедолагу опять подобрал корабль Золотой Бороды, настал его последний час.

— Мой живот, — пробормотал он. — Вы сделаете для меня то же, что сделали для этого Бомаршана, сделаете? Вы зашили его, я видел. И теперь он скачет вокруг, как кролик... Я... Я не хочу умирать, миледи, пожалуйста...

Он был еще совсем молод, этот португальский парень. Жалкий подонок с Лиссабонской набережной, который до двенадцати лет рос в пыли, солнечных лучах и на горстке фиг. А потом жизнь на море. И больше ничего.

Анжелика разрезала его штаны, которые уже натягивались раздавленной, омертвевшей плотью и провоняли кровью, гноем, сидром и морской водой. Круги вокруг его глаз ясно давали понять, что следует ждать самого худшего. Его нельзя было спасти даже в том случае, если бы помощь подоспела вовремя.

— Вы что-нибудь сделаете для меня, да? — спросил раненый.

Она подарила ему успокаивающую, ласковую улыбку.

— Да, мой мальчик. Но сначала я дам тебе кое-что, чтобы смягчить твою боль. Проглоти-ка вот это.

Она просунула между его губ одну из своих последних таблеток, приготовленных из мандрагоры и семени индейских маков.

Он был не в состоянии проглотить ее, но подержал ее на языке, и таблетка начала оказывать на него усыпляющее действие.

— Ты добрый христианин, мой мальчик? — снова спросила она.

— Да, сеньора.

— Тогда помолись Всевышнему и Пречистой Деве, пока я буду помогать тебе.

Она взяла его руки, скрестив их на его груди, и держала так, чтобы он не чувствовал себя одиноким в этом последнем соприкосновении с миром, который он покидал.

Его свинцовые веки опять поднялись.

— Мама! Мама! — едва слышно шепнул он, не отводя от нее взгляда.

Она отпустила его руки, ставшие уже холодными и безжизненными, закрыла ему глаза и покрыла лицо шарфом, который торопливо набросила утром на свои плечи. Она никогда не могла оставаться равнодушной к насильственной смерти во время сражения, к внезапному превращению человека, который жил, смеялся и двигался под солнцем всего лишь несколько часов назад, в аморфную массу в результате одного единственного удара; к тому, что он должен исчезнуть с лица земли, а вскоре и из памяти тех, кто его окружал. Хотя ей самой приходилось убивать людей, бесчувственность смерти, ее непоправимая жестокость все еще продолжали причинять глубокую боль ее женской чувствительности. И хотя знала, каким никчемным созданием был этот бедняга, только что окончивший свой земной путь, она, как ни старалась, не смогла сдержать слезы, набежавшие на глаза.

Глава 59

Выпрямившись, она обнаружила себя стоящей лицом к лицу с графом де Пейраком, который вот уже несколько минут наблюдал за женой, склонившейся над умирающим.

Жиль Ванрейк, сопровождавший его в этом последнем обходе, первым заметил ее светлые волосы — это восхитительное видение после жестоких часов битвы. Он положил руку на плечо графа, и оба они, прервав свой осмотр, стояли, наблюдая за тем, как она склоняется над жутким лицом умирающего, и слышали, как ее сострадательный голос шепчет: «Читай молитвы, парень... Я помогу тебе...»

Потом они увидели, как она перекрестилась и, сняв с себя шарф, покрыла им лицо несчастного, и разглядели слезы, блестевшие на ее длинных ресницах.

Когда она заметила Жоффрея де Пейрака, на ее лице отразилось такое смятение, что Ванрейк почувствовал к ней жалость. Она сразу же резко отвернулась под предлогом того, что ей необходимо ополоснуть руки в тазу, протянутом юным Мартелом.

— Вы отобрали всех раненых, способных оставить судно, мадам? — спросил ее граф де Пейрак голосом, в котором нельзя было уловить ничего, кроме отчужденного спокойствия.

— Этот мертв, — ответила она, указывая на распростертое перед ними тело.

— Да, я это вижу, — сухо ответил он.

Она упрямо не желала показывать ему свое лицо с этим жутким синяком, который не давал ей покоя весь день. Она впервые увиделась с ним после вчерашней страшной сцены и почувствовала ледяной холод, как

будто внезапно оказалась лицом к лицу с совершенно незнакомым человеком... Между ними выросла стена.

Фламандец, сопровождавший Пейрака, производил впечатление веселого, беспечного парня. Его желтый камзол, украшенный бантами из лент, развевающихся на ветру, его красные страусиные перья и кружевные манжеты и жабо соответствовали крикливому вкусу карибских флибустьеров. Однако его веселое лицо было украшено кровавыми полосами, из-за чего он был вынужден держать один глаз полуприкрытым.

Желая оттянуть время, чтобы прийти в себя, Анжелика повернулась к нему.

— Не могу ли я что-нибудь сделать для вас, мсье?

Жиль Ванрейк, в совершенном восторге от перспективы более близкого знакомства с ней, пылко согласился.

Она усадила его на перевернутый бочонок и, в то время как Жоффрей де Пейрак медленно двинулся дальше, начала осторожно очищать раны, размышляя над тем, каким оружием они могли быть оставлены.

Он скорчил невероятную гримасу и взвыл, как щенок.

— Для джентльмена удачи вы поднимаете слишком много шума, — заметила она. — Такой малодушный человек не должен принимать участия в битвах.

— Я — капитан «Бесстрашного».

— Никто бы этого не подумал.

— Но, видите ли, я еще ни разу в жизни не был ранен, моя дорогая леди! Спросите кого угодно, и все вам скажут, что Жиль Ванрейк всегда выходит из дела без единой царапины.

— Но только не в этот раз.

— О нет, и в этот раз тоже. Рана, которую вы перевязываете своими нежными пальчиками, отнюдь не военная рана, это нечто совсем иное. Я обязан этим вчерашней ярости Инес.

— Инес?

— Это моя любовница! Она ревнива, как тигрица, и у нее такие же острые когти. Она рассвирепела, потому что я все время твердил о том, как вы ослепительно прекрасны.

— Но я вас не знаю, сударь.

— О нет, знаете... Я был вчера в комнате для совещаний, когда вы там появились. Но я охотно прощу вам то, что вы не заметили мою скромную персону, ибо знаю, что вы смотрели только на вашего мужа, мессира де Пейрака, который является также и моим дорогим и уважаемым другом еще с карибских времен.

Анжелика, которая в этот момент оборачивала бинт вокруг его головы, едва удержалась от искушения дернуть собеседника за волосы в отместку за его иронию. Темные глаза Ванрейка, выглядывающие из-под повязки, смотрели на нее с восхищением, но в то же время были достаточно быстрыми, чтобы успеть отметить синий кровоподтек на левой половине ее прекрасного лица, которого он не видел там накануне.

Очевидно, предположил он, произошла бурная семейная сцена, и теперь оба все еще дуются друг на друга, но эта женщина слишком красива для того, чтобы все не уладилось. Немного ревности только вносит особый пикантный привкус в любовные дела. Со своей Инес он видывал кое-что и похуже. И, так же как и Пейрак, он не любил делиться с другими. Но на этот риск идешь сам, когда связываешься с такими красавицами, которых природа сполна наделила всеми дарами, воспламеняющими мужские сердца.

И эта женщина, эта безумная, безрассудная графиня де Пейрак тоже обладала подобным даром и знала, как им пользоваться. Тем хуже для Пейрака!

Пока она осторожно промывала его царапины, Ванрейк трепещущими ноздрями вдыхал ее аромат, такой нежный и неуловимый, напоминающий аромат

свежескошенного сена — восхитительный аромат женщины, настоящей блондинки, который заставлял его желать еще полнее узнать тайны ее золотистой кожи.

Воспользовавшись своим положением слабого раненого, он ухитрился обвить одной рукой бедра Анжелики. У нее была просто восхитительная фигура, но едва он прикоснулся к ней, как она тут же отодвинулась.

Он сказал себе, что, обнаженная, она должна явить взору самые роскошные округлости, но ее грациозность и гибкость движений заставляли ее казаться более хрупкой, чем она была на самом деле. Наметанный глаз веселого корсара разглядел совершенную форму ее тела, которое, от макушки до пят, должно олицетворять собой полную гармонию линий. Нечто среднее между Венерой и Дианой-охотницей. И, безусловно, она очень сильна! Это он понял, когда она резко оборвала его грезы, одним только движением кисти бесцеремонно подняв его на ноги, как сделала бы с каким-нибудь мальчишкой, которого сочла бы чересчур бесхарактерным.

— Ну вот, теперь вы совсем поправились от последствий злобы госпожи Инес, мой друг! Завтра здесь не останется и следа!

Он многозначительно подмигнул ей своим заплывшим глазом.

— Надеюсь, что то же самое можно сказать и о вас, моя прекрасная дама! Я вижу, что вчера планеты Марс и Венера столкнулись в небесах и мы оба стали жертвами этой ссоры богов...

Анжелика подавила гримасу, почувствовав острый укол боли, пронзивший левую сторону ее лица. Она так много сделала в это утро, что ее отчаяние начало немного стихать. В силу естественной реакции ее неукротимой натуры в ее душе начал брать верх

обычный оптимизм, и она едва не рассмеялась в ответ на слова Ванрейка о ссоре между богами любви и войны.

Увидев, что выражение ее лица стало менее отчужденным, он продолжал:

— Послушайте, — прошептал он, — я кое-что смыслю в любви и не отношусь к людям, проявляющим излишнюю суровость к любым промахам, которые может совершить хорошенькая женщина, если даже пользу из них извлекаю не я.

Лицо Анжелики приняло ледяное выражение, и она бросила на него гневный взгляд, испытывая унижение от того, что он с небрежной снисходительностью отнес ее к женщинам легкого поведения, и понимая, как это унижительно для графа Пейрака. Теперь она была уверена, что откровения Курта Рица не остались в тайне и все вокруг с упоением сплетничали о ее выходке и его унижении.

Тем не менее, истерзанная мыслями о том, что могло случиться с Коленом, она не смогла удержаться от того, чтобы тихо пробормотать:

— Да, так что случилось с Золотой Бородой?

— Ну, откровенно говоря, никто этого не знает. Он исчез!

— Исчез?

— Да! Невероятное совпадение! Видите ли, его не было на борту, когда мы атаковали судно, и это его помощник организовал оборону. Кое-кто утверждает, что он покинул судно прошлой ночью на маленькой шлюпке, никому не сказав, куда направляется и когда вернется обратно. Он отдал распоряжение своему лейтенанту Бассомпье все время держать в виду Голдсборо, но таиться среди островов архипелага до тех пор, пока он сам не вернется на борт и не отдаст дальнейшие приказы. Не знаю, может, он отправился на разведку, желая пронюхать, как лучше всего снова

напасть на Голдсборо... Но мы его опередили. Как только забрезжил рассвет, шебека мессира де Пейрака внезапно напала на «Сердце Марии», стоящее на якоре. Вначале мы преследовали его, потом взяли на абордаж, и тут уж началась рукопашная! Наши люди из Голдсборо одержали полную победу! Что же касается Золотой Бороды, то, где бы он ни был, его царствование на морях и океанах, насколько я понимаю, конечно надолго!

— Благодарю вас, мсье.

Анжелика вернулась в гавань. Казалось, что солнце никогда не опустится за горизонт. Облака пыли и дыма теперь побледнели, приняв желтые и золотистые оттенки, и зной, совершенно невыносимый, несмотря на не утихавший весь день ветерок, наконец-то начал ослабевать.

Привлеченные грохотом орудийной пальбы, из леса высыпали индейцы, которые принесли с собой меха для обмена с командами кораблей и свежую дичь, что было более чем кстати, поскольку ртов заметно прибавилось с появлением пленных. Англичане, французы, моряки и флибустьеры, даже раненые, хоть сколько-нибудь способные передвигаться, сразу же бросились к индейцам, чтобы принять участие в обмене, так сильно было на этих берегах стремление к торговле мехами и так велик был соблазн денег, которые можно было на ней нажить. Они меняли все, что имелось: свои шапки, табак, водку, серьги, даже деревянные и оловянные ложки, которые для моряков являются самыми драгоценными предметами, не считая ножей.

Даже узники кричали сквозь изъеденные непогодой доски амбара, умоляя индейцев подойти поближе и передавая им различные безделушки.

Благодаря этому Анжелика обнаружила среди них еще одного старого знакомого с мыса Макуойт.

После кровопролитной битвы, в которой погибло столь много достойных людей, такой человек, как Гиацинт Буланже, конечно же, должен был остаться в живых. Он доставлял окружающим столько хлопот, что был для них сущим наказанием, я пришлось уже дважды его оглушить, чтобы хоть как-то успокоить.

— Он буканьер, так что пусть и займется буканьерством, — распорядилась Анжелика. — По крайней мере, если он будет это делать, он перестанет всем мешать и, быть может, принесет хоть какую-то пользу.

Потом она резко отчитала его:

— И чтобы никому не пришлось жалеть о том, что оставили 1 тебя в живых, негодяй ты этакий! Впрочем, если ты предпочитаешь валяться здесь со скованными руками и ногами, дело твое. Но мне хотелось бы, чтобы ты понял, что лучше всего тебе последовать моему совету, поскольку у тебя просто нет иного выбора, если только ты не хочешь оказаться в петле, как опасный подонок, которым ты и являешься.

— Делай, как она говорит, Гиацинт! — крикнул Аристид со своего места. — Ты же знаешь, что с ней бесполезно спорить, и кроме того, не забывай, что она зашила живот твоего кровного брата!

Сдавшийся отвратительный мясник показал знаком, что он понял, и, освобожденный, побрел, размахивая своими обезьяньими ручищами, в лес, чтобы набрать там сырых дров для костра, на котором можно коптить мясо. Анжелика нашла среди команды еще двух или трех буканьеров по профессии и вместе с Гиацинтом Буланже отправила их на маленькую, изолированную от других отмель, где они под присмотром вооруженного стражника должны были освежевывать и разделывать оленей и ланей, доставленных индейцами. После этого им следовало зажарить часть мяса, а остальное прокоптить.

Аппетитный запах жареного мяса, которым вскоре начал наполняться золотистый вечерний воздух, напомнил ей о том, что она весь день ничего не ела, не ела со вчерашнего дня, да и вчера... О господи, ну, конечно!.. Последний раз она прикасалась к пище в Пентагуэте, в заливе Пенобскот, когда сидела за столом вместе с бароном Сен-Гастином и отцом Мареше де Верноном, иначе Джеком Мервином, иезуитом. Это было целую вечность тому назад!.. Все это казалось теперь очень далеким, и она чувствовала, что конец всем ее тревогам еще не настал.

Потом она вдруг ощутила острый голод.

Ее встреча с Ванрейком несколько подбодрила и развеселила ее. Теперь, когда она знала, что Колена не было в числе жертв сражения, на душе у нее стало легче. Возможно, что, в конце концов, этот Ванрейк был прав. Неужели стоит поднимать такой шум, разбивать две жизни, даже несколько, из-за такого пустяка! Жоффрей не из тех мужей, с которыми легко иметь дело, но она должна будет попытаться убедить его и преодолеть свой страх... «Я скажу ему... Ну что! Я скажу ему правду... что я не изменила ему да такой степени, как он полагает... Что Золотая Борода — это Колен... Он поймет... Я нанду слова, которые заставят его понять. Сегодня все уже гораздо лучше, чем вчера. Мы опять трудимся вместе. Жизнь заставила его вспомнить обо мне, вспомнить все, что нас связывает. Разве мы уже не пережили другие битвы, другие периоды разлуки... другие... измены?.. И мы преодолели все это и сумели сохранить свою любовь и, несмотря ни на что, стали только сильнее любить друг друга».

В конце концов они уже не дети с той непримиримостью и неопытностью, которая свойственна только юности. Жизнь оставила на них след своей грубой подковы, научив ценить истинные

чувства и понимать, чем можно пожертвовать или с чем нужно смириться, чтобы сохранить самое драгоценное.

Кроме того, от них зависело слишком много других людей. Это она тоже должна ему сказать. Они не имеют права дрогнуть, не имеют права подвести этих людей. Она подумала и о своих детях, особенно о Канторе, который уже мог появиться в Голдсборо с минуты на минуту.

Кто-то сказал ей, что ее младший сын вернулся в залив Каско, чтобы отыскать ее, и она почувствовала облегчение оттого, что он не присутствовал здесь при ее появлении. Однако вскоре стало известно, что «Рошеле» успела вернуться как раз вовремя, чтобы принять участие в утреннем морском сражении, и теперь все еще патрулирует среди островов.

И ради Кантора тоже она должна объясниться с Жоффреем и добиться полного примирения, пока все эти слухи и сплетни не дошли до ушей чувствительного мальчика. Она должна сегодня же во что бы то ни стало увидеться с Жоффреем.

Но день не кончился, и ей еще предстояло переделать тысячу дел. Неподалеку от таверны мадам Карер она подкрепилась кукурузным початком, который торопливо поджарила на тлеющих углях и так же торопливо проглотила, наблюдая за приготовлением чая из трав. У нее не было ни мандрагорового корня, ни болиголова, из которых можно было бы приготовить болеутоляющие пилюли, но, за неимением лучшего, придется использовать розмарин, гвоздику и восточный мак. Она обошла почти все дома, перерыла все запасы в крепости, когда кто-то сказал ей, что на борту «Бесстрашного» есть «человек с травами», один из тех моряков, часто встречающихся на кораблях, которые всегда имеют щепотку того и горсточку этого в каком-нибудь уголке кармана или своего матросского сундука, собирая припасы во всех уголках земли. Как ей

объяснили, она сможет узнать этого человека по черному кружку, который он носит на одном глазу, и по тому, что за ним по пятам постоянно следует его невольник, темнокожий парень с Карибского побережья, на шее которого висит волшебный зеленый камень. Сам по себе черный кружок на глазу был недостаточной приметой для опознания нужного ей человека, поскольку среди этих вечно сражающихся моряков одноглазых было немало.

Часть команд высадилась на берег в дальнем конце главной прибрежной полосы и раскинула там бивуак. «Они будут сегодня смертельно пьяны», — со знающим видом сказала мадам Карер. Она без остановки разливала пиво, ром, вино и водку всем, кто мог держаться на ногах... Они восхищенно расплачивались с ней иногда жемчужинами, иногда даже золотыми дукатами.

Глава 60

В конце дня перед Анжеликой появился человек — некое бледное создание, — который, пересекая залив в момент отлива и прыгая с камня на камень, словно пришел пешком из бесконечной дали моря. Анжелика в это время стояла у дверей таверны мадам Карер и в который уже раз за сегодняшний день мыла руки в тазу рядом с кадкой, наполненной дождевой водой, одновременно пытаясь наложить украдкой немного мази на свой кровоподтек на виске. Весь день она не могла заняться собой и теперь чувствовала полное изнеможение.

— Вас хочет видеть мессир де Пейрак, — сказал человек, — вон на том острове; вы должны отправиться туда немедленно.

— Значит, там есть еще раненые? — спросила Анжелика, взглянув на открытый мешок со своими принадлежностями, который не расставался с ней с самого утра и теперь лежал у ее ног.

— Возможно... я не знаю.

На какую-то долю секунды Анжелика заколебалась. Мадам Карер только что сообщила ей, что подогрела миску маринованной свинины с капустой, чтобы «поднять ее» и внести разнообразие после всех этих бесконечных моллюсков. Кроме того, была еще какая-то причина, которую она не могла бы сейчас отчетливо сформулировать, но которая тем не менее заставила ее засомневаться, прежде чем последовать за этим человеком.

— Где ваша лодка? — спросила она у него.

— В лодке нет необходимости. Вы можете дойти туда пешком. Сейчас как раз отлив.

Она последовала за ним, и они вместе пересекли широкую полосу песка между берегом и островом, на который указал ей незнакомец. Скользкие остатки водорослей ломались у них под ногами с резким треском и шипением.

В бесчисленных лужицах воды так ослепительно отражалось заходящее солнце, что у Анжелики заболели глаза.

Крошечный остров виднелся впереди примерно на расстоянии мили. Это был первый остров в длинной цепи рифов, увенчанных короной из черных сосен, стоящих прямо, как копья, а также зонтикообразных елей, зеленого кустарника и берез. Темно-розовая отмель полого поднималась вверх, где темнел маленький лес.

— Там, — сказал человек, показывая на кромку деревьев.

— Я никого не вижу...

— Немного дальше есть прогалина. Мессир де Пейрак вместе с несколькими другими людьми ждет вас там.

Его голос звучал монотонно и равнодушно. Анжелика взглянула на незнакомца. Ее поразило, как болезненно он выглядит, и она на минуту задумалась над тем, к какому экипажу он может принадлежать.

Она медленно поднималась вверх по склону. Ноги увязали в сыром песке, но в конце концов она добралась до травы, сначала низкой и редкой, потом ставшей значительно гуще.

Между деревьями действительно оказалась прогалина, в самом центре которой лежал остов старого судна. Призрачный силуэт корабля, торчащий из путаницы травы, кустов и вьюнков, острым углом вырисовывался в зеленом полумраке. Это было небольшое торговое судно прошлого века. Анжелика смогла разглядеть резную балюстраду и

приблизительные очертания фигуры на носу, которая наполовину сгнила, но когда-то, очевидно, изображала мускулистый торс и длинноволосую голову какого-то морского божества. Корма была почти скрыта упавшим обломком скалы, мачты сломаны, но бизань-мачта, покрытая красными лишайниками и черной плесенью, еще стояла, теряясь верхушкой в густой листве.

Какая-то буря, какая-то гигантская волна, какой-то необычайный равноденственный прилив, выше и страшнее обычных, должно быть, забросили эту жертву крушения сюда, под сень листвы, и отхлынули, оставив здесь навсегда.

Запела птица, и эти чистые, радостные звуки только подчеркнули царившую вокруг тишину. Место было совершенно безлюдным.

И тут Анжелика наконец вспомнила, что заставило ее заколебаться, прежде чем она последовала за этим человеком. Разве она не видела всего за несколько минут до прихода незнакомца, как граф Пейрак спустился на берег и направился к сараю, где были заперты пленники? Не мог же он находиться в двух разных местах одновременно!

Она повернулась, чтобы закричать на человека, который привел ее, но он уже исчез.

Ошеломленная, охваченная ощущением надвигающейся опасности, от которого у нее мурашки побежали по телу, она опять бросила взгляд на старый корабль. Единственными звуками, нарушавшими молчание, были плеск крошечных волн, окружавших скалы, и чувственный, вибрирующий голос птицы, звучавший с регулярными интервалами, как сигнал... как предупреждение.

Рука Анжелики скользнула к поясу, но она знала, что не найдет там никакого оружия.

Ее грудь сжалась от гнетущего предчувствия, но она не осмеливалась даже крикнуть, чтобы не нарушить

эту знойную тишину и не накликать на себя беду.

Но как только она попыталась осторожно отступить, она услышала звук шагов, приближавшихся к ней из-за корабля.

Это была тяжелая, размеренная поступь, и, хотя звук шагов приглушался травой и мхом, ей показалось, что они сотрясают землю до самого основания.

Анжелика прислонилась к сгнившему килю судна, сердце ее остановилось.

Эти неумолимо приближающиеся шаги, раздавшиеся в конце трудного, изматывающего дня, который последовал за страшной ночью, проведенной в слезах и муке, медленные, тяжелые, как поступь самой Судьбы, не принадлежали ни ее мужу, ни моряку, ни индейцу, поскольку и моряки, и индейцы предпочитали ходить босиком; и, может быть, вообще не принадлежали ни одному человеческому существу. Они полностью лишили ее мужества и пробудили в душе все суеверные страхи ее детства.

И когда из-за корабля показалась чья-то могучая тень, смутно вырисовываясь на фоне голубовато-зеленого мрака подлеска, она и в самом деле поверила, что это должен быть людоед или великан.

Глава 61

Просочившийся сквозь густые ветви луч солнца засверкал на его лице: Золотая Борода!

— Это вы? — спросил он.

И так как она не ответила, он опять осторожно двинулся к ней навстречу.

Его тяжелые сапоги, верх которых был отогнут, оставив на виду большие загорелые колени, приминали траву, усеянную цветами. На нем были короткие штаны, белая рубашка с открытым воротом и безрукавый кожаный камзол с широкой перевязью через одно плечо. Но на поясе не было обычных четырех пистолетов и абордажной сабли. Он тоже был безоружен.

Он подошел и остановился: в нескольких шагах от Анжелики.

— Почему вы послали за мной? — спросил он. — Что вы от меня хотите?

Анжелика неистово затрясла головой.

— Я не посылала за вами, — ухитрилась она, наконец, выдать из себя.

Голубые глаза Золотой Бороды пристально оглядели ее. Те колдовские чары, которым он не мог сопротивляться, как только оказывался рядом с ней, уже начали действовать, и, по мере того как смягчалось его сердце, он все меньше походил на настороженного льва.

— Как вы бледны, мой ягненок! — ласково произнес он. — И что это вы сделали со своим лицом?.. Вы были ранены?

Он поднял руку и кончиками пальцев прикоснулся к синяку на ее виске.

Анжелика содрогнулась всем телом — и не только из-за невыносимой боли, которую вызвало даже столь легкое прикосновение, но и из-за ужасной мысли, которая лишь теперь пришла ей в голову; они были одни с Коленом на этом островке! И если Жоффрей найдет их здесь...

— Это так, ничего, — пробормотала она, обезумев от отчаяния. — Но уходите, Колен, быстрее уходите!.. Я не должна здесь оставаться.

И она побежала к берегу по травянистому склону, направляясь к полосе морского дна, по которой она добралась сюда через залив.

Но, добежав до берега, она остановилась, пораженная ужасом.

Прозрачная морская пелена уже покрыла скалы, которые совсем недавно стояли обнаженные, и надменная волна набегала на берег, пенясь и клопоча.

Анжелика, как одержимая, бросилась бежать вдоль берега, прыгая то на одну, то на другую еще не скрывшуюся под водой скалу. Волна обвилась вокруг ее ног, следующая едва не сбила ее.

Твердая рука схватила Анжелику и оттащила назад.

— Что вы делаете? — сказал Колен Патюрель. — Неужели вы не видите, что это высокий прилив?

Анжелика в отчаянии посмотрела на него.

— Мы отрезаны от мира на этом островке, — пробормотала она.

— Похоже на то.

— Но я должна уйти отсюда!

— Здесь нет лодки, — ответил Колен.

— Но этого не может быть! У вас должна быть лодка. Как же вы сюда добрались?

— Я не знаю, как я сюда добрался, — ответил он несколько загадочно.

— А тот человек, который привел меня сюда, где он? Вы не видели его? У него лицо словно из воска.

Внезапно Анжелика почувствовала обморочную слабость и ухватилась за отвороты камзола Колена.

— Колен, это был сам Дьявол, я уверена!

— Успокойтесь, — сказал он, заключая ее в объятия.

— Прилив кончится на рассвете...

Она с душераздирающим криком вырвалась из его рук.

— Нет! Это невозможно! Я не могу провести здесь всю ночь... с вами... Особенно с вами!..

И она опять бросилась бежать к воде, расстегивая крючки

Мгновение спустя Колен снова был рядом с ней.

— Что вы собираетесь делать? Вы что, сошли с ума?

— Я поплыву, если нужно. Мне все равно! Я доберусь до Голдсборо голой, но здесь не останусь. Пустите меня!

— Вы, вероятно, сошли с ума! — повторил он. — Здесь очень коварные течения, и вы утонете в проливах.

— Мне все равно! Пусть лучше я утону... Пустите меня, я вам говорю.

— Нет, я вас не пущу.

Она принялась кричать я бороться с ним, но тщетно. Колен причинял ей ужасную боль, стиснув ее руки стальной хваткой, но он не выпустит ее, и перед его геркулесовской силой она чувствовала себя совершенно беспомощной. Потом он вдруг легко, как тук соломы, оторвал ее от земли и унес на вершину склона, где продолжал крепко держать, пока она не сдалась и, измученная, не владеющая своими нервами, не разрыдалась, прикинув к его груди.

— Это мой конец!.. Это мой конец... Он никогда меня не простит!

— Это он ударил вас?

— Нет! Нет! Не он!.. О Колен, это ужасно!.. Он узнал!.. Он узнал... И теперь он больше не любит меня!..

О Колен!.. Что со мной будет... На этот раз он убьет меня!

— Ну, успокойтесь же.

Он нежно укачивал ее, плотно прижав к себе, чтобы унять ее произвольную дрожь. Когда она начала немного успокаиваться, Колен Патюрель взглянул на первую звезду, появившуюся на изумрудном небе.

Уже опустился вечерний туман, скрывший от них огни Голдсборо. Они были совсем одни. Глаза Колена снова опустились на золотую головку, уткнувшуюся в его плечо.

— Все не так уж страшно, — сказал он своим низким голосом. — Сейчас нам не остается ничего другого, как только ждать рассвета. Прилив есть прилив!.. А там мы посмотрим. Успокойтесь же, мадам де Пейрак.

Его торжественная просьба и внезапная официальность подействовали на Анжелику, как ушат холодной воды. Она сразу же успокоилась, еще продолжая трепетать, как животное на привязи, но уже вспомнив о своем достоинстве женщины и жены графа Пейрака.

— Теперь вам лучше? — спросил он.

— Да... но... отпустите меня.

— Я отпущу вас только после того, как вы пообещаете мне, что станете спокойно ждать, пока можно будет без опасности перебраться через залив, и не будете бросаться в воду. Ну, что вы на это скажете?

Он наклонился к ней и, повернув к себе ее лицо, посмотрел с нежной иронией, как будто она была неразумным ребенком, нуждающимся в увещеваниях.

— Так обещаете?

Анжелика кивком подтвердила свое согласие.

Он отпустил ее, и она, сделав несколько неуверенных шагов, опустилась на песок.

Она чувствовала боль во всем теле. Болело все: руки, шея, голова. Казалось, что вся она была избита и

покрыта синяками. Да, она надолго запомнит этот день и свое возвращение домой, в Голдсборо!

— К тому же я еще и голодна! — сердито воскликнула она. — Это уж слишком.

Колен, ни слова не говоря, куда-то отошел и вскоре вернулся с охапкой сухих веток. Потом разжег костер между тремя камнями и снова ушел. Немного погодя он явился с огромным омаром, который негодуяше шевелил своими мощными клешнями.

— Этот приятель поможет нам скоротать время, — объявил он.

Потом он принялся ловко поворачивать омара на горячих углях до тех пор, пока тот не приобрел великолепный ярко-красный цвет. После этого он раскрыл обжигающе горячую скорлупу и предложил Анжелике лучшую часть. Белое, твердое, восхитительно пахнущее мясо успокоило ее, и все случившееся предстало перед ней уже не в таком трагическом свете.

Колен наблюдал за тем, как она ест, очарованный ее движениями, которые были ему столь хорошо знакомы и всегда так восхищали его своей несравненной грацией. До чего же он был наивен, если, впервые встретив ее, не смог узнать в ней знатную даму только потому, как она ела!.. Та особая ловкость, с которой она бралась за любую пищу, то непринужденное изящество, с каким она подносила ко рту каждый кусок, безошибочно указывали на элегантность, которой можно научиться только за столом королей...

Анжелика ела с большим аппетитом, но ее мысли были так далеко, что она не замечала ни на миг не отрывающийся от нее взгляд Колена.

В Вапассу она часто мечтала о том восхитительном моменте, когда, опять оказавшись в Голдсборо, она в окружении детей и своих подруг зажарит омара или моллюска во впадине большого камня. Ей никогда и в голову не могло прийти, что это может случиться вот

так, во тьме какого-то дьявольского кошмара. Вапассу словно исчез, удалился неимоверно далеко. Таким же далеким казался теперь и отец де Вернон, он же Джек Мервин, в непроницаемом взгляде которого она неожиданно заметила проблеск теплого участия к ней, а ведь это было только вчера!.. Только вчера задумчивый голос иезуита пробормотал: «Когда Дьявол принимается за дело, все происходит очень быстро... Время тогда останавливается... Все происходит во времени...»

Три ночи тому назад она от души веселилась и танцевала на острове Монхиган, и ее совесть была совершенно спокойна. А сегодня она отчетливо сознавала, что ей грозит опасность навсегда лишиться любви Жоффрея, а может быть, и самой жизни.

— Я боюсь, — произнесла она вполголоса. — В этих краях полно злых духов. Я чувствую, как они шныряют вокруг, следят за каждым нашим шагом и замышляют нашу погибель.

Колен, лежавший по другую сторону костра, опираясь на локоть, по-прежнему не отрывал от нее глаз. Она так поразила его своей бледностью, заметной даже в отблесках огня, что он ничего не ответил.

Она встала, чтобы ополоснуть пальцы у кромки воды, и это движение напомнило ей о дне, наполненном изнурительными заботами, из которых она перенеслась прямо в тишину этого вечера, еще не придя в себя и чувствуя ноющую усталость в каждой клеточке своего тела.

Глядя на томные, беспорядочно набегающие на берег волны, она почувствовала головокружение и пошла назад, отряхивая юбки.

— Моя одежда пахнет кровью, порохом, потом всех этих несчастных людей, смертью... Как много человеческих душ покинуло сегодня эту землю!.. Я больше не могу это выносить!

Она вновь села и уже потом осознала, что, сама того не замечая, придвинулась ближе к нему,

— Скажите мне, — попросил Колен, — что произошло в Голдсборо и в заливе? Бьюсь об заклад, что это было нечто весьма неприятное. Охота шла за моим судном, не так ли?

— Да, действительно! И они его захватили. Теперь оно стоит в гавани, полузатопленное водой. Половина ваших людей убита, остальные ранены или взяты в плен... Это ваш конец, Золотая Борода! Теперь вы больше не будете беспокоить порядочных людей... Где вы были, пока все это происходило?

Она удивилась, осознав, сколько раздражения и какой-то неистовой ярости было вложено в ее слова, и поразились своему стремлению уязвить его.

Она сидела, обхватив колени руками, раздраженная, полная нетерпеливого беспокойства, и, пристально вглядываясь в направлении Голдсборо, томилась от желания снова вернуться туда.

Туман был все же не настолько плотным, чтобы полностью скрыть отсветы огней, зажженных на оконечностях мысов и самых крайних выступах скал. В этих тщательно огороженных и защищенных от непогоды кострах всю ночь будут гореть куски смолы, чтобы проходящие мимо корабли знали о местонахождении самых опасных рифов.

Временами, когда рокот прибоя немного стихал, Анжелике казалось, что она различает смутный гул, доносящийся из порта. Несколько раз она как будто видела проблески огней из окон домов или от корабельных фонарей, которые были слабее и меньше, чем свет, пробивающийся от маяков.

«Что там происходит? Заметил ли кто-нибудь мое исчезновение? Ищут ли меня? Все это уже не имеет значения, — сказала она себе. — Я погибла... погибла!»

Колен молчал, словно придавленный судьбой и новостями, которые она сообщила ему с такой беспощадной резкостью.

Позади них вставала луна, огромная, бесформенная и золотая, окруженная туманным ореолом. Ее сияние начало разливаться вокруг, высветляя темные волны, прибрежный песок и соперничая с догорающим светом костра. Заухала сова. Потом Анжелика вздрогнула от смешанного чувства страха и надежды: ей показалось, что она видит человеческие фигуры, движущиеся среди скал и плавающие в прибрежной зыби. Но это было всего лишь маленькое стадо котиков, которые немного поплескались поблизости и снова уплыли в открытое море, испуганные присутствием людей на берегу, где они привыкли отдыхать. Их резкие, отрывистые крики, похожие на лай, начали отдаляться и тоскливо замерли вдали.

Никто не придет этой ночью на остров Старого Корабля. Анжелике придется провести ее здесь вместе с Коленом — еще одну из тех одиноких, словно существующих вне всего остального мира ночей, которые известны лишь беглецам, отверженным любовникам, осужденным и преследуемым; ночь, подобную тем, которые они когда-то проводили вдвоем в пустыне.

Колен Патюрель шевельнулся.

— Так, значит, я потерял все, — сказал он, будто разговаривая с самим собой. — Это уже во второй раз... нет, в третий... А может, и в четвертый. Вот из чего состоит жизнь джентльмена удачи и бедного моряка. Ты уходишь... ты уходишь по синим морям. Далекодалеко, вон туда... Ты одерживаешь победу один раз, два. А потом только из-за того, что тебе приходится встретиться с определенным кораблем или потому, что ветер вдруг меняет направление, рушится вся твоя жизнь, и ты должен начинать все сначала... Двенадцать

лет рабства на Берберском побережье... Ты бежишь, ты опять начинаешь все сначала, ты возвращаешь свое богатство... И опять ничего у тебя не остается... Ничего, кроме надежды на смерть... Или какую-то другую жизнь? Только берег, где ты один, и это все.

Анжелика слушала этот монолог с какими-то смутными угрызениями совести.

— Вас я тоже потерял, — продолжал он, поднимая на нее свои пронизательные голубые глаза, взгляд которых всегда глубоко трогал ее вопреки ее собственному желанию. — Прежде вы всегда были со мной, словно наяву, как мечта, ваше лицо, бесценное сокровище, принадлежащее мне... Но теперь все это исчезло.

— Колен, Колен! — воскликнула она, — Мой дорогой друг, вы терзаете мне душу. Неужели я так обидела вас, я, которая так вас любила? К чему эти сожаления? Я их не заслуживаю. Вам не следует идеализировать то или иное воспоминание, которыми вы теперь совершенно бессмысленно растравливаете свое сердце. Я всего лишь женщина, подобная другим женщинам, которой довелось встретиться вам на пути, одна из множества других, которые всегда встречаются на пути моряка... И я не понимаю, чем уж так могло прельстить вас то жалкое существо с кожей, опаленной солнцем пустыни, пыльными ногами и истощенным телом, которое едва тащилось по камням, цепляясь за вашу спину и обрекая вас своей слабостью...

— Не пытайтесь разрушить что-то или объяснить, — мягко прервал ее Колен... — Ваши бедные кровоточащие ноги, ваши потрескавшиеся губы, ваши слезы, оставлявшие полосы соли на ваших щеках, ваше тело, становившееся с каждым днем все более тонким и хрупким под своим бурнусом — из всего этого я воздвиг свой тайный рай... Во всяком случае, нельзя ожидать от вас, чтобы вы поняли, какое «очарование» может иметь

такая женщина, как вы, в глазах простого моряка, которому нечем защититься. Все, что обещают ваши глаза и улыбка, с избытком дает ваше тело. И это никогда нельзя забыть, с этим не справиться. Потому что нет одной женщины из тысячи, которая... Можно блуждать по всему земному шару и никогда не встретить ее, никогда не увидеть ее снова. После этого другие женщины просто не в счет. После этого все другие женщины — исчадие ада!

Последние слова он произнес с мрачной горечью и удивился, услышав ее смех.

— А вот в это я так и не поверю, — сказала она.

— Что? — воскликнул он гневно, выпрямляясь.

— Когда вы говорите, что все другие женщины — исчадие ада, вы просто сгущаете краски, чтобы растрогать меня, но я вам не верю! Вы, мужчины, слишком чувственны для того, чтобы не воспользоваться первой же благоприятной возможностью, если даже и храните в своем сердце вечную любовь.

— О! Вы так думаете?

— Вы должны понять, что, когда мы были вместе в пустыне, я относилась к вам, как к главе, как к властителю. Вы были хозяином, и... я вас боялась. Потом вы стали мужчиной, который нес меня, защищал и делал счастливой... — ее голос снизился почти до шепота. — Очень счастливой! Колен Патюрель, вы должны просить у меня прощения за то, что только что сказали. Вам пора опуститься на колени.

Он слушал ее как зачарованный. Потом медленно оторвал от земли свое массивное тело и встал перед ней на колени.

— Простите меня, — сказал он, — простите меня, мадам.

Он увидел снисходительную, материнскую улыбку, появившуюся на прекрасных губах Анжелики.

— Вы глупыш, Колен.

Она провела своей нежной женской рукой по его бугристому лбу и запустила пальцы в его густые, как у мальчика, волосы. Он на лету поймал изящную руку и поцеловал ее в ладонь.

— Как легко вы одерживаете надо мной верх! — прошептал он.

— Я думаю, это оттого, что вы — знатная дама, а я всего лишь несчастный мужлан.

— Нет, Колен, вы — король.

— Нет, я — мужлан.

— Ну ладно, тогда вы — король мужланов!

Оба принялись весело смеяться, и лунный свет заблестел на зубах Анжелики. Они были так близко друг к другу, связанные особыми, нежными узами, что достаточно было едва заметного движения, чтобы их губы соприкоснулись.

Анжелика знала, что у Колена начинает кружиться голова. И, словно обжегшись, она выдернула свою руку из его руки, тронув этим Колена до глубины души.

Этот жест был данью уважения ему, потому что, вот так отпрянув, она вернула ему силу, в которой он сомневался столько лет.

Он встал и отошел на несколько шагов. Так значит, он и в самом деле был наделен способностью тронуть это надменное, великолепное, царственное тело, он, Колен; и то счастье, которое он давал ей, не было соткано из лжи. Конечно, в Мекнесе он проявил недостаточно осторожности и проницательности, несмотря на то что его подданные охотно признавали, что он «разбирается в таких делах». Несмотря на все мавританские покрывала, окутывавшие ее, когда она была узницей в гареме, он должен был сразу же догадаться по ее манерам, по ее изящным, хрупким запястьям и лодыжкам, по ее удивительно звучному, богатому оттенками голосу, по ее хорошо обдуманному

фразам, в которых иногда проскальзывали потки смелой самоуверенности, по ее утонченности, по ее терпеливости... и проявляемому временами нетерпению, по тому, что она всегда умела находить с каждым нужный тон, и по ее мужеству тоже — передающемуся по наследству мужеству знатных фамилий — он должен был понять, что имеет дело со знатной дамой, а не с деревенской девушкой.

Он дорого заплатил за свою ошибку.

Какое ужасное пробуждение потом, в Сеуте! Какой удар!

«А теперь, дружище, убирайся! Эта женщина, оказывается, маркиза дю Плесси-Бельер! Одно из самых прославленных имен королевства... Вдова маршала Франции... Очень знатная дама... И, как говорят по секрету, она была... совсем недавно, фавориткой Его Величества... Сам король послал за ней. Теперь оставь ее в покое... Предоставь нам забрать ее в апартаменты губернатора...»

И «они» выхватили ее из его объятий... И «они» унесли ее прочь, бесчувственную, вырвали ее у него, из его сердца! Его ненаглядную любовь! Его красавицу, его сестру по пустыне, его обожаемое дитя... И он остался, покрытый язвами, потом и песком, и так, неподвижный, оглушенный, лежал долгие часы, словно «они» вырвали сердце из его груди, вынули все внутренности из его живота, оставив на их месте огромные, кровоточащие раны...

Какой призрак носил он с собой по всему земному шару, призрак такой женщины!

Потом он опять нашел ее. Она не изменилась. Она стала даже еще красивее, еще женственней. Она все еще обладала патрицианской грацией, под которой скрывались такое мужество и такой дух.

Вчера она была мадам дю Плесси-Бельер. Сегодня она стала графиней де Пейрак. По-прежнему в пути, по-

прежнему недостижимая. Убирайся, дружище. И с невыразимой мукой в сердце он вспомнил, какой она могла быть доброй, какой нежной. И как она была весела... Как ласкова и безмятежна она была, когда он любил ее. Она была самой естественной женщиной на всем белом свете, самой честной и прямодушной и была ему ближе всех, кого он когда-либо держал в своих объятиях.

Но если то, что она не презирает его — правда, он сумеет найти в себе силы, чтобы устранившись, уйти, оставаясь, однако, обладателем своего прошлого, своего сокровища, и оставить ее тому, другому. Ибо разве она не умоляла его помочь ей сохранить верность священным обетам?

Глава 62

— Колен, как вы оказались на этом острове? Кто привез вас сюда? И почему вас не было на борту вашего корабля во время сражения?

Голос Анжелики прервал его раздумья. Он был слегка дрожащим и прерывистым от волнения, и Колен пришел в восторг при мысли о том, что она пытается отвлечься, чтобы избежать искушения.

Он подошел, сел рядом с ней и обрисовал картину подозрительных событий, случившихся с ним в этот день. Он был вынужден признать, что похоже на то, будто какие-то злые силы сговорились запутать их и заманить в ловушку.

В это утро, на рассвете, когда его судно стояло на якоре в одной из крошечных бухточек перешейка Скуудик, где он прятался уже несколько дней, намереваясь, как он спокойно признался, предпринять новое нападение на Голдсборо, появилась небольшая лодка, в которой сидели трое моряков. Они заявили, что прибыли сюда по поручению мадам де Пейрак, которая якобы послала их из Голдсборо, желая встретиться с капитаном Золотой Бородой, помощь которого была нужна ей для какого-то дела. Все это должно было оставаться в полной тайне, и ему не следовало брать с собой никого из своих людей.

— Эти странные незнакомцы не вручили вам никакого письменного послания от меня, либо подделки под него, или хотя бы какого-нибудь предмета, который мог бы послужить доказательством? — удивленно спросила Анжелика.

— Нет, и в самом деле, они ничего не показали мне. И мне даже не пришло в голову потребовать у них нечто подобное. Признаюсь, что, когда дело касается

вас, я теряю свою обычную осторожность. Я знал, что вы рядом, в Голдсборо, и... Я сгорал от нетерпения слова увидеться с вами. Так что я оставил судно на попечение своего лейтенанта и, не требуя больше никаких объяснений, прыгнул в их шлюпку. Туман был таким плотным, что я далеко не уверен, смогу ли когда-нибудь узнать остров, на который они меня доставили и на котором, как они утверждали, вы подготовили встречу со мной. Мы начали ждать и провели за этим занятием достаточно много времени. Я думал, что вы задерживаетесь из-за тумана. Потом, когда уже в середине утра я услышал звуки пушечной пальбы, я почувствовал беспокойство. У меня было ощущение, что нападению подвергается мой корабль. Я попросил этих людей доставить меня обратно на его борт. Но они всячески тянули и тянули, пока я не начал терять терпение. Последовала драка. Я не совсем уверен в том, что один из них не покинул этот мир, но и сам я получил удар, от которого потерял сознание и до сих пор ноет затылок. Придя в себя, я обнаружил, что нахожусь на этом островке и безоружен: у меня стащили мои пистолеты, саблю и шпагу. Опускался вечер. Немного погодя, почувствовав себя лучше, я начал исследовать остров и... наткнулся на вас около старого разбитого крушением корабля.

Колен поднялся и, рассказывая, расхаживал взад и вперед. В конце концов Анжелика тоже встала и присоединилась к нему, так что они бок о бок медленно гуляли туда и обратно по маленькой полоске побережья, сверкавшей, как драгоценный камень в оправе из темных ночных деревьев. Их тени ложились на песок, причудливо вытянутые и черные, как чернила.

— Как они выглядели, эти люди, которые явились за вами?

Он пожал плечами.

— Да просто моряки, такие, каких всегда можно встретить здесь или на Карибском море. Они с равным успехом могут принадлежать к любой национальности и говорить на любом языке... Впрочем, нет, не думаю, чтобы они были чужестранцами. Почти уверен, что они французы.

Слушая его, Анжелика испытывала чувство мучительной боли. Она уже была не в силах сопротивляться гнетущей уверенности в том, что оба они были жертвами злых духов, которые забавляются, обрекая их на гибель. События нарастали столь стремительно и запутывались таким злобным и обдуманном коварством, что она больше не знала, за какой кончик нити ухватиться, чтобы начать распутывать весь этот клубок.

— Колен, вы знали, кем был тот человек, которому вы передали меня в заливе Каско? Английский шкипер того суденышка?

— Иезуит?

Анжелика уставилась на него, совершенно ошеломленная.

— Так вы знали? — воскликнула она.

Колен остановился и задумчиво всмотрелся в темный горизонт.

— Он появился в то утро, — сказал он. — Он пришвартовался и поднялся на борт. Он говорил по-английски, поэтому я принял его за шкипера какого-то судна. Он высказал желание поговорить со мной и, когда мы остались наедине в моей каюте, открыл свое подлинное лицо. Он сказал, что принадлежит к ордену иезуитов и послан с особой миссией; он просил передать ему мадам де Пейрак. У меня не было причин не верить ему; он говорил отрывисто и резко и смотрел на меня своими пронизывающими черными глазами, взгляд которых вряд ли может быть лживым.

И тут я понял, что это и есть мой единственный шанс, позволяющий мне отпустить вас, рука помощи, протянутая мне Господом. И именно из-за того, что он был иезуитом, я и решил, что таким способом Господь подаст мне знак. Если бы это не было ради него, если бы не этот кстати подвернувшийся иезуит, я... думаю, что не отпустил бы вас. Я все время твердил себе еще с предыдущего дня, что должен отступить от вас, но это было выше моих сил... Это было хуже, чем в Сеуте... Пожалуй, хуже. Если бы вы остались на борту, думаю, что я попытался бы завоевать вас снова... И стал бы причиной вашей гибели... Так что это как будто был наилучший выход. Я сказал: «Ладно, я понимаю. Пусть все будет так, как вы хотите». После этого он велел мне не говорить вам, кто он такой, чтобы вы считали его шкипером этого суденышка и англичанином. Я почувствовал в этом что-то неладное, но я всегда склонялся перед волей священников. Я полагаю, что они сражаются на стороне Бога и знают, что делают. Но тут я почувствовал что-то неладное и не мог отделаться от ощущения, что кто-то хочет причинить вам зло... Он причинил вам какое-нибудь зло?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет!

Теперь она понимала, что происходило в голове Джека Мервина, иезуита, когда он стоял на скале и наблюдал за тем, как она гибнет.

У мыса Макуойт он захватил ее, чтобы передать снова тем людям, которые хотели видеть ее отрезанной от всех, одинокой, попавшей в неловкое положение, полностью уничтоженной. И вот на Монхигане жестокое море как будто взяло на себя задачу избавиться от нее. Все упрощалось. Должно быть, он подумал: «Такова воля божья!» и скрестил на груди руки, отказываясь прийти ей на помощь.

Но одно дело — сказать о своем ближнем: «Он должен умереть». И совершенно другое — наблюдать за тем, как он борется со смертью.

Ему нужно было бы совсем не иметь сердца, чтобы спокойно наблюдать за ее агонией до самого конца и позволить ей исчезнуть под волнами для того, чтобы никогда уже не появиться ВНОВЬ.

Он бросился в воду.

— Мои покровители в Париже и Каене принадлежат к Братству Святого Причастия, — заметил Колен. — Я обязался служить миссионерам в тех новых землях, где собирался обосноваться сам. Но я не знал, что это окажется таким трудным делом. Меня уверили, что окрестности Голдсборо свободны от английских поселений.

— Мы не английское поселение, — сказала Анжелика. — Эта территория принадлежит моему мужу в силу того, что он первый занял ее и способствовал ее процветанию.

— Почему вы вышли за этого властелина Голдсборо?

Вряд ли у Анжелики хватило бы мужества ответить ему. Это была слишком длинная история, и, кроме того, все, имевшее отношение к сокровенности ее жизни с Жоффреем, было для нее чрезвычайно щекотливой темой. Ей не хотелось облекать в слова то, что касалось только их одних, Жоффрея де Пейрака и Анжелики де Сансе: их мечты, драму их ранних взаимоотношений, их тягостные испытания, их борьбу и слабости, их наконец-то достигнутое счастье. И все то, что связало их этими неуловимыми узами: их совместную жизнь, их собственное судно, которое подвергалось стольким опасностям и штормам я на котором они наконец-то соединились так, что никто никогда не смог бы разлучать их. «Никто, никто!», — страстно думала она, поднимая взгляд на небо, покрытое темными ночными облаками с золотистой каймой лунного света. И

впервые после вчерашнего вечера она ощутила острую, нестерпимую боль, как будто удар, нанесенный по ее лицу, только теперь, после долгого блуждания по подсознательным полям надежды, достиг ее сердца. Жоффрей! Все кончено... Он презирал ее, ненавидел, он ей больше не верил.

— Почему вы вышли за него? — продолжал настаивать Колен. — Каким же человеком он должен быть, чтобы такая женщина, как вы, пожелала связать с ним свою жизнь и последовать за ним даже в эти отдаленные края?

— Какое это имеет значение? — удрученно ответила она. — Он — мой муж. И он значит для меня больше, чем все остальное на этом свете, несмотря на мою скрытую слабость, которая меня иногда подводит.

Долгое время ни один из них не нарушил молчания.

— Вы точно знаете, какой линии придерживаться в разговоре со мной, — сказал наконец Колен Патюрель с горькой иронией. — Уважение к священным обетам!.. Вот на что вы ставили, и это единственное, что могло остановить меня. Я оставался верен им вопреки своей собственной слабости... Нельзя двенадцать лет проливать кроль ради сохранения верности своему богу и при этом, в конце концов, не привязаться к нему сильнее, чем ко всем земным соблазнам. Пусть Он только подаст знак: «Стой, Колен! Говорит Владыка».

— Неужели мы настолько уж сильно привязаны к доктринам нашего детства, что до сих пор позволяем руководить собой вопреки собственной воле, да, именно так, потому что это вопреки нашей воле? — спросила она. — А может быть, мы просто боимся того, чему научились когда-то?

— Нет, — сказал Колен, — вами управляет не только то, чему мы учились когда-то. К счастью! Но бывают времена, когда человек, хочет он того или нет, видит, что он на подступах к истине. И тогда так же трудно

помешать ему следовать ей, как невозможно помешать звезде пересечь небо.

Заметив отсутствующее выражение на лице Анжелики, он нежно спросил:

— Вы слушаете?

— Да, я вас слушаю, Колен Патюрель. Вы такой красноречивый оратор. Вы научили меня столь многим вещам, навсегда запечатлевшимся в моем сердце...

— Счастливы слышать это, мадам, но слова, которые я только что произнес, если я правильно припоминаю, сам я услышал от другого человека, от Османа Фараджи, Главного Евнуха, того высокого черного парня, который охранял вас в гареме Мулаи Исмаила. В Мекнесе король часто призывал меня к себе и заставлял усаживаться в моих грязных лохмотьях на подушки с золотой бахромой. И мы вместе слушали Османа Фараджи. Каким мудрецом был этот негр! Каким блестящим человеком! Ни один человек в мире не оказал большего влияния на мою душу, чем он. Он был провидцем.

— Как я любила его! Как он был мне дорог! — воскликнула Анжелика, охваченная чувством мучительной тоски. — Он был самым большим другом.

Она оборвала себя на полуслове, потрясенная до глубины души, потому что память вдруг подсказала ей, что ведь это рука Колена Патюреля убила благородного евнуха ударом кинжала в спину, чтобы спасти ее.

— Хватит об этом, — ласково сказал Колен, — хватит этих болезненных воспоминаний. Вы устали, и теперь мы далеко, очень далеко от тех мест, и еще дальше мы ушли по дорогам наших жизней. Если только я могу сказать, что хоть насколько-то продвинулся вперед за все эти годы, которые прошли после Сеуты... Я не просто отступил назад, а скорее растратил все, что скопил раньше.

— Человек всегда продвигается вперед, если страдает, и все-таки не поддается, не уступает, не падает духом и не отворачивается бесповоротно от добра, — пылко сказала Анжелика.

Вспомнив длинный туннель, полный препятствий, ошибок и обретений, через который прошла она сама, когда жила вдали от Жоффрея, она подумала, что имеет право подбодрить Колена.

— Вы сейчас уже не так слабы, как только что доказывали, Колен, мой дорогой, дорогой друг. Я это знаю. Я это чувствую. Время от времени мне кажется, что рядом со мной вот-вот очутится старый Колен во всем своем величии, отбросив в сторону дешевую мишуру Золотой Бороды, и я вижу его еще более великим, сальным и готовым выполнить стоящую перед ним задачу...

— Какую задачу? Разве что оказаться вздернутым на виселицу, как обычный пират.

— Нет, Колен, нет! Этого не будет. Ничего не бойтесь, ничего больше не бойтесь. Я не знаю, как все это произойдет, но зато я знаю, знаю, что Господь будет верен вам, не оставит вас, вот увидите. Он не может покинуть вас — вас, распятого за него...

— Но он покидал меня так надолго.

— Нет, нет, не сомневайтесь больше. Колен, ведь вы всегда были таким твердым верующим: это же основа вашего существования... Он не зря наделил вас столькими неоценимыми качествами. Вы увидите... Я же, со своей стороны, не сомневаюсь в вас.

— О, вы восхитительны, — глухо сказал он и заключил ее в объятия.

Анжелика затрепетала с головы до ног.

Охваченная бесконечным желанием подобно волне подхватить и вынести Колена на берег, где он наконец-то вновь обретет себя, она говорила со страстным воодушевлением, обратив к нему запрокинутое лицо,

освещенное тем удивительным взглядом, в котором он мог прочесть нечто более ценное для всякого мужчины, чем азартные соблазны вселенной — веру женщины. Веру в него, в его силу, в его величие, в его могущество, в его непонятную судьбу.

И вот теперь, оказавшись плотно прижатой к нему, в волшебном кругу его объятия, она почувствовала, как эта волна нежности сменяется неистовым потоком чувственного возбуждения, которое она узнала в величайшем смущении в расстройстве. Рука Колена, лежавшая у нее на спине, эта стальная рука, слишком часто не сознающая своей силы, прижимала ее с непреодолимой страстью, и это соприкосновение вновь разбудило стремительное, сладостное, восхитительное томление, неудержимое тяготение к нему, похожее на подземный толчок.

Стоя так и ощущая его близость всем телом, она запрокинула голову, и лунный свет упал на ее закрытые, словно в предсмертной истоме, глаза...

— Не бойтесь, любовь моя, — тихо сказал он своим низким голосом, в котором прозвучала нотка нежного поддразнивания, всегда так сильно действовавшего на ее сердце и чувства, — не бойтесь меня больше. Это в последний раз... Я обещаю вам, в последний раз я вот так прижимаю вас к своему сердцу. Но мне еще хотелось бы получить ответ... Я ушел от вас в Сеуте, когда я повернулся к вам спиной, чтобы покинуть вас навсегда?

— Да, и вы знаете это так же хорошо, как и я, — выдохнула она. — Вы прекрасно это знаете. Вы видели...

— Я не был уверен... Я размышлял над этим многие годы... Не почудились ли мне эти слезы, слезы, которые блестели на глазах знатной дамы? Были ли они обо мне? Спасибо, спасибо, любовь моя...

Он еще крепче прижал ее к себе, потом отпустил и ласково оттолкнул. Он не желал замечать ее

полураскрытые, дрожащие губы, обращенные к нему. Он распрямился во весь свой геркулесовский рост.

— Теперь я знаю то, что хотел узнать. Я получил ответы на все. И из ваших уст! Из ваших уст! Мне кажется, что я смогу дышать свободнее. Благодарю вас, моя дорогая. Вы вернули мне то, что я утратил. А теперь идите, идите и отдохните. Вы измучены.

И, поскольку она колебалась, он взял ее за плечи, прижал к себе с бесконечной нежностью и повел обратно к костру, который разжег раньше. Она не столько села, сколько упала на песок. Он немного расшевелил угасающее пламя, потом отошел на другой конец песчаной полосы и лег в тени деревьев, чтобы немного отдохнуть поодаль от нее.

Незадолго до этого, когда они гуляли вдоль берега, одна волна, выше остальных, обдала ей ноги. Ее туфли промокли насквозь. Она сбросила их, подобрала ноги под юбку и, обхватив колени руками, снова приняла недавнюю, несколько зябкую позу. Горевший рядом костер не согревал ее, она продолжала дрожать. «Каким слабым бывает мое тело, когда дело касается любви! — горько и пристыженное сказала она себе. — Зря я так давно не молилась. Молитва помогает преодолевать такие порывы».

Она была ужасно зла на себя и даже испытывала к себе некоторое презрение. Ведь все эти ночные часы она чувствовала себя такой благоразумной, такой рассудительной, вполне способной подавить в себе искушение, возбужденное воспоминаниями и близостью Колена, и после этого вдруг так внезапно накатила эта горячая, жадная волна!..

Когда события принимают подобный оборот, в них всегда бывает привкус измены, если даже человек и успевает вовремя спохватиться и отступить. Ее лицо залилось обжигающей краской, и она спрятала его в колени. Как долго длится эта ночь! «Прости меня,

Жофрей, прости меня, это не моя вина. Это все из-за того, что ты далеко... Я слаба. Ты слишком хорошо вылечил и оживил меня, мой чародей. Ах, как далеки теперь те дни, когда одно только прикосновение мужчины вызывало у меня жуткие конвульсии. Ты тоже виноват. Ты вернул мне вкус к поцелуям, ко... всему... И сегодня я слаба!»

Она разговаривала с ним тихим голосом, чтобы развеять страх. Она обращалась к любовнику, к обожаемому и обожающему мужу; к мужчине, который всю долгую зиму прижимал ее к своему сердцу в огромной кровати в Вапассу; и она вызывала его образ, чтобы забыть страшного человека, который накануне вечером схватил ее за волосы и так жестоко ударил.

«Если он узнает... Если он узнает об этой бессмысленной встрече,.. о том, что я провела всю ночь на этом островке,.. всю ночь вместе с этим пиратом, который для него не более чем Золотая Борода, он убьет меня. Мне уже не спастись... Это безусловно. Он убьет меня прежде, чем я успею раскрыть рот... Да я и не смогу это сделать так же, как вчера вечером... О Боже! Как беспомощен и робок человек, когда он слишком сильно любит... Помоги мне. Боже, помоги мне... Помоги нам. Я боюсь и у же не понимаю, что происходит вокруг. Я больше не знаю, что мне делать...»

Несмотря на душившее ее горе, она все-таки не могла окончательно пожалеть о том, что случай свел ее в эту ночь с Коленом и оставил их наедине на маленьком островке. В тот момент, когда она увидела, как он встал и сказал: «Благодарю вас, моя дорогая, вы вернули мне то, что я утратил», она испытала чувство невероятного облегчения, ее совесть успокоилась.

Она поняла, как долго носила в себе неосознанное чувство сожаления и беспокойства о своем любовнике из пустыни Колене.

Теперь он был в безопасности.

Единственное, чего он никогда не узнает — то, что она носила от него дитя в своем чреве. Слишком интимные узы между ними должны быть расторгнуты. Как трудно людям помогать друг другу!

Неожиданно в ее усталом мозгу промелькнула искорка юмора — она так хорошо знала повадки этой чудной птички, всегда готовой вспорхнуть внутри нее в самые тяжелые минуты, — ей вдруг пришло в голову, что неплохо было бы стать престарелой дамой. Преклонный возраст позволяет помогать соседям и друзьям, не осложняя при этом ни их, ни своей жизни.

Он дает возможность следовать побуждениям сердца во всей их искренности и оказывать ближним бескорыстную и действенную помощь. Он дает право жить честно, не будучи вовлеченным в постоянные конфликты осторожности и дерзости, отступления и наступления, вызываемые в эмоциональной жизни соблазнами плоти.

«Как хорошо будет однажды почувствовать себя старой!» — сказала себе Анжелика и начала улыбаться, а потом и смеяться про себя. Она дрожала с головы до ног, ее ноги окоченели, а голова горела. Звук приближающихся шагов, приминающих песок и заглушающих нежное бормотанье волн, заставил ее насторожиться. Колен возвращался.

— Вы должны заснуть, моя маленькая, — нежно сказал он, склонившись над ней. — Нет смысла сидеть вот так, скорчившись, и перебирать свои мысли. Ложитесь, и вам сразу станет лучше. Скоро настанет день...

Она поступила так, как он велел, отдав себя в его руки, как привыкла делать это раньше. И снова ощутила терпеливую твердость этих рук, пока он заботливо укутывал ее в свой плащ и набрасывал ей на ноги свой камзол из бизоньей кожи.

Она закрыла глаза. Страстное обожание, которое словно излучал Колен, было подобно бальзаму для ее измученного, больного тела, было чем-то таким, что могло успокоить ее сердце, разрывающееся от горя и треноги и сейчас, выходя из шокового состояния, все мучительнее ощущающее свою боль.

— Теперь усните, — прошептал Колен, — усните, вы должны поспать.

И когда она уже позволяла себе опуститься в черные воды сна, ей показалось, что она слышит голос, бормочущий в одиночестве тех ночей Магреба...

«Спи, мой ягненок, спи. Завтра нас ждет долгий путь, долгий путь по пустыне».

Может быть, он и вправду шептал ей это.

Глава 63

Колен опять был здесь, вырисовываясь черным силуэтом на фоне яркого неба, освещенного лучами зари. Он нежно потряс ее.

— Прилив убывает.

Анжелика приподнялась на локте, отбросив с лица растрепавшиеся волосы.

— Туман еще густой, — сказал Колен, — Если вы поторопитесь, вы сможете незамеченной перебраться через залив.

Анжелика мгновенно вскочила на ноги и начала отряхивать от песка свою одежду.

Это и в самом деле был благоприятный момент для того, чтобы выбраться отсюда. Над заливом, на некотором расстоянии от берега, висела дымка, один из тех легких туманов, которые бывают словно насыщены светом, но который тем не менее мог послужить защитным экраном, отделяющим островок от Голдсборо. Ветер пока не поднялся; был тот час спокойствия, когда нежное воркованье горлинок так очаровательно наполняет тишину, что она от этого кажется только еще более полной и глубокой. Чайки, балансирующие на коричневых остриях обнажившихся скал, выглядели крошечными алебастровыми фигурками, застывшими в общей неподвижности рассвета, и если они все-таки шевельнулись, то лишь для того, чтобы заскользить медленно и бесшумно, подобно белым вспышкам, прорезающим розовато-золотой туман.

Теплый утренний воздух был насыщен сильным запахом водорослей, что говорило об обширных пространствах, обнаженных отступившим приливом и усеянных морской растительностью и моллюсками.

У Анжелики пробудилась надежда, что ей удастся добраться до Голдсборо, не привлекая внимания, и что, при чудесном стечении обстоятельств, ее отсутствие может остаться незамеченным.

В самом деле, кого могло интересовать, провела она ночь в своей комнате или нет? За исключением ее мужа, конечно... Но, учитывая весьма прохладные отношения, установившиеся между ними с прошлого вечера, он мог и не побеспокоить себя подобными расспросами. Если ей повезет, то ее нечаянное приключение вполне может остаться незамеченным.

Она поспешила спуститься к воде. Следовавший по пятам Колен наблюдал за тем, как она пробует ногой первые камни брода.

— А как же вы? Что будет с вами? — вдруг спросила она.

— О, я!..

Он махнул рукой в неопределенном направлении.

— Я попытаюсь найти людей, которые украли у меня ножи и пистолеты, а потом попытаюсь... уйти...

— А потом? — воскликнула она. — Колен, ведь вы совсем один! У вас ничего не осталось!

— Обо мне не беспокойтесь, — саркастически произнес он, — Я не младенец в пеленках. Я — Золотая Борода, не забывайте об этом.

Она остановилась в нерешительности и так и стояла, балансируя на одной ноге, не в состоянии покинуть его.

Она чувствовала, в каком ужасном состоянии находится Колен, как остро он ощущает свое одиночество и беспомощность. У него не было даже оружия. Она отчетливо представляла его стоящим на берегу какого-нибудь пустынного островка, этого гиганта с пустыми руками, который, как только рассеется туман, превратится всего лишь в преследуемое животное, превосходную мишень для

острых глаз врагов, которые затравят его среди этих островов.

— Идите, идите! — нетерпеливо сказал он. — Идите.

Она подумала: «Я должна пойти и найти Жоффрея... Я должна все рассказать ему... Чтобы он, по крайней мере, дал Колену возможность бежать, покинуть Французский залив...»

И она последний раз обернулась, чтобы навсегда запечатлеть в своей памяти его образ, его золотую голову викинга и голубые, как островки неба, глаза.

О надвигающейся опасности его известил ужас, внезапно появившийся в глазах Анжелики.

Он мгновенно, одним скачком, повернулся, чтобы встретиться с этой опасностью лицом к лицу, и раскинул свои могучие руки, готовые схватить, задушить, ударить, убить.

Человек в черных доспехах прыгнул и набросился на него, потом еще четыре, шесть, десять. Казалось, что они возникают отовсюду, хотя они выскакивали из-под прикрытия маленького леска за скалами.

Анжелика, словно в каком-то жутком, кошмарном сне, узнала в них испанцев Жоффрея де Пейрака, и ей показалось, что это дьяволы, скрывающие свои свирепые рожи под знакомыми чертами.

Они продвигались вперед и подкрадывались к нему совершенно бесшумно, не нарушив тишину даже легчайшим шелестом песка.

Это походило на какое-то жуткое видение, казалось порождением ее испуганного воображения.

Она забыла о том, что эти люди, выбранные Пейраком, когда-то сражались в Перуанских джунглях и были обучены действовать с коварством змей, ловкостью кошек, жестокостью индейцев, а в их жилах текла мавританская кровь.

Педро, Жуан, Франциско, Луис... Она знала их всех, но в этот момент они казались совершенно чужими. Они

стали воплощением зла, дикой, необузданной силы и пока, охваченные неистовым пылом борьбы, старались одержать верх над Коленом, их зубы, до нелепости белые на темных, обожженных солнцем лицах, сверкали и скрежетали.

Колен сражался, как лев, атакуемый стаей черных собак. Он дрался голыми руками, ранив себя краями стальных шлемов, и вырывался с такой бешеной силой, что несколько раз ухитрялся сбрасывать на землю и тащить за собой людей, цеплявшихся за его одежду.

Однако в конце концов его колени подогнулись, не выдержав их общей тяжести. Его схватили сзади за плечи и опрокинули навзничь. Кто-то занес над ним пику. Анжелика крикнула:

— Не убивайте его!

— Не бойтесь, сеньора, — произнес голос донна Альвареца. — Мы хотим только оглушить его. Нам приказано взять его живым.

Надменный, исполненный торжественного осуждения взгляд темных глаз донна Жуана Альвареца остановился на Анжелике. Его длинное аскетическое лицо обрамлялось, как обычно, старомодным гофрированным воротником.

— Не будете ли вы так добры, чтобы сесть, сеньора, — сказал он официальным, но в то же время повелительным тоном.

Она поняла, что в случае ее отказа он не поколеблется применить силу. Он отвечал перед графом де Пейраком, и, прожив с ним рядом несколько месяцев в Вапассу, она знала, что и для донна Жуана, и для его людей приказы графа были чем-то священным.

Невыразимый ужас начал заполнять все ее существо, и тем не менее это был только страх, вызванный пониманием истинного смысла происшедшего.

Она прочитала осуждение в глазах дона Жуана Альвареца. Для него эта женщина, которую он почитал как жену графа де Пейрака, была захвачена в объятиях любовника. Это было крушением всего. На гордом лице старого испанца была написана печаль.

Анжелика посмотрела в сторону леска, из которого бесшумно возникали эти черные как ночь привидения в своих черных стальных кирасах, с нацеленными в спину Колена пиками, и уже приготовилась увидеть «ЕГО», хозяина, человека, который отдал приказ захватить Золотую Бороду живым, а ее привезти как пленницу, как сообщницу пирата, как презренную, падшую женщину. Но зловещая масса листьев оставалась неподвижной, едва отвечая на легкое дуновение ветерка.

Тогда она судорожно ухватилась за остававшуюся ей надежду на то, что «ОН» еще не знает, что только простой случай привел испанцев на этот остров. Не в том ли дело, что весь архипелаг тщательно прочесывался в поисках Золотой Бороды?

— Вы должны последовать за мной, сеньора, — повторил командир испанцев.

Он положил руку на ее плечо.

Она рывком высвободилась и прошла вперед. Бесполезно было бы даже пытаться оправдываться перец таким человеком, как Альварец. В его глазах она была виновна, таковой и останется. И она полностью заслужила смертную кару.

Далеко был Вапассу — место, где юс всех связывали узы спокойной дружбы, пока они жили в ледяных тисках зимы.

Целый ряд неожиданных, зловещих, словно направляемых рукой дьявола событий вверг их всех в водоворот, в котором исчезли уважение и к себе, и к другим, исчезла и радость.

По лбу Колена текла кровь.

Он выпрямился и, плотно окруженный стражей, ничего не говорил и больше не пытался защищаться. Его руки были заломлены за спину и крепко связаны, ноги закованы в кандалы. Короткая веревка между ними, позволяла ему только медленно ковылять вперед.

Повернувшись спиной к видневшемуся вдали Голдсборо, деревянные дома и розовые скалы которого уже начали выступать из тумана, освещаемые утренним солнцем, маленький отряд, сопровождающий Анжелику и пленника, пересек островок, пройдя около остова старого корабля.

С другой стороны скалы были еще более отвесными. В маленькой бухточке покачивались в ожидании две шлюпки. Низкий прилив все-таки оставил проход, дающий возможность

Приглашая Анжелику занять место в одной из шлюпок, дон Альварец протянул ей руку, чтобы помочь ее. Она с презрением отвергла ее.

Он сел рядом с ней. Она заметила, что цвет его лица был еще более желтым, чем обычно, и непроизвольный тик, возникший после индейских пыток и придававший его лицу жуткое выражение, внезапно оскаливая зубы, словно в свирепой ухмылке, сегодня беспокоил его особенно сильно. Она впервые заметила седые нити в его бороде, подстриженной по старой испанской моде. Похоже, что за эти последние два дня дон Жуан Альварец состарился сразу на десять лет. Анжелика случайно встретилась с ним глазами, и то, что она увидела, глубоко потрясло ее.

Разрываясь между своей верностью графу де Пейраку и верностью, которую, вопреки его собственному желанию, пробудила в нем эта благородная графиня, столь героически делившая с ними трудности суровой зимы, достойный испанец терпел адские муки.

Он занял свое место перед ней, как торжественный страж и блюститель закона. Моряки и наемники, ожидавшие на берегу, тоже заняли свои места в шлюпке и оттолкнули ее от берега, направив в струю течения. Другая шлюпка приняла на борт оставшихся членов маленького отряда.

Анжелика поймала себя на мысли: «Мне предстоит умереть; когда он узнает, он убьет меня».

Может это было слишком по-детски, но она никак не могла избавиться от этого убеждения. Ее мозг был словно парализован. Усталость изнурительного дня, посвященного уходу за ранеными, и слишком короткая ночь подорвали ее способность к самозащите. Она не могла больше сопротивляться чувству мучительной тревоги. Она ощущала себя больной да и на самом деле была больна.

Анжелика была бела как мел и вся дрожала, несмотря на усиливающуюся жару летнего дня, однако пыталась сохранять внешнее спокойствие. Враждебность всех этих людей, окружающих ее, была почти осязаемой, она ощущала ее, как свинцовый плащ, своей тяжестью давивший ей на плечи.

«Но ведь я всегда разносила всем этим людям согревающие напитки», — подумала она с некоторой обидой.

Но теперь она была женщиной, обесчестившей своего мужа, и в глазах всех этих самцов, фанатически и пунктуально соблюдавших кодекс верности, заслуживала смерти. Это было бессмысленным действием, но в этой суровой, дикой, девственной стране все было возможно и как будто диктовалось непреклонностью самой природы. Гнев, ярость, ревность, ненависть и приметы смерти были вплетены в нежную, тонкую ткань этого великолепного летнего утра и пылали в человеческих сердцах, как раскаленные угли.

И в поднимающемся ветре открытого моря, дующем прямо в лицо, она узнавала то самое дыхание, которое воспламеняет страсти человека, снова вынужденного полагаться только на свою собственную силу. С каким-то болезненной прозорливостью она чувствовала одиночество этих мужчин и женщин, живущих вне законов и вне собственных народов, заброшенных в самую сердцевину дикой, неукротенной природы; то, как вопреки их воле, с медленным течением дней дикость этого девственного континента постепенно проникает в самые глубины их существа. В такой обстановке вожак имеет исключительное значение. От него, от его поступков и чувств зависят жизнь и смерть. Таков закон, управляющий племенами и народами с тех пор, как человек начал странствовать по земному шару. И та тайная сила, которую она всегда чувствовала в Жоффрее, та сила, которая сквозила даже в его нежности и мягкости, сегодня лишала ее всякой надежды, и чем короче становился путь, тем сильнее и сильнее охватывали ее смятение и ужас.

Но куда они направляются? Шлюпки отклонились к востоку, держась вдаль побережья. На расстояния нескольких кабельтовых от них показалась оконечность мыса, и, обогнув его, они почти сразу же наткнулись на скалистый берег, в ближайшей точке которого можно было разглядеть группу вооруженных людей. Это было потайное местечко, отдаленное от Голдсборо и других домов.

Когда они приблизились к группе, стоявшей на берегу, она различила высокую фигуру графа де Пейрака с его широким плащом, бившимся на ветру.

«Он убьет меня, — повторяла она про себя, оцепеневшая и отчасти смирившаяся. — И даже не даст мне раскрыть рот. Значит, он никогда не любил меня, если теперь не может понять. О, как бы мне хотелось,

чтобы он убил меня... Зачем жить, если он не любит меня?»

Несвязные мысля, мелькавшие в ее голове, во многом шли от усталости, сковывавшей все ее существо.

«А как же Кантор? Что скажет Кантор? Мой сын не должен быть замешан во все это!»

Шлюпки коснулись берега. Прибой оказался довольно бурным, и на этот раз Анжелика взяла руку, которую протянул ей дон Жуан Альварец, чтобы помочь выйти на берег. Она и в любом случае с радостью приняла бы ее, поскольку вряд ли была способна удержаться на ногах. Она обнаружила, что стоит рядом с Коленом, окруженная тесным кольцом испанских солдат, а остальные моряки заняты закреплением шлюпок.

Отделившись от стоящей в отдалении группы, граф Пейрак двинулся им навстречу. Анжелике никогда не могло бы прийти в голову, что вид ее мужа может вызвать в ней такой страх и тревогу, особенно после тех долгих месяцев любви и товарищества, которые они провели вместе в форте Вапассу и которые были еще так близки... Но... Но все это исчезло, унесенное ветром с этих берегов, и мужчина, который приближался к ней, больше не был тем человеком, которого она любила. Это был хозяин Голдсборо, Катарунка, Вапассу и прочих владений, командир, властелин и в то же время муж, которого жена сделала посмешищем в глазах всех его людей и даже, можно сказать, в глазах его народа.

— Это он? — спросил Колен сдавленным голосом.

— Да, — прошептала Анжелика, чувствуя, как пересохло у нее в горле.

Граф Пейрак не торопился. Он приближался с небрежной надменностью, которая в данных обстоятельствах была оскорбительной и подчеркивала не только презрение, но и угрозу, таившуюся в его

поведении. Было бы лучше, если бы он подходил к ним, обезумевший от ярости, как в тот недавний вечер. Анжелика предпочла бы такой приступ бешенства этому жуткому, бесконечному ожиданию, этому медленному приближению, похожему на приближение дикого зверя, приготовившегося к прыжку.

Ее охватила паника, от которой из ее головы разом выскочили все связные мысли; та паника, которая каждый раз охватывала ее при встрече с ним лицом к лицу с тех пор, как была поставлена на карту судьба и жизнь Колена. Здесь смешивались и чувство вины перед мужем, и желание во что бы то ни стало не потерять его, и верность Колену, но, так или иначе, это всепоглощающее чувство парализовало ее и лишало ее лучших качеств, а также способности двигаться и говорить. Вместо того чтобы броситься к нему навстречу, она осталась стоять, как пригвожденная, лишившись дара речи. Тем не менее ее глаза машинально отметили каждую деталь одежды Пейрака, что было просто нелепо и смехотворно в такой момент и, уж конечно, не могло помочь ей разрешить безнадежно запутанную ситуацию, в которой они оба оказались.

На Пейраке был зеленый бархатный костюм. Она видела его в нем год назад на борту «Голдсборо»; это был один из тех темных, великолепных цветов, которые он любил носить; его неуловимые, меняющиеся оттенки подчеркивались фламандским кружевом воротника, заостренные концы которого, затканые серебром, лежали на плечах. То же самое кружево, отделанное серебром, служило манжетами камзола и украшало верх его высоких сапог из тонкой английской кожи. Его густые волосы были покрыты шляпой из короткошерстного бобрового меха с плюмажем из белых перьев, трепетавших на ветру. На этот раз на его поясе не было оружия, и два пистолета с серебряными

рукоятями были засунуты в прорези его расшитой серебром перевязи, натянутой наискосок по камзолу от плеча до бедра и поддерживающей его шпагу. Он остановился в нескольких шагах от них.

Анжелика сделала едва заметное движение, сама не сознавая его смысла. Колен проворчал:

— Нет, не вставайте передо мной, я не потерплю этого.

Испанцы уцепились за него, с видимым трудом удерживая на месте.

Граф де Пейрак, не двигаясь, продолжал с величайшим вниманием разглядывать его издали.

Слегка склонив голову набок, владелец Голдсборо пристально смотрел на нормандского флибустьера, и Анжелика, которая была не в состоянии оторвать глаз от своего мужа, заметила, что его взгляд затуманился. Потом сардоническая улыбка скривила его искаленную щеку, на которой в это утро сильнее, чем обычно, выделялись старые шрамы, побелевшие от внутреннего напряжения.

Сняв левой рукой шляпу, Пейрак направился к своему пленнику. Подойдя к нему, он поднес руку ко лбу, потом к сердцу согласно ритуалу восточного приветствия.

— Салям алейкум, — сказал Жоффрей де Пейрак.

— Салейкум алям, — машинально ответил Колен.

— Приветствую тебя, Колен Патюрель, король рабов Мекнеса, — продолжал Жоффрей де Пейрак по-арабски.

Захваченный врасплох Колен пристально взгляделся в его лицо.

— Я тоже узнал тебя, — сказал он в конце концов на том же языке. Ты — Рескатор, друг Мулаи Исмаила. Я часто видел тебя сидящим на вышитых подушках рядом с ним.

— А я часто видел тебя прикованным к виселице на базарной площади в компании со стервятниками...

— Я и сейчас закован, — просто ответил Колен.

— И по всей вероятности, скоро будешь повешен на какой-нибудь виселице, — сказал граф с той ледяной улыбкой, которая всегда бросала в дрожь Анжелику.

Она еще помнила арабский и могла следить за ходом этого невероятного диалога.

Почти такой же высокий, как и Колен, Жоффрей, казалось, возвышается над своим массивным противником благодаря той величественной осанке, которой отличалось его гибкое, тонкое тело. Они представляли два противоположных типа, совершенно различных и по происхождению. Было несколько жутко видеть их вот так, лицом к лицу друг с другом. И долгая, тягостная тишина воцарилась вокруг. Граф, казалось, задумался.

Он не проявлял никаких признаков неистовства, даже сдерживая неистовство других, и в его глазах нельзя было заметить угрожающего блеска. Но Анжелика чувствовала, что больше не существует для него. Или, если даже и существует, то только как предмет, как досадная помеха, присутствие которой он хотел бы игнорировать любой ценой. Объяснялось ли это отчужденностью или презрением, она не знала; и такое положение казалось ей невыносимым, невероятным. Она предпочла бы, чтобы он убил ее, ударил. Но это было хуже всего. Таким отношением он, вопреки ее воле, ставил ее в положение женщины, которой она не хотела оказаться, которой ОНА НЕ БЫЛА — изменницы, бесчестной жены, выброшенной из сердца мужа и теперь стоявшей здесь рядом со своим «преступным любовником» в ожидании приговора. Но даже это постепенно начало становиться для нее безразличным. Она чувствовала полнейшее равнодушие к тем, кто ее окружал, ко всему происходящему, охваченная только одним отчаянным, безрассудным желанием: увидеть хоть один его взгляд, брошенный на

нее, заметить хоть какой-нибудь знак, хоть что-нибудь, все равно что.

Теперь, когда он знал, кем был Золотая Борода, сможет ли он хоть немного понять... ее слабость?.. Ей хотелось бы набраться мужества открыть рот и сказать: «Давайте выясним все это». Но присутствие солдат и моряков бросало ее в дрожь так же, как и присутствие всех этих господ, окруживших их молчаливым кольцом и скрывавших под маской безразличия и натянутой формальности обычное любопытство. Здесь был и Ванрейк, фламандский корсар, и Роланд д'Урвилль, и еще какой-то француз, которого она не знала, и даже английский адмирал, разнаряженный, как и его первый помощник.

Почему Жоффрей привел их всех сюда, на эту трагическую встречу, в которой могла подвергнуться столь болезненному испытанию его честь?

Но острее всего Анжелика ощущала страх. Страх, внушаемый этим незнакомцем, который в то же время был ей так близок: Жоффреем де Пейраком, колдуном, таинственным человеком, ее мужем! Люди всегда боятся, если они слишком сильно любят. Они теряют уверенность в себе.

Она почувствовала, что он-таки не бросит на нее ни единого взгляда.

Она была так несчастна, что забыла о стоящем рядом с ней, человеке — Колене. Украдкой взглянув на нее, он заметил выражение муки и мертвенную бледность на прекрасном лице, обезображенном с одной стороны огромным синяком. А то, что он прочел у нее в глазах чувства к человеку, ударившему ее, поразило его в самое сердце и заставило опустить голову.

Он начинал кое-что понимать.

Вот этого человека, стоящего здесь, она любила. И только его одного. Этого Рескатора, которого он видел

в Мекнесе, когда тот вступал в город в сопровождении своего блестящего эскорта. Еще один отступник, само присутствие которого уже было оскорблением убожеству невольников. Золотой серебро создали ему неслыханный престиж, и Мулаи Исмаил засыпал его дарами и почестями.

И вот теперь именно он был человеком, которого любила Анжелика. Это он владел ее сердцем. Только ему она принадлежала, этому темному, гибкому, сильному, как мавр или испанец, дворянину, этому безобразному человеку с внушающими беспокойство чертами лица, отмеченного шрамами от дуэлей и в то же время прекрасного, когда оно озарялось блеском его духа, который излучали горящие черные глаза. Именно этот знатный дворянин, за спиной которого стояло все величие, полученное им по наследству от предков, обладал ею.

И он действительно ею обладал... Она принадлежала ему до мозга костей, до самого сокровенного уголка своего существа, всем сердцем. Это было очевидно. Ему было достаточно лишь взглянуть на нее, чтобы заметить этот жадный, пожирающий взгляд, это детское смятение, какого он никогда раньше не видел у нее, столь мужественного создания. Но если затронута сердце женщины, она больше не знает ни стыда, ни гордости, и ничто другое для нее не существует. Она снова становится ребенком. Он понял.

Он, Колен, нормандец Колен, раб Колен ничего не значил для нее, несмотря на ту женскую слабость, которую она однажды к нему проявила. Ему не нужно было обманывать себя на сей счет.

Здесь, перед лицом этого человека, он был для нее ничем. Да и какое это имело теперь значение? Его ждала смерть. Это пустынное место, этот заброшенный

уголок американского континента станет конечным пунктом его путешествия!

И его щедрое сердце наполнилось страстным желанием еще что-нибудь сделать для нее, для Анжелики, его сестры по неволе, которая была единственным светом — теплым, сияющим, небесным — в его трудной, суровой жизни.

По крайней мере, это он должен для нее сделать. И он сделает, поскольку это единственное, что имеет для нее значение.

— Монсеньор, — сказал он, гордо подняв голову и глядя прямо в непроницаемые глаза Пейрака, — монсеньор, сегодня я в ваших руках, и это, в конце концов, в соответствии с превратностями войны. Я — Золотая Борода и я выбрал это место для своего рейда. У меня были для этого свои причины, так же как у вас свои — для того, чтобы помешать мне. И я говорю: пусть побеждает самый быстрый и ловкий! Я проиграл! Я уступаю вам: вы должны поступить со мной так, как вам угодно. Но, прежде чем вы начнете процесс расследования и осуждения, я хотел бы, чтобы все стало ясно. Если вы повесите меня, то лишь за то, что я пират и один из ваших врагов, бандит с открытого моря, с вашей точки зрения; флибустьер, ремесло которого мешает вашему, но... НИ ЗА ЧТО БОЛЬШЕ, монсеньор! Больше ничего нет, в этом я клянусь.

Только воспоминания, и ничего другого. Вы должны это знать, раз вы помните меня. Люди остаются друзьями, если они делили рабскую участь на Берберском побережье и если они вместе добирались до христианских земель. Это то, что никогда не могут забыть те, кого снова свели причудливые жизненные пути. Вы должны понимать это. Но у каждого человека своя судьба. И я торжественно клянусь вам, монсеньор, что ни я, ни она, — он кивнул в направлении Анжелики, — не виноваты в том, что так несчастливо сложились

обстоятельства прошлой ночи. Нельзя легкомысленно относиться к приливу в этих краях, и вы знаете это так же хорошо, как и я. Если вы отрезаны на острове, вам не остается ничего иного, как набраться терпения и ждать.

Но я еще раз даю вам слово моряка перед вашими людьми и всеми этими господами, которые меня слушают, что в течение всей этой ночи не случилось ничего, что могло бы нанести урон репутации вашей жены, графини де Пейрак, ничего, что могло бы бросить пятно на вашу честь мужа.

— Я это знаю, — ответил Пейрак своим хриплым, монотонным голосом. — Я это знаю. Я был на острове.

Глава 64

На этот раз Анжелику охватила ярость, налетевшая на нее, как ураган, и были моменты, когда она говорила себе, что ненавидит Жоффрея де Пейрака всей душой.

Она получила страшный удар, поразивший ее в самое сердце и вырвавший из болезненного оцепенения, когда он пробормотал с иронической grimасой: «Я знаю, я был на острове».

Потом, отвернувшись, он подал сигнал всем отправляться в Голдсборо.

Он не желал замечать выражение ужаса на лице Анжелики, выражение, которое она не смогла полностью подавить, услышав его признание. И когда все они тронулись в путь, сохраняя тягостное молчание, он шел, высоко подняв голову по своему обыкновению, в широком и длинном плаще, бившемся на ветру, и не бросил ни единого взгляда ни на узника, подталкиваемого испанскими солдатами, ни на женщину, которая шла одна, погружившись в свои мысли, и иногда, сама того не замечая, спотыкалась на неровной тропе.

Но если бы он заглянул в ее зеленые глаза, он не увидел бы в них ничего, кроме ярости оскорбленной женщины. Все остальные чувства были заглушены этим неистовым гневом, этой яростью, порожденной жгучим унижением и стыдом, причину которого она не пыталась установить.

В своем возбуждении она не сознавала, что сильнее всего была ранена сокровенность ее чувств. Ее дружбу с Коленом, ее нежность к Колену — все это он видел. Он видел, как она кладет руки на лоб Колена, слышал, как она смеется с ним, и на это он не имел права. Это принадлежало только ей одной, это был ее тайный сад.

Муж, как бы ни был он дорог, не имеет права видеть и знать все. И кроме того, он больше не был ее возлюбленным мужем, он стал ее врагом.

Внезапно она углубилась в свои чувства, и перед ней снова возник извечный образ: мужчина — постоянный враг женщины. И этот образ был тем более ненавистным, что был обманчивым и разочаровывающим.

Потом волна гнева и горечи помогла ей вновь обрести почву под ногами и двинуться вперед с высоко поднятой головой.

Она могла смириться с тем, что он был вынужден ударить ее, оскорбить, и склонилась перед его справедливым гневом. Но в ее глазах кошмар этого макиавеллиевского обмана дискредитировал его, и она ощущала это особенно остро, поскольку всегда относилась к нему с полным доверием и уважением. Все рухнуло! Все! Он играл сердцем своей жены, ее чувствами, ранимость которых была ему хорошо известна, и толкнул ее в объятия другого мужчины для того, чтобы посмотреть!.. Для того, чтобы посмотреть!.. Чтобы позабавиться! Если только, движимый ревнивой яростью и раненой гордостью, он вообще не искал предлога для того, чтобы убить ее, сталкивая ее с новым искушением... УБИТЬ ЕЕ! Ее! Свою жену! Ту, которая так верила, что занимает особое, привилегированное место в его жизни и в его сердце!.. Горькие рыдания сдавили горло Анжелики. Сверхъестественным усилием ей удалось подавить их и сдержать слезы, готовые хлынуть из глаз. Она вызывающе вздернула подбородок.

Ее внутреннее смятение было настолько сильным, что она не задумывалась над тем, что будет дальше. Запрет ли он ее под охраной в форте? Выгонит ли ее прочь? Или сошлет куда-нибудь? Во всяком случае, она не позволит себя запугать и на этот раз будет знать,

как защитить себя. Однако судьба Колена рисовалась ей неизбежно в черном свете, и когда, уже на подступах к поселению, из леса, как порыв ветра, донесся гул кричащих голосов, ее собственные переживания сразу отошли на задний план, и она уже не чувствовала ничего, кроме щемящего страха за жизнь Колена. Она собрала все оставшиеся силы, готовясь защищать его словом и делом от кого бы то ни было и не думая о себе. Она никогда не вынесет этого ужаса: видеть, как Колена на ее глазах повесят, забьют; видеть, как из-за нее расстанется с жизнью Колен Патюрель.

Она бросится на его тело, она будет защищать его, как одного из своих детей. Разве он не нес ее по пустыне на своей спине?..

Крики, доносившиеся из леса, были криками толпы, готовой убивать.

Предупрежденное невидимым вестником, который, как говорят, путешествует в этих диких краях на крыльях ветра, все население Голдсборо, увеличившееся за счет иностранных моряков, устремилось им навстречу, оступаясь и скользя по крутым склонам, и белые чепчики женщин, как стая чаек, смешивались с пестрой, темной, беспокойно волнующейся массой мужчин. К людям из Ла Рошели и морякам со стоящих на рейде кораблей присоединились английские беженцы и индейцы, всегда ищущие волнующих впечатлений и готовые вступить за своих друзей.

— Золотая Борода! Захвачен!..

И «она» была с ним. Это тоже было известно. Она провела с ним ночь на острове Старого Корабля. «Они» доставлены обратно в цепях.

Крики, вопли, оскорбления сливались в один оглушающий рев, и, когда охваченная диким возбуждением толпа выплеснулась из леса и

прилегающих прибрежных участков, испанские солдаты были вынуждены, взяв пики наперевес, образовать барьер, чтобы не дать смять и сокрушить узника, неизбежно ставшего бы жертвой ярости этой обезумевшей орды.

— Убейте его! Убейте его! — ревели они. — Вот ты где, Золотая Борода! Бандит! Язычник!.. Ты хотел получить наше имущество, а теперь ты сам в цепях! Где твои изумруды? А твой корабль? Теперь наш черед! Ха! Ха! Твоя золотая борода тебя не спасет. Она поможет вздернуть тебя в наказание за все твои грабительские налеты!

В этой бушующей, текущей стремительными водоворотами массе моряков и поселенцев все были охвачены кипучим гневом и объединены отвращением к врагу, который едва не погубил их всех, взяв в осаду маленькую общину, не успевшую оправиться после суровых испытаний зимы. Сегодня этот человек был всего лишь поверженным колоссом, навсегда потерявшим свою силу после отчаянной битвы. Их крики ненависти, их потребность обрушивать все новые и новые оскорбления на его голову были вызваны сложным чувством, в котором смешивались облегчение, триумф и некоторое сожаление. Их победа была куплена слишком дорогой ценой. Они чувствовали, что их неукротимые сердца несколько уязвлены.

Рядом с Золотой Бородой стояла Дама Голдсборо, Дама Серебряного озера, фея с исцеляющими руками! Так значит, все, что говорили о ней и этом пирате, было правдой! Как ужасно было убедиться в истинности всех этих сплетен!

Этот низкий грабитель, этот бандит разрушил то, что было для них бесценным источником силы в их унылой ссылке — уважение, которое они были вынуждены питать, вопреки собственной воле, к двум высшим существам: графу и графине де Пейрак.

В сумятице окружавшей враждебности и открытого отвращения Анжелика упустила тот единственный взгляд, который соизволил бросить на нее в это утро Жоффрей де Пейрак.

Но если бы она его заметила, терзавшая ее боль слегка приутихла бы. Ибо этот взгляд был брошен для того, чтобы убедиться, насколько надежно она защищена испанскими копьями.

— Безбожник! Похититель женщин! Висельник!

Оскорбления и саркастические выкрики следовали залпами друг за другом. Колен, со связанными руками, осыпаемый градом толчков и ударов, как мог продвигался вперед в окружении солдат.

Ветер шевелил его длинные волосы и спутанную бороду. Со своим нахмуренным лбом, мохнатыми бровями и голубыми глазами, взгляд которых был устремлен куда-то вдаль над прыгающими головами собравшихся, он походил на Прометея, сына Титана, бессильного, прикованного к скале и предоставленного на съедение стервятникам.

На границе поселения группа вновь была остановлена напором толпы, которую не могли сдержать ни распоряжения д'Урвилля, ни угрозы Ванрейка, ни угрожающий вид испанской стражи.

В воздухе просвистел камень и ударил Колена в висок. Другой подкатился к ногам Анжелики, и откуда-то донесся новый выкрик: «Дьяволица!»

Чистый утренний воздух был насыщен проклятиями. И вдруг толпа смолкла, как будто уstraшенная собственным неистовством.

Потом они смогли расслышать голос графа, спокойные манеры которого, так же как и поднятая с призывом к тишине рука, не могли не подействовать на их перевозбужденные нервы.

— К порядку! — сказал этот хриплый, но спокойный, торжественный и твердый голос. — Ваш враг, Золотая

Борода, пойман! А теперь оставьте его, предоставьте его моему правосудию!

Толпа отхлынула, покорно склонив головы. Форт был совсем рядом, Анжелика слышала, как давались распоряжения о том, чтобы пленника отвели в караульное помещение и там заперли под двойной охраной.

Ворота в палисаде открывали ей путь к убежищу в покоях башни. Однако она вдруг остановилась и повернулась лицом к плотно сбитой хмурой толпе, наблюдавшей за ней. В передних рядах ее стояли протестанты из Ла Рошели.

Анжелика понимала, что если только она примет позицию уличенной, виновной женщины и спрячет свой страх в покоях форта, то никогда уже не сможет выйти оттуда, не подвергаясь риску быть забитой камнями. Она хорошо знала непримиримый характер людей из Ла Рошели, невероятную импульсивность моряков, которые уступали тут разве что англичанам. Единственный способ, с помощью которого можно было исключить подобное отношение, заключался в том, чтобы отстоять себя, обезоружить сплетни, продемонстрировав чистоту своей совести. И поскольку все равно нельзя было скрыть от всех это лицо уличенной в измене женщины, за которую ее все принимали, надо иметь смелость показать его всем и каждому с его смертельной бледностью, темными кругами вокруг глаз и позорными следами удара, полученного во время ссоры с мужем.

Она сбросила с себя чью-то руку — возможно, это была рука дона Альвареца, — пытавшуюся направить ее внутрь форта. Она не будет пассивно подчиняться и не смирится с тем, что ее привлекут к суду или запрут как пленницу. Так что, если они хотят именно этого, им придется применить силу, и тогда сразу станет ясно, готов ли Жоффрей добавить это новое оскорбление ко всем тем унижениям, которым он ее уже подверг.

Прелюбодейка! Ну что ж, пусть будет так! Но как в таком случае должна вести себя прелюбодейка, чтобы отвратить от себя поток клеветы и сохранить достоинство свое и мужа, чтобы спасти то, что еще можно спасти? Конечно, не дрогнув поступать так, будто ничего не случилось, будто ничего не известно, «так, как раньше».

— Мне бы хотелось осмотреть тех, кто был ранен вчера, — сказала она громко и спокойно, как обычно, обращаясь к женщине, которая стояла к ней ближе других. — Куда положили людей с «Бесстрашного»?

Женщина резко отвернулась, но Анжелика смело пошла по Голдсборо, как идут вброд по воде, твердо вознамерившись показать, кто она есть и кем намерена оставаться в глазах всех.

По знаку, поданному графом, вслед за ней выступили два испанских стража. Это тоже было ей безразлично. Она сумеет постоять за себя, и сплетни будут угасать при ее приближении из-за недостатка пищи для них. Анжелика также решила, что нельзя допустить, чтобы был потревожен душевный покой Кантора.

Все это вертелось у нее в голове, которая казалась ей странно пустой от усталости и голода, но она сказала себе, что не станет отдыхать до тех пор, пока не вернет себе прежнюю власть над Голдсборо, и продолжала неумоимо переходить от одного раненого к другому. Большинство моряков «Бесстрашного» вернулись на борт своего судна, стоявшего на рейде, но наиболее тяжелые раненые и моряки с «Голдсборо» были размещены по домам жителей. Анжелика заходила в дома, требовала воду, бинты, мази и помощь, и люди из Ла Рошели, как мужчины, так и женщины, ловили себя на том, что, вопреки своему желанию, помогают ей.

Раненые приветствовали ее с нетерпением и надеждой, и она успокаивалась, прикасаясь к их повязкам, пропитанным кровью и гноем. Эти зияющие раны, в исцелении которых она видела проявление своей силы, снова вернули ей чувство собственного достоинства.

Вся эта небритая и больная публика, в сущности, с гораздо меньшей остротой воспринимала слухи, ходившие об этой прекрасной благородной даме, которую они в день битвы повстречали в этом Богом забытом уголке Америки, чем то чувство облегчения, которое они испытывали при ее появлении и в ее присутствии.

«Мадам, вы сможете спасти мой глаз?»... «Мадам, я всю ночь не мог уснуть из-за комаров и москитов»...

Раненые пираты с «Сердца Марии» были заперты в сарае вместе со здоровыми пленниками и находились под охраной цепи усиленно вооруженных часовых. Более того, на строение, служившее тюрьмой, были наведены пушки угловых бастионов форта, и все эти предосторожности были отнюдь нелишними. Часовые сообщили Анжелике, что охраняемые ими узники находятся в состоянии крайнего возбуждения с тех пор, как услышали о пленении Золотой Бороды, и заходить к ним крайне рискованно.

Двое моряков с зажженными факелами и взятыми наизготовку мушкетами вызвались сопровождать ее внутрь, но она отказалась от их услуг.

— Я знаю этих людей и нисколько не беспокоюсь!

Она с такой властностью приказала испанским стражам оставаться снаружи, что они не посмели ослушаться. Бедные Луис и Педро никогда еще не испытывали таких ужасных терзаний, как в этот злополучный день, когда им пришлось разрываться между авторитетом графа де Пейрака, каждое слово

которого было для них священным, и властью этой чарующей женщины.

Анжелика не боялась остаться наедине с пиратами «Сердца Марии». Напротив, ей с ними было даже легче, потому что сегодня у нее было так много общего с ними — несчастными, находящимися под угрозой.

Раненые крайне нуждались в уходе и утешении руки, которая, как они уже знали, была такой умелой и успокаивающей. Что же касается здоровых, то они старались скрыть беспокойство относительно своей неизбежной участи, роковое решение которой неумолимо надвигалось. Было ли это утро последним, которое им суждено увидеть? Победитель, граф де Пейрак, хозяин Голдсборо, приходил к ним накануне и долго смотрел своим орлиным взглядом на их физиономии висельников.

— Монсеньор, — отважился спросить шевалье де Бассомпье, — что нас ожидает, какую судьбу вы нам уготовили?

— Для большинства из вас — веревку, — резко ответил Пейрак, — у нас нет недостатка в реях на мачтах наших кораблей.

— Уж так нам повезло! — гримасничали пираты. — Мы попали в руки парня, который еще кровожаднее, чем Морган!

Будучи и сами большей частью достаточно кровожадными людьми и имея на своем счету немало пыток, отрубленных рук, несчастных жертв, повешенных или поджаренных живьем на островах (так как карибское солнце зажигает в человеческом сердце стремление ко злу), они не ждали для себя никакого снисхождения. Да и лучшие из них уже не склонны были поздравлять себя за желание «поселиться на месте и начать новую жизнь».

«И мы еще хотели стать поселенцами и семейными людьми! Эта последняя кампания стала нашей

погибелью».

Для них, впадавших то в черное отчаяние, то в серую тоску смирения, появление Анжелики было поистине лучом света. Мир суров, особенно для джентльменов удачи. Нет ни одной трещинки в грубой скорлупе жизни, проводимой с абордажной саблей в руке, когда в сердце живет только жажда золота, а в горле — жажда рома. И вот неожиданно женщина, пройдя между ними, заполнила пустоту в их сердцах; женщина, которая не была ни шлюхой, ни добычей; и не было времени, чтобы задуматься над тем, кем она в действительности была до того, как взяла тебя в свои руки и ты опять обнаружил, что полностью находишься в ее власти, не имея иного выбора, кроме как почитать ее и смиренно ей подчиняться.

Для всех них было большим облегчением увидеть, как она опять входит в их сарай после пленения Золотой Бороды, держа в руке свой мешок с лекарствами и корпией, и сразу же опускается на колени перед больными и ранеными, начиная без промедления лечить и перевязывать их. Несколько человек предложили схватить ее и держать в качестве заложницы, чтобы спасти свои шкуры; потом они вступят в переговоры с этой свиньей из Голдсборо и, в зависимости от достигнутых результатов, будут посылать палец, глаз, грудь прекрасной дамы ее муженьку, этому «кровожадному мерзавцу», который хочет убить их всех; и будет в высшей степени удивительно, если им не удастся в конце концов выбраться отсюда в результате этого маневра. Ну как? Разве не следует поступить именно так в том отчаянном положении, в котором они находятся, тем более что в прошлом они уже не раз так поступали? Но план так и остался планом. Сверкающие глаза провожали Анжелику, не отрываясь от ее белокурых волос, пока она ходила то туда, то сюда в вонючем полумраке, но

никто не сказал ни одного слова и не сделал ни одного движения. Только молодой Бассомпье опять отважился нарушить тишину, спросив ее:

— Мадам, это правда, что схвачен Золотая Борода?

Анжелика молча кивнула.

— Что с ним будет? — продолжал лейтенант встревоженным голосом. — Его нельзя казнить, мадам!.. Это такой необыкновенный человек! Мы все преданы своему командиру, мадам.

— Его судьба зависит от решения мессира де Пейрака, — сухо ответила Анжелика. — Здесь он господин.

— Да, но вы — госпожа, — пропищал пронзительный голос Аристиды Бомаршана. — Судя потому, что говорят...

Однако он тут же съежился под испепеляющий взглядом Анжелики, сложив руки на животе, который он все время лелеял, как беременная женщина, боящаяся, как бы не повредили ее драгоценную ношу.

— А тебе лучше было бы помалкивать, — холодно сказала она, — или я на днях перережу тебе глотку.

Все остальные захихикали с чувством внезапного облегчения. Закончив работу, она вышла. У нее совсем не было настроения смеяться и болтать с этими головорезами. Но как только она закрыла за собой дверь, всякое чувство негодования по отношению к ним сразу же оставило ее.

Несмотря на все свое сопротивление, она все-таки всегда кончала тем, что позволяла раненым и побежденным тронуть свое сердце. Кем бы они ни были: бандитами или солдатами, грабителями с большой дороги или моряками — она не могла не любить их, если ухаживала за ними и лечила их.

Больной человек так уязвим, так беспомощен! В эти минуты он отбрасывает все свои средства защиты и проявляет истинный характер, а если и сопротивляется,

его легко перехитрить. Анжелике всегда удавалось пробиться сквозь броню жестокого, озлобленного и непреклонного характера, сдававшего свои позиции во время болезни и слабости, к простому, почти детскому сердцу. Когда же они поднимались на ноги, она продолжала держать их под своим влиянием. И они чувствовали, иногда со страхом и смущением, что отныне она знает их лучше, чем они сами.

Выйдя из сарая, она распорядилась, чтобы узникам передали карты, игральные доски и табак, которые помогут им скоротать время заключения.

Глава 65

Предстоящее сражение с дамами Голдсборо было совсем другим дельцем! Здесь не могло идти речи ни о какой пощаде, ни о каком неверном шаге. Это она хорошо знала. Их добродетель порождала чувство фарисейского самодовольства и осуждение других и, казалось, обладала неограниченной способностью к ядовитой злобе,

И тем не менее ей предстояло заставить замолкнуть и их, прежде чем все они будут полны горечи и злобы.

Перед тем как открыть дверь в таверну «У крепости», где, как она ожидала, должны были собраться все дамы, Анжелика мгновение помедлила и инстинктивно помолилась небесам. Конечно же, они были здесь, в своих черных юбках и белых чепчиках. Председательствовала мадам Маниголь, еще более внушительная, чем всегда. Мадам Карер суетилась, бегая вокруг. Абигель Берн стояла у дальнего конца камина, бледная и величественная, с решительным выражением прекрасного лица, так похожего на лица фламандских мадонн. По-видимому, появление Анжелики прервало какой-то спор, в ходе которого Абигель, должно быть, навлекла на себя немилость собеседниц из-за умеренности своих взглядов.

— Мадам Карер, — сказала Анжелика, обращаясь к хозяйке заведения, — не будете ли вы так добры, чтобы принести мне обед в мою комнату в башне? И еще я была бы очень благодарна вам, если бы вы согрели мне таз воды, чтобы я могла умыться.

— Все воды всех рек земли не смогут дочиста отмыть грешную душу, так же как не сможет ни одна земная пища насытить тех, кто умирает за то, что

оскорбил Господа, — громко провозгласила мадам Маниголь, делая вид, что ни к кому не обращается.

Анжелика не была захвачена врасплох, получив эту парфянскую стрелу.

К тому же, несмотря на все раздражение и негодование, которые она испытывала к этим сплетницам, она знала, что все эти женщины, которых она не могла не считать своими подругами, разрываются между двумя противоположными чувствами.

За непримиримым отношением, которое проявляли дамы Голдсборо к так называемому скандальному поведению Анжелики, скрывалось чувство возмущения и негодования, вызванное предательством человека, в отношении которого они все, в большей или меньшей степени, испытывали глубокое восхищение или даже нечто еще более теплое. Это было скрываемое, подавляемое чувство, но все-таки чувство, ибо под слоем непреступной холодности, налагаемой суровым воспитанием с самого раннего детства, эти дамы-гугенотки таили чувствительные, ранимые сердца.

Пресловутое «я всегда это говорила» мадам Маниголь теперь наконец-то вошло в силу, бесконечно развертываясь, как ленты цветного коленкора, которые развешивают поперек улиц в день папистского праздника тела Христова. Разве она не считала всегда Анжелику, служанку метра Берна, опасной нарушительницей спокойствия?!

На что Абигель отвечала, что поведение мадам де Пейрак в настоящий момент как раз и доказывает, что у нее чистая совесть.

— Это всего лишь гордость! — парировала мадам Маниголь. — Я всегда говорила!

— Но, во всяком случае, что известно хоть кому-нибудь о том, что произошло в действительности? — возражали те, кто оставался верен Анжелике. —

Сплетни, намеки, слухи... Швейцарец был пьян, когда говорил о ней все эти оскорбительные вещи, и тому свидетели мастер Берн и мастер Маниголь...

И вот теперь сама Анжелика явилась к ним с высоко поднятой головой и ответила на выпады мадам Маниголь слегка презрительной улыбкой.

Она была так близка им и в то же время так отличалась от них, точно так же как и в те времена, когда она вместе с ними страдала от преследований в Ла Рошели.

И они вспомнили, как Анжелика бежала с ними по вересковой пустоши, спасаясь от королевских драгун, как она увлекала их за собой, торопя и подталкивая, чтобы спасти их жизни...

— Это прекрасный предлог, впечатляющий образец истины, — сказала Анжелика, спокойно глядя на величественную матрону, — и я полагаю, что он предназначался мне для того, чтобы я над ним поразмыслила, не так ли, дорогая мадам Маниголь? Благодарю вас за эту мысль, но только в данный момент моя душа, виновна она или нет, не так нуждается в пище, как мое брэнное тело. Прошло уже два дня с тех пор, как я добралась до вашего поселения Голдсборо, дамы, и мне хотелось бы только обратить ваше внимание на тот прискорбный факт, что из всех его обширных припасов единственным даром, достигшим моих губ, был початок индейской кукурузы, что не слишком-то говорило бы о вашем гостеприимстве, если бы я не знала обо всех горестях и хлопотах, которые обрушились на вас со вчерашнего утра вместе с морским сражением и всеми этими ранеными, о которых вы вынуждены были заботиться. Попросив воды и пищи, я только выразила в высшей степени естественную потребность, которую как будто испытываете и вы, дамы.

Некоторые из достойных дам из Ла Рошели, действительно, как раз сидели за аппетитно выглядевшим жарким, к которому были поданы бокалы с вином. Разрываясь со вчерашнего дня между домашними делами, детьми, фермами и ранеными в битве людьми, они тоже чувствовали себя совершенно измученными и воспользовались передышкой в бурных событиях, чтобы получить некоторое подкрепление в военной харчевне мадам Карер. Теперь, пойманные на том, что ублажали себя вкусной едой, они сидели пристыженные и смущенные, держа ложки на весу.

— Пожалуйста, я вас очень прошу, — снисходительно настаивала Анжелика, — не отвлекайтесь из-за меня. Пожалуйста, продолжайте. Я совсем не собираюсь бросать в вас камнями. Вы имеете полное право на небольшое подкрепление, мои дорогие подруги. Но, ради бога, позвольте и графине де Пейрак сделать то же самое. Так что, пожалуйста, мадам Карер, пошлите мне что-нибудь как можно скорее...

Абигель, дорогая моя, не можешь ли ты удалиться со мной на минутку? Мне хотелось бы сказать тебе кое-что наедине.

Уже поставив ногу на первую ступеньку лестницы, которая вела в ее комнату, Анжелика посмотрела на жену мастера Берна открытым, честным взглядом, в котором не было и следа какой-либо фальши.

— Абигель, ты сомневаешься во мне?

Ее напускная бравада иссякла, начало сказываться переутомление. Абигель почувствовала прилив нежности к ней.

— Мадам, ничто и никогда не сможет изменить моя дружеские чувства к вам до тех пор, пока они не станут казаться вам оскорбительными.

— Ты все перепутала, моя нежная Абигель. Ведь это я всегда считала твою дружбу самой большой драгоценностью. Ты думаешь, я забуду, как ты была

добра ко мне, когда я только пришла в Ла Рошель с ребенком на руках? Ты никогда не презирала жалкую служанку, которой я тогда была. Так что, пожалуйста, не относись ко мне с такой почтительностью, это совершенно лишнее между нами двоими. И спасибо тебе за то, что ты только что сказала. Ты вернула мне мое мужество. Я еще не могу объяснить тебе, что происходит, но все далеко не так серьезно, как хотели бы представить некоторые злобные люди.

— В глубине души я знаю, что это правда, — подтвердила Абигель.

Как очаровательна была Абигель, эта чистая, целомудренная девушка из Ла Рошели, в сиянии приближающегося материнства! Счастье еще более облагородило ее. Ее голубые глаза красноречиво свидетельствовали о любви к Анжелике. Анжелика дрогнула и, чувствуя, что больше не может выдержать, позволила себе припасть головой к плечу подруги.

— Абигель, я боюсь. Мне кажется, что я попала в какой-то адский водоворот... Как будто я окружена со всех сторон угрозами... Если он больше не любит меня, что со мной будет?.. Я не виновата. Не настолько виновата, как говорят люди. Но все как будто специально подстроено, чтобы уличить и приговорить меня...

— Я знаю, какое у вас благородное и честное сердце, — сказала Абигель, успокаивающе проводя рукой по лбу Анжелики. — Я на вашей стороне и очень люблю вас.

Услышав чьи-то шаги, Анжелика резко выпрямилась. Никто, кроме Абигель, не должен видеть ее слабость. Но доброта Абигель словно удвоила ее силы.

Она многозначительно подмигнула подруге.

— Им хотелось бы стать свидетелями моего конца, не так ли? — сказала она. — С них хватят уже и того, что они вынуждены мириться с присутствием в

Голдсборо такой грешницы, как я! Но не беспокойся, Абигель. Я прибыла сюда для того, чтобы помочь тебе родить твоего малыша, и останусь с тобой до тех пор, пока ты будешь нуждаться во мне, если даже они и превратят мою жизнь в ад.

Увы, все обернулось совсем не так, как она думала. Она мечтала о том, как она будет сидеть в домах своих подруг, обмениваясь с ними новостями. Потом они обошли бы все недавно построенные службы Голдсборо. Они проверили бы счета и устроили бы праздники, на которые пригласили бы команды всех кораблей, стоящих в гавани. В эти летние месяцы всегда можно было найти повод для празднеств. Быстро, о, как быстро проходит это благословенное время года! Приходится жить и удвоенном, нет, в утроенном темпе, собирать, запасать, обменивать, пока к морю устремляются толпы самых различных людей и повсюду кипит лихорадочная деятельность. Быстрее! Быстрее! Скоро опять надвинется зима.

Но ничто не сбылось, все случилось совсем не так, как она мечтала. Эти летние дни, так не похожие на праздник, проносились мимо, как мутный поток, унося с собой страсти, горести, отчаяние. И с каждым часом этот поток становился все многоводнее благодаря новому приливу непонятных опасностей и угроз.

Глава 67

Этим вечером, вернувшись в форт усталой и измученной уже в темноте, после того как еще раз обошла всех раненых, она тем не менее заметила два сундука, которых прежде не было в ее комнате.

В одном были платья, различные предметы одежды, кружево, белье, перчатки и туфли, а в другом — всевозможные предметы роскоши, предназначенные для украшения повседневной жизни.

И одежда, и все остальные вещи пахли Европой. Должно быть, Жоффрей де Пейрак заказал их Эриксону перед тем, как выступить в глубь страны осенью, и «Голдсборо» только что прибыл с ними на борту. Они заключали в себе всю утонченность, прелесть и красоту потерянного мира.

Анжелика почти не прикоснулась к ним, только равнодушно поворошила, как последние приметы умершей любви.

Ей было совершенно непонятно, почему они доставлены в ее комнату именно в этот вечер, и, глядя на них, она испытывала прежде всего тревогу, так как боялась ловушки.

Она повернулась спиной к этим роскошным подаркам, которые казались насмешкой над ее несчастьем, и попыталась немного поспать.

Ее бросало в дрожь при одной только мысли о том, что может случиться, пока она будет в бессознательном состоянии; неужели, проснувшись, она увидит в первых лучах рассвета тело Колена, свисающее с виселицы?

С наступлением сумерек к ней вернулось мужество, и она сделала все, что было в ее силах, чтобы отыскать своего мужа. Но она нигде не могла его найти. Кто-то сказал ей, что он отправился в глубь территории,

другие же сообщили, что он вышел в морс на шебеке для встречи с каким-то кораблем. Отчаявшись, она решила, что должна хоть немного отдохнуть.

Но ее тревога не утихала, и в глубине ночи, после недолгого, тяжелого сна, она проснулась и, не в состоянии снова уснуть, принялась метаться и ворочаться на своей постели, терзаемая мрачными мыслями.

Недолгий отдых вновь воскресил чувство гнева и обиды на мужа. Да, она была глубоко задета тем, что он вел себя как нетерпимый, подозрительный хозяин.

Разве Жоффрей не покинул ее на многие и многие годы, предоставив на произвол судьбы? И однако теперь он хотел получить все, даже ее верность в прошлом. Разве он был таким щепетильным, когда вдали от нее наслаждался с другими женщинами? Однако это не помешало ему грубо сорвать покрывало, скрывающее ее — и только ее — тайны. Он требовал у нее отчета, приписывая ей, между прочим, гораздо больше активности, чем она действительно позволяла себе проявлять в период своего соломенного вдовства, так терзавшего его ревность.

Она же, со своей стороны, перебирая воспоминания об этих пятнадцати годах, проведенных в разлуке с ним, видела прежде всего бесконечную череду одиноких, леденящих ночей, когда она расточала свою молодость, красоту и женственность, оплакивая его, призывая его образ, тоскуя о нем... А также, к счастью, предаваясь сну, крепкому и одинокому. Она всегда спала крепко, как ребенок, и эта способность была ее спасением. Когда она содержала в Париже харчевню «Красная маска», она изо дня в день возвращалась домой, на свою узкую кровать, усталая до самой глубины своего существа, и тем не менее рассвет заставал ее уже на ногах, готовую встретить день с его тягостной работой, вряд ли оставляя шей место для

любви, если, конечно, не принимать в расчет выкидывание за дверь какого-нибудь чрезмерно дерзкого мушкетера. Да и в те времена, когда ей принадлежала шоколадная лавка, Нинон де Ланкло часто дразнила ее, уверяя, что в ней есть что-то от жеманницы.

И, как яркие, но мерцающие и быстро угасающие огоньки, виделись ей то тут, то там в этой мгле ночи любви, проведенные в объятиях парижского поэта, преследуемого полицией, и даже в объятиях того, кто за ним охотился — Дегре. Но оба они были слишком поглощены своей жестокой маленькой игрой, чтобы долго интересоваться ею, Анжеликой.

Да и при дворе, несмотря на царившую там чувственную атмосферу, была ли ее любовная жизнь более насыщенной? Вряд ли. В сущности, даже меньше. Страсть короля изолировала ее от всех. И ее собственное честолюбие, сочетавшееся с неистребимым стремлением к возлюбленной тени, которой она никогда не переставала раскрывать свои объятия, удерживали ее от легких приключений и пошлых интрижек, быстро ставших непереносимыми для нее. Что же в таком случае остается от всего этого?

Несколько ночей с Ракоши, преследуемым принцем. Мимолетное объятие с герцогом Лозеном однажды вечером после охоты — ошибка, за которую она едва не заплатила слишком дорого. А с Филиппом, ее вторым мужем? Два, может быть, три раза. Вряд ли больше. А потом — Колен и то утешительное успокоение, которое снизошло на нее в пустыне...

В общем, подумала она, в течение этих пятнадцати лет она предавалась любви меньше, чем какая-нибудь жеманная буржуазка со своим законным мужем за три месяца или она сама с Жоффреем за еще более короткое время. Неужели этого было достаточно, чтобы подвергнуть ее публичному позору, приписать ей

ненасытный темперамент бесстыдной Мессалины?.. Но бесполезно было бы пытаться убедить в этом Жоффрея, если бы даже ей пришлось восстановить все в подробностях, дав ему детальный отчет. Увы! Она чувствовала, что, хотя речь идет о таком ученом и мыслителе, как Пейрак, вряд ли можно ожидать от него беспристрастности в сердечных делах; и скорее всего он должен действовать, как все мужчины, если затронуты их собственнические инстинкты. В подобных случаях они теряют над собой всякий контроль, и даже самые умные из них не желают ничего понимать.

Но к чему поднимать столько шума из-за поцелуя?

Что такое поцелуй, в конце концов? Губы встречаются и сливаются. И сердца, которые тоже не остаются равнодушны-

Два заблудившихся существа, окутанные божественным ощущением безопасности, слившиеся воедино, согревающие друг друга своим дыханием, узнающие друг друга во мраке ночи, в которой они слишком долго блуждали одни. Мужчина! Женщина! И это все. И ничего больше.

И что такое объятие, если не продление и завершение этого неземного состояния, которым так редко удастся наслаждаться человеческому существу?.. А иногда и вообще не удастся!

Но если поцелуй означает это, тогда Жоффрей вправе завидовать тому поцелую, которым она обменялась с Коленом, Золотой Бородой, а может быть, так оно и есть?

Жизнь — сложная штука, требующая художественного таланта. Для Анжелики с ее гордостью труднее всего было признать то, что презрение, гнев и пренебрежение других людей, силу нападок которых она ощущала до глубины души, были заслужены ее собственным поведением, которое, как

она сама прекрасно понимала, иногда бывало непростительным.

Для того чтобы вновь обрести душевное равновесие, ей нужно было бы поставить эту промашку на ее истинное место, но она была не способна сделать это сама. Она то безоговорочно осуждала себя, то видела в своей кратковременной несдержанности всего лишь маленькое приятное развлечение, нечто вроде отдыха, который время от времени хорошенькая женщина имеет полное право урвать от жизни.

Сырой, туманный рассвет освободил ее от этого замкнутого круга размышлений. Она встала усталая и больная после своего метания на холодной пустой постели. Незнание о судьбе Колена продолжала терзать ее.

Беспокойный серовато-розовый рассвет принес с собой неумолчное пение голубей с его глубокими, нарастающими, вкрадчивыми нотами. Это тошнотворно-сладкое, пресыщенное воркованье будет ненавистно Анжелике до конца ее жизни. Отныне оно всегда будет напоминать ей об этом коротком, печальном сезоне, проведенном в Голдсборо, который она будет называть проклятым летом.

Это было время, полное затаенного ужаса и гнетущих предчувствий, и каждое теплое утро, каждый трагический рассвет прерывался монотонным воркованьем голубей.

За завесой тумана слышались звуки пробуждающихся деревни и форта, они отдавались эхом и множились. Стук молотка! Неужели воздвигался эшафот?

Послышался голос какого-то моряка, распевавшего плач короля Рене:

*«В глухую ночь, когда все во сне,
От страха застыла душа Рене,*

*Ах, милая матушка, ты мне скажи,
Что это за стук я слышу в тиши?
Это только плотник, сынок, поверь,
Стучит он в сарае в старую дверь».*

Анжелика содрогнулась. Эшафот, а может быть, гроб... Она должна бежать и что-то предпринимать. Но прошел день; и ветер дул, не прекращаясь; и ничего не случилось.

И вот снова наступил вечер, и темнота была непроглядной, без единого проблеска света, потому что набухшее от дождя небо низко нависало над морем, сливаясь с верхушками деревьев.

Цепляясь за деревянную раму окна, Анжелика наблюдала за двумя мужчинами, стоявшими друг против друга. За минуту до этого она пересекла двор, направляясь к комнате для совещаний. Она хотела встретиться с Жоффреем лицом к лицу и

«Давайте все выясним... Каковы ваши намерения?»

Потом, еще снаружи, она заметила их — Жоффрея и Колена, стоящих лицом к лицу в комнате для совещаний. Они были одни и не подозревали, что за ними наблюдают.

Колен держал руки за спиной, несомненно, из-за того, что они были связаны. Жоффрей де Пейрак стоял у стола, на котором были разложены свитки пергамента и карты. Он разворачивал эти документы один за другим, медленно и методично, и внимательно читал. Время от времени он вынимал из стоящего перед ним открытого сундучка драгоценный камень и глазом знатока изучал его при свете свечи. Зеленая искорка изумруда неуловимо мерцала в его пальцах.

Увидев, как его губы шевелятся, Анжелика подумала, что вдруг он допрашивает пленника, а тот кратко отвечает? Вдруг Колен шевельнулся и указал пальцем на какое-то место на карте. Значит, он все-таки не был связан...

Она начала бояться за Жоффрея. Если Колен неожиданно схватит его за горло... Неужели Жоффрей не сознавал, какой невероятной физической силой обладает этот Золотая Борода, стоящий так близко от него? Впрочем, нет. Он демонстрировал полнейшее равнодушие и высокомерие к подобным соображениям. Как неблагоразумно! Этот постоянный вызов, который он бросает событиям, стихиям и людям, эта постоянная решимость идти дальше, спешить за крайние пределы любого опыта, видеть... Когда-нибудь смерть обрушится на него, как атакующий ореол. «Жоффрей! Жоффрей! Берегись!»

Она беспомощно трепетала, цепляясь за оконную раму и инстинктивно чувствуя, что не имеет права вмешиваться в отношения этих двух мужчин. Она должна предоставить решать все судьбе и позволить двум могучим характерам столкнуться в поединке, в котором она не могла пожелать победы ни тому, ни другому. Ее глаза тревожно перебегали с одного на другого и, как притянутые магнитом, жадно останавливались на высокой, могучей, угловатой фигуре мужа. Отделенная от него прозрачной стеной, не пропускающей звуков, роль которой исполняли оконные стекла, она как будто застала его врасплох и наблюдала за ним спящим... А она никогда не могла это делать, не испытывая смешанного чувства возбуждения и страха, к которому иногда присоединялось и чувство нестерпимой ревности, потому что в таких случаях на его лице было выражение, казавшееся ей символом его тайны, тайны мужчины, в которую ей не дано было проникнуть.

Его темные виски были чуть тронуты серебром, что таило в себе намек на некоторую нежность, но это была всего лишь иллюзия. Он оставался далеким, суровым и недостижимым. И, однако, каждая малейшая черточка в нем была знакома ей, его жене, и непроизвольно

затрагивала все струны ее сердца. Одно за другим перебирала она в уме все, что знала о нем; его осторожность и его стремительность, его мастерство и самообладание, его ум, его знания, сочетавшиеся с такой человеческой простотой. И если задумчивое выражение его лица говорило о его таланте мыслителя, то, наблюдая за движением его мускулов под темным бархатом костюма, Анжелика вспоминала его силу, энергию и незаурядные любовные способности, что было так характерно для него и чем было пронизано его крепкое, неподатливое тело.

Потом ее взгляд снова вернулся к Колену. Этот король рабов Мекнеса, словно возникший из мглы далеких лет, стоял здесь, в тесной комнате. Пестрый костюм, который он носил в своей роли Золотой Бороды, теперь казался не более чем маскировкой. В этот необыкновенный вечер его глаза, огромные голубые глаза Колена, привыкшие вглядываться в даль пустыни и читать в глубине человеческих сердец, светились той особой, удивительной голубизной, которая была свойственна только им.

Вопреки собственному желанию, Анжелика не могла не встать на сторону более слабого участника этой беззвучной дуэли — Колена, ибо она была женщиной и, следовательно, принадлежала к той части человечества, которая тысячелетиями угнеталась и подвергалась унижениям. Зная обоих соперников, она понимала, что Жоффрей гораздо сильнее нормандца. Такой человек, как он, знакомый с великими философскими учениями и различными областями науки, интересующийся тонкими и неуловимыми стремлениями интеллекта, мог, не дрогнув, вынести все или почти все, в том числе даже сердечные раны. Колен же, в противоположность ему, был человеком, не умеющим даже писать, и был совершенно беспомощен перед неожиданно нанесенными ударами.

И это она навлекла их на его голову. Она чувствовала себя виноватой, и ее сердце разрывалось от боли, когда она видела его таким беспомощным и, несмотря на всю его незаурядную физическую силу, обреченным на поражение.

Внезапно ее сердце дрогнуло. Она увидела, что Жоффрей отложил в сторону груды пергаментов и направился к Колену. Ее страх был так силен, как будто она увидела, что он направляет на Колена пистолет и стреляет прямо ему в грудь. Ей понадобилось какое-то время, чтобы убедить себя в том, что в руках у графа ничего нет. Тем не менее ее страх не исчез. По ту сторону окна наступил решающий момент. Она чувствовала это по трепету всего своего тела, по тому, как напрягся ее ум, как обострились все ее чувства в страстном стремлении понять, уловить то, что там говорится. Происходило что-то очень важное. Но происходило в тишине. Оно заключалось в словах, которые она не могла слышать и которые слетали с губ двоих мужчин, как удары отточенных кинжалов...

Жоффрей говорил, стоя очень близко к своему пленнику, и его сверкающие глаза не отрывались от сурового, внимательного лица Колена. Постепенно на лице нормандца отразились угрюмая ярость и глубочайшее негодование, и Анжелика увидела, как он сжимает и разжимает свои огромные кулаки, даже поднимает их и дрожит от бессильного бешенства. Несколько раз он отрицательно покачал головой, принимая слова Жоффрея де Пейрака с гордостью неукротимого льва.

Потом Пейрак оставил его. Он начал расхаживать взад и вперед, как посаженный в клетку зверь, и, описывая круги вокруг Колена, бросал на него быстрые, пронизательные взгляды, как охотник, пытающийся уловить наиболее благоприятный момент для удара. Потом, снова подойдя к нему вплотную, он схватил

огромного человека за ворот камзола и привлек к себе, как будто желая конфиденциально сообщить что-то, и на этот раз он говорил тихо. На лице Жоффрея де Пейрака можно было видеть некую опасную мягкость, у его губ залегла непонятная складка, и Анжелика почти чувствовала вкрадчивое обаяние его тона. Он принял самое обаятельное свое выражение, но в глубине его глаз плясал едва уловимый огонек, который страшил ее. Происходило то, чего она боялась: Колен поддавался превосходству Жоффрея де Пейрака.

Постепенно с его лица исчезла прежняя яростная решимость, уступив место выражению растерянности и отчаяния, даже мимолетной паники. И вдруг он уронил голову жестом слабости или признания.

Какие же слова сумел найти граф де Пейрак для того, чтобы победить Колена Патюреля, никогда не склонявшего своей головы перед Мулаи Исмаилом и его пытками?

Жоффрей де Пейрак замолчал, но продолжал держать Колена за ворот и пристально наблюдал за ним. Наконец тяжелая белокурая голова опять поднялась. Колен пристально смотрел куда-то прямо перед собой. Анжелика испугалась, подумав, что он заметил ее сквозь стекло. Но Колен ничего не видел вокруг себя, его взгляд был обращен внутрь. И вдруг она увидела, как на его лице появилось выражение наивной простоты, которое он всегда принимал во сне и которое, наверное, было свойственно Адаму в первые дни творения. Его голубые глаза, сохраняя некое то ли сонное, то ли оцепенелое выражение, снова обратились к Пейраку, и двое мужчин долга молча смотрели друг на друга. Потом Колен снова склонил голову, несколько раз повторив этот жест. На сей раз это было знаком согласия, покорности.

Граф де Пейрак вернулся на свое место за столом. В глубине комнаты задвигались тени. Появилось

несколько испанских солдат, которые встали за спиной пленника. Анжелика не слышала, как их вызвали. Потом они вышли, взяв с собой Колена.

Жоффрей де Пейрак остался в комнате. Он сел за стол.

Анжелика отпрянула, боясь, что он может заподозрить ее присутствие. Но она не уходила, оставаясь на своем посту, как зачарованная. Так же, как и он шпионил за ней прошлой ночью, прячась в теин, она хотела теперь захватить его врасплох, увидеть его не прикрытым и не подозревающим о чьем-то присутствии. Какие чувства он выдаст? Какая маска, может быть, спадет с него и даст ей возможность догадаться о его мыслях и решениях?

Она увидела, как он протянул руку к ларцу с изумрудами, знаменитыми изумрудами из Каракаса, захваченными Коленом у испанцев. Он взял двумя пальцами один из них, необыкновенно крупный, и, держа его так, чтобы на него падал свет факела, погрузился в его созерцание. И он УЛЫБАЛСЯ, как будто наблюдал в прозрачной глубине драгоценного камня какое-то привлекательное зрелище.

Глава 68

Следующим днем было воскресенье. Издалека донеслись жалобный зов раковины и веселое звяканье колокола в маленькой деревянной колокольне, призывающие протестантов на богослужение. Не желая сплеховать перед ними, капелланы и отец Бок, к которому присоединился еще один монах, недавно прибывший из леса, решили отслужить на вершине скалы торжественную католическую мессу с дароносицей, процессией и прочими атрибутами.

Все утро сквозь туман доносились звуки соперничающих песнопений, но религиозные церемонии завершились без инцидентов.

Когда и служба, и месса были окончены, люди направились вниз, к гавани, где, как было объявлено, появились новые пришельцы. Вскоре к заунывному крику рожка, предупреждающего об опасности в тумане, присоединился более низкий рев, на этот раз являющийся действительно ревом и ничем иным. Небольшое суденышко из Порт-Ройяла на полуострове доставило двух коров и быка, которые спасли жизнь жителям маленькой французской колонии, брошенной на произвол судьбы далеким правительством Квебека. Несчастные животные были выгружены на берег с помощью подъемника, сооруженного из канатов и блоков, и без особых затруднений приземлились на берегу под ликующие крики толпы.

Прибытие домашнего скота вызвало почти такой же живой интерес, как и неминуемое повешение Золотой Бороды. Произойдет ли это сегодня?

Среди всей этой суматохи и сутолоки прибытие маленького судна, доставившего в Голдсборо Джона Нокса Мазера, доктора теологии из Бостона, и его

главных помощников, прошло незамеченным. Шумные, веселые акадцы, сопровождаемые своими краснокожими мик-маками с их квадратными медными физиономиями, задевали плечами достопочтенного пуританина, даже не замечая его.

Он был одет в брыжи и длинный, широкий, темный женевский плащ, достигавший ему до пят. Он натягивал этот плащ на самые глаза, пытаясь защититься от ветра, а верхушка его шляпы, отделанной строгой серебряной пряжкой, казалось, возвышается над всеми остальными.

— Я хотел встретиться с вами, — сказал он Пейраку, спустившемуся вниз, чтобы поприветствовать его. — На недавнем синоде наш губернатор напомнил нам, что, в конце концов, Мэн принадлежит Англии, и просил меня спросить у вас, остается ли в силе это положение...

Он бросал вокруг беспокойные взгляды.

— Мне кажется, это место отдаст вакханалией... Послушайте, говорят, что вы живете с чародейкой...

— Совершенно верно, — ответил Пейрак. — Пойдемте... Позвольте, я вас ей представлю.

Джон Нокс Мазер побледнел и начал дрожать, как поверхность пруда перед началом бури. Ему было не по себе, и для этого существовали веские основания. Протестанты, избавившиеся от Девы Марии и святых, этих благосклонных заступников на том свете, не оставили себе ничего, кроме демонов. Поэтому любое вмешательство злых сил заставляло их безоружными и беспомощными. Они могли рассчитывать только на собственную силу духа. К счастью, в ней у достойного Мазера недостатка не было; он напрягся и приготовился мужественно встретить уготованное ему испытание, заключающееся во встрече с чародейкой.

Анжелика, узнав о том, что граф Пейрак настоятельно требует ее присутствия, оставила раненого, которого перевязывала, и с отчаянно

бьющимся сердцем поспешила явиться на зов только для того, чтобы встретиться лицом к лицу с мрачным монолитный монументом, называемым доктором теологии из Бостона, который уставился на нее окаменевшим взглядом. В сущности, он был удивлен не менее, чем она; она поняла это, приветствуя его и делая реверанс. Из его разговора с графом Пейраком она уловила, что он задержится в Голдсборо на несколько дней и что в этот Господний день они намерены устроить пир, чтобы возблагодарить Его за все его милости.

Появление в Голдсборо всех этих людей несколько отодвинуло в сторону горькие проблемы, висевшие над его населением и терзавшие совести и сердца, иона не знала, радоваться ли этому или, наоборот, это промедление и неизвестность окажутся выше ее сил. Ей хотелось покончить с тревогой, завершить эту игру, в которой они все участвовали. Ей хотелось закричать, обратиться к ним с мольбой: «Давайте положим всему этому конец, давайте узнаем!..»

Но непреклонная рука Жоффрея де Пейрака продолжала держать их в неизвестности и ожидании, предвкушая удовольствие и заставляя их играть свои роли до полного изнеможения. Поскольку муж представил ее гостям, она была вынуждена играть роль хозяйки на предстоящем празднестве.

Она вернулась в форт, чтобы выбрать платье из сундука с привезенными из Европы нарядами.

Немного погодя прошел сильный ливень, и небо очистилось. Восхитительный запах яств, готовящихся для пира в харчевне внизу, начал наполнять воздух, заглушая сильный и характерный запах моря:

Голоса начали разноситься далеко вокруг, потом несколько раз прогремели трубы. В Голдсборо уже были свои хорошо установившиеся традиции. Анжелика не знала, что эти звуки труб были предназначены для того,

чтобы созвать население на эспланаду перед фортом, но, заинтересовавшись, вышла наружу.

Все вокруг сверкало, как будто промытое и отлакированное недавним штормом, и только тонкие струйки грязи стекали по трещинкам в скалах на берег. Женщины перепрыгивали через них, приподнимая подола своих юбок.

Люди спешили из домов, леса и с кораблей, потом начали прибывать отовсюду, со всех сторон, собираясь в одном месте и образуя единую, плотную массу, некое пестрое сборище моряков, поселенцев, гугенотов, индейцев, англичан, солдат и дворян, в конце концов объединенных мимолетным, но незабываемым чувством общей принадлежности к одному и тому же далекому берегу и стремящихся увидеть редкий спектакль.

Те, кто прибыл сюда верхом на лошади из лагеря Шамплена, и те, кто собрались сюда из крошечных деревушек на побережье, держали в руках мушкеты и мушкетоны, окружая плотным кольцом своих женщин и детей. Все подчинялись строгому приказу никогда не отходить более чем на половину лье от предела досягаемости пушек форта, не будучи при этом вооруженным. С приходом летних месяцев начался сезон ирокезских набегов, и, кроме того, никто не был гарантирован от внезапного нападения абенаков на любого бледнолицего, который вдруг пробудил бы их подозрения.

Открытое пространство перед фортом было черно от собравшихся людей.

Дети сновали то туда, то сюда, и Анжелика услышала, как они кричат:

— Говорят, что будут вешать Золотую Бороду!

— А перед этим его будут пытаться...

Кровь застыла в ее жилах. Момент, которого она постоянно боялась с тех пор, как захватили Колена, настал.

«Нет! Нет! Я не позволю им тебя повесить, — сказала она про себя. — Я буду кричать, я подниму переполох, но я не позволю им повесить тебя! А Жоффрей может думать все, что ему захочется!»

Она направилась во всех своих украшениях прямо к площади и, не обращая внимания на следящие за ней взгляды, пробралась сквозь толпу вперед. Теперь ее уже совершенно не интересовало и не заботило, что могут о ней подумать и какие замечания может вызвать ее присутствие. Внутренне она вся дрожала, но внешне держалась с обескураживающей и интригующей гордостью.

Она выбрала себе, почти не отдавая отчета, платье, которое было одновременно и строгим, и роскошным. Это было необычное платье из черного бархата, покрытого тончайшим, как паутина, кружевом и унизанного крошечными жемчужинками; и она даже подумала про себя: «Платье для королевских похорон». Но она решила, что не будет присутствовать на похоронах Колена, потому что в ее намерения входило спасти ему жизнь!

В самый последний момент перед тем, как выйти из форта, она торопливо и небрежно, поскольку для большей тщательности все равно не было времени, наложила, на свои бледные щеки немного румян.

Она выглядела ужасно, но что из этого!

Если кто-нибудь и заметил ее лихорадочную бледность, вслух он этого не сказал. При виде ее сверкающих зеленых глаз все недобрые слова застывали на губах людей.

— Посмотрите на нее, — прошептал Ванрейк по-английски адмиралу Шерингему. — Она очаровательна. Какое благородство во всех манерах, какая невероятная гордость! Очень по-английски, старина. Она не уступает Пейраку. И она так высоко держит свою голову, несмотря на все косые взгляды, враждебность и

осуждение. Вряд ли она могла бы проявить большую надменность, если бы и носила на своей груди вышитую алым шелком букву А — наказание, налагаемое, как вам несомненно известно, сэр, вашими пуританами в Массачусетсе на женщин, уличенных в измене.

Англичанин, принадлежащий к англиканской церкви, снисходительно улыбнулся.

— Пуритане не чувствуют нюансов в подобных вещах.

Он искоса взглянул на Нокса Мазера, который был занят обсуждением со своими приближенными тех осложнений, которые вызывало повешение человека в День Господа. Тянула ли за собой веревка палача предоставить Господу больше досуга для того, чтобы принять эту новую душу, которую Он должен судить?

— Мы, светские люди, — продолжал английский вельможа, — должны признать, что нам легко простить столь прекрасную женщину, если она немного и согрешила.

— Сколько вы поставите против того, что она будет защищать своего любовника с тем же огнем и страстью, что и леди Макбет?

— Я поставлю двадцать фунтов... Шекспиру понравилась бы эта страна, английская не только по праву, но и по духу...

Лорд Шерингем поднес к глазам свисавшие с его парчового камзола очки в крикливой оправе — последняя мода этого сезона в Лондоне.

— А вы, в свою очередь, Ванрейк, сколько поставите против того, что, несмотря на внешнюю хрупкость, эта леди может похвастаться самыми восхитительными округлостями, если выскользнет из всех этих нарядов, как Венера из волн?

— Давайте не будем биться об заклад, сэр, потому что я уже заключал ее в кольцо своих рук. Вы, английские лорды, обладаете превосходным вкусом. Вы

правильно предположили, милорд. Когда вы накладываете свои руки на эту сильфиду, вы, действительно, убеждаетесь, что она так же хорошо набита, как пуховая перина.

— Ради всего святого, придержите свои языки, вы, гнусные развратники! — взорвался Габриэль Берн, который, случайно услышав их непристойный разговор, не мог сдержать своего негодования.

Последовал обмен оскорблениями на английском, и лорд Шерингем заговорил о дуэли. Но его лейтенант отметил, что вряд ли возможно драться с такими простыми людьми, как эта публика, а тем временем все поселенцы из Ла Рошели как один встали против разнаряженного адмирала и начали надвигаться на него со стиснутыми кулаками.

Стражники и ополченцы, стоящие вокруг платформы, уже приготовились вмешаться, но, к счастью, в этот момент появился добродушный д'Урвилль и ухитрился как-то всех успокоить. Однако ему не удалось полностью утихомирить шторм, назревавший среди ларошельцев, которые после того как их внимание было отвлечено от английских гостей, вдруг обратили свою ярость на Анжелику, это «яблоко раздора», показавшуюся им слишком яркой и бесстыдной для такого дня. Они принялись бросать из псе разъяренные взгляды, шепот начал усиливаться, так что в конце концов она все-таки слышала враждебные замечания сквозь пелену, окутывающую ее рассеянный, занятый только одной мыслью ум.

Она посмотрела на мрачную толпу, надвигавшуюся на нее со сверкающими от ненависти глазами.

— Это тоже ваша вина, — закричала на нее мадам Маниголь. — Как вы смели показаться среди порядочных людей?

Потом вперед торжественно выступил мсье Маниголь.

— И в самом деле, мадам, — продолжил он, нанося следующий удар, — ваше присутствие здесь в такой момент является оскорблением всем правилам благопристойного поведения. Как глава протестантской общины Голдсборо я вынужден просить вас удалиться.

Она пристально смотрела на него глазами, которые вдруг словно посветлели, и они вполне могли заподозрить, что она просто не слышит их.

— А почему вы должны меня бояться, мсье Маниголь? — мягко спросила она, наконец нарушив полную тишину.

— Вы не должны быть заодно с этим бандитом, — закричала мадам Маниголь, не в состоянии более сдерживать себя. — И не пытайтесь увилывать или напускать на себя невинность. Мы все знаем, что между вами двумя что-то было. Это самое плачевное и неприятное для всех нас дело, и вам должно быть стыдно. Не будем уж говорить о том, что мы просто должны избавиться от этого негодяя, который причинил нам так много беспокойства в прошлом месяце и убил бы массу наших людей, если бы мы не сражались не на жизнь, а на смерть. А вы уже тут, пожалуйста, и готовы вступить за негой просить для него помилования. Мы знаем вас.

— Да, безусловно, — согласилась Анжелика. — Мне кажется, у вас есть все основания для того, чтобы меня знать.

Она уже не в первый раз сталкивалась с гневом этих кальвинистов. В конце концов на нее перестали производить впечатление эти рыцарские поединки с ними. Она выпрямилась во весь свой рост и посмотрела на них.

— Год тому назад на этом самом месте я просила за вас, я молила сохранить вам жизнь, молила на коленях... И вы были виновны в преступлении, которое, согласно морским законам, гораздо больше

заслуживает виселицы, чем те, что совершил Золотая Борода...

Вопреки ее усилиям, ее губы все-таки начали дрожать, и добросердечный Ванрейк подумал, что она вот-вот разразится слезами, чего он не вынес бы.

— Я стояла на коленях... — повторила она. — Я сделала это для вас, вас, которые не могут преклонить колени даже перед самым Богом. Ибо вы больше не знаете даже своего Евангелия.

После этого она резко повернулась к ним спиной.
Над толпой нависла сверхъестественная тишина.

Глава 69

Пленник появился, держа руки за спиной, на балконе крепости, выходящем на эспланаду.

Его плотно окружала испанская стража в сверкающих кирасах и шишаках с красными плюмажами.

Голова Колена Патюреля была обнажена. Он был одет в светло-коричневый дублет с расшитыми золотым галуном отворотами, взятый из его гардероба на борту «Сердца Марии».

В сочетании с коротко подстриженными волосами и бородой этот простой костюм производил весьма сильное впечатление, ибо ужасный, разодетый в крикливые тряпки Золотая Борода был неузнаваем в этом одетом в темное гиганте, приготовившемся к смерти. И они не думали, что он так высок!

Почти сразу же после него вышел Жоффрей де Пейрак, одетый в шафраново-желтый атласный костюм, сшитый по французской моде, с открытым жилетом поверх длинного вышитого камзола, который был настоящим чудом.

У толпы вырвался крик восхищения и удивления, и словно волна прокатилась по морю человеческих лиц. Даже на гугенотов произвела впечатление эта новая сенсация, вызванная дворянином из Аквитании, который был человеком, не укладывающимся в рамки их повседневного жизненного опыта, и был выше их понимания, но волею судеб был брошен в гущу их когда-то такой размеренной и трезвой жизни и теперь держал их под властью своих чар.

Его присутствие оказало сдерживающее влияние на опасное возбуждение и издевки, которые были уже заготовлены и едва не прорвались, когда вперед

провели остальных пленников — пиратский экипаж «Сердца Марии» в кандалах или веревочных путах. Окруженные плотным кольцом нацеленных мушкетов, они были согнаны плотным стадом к подножию платформы.

Некоторые из них строили рожи и скалили зубы, но большинство, казалось, смирились, как люди, которые, привыкнув играть и проигрывать, знали, что достигли конечного пункта своего путешествия, что пришел час расплаты.

Графу Пейраку не понадобилось шевельнуть и мизинцем, чтобы установилась полная, убийственная тишина.

Толпа, которой не терпелось услышать приговор, затаила дыхание. И все вокруг смолкло. Не слышно было ни одного звука, кроме тяжелого плеска моря. Граф подошел к краю балкона, перегнулся через него и обратился прямо к группе протестантов из Ла Рошели, которые стояли впереди остальной толпы и образовывали плотное, мрачное, неподкупное и совершенное ядро его поселения.

— Господа, — сказал он, указывая на Колена Патюреля, стоявшего между стражниками, — господа, я представляю вам НОВОГО ГУБЕРНАТОРА ГОЛДСБОРО.

Глава 70

В ошеломленной, недоверчивой тишине, последовавшей за этим заявлением, Жоффрей де Пейрак воспользовался случаем неторопливо поправить свои изящные кружевные манжеты.

Потом совершенно невозмутимо продолжил:

— Господин д'Урвилль, который в течение долгого времени держал на своих плечах эту величайшую ответственность, должен стать адмиралом нашего флота. Количество и размер наших судов, как торговых, так и военных, продолжает увеличиваться и множиться, поэтому пришло время назначить управлять ими профессионального моряка. В то же время путь развития, по которому идет в течение последних месяцев Голдсборо в значительной мере благодаря вашей энергии и трудолюбию, господа из Ла Рошели, ставит меня перед необходимостью выбрать губернатором человека, который одновременно имел бы опыт как в морских делах, так и в управлении разнообразным множеством людей самых различных национальностей, поскольку по мере того как наш порт постепенно будет занимать все более и более важное, а впоследствии и уникальное место в том районе, который мы выбрали как место своего существования, мы убедимся, что у наших дверей будет собираться весь свет. Так вот, мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что я не знаю ни одного человека, способного справиться с массой сложных проблем, которые поставит перед всеми нами такое положение, лучше, чем тот человек, которого я назначил вам сегодня, человек, в руки которого я с полным доверием вручаю судьбу Голдсборо, его репутацию, его процветание и будущее величие.

Он замолчал, но ни один голос не откликнулся ему в ответ. Толпа перед ним словно обратилась в камень.

Стоявшая среди них Анжелика была поражена не менее других. Слова Жоффрея достигали ее слуха всего лишь как вереница бессвязных звуков, и их смысл никак не проникал в ее мозг. Или, точнее, она тщетно пыталась уловить в них какой-то смысл, другой смысл, который означал бы, что Колен будет повешен.

Взглянув на море открытых ртов и напряженных глаз, Жоффрей де Пейрак сардонически усмехнулся и продолжал:

— Это человек, которого вы знаете под именем Золотой Бороды, пирата с Карибского моря. Но позвольте мне сообщить вам, что перед этим он провел двенадцать лет в качестве короля христианских невольников в Мекнесе, столице королевства Марокко на Берберском побережье, султан которого крайне жестоко обращался с христианами; и что этот господин, Колен Патюрель, в течение двенадцати лет правил народом, состоящим из нескольких тысяч душ. Эти люди, попавшие туда со всех уголков земного шара, говорящие на всех возможных языках, принадлежащие к самым различным религиям, всеми покинутые к предоставленным их собственной жалкой судьбе рабов в незнакомой, враждебной мусульманской стране, эти невольники, лишённые всякой возможности бежать или хоть как-то облегчить тяжкую ношу, давившую на их плечи — и зло, иссушавшее их души, — эти люди в течение двенадцати лет находили в нем надежного и несокрушимого руководителя. Он сбил их воедино в могучий, величественный, сплоченный народ, который мужественно преодолевал искушение отчаяния и отступничества от веры отцов.

И тут Анжелика начала понимать правду: Колен не будет повешен. Он будет жить. Он опять будет править.

Это о нем говорил Жоффрей: «Он будет править вами со всей своей мудростью...»

Тогда на нее снизошел покой, к которому примешивалась какая-то подспудная боль. Но прежде всего она почувствовала покой. И, буквально упиваясь словами, слетевшими с губ ее мужа, она чувствовала, как глубочайшее волнение охватывает все ее существо и как в конце концов к ее глазам подступают слезы. Не об этом ли он так настойчиво просил Колена прошлой ночью в комнате для совещаний, и не от этого ли так страстно отказывался Колен? А потом уронил свою тяжелую голову и уступил.

— Хотя мы здесь и не рабы, как христиане в Мекнесе, — продолжал Жоффрей, — мы тем не менее вынуждены сталкиваться с проблемами: чувством одиночества и заброшенности, сомнениями, взаимной враждой и постоянной угрозой смерти. Он со своей мудростью поможет вам справиться со всем этим точно так же, как он сумеет руководить вами в ваших отношениях с соседними народами, ибо он говорит на английском, голландском, испанском, португальском, арабском языках и знает даже баскский, который понимают индейцы. Поскольку он родом из Нормандии и католик, он будет вам не менее полезен в ваших делах с французскими акадцами. Мсье д'Урвилль, не будете ли вы так любезны повторить через ваш мегафон основные положения из того, о чем я только что сказал, так, чтобы каждый человек мог это услышать и поразмыслить над этим на досуге?

Пока д'Урвилль выполнял его поручение, протестанты начали мало-помалу выходить из охватившего их оцепенения, для которого, надо признать, у них были основания.

Они начали проявлять беспокойство и переговариваться.

Как только речь Пейрака была повторена, вперед выступил Габриэль Берн.

— Мессир де Пейрак, вы уже предлагали нам проглотить немало оскорблений, но это, я предупреждаю вас сразу откровенно, никогда не пройдет. Откуда вы взяли столь подробные сведения об этом опасном человеке? Вы позволили ввести себя в заблуждение, поверив рассказам бродяги, обладающего талантом к болтовне, как все эти пираты, живущие за счет других.

— Я сам видел плоды трудов этого человека, когда был в Средиземноморье, — ответил Пейрак. — Я видел его привязанным к столбу для бичеваний, когда он взял на себя наказание, ожидавшее его братьев, которые были настолько смелы, что решились отслужить мессу в рождественскую ночь. В другой раз он был распят на руках над одними из городских ворот. Я понимаю, что господин Патюрель не слишком бы хотел, чтобы а ворошил эти воспоминания, но я говорю вам о них, господа, для того, чтобы вы могли успокоиться относительно вашей веры. Я ставлю во главе вас гордого христианина, который уже доказал, что может пролить кровь за свои убеждения.

Возмущение ларошельцев приняло еще более бурный характер. Послышались громкие протесты. Мученичество, перенесенное за католическую веру, не имело в их глазах никакой цены и, таким образом, никак не могло положительно повлиять на них. Напротив, они видели в этом упрямство ограниченности, упорное цепляние за идолопоклонническую, дьявольскую религию.

По толпе прошел беспорядочный ропот, который начал усиливаться и крепнуть:

— Повесить его! Повесить! Предательство! Мы не можем с этим согласиться!.. Повесить Золотую Бороду!

Колен, который до сих пор стоял в стороне от спора, бесстрастно занимая прежнее положение среди испанских стражников, выступил вперед и встал рядом с Жоффреем де Пейраком.

Положив руки на бедра, он посмотрел на бурлящую толпу своими пронизательными голубыми глазами.

И все они словно отпрянули перед его массивной фигурой, и призывы к повешению медленно затихли, окончательно утонув в снова установившейся ошеломленной тишине.

Однако Берн продолжал действовать со своей обычной порывистостью. Он ринулся вперед.

— Это безумие, — закричал он, подняв руку к небу и как будто призывая его в свидетели овладевшего всеми слабоумия. — Вы должны были двадцать раз повесить его, мессир де Пейрак, только за тот ущерб, который он причинил Голдсборо, а что касается вас, граф, неужели же вы забыли, что он обесчестил вас, что он...

Пейрак властным жестом оборвал фразу, которая должна была втоптать в грязь имя Анжелики.

— Если он и заслуживает повешения, то не мне вести его на эшафот, — заявил он спокойным, но тем не менее не терпящим возражения голосом. — Долг благодарности, который связывает меня с ним, делает это невозможным.

— Благодарности?.. ВАШЕЙ благодарности? Вашей?

— Да, совершенно верно, моей благодарности, — настаивал на своем граф. — Позвольте мне объяснить, почему я ее испытываю. Среди тех подвигов, которые имеет на своем счету мсье Патюрель, не последнее место занимает его побег, совершенный совместно с несколькими другими рабами-христианами, стремившимися покинуть пределы Марокко; побег, навлекший на них самые страшные опасности и испытания и оказавшийся успешным.

Так вот, случилось так, что среди тех, кому он помог на этом пути в христианские земли, была женщина, пленница берберов, которую ему удалось спасти от страшной судьбы, уготованной для несчастных христианских женщин, попадающих в руки мусульман. Это было в то время, когда я из-за своего изгнания и злосчастной судьбы находился в неведении относительно того, что случилось с моей семьей, и не мог прийти им на помощь, когда они тоже подвергались опасности и были всеми покинуты. Этой женщиной была графиня де Пейрак, моя жена, находящаяся сейчас здесь. Преданность господина Патюреля спасла ей жизнь, которая была для меня дороже всего на свете. Как я могу забыть это?

Неуловимая улыбка скривила один уголок его обезображенной шрамом губы.

— Вот почему, господа, мы, графиня Пейрак и я, забыв обо всех настоящих недоразумениях, можем рассматривать этого человека, предмет вашей ненависти, только как друга, как человека, всячески заслуживающего доверия и уважения.

Среди всех этих последних слов, которые она слушала в каком-то трансе, Анжелику поразила одна фраза, пробудившая ее, словно треск от удара хлыста и почти причинившая ей боль настоящим призывом, звучащим в этом хриплом, внешне спокойном голосе, приказывающем ей, повелевающим ей подчиниться его решению во всем этом деле.

«Графиня Пейрак и я».

Этим он сделал ее участницей своего плана, отрезав ей путь к отступлению, и теперь ей стали понятны его тайные намерения. Он хотел стереть оскорбление. Оскорбление, которое его жена и Колен навлекли на него ПУБЛИЧНО. Что между ними было? Да ничего, кроме воспоминаний о дружбе и благодарности, которые, как он пытался убедить себя, он разделял

вместе с ними. Таким образом ему удалось ввести всех в заблуждение относительно природы страстей, терзавших их троих, представив им некую пародию на истину.

Но разве она инстинктивно, побуждаемая своей гордостью, не заняла точно такую же позицию?

Однако поверят ли в это протестанты?

Они должны поверить! Пусть все ведут себя так, будто так оно и есть. Жоффрей де Пейрак решил, что Колен Патюрель достоин управлять рядом с ним его народом и что единственные чувства, которые он может питать к нему — это чувства дружбы и благодарности.

Толпа должна будет просто подчиниться, приняв предложенное им изображение событий.

Кто и когда мог сопротивляться железной воле Пейрака?

Никогда еще Анжелика не ощущала так отчетливо ту стальную хватку, в которой он держал их всех, буквально стискивая и формируя их заново по законам своего личного влияния.

Она почувствовала благоговейное восхищение, которое, однако, не имело ничего общего с теплотой любви, и ее страдание начало усиливаться, становясь все более острым и нестерпимым.

Он только что отдал приказ «графине де Пейрак», но он ни разу даже не взглянул в ее сторону в течение всего этого долгого объяснения и ни разу в его голосе не слышались те нежные нотки, которые когда-то он не в силах был сдержать, говоря о ней, даже с чужими.

Все смотрели то на нее, то на двух мужчин, стоящих бок о бок на платформе, и дрожь Анжелики, то изумление, которое вопреки ее усилиям можно было прочесть в ее глазах, смущали и сбивали с толку зрителей.

Колен продолжал бесстрастно смотреть куда-то вдаль над головами возбужденной толпы, скрестив

руки на груди. И такая властность чувствовалась во всем его облике, такое необыкновенное благородство, что в нем уже нельзя было узнать прежнего человека.

Они невольно начали искать взглядом того, другого. Золотую Бороду, грубого пирата, увешанного оружием и запятнанного кровавыми злодеяниями. Стоящий рядом с ним граф де Пейрак, который словно защищал его и прикрывал своей силой и властью, презрительный, но полуулыбающийся, с любопытством наблюдал эффект, произведенный его заявлением.

— Посмотрите только на этих троих, — задыхаясь, крикнул Берн, показывая сначала на двух мужчин, потом на Анжелику. — Посмотрите на них! Они делают из нас дураков, они обманывают нас, они издеваются над нами...

Он закружился на своих каблуках, как одержимый, как полубезумный, как человек, совершенно не владеющий собой. Потом он сорвал с себя шляпу и отшвырнул ее так далеко, как только мог.

— Нет, вы только посмотрите на них, на этих троих лицемеров! Что они еще замышляют?.. Сколько еще нас будут дурачить подобные люди? Неужели вы забыли, что паписты не ведают стыда!? Что они готовы пойти на что угодно, лишь бы осуществить интриги, рождающиеся в их лживых идолопоклоннических умах?! Это немыслимо! Братья, неужели вы собираетесь принять эти несправедливые решения, этот смехотворный суд? Неужели вы согласитесь быть отданными на милость самого гнусного из всех типов, с которыми мы до сих пор встречались? Неужели вы готовы согласиться принять в свои стены эту преступную, развратную шайку, которую он собирается навязать нам в качестве новых поселенцев?

— А как твои преступления, Золотая Борода? — завопил он, с ненавистью поворачиваясь к Колену. — А преступления твоих головорезов?

— А как твои преступления, гугенот? — ответил Колен, перегибаясь через край балюстрады так, что его стальные голубые глаза оказались на одном уровне с глазами Берна.

— Мои руки не запятнаны кровью моих собратьев, — подчеркнуто заявил Берн.

— О, в самом деле? Ни один человек здесь не может претендовать на то, что его руки не запятнаны кровью его собратьев-людей. Подумай хорошенько, гугенот, и ты вспомнишь тех, кого ты принес в жертву, убил или задушил, тех людей, которым ты перерезал горло своими руками. Как бы далеко, как бы глубоко ты ни похоронил это в своей памяти, поищи получше, гугенот. И ты увидишь, как они всплывают на поверхность твоей совести, эти твои преступления с остановившимися глазами и окоченевшими членами.

Берн молча уставился на него. Потом он зашатался, будто пораженный громом, и отступил. Низкий голос Колена Патюреля пробудил в нем воспоминание о тайной борьбе, которую вели в течение целого века протестанты Ла Рошели. Он снова услышал резкий запах темных подземелий, зловоние трупов в глубине колодцев, ведущих к морю, куда они обычно сбрасывали тела полицейских агентов, провокаторов или иезуитов.

— О, да, — продолжал Колен, сощурившись так, что его глаза превратились в щелочки, через которые он продолжал наблюдать за ними. — Я знаю. ВСЕГДА бывает из самообороны. Чтобы защитить себя, свою семью, свою жизнь, свое оружие, свои мечты. Очень редко встречаются люди, действительно убивающие под влиянием злого импульса. Но уж если говорить о снисхождении к грешнику, тут может судить один только бог, ибо только он один может читать в людских сердцах. Что же касается человека, то куда бы он ни ступил, везде найдется брат, который скажет ему: «Ты

убийца, а я нет!» Но в наши дни нет ни одного живого человека, который не убивал. В наше время человек, достойный так называться, всегда имеет на своих руках чью-то кровь. Я бы позволил даже сказать, что убийство есть миссия и неотъемлемое право, которое мы, мужчины, получаем при самом рождении, ибо в наши дни волки по-прежнему крадутся по земле, хотя Христос и спустился на землю. Так что хватит говорить своему соседу: «Ты преступник, а я нет». Но раз уж вы вынуждены быть причиной смерти людей, то, по крайней мере, трудитесь во имя жизни... Вы, гугеноты из Ла Рошели, спасли свои шкуры и сбежали от своих мучителей; неужели же вы собираетесь отказать другим, таким же осужденным, как и вы, людям в той возможности, которую получили сами, если даже вы и считаете себя избранными Господа и верите, что только вы одни имеете право на то, чтобы выжить...

Ларошельцы, несколько испуганные натиском Колена, сразу пришли в себя, как только взглянули на команду «Сердца Марии». Уж в этом-то вопросе они не дадут подействовать на свою совесть. Мсье Маниголь подошел к подножию балкона:

— Давайте оставим в стороне ваши утверждения о мнимых преступлениях, которые мы якобы совершили. Бог прощает своих избранных. Но неужели вы хотите сказать, МЕССИР, — произнес он, нарочито подчеркнув последнее слово, — что вы намереваетесь, с согласия господина де Пейрака, навязать нам здесь, в Голдсборо, шайку этих опасных головорезов, ранее составлявших вашу команду?

— Вы сильно ошибаетесь относительно моей команды, — объяснил Колен. — Большинство из них — честные парни, которые нанялись ко мне на эту кампанию именно в надежде стать колонистами и в конце концов обосноваться в благоприятном месте, где им была обещана хорошая земля и женщины, на

которых они смогут жениться. Даже право на владение той землей, где вы поселились, было оплачено мною для них звонкой монетой, и были заключены соответствующие контракты. К несчастью, все вышло не так, как предполагалось, и теперь я понимаю, что был обманут моими нанимателями в Париже, которые намеренно указали мне Голдсборо как не занятое и принадлежащее Франции место. На бумаге мы имеем на него больше прав, чем вы, беглые гугеноты, и мессир де Пейрак признает это, но эти напыщенные невежды во Франции, как видно, забыли, что по Бредскому договору эта область осталась за Англией. Это я признаю и тоже принимаю к сведению. С документами можно проделывать все, что угодно, но земля совсем другое дело. Уже достаточно хороших людей было принесено в жертву ради безрассудного налета — хотя, может быть, точнее было бы приписать его хорошо рассчитанной злой воле, — в который мы, как простофили, позволили себя втянуть.

Из всего этого мессир де Пейрак готов извлечь доказательства и обсудить их с вами наедине. Но что касается решений, к которым мы оба пришли, и контрактов, которые мы заключили друг с другом, то все тут улажено и установлено и не может быть и речи о том, чтобы отказаться от них. Осталось только установить, что мы все намерены извлечь из этого для добра или для зла...

Его голос, одновременно и непреклонный, и убедительный, оказывал значительное влияние, сдерживая протесты, которые были уже готовы сорваться с уст слушателей; в то же время он держал их всех в напряженном внимании своим взглядом.

«Он это сделал, — подумала Анжелика, и неудержимая дрожь пробежала по всему ее телу. — Он завладел ими, он держит их всех в кулаке...»

Яркое красноречие Колена Патюреля, его умение завладеть вниманием толпы всегда были самым сильным оружием этого прирожденного руководителя. Стремительным натиском, умелой хваткой он всегда добивался своего.

Наклонившись к слушателям и доверительно говоря с ними голосом, который тем не менее доносился до самых задних рядов толпы, он продолжал:

— Я хочу кое-что сказать вам из того, что я узнал, когда был рабом у сарацинов. А именно: как ненавидят друг друга христиане, дети Христа. Гораздо сильнее, чем мусульмане или язычники! И я скажу вам то, что я в конце концов понял. Все вы: христиане, схизматики, еретики или паписты — все вы одинаковы; все вы просто шакалы с острыми клыками, готовые сожрать друг друга из-за одной только запятой в ваших догмах. И еще вот что я хочу вам сказать: Христос, которому вы якобы служите, не желает этого и Ему это не в радость... Так вот, я предупреждаю вас, как протестантов, так и католиков, что с этого дня и впредь я намерен не спускать глаз со всех жителей Голдсборо и следить за тем, чтобы все вы жили в мире и согласии друг с другом точно так же, как я в течение двенадцати лет поддерживал мир среди рабов Мекнеса.

Если среди вас есть подлинные головорезы, я их обнаружу. Но не думаю, чтобы их было много, если не считать двух-трех типов из моего недавнего груза, от которых я пытался избавиться, но которые тем не менее продолжают липнуть к моим ногам, как малайские пиявки. Но им лучше бы держаться потише, или, в противном случае, придет их черед плясать последний танец на веревке.

Он бросил далеко не теплый взгляд в сторону Бомаршана, который вылез вперед других и стоял, поддерживаемый своим «братом» Гиацинтом.

— А теперь, — продолжал Колен, — я хочу сообщить вам о трех нововведениях, которые я намерен установить начиная с сегодняшнего дня, первого дня моего губернаторства в Голдсборо. Первое из них заключается в том, что я хочу обеспечить порт и поселение Голдсборо ночными часовыми, на каждого из которых будет приходиться тридцать дворов. Содержание их будет оплачиваться из моего жалованья губернатора. Мне кажется, что у всех нас сохранились самые приятные воспоминания об этой стороне жизни в наших французских городах и деревнях: когда ты можешь спокойно ложиться спать, зная, что по улицам ходит ночная стража и наблюдает за всем, что творится вокруг. А здесь мы еще более остро нуждаемся в таком наблюдении, потому что, если пожар вспыхнет в такой глуши, он повлечет за собой конец всего — это будет означать разруху, бесприютную зиму, смерть. Да и в порту, где постоянно толкуются буйные и пьяные субъекты, тоже необходима бдительная стража, чтобы вовремя пресечь любое бесчинство, которое может затеять подобная публика. И, наконец, существует непреходящая угроза нападения индейцев, если еще не кого-нибудь, кому может взбрести в голову выжить нас с этого места.

Ночная стража будет назначаться губернатором, и ее содержание и снаряжение будут оплачиваться им же. Это подарок, которым я хочу отметить принятие на себя власти в Голдсборо.

Он был уже готов продолжать дальше, когда тягостную тишину нарушил женский голос.

— Благодарим вас, губернатор, — произнес этот слабый, тонкий, но энергичный голосок. Это был голос Абигели.

Толпа заволновалась, послышался ропот, в котором робкие выражения благодарности смешивались с протестами большинства мужчин. Так значит, они все-

таки поддавались! Однако они хотели дать понять, что они еще не выразили своего одобрения по поводу утверждения Колена во власти и не были подкуплены ночной стражей.

Абигель посмотрела прямо в глаза мастеру Берну. Колен Патюрель подарил молодой женщине едва заметную улыбку и продолжил, подняв руку с требованием тишины:

— О втором предлагаемом мною нововведении особенно уместно сказать теперь, после приветливых слов этой милой дамы. Мы надеемся раз в три месяца устраивать встречу женщин, точнее, матерей, хотя на подобных встречах будет разрешаться присутствие и тех женщин, которые по возрасту уже могут быть хозяйками дома, но не имеют детей. Эту мысль подал мне мессир Пейрак, и мне она понравилась. У женщин всегда есть что сказать по поводу устройства городских дел, и их доводы всегда достаточно вески и уместны, но они не высказывают их вслух, потому что боятся палок своих муженьков.

Это замечание было встречено смехом.

— Так вот, в этом деле не должно быть никаких палок и вообще никакого мужского вмешательства, — продолжал Колен. — Женщины будут обсуждать свои проблемы друг с другом и потом передавать свою точку зрения мне. Мессир де Пейрак говорил мне, что так заведено у ирокезов и что ни одна война не разразится до тех пор, пока Совет Матерей не сочтет ее необходимой для своего народа.

Давайте посмотрим, не сумеем ли мы оказаться хотя бы столь же мудрыми, как краснокожие.

Третья мера, которую я предлагаю принять, была подсказана мне колонистами Новой Голландии. Я считаю, что мы никогда не должны колебаться в заимствовании у наших соседей-иностранцев каких-то идей, если эти идеи могут сделать нашу жизнь веселее

и приятнее. У них существует обычай дарить каждому молодому человеку, вступающему в брак, «бочку», или, иными словами, 125 галлонов мадеры. Одна треть этого вина должна быть использована на его свадьбе, другой отмечают рождение его первенца, а третья предназначается для утешения его друзей в день его похорон. Нравится ли вам такой обычай и согласны ли вы установить его здесь, в Голдсборо?

Какое-то время все ошеломленно молчали, потом, после паузы, вызванной мучительной нерешительностью, поднялся невероятный шум, в котором смешались аплодисменты, крики одобрения и смех всех присутствующих. Анжелика поняла, что Колен одержал полную победу.

Он стоял перед ними, уперевшись руками в бедра, спокойный и властный, осыпаемый градом аплодисментов и приветствий, точно так же, как только что стоял, когда они освистывали и оскорбляли его. Колен Патюрель, король рабов, изгнанников и гонимых, снова оказывался сильнейшим из всех. Распрямившись во весь свой гигантский рост под затянутым тучами небом, он казался несокрушимой скалой, непобедимым оплотом со своей честностью, составлявшей основу его натуры, с откровенностью своего простого сердца и с невероятным упорством и стойкостью своего изобретательного ума.

И они сразу поняли, что он будет их постоянным защитником, их справедливым и непреклонным губернатором и они могут целиком и полностью на него положиться.

И этот человек, этот суверен, которым он был способен стать, был поставлен перед ними Жоффреем де Пейраком. Это в его мозолистую руку Жоффрей вложил скипетр, который тот должен был носить. И все было в порядке: Золотая Борода перестал существовать!

— Да здравствует губернатор! — кричала молодежь и дети Голдсборо, приплясывая и подпрыгивая от восторга. Самый большой энтузиазм проявила молодежь, потом к ней присоединились женщины, потом моряки всех национальностей и наконец гости — как акадцы, так и англичане, — которые очень высоко оценили провозглашенные новшества, но тем не менее решили, что им как соседям следует извлечь из них все возможные преимущества.

Индейцы, всегда находящиеся в веселом расположении духа, добавили свое особое возбуждение к этой веселой сумятице, и кислые физиономии ларошельских нотаблей в конце концов исчезли из виду, захлестнутые волной всеобщего одобрения и подъема.

— Ура! Ура! Bravo нашему губернатору! — орали пленники с «Сердца Марии», ликуяще размахивая руками и производя невероятный грохот и звон своими оковами.

Жоффрей дал знак испанцам освободить их.

— А вы знаете, я испытываю сильнейшее искушение поселиться здесь! — сказал Жиль Ванрейк английскому адмиралу. — Намерения нового губернатора показались мне чрезвычайно занимательными. А вы обратили внимание, милорд, как он справился с этими кислыми занудами, гугенотами? А как умно он добился того, что его единодушно признали губернатором? Теперь им уже поздно уклоняться и выкручиваться... А что касается графа де Пейрака — что за восторг видеть на его лице это непроницаемое выражение... Как у Мефистофеля, управляющего пляской духов на шабаше ведьм... Это фокусник, жонглирующий острыми кинжалами, человек, всегда готовый без малейшего колебания рискнуть своей жизнью, поставить на карту свою судьбу и сердце ради достижения своей цели. Но он всегда был таким. Я хорошо знаю его по Карибскому

морю... Впрочем, если бы эта его великолепная жена была моей собственностью, я на его месте никогда не решился бы на подобную наглость: посадить любовника жены справа от себя, на том же самом троне!

Анжелика, в горле которой словно застрял какой-то черствый комок, в конце концов поняла, что так расстроило ее, несмотря на счастливый исход мучившей ее проблемы. Граф де Пейрак, мужчина и глава маленького государства, обладал достаточной властью, чтобы спасти жизнь Колена, а она — нет. И он воспользовался этой властью в полной мере. И однако совсем не из-за этой особого рода ревности разрывалось ее сердце; она прониклась бы к себе презрением, если бы это было так. Может быть, это и вносило какую-то долю в ее страдания, но главной их причиной было то, что к своему решению он пришел без ее участия, а это означало, что она больше ничего для него не значит и поступил он так совсем не ради нее. Нет! Он сделал это ради Колена... И ради Голдсборо!

Выход, который он отыскал, был просто превосходным. Он разом разрешал все проблемы. Но что до нее, то ее он больше не любил.

— Моя дорогая Абигель, — сказал Жоффрей де Пейрак, спускаясь с возвышения и отвешивая поклон жене Габриэля Берна, — вы позволите мне сопровождать вас до банкетного зала? А вы, монсеньор губернатор, не предложите ли вы руку мадам де Пейрак? Давайте устроим процессию, как вы насчет этого?..

Вся кровь бросилась в лицо Анжелики, когда она услышала предложение мужа.

Словно в каком-то тумане, она увидела, как приближается к ней высокая фигура Колена Патюреля, как он кланяется ей, предлагает руку, на которую она кладет свою, и они вместе идут за Жоффреем де Пейраком и Абигелью, а вслед за ними тянется

остальная процессия. Мадам Маниголь, преисполненная ярости из-за того, что Абигель оттеснила ее с положенного места рядом с их властелином и хозяином, присоединилась к ужасно удрученному мастеру Берну.

Мсье Маниголь каким-то образом обнаружил рядом с собой прекрасную Инес, а английский адмирал шествовал в паре с хорошенькой акадской девушкой. Преподобный Джон Нокс Мазер, который все более и более оттаивал в этой атмосфере, был одновременно ошарашивлен восхитительной Бертиль Мерсело и очаровательной Сарой Маниголь.

В обрамлении двух этих хорошеньких девушек почтенный доктор теологии гордо вышагивал по песчаной тропинке, ведущей от форта к харчевне.

Мисс Пиджин, красная от смущения, шла рука об руку с преподобным Патриджем.

Вдоль всей дороги выстроились зрители, провожавшие проходящих мимо уважаемых лиц аплодисментами и приветственными возгласами.

— Так значит, вот что придумал этот дьявольский человек, чтобы заставить нас принять участие в его маленькой игре?! — пробормотала Анжелика сквозь зубы.

— Это был просто подвиг, не так ли, — ответил Колен. — Я еще и сам не опомнился как следует. Его сила характера просто подавляет меня.

— Как вы могли согласиться на его условия?

— Я не хотел, но он воспользовался одним доводом, который вынудил меня согласиться с его планами.

— Что он сказал?

— Я пока не могу вам этого передать, — задумчиво ответил Колен. — Может быть, когда-нибудь...

— О, в самом деле! Я, несомненно, слишком глупа для того, чтобы удостоиться чести быть посвященной во все величие замыслов и видений, воздвигнутых вами, мужчинами!

Она стиснула пальцами рукав Колена.

— Очевидно, что вы двое стали прямо закадычными друзьями; мне бы следовало это предвидеть. Как я была глупа, когда так боялась за вас, Колен Патюрель! Мужчины всегда придут к взаимопониманию... за счет женщины!..

Глава 71

Гремели трубы, и развевались на ветру флаги. Банкетный зал примыкал к гостинице, широко известной в округе под названием «Гостиница под крепостью».

Вдоль побережья, вокруг порта и всей бухты жарилась на вертелах всевозможная дичь и пробивались днища у бочонков с вином, предназначенным для матросов, простонародья и индейцев.

Когда гости начали занимать свои места за огромным банкетным столом, Анжелика незаметно выскользнула на кухню.

Она должна была выпить чего-нибудь покрепче, или ей ни за что не выдержать этого вечера. Она не понимала сама, чего ей хочется: смеяться или плакать; и никогда еще она не была так близка к тому, чтобы полностью потерять самообладание. Жоффрей перешел все границы и выставлял ее на смех, как дурочку.

— Дай-ка мне пинту вон того вина, — сказала она Давиду Кареру, понюхав содержимое всех имеющихся в запасе бочонков.

— Пинту?! — воскликнул парнишка, широко раскрывая глаза. — Вам? Но, мадам, ведь это белое бордосское вино, такое же крепкое, как солнце.

— Именно это мне и надо!

С огромной кружкой, вмешавшей целую пинту, Анжелика вернулась из кладовой в кухню, где над огнем вращались вертела с жарким, и бросила язвительный взгляд на оживленно прихорашивающихся дам Голдсборо.

Мадам Маниголь, мадам Мерсело и все остальные почтенные особы зашли на кухню якобы помочь, но

главным образом для того, чтобы проверить, насколько держатся их накрахмаленные чепцы.

— Ну, — спросила Анжелика, — так что вы думаете о своем новом губернаторе?

И, откинув назад головку, она разразилась неудержимым смехом.

— Я могу представить, что так огорчает вас, мои милые дамы! После всех этих сплетен обо мне вы ожидали услышать совсем не то, что услышали! Вот вам ответ на разговоры о том, что, иол, не бывает дыма без огня. Золотая Борода, оказывается, мой друг, который когда-то спас мне жизнь на Берберском побережье. Неужели человек должен отречься от того, кто спас ему жизнь? Разве я не имела права обнять его, когда благодаря чистой случайности снова встретила с ним лицом к лицу? Но этого оказалось достаточно для того, чтобы расшевелить самые грязные сплетни, чтобы превратить дружескую встречу в гнусную измену, в яблоко раздора... А вам всем слишком хотелось увидеть зло там, где его никогда и не было...

Издвательский смех графини де Пейрак унижал и задевал их всех.

И хотя Анжелика прекрасно знала, что только половина сказанного ею была правдой, она сама почти верила в это. И она продолжала язвительно подкалывать их. Бедняга Курт Риц был далеко! Никто никогда больше не попросит его публично засвидетельствовать то, что он действительно видел — или полагал, что видит, — при свете чадящей свечи в ночь своего побега.

— Так что, мои дорогие подруги, сплетни погубят Новый Свет так же, как погубили Старый, — заключила Анжелика, осушив последнюю каплю своего белого вина. Кто-то просунул голову в дверь.

— Мадам графиня, ваше присутствие требуется в банкетном зале.

— Я сию минуту иду.

— Теперь настала моя очередь преподнести всем находящимся здесь подарок в честь столь радостного вступления в должность нового губернатора, — сказала Анжелика, заняв свое место за банкетным столом.

И, убедившись, что пробудила всеобщее любопытство, продолжила:

— Это бочонок настоящего арманьяка, который вручил мне па прошлой неделе галантный баскский капитан.

Ее сообщение вызвало новую овацию.

— Будьте добры, позовите Адемара, — приказала Анжелика одному из слуг, подававших еду.

Когда появился солдат, как всегда, с абсолютно ошалелым видом, она поручила ему отправиться в лагерь Шамплена и захватить вещи, оставленные ею там с вечера прибытия в Голдсборо. После того как Адемар удалился, внешность этого оригинального солдата короля Франции вызвала столь многочисленные комментарии, что Анжелика была вынуждена поведать историю жизни и подвигов доброго парня, положив начало веселому разговору, сопровождаемому массой анекдотов.

Подавали блюдо за блюдом, роскошные и аппетитные. Была специально зарезана свинья, ибо первые поселенцы считали устриц, омаров, лососей, индюшек и дичь пищей для бедняков, поскольку все это составляло их ежедневный рацион.

Анжелика обнаружила, что находится по правую руку от Колена, возглавлявшего один конец стола, в то время как Жоффрей сидел напротив него на другом конце с роскошной Инес по правую руку и Абигель по левую. Мадам Маниголь расположилась напротив нее. Немного подальше сидел Жиль Ванрейк, пламенные черные глаза которого, резко выделяющиеся на

круглом, добродушном фламандском лице, не отрывались от Анжелики. Среди сидящих за столом французов и англичан, людей в ослепительных костюмах или, наоборот, в темных, скорбных одеждах с белыми лентами, выделялись отдельными фигурами монах, отец Бор, бретонский священник с «Бесстрашного», аббат Лошме, несколько грубоватый и угодливый, но веселый человек, нимало не озабоченный тем обстоятельством, что его соседями оказались пастор Бокер и пастор Патридж. Гость из Акадии мсье де Рендон, только сегодня утром прибывший из Порт-Ройяла, беседовал со своим кровным братом — крупным вождем мик-маков, который, несмотря на то что вытирал рот собственными волосами, производил внушительное впечатление и, казалось, занимал главенствующее место среди прочих благодаря своему царственному росту.

Хотя его присутствие здесь удивляло и даже шокировало англосаксов, они тем не менее мирились с ним, принимая это за одно из проявлений французской эксцентричности, которая часто заставляла их ощетиливаться, но в тоже время, казалось, существовала хотя бы для того, чтобы позволить иностранцам вкусить сладость распушенности, экстравагантности и даже греха, не вынуждая их при этом брать инициативу на себя. В этот момент строгий Джон Нокс Мазер, весело опустошая свою оловянную кружку, не испытывал ни малейшего чувства вины за нарушение заповеди умеренности, ИБО ВИНА БЫЛИ ФРАНЦУЗСКИМИ.

Их хозяин был французом, так же как и хозяйка, что просто обязывало ее быть красивой, ослепительной и роскошно одетой на радость мужским взорам; и не беда, если бесчисленные провокации неизбежно заставляли ее грешить против шестой заповеди господней, потому что даже в глазах самого Господа

грех, совершенный французом, является грехом только наполовину, а значит, полупрощенным грехом. И если испанская дама источает аромат жасмина, столь же пряный и знойный, как и взгляд, который бросают ее бархатистые глаза из-под черного кружевного веера, весь страх и смятение, которые вызвало бы подобное сочетание в любом другом месте, здесь ослабляются тем, что все они сидят за французским столом на французской земле.

Разве гений этой беспечной расы не заключается именно в том, что они умеют внести в любую ситуацию оттенок собственного легкомыслия?

Разве не правда то, что крайняя смелость, с которой французы создают в своих колониях самые удивительные расовые смешения, вместо того чтобы вызвать кровавые столкновения, как это можно было бы ожидать, вызывает всего лишь состояние тихого блаженства, позволяющее человеку часок погрезить о том, что все люди братья и никакого проклятия больше не существует?

Английский адмирал заявил:

— Голдсборо скоро будет самым великолепным поселением на всем Американском побережье. Я неуверен даже, что испанцы в своих укрепленных городах Флориды ведут столь же веселую жизнь, как вы здесь. Справедливости ради надо отметить, что вы, господа флибустьеры, предоставляете им мало шансов для этого, — бросил он Ванрейку.

— Но они весьма усердно дают сдачи, — ответил Ванрейк. — Между прочим, поэтому-то я и оказался здесь. И я целиком разделяю ваше мнение о том, что лучшего места для жизни, чем это, не найти.

— С помощью какого чуда вам удалось, мессир де Пейрак, извлечь из ситуации, казавшейся непоправимо прискорбной, нечто, ставшее хорошим и приемлемым? Ибо мало только желать добра; добро еще должно быть

— как бы это выразиться? — пригодным к воплощению в жизнь, — сказал Джон Нокс Мазер, который под влиянием многочисленных возлияний, естественно, устремился мыслями к наиболее интересующим его проблемам — интеллектуальным и теологическим.

— Не думаю, чтобы дело тут было в чуде, — ответил Пейрак, — скорее в том, чтобы предоставлять человеку преимущественное право на жизнь. Иногда бывает необходимо навлекать смерть — к этому принуждает несовершенство нашего мира, — но я считаю, что единственное добро может быть найдено только в жизни.

Мазер нахмурился.

— Гм! А вы, случайно, не последователь этого Баруха Спинозы, о котором столько говорят философы, этого еврея из Амстердама, который столь странно вступает в разногласия как с иудаизмом, так и с христианскими доктринами?

— Я знаю, что он говорил: «Все, что благоприятствует настойчивости индивидуума в Бытии, то есть в Жизни, есть Добро, и все, что препятствует ей, есть Зло...»

— Ну и каково ваше мнение об этих неопределенных, смущающих высказываниях, которые, как мне кажется, отрицают верховную власть Господа?

— Я думаю, что мир изменяется! Но это медленный и болезненный процесс. И общая беда всех идолопоклонников, к которым мы все принадлежим по своему происхождению, заключается в том, что они не способны сменить своих кумиров. Вы, господа, принадлежащие к Реформистской церкви, уже сделали усилие в этом направлении, разрушив статуи в церквях, а вы, господа англичане, сделали шаг к освобождению человечества, обезглавив своих королей; но берегитесь: шаг вперед часто оплачивается двумя шагами назад.

— Господа, господа! — воскликнул в страшном волнении отец Бор. — О чем вы говорите? Мне не следовало бы сидеть за этим столом. От ваших высказываний попахивает серой... Обезглавливание королей! Разрушение статуй!.. Что вы! Что вы! Неужели вы забыли о том, что все мы — созданы Божий и как таковые обязаны повиноваться его законам и склоняться перед имущими власть. Он Сам учредил на земле, в первую очередь, догмы Нашей Матери Святой Церкви, а потом и решения правителей, которые властвуют над нами по праву, данному им небом. Отрубать им головы! О чем вы только думаете? Вас ждет адское пламя. Меня бросает в дрожь от того, что здесь было сказано!

— Здесь также пьется превосходное вино, — вмешался Ванрейк. — Выпейте, мой дорогой отец. Самые шокирующие вещи забываются, когда увидишь дно стакана.

— Да, выпейте, — начала настаивать Анжелика, улыбаясь священнику, чтобы помочь ему восстановить душевное равновесие. — Вино ведь тоже дар Божий, и нет ничего более подходящего для того, чтобы помочь французам и англичанам объединиться и забыть о своих разногласиях.

В дверь просунулась голова Адемара:

— Я забрал ваш бочонок, мадам графиня, а что мне делать с ящиком с английскими скальпами, которые вам дал барон?

Глава 72

Анжелика залилась веселым смехом.

Выпитая пинта белого вина и горячая пряная еда привели ее в заметное возбуждение. Вопрос Адемара о том, что делать с сундуком барона Сен-Гастина, полным английскими скальпами, был последней каплей.

Благодаря какому-то чуду вопрос простодушного солдата остался не замеченным в общем гомоне застольной беседы, а легкий, грациозный смех Анжелики отвлек внимание всех гостей от Адемара, сосредоточив его на этом неожиданном взрыве восхитительного веселья, столь чарующего и желанного.

Увидев, что она стала предметом всеобщего внимания, Анжелика обрушила на своих гостей настоящий град шуток, острот, парадоксов, пытаясь оправдать ими свое неумеренное оживление.

— А мы не погружаемся в бездны распущенности, разврата и опасного вольнодумства, братья? — спросил своих единомышленников пуританин Джон Нокс Мазер, глаза которого горели экстазом, как глаза мученика, окруженного пламенем костра.

— Именно по способности огибать подобные пропасти, не падая в них, и узнается та сила, которой Господь наделяет своих избранных, — ответил преподобный Патридж своим замогильным голосом, заглушившим взрывы смеха.

Никогда еще они не были столь счастливы оттого, что так близко подошли к краю безнравственности, и никогда еще не испытывали такого удовлетворения от собственной способности противостоять искушению.

Анжелика смеялась все сильнее и сильнее и временами, пытаясь сдержаться, едва не начинала

плакать. Впрочем, большинство гостей, поддерживаемых изобилием разнообразных напитков, без труда сохраняло уровень общего веселья.

Было бы скверно, если бы ее излишнее оживление показалось неуместным и несвоевременным. Властитель Голдсборо заставил ее играть перед всеми эту роль, даже не подумав о ее кровоточащем сердце и нестерпимом горе, непрестанно терзавшем душу. Он повелел ей быть графиней де Пейрак. И так, чтобы в ее броне не было заметно ни единой трещинки. Драма, существующая между ними двумя, должна была быть похоронена, должна была быть объявлена несуществующей. Несомненно, для него это имело гораздо меньшее значение, чем для нее. Она больше не знала, о чем он думает. Она была почти готова предпочесть бурный взрыв той ночи его теперешнему явному безразличию, какому-то отдалению, делавшему ее всего лишь пешкой, передвигаемой по его шахматной доске, тщательно продуманным устройством, которым он манипулировал в личных целях. И в своем макиавеллизме он дошел до того, что посадил ее справа от Колена.

Если бы Колен был менее благородным, он не так задевал бы ее. Он пробуждал бы меньше тепла в ее сердце. Но теперь, когда ее нервы были настолько напряжены, что она находилась на грани срыва, она испытывала какое-то порочное желание разрушить то взаимопонимание, которое установилось между ним и Жоффреем, снова пробиться к нему, еще раз испробовать свою власть над ним. Она искала его взгляд своими сверкающими глазами и, когда он поворачивался к ней, с яростью отмечала, что он не проявляет ничего, кроме спокойной бесстрастности, нарочитой, но непреодолимой. Жоффрей отрезал ее и от него тоже. Он взял у нее все, захватил все, чем она обладала, ничего ей не оставив.

Это терзало ее сердце и душу, занимало все ее мысли, в то время как со стороны она являла своим гостям зрелище прелестного оживления, словно олицетворяя собой великосветскость и роскошь, явившиеся группе изгнанников, собравшихся за этим грубым столом и пытавшихся, несмотря на свою бедность, воспроизвести здесь великолепие Старого Света.

Из всех них один только Жоффрей де Пейрак почувствовал напряжение и слегка вынужденную нотку перевозбуждения, звучавшие в смехе Анжелики.

Так же, как и все остальные гости, он уловил в косноязычных объяснениях Адемара какие-то смутные упоминания об «английских скальпах», вызвавшие взрыв буйного веселья Анжелики, но, поскольку бормотанье солдата было заглушено общим гомоном разговора, он, как и все остальные, предпочел не вдаваться в подробности такого дела. Для этого будет время потом. Сейчас же был явно неподходящий момент для всякого рода сомнительных расследований.

Она смеялась, но она и страдала. Внутренне тронутый ее блестящей красотой, задетый ее смелостью, вызовом, который бросали ему ее гордо поднятый подбородок и прекрасные глаза, обращенные к Колену, и будучи, вопреки собственному желанию, в восхищении от той готовности и быстроты, с которой она приняла его вызов и противостояла всем унижениям, которым он ее подверг, он тем не менее не мог угадать причину страданий, которые, как он чувствовал, пронизывали все ее существо.

После того как он грубо прогнал ее, отбросив во тьму, ее женское сердце снова стало для него непроницаемым. Он утратил тот особый дар, который позволял ему открыто читать в нем. Способность понимать друг друга и видеть друг друга в истинном свете была потеряна.

Он не смел подумать, что она страдает именно из-за него. Синяк на ее прекрасном лице, который она не смогла полностью скрыть под гримом, заставлял его проявлять осторожность в сближении с нею. Анжелика обладала гордостью, свойственной каждой знатной женщине; той смесью самоуверенности, сознания собственного достоинства и наследственного благородства, благодаря которой подобных женщин так трудно приручить и из-за которой с ними так трудно общаться, если даже их детство и прошло в беганье босиком по лесным тропинкам и поедании диких каштанов. Это было особое чувство благородного происхождения, и оно было в их плоти и крови. Сможет ли Анжелика когда-нибудь забыть то, как он обошелся с нею? Чувство беспокойства, природу которого он не сразу понял, терзало его с тех пор, когда наутро после той страшной ночи он увидел, в каком состоянии находится ее лицо. Он был подавлен страхом и смущением. «Я не думал, что ударил ее так сильно», — расстроено бормотал он про себя. Он сознавал, что никогда еще ни одна женщина не заставляла его до такой степени утратить контроль над собой. «Я мог убить ее!»

В ярости на себя, он испытывал по отношению к ней все большее и большее негодование и, как бы ни парадоксально это могло показаться, все сильнее и сильнее тянулся к ней...

Как только его взор обращался на нее, в нем поднималась могучая волна, одновременно нежная и чувственная, которая с непреодолимой силой толкала его к ней, пробуждая в нем желание заключить ее в объятия. Ибо он слишком долго не обнимал ее. Может быть, Жиль Ванрейк и был прав, когда, выдавая свою вполне серьезную философию за добродушную шутку, советовал ему занять снисходительную позицию:

«Поверьте мне, мсье Пейрак, ваша жена одна из тех женщин, которые «стоят» прощения...»

Он не мог не размышлять над тем, что, несмотря на свое несчастье, которое она явно переживала, она отнюдь не потерпела требуемой от нее обстоятельствами неудачи в роли графини де Пейрак и проявляла себя достойной его подругой в течение этих трех мучительных, решающих ДНЕЙ. И за это он всегда будет втайне ей благодарен.

Украдкой наблюдая за ней, он не мог не заметить качеств, которые делали ее «стоящей» его прощения. Это были не только ее особая красота и совершенство тела — ужасающее искушение, которому он ни за что не желал поддаваться, — но также и нечто, составляющее сущность ее природы, то, что он считал поистине бесценным сокровищем.

Как раз в тот момент, когда он думал, что ненавидит ее, он вдруг обнаружил, что попался в ловушку этих тайных, удивительных свойств, которыми обладала только одна Анжелика.

Утром, в день ужасной битвы на борту «Сердца Марии», он на миг остановился, запыхавшись от бесчисленных схваток, и поймал себя на мысли: «К счастью, ОНА в Голдсборо!..»

Все сразу же воспрянули духом, как только узнали, что ОНА в Голдсборо, в том числе и те, кто знал о ней только понаслышке. «Дама с Серебряного озера! Француженка, обладающая даром исцеления! Прекрасная Дама! Женщина, которая знает все тайны трав... все их целебные свойства... Говорят, у нее волшебные руки... Говорят, она на берегу... Она придет... Она спасет нас...»

Все мужчины обожали ее. И с этим ничего нельзя было поделать.

Сейчас ее грудной смех то воспламенял, то терзал его, покоряя, как и всех остальных присутствующих

мужчин, своим очарованием, которое склоняло его к снисходительности и жалкой капитуляции.

В то время как он непринужденно болтал с гостями за банкетным столом, перед его мысленным взором появлялись, исчезали и вновь появлялись лица двух женщин, то по отдельности, то сливаясь воедино. Ему хотелось ненавидеть эту женщину за слабость ее плоти и презренное непостоянство, и одновременно он страстно желал присутствия той, другой женщины, его подруги, его спутницы, его доверенной, его небесного прибежища, источника его чувственного блаженства.

Слишком долго он не заключал ее в объятия. Все его тело взывало к ней с такой настойчивой силой, что он чувствовал себя покинутым и опустошенным.

Их неожиданная ссора глубоко ранила его, и он чувствовал, как утекает через эту рану часть его духовной силы. Он плохо спал в течение всех этих беспокойных, тревожных ночей. Где ты, моя нежная, спокойная, белокожая, упоительная жена?

Где твое обнаженное плечо, на которое я любил класть свой лоб? Где твои тонкие волшебные пальчики, которые иногда осмеливались брать мое лицо и привлекать его к себе, чтобы поцеловать мои губы движением, полным непреодолимого желания любовницы, но в то же время и с той теплой, властной нежностью, которая переполняет сердца матерей и всегда занимает особое место в мужской памяти! Где твое нежное, мягкое тело? Ты только начинала чувствовать себя со мной более спокойно, теряя свою мучительную нервозность, и теперь все снова рухнуло!

Граф де Пейрак подавил вздох.

О чем она думает там, на противоположном конце стола? Он больше не знал этого.

В последние дни он не раз ловил себя на том, что не может придти к какому-то определенному решению, он испытывал неуверенность в себе.

Единственное, в чем он не колебался ни секунды, было то, как ему поступить с Коленом Патюрелем. Колен, король рабов, был тем самым человеком, которого он ждал так долго. И как только он узнал его, он сразу же перестал видеть в нем соперника, твердо решив, что никакие «счеты из-за женщины» не помешают ему вступить в самый тесный союз со столь влиятельным человеком, явно прирожденным вожаком.

И, однако, именно этот бугристый лоб, увенчанный львиной гривой, как он видел собственными глазами, гладила Анжелика своей тонкой рукой.

Там, на этом островке, какой мукой было для него думать, что настал миг измены! С того места, где он стоял, спрятавшись за деревьями, он сразу же, едва увидев фигуру пирата, узнал в нем короля рабов Мекнеса. Это объяснило все и одновременно делало все более серьезным, более трагическим. Он всегда знал, что Анжелика любила этого человека и так, что он мог не испытывать от этого жгучей ревности.

Потому что Колен заслуживал любви подобной женщины.

От этих воспоминаний неуловимый яд вновь просочился в его сердце. Интрига, которую он задумал и которую привел в движение, захватив ею их всех, теперь вдруг показалась ему слишком сложной для того, чтобы удасться.

Теперь ее прекрасные глаза не отрывались от Колена, пытаясь поймать его полный взаимопонимания взгляд, в то время как он сидел там, рядом с ней, суровый и напряженный, храня верность ему, Пейраку, и делал вид, что не понимает смысла ее ослепительной улыбки. Граф мог даже расслышать ее чарующий голос, в котором звучала некоторая насмешка.

— Монсеньор губернатор, мне кажется, я припоминаю, что, когда мы с вами были в Берберии, вы имели обыкновение называть меня Анжеликой. Не

следует ли нам возродить и здесь братские обычаи христианских рабов?

Маленькая шлюха! Мало того, что она нагло задирала голову, игнорируя свой позор, она еще и ожесточенно вступала в бой!

Как глупо было с его стороны жалеть ее! Если она и несчастна, то так ей и надо! Она заслужила того, чтобы преподать ей урок.

Он снова перенес свое внимание на соседку слева, Инес Тенарес, — роскошный итог смешения испанской, португальской и карибской кровей, черные глаза которой ревниво следили за Жилем, по ее мнению, слишком очарованным колдовским обаянием их смеющейся хозяйки.

Пейрак взял пальцем подбородок хорошенькой мулатки, отклонив ее взгляд от удручающего ее зрелища, и заставил взглянуть на себя.

— Давайте утешим друг друга, сеньора, — ласково сказал он по-испански.

Глава 73

— Колен, он больше не любит меня! Он флиртует с этой женщиной, с Инес. Я ему надоела.

В темном коридоре Анжелика, шатаясь, опиралась на плечо Колена. Пир близился к концу. Золотистое закатное небо с пересекавшими его перистыми облаками бросало последний отсвет на шумные группы людей на берегу, танцующих и поющих от радости.

В полутьме коридора Анжелика налетела на плечо Колена.

— Он больше не любит меня... Я умру... Я ни за что не вынесу, если он полюбит другую женщину!

— Успокойтесь. Вы пьяны, — снисходительно сказал Колен.

Ему самому, изрядно подвыпившему, было трудно не видеть весь окружающий мир словно сквозь легкую дымку и не поддаваться искушению заключить ее в объятия. Он покинул банкетный зал для того, чтобы пойти проверить свою команду, заявив, что он должен понаблюдать за своими «парнями».

Но Анжелика последовала за ним. И вот теперь она цеплялась за него, главным образом, очевидно, в результате действия арманьяка из подаренного бочонка, но еще и потому, что была придавлена свалившимися на нее несчастьями.

— Он хорошо относится к вам, введшему меня в искушение, а меня отвергает и презирает... Это несправедливо!.. Это позор!

Она слегка икала и выделяла каждое слово.

— Послушайте, дитя мое! — сказал Колея. — Пойдите, пройдитесь по свежему воздуху. Вам сразу станет лучше.

— Вот это правильно! Вы, мужчины, всегда заодно, когда речь идет о том, чтобы унижить женщину, чтобы выс... высмеять ее! Вы тоже предали меня!

— Ох, перестаньте!.. Все в порядке. Не взвинчивайте себя. Вот так!

Она почувствовала, что Колен снова стал настоящим Коленом, способным быть таким же непреклонным, как и Жоффрей, и так же, как и тот, обуздывать любое, самое неистовое, физическое желание, если сочтет это необходимым.

Он твердо отстранил ее от себя, но когда при этом взглянул на нее, выражение его лица стало немного грустным.

— Вы слишком его любите, — сказал он, покачав головой. — Совершенно очевидно, что он имеет над вами безграничную власть. Он всецело владеет вами. Это и ранит. Это как раз то, что причиняет вам такие мучения. Ну, хватит, полно же, пойдите пройдите по воздуху, моя милая... моя прелесть.

Он проводил ее до берега, где попрощался с ней, и она направилась одна к полуостровам к востоку от Голдсборо.

Колен был прав.

Ее головокружение быстро прошло на свежем вечернем воздухе, и она пошла к скалам уже более твердой поступью, надеясь, что ей никто не встретится на пути.

Ее ум был в брожении, словно наполненный вредоносными испарениями, как виноградная давящая во время сбора урожая.

Жоффрей рисовался, демонстративно подчеркивая свое пренебрежение к ней.

Она не сможет этого вынести! Никогда она не сможет смотреть на то, как Жоффрей берет в свои объятия другую женщину, наслаждается ею и, кто знает, может быть, — что хуже всего — привязывается к

ней и оделяет ее своим доверием. Если он хотел наказать ее этим, ему удалось это слишком хорошо. Она умрет от этого... или убьет ту, другую!

Она чувствовала себя оскорбленной тем, что ему оказалось легче простить Колена за то, что он пытался ее соблазнить, чем ее за то, что она позволила ему это сделать.

Ее раздражало и доводило до бешенства их взаимное понимание, соучастие двух мужчин, объединенных мужской чувственностью. Бесплезно пытаться прийти к взаимопониманию с мужчинами. Они всегда ухитряются обмануть тебя или огорошить тем или иным аргументом. Нет, хватит с нее мужчин и их требований.

Ухаживать за ними, когда они получают раны на своих войнах, кормить и воспитывать детей, рождающихся в результате испытываемого ими удовольствия, чистить их оружие и из года в год, стирая их следы на полу, готовить дичь, которую они приносят с охоты, и потрошить рыбу, которую они ловят... Их работа исполнена достоинства и величия, а на долю женщин остается только тягостная, нудная обыденность!

Всего только неделю назад она танцевала на острове Монхиган, прыгая через баскский костер, пронестись через который ей помогли радость жизни и сильные руки Эрнани.

Несмотря на то что тогда она была разлучена с Жоффреем, она чувствовала себя ближе к нему, чем сейчас. Потому что теперь они уже три дня не разговаривали друг с другом и словно перестали существовать один для другого.

За какие-то несколько дней, менее чем за неделю, у них под ногами разверзлась бездна, между ними выросла неприступная стена. Словно все вокруг сговорилось создать такую обстановку, в которой

перестала бы существовать их любовь друг к другу, если, впрочем, она уже не перестала существовать.

Ей показалось, что чей-то голос шепчет ей сквозь ветер:

«Он разлучит вас... вот увидите! Вот увидите!..»

Она вздрогнула и остановилась на краю мыса. Она снова подумала о стечении обстоятельств, которые привели к публичному унижению обожаемого ею человека. Во всем этом было что-то воистину дьявольское. Какое-то переплетение чистой случайности с крайним и упорным невезением, которое казалось объяснимым только в том случае, если приписать его злему умыслу злобных духов, стремящихся погубить их.

Ее охватил страх, тот самый страх, который она уже испытала в тот вечер, когда незнакомец с белым лицом вел ее к острову. Она начинала верить в дьявола... Как и все в этих забытых Богом краях.

Она повернулась к Голдсборо. «Есть места, где витают духи...»

Было ли Голдсборо таким местом? Неужели ему действительно было суждено, как уверяла та ясновидящая монахиня из Квебека, стать сценой для сверхъестественной драмы?

«Но ведь я не Демон, — сказала Анжелика почти вслух. — Тогда что же?»

Вопреки своему желанию она вспомнила предсказание монахини, которое вызвало такое волнение канадских жителей.

«Я стояла на берегу моря. Деревья спускались почти к самой кромке прибрежного песка... Песок отсвечивал розовым. Слева от меня возвышался деревянный пост, обнесенный высоким палисадом, и башня с флагом... По всей бухте, словно уснувшие чудовища, были разбросаны многочисленные островки... Пovyше на берегу, под скалами, виднелись дома, построенные из

светлого дерева... В гавани качались на якоре два корабля... На другой стороне бухты, вдали, может быть, на расстоянии мили или двух, находился еще один поселок — несколько маленьких хижин, вокруг которых росли розы. Я слышала крики чаек и бакланов...»

Ветер трепал волосы Анжелики, которые, как живые, то обвивались вокруг нее, то снова опускались и опять опутывали ее с настойчивостью какого-то безумного существа, шептавшего ей на ухо слова, полные ужаса.

Застыв от страха, Анжелика стояла на вершине скалы, глядя назад, на Голдсборо.

Песок отсвечивал розовым, и были здесь и спящие изумрудно-зеленые чудовища — острова, и «деревянный пост с башенкой и флагом на ней», и деревушка вдали — лагерь Шамплена, где буйно цвели розы.

«И вдруг какая-то женщина неопиcуемой красоты поднялась из пучины моря, и я сразу же поняла, что это Демон в женском обличье. Какое-то время она словно парила над водой, в которой отражалось ее обнаженное тело... Потом над горизонтом появился единорог, и его длинный остроконечный бивень сверкал в лучах заходящего солнца, как кристалл. Женщина-демон вскочила верхом на зверя и понеслась по воздуху. Я знала, что она собирается разрушить Акадию, нашу дорогую страну, которую мы взяли под свое покровительство...»

Анжелика в отчаянии смотрела на открывающуюся перед ней сцену. Казалось, за этими словами пророчицы скрывалась какая-то тайна. Теперь она была уверена в этом. То чувство иррационального, которое заключено в человеческой натуре и делает ее восприимчивой к значению символов, разбудило в ней беспокойство и привело в состояние тревожной неопределенности,

которое все сильнее поднималось в ней, пока она смотрела на панораму, встающую перед ее взором.

Да, в бухте стояли на якоре корабли, были здесь и чайки с бакланами, и светлые деревянные дома под скалой.

И тут она вскрикнула, потому что ее вдруг посетило воспоминание.

Когда она высадилась здесь год назад, ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО НИКАКИХ ДОМОВ ИЗ СВЕТЛОГО ДЕРЕВА ПОД СКАЛОЙ. Они были построены гугенотами из Ла Рошели этой зимой и весной.

Она начала возбужденно шагать взад и вперед, ее мысли лихорадочно вытесняли одна другую, и ум все еще был затуманен ветром и выпитым вином. Она быстро бормотала:

— Я скажу им... Я скажу им всем... Я скажу им там, в Квебеке, что это не я их женщина-демон... Понимаете, здесь ведь не было никаких светлых деревянных домов, когда я здесь появилась... А теперь они есть... Так значит, теперь и пришло время, когда должна появиться эта женщина-демон!

Она замолчала, ее горло словно пережало ледяной рукой внезапного ужаса. Слова, которые она сама только что произнесла, потрясли ее, потому что, несмотря на всю их нелепость, в них была и доля истины, от которой нельзя было спрятаться.

Не считая числа кораблей, стоявших на якоре — в этот день их было не два, а гораздо больше, — перед ее глазами открывалась картина, точно описанная в пророчестве.

Должно быть, она бредит! Если бы только она могла побежать к Жоффрею, она рассказала бы ему все, и он понял бы ее страхи или развеял бы их и посмеялся над ними...

Но отныне она была предоставлена самой себе, и только ей одной открылась спрятанная под покровом

действительности угроза приближающегося адского существа — суккуба, женщины-демона, этого ослепительно красивого создания, которое должно было возникнуть из моря, вскочить на единорога и пронестись по воздуху над Акадией, опустошая и разрушая все на своем пути... Даже в глубине человеческих сердец!

Должно быть, я слишком много выпила! И я так ослабела! Неужели я схожу с ума? Я должна заснуть и ни о чем больше не думать!

Таковы были мысли Анжелики в тот вечер, которым закончился знаменательный день, навсегда занесенный в анналы истории Голдсборо, когда маленькая колония отпраздновала вступление в должность ее нового губернатора.

Когда наступила ночь, Колен снова обратился к своим подданным с платформы и закончил свою речь тем, что бросил в толпу на сто фунтов золотых монет.

Казалось, все были счастливы. И только одна Анжелика чувствовала скрытую угрозу. С того самого момента, когда ее посетило «откровение» на берегу моря, к страданию, вызванному разлукой и ссорой с Жоффреем, добавился еще и страх перед тем, что все они могут сделаться жертвой каких-то злых чар.

Со всех сторон ей виделись явные признаки, подтверждавшие ее предчувствие, а раздававшиеся вокруг смех и пение и кипевшее повсюду веселье смущали и тревожили ее, потому что казались оскорбительно неуместными перед лицом беды, которая, как она ощущала, надвигалась на них — и, может быть, уже настигла их! Может быть, она уже была среди них, как червяк в здоровом на вид яблоке. Суккуб крался среди них, хихикая и бормоча что-то. Крик козодоя показался ей хохотом демона. К кому она может обратиться со своими тревогами?

«Должно быть, я слишком много пила! Завтра я почувствую себя лучше... Завтра я пойду и повидаюсь с Жоффреем. Он должен согласиться увидеться со мной. Он должен сказать мне, что он намерен сделать со мной, пусть он решит хоть отослать, хоть простить меня. Но так больше не может продолжаться... Потому что так мы слабы, и Демон доберется до нас. Но нет, я продолжаю бредить. Нет ничего, на самом деле, ничего, что подбиралось бы к нам над водой! Это ужасно! Мы будем сильнее ее... но мы не должны быть разъединены... Мне кажется, меня лихорадит. На сегодня с меня хватит, я сыта по горло. Прощайте, господа, я оставляю вас с вашими грандиозными планами».

Она переходила от одной группы людей к другой, все еще поющих вокруг зажженных вдоль берега костров, и все они приветствовали ее, когда она проходила мимо. Потом она подошла туда, где стояли рядом друг с другом у крепости Жоффрей де Пейрак и Колен Патюрель, принимая поздравления и выражения благодарности и почтения собравшейся компании. Молча сделав им реверанс, она прошла дальше.

Она шла по тропинке, ведущей к форту, не совсем уверенной поступью, не подозревая о том, что оба мужчины, вопреки своему желанию, провожают ее взглядами.

Прямо под ее окнами, выходящими на центральный двор форта, беседовали несколько моряков, допивавших последнюю кружку.

— Между прочим, нас провели, — сказал один из людей с «Сердца Марии». — Это, конечно, прекрасно: стать поселенцем в таком приятном местечке; но в смысле женщин я не вижу здесь никого подходящего, кроме гугеноток или скво. Все правильно, в Америке нужно зверски работать, чтобы обеспечить себе существование, но не для себя же одного. Мы ведь

думали, что по возвращении домой нас будет ждать обед, а в постели нас будет ждать белая христианская женщина, вот как было условлено! И как раз ЭТА часть контракта мне и нравилась.

Лейтенант Бассомпье ткнул говорящего локтем в бок.

— Не будь слишком жадным, мой мальчик. Ты еще раз видишь, как заходит солнце, а ведь этот день должен был стать твоим последним днем. Сегодня ночью ты будешь держать в объятиях самую прекрасную женщину на свете — Жизнь. И другая скоро появится из-за горизонта, можешь не сомневаться!

— Однако это не меняет того факта, что в настоящее время здесь нет ни одной, и следа даже нет.

— Молитесь, братья мои, — вмешался отец Бор, — молитесь, и Бог даст.

— Хватит, монах, — сказал один из моряков. — Я не хочу тебя опровергать, но можешь ли ты представить себе, как сам Бог сумеет сделать так, что не сегодня-завтра из этого вот песка вырастут двадцать или тридцать достаточно взрослых девиц, подходящих для брака с такими галантными джентльменами удачи, как мы?

— Нет, я не знаю, как это будет, — спокойно ответил священник, — но Бог велик и всемогущ! И все может случиться, если будет на то воля его. Поэтому вознесите молитвы, сыны мои, и Он дарует вам ваших женщин. Бог велик. Бог всемогущ, об этом нельзя забывать. И вот как эти обращенные флибустьеры получили дарованных им женщин уже на следующее утро после всех этих странных событий.

Глава 74

По тропинке, ведущей из Голубой бухты в Голдсборо, бежал человек. Его плащ развевался от порывов ветра, смешанного с дождем, но он спешил вперед, задыхаясь и выбиваясь из сил. Это был Мерсело, бумажная фабрика которого стояла несколько поодаль от поселения.

Добежав до форта, он крикнул часовым:

— Скорее! Торопитесь! В Голубой бухте сел на мель корабль!

Анжелика, которая спала как убитая, была разбужена замелькавшими во дворе форта огнями. Едва начинало светать, и сперва она решила, что это просто продолжаются празднества, но потом всеобщая суматоха заставила ее понять, что происходит что-то необычное. Она быстро оделась и побежала вниз, чтобы узнать, в чем дело.

При свете фонарей Мерсело показывал точку на карте, которую держал перед ним граф.

— Должно быть, они налетели на рифы Мрачного Монаха в устье Анемонового залива, а потом их потащило к берегу в Голубую бухту.

— Но что они делали в этих водах? — воскликнул граф.

— Шторм...

— НО... ШТОРМА НЕ БЫЛО.

Это и в самом деле было удивительно.

Ветер и вправду был сильным, и морс волновалось, но небо опять очистилось, и находящиеся в морс суда должны были достаточно отчетливо видеть линию побережья с горящими на ней маяками.

— Это ловцы трески?

— Кто его знает?!.. Еще слишком темно, чтобы можно было что-нибудь разглядеть, но они так кричат, взывая о помощи, что волосы встают дыбом. Моя жена с дочерью уже спустились вниз, на берег, вместе со слугами и нашим соседом.

Так и случилось, что жители Голдсборо, едва пришедшие в себя после праздничного дня, неспавшие и терзаемые беспокойством, оказались стоящими на побережье Голубой бухты в глухую пору едва забрезжившего рассвета, где они напряженно прислушивались к отдаленным крикам ужаса, доносившимся сквозь серую мглу, среди которой им время от времени удавалось разглядеть над самыми гребнями волн мачты полузатопленного корабля.

Анжелика тоже была здесь вместе с большинством женщин Голдсборо.

Попавшее в беду судно погрузилось в воду уже по самые поручни. Весьма странным было то, что оно до сих пор не затонуло полностью, и течение в узком устье залива бросало его то назад, то вперед между двумя мысами, загораживающими вход в бухту. Каждый раз казалось, что судно разобьется о скалы и разлетится, как тяжелый, переполненный бочонок; но оно снова возникало над поверхностью воды со своими тремя бесполезно кренящимися мачтами, хлопающими парусами и беспомощно свисающими снастями.

Если бы только они сумели продержаться до тех пор, пока подоспеют шебека и катер из Голдсборо, на борту которых находились Жоффрей де Пейрак и Колен Патюрель и которые в настоящий момент огибали мыс Ивернек, пытаясь подойти к ним с моря!

Ветер доносил душераздирающие вопли и крики о помощи, которые угнетали еще сильнее, поскольку за пенящимися гребнями волн никого нельзя было разглядеть на борту несчастного корабля.

Группа моряков и рыбаков, пришедших из Голдсборо пешком, была вооружена крючьями, баграми, якорями, канатами и спасательными веревками.

Трое из них под руководством Ле Галла вскочили в рыбачий ялик Мерсело и, гребя изо всех сил, устремились к жертве кораблекрушения.

Остальные рассеялись по скалам, готовясь оказать помощь любому из терпевших бедствие людей, который попытался бы пуститься вплавь.

— Я пойду приготовлю одеяла, суп и горячее питье, — сказала мадам Мерсело. — Идем, Бертиль.

Анжелика принесла с собой мази и корпию для обработки любых ран и ушибов и бутылку рома. Она уже была готова последовать за мадам Мерсело, когда всего в нескольких кабельтовых от берега прямо на их глазах возник из впадины между волнами некий плот — вернее, его подобие — наскоро сколоченный из досок и привязанных к ним бочек, на котором каким-то ч удом держалась кучка растрепанных, отчаянно кричащих существ.

— Женщины! — воскликнула Анжелика. — О господи! Их увлекает прямо на скалы! Их разнесет на кусочки!

Не успела она произнести это, как жалкий плот, словно движимый каким-то тайным злым умыслом, поднялся дыбом и, ударившись об особенно зазубренную скалу, разлетелся, распался на сотни крошечных осколков, бессовестно вывалив всех в море. К счастью, берег был совсем рядом, и Анжелика и ее подруги бросились в воду, доходявшую им всего до пояса, чтобы спасти тонущих женщин.

Анжелика схватилась за чьи-то длинные волосы как раз в тот момент, когда голова их обладательницы уже исчезала под водой, погружаясь в толстый слой водорослей.

Ей удалось удержать голову едва не утонувшей женщины над поверхностью воды, пока она тащила ее за волосы к берегу.

Это была необыкновенно толстая женщина, и пока Анжелика тащила ее в воде, она не чувствовала ее тяжести, но как только они добрались до песчаной полосы, ей показалось, что она тянет за собой мешок с камнями, который не может сдвинуть ни на один дюйм, что было и неудивительно, потому что спасенная ею жертва весила, должно быть, никак не меньше сотни килограммов.

— Идите сюда, помогите мне! — крикнула она зрителям.

К ней спрыгнул один моряк, потом второй, за ними третий и четвертый.

— Господи, во имя неба, о чем только думала такая женщина, отправляясь в море? — возмутились они. — Такие дюжие создания должны всегда оставаться на земле, как пушки в крепости, и даже близко не подходить к кораблю!

Тем временем мадам Мерсело, ее дочь, ее служанка и слуга помогли выбраться на берег шести другим женщинам. Некоторые из них ужасно дрожали, другие отчаянно плакали. Одна из девушек опустилась на колени и перекрестилась.

— Благодарю тебя, Святая Дева, за спасение наших жизней, — пылко произнесла она.

Все они были француженками, но, судя по их акценту, не канадскими.

— А вот там еще держится Дельфина! — закричала одна из них, показывая на молодую женщину, который удалось как-то зацепиться за скалу и немного вскарабкаться по ней. Несомненно, она была в полном изнеможении, потому что лежала почти без сознания и любая волна могла смыть ее обратно.

Анжелика обежала мыс, обогнув его по кромке до того места, где лежала несчастная девушка, и помогла ей снова спуститься на твердую землю.

— Обхватите меня рукой за плечи, моя дорогая, — сказала она ей, — Я поддержу вас и доведу вон до того дома, где вы вскоре сядете перед хорошим огнем.

Потерпевшая кораблекрушение девушка, хорошенькая брюнетка с одухотворенными глазами, по-видимому, происходила из хорошей семьи. Она нашла в себе силы прошептать своими побелевшими губами, растянув их в слабой улыбке:

— Благодарю вас, мадам. Вы очень добры.

— Вот они!

Этот вопль, полный надежды, вырвался из уст всех присутствующих, когда они наконец-то увидел и белые паруса шебеки и катера, обогнувших мыс Ивернек. Оба судна быстро приближались к попавшему в беду кораблю.

— Много людей еще осталось на борту? — спросила Анжелика у молодой женщины, которую поддерживала.

— По крайней мере, двадцать моих компаньенок и сколько-то членов команды. О Боже, позволь надеяться, что они прибыли не слишком поздно!

— Нет, не поздно! Смотрите, наши корабли подошли к севшему на мель и окружили его с двух сторон.

Уже рассветало, и можно было проследить за всеми этапами спасательной операции.

Ле Галл, вернувшись с лодкой, полной женщин, сообщил, что у тех, кто еще остался там, есть все шансы на спасение.

Несчастное судно, несомненно, погружалось в воду, но достаточно медленно для того, чтобы позволить перебросить оставшихся на нем людей на борт шебеки. Некоторые индейцы из ближайшей деревушки тоже вышли в море на своих пирогах и доставили на берег нескольких женщин, дрожащих и перепуганных не

столько ужасным испытанием, выпавшим на их долю, сколько этими краснокожими физиономиями и украшенными перьями головами. Они доставили еще и юнгу с длинными волосами.

Потом мачты вдруг начали быстро исчезать из виду, погружаясь в волны. Можно было видеть только белые паруса двух кораблей из Голдсборо, которые, как птицы, сновали туда и сюда над обреченным на гибель судном в минуты его агонии. Спасенные женщины стояли на берегу, отказываясь покинуть его, и до последнего мгновения не отрывали глаз от своего корабля.

Когда он полностью погрузился под воду, они начали рыдать, причитать и ломать руки.

Глава 75

Дама Петронелла Дамурт — с «т» на конце, как она настаивала, — та самая толстая женщина, спасенная Анжеликой, затянутая в запасную одежду мадам Маниголь (самую просторную, какую только можно было найти во всем Голдсборо), сидела перед графом де Пейраком и Коленом Патюрелем, пытаюсь объяснить им долгими монологами, прерываемыми не менее долгими периодами неудержимых рыданий, что именно произошло с ними.

Ей была доверена миссия, сказала она, сопровождать («за шестьсот фунтов наличными», как она гордо добавила) группу примерно из тридцати «королевских девушек», посылаемых в Квебек в жены холостым поселенцам, солдатам и офицерам для увеличения населения французской колонии.

— Но ваш корабль направлялся совсем не в Квебек, моя дорогая дама, — заметил граф. — На самом деле вы оказались очень далеко от него.

— Вот как?

Она повернулась к Колену, простые черты которого пугали ее не так сильно, как этот похожий на испанца господин, который спас им всем жизни. Ей казалось, что Колен скорее сможет, понять муки простого и неискушенного сердца.

Он подтвердил то, что сказал граф де Пейрак:

— Вы в стороне от пути на Квебек.

— Но тогда где же мы? В тот момент, когда наш корабль сел на мель, как раз показались огни города.

Она переводила взгляд с одного на другого с выражением ужаса и недоверия на лице, и слезы струились по ее толстым щекам.

— И что скажет герцогиня де Бодрикур, наша благодетельница, когда услышит это?.. О, но я забыла, она уже утонула. Какой ужас! Но нет, этого не может быть! Наша дорогая покровительница! Святая! И что с нами будет?

Она начала рыдать еще сильнее, и Колен вручил ей носовой платок размером с целую скатерть, потому что моряки всегда готовы к любым неожиданностям. Она вытерла глаза и наконец-то справилась с собой.

— Бедная, милая госпожа! И это она, так стремившаяся посвятить жизнь Новой Франции!

Она снова начала рассказывать свою историю, на этот раз с более раннего этапа. Оказалось, что для нее все это приключение началось с того самого момента, когда она поступила камеристкой к герцогине де Бодрикур д'Аржансон. Через несколько лет после этого умер в возрасте семидесяти пяти лет герцог де Бодрикур, который после невероятно развратной и расточительной жизни как-то ухитрился оставить своей вдове прекрасное состояние.

Благородная вдова, дама Амбруазина де Бодрикур д'Аржансон, которая всю свою замужнюю жизнь терпеливо сносила оскорбления, унижения и измены своего супруга, обнаружила, что наконец-то настало время, когда она может делать то, что хочется делать ей самой, а именно: удалиться в монастырь, выбранный ею самой, и там дожидаться смерти, проводя дни в молитвах и умерщвлении плоти, а также посвятить себя под руководством ученых и астрономов изучению математики, к которой у нее был несомненный талант.

Так она вступила как канонесса в монастырь августинок в Туре. Но спустя два года духовник убедил ее в том, что значительное состояние следует использовать в интересах церкви, а не для занятий математикой, и уговорил ее прекратить их. Это именно

он зажег в ней энтузиазм к укреплению благосостояния Новой Франции и обращению ее дикарей.

Тем не менее вдова продолжала испытывать некоторые колебания до тех пор, пока однажды утром, когда она уже полностью пробудилась ото сна, к ней не явилась высокая фигура женщины в белом одеянии и не произнесла совершенно отчетливо: «Иди в Канаду. Я не оставлю тебя».

Она была убеждена в том, что видела Святую Деву, хотя и не могла разглядеть ее лица, и с этого момента посвятила себя помощи этим далеким территориям. Обладая прекрасной деловой сметкой и хорошо зная светское общество, она сумела установить контакт с несколькими министрами, получить необходимые разрешения и организовать компанию, названную «Обществом Богоматери Св. Лаврентия», которая имела то преимущество, что была частично деловым, а частично религиозным предприятием и обеспечивала средства к существованию, предоставив себя в распоряжение короля, губернатора и миссионеров.

Дама Петронелла, которая очень привязалась к своей доброй госпоже и даже последовала за ней в монастырь, пожелала остаться у нее в услужении, несмотря на всевозрастающие трудности и хлопоты, связанные с планами герцогини.

Следовало взглянуть в лицо неизбежному. И вот однажды, холодным майским утром, она вскарабкалась на борт того неустойчивого мира из досок и снастей, который называется кораблем, и погрузила все сто с лишним килограммов своей плоти в трюм этого чудовища, чтобы пройти в нем через тысячу смертей, не столько из-за штормов на море, сколько из-за неуживчивости девушек, порученных ее попечению. Но как она могла оставить бедную герцогиню одинокой и беспомощной перед лицом неизвестности со всеми ее опасностями? Ибо герцогиня де Бодрикур, наведя

справки о наиболее насущных нуждах колоний, узнала, что, прежде всего, колонистам требуются жены.

И в самом деле, по приказу короля все молодые люди в колониях должны были жениться до двадцати лет. В противном случае отцы непокорных юношей обязаны были уплатить штраф и каждые шесть месяцев являться к властям, оправдывая и объясняя неподчинение своих сыновей установленным правилам.

Недавно управляющий провинциями Карлон, весьма энергичный человек, постановил, что всем неженатым канадцам будет запрещено охотиться, ловить рыбу, торговать с индейцами и удаляться в глубь страны или в леса под какими бы то ни было предлогами. Из Европы от министра Короны, самого Кольбера, было получено дополнение к этому распоряжению, в котором указывалось, что всякий человек, возражающий против женитьбы, должен будет платить особый холостяцкий налог. Эти люди будут считаться непригодными для всякого рода почестей и отличий и должны будут носить пришитый на видном месте своего рукава особый знак, указывающий на эту немилость.

После опубликования данного указа из тысячи холостяков, проживавших к тому времени в Квебеке, восемьсот подались в лес.

Пейраку все это было хорошо известно, так как он был знаком с Никола Перро, Мопертюи и его сыном и даже с Л'Обиньером, которые оказались среди первых жертв этого указа.

Что же касается двухсот верноподданных холостяков, которые остались в Монреале и Квебеке, подчинившись своей судьбе, то им нужны были жены, и мадам де Бодрикур пожелала внести свой вклад в это благородное дело. Она сама взяла на свое попечение партию молодых женщин, известных как «королевские девушки», снабдила их приданым и, соревнуясь с королевским «подарком», который должно было

вручить каждой девушке правительство, взяла на себя обязательство оплатить все их расходы в сумме ста фунтов на душу, из которых десять шли на оплату расходов по вербовке, тридцать для экипировки и шестьдесят на проезд и содержание в дороге. Кроме этого, она снабдила каждую девушку сундучком с замком, четырьмя сорочками, полным комплектом одежды (плащом, юбкой и нижней юбкой), башмаками и чулками, четырьмя шейными косынками, четырьмя домашними чепчиками, четырьмя капорами, двумя парами манжет, четырьмя носовыми платками, парой кожаных перчаток, платком из черной тафты, не говоря уже о щетке, гребне и прочих маленьких предметах галантереи.

Таким образом, все они будут достаточно хорошо одеты, чтобы понравиться послушным холостякам, которые будут ожидать их на набережной Квебека в своих лучших нарядах и тяжелых башмаках, выстроившись в два ряда, между которыми прошествуют дамы.

После небольшого приема и угощения, что поможет сгладить неловкость первой встречи, их должны разместить в многочисленных монастырях города, где в течение последующих дней они смогут принимать молодых людей в гостиных под наблюдением и руководством священников, монахинь и дам-патронесс.

— Как вы, должно быть, знаете, мсье Кольбер очень требовательно относится к женщинам, выбираемым для отправки в Канаду, — подчеркнуто отмстила Петронелла Дамурт. — И мы так же, как и он, проявляли большую осторожность при их отборе. Все девушки, которых мы привезли сюда, рождены в законном браке; некоторые из них — сироты, другие из семей, попавших в затруднительные обстоятельства.

Вдобавок ко всему атому мадам де Бодрикур зафрахтовала корабль; король пожертвовал знамя,

украшенное его личной монограммой, а королева подарила картины на священные сюжеты, статуи и тому подобные реликвии для украшения церкви.

Дама Петронелла пошарила в карманах, пытаясь найти там документы, которые доказали бы этим странным и пугающим незнакомцам, с какой тщательностью и благочестием была организована экспедиция.

Она хотела показать им свои точные счета, потому что она сама тщательно составляла каждый пункт для каждой девушки, получила документы, скрепленные подписью специальных уполномоченных лиц, и хранила все это в непромокаемом конверте вместе с письмом от господина Кольбера...

Когда она вспомнила, что на ней чужая одежда и что все ее добро осталось на дне морском, она вновь разразилась потоком слез.

Они не могли ничего больше выжать из нее, кроме того, что, отплыв в самом начале мая на небольшом стопятидесятитонном корабле, направляющемся в Квебек, она обнаружила себя в эти первые дни июля на побережье Мена во Французском заливе, где оказалась в результате постигшего их кораблекрушения.

— А как было имя капитана этого злосчастливого судна?

— Джоб Симон. Такой очаровательный и галантный мужчина!

— Но, похоже, плохой навигатор, — вырвалось у Пейрака. — А где этот ваш капитан в настоящий момент? Где вся команда? Я знаю, что судно было весьма небольшим, но около тридцати человек все-таки должно было быть на борту, чтобы его обслуживать. Где они?

Вскоре это стало абсолютно понятным. Море начало выбрасывать тела, искалеченные от ударов о скалы. Их находили в каждом заливчике, в каждой крохотной

бухточке, и индейцы притаскивали их на своих спинах и укладывали на песок в Голубой бухте. Жоффрей де Пейрак отправился туда, чтобы опознать их с помощью юнги, бретонского паренька, знавшего по-французски всего несколько слов. Парень считал себя невероятно счастливым и оттого, что остался в живых, и оттого, что не потерял свою деревянную ложку — самое главное имущество каждого моряка. Он рассказал, что слышал, как раскололся от удара о риф корпус судна. Потом первый помощник капитана спустил на воду баркас с несколькими мужчинами и женщинами, собираясь направиться за помощью в близлежащий город.

— Какой город?

— Мы увидели огни и подумали, что добрались до Квебека.

— Квебека?

— Ну конечно!

Глава 76

Тем временем Анжелика без устали трудилась весь день, стараясь хоть как-то утешить и привести в себя несчастных жертв кораблекрушения. Сначала она выхаживала потерпевших в морском бою, теперь перед ней были женщины. Тогда перед ней была загорелая, волосатая плоть пиратов, которых она была вынуждена лечить; теперь она имела дело с нежным, гладким, белым телом женщин. Но, не считая этого, отныне она всегда будет вспоминать все эти дни смятения и бед, последовавшие за ее возвращением в Голдсборо, как одно сплошное напоминание о Дантовых кругах ада, где, как он описывает, корчатся в вечных муках обнаженные грешники, где мелькают и кружатся их бесчисленные тела.

Сначала были раненые мужчины, потом едва не утонувшие женщины. После стонов и ругательств мужчин она слышала хныканье и плач.

Теперь Анжелика уже начинала вспоминать о тихой, милой жизни в Вапассу, как о каком-то недостижимом рае.

«Королевские девушки» были в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет. Некоторые из них были крестьянками, но большинство являлись уроженками Парижа, отобранными из воспитанниц сиротского приюта. Анжелика узнала их живой, дерзкий говор, донесший сюда, в эти дальние края Америки, аромат узких извилистых улочек за Шатле или Набережной Цветов, запах Сены, харчевен и лавочек мясников, заставляющий вспомнить грохот карет и повозок по булыжникам парижских мостовых.

Среди них были четыре «барышни» благородного происхождения, предназначавшиеся в жены офицерам;

мавританская девушка с кожей цвета поджаренного хлеба и еще одна, по имени Жюльенна, которая была явной проституткой.

Эта девица с самого начала грубо отвергала всякие попытки помощи со стороны Анжелики, хотя явно страдала от боли, и упорно держалась в стороне от других. Ее спутницы относились к ней весьма прохладно, потому что она была совершенно не на месте в этой партии будущих невест, которые, согласно директивам мсье Кольбера, должны были быть всегда «кроткими, привлекательными, трудолюбивыми, усердными и набожными женщинами».

Дельфина Барбье дю Розо, симпатичная мужественная девушка, брюнетка с черными глазами, подчеркивала это, объясняя, что Жюльенна ни за что не должна была попадать в их общество. В данном случае всему причиной лишь сверхвеликодушное сердце мадам де Бодрикур, ее излишняя щедрость.

— Только вам, благородным барышням, — закричала подслушавшая ее слова Жюльенна, — только вам и говорить о щедрости!.. Вам нужен для ваших платьев атлас по двадцать фунтов за меру, а мы, девушки из приюта, вынуждены довольствоваться самой грубой материей по тридцать су.

Но, несмотря на этот вульгарный выпад, ее попытка вызвать общее возмущение провалилась, потому что все остальные приютские девушки были очень скромными, приветливыми и обладали хорошими манерами, воспитанными монахинями в приюте, а перенесенное бедствие сблизило их с более обеспеченными и отличными от них по воспитанию и происхождению спутницами. Это Дельфина дю Розо придумала соорудить плот и поддерживала и воодушевляла их в самые страшные моменты.

Анжелике негде было разместить своих подопечных, кроме как во все том же сарае из-под

зерна, освободившемся после того, как пленники вернулись на свои места на борту «Сердца Марии».

И теперь вокруг этого строения настойчиво крутились мужчины, разглядывая веревки, увешанные летающими на ветру нижними юбками и лифчиками.

Вдруг откуда-то появился лейтенант Бассомпье, несущий на руках бледное, безвольно обмякшее тело.

В его глазах горело лихорадочное возбуждение.

— Я нашел ее, — объяснил он. — Я нашел ее вон там, среди Голубых скал. Она лежала там, как раненая чайка. Она точно такая, какую я видел в своих грезах. Это она, я уверен в этом. Я часто видел ее во сне; посмотрите только, какая она хорошенькая!

Анжелика взглянула на бескровное лицо, запрокинутое назад под тяжестью длинных белокурых волос, пропитанных морской водой и кровью с набившимся в них песком.

— Мой бедный дружок, девушка мертва... или почти мертва.

— Нет, нет, я вас умоляю, спасите ей жизнь, — молил молодой человек. — Она не умерла. Сделайте для нее что-нибудь, мадам, я молю вас — вас, у которой такие чудотворные руки. Позаботьтесь о ней, верните ее к жизни, помогите ей... Она не может умереть, ведь это та, кого я ждал всю жизнь...

— Это Мари, — сказали несколько «королевских девушек», склонившихся над недвижным, окровавленным телом. — Бедная девочка! Лучше бы ей умереть. Она была личной горничной мадам де Бодрикур и считала ее матерью. Что будет с Мари без

Пока Анжелика, которой помогала старая Ребекка, делала все, чтобы вернуть к жизни бедное изувеченное тело, остальные девушки принялись обсуждать, как могла погибнуть герцогиня, и пришли к выводу, что, скорее всего, это случилось в тот момент, когда она

вернулась в твиндек, чтобы забрать оставшегося там малыша Жанны Мишо.

Жанна Мишо плакала в углу. Ей было двадцать лет, и она была старше всех других девушек. Вдова медника, она так тронула сердце великодушной и доброй мадам де Бодрикур, что последняя уговорила ее отправиться в Канаду вместе с двухлетним сынишкой, потому что там ей будет гораздо легче найти себе нового мужа, чем во Франции. Она ничего не помнила, кроме того, что, проснувшись в темноте от криков и причитаний, тщетно пыталась найти спавшего около нее ребенка.

Она продолжала, прерывая свои слова стонами:

— Это все моя вина. Мое дитя мертво, и наша благодетельница погибла, пытаюсь спасти его. Она была святой и умерла смертью мученицы!

— А мне кажется, что вы все поднимаете дьявольскую шумиху из-за этой проклятой герцогини! — хрипло закричала Жюльенна. — Эта ваша благодетельница, позвольте вам сказать, была всего лишь нудной старой сукой! Что касается меня, то пусть ее забирают к себе ангелы небесные, если им этого хочется, а с меня хватит и ее, и ее подлых выходок, я и так слишком долго терпела!

— Ты говоришь так только потому, что она заставила тебя пойти к мессе, — строго сказала Дельфина, — и заставила тебя молиться и достойно вести себя!

Девушка разразилась хриплым кашлем, потом бросила на Дельфину хитрый взгляд.

— О, я вижу, вы тоже позволили ей загарпунить себя, мисс дю Розо. В конце концов, она заполучила тебя своими «отче наш». Однако же, сначала ты любила ее несколько не больше меня. Но она обвела тебя вокруг пальца.

— Жюльенна, ты возненавидела ее с самого начала, потому что она пыталась спасти тебя, а ты не выносишь всякую доброту.

— Доброту в ее понятии? Еще бы! Я не желаю иметь с ней ничего общего. Сказать вам, что она была за женщина, эта ваша герцогиня?.. Она была дрянью и потаскухой.

Конец ее фразы был заглушен хором возмущенных возгласов и криков, а три или четыре «королевские девушки» набросились на нее в порыве негодования.

Жюльенна неистово боролась с ними, отчаянно жестикулируя и кусая руки, которыми они пытались зажать ей рот.

— Черт подери, я все равно скажу все, что думаю... Вам не остановить меня, суки вы такие!

Ее голос звучал все слабее и слабее, и в конце концов она рухнула на пол, потеряв сознание.

Ее противницы пришли в замешательство.

— Что с ней? Мы почти не прикоснулись к ней.

— Я думаю, что она была ранена во время кораблекрушения, — вмешалась Анжелика. — Но она никого к себе не подпускала. Однако теперь ей придется позволить нам заняться ею.

Но не успела она склониться над необузданной девушкой, как та снова села, уставившись на нее взглядом, полным ненависти.

— Не прикасайтесь ко мне, или я убью вас!

Анжелика пожалала плечами и оставила ее в покое, после чего Жюльенна отползла в угол и там съежилась, как дикое животное.

— Ни в коем случае нельзя было включать подобную девицу в группу, отправляющуюся в Канаду, — снова и снова повторяли девушки. — Из-за нее люди будут считать всех нас негодяйками и воровками, подобными тем, которых посылают на остров Св. Кристофера... Может быть, мы и бедные, но мы не каторжанки...

Мари открыла свои прекрасные голубые, как барвинок, глаза, опущенные длинными золотистыми ресницами, и эти глаза были полны невыразимого ужаса.

— Демоны, — пробормотала она. — Я их вижу, я слышу, как они вопят в ночи... Они нападают на меня... Демоны!.. Демоны!..

Глава 77

Когда в этот вечер Анжелика снова спустилась на берег, в ее уме опять всплыло мистическое пророчество и мысли о его связи с Голдсборо.

Почувствовав чье-то присутствие у себя за спиной, она обернулась, и у нее подкосились ноги.

Это было мифическое животное!

Единорог.

Он стоял прямо, гордо выгнув свою позолоченную шею, и его длинный бивень «сверкал, как кристалл при свете заходящего солнца».

Прибрежная полоса была совсем крошечной, изогнутой в виде полумесяца, и корни окаймлявших ее деревьев смело спускались к самой кромке водорослей. Она замыкала собой узкий фиорд, известный под названием «Залив анемонов», потому что по его берегам все лето цвели разноцветные анемоны. А теперь над гладким белым песком возвышалась длинная шея и голова единорога.

Анжелика подумала, что все это только мерещится ей, и никак не могла найти в себе силы, чтобы позвать на помощь.

И тут из воды возникло какое-то волосатое существо, ревущее, как морской котик. Оно устремилось вперед с воплями, наполняющими собой весь заливчик и отражающимися эхом от окружающих его скал. Промчавшись, как вихрь, мимо Анжелики, существо бросилось на песок перед единорогом, протягивая к нему руки.

— Не прикасайтесь к ней, негодяи! Не прикасайтесь к моей возлюбленной. Я думал, что она навсегда исчезла... Не прикасайтесь к ней, или я убью вас всех!..

Человек был огромен. По его страшному, заросшему бородой лицу струились кровь и вода. Вода, смешанная с кровью, капала с его оборванных лохмотьев, а в глазах горел непонятный, пугающий огонь.

Мужчины, которые прибежали из Голдсборо, услышав шум, с опаской поглядывали на него, сжимая в руках ножи и сабли.

— Назад, негодяи, или я всех вас задушу!

— Мы должны пристрелить его, — сказал Жак Виньо, принесший с собой мушкет. — Он сошел с ума.

— Нет, — вмешалась Анжелика, — оставьте его в покое. Мне кажется, я понимаю, в чем дело. Он не сошел с ума, но ему грозит эта опасность.

Потом она приблизилась к несчастному, который возвышался перед ней, как некий безумный великан.

— Как назывался ваш корабль, капитан? — нежно спросила она огромного человека. — Ваш корабль, который разбился о скалы вчера ночью?

Звук ее ласкового голоса проник в затуманенное сознание Джоба Симона, и по его косматому лицу потекли слезы. Он упал на колени, цепляясь за позолоченную деревянную фигуру с носа его погибшего корабля — фигуру, которая была почти одного с ним роста.

— «Единорог», дама, — пробормотал он. — Мой затонувший корабль назывался «Единорог»!

— Пойдемте, я найду для вас немного еды, — сказала она Джобу Симону, положив руку на его плечо с той нежностью, которая сейчас действовала на обезумевший, истерзанный ум несчастного капитана, как успокаивающий бальзам.

— А как же она, что мы сделаем с ней? — пробормотал он, показывая на вырастающую из песка позолоченную фигуру. — Никто не должен повредить ее, моего Единорога... Она так прекрасна!

— Мы перенесем ее туда, где ей не будет угрожать море... А потом вы сможете поставить ее на носу другого судна, капитан.

— Никогда! Никогда! Я разорен, я погиб, говорю я вам... Но, по крайней мере, у меня есть она, мой Единорог! Разве она не красива? Она покрыта настоящими листьями золота, вот как! Я сам приладил на ее голову рог, этот прекрасный рог нарвала, загарпуненного мною. Такая дивная розовая кость, похожая на штопор!.. Вы должны были заметить, как она сверкает на солнце...

Он говорил, облегчая душу перед этой незнакомой женщиной, которая куда-то вела его, и совершенно не обращал внимания на то, что происходит вокруг. Он доверился ей, позволив обращаться с собой, как с ребенком.

Когда они добрались до дома мадам Мерсело, она усадила его за грубый самодельный стол. В доме любого поселенца Америки всегда кипит на огне какой-нибудь суп или жарится другая еда, и Анжелика дала ему миску тыквенного пюре с фаршированными устрицами.

Человек принялся с жадностью поглощать пищу, вздыхая и заметно приободряясь с каждым глотком.

— Да, вот так уж. Я разорен, — заключил он, очистив до два вторую миску. — Теперь мои кости успокоятся только на корабле, который называется кладбищем. Я сказал герцогине: «Я не много дам за наши шансы в этом деле», но что поделаешь! Она поступает только так, как ей заблагорассудится, эта женщина! Я был уверен, что от этого плавания нельзя ждать ничего хорошего, но ведь в моем возрасте не приходится выбирать, не так ли? Груз девиц — вот до чего я докатился! Девиц для поселенцев в Америке...

— Такое плаванье не могло быть слитком легким, с таким-то количеством женщин на борту!

Капитан так закатил глаза, что видны были только белки.

— Это был настоящий ад! — вздохнул он. — Если вы хотите узнать мое мнение, мадам, женщины вообще не имеют права на существование.

Он затолкал в рот огромную горбушку хлеба вместе с куском сыра, который протянула ему Анжелика, и, энергично пережевывая все это, оглядывал ее своими маленькими острыми глазками.

— И все это для того, чтобы потерять свой корабль на побережье, полном негодяев, устраивающих кораблекрушения! — проворчал он наконец. — И, однако, вы не похожи на бандитку, нет! Вы больше походите на хорошую, порядочную женщину. Вы должны стыдиться сами себя. Позволить своим мужчинам стать негодьями и убийцами!

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что заманивание кораблей на ваши вонючие скалы и убийство дубинками несчастных, пытающихся спастись вплавь, вряд ли можно назвать честным способом пропитания, или вы считаете именно так? Бог и святые на небе накажут вас за это.

Анжелика была совершенно не способна как-то выразить свое негодование по поводу столь оскорбительного обвинения. Она была уже по горло сыта безумием всех этих отчаявшихся и истеричных мужчин и женщин, которые окружали ее последние три дня. Все это было вполне понятно и естественно для людей, едва не погибших в море.

Поэтому она ответила без всякого признака гнева:

— Вы ошибаетесь, мой друг. Мы всего лишь обычные поселенцы, зарабатывающие себе на жизнь торговлей и трудом своих рук.

— Ну хорошо, тогда почему же я повел бы этот проклятый корабль на острые, как иголки, рифы, если бы я не увидел эти огни, прорезавшие ночную тьму? —

проревел он, наклонившись к ней. — Я прекрасно знаю, как это делают негодяи, устраивающие кораблекрушения, как они размахивают фонарями с вершин скал и топят корабли, заставляя их думать, что рядом порт.

Я родом из Уэссена, что на самой оконечности бретонского полуострова.

Я настолько не ожидал, что сяду на мель, что меня сбросило в воду. Потом, когда я добрался до берега и начал карабкаться на него, «они» ударили меня сюда и вот сюда... Смотрите. Это не об камни.

И он отбросил назад свою гриву, похожую на шевелюру морского бога, липкую от соли и водорослей.

Анжелика широко раскрыла глаза, ее сердце замерло.

— Что вы на это скажете? — с триумфом спросил капитан, который пришел в восторг, увидев, как она побледнела и растерялась.

Но Анжелика была поражена не столько видом раны, которую она увидела на голове великана, сколько большим красным родимым пятном на виске Джоба Симона.

«Когда вы увидите высокого капитана с красной родинкой, ваши враги будут рядом!..»

Кто говорил ей это?.. Это был Лопец, маленький португальский пират с «Сердца Марии». Он сказал ей это, когда они были вместе на мысе Макуойт.

Но где Лопец теперь? Он был убит в сражении на борту «Сердца Марии».

Глава 78

Она посмотрела на себя в зеркало. Ночь уже окружила своими темными тенями холодную поверхность венецианского стекла, но последний отблеск заката, просочившийся сквозь окно, бросал бледный свет на само зеркало. Ее лицо показалось ей лицом привидения с горящими глазами.

Ее волосы, серебряным ореолом окружавшие голову, словно сошли с ума. Ветер непрестанно шевелил и путал их, пока она ходила взад и вперед по берегу и встречалась с единорогом; она устала от их бесконечного хлопанья по вискам, теперь раскалывающимся от боли.

«Я заплету их», — решила она.

Анжелика взяла их толстыми прядями, перекрутила, разделила и навела некоторый порядок в этом золотисто-жемчужном хаосе. Роскошные тяжелые локоны теперь лежали на ее плечах, как сверкающий мех. Но она перебросила их обратно, снова распустила, потом опять заплела, после чего подняла и закрепила узлом на затылке, три раза обернув вокруг себя. Их тяжесть на затылке и плечах оттягивала назад ее голову, но в то же время она испытывала облегчение. Она пробежалась по лбу кончиками пальцев.

Кто это говорил ей: «Когда вы увидите высокого капитана с красной родинкой, знайте, что ваши враги близко»?

Она уже вспоминала, кто это был. Ах, да, португальский мулат Лопец на мысе Макуойт в заливе Каско.

Но молодой Лопец умер после битвы на борту «Сердца Марии».

Анжелика, не раздеваясь, бросилась на холодную постель, но не могла забыться настолько, чтобы получить отдых, необходимый после столь изнурительных трудов. Когда опустилась ночь и все больные и раненые получили требуемую помощь, она удалилась, чтобы отдохнуть, о чем умоляла ее Абигель, которая, казалось, была единственным человеком, беспокоящимся за состояние мадам де Пейрак, измученной тяжелой работой последних дней.

Видела ли она своего мужа в этот день? Она и сама уже не знала. У нее больше не было мужа. Он стал незнакомцем, чужим человеком, равнодушным к ее страданиям. Она, как и прежде, была одинока в этом враждебном мире перед лицом подкрадывающейся к ней невидимой опасности. В полном одиночестве она боролась, пробиваясь сквозь хаотическую груды обнаженных тел — то мужских, то женских, — покрытых потом и кровью, с открытыми, зияющими ранами; и все эти отталкивающие человеческие тела сплетались в ее представлении в один нерасторжимый клубок, как в Дантовом аду; и это ужасающее видение, которое затмевало собой даже невыносимое зловоние, время от времени прорезалось грозными символами: позолоченной носовой фигурой единорога, капитаном с винно-красной родинкой, жадно поглощающим пищу, светлыми деревянными домами на розовом, как утренняя заря, песке.

Если бы Жоффрей был здесь, она рассказала бы ему о своих диких мыслях, и он посмеялся бы над ней и успокоил ее.

Но она была одна...

«...Мне кажется, что сцена уже готова, — сказала бы она ему, — и вот-вот должны произойти какие-то ужасные события».

«Какие ужасные события, любовь моя?»

«Не знаю, но мне страшно!»

Она вновь слышала, словно наяву, как голос отца де Вернона говорит: «Когда начинается твориться дьявольщина...»

Она ворочалась на своей холодной постели, жаждая найти хоть какое-то утешение, хоть сколько-то теплоты. Она встанет, найдет его и скажет ему: «Прости меня! Прости меня! Я не изменила тебе, уверяю тебя, но пожалуйста, пожалуйста, не отвергай меня больше!..»

Однако она отчетливо могла представить себе, каким он будет холодным, далеким и неумолимым, как в те дня, когда он был Рескатором. И теперь ей уже казалось совершенно невероятным, что он когда-то был способен так ласкать ее, как невероятным было и то, что вся их совместная жизнь, каждое мгновение ее, могло быть таким чудесным и принадлежащим только им двоим.

«О, любовь моя! Мы были такими веселыми, такими серьезными любовниками. Все эти волшебные, невероятные ночи... Столько смеха, столько радости, когда мы могли смотреть друг на друга не отрываясь, забывая обо всем на свете, без стыда и смущения...

А во время эпидемии оспы, ты помнишь? И особенно...»

Тут ее глаза наполнились слезами, и она снова видела его, его высокую фигуру, склонившуюся перед жалким маленьким существом — Онориной, обиженной Кантором: «Пойдемте, юная леди, поищем какое-нибудь оружие для вас».

«Я привыкла к мысли, что наша любовь будет длиться вечно... Что я была за дура! Наблюдай, ибо не знаешь ты ни дня, ни часа...»

Анжелика начала метаться во сне. Ей снилось, что ее золотая коса выросла до чудовищных размеров и скользит, обвиваясь вокруг ее тела и крепко спеленывая его. И все знаки зодиака кружились и обвивались вокруг нее, как и ее коса, удушая ее, лишая

сил. Потом появился демон с жестокой ухмылкой на физиономии, почему-то напомнившей ей морду Волверины.

У нее вырвался ужасный вопль, она проснулась, ощущая горький привкус во рту.

Эхо от ее воплей еще звенело у нее в ушах. И тем не менее ее тело по-прежнему было наполнено ощущением чувственного восторга, потому что ей снилось, что ею обладает какое-то непонятное, смутно видимое существо — и пугающее, и в то же время странно нежное.

Она вспомнила свой крик, но издала его не она.

Ибо сейчас она снова услышала его, пронзительный крик женщины, прорезавший туман раннего утра.

Анжелика соскочила с кровати, подбежала к открытому окну и выглянула наружу.

По земле, как полосы розового дыма, еще стлался туман, тот туман с моря, который окутывает зарождающийся июльский день, несомненно душный и жаркий. Даже тишина этих первых его часов таила в себе что-то мрачное и сокрушительное.

Сердце Анжелики все еще колотилось неровно и сильно, никак не входя в свой обычный ритм. Эта тишина была столь мертвой, а туман был таким клейким и холодным, что ей снова показалось, будто она спит и видит сон.

Но в это время раздался третий вопль; он донесся со стороны сарая, где ночевали спасшиеся от кораблекрушения девушки.

— Боже милостивый! — воскликнула она. — Что там еще происходит?

Она опрометью выбежала из своей комнаты, растолкала сонного часового, заставила его отпереть ворота и велела одному из испанских солдат, дежуривших снаружи у задних ворот, сопровождать ее.

Туман был таким плотным, что она едва могла разглядеть землю у себя под ногами.

Вокруг сарая беспорядочно сновало множество людей, напоминающих души в чистилище.

Анжелика подросла как раз вовремя, чтобы успеть встать между двумя дюжими молодцами, вооруженными абордажными саблями, которые, не обращая внимания на то, что противника нельзя было разглядеть уже на расстоянии трех шагов, были готовы вступить в единоборство,

— Вы что, с ума сошли?! — закричала она. — С чего это вам вздумалось здесь драться? Вы должны быть на своих кораблях!

— Это все из-за них, потому что они пытались похитить наших жен, — объяснил ей один из нападающих, в котором она узнала Пьера Ванно, боцмана с «Сердца Марии».

— Каких ваших жен, что вы хотите этим сказать?

— Разрази меня гром! Да тех, что сидят в этом сарае.

— А с чего это вы взяли, что они ваши жены, если они появились здесь только вчера?

— Разрази меня гром! Да потому, что милостивый Господь послал их именно нам, понятно? Нам, парням с «Сердца Марии». Так было написано в наших контрактах, и отец Бор велел нам молиться, поэтому мы помолились и...

— Значит, вам точно известны все намерения Господа Бога относительно вас? И вы воображаете, что ему больше нечего делать, кроме как творить для вас чудеса? И этого достаточно, чтобы вы сочли возможным избавиться от какого бы то ни было уважения по отношению к этим несчастным девушкам, заброшенным штормом на наши берега?.. Это уж слишком! И я удивляюсь, бездельник вы этакий, — продолжала она, глядя ему прямо в глаза, — как у вас только хватило

духу повести своих людей на такую вылазку? Когда губернатор, ваш капитан, услышит об этом, вы за это получите.

— Но, мадам графиня, мне хотелось бы обратить ваше внимание на то...

— Нечего! — сердито оборвала его Анжелика. — И что это за безумные понятия забираются к вам в головы?.. Вы отведаете за это кошки, Ванно, позвольте вам сказать, не говоря уже о потере вашей должности.

— Но, мадам, это все из-за тех, других.

— Каких еще других?

Туман уже начинал рассеиваться, и Анжелика наконец заметила группу моряков с «Бесстрашного» — флибустьерского корабля Ванрейка, в которую входили самые отталкивающие члены его команды. Красотка Инес в желтом атласном платье и с коралловым ожерельем вокруг золотисто-коричневой шейки, по-видимому, подбивала их на драку.

— Когда я узнал, что эти подонки с «Бесстрашного» пытаются приставать к нашим... ну, в общем, к этим дамам, я и несколько моих товарищей пришли к ним на выручку, — объяснил Ванно. — Мы не могли позволять, чтобы эти пиратские свиньи, эти флибустьеры с рожами, похожими на имбирные пряники, эти висельники наложили на них свои лапы.

— Чего ради терпеть тебя, ты, здоровый кусок соланины? — отплатил ему его соперник, говорящий с сильным испанским акцентом и еще сжимающий в руке свой длинный сверкающий кинжал. — Ты знаешь закон каперов: в колониях все женщины принадлежат проходящим мимо морякам. Пожалуйста, давайте драться за них, но мы имеем столько же права на эту особую добычу, сколько и вы.

Ванно сделал угрожающий жест, который Анжелика пресекла одним взглядом, не обращая внимания на

острое лезвие, просвистевшее в воздухе всего в нескольких дюймах от ее лица.

Две рычащие и оцетинившиеся группы людей угрожающе колыхались вокруг нее, обмениваясь яростными взглядами и бормоча сквозь зубы проклятия на всех языках мира.

Инес начала подстрекать свое войско к выступлению, обращаясь к ним по-испански, но Анжелика, заподозрившая, что та возглавила эту экспедицию только потому, что из ребяческой ревности захотела доставить неприятность ей, Анжелике, заставила замолчать и ее— и тоже достаточно быстро. Вызывающе наглый вид маленькой испанки не произвел на нее никакого впечатления. Она знала этот тип женщин и умела с ними обращаться. Под столь воинственной внешностью таилась совсем не такая уж скверная душа, и единственная опасность заключалась в том, что они могут вдохновлять мужчин на самые разнообразные глупости.

Ее ум находился в ее чувствах; во всем остальном у нее было не больше мозгов, чем у колибри. Анжелика прекрасно знала, как нужно обращаться с наглыми существами такого сорта.

Она одним взглядом оборвала па полуслове речь Инес, после чего, ущипнув ее за хорошенькое ушко с золотой сережкой, подарила ей насмешливую, снисходительную улыбку. В ответ на это почти материнское отношение девушка потупила голову, потому что, в сущности, она была всего лишь молоденькой мулаткой, оторванной от своих индейских корней и не получавшей в жизни никакого внимания, кроме того, которым дарили ее мужчины, всегда из корыстных побуждений. По сути дела, она была не более как жалкая куртизанка с островов, и надменная и в то же время дружеская снисходительность Анжелики

настолько ошеломила ее, что она неожиданно превратилась в растерянного, сбитого с толку ребенка.

Лишившись поддержки своей пылкой предводительницы, которая убедила их в том, что они не подвергаются никакому риску, пускаясь в эту авантюру, и что она позаботится о том, чтобы уладить все с их капитаном, люди Ванрейка заметно утратили самоуверенность.

В этот момент развеялись последние остатки тумана, и вся сцена открылась окружающим во всем своем великолепии, включая и толстуху Петронеллу Дамурт, представшую перед всеми с непокрытыми редкими волосами и подбитыми глазами, потому что несчастная дама пустила в ход все свое мужество, защищая своих подопечных. И если она и не была излишне проворной со своими ногами, то ее вес, по крайней мере, был на ее стороне. За ее спиной встревоженное выглядывали из-за двери две или три девушки из числа самых любопытных, в то время как все остальные нашли убежище в дальнем конце сарая.

Смертельно бледная Дельфина Барбье дю Розо, обнаженные руки которой почернели от синяков и ссадин, пыталась прикрыть грудь изодранными: остатками своего корсажа. Это она, грубо схваченная похотливыми руками, испустила тот ужасающий вопль, который разбудил Анжелику.

У ее ног лежал человек — один из моряков с «Голдсборо», который был поставлен на эту ночь часовым к дверям сарая и которого безжалостно оглушили и сбили с ног люди с «Бесстрашного», прежде чем выломать дверь. Этот подлый поступок, который в полной мере свидетельствовал о их злостных намерениях, вызвал у Анжелики яростное негодование, которое только усилилось, когда она заметила среди этих головорезов нескольких «своих» раненых, сумевших найти в себе, несмотря на раны и плачевное

состояние рук и ног, достаточно энергии для того, чтобы принять участие в этой веселой экспедиции.

— Это уж слишком! — воскликнула она вне себя от гнева. — Вы все заслуживаете виселицы. Вы просто шайка гнусных подонков. С меня хватит. Хватит, я вам говорю! Если вы будете продолжать в том же духе, я умываю руки и раз и навсегда избавляюсь от всех вас со всеми вашими ослепшими глазами, проткнутыми кишками, вашим гноем и вашим сифилисом! По мне — можете все сгнить заживо... Можете умирать от жажды у меня перед глазами, и я не подам вам и капли воды!

Как вы посмел и так вести себя здесь, в наших краях? Вы что, не имеете понятия о чести? У вас нет ни капли ее! Вы подлый, преступный сброд, пригодный разве что для того, чтобы служить кормом бакланам, и я жалею, что не скормила им вас, когда мне предоставлялся удобный случай.

Они были ошеломлены и подавлены гневом Анжелики, ее неистовыми словами, испуганы ее взглядом, похожим на взгляд разгневанной королевы, и ее властным, высокомерным видом, который еще более подчеркивался строгостью ее новой прически и темно-лилового платья из тяжелого шелка и тем, как она надменно выпрямлялась во весь рост и запахивала свой меховой плащ, презрительно оглядывая их с головы до ног, как сборище неотесанных чурбанов, которыми они, в сущности, и были. Поставленные таким образом на свое место, жалкие представители человечества из команды «Бесстрашного» прикусили языки, и Гиацинт Буланже и его дружок Аристид начали незаметно отступать, намереваясь поскорее скрыться.

— Мсье Ванно, вы были совершенно правы, когда вмешались в это дело, — сказала Анжелика. — Не будете ли вы так добры пригласить сюда отца Бора и аббата Лошме, которые, как я вижу, идут вон там, возможно, направляясь к первой мессе.

Когда священники подошли, Анжелика изложила им недавние события, рассказав о поведении моряков, и в заключение добавила:

— Я оставляю их вам, отцы. Попробуйте внушить им, что они вели себя так, как не подобает нести себя ни одному христианину, и что они заслужили суровую епитимью. А я должна пойти сообщить о случившемся мессир де Пейраку.

Бретонский капеллан обрушил на головы всех провинившихся град проклятий, предупреждая свою паству, что ее ждут все муки ада, а монах решил повести оба экипажа к мессе, предварительно выслушав их исповеди.

Моряки, повесив головы, вложили ножи и сабли в ножны и с тяжелыми, полными раскаяния сердцами, едва волоча ноги, потащились за священниками на вершину холма.

Глава 79

В каюте «Голдсборо» Жоффрей де Пейрак только что закончил деловое обсуждение, которое он проводил здесь с Джоном Ноксом Мазером, его помощниками и английским адмиралом. Колен Патюрель тоже присутствовал, как и Д'Урвилль, Берн и Маниголь. Догоревшие свечи свидетельствовали о том, что их зажгли задолго до рассвета: корабль в Бостон отплывал с приливом.

Анжелика заставила Энрико доложить о ее приходе. Ей стоило некоторых усилий выяснить, где проводит ночи ее муж. Теперь она знала, что он ночует на «Голдсборо» — в том логове, которое он занимал, когда был Рескатором.

В целом она была даже довольна тем, что события вынудили ее действовать и снова занять свое прежнее место в их мужской жизни. Раз уж он не изгнал ее, она снова встанет на свою прежнюю позицию, и ему ничего не останется, кроме как снова заговорить с ней. Это позволит им во всем разобраться и выяснить все недоразумения. В эти ранние утренние часы Анжелика испытывала необыкновенный прилив сил и была готова вновь управлять своей судьбой.

Увидев ее, все мужчины встали, удивленные и молчаливые, потому что каждый из них, на свой особый лад, отводил этой необыкновенной женщине определенное место в самых тайных своих помыслах и каждое ее появление вносило в их жизнь новое очарование и смысл.

Поприветствовав их, она спокойно и четко рассказала об инциденте, в результате которого две команды дошли до рукопашной, потому что одна группа сочла женщин своей законной добычей, а другая заняла

довольно оригинальную позицию, уверовав в то, что сам господь ниспослал им этих девушек, которые должны стать их законными, венчанными супругами.

— Какая блестящая мысль! — воскликнул Пейрак, поворачиваясь к Колену. — Конечно же, чудесное появление этих женщин может положить конец недовольству некоторых ваших людей, которые чувствуют себя разочарованными на этот счет. Губернатор, это решение, которое вы должны принять. Мы не можем поддерживать идею отправки этих девушек в Квебек, если даже это и считалось их предназначением. В нашем распоряжении нет для этого ни времени, ни средств. Я собирался отослать их в Порт-Ройял, но разве то решение, которое придумали ваши люди, не может оказаться самым мудрым и самым приемлемым для всех заинтересованных? Их субсидировала частная компания, и вполне вероятно, что никто из французских поселенцев Акадии — во всяком случае из тех, что влачат довольно жалкое существование, — не пожелает возложить на себя ответственность за них. Если они захотят остаться здесь, то очень хорошо: мы будем приветствовать их как будущих жен наших французских колонистов.

Колен Патюрель встал, скатал карты и свитки пергамента и убрал их в огромные карманы своего камзола. Теперь он был одет строго и со вкусом, что, однако, не исключало некоторых уступок роскоши, требуемых его новым положением. Его жабо и кружево на манжетах сверкали ослепительной белизной, манжеты, воротник и карманы коричнево-красного камзола были отделаны вышивкой, а в глубоком вырезе камзола виднелся жемчужно-серый парчовый жилет. Анжелика едва узнала его из-за короткой, аккуратно подстриженной бороды и сосредоточенного, серьезного выражения лица. Он уже стал совсем другим человеком, широкие плечи которого, казалось, без

всякого труда несут на себе возложенную на них ответственность.

Он взял под мышку свою круглую шляпу из бобрового меха, отделанную черными перьями.

— Я, со своей стороны, тоже за то, чтобы оставить девушек здесь, — заявил он, — но Квебек может счесть оскорблением то, что мы радушно приняли ожидаемых ими гостей, и власть предержавшие могут счесть это за захват. Мы не рискуем благодаря этому еще сильнее испортить наши отношения с Новой Францией, мессир де Пейрак?

— Предоставьте это мне. Если они выскажут претензии, я укажу им, что следует доверять свои транспорты кормчим, которые не будут их терять. И кроме того, наши отношения с Новой Францией уже так натянуты, что еще один инцидент не имеет никакого значения. Любая мелочь в любое время может послужить предлогом для войны или мира. Но одно определено: теперь я больше не боюсь их. И это я решаю, оставаться мне или нет в добрых отношениях с ними; и мое мнение таково, что если ветер удачи пригнал к нашим берегам этот очаровательный груз как раз в то время, когда мы в нем так нуждались, мы должны рассматривать это как знак неба. В этом я целиком согласен с вашими людьми.

— Кстати, — заметила Анжелика, — я хочу, чтобы этот Жиль Ванрейк, его Инес и его команда убирались отсюда к дьяволу. Они доставляют бесконечные хлопоты, и если им больше нечего здесь делать, кроме как забавляться за наш счет... Мне удалось пристроить их под присмотр священников. Полагаю, что в течение времени, которое требуется для служения мессы, они не совершат новых бесчинств, но что будет потом?.. Мне очень жаль, капитан, — продолжала она, осознав, что Ванрейк тоже присутствует, — мне очень жаль, что я так резко высказала вам все это прямо в лицо, но вы

знаете так же хорошо, как и я, что ваши карибские моряки отнюдь не мальчики из церковного хора и что мало кто из них может долго находиться в порядочном обществе...

— Ладно! Ладно! — простонал флибустьер. — Я уйду, я ранен в самое сердце, — добавил он, кладя руку на грудь страдальческим жестом.

— Давайте вернемся на берег, — сказал Пейрак в заключение.

Анжелика, которая поднималась по берегу рядом с Ванрейком, попыталась смягчить впечатление, произведенное ее резкими замечаниями.

— Поверьте мне, мсье, в другое время я была бы просто в восторге от вашей компании, потому что вы просто само очарование. И я знаю, как ценит вашу дружбу мой муж. Вы были рядом с ним в стольких битвах, и вот теперь только что...

— Там, в Карибском море, мы были Прибрежными Братьями, а это нечто такое, что связывает людей на всю жизнь.

Вглядываясь в несколько полноватую, однако невероятно подвижную фигуру французского авантюриста, Анжелика подумала о том, что перед ней еще один человек, который был частью неизвестной ей жизни Жоффрея. У них двоих было так много общих воспоминаний, в которых ей не было места. Он знал и Кантора и часто с нежностью упоминал об «этом парне» или «мальчике».

Конечно, в любое другое время, как она и заверила его со всей искренностью, она с восторгом поболтала бы с ним о своем муже и сыне, о их прошлой жизни, но теперь она была просто не в состоянии справиться с собой и была вынуждена признать это.

— Я бесконечно устала от ухода за всей этой публикой. Их судьба слишком глубоко волнует меня, и я

живу в постоянном страхе перед какой-нибудь новой ссорой, которая опять увеличит список раненых.

Он бросил на нее понимающий взгляд.

— Вы можете добавить к этому, что ваше сердечко тоже ранено и это очень угнетает вас, не так ли? Да, это так! И если кто-то не способен заметить... Ну, ну! Я знаю женщин. Скажите-ка мне, молодая женщина, скоро ли вы с вашим мужем намерены покончить с этой ссорой? Ну, ну! И что страшного в таком маленьком развлечении? Этот швейцарец, конечно, наболтал, тут я согласен! Если бы он не оказался там в самый неподходящий момент, все миновало бы, как одно мгновение. Это же всего лишь маленький грешок, пустячок, если поразмыслить над этим. Значит, вы проделали маленькую дырку в брачном контракте?.. Ну так что же! Что за беда! Вы слишком привлекательны, моя прекрасная дама, чтобы не позволять время от времени случаться таким вещам то тут, то там. Вы должны пойти и увидеться с ним и все ему объяснить.

— Как бы я хотела, — с горечью ответила Анжелика, — чтобы мой муж разделял вашу безмятежность. Потому что он и вправду мне дороже всех в этом мире, но он не легковверный человек... И даже я... иногда чувствую страх перед ним.

— Там, где дело касается вас, он, безусловно, так же непреклонен, как англичанин, и так же ревнив, как сарацин.

Хотя вы и относитесь ко мне с подозрением, мне хотелось бы, чтобы вы знали, что я ваш верный друг и настолько предан вам, что пытался убедить мессира де Пейрака и показать ему, как необоснован его гнев или, вернее, как он неразумен в применении к вам. Я пытался заставить его понять, что существует особая порода женщин, которых мужчины, даже самые щепетильные в вопросах чести, должны непременно прощать. «Возьмите хотя бы мою Инес», — сказал я ему.

— О, полно, — запротестовала Анжелика с некоторым раздражением, — не путайте меня с вашей Инес.

— А почему бы и нет? Я знаю, о чем говорю. При всем том, что вы — знатная дама, а она всего лишь маленькая язва, вылупившаяся из какой-то раковины в тропическом море, обе вы принадлежите к одной и той же исключительной, прелестной породе женщин, которые благодаря своей красоте, своему любовному искусству и еще чему-то таинственному, известному как очарование, способны заставить мужчин простить Создателю то помрачение ума, которым он страдал в тот день, когда решил создать Еву из ребра Адамова.

«Так вот, вы должны понять, — сказал я ему, — вы должны понять, что есть женщины, которым мы, мужчины, вынуждены прощать некоторые промахи, ибо если мы не делаем этого, мы рискуем оказаться наказанными гораздо более сурово, чем провинившаяся женщина. Дело в том, что когда человеку настолько повезло, что ему сдали козырного туза в игре Любви, он должен извлечь из этого все, что можно, и благодарить за это всех богов. Потому что слишком много других людей живут всю свою жизнь, имея на руках одни лишь второсортные карты...»

— Могу себе представить, какое впечатление произвели ваши правдоподобные и безнравственные аргументы на моего вспыльчивого мужа, — ответила Анжелика с печальной улыбкой.

Незадолго до этого, когда в каюте «Голдсборо» он снова сделал вид, что не замечает ее, и, принимая подобное отношение, она почувствовала, что он ранил ее глубже, чем ему это удавалось до сих пор. Эта встреча лишила ее всякого мужества, и она уже чувствовала себя измученной и усталой; что же будет с ней вечером, после дня, который не принес ей никакого

облегчения, когда она опять останется одна со всеми этими страхами, вновь обступившими ее?..

Все было гораздо серьезнее, чем представлял себе Ванрейк.

Он не знал одного: если Пейрак отвергнет ее, она этого не вынесет. Она умрет от этого. И страх перед этим сковывал ее обычную импульсивность и предприимчивость.

— Но что вы сделали для того, чтобы так задеть его за живое? — воскликнул Ванрейк, изучая ее своими блестящими черными как уголь пронизательными глазами. — Это просто непостижимо!.. Никогда бы не подумал, что такой великий пират, как он, может оказаться столь уязвимым — с его-то жизненным опытом, знанием философии, науки и привычкой к превратностям жизни, ее взлетам к падениям! Он произвел на всех нас огромное впечатление как на острове Тортуга, так и в Мексиканском заливе, и женщины сходили по нему с ума, потому что он-то, казалось, ни капли не интересуется ими. Но я вижу, что едва ему стоят увидеть вас, как он пасует. Должно быть, обладать вами — это значит действительно испытать что-то такое... незабываемое, изумительное...

— Капитан, сдержите ваше воображение, — смеясь, прервала его Анжелика. — Увы, я всего лишь простая смертная!

— Слишком! Слишком простая смертная. Как раз настолько, насколько требуется нам, мужчинам. Ну, хорошо! Мне все-таки удалось заставить вас рассмеяться. Еще не все потеряно. А теперь послушайте моего совета. Не говорите больше обо всем этом деле и не думайте о нем! Пойдите к исповеди. Всегда хорошо начать с поиска прощения у Бога. А что касается вашего мужа, то только скользните в его кровать однажды ночью, выбрав удобный момент

и не предупредив его, и я гарантирую вам отпущение грехов.

— Я начинаю думать, что вы и вправду настоящий друг, — сказала Анжелика, чувствуя, что ее настроение значительно улучшилось. — А теперь, после того как я сказала вам это, мой дорогой Ванрейк, я снова хотела бы предложить вам поднять парус, если вам больше нечего здесь делать, кроме как чинить разбитые сердца. Ветер вам благоприятствует, туман поднялся, а что касается меня, то с меня хватит проводить все дни с рассвета до темноты, перевязывая раны людей, рвущихся перерезать друг другу глотки. Если вы не выйдете в море со следующим приливом, ваши забияки с Тортуги устроят здесь новую кровавую баню.

Раненые из вашей команды уже на пути к выздоровлению, и я спокойно могу передать их вам, чтобы они могли принять участие в ваших будущих экспедициях. Они вполне в состоянии это сделать.

Дама Петронелла Дамурт не столько бежала, сколько катилась к ним в величайшей спешке, с всклокоченными волосами и полными слез глазами.

— Ах, мадам, пожалуйста, помогите мне, девушки сошли с ума! Я просто ничего не могу с ними поделать. Они говорят, что побегут отсюда пешком через лес, бог знает куда!

Глава 80

— Ну так что ж, девицы, хотите вы или не хотите выйти замуж?

Голос Колена, прогремевший под сводами сарая, и его высокая фигура, появившаяся на пороге, разом оборвали плачи и причитания. Если бы рядом с ним не было Анжелики, наиболее впечатлительные из девушек умерли бы от страха. Но поскольку она была тут, они бросились к ней, окружив плотным кольцом, потому что ее присутствие, присутствие женщины, успокаивало их.

— Ну, мои дорогие, что тут происходит? Отчего весь этот шум? — спросила их Анжелика с самой благожелательной из своих улыбок.

— Скажите мне все, — сказал Колен, ударяя себя по широкой груди. — Я здешний губернатор и обещаю вам, что все негодяи, напугавшие вас, милые дамы, будут сурово наказаны.

Они немедленно принялись излагать свои впечатления, говоря все разом и обрушивая на него целый ворох сообщений от: «Я ничего не слышала, я спала» до: «Какой-то мерзкий мужчина схватил меня за руку и вытащил наружу... Я не знаю, что ему было нужно от меня...»

— От него воняло ромом, — сказала в заключение Дельфина Барбье дю Розо, сопровождая свои слова гримасой отвращения, потому что в результате злой иронии судьбы именно она, одна из «барышень», была первой схвачена подонками и подверглась наиболее грубому обращению во время всей этой потасовки. Чувство собственного достоинства помогало ей сдерживать слезы унижения.

Анжелика вынула из-за пояса гребень и сделала все, что было в ее силах, чтобы привести в порядок волосы

бедной девушки. Потом она утерла распухшие носы и глаза, расправила складки на шейных косынках и корсажах и в конце концов решила послать за большой миской бульона и хорошим вином, которое в глазах всякого француза является панацеей от всех бед.

Тем временем Колен Патюрель продолжал расспрашивать и выслушивать жалобы, наклоняясь с высоты своего роста к этим юным созданиям, повествующим о своих горестях. Его грубоватая, располагающая внешность наряду с тем вниманием, которое он им оказывал, постепенно успокоили девушек, и даже Дельфина, оскорбленная тем, что он включил и ее в число «девиц», когда впервые обратился к ним, теперь смотрела на него с доверием.

— Ох, пожалуйста, сэр, пожалуйста, доставьте нас в Квебек, мы вас умоляем!

— Но только по земле! Мы больше не желаем и ногой ступить на борт корабля, ни за что в жизни!

Бедные девушки! Было очевидно, что они и понятия не имели о том, что такое Канада, разве что когда-нибудь слышали упоминание об Акадии и Новой Шотландии, и с трудом можно было допустить, что хоть одна из них знает о том, что земля круглая, или хоть когда-нибудь видела в глаза карту.

Колен, пообещав им, что все неприятные типы, которые докучали им в это утро, покинут округу до наступления сумерек, начал рассказывать о поселении Голдсборо, к которому, кажется, сам Господь направил их каким-то необъяснимым чудом — впрочем, все чудеса всегда необъяснимы — в тот самый момент, когда несколько французских моряков, достойных людей, решивших зажить здоровой, мужественной жизнью поселенцев, скорбели о том, что рядом с ними нет доблестных жен, которые помогали бы им и скрашивали бы их жизнь.

Это прекрасная часть страны, которая никогда не промерзает зимой, и вообще климат здесь гораздо менее суровый, чем во всей Канаде.

А когда они узнали, что «Подарок короля», о потере которого они так сожалели, всего лишь жалкая подачка по сравнению с тем, что готов предоставить вступившим в брак парам этот добрый и такой красивый губернатор — и им не нужно будет ни вновь пускаться в плавание по бушующим безднам моря, ни путешествовать по лесам, кишасим индейцами и дикими зверями, — на их личиках вновь появились улыбки и они начали обмениваться взглядами, готовые поддаться искушению и принять предложение. Впрочем, раздалось и несколько протестов, сделанных скорее ради приличия, нежели по какой-нибудь другой причине.

— Мне и трем моим подругам были обещаны офицеры, — сказала Дельфина с серьезной скромностью, — В монастыре нас учили, как нужно вести дом, как принимать важных гостей, как разговаривать и приветствовать членов королевской семьи. Я уверена, что от тех, кого предназначали нам в мужа в Квебеке, не пахнет ромом.

— Да, возможно, вы и правы, — согласилась Анжелика. — Более вероятно, что от них пахнет ржаной или маисовой водкой. Следует отметить, что это превосходный напиток, особенно пользующийся популярностью во время длинных, суровых зим. Ну, дамы, — добавила она со смехом, — если вы собираетесь поднимать шум из-за каждого пустяка здесь, в Америке, как же вы справитесь с ирокезами, штормами, голодом и вообще со всем тем, что ждет вас в Новом Свете? И это справедливо для Канады так же, как и для здешних мест. В сущности, там, пожалуй, все обстоит даже хуже, поскольку то место более отдаленное и менее цивилизованное, чем это.

— А как со мной, — поинтересовалась мавританская девушка, — со мной не будут обращаться, словно с рабыней, подобно тому, как, меня предупреждали, обращаются с людьми с темной кожей в Вест-Индии? Я воспитывалась в монастыре в Нейли, где за мой стол и содержание регулярно платила знатная дама. Я умею читать и писать и вышивать по шелку.

Колен добродушно взял девушку за подбородок.

— И ты найдешь себе мужа, моя прелесть, если ты и вправду такая нежная и разумная, какой кажешься, — заверил он. — Я сам позабочусь о том, чтобы ты устроилась как следует. Во всяком случае, мы дадим вам много времени, чтобы вы могли хорошенько обдумать эти предложения и обсудить их со своей наставницей. И если они вас не устроят, мессир де Пейрак без промедления отошлет вас в одно из акадских поселений на той стороне Французского залива, где вас, безусловно, с удовольствием примут.

Дама Петронелла была в страшном затруднении. Она знала гораздо больше, чем ее подопечные, и, будучи вообще-то много хладнокровнее, чем казалась на первый взгляд, она хорошо сознавала, что эти французские поселенцы, густо пересыпанные англичанами, хотя и не были бандитами, промышляющими кораблекрушениями, как уверял Джоб Симон, все-таки вряд ли принадлежали к числу самых преданных подданных французского короля. Кроме того, она тоже не слишком точно представляла себе свое географическое местонахождение, и те карты, которые развернули перед ней Колен и граф де Пейрак, желая убедить ее в том, что Квебек находится отнюдь не рядом, только увеличили ее замешательство и беспокойство.

— Если бы только наша дорогая благодетельница была здесь! — вздыхала она.

— Тогда мы смогли бы открыть настоящий публичный дом! — проскрипела Жюльенна своим вульгарным голосом. — Она понимала в публичных домах не меньше, чем в молитвах, и...

Ее злейший враг, Антуанетта, схватила ее за волосы, и когда девушек разняли, Колен повернулся к Жюльенне и приказал:

— А ну-ка ты, девушка, поди сюда!

Она была единственной из всех, к кому он обращался с такой фамильярностью, и это ясно говорило о том, что он не испытывает никаких сомнений на ее счет, прекрасно зная, что она за птичка.

— Я не могу держать тебя здесь, — сказал он, отведя ее в уголок. — И не потому, что ты проститутка, а потому, что ты нездорова, а мне не нужно, чтобы мои люди болели.

Жюльенна немедленно принялась истошно визжать в знак возмущения и протеста.

— Я, я нездорова? Это неправда! Совсем недавно меня осматривал врач в Шатле, который сказал, что я свежа, как роза. А поскольку после этого я сидела все время взаперти в приюте, то от каких мужчин я могла что-нибудь подцепить, как вы вообразили, чтоб вам пусто было! Мадам Анжелика, идите сюда, помогите мне! Послушайте только, что он говорит... Он говорит, что я гнилая!

— Эта женщина нездорова, — повторил Колен, — только взгляните на нее.

И в самом деле, круглое лицо девушки имело неприятный восковой оттенок, а глаза были обведены черными кругами, как будто она накарсила их черной арабской краской. Кроме того, неестественный блеск глаз свидетельствовал о высокой температуре.

— Не думаю, чтобы она была больна, — сказала Анжелика, — но я уверена, что она пострадала во время кораблекрушения. Однако она упорно отказывается от

моей помощи, и ей становится все хуже. Ну довольно, Жюльенна, дай мне позаботиться о тебе, иначе на карту будет поставлена твоя жизнь...

— Иди к дьяволу... — хрипло ответила девица.

Анжелика дала ей пару пощечин, от которых девушка упала на пол. Несчастное создание едва держалось на ногах.

— Немедленно дай себя осмотреть, — заключил Колен, — иначе тебе не будет никакой пощады. Я сегодня же вечером отправлю тебя вместе с мужчинами на «Бесстрашном».

Лежащая на полу Жюльенна представляла собой невыносимо жалкое зрелище. Ее обезумевшие глаза в панике перебегали с одного человека на другого, пока она тщетно искала выхода.

— Вот чего я боялась, — простонала она, не придумав лучшего довода. — Вы повредите меня, когда будете резать.

Внезапно откуда-то сзади послышался скрежещущий голос Аристида Бомаршана, каким-то образом просочившегося в сарай.

— Только не она, моя красотка, не она! Она не повредит тебя, это я гарантирую. Нет никого, кто бы мог помочь тебе более легкой рукой, чем она. Только взгляни своими глазенками вот на этот образец рукоделия. Зашито что надо, уверяю тебя!

Он проворно развязал шнуровку на своих штанах, чтобы очарованная его властными манерами Жюльенна могла любоваться его жалким белым животом, пересеченным во всю ширину длинным багровым шрамом.

— Только взгляни на это! Так вот, это она, дама Анжелика, зашила меня иголкой и нитками. Да, именно так она и сделала, моя красоточка. Все мои кишки лежали рядом со мной на песке. Так было, и это факт.

— Но это невозможно! — воскликнула Жюльенна, сопровождая свой возглас множеством проникновенных ругательств.

— Все обстоит так, как я сказал. И что же, посмотри на это теперь. А то, что ниже, ТО еще в полном порядке и к твоим услугам, моя красавица!

— Довольно ваших площадных шуток, — вмешалась Анжелика, увидевшая, какой оборот готова принять эта демонстрация. — Аристид, ты гнусный бездельник, и я не посоветовала бы даже самой дочери дьявола или самой последней потаскушке иметь с тобой хоть что-нибудь общее. Это все равно было бы слишком хорошо для тебя и слишком плохо для нее.

— Вы меня обижаете; у меня есть свое достоинство, — возразил Аристид, медленно зашнуровывая штаны... — Я бы даже позволил себе сказать, что вы меня оскорбляете.

— Ну, хватит, — вмешался Колен, отодвигая его в сторону. — Тебя сюда вообще никто не звал.

И, схватив его за воротник, он мощным толчком направил его к дверям.

— Честное слово, от тебя труднее избавиться, чем от вшей. В конце концов мне придется утопить тебя своими собственными руками.

Жюльенна, страшно довольная, задыхалась от хохота.

— Он мне нравится, нравится! Это же необыкновенный человек, настоящий мужчина, я бы сказала.

— Ну что ж, я рада слышать это. Только я предупреждаю тебя, что он самый гнусный негодяй на всем земном шаре.

И Анжелика опустилась на колени перед несчастным, едва живым созданием, которое тем не менее еще ухитрилось найти в себе силы для того,

чтобы выпаливать шутки и раздавать направо и налево оскорбления. Настоящее дитя Парижского Двора Чудес!

— Я знаю, почему ты не хочешь, чтобы я перевязала твою рану, — прошептала она на ухо девушке.

— Вы никак не можете это знать, — запротестовала та с за-

— А я знаю! Я могу предположить... Это из-за того, что ты была заклеена флер-де-лисом!.. Послушай, я обещаю тебе, что ничего не скажу губернатору, но только при условии, что ты будешь хорошо вести себя и делать все, что я скажу.

Выражение ужаса, появившееся на лице бедной Жюльенны, было красноречивее всякого признания.

— Честно, вы не заложите меня? — прошептала она.

— Клянусь, — ответила Анжелика.

Потом, скрестив два пальца и сплюнув на землю, она дважды повторила тайный знак взаимного узнавания, принятый среди членов парижского дна.

Совершенно ошарашенная Жюльенна без звука позволила Анжелике оголить свои распухшие ребра и наложить на них примочки, после чего послушно проглотила все лекарства и настои из трав; она была настолько поглощена жуткими тайнами, поджидавшими ее в этой стране Америке, что забыла даже похныкать.

— Бьюсь об заклад, что этот человек, Аристид, к которому ты прониклась большой симпатией, носит на спине точно такое же украшение в виде лилии, как и ты. Поправляйся скорее, моя девочка. Мы вас поженим... и какая выйдет прекрасная пара!.. Могу поклясться в этом!

Веки Жюльенны стали слипаться, прикрывая ее свирепые глаза, которые, впрочем только из-за крайней усталости, наконец-то утратили немного своей свирепости. Успокоенная поданными лекарствами, она начала засыпать.

— Что у вас тут за смешные люди, — прошептала она, — и вы, мадам, кто вы? Дама Америки... Вы можете видеть то, что скрыто от других. Вам идет эта коса... Вы похожи на тех святых королев, которых можно увидеть... на требниках. Конечно, такая простая бедная девушка, как я, никогда не может быть ТАК счастлива...

Глава 81

Хлопали, разворачиваясь на ветру, флаги. Паруса были готовы наполниться свежим бризом.

Снова все собрались в гавани на набережной.

— Неужели вы не поцелуете меня на прощание? — спросил Ванрейк, протягивая руки к Анжелике. — Даже теперь, когда я отплываю?

Она подбежала к нему и расцеловала его в обе щеки, чувствуя утешение от прикосновения его мужских рук и абсолютно не обращая внимания на то, что за этим проявлением дружбы наблюдает все население Голдсборо, собравшееся в гавани.

Пусть они себе думают, что хотят, эти ревнивцы! Она имеет право поцеловать кого хочет.

— Мужайтесь! — шепнул Ванрейк ей на ухо. — Вы победите! Но помните мой совет. Сначала на исповедь, потом в кровать...

Он помахал своей большой шляпой, украшенной перьями, и вскочил в шлюпку, которая должна была доставить его на корабль,

«Бесстрашный» стоял, трепеща на волнах прилива, дергаясь на своем якорю, как чистокровная лошадь дергается на поводу, стараясь оборвать его, и все его реи были черны от моряков, готовых распустить паруса.

Крики ободрения и приветствия смешивались с четкими словами команды, доносившимися с мостика, где уже занял свое место Жиль Ванрейк.

— Проспер Жарден, вы присутствуете?

— Так точно, сэр, — следовал ответ.

— Мигель Мартинес, вы присутствуете?

— Так точно, сэр!

Проверив таким образом весь список, он сделал плавный жест и крикнул: «Приготовиться! Отдать

швартовы!»

Канаты были отпущены, паруса развернулись и расправились, ослепительно белые и выпуклые на фоне голубого неба, и «Бесстрашный» начал медленно двигаться, лавируя между островами, в сопровождении небольшого катера и шлюпки, на которых провожали своих гостей до выхода из узкого фарватера граф де Пейрак и Колен Патюрель.

На корме стояла прекрасная Инес, махавшая своим веером и желтым атласным шарфом в направлении Анжелики. Теперь, успокоенная относительно чувств, которые питал к ней ее Ванрейк, и снова выходя с ним в море, маленькая авантюристка-мулатка сочла возможным продемонстрировать дружеские чувства к женщине, которую считала своей главной соперницей.

Когда корабль превратился в крошечный белый треугольник у самой линии горизонта, Анжелика вернулась в форт. По пути туда она встретила с человеком, занимающимся травами, и его карибским рабом, которые сидели рядышком на песке и жевали пряную гвоздику. По каким-то сложным причинам они попросили разрешения ненадолго задержаться здесь. Вообще, многие были заняты обменом добычи, полученной после раздела богатств, захваченных на пиратском корабле: драгоценных камней, тканей и всевозможных товаров, и — уникальный случай в анналах каперства — в этом принимал участие сам капитан захваченного судна Патюрель, ранее известный под именем Золотая Борода. В обмен за два бесценных изумруда Ванрейк согласился принять на борт нескольких буканьеров, присутствие которых в Голдсборо было нежелательно. Несмотря на свою лень и ненадежность, они все-таки заменят людей, потерянных в сражении, конечно, при условии, что им будут время от времени показывать веревочную петлю.

Так случилось, что Гиацинт Буланже был вынужден расстаться со своим братом по Берберскому побережью Аристидом, который, уверяя, что его живот еще не окреп, и клянясь всеми святыми, что будет вести себя вполне достойно, упросил оставить его в Голдсборо. «Понимаешь, мне повезло, — прошептал он в волосатое ухо Гиацинта, — потрясающая девушка — Жюльенна! Когда я доберусь с ней, куда мне надо, я дам тебе знать, и тогда ты можешь прийти и забрать меня...»

Значит, не к чему было думать, что они навсегда распростились с «Бесстрашным»! Они опять увидят его со всеми атрибутами, состоящими из черных повязок на глазах, деревянных ног, беззубых ухмылок и пропахшего ромом дыхания; они опять увидят веселых парней с Тортуги с их шляпами с перьями, с их лентами, с тюрбанами из пестрого ситца, с поясами, увешанными множеством сабель, кинжалов, пистолетов, тесаков и устрашающего вида топорами.

Лето только начиналось.

Они опять увидят английское и бостонское суда, которые отплыли на рассвете, и акадские шлюпы, которые отбыли, нагруженные мик-маками и купленными на выручку от продажи привезенного сюда скота предметами роскоши, предназначенными для увеселения дамских сердец в Порт-Ройяле — по ту сторону Французского залива: кружевами, бархатом, отделкой для платьев, духами и мылом, оружием и боеприпасами для обороны французского форта, вышитыми флагами и неожиданным подарком судьбы в виде роскошной дароносицы из позолоченного серебра, захваченной из испанской добычи обращенного пирата. Разве Господь не будет вдвойне почтен этим даром в бедной церквушке самой старой из французских колоний, основанных Шампленом?

Казалось, что какое-то странное спокойствие вдруг снизошло на деревню, жители которой молча

разбрелись по своим деревянным домам.

— О, смотрите! — воскликнула вдруг Северина. — Теперь в гавани стоят на якоре только два корабля: «Голдсборо» и «Сердце Марии». Какой она кажется пустой после того леса мачт, который качался здесь в эти последние дни!

«Два корабля стояли на якоре в заливе»... — услышала Анжелика голос ясновидящей монахини.

Глава 82

«Я пойду к вам, любовь моя. Я должна пойти к вам... — без конца повторяла она про себя. — Я боюсь. Вы мужчина; вы твердо стоите на земле обеими ногами; ваш сон глубок, и ничто не может потревожить его тайну; а я женщина... И благодаря тому, что я — женщина, я могу видеть то, что таится за символами. И то, что я вижу, ужасно! Я больше не могу спать».

Несмотря на то что вновь воцарился мир и покой, несмотря на песенки, которые мурлыкали моряки, слонявшиеся поблизости от обещанных им в жены девушек:

*Однажды, когда я спешил через луг,
Заметил я десять девушек вдруг:
Одна была Дина, другая Чина,
Одна Клодина, другая Марита...*

Несмотря на то что за днями, полными горя и боли, настало время относительного спокойствия, и это чувствовали все жители Голдсборо, Анжелика поймала себя на том, что не может радоваться этому вместе со всеми.

Начинался обжигающий июль, извещавший о своем приходе опаляющим дыханием нестерпимой жары. Он кружил головы неумолчным стрекотом сверчков, жужжаньем пчел, густым ароматом цветов, смолы, перегретых соков. Высокие канделябры розовых, голубых и белых люпинов, густо поднимавшиеся из травы высокими, пологими волнами, напоминали своей удивительной красотой волшебную страну фей. Дикий шиповник смешивался с розами, расцветшими около

домов, и целые тучи изящных маков покрывали берега реки вплоть до самого моря.

Длинные белые силуэты морских птиц скользили в голубом, слегка отсвечивающем розовым, воздухе.

И залив тоже казался розовым, как раскрывшийся цветок, как покорное, уступающее тело...

*Видел Кэтрин, Катринетт,
Пухлощекую Сюзетт,
С герцогинею дю Мейн, —
Видел всех, как божий день...*

И только для одной Анжелики неправдоподобная истома каждого из этих ослепительных дней, вечера после которых были окутаны розовато-лиловыми облаками, окаймленными пламенем, таила в себе медленный яд.

На другой день после отплытия кораблей, после еще одной бессонной ночи, она решила раздобыть себе какое-нибудь оружие, поскольку потеряла свои пистолеты еще во время нападения индейцев на английскую деревню.

Жан Ле Куеннек открыл ей своим ключом дверь в кабинет графа де Пейрака в форте, потому что, когда она случайно встретила молодого человека у арсенала, он сообщил ей, что «Голдсборо» доставил большое количество пистолетов, аркебуз и мушкетов, и граф приказал разместить самые лучшие и современные модели в его кабинете, с тем чтобы он мог на досуге изучить их.

Жан вынул оружие из большого сундука, куда сам же сложил их, и разложил перед Анжеликой на большом столе, где лежали гусиные перья и стояли чернильницы; потом он открыл узкое окно, чтобы стало светлее. Узкая маленькая комнатка была наполнена знакомым ароматом Жоффрея, смесью табачного

запаха и аромата сандалового масла, восточных духов, которыми он пропитывал свою одежду. Это был сильный и в то же время тонкий аромат, несколько тревожащий своей необычностью, которая и не претендовала на всеобщий восторг, но была в совершенной гармонии с замкнутой и в то же время обольстительной личностью пользовавшегося этими духами человека.

— Когда вы увидите господина графа, будьте добры, скажите ему, что я прошу его зайти, — попросила Анжелика Жана. — Я еще не видела его сегодня.

Откликнется ли он на этот призыв, который она передала ему в таких обычных, будничных словах, но с таким тайным сердечным трепетом? Придет ли он?

Она склонилась над великолепным новым оружием, желая рассмотреть его, и, забыв обо всех своих проблемах, погрузилась в его созерцание. Некоторые английские замки носили на себе следы интересных усовершенствований. Оружейный замок — механизм, с помощью которого воспламеняется заряд, имел свои особенности, характерные для каждой страны, в которой производилось оружие. В этих английских пистолетах боек соединялся с кожухом, закрывающим полку, что, безусловно, увеличивало опасность случайного выстрела, но компенсировалось собачкой — небольшим сдерживающим устройством у основания курка.

Однако, несмотря на это несомненное преимущество, Анжелика все-таки предпочитала французский тип замка, поскольку он был ей хорошо знаком. Ее взгляд остановился на длинноствольном скандинавском пистолете с рукояткой из слоновой кости, отделанной янтарем, изящный вид которого доставил ей удовольствие. Его огнестрельная система была скорее устаревшей, но имела одно преимущество

— здесь можно было пользоваться любым, взятым наугад кремнем, в то время как все другие типы замков требовали тщательно вырезанных и калиброванных кремней, производство которых в такой почти нецивилизованной стране, как эта, было достаточно сложным делом.

Она как раз была занята тем, что вертела этот пистолет в руках, изучая его спусковой механизм и объем магазина, когда вдруг почувствовала, что Жоффрей де Пейрак уже вошел в комнату и стоит у нее за спиной.

— Я пришла, чтобы подобрать себе несколько пистолетов, — сказала она, слегка повернув к нему голову, — я потеряла свои в Невехеванике.

Она почти ощутимо чувствовала на своем затылке тяжесть его взгляда и снова поняла, как она слаба перед ним, потому что, несмотря ни на что, из самой глубины ее существа поднималась тайная радость, вызванная самим фактом его присутствия.

Он едва узнал ее со спины, хотя Жан и предупредил его, что мадам де Пейрак в его кабинете.

Заложненное глубокими складками платье из фиолетовой тафты и золотая коса, свернутая узлом на шее, совершенно изменили ее. На какое-то мгновение у него появилась мысль, что, должно быть, откуда-то прибыла незнакомая дворянка, какая-то неизвестная ему знатная дама... Но откуда она могла здесь появиться?.. Тем не менее так много самых разных людей высаживалось в эти дни в Голдсборо, что все было возможно!

Это впечатление было мимолетным, но в то же время таким пикантным! Но по той ловкости и умению, с которыми «незнакомка» обращалась с пистолетами, он безошибочно узнал ЕЕ. Только одна женщина на всем белом свете умела обходиться с оружием с такой фамильярностью — Анжелика.

Точно так же, как во всем мире только у нее одной были такие прекрасные плечи.

Он подошел поближе.

— Нашли ли вы что-нибудь подходящее для себя? — спросил он голосом, который ему хотелось сделать безразличным, но который ей показался просто ледяным.

— Да, и в самом деле, — ответила она, вынуждая себя сохранять спокойствие, — я никак не могу решиться на что-нибудь определенное. Некоторые из этих образцов, кажется, будут превосходны в стрельбе, но они громоздки; другие изящны и красивы, но имеют недостатки в конструкции, которые могут оказаться опасными.

— Вам трудно угодить. На этом оружии стоят клейма лучших оружейников Европы: Турена из Парижа, Абрахама Хилла из Англии, а этот пистолет из слоновой кости прибыл сюда от Мاستрихта из Голландии. Посмотрите на эту голову воина, вырезанную на прикладе...

— Он, безусловно, красив.

— Но вам он не нравится

— Я привыкла к своим старым французским пистолетам со всеми их побрякушками — винтами, ключами, кремнями — которые надо постоянно таскать в кармане и которые легко могут испариться, но зато дают такую возможность блеснуть искусством обращения с ними...

Она чувствовала, что оба они похожи на актеров, исполняющих свои роли в пьесе и произносящих требуемые по ходу действия слов. Ни один из них не придавал никакого значения тому, что говорил, но тем не менее оба продолжали игру.

Граф де Пейрак, казалось, немного поколебался, потом повернулся и направился к полуоткрытому сундуку. Вернувшись к столу, он положил перед ней

длинную коробку из инкрустированного красного дерева.

— Вот что я велел Эриксону привезти для вас из Европы, — отрывисто произнес он.

В центре крышки была инкрустирована золотом большая буква «А», завитки изгиба которой образовывали медальон, переплетаясь с цветами из эмали и перламутра. Те же цветы располагались в виде букетов по обе стороны буквы. Это было настолько тонкое произведение искусства, что Анжелика могла отчетливо разглядеть каждую, самую мелкую деталь каждого цветочка, вплоть до изящных пестиков из золотой или серебряной филиграни и жилок на зеленых эмалевых листочках.

Анжелика положила пальцы на кованый замок. Поднявшаяся крышка открыла взору обитую зеленым бархатом внутренность футляра, в котором лежали два пистолета и принадлежности к ним — пороховой рожок, щипцы, пороховницу и форму для пуль.

Все было изготовлено из самых лучших материалов и носило на себе отпечаток элегантности, изящества и красоты.

Анжелика с первого взгляда поняла, что это оружие было задумано, сконструировано и изготовлено для нее.

Каждая его деталь, выполненная с кропотливым усердием, свидетельствовала о том, что оружейник, кузнец и гравёр, которые трудились над этим прекрасным произведением, старались вызвать восхищение той женщины, для которой оно предназначалось. И этой женщиной была она, Анжелика, находящаяся на другом краю света.

Вне всякого сомнения, они получили особые, тщательно разработанные инструкции и, должно быть, работали по подробным планам и чертежам, составленным самим графом Пси-раком, которые были переправлены через океан и вручены им в Севилье или

Саламанке, Риволи или Мадриде. И поскольку эти инструкции были дополнены увесистыми кожаными кошельками, до отказа набитыми золотыми дублонами, они старались вложить всю душу в выполнение этого необычного заказа — пистолетов для женской руки.

«Какой чудесный дар, — подумала Анжелика, — и он приготовил его специально для меня... с любовью... с любовью! Он хотел вручить мне этот подарок этой весной в Голдсборо!»

Когда она вынимала из коробки пистолеты, ее рука дрожала. Понадобится некоторое время, чтобы подлостью оценить все великолепные качества этих удивительных образцов оружия. Они были предназначены не только для того, чтобы она могла защитить себя с максимальной быстротой и наименьшими неудобствами (а заряжать огнестрельное оружие тонкими женскими пальчиками совсем не простое и не легкое дело!), но и для того, чтобы удовлетворить ее вкусы.

Как она могла не прийти в восторг от этих инкрустированных букетов цветов, которыми была украшены и блестящие приклады, сделанные из дерева цвета красною янтаря!

Дула были длинными, из редкостной испанской стали, в которую добавляли масла, чтобы получить синеватый оттенок и предотвратить предательские отблески света, которые могли бы выдать затаившегося в засаде стрелка. Внутри они были нарезными для того, чтобы обеспечить точность стрельбы, а у выходного отверстия — гладкими.

«Как хорошо он знает, что я люблю, как хорошо он знает, что именно может доставить мне удовольствие!»

Что же касается замка, то он был просто чудом! Соединенные в одно целое боек и кожух полки позволяли избавиться от четырех подвижных деталей, обеспечивая таким образом значительное упрощение

механизма и гарантируя открытие соответствующего отверстия только в тот самый момент, когда происходило соприкосновение бойка и кремня. Между двумя серебряными завитками пряталась главная пружина, и то, что она закреплялась снаружи пистолета, а не внутри, как обычно, придавало ему особую мощь. Трудность пуска пружины в действие облегчалась наличием кольца на нарезном винте, регулирующем зажим. Мало того что это кольцо точно соответствовало размеру указательного пальца Анжелики — это она установила сразу же — благодаря чему она могла без особых усилий отпустить пружину, она могла регулировать зажим вручную, не прибегая к помощи громоздкой отвертки или еще какого-либо инструмента, которые нужно повсюду таскать за собой, и которые, как она успела заметить, имеют привычку постоянно теряться.

И, наконец, курок имел у своего основания небольшой выступ, на который непосредственно действовала пружина, что позволяло обойтись без промежуточной вертушки, и, таким образом, ликвидировало еще одну лишнюю деталь. И в дополнение ко всему этому ансамблю механизмов, выполненному и собранному с часовой точностью, здесь имелся еще и скользящий затвор, ставить который в те времена хватало смелости или умения только у очень немногих оружейников, но который позволял делать подряд несколько выстрелов без перезарядки и без всякого риска.

За всеми этими достоинствами прекрасного подарка Анжелика видела своего мужа, склонившегося над бумагами тайком, поздней осенью, перед самым отплытием корабля, когда он со своим обычным вдохновением быстро и решительно набрасывал линии чертежей, дополняя их формулами и множеством цифр,

которые должны были в сжатом виде передать основные черты этого шедевра.

Должно быть, он размышлял, каким материалом лучше воспользоваться: металлом — медью или серебром? — или слоновой костью?.. Он избрал дерево, потому что оно было легче металла и не было таким хрупким, как слоновая кость; должно быть, он специально выбрал и изогнутый по-турецки приклад, сильно сужавшийся на изгибе, что позволяло пальцам крепче сжать его и держать, не чувствуя усталости.

Она узнавала его руку и в двойном предназначении «зажима», который, если убрать кремень и как следует зажать его, мог служить в качестве ударника, воспламенявшего заряд пороха, секрет изготовления которого был известен одному только графу. Все это составляло совершенно новый способ стрельбы.

Что же касается орнамента и инкрустации, то это ДЛЯ НЕЕ он выбрал цветы.

К ее горлу подкатил комок, и пытаясь справиться с ним, она спрашивала себя, почему он решил сделать ей этот подарок именно сегодня утром? Было ли это знаком примирения? Хотел ли он этим дать ей понять, что период остракизма, которому он ее подверг, приходит к концу?

Стоявший у окна Жоффрей ДЕ Пейрак пытался прочесть мысли Анжелики по ее чувствительному лицу, не отрывая от нее взгляда, который был гораздо более жадным, чем ему хотелось бы.

Розовая волна, окрасившая ее белые как мел щеки в тот момент, когда она подняла крышку футляра, сменилась выражением изумления при виде красоты пистолетов. Он не мог устоять перед соблазном вручить ей этот подарок и доставить это удовольствие. Ему так хотелось сделать ее счастливой хотя бы на миг!

Она закусила нижнюю губу, и он увидел, что ее длинные ресницы затрепетали.

Потом она наконец повернулась и, взглянув на него своими изумительными глазами, прошептала:

— Как мне отблагодарить вас, мой господин?

Он вздрогнул, потому что эти слова напомнили ему, как он впервые сделал ей подарок — изумрудное ожерелье в те давние, незапамятные времена в Тулузе. И она, возможно, тоже подумала об этом.

Он ответил сухо, почти надменно:

— Не знаю, заметили ли вы, что замок здесь особого типа. Внешнее размещение пружины придаст выстрелу гораздо большую силу, а рука защищена специальным выступом.

— Я вижу.

Этот выступ был украшен саламандрой или длиннохвостой ящерицей, чей золотой язычок из филиграни был направлен в сторону красного эмалевого мака на прикладе. Вообще-то говоря, это была именно саламандра, потому что сделанное из слоновой кости тельце этого существа было усеяно крапинками из нефрита. На обратной стороне замка был выгравирован букет ландышей, тоже с невероятным мастерством и изяществом, а курок, которому мастер с той же тщательностью придал форму головы маленького свирепого мопса, был украшен глазом из золотистого стекла, ярко сверкавшего на свету.

Однако за всей этой красотой и утонченностью скрывался чувствительный, неумолимый механизм.

И пока она перебирала своими проворными пальчиками различные части оружейного замка, прикасаясь к ним с той знакомой легкостью, с которой умела взяться за самые неожиданные задачи, он был поглощен созерцанием ее красоты, и контраст между ее нежной женственностью и деловитостью, с которой она обращалась с оружием, заставил его затаить дыхание.

Сквозь открытый вырез ее корсажа он видел ее жемчужную кожу, которая казалась еще более светлой от того, что ее окружали тени и она так мягко, незаметно исчезала в теплой темноте, исполненной тайны.

И вот в этой-то молочной нежности женского тела, в этой хрупкой, гладкой округлости он и видел символ ее слабости, уязвимости ее пола.

Нежногрудая женщина, — вот кем она была, вот кем она оставалась, какой бы грозной она ни казалась с оружием в руках.

«Она носила в себе моих детей, — подумал он, — моих сыновей. Я никогда не хотел иметь детей от какой-нибудь другой женщины».

Необъяснимое очарование, исходившее от всего ее существа, побеждало его, опьяняло, приводило в какое-то оцепенение, вызывая желание обвить руками ее тонкую талию, опустить их ей на бедра и почувствовать ее теплоту сквозь аметистовую тафту ее лица. Слишком долго пустовали без нее его объятия!

Он подошел ближе и хрипло сказал, показывая на пистолет, который она держала в руке:

— Зарядите его! Взведите курок!

— Я не уверена, что знаю, как это делается. Я не знакома с этим типом замка.

Он взял оружие из ее рук и быстро зарядил его пулями, порохом и запалом. Она как зачарованная следила за движениями его загорелых рук, изнывая от желания наклониться и поцеловать их.

Он вернул ей пистолет, сказав: «Ну вот!»

И добавил с язвительной улыбкой:

— Теперь вы можете убить меня... и избавиться от своего беспокойного мужа.

Анжелика смертельно побледнела. Ей казалось, что она никогда больше не сможет перевести дыхание, и

она едва нашла в себе силы дрожащей рукой положить пистолет на стол.

— Как вы могли сказать такую глупость! — выговорила она наконец. — Вы невероятно жестоки!

— А! Так вы считаете себя жертвой?

— Временами да... Вы прекрасно знаете, что, говоря такие вещи, ужасно мучаете меня.

— И, вне всякого сомнения, незаслуженно?

— Да... нет... Да, гораздо более незаслуженно, чем вы думаете... Я не причинила вам такого большого зла, как вам хочется думать... И вы хорошо это знаете... Но вы безумно горды.

— А вы невероятно бесчестны и наглы!

И так же, как и в тот вечер, он почувствовал бессмысленное желание наброситься на нее с кулаками, избить ее, сбить с ног, и в то же время его неудержимо тянуло упиться ее ароматом, ее теплотой, как каким-то опьяняющим фимиамом, и забыться, растворившись в блеске ее зеленых глаз, сверкающих сейчас гневом и любовью, нежностью и отчаянием.

Боясь уступить и сдаться, он резко направился к дверям.

— Жоффрей, — воскликнула она, — неужели мы позволим себе попасться в ловушку?

— Какую ловушку?

— Которую приготовили для нас наши враги.

— Какие враги?

— Враги, которые решили во что бы то ни стало разлучить нас, чтобы легче справиться с нами поодиночке. И вот теперь это случилось. Я не знаю, как это было задумано с самого начала и какие уловки были использованы для того, чтобы погубить нас, но знаю, что это случилось. Понимаете, это случилось. ДЕЛО В ТОМ, ЧТО НАС РАЗЛУЧИЛИ.

Она скользнула к тому месту, где он стоял, и положила руку ему на сердце:

— Любовь моя, неужели мы подарим им столь легкую победу?

Он отпрянул от нее с такой стремительностью, которая выдавала его страх слишком быстро уступить ей.

— Вот это забавно! Вы ведете себя совершенно бессмысленно, а потом обвиняете меня в нелогичных поступках. Например, в Хауссноке, чего ради вам пришло в голову отправиться в английскую деревню?

— Но вы сами передали мне приказ это сделать.

— Я?! Никогда в жизни!

— Но тогда КТО же?

Он уставился на нее, будто лишившись дара речи, внезапно пораженный страшным предчувствием.

У Пейрака, несмотря на его исключительный, незаурядный ум, было типично мужское восприятие мира. Мужчины продвигаются вперед скачками интеллекта, в то время как женщины руководствуются инстинктом всеобъемлющего предвидения.

Мужчины движутся подобно большим кошкам. Долгое время они остаются неподвижными, даже инертными, вызывая беспокойство у окружающих своим нежеланием двигаться, потом неожиданно прыгают вперед, разрывая небеса, мгновенно постигая все, что может ухватить глаз, и проникают еще дальше, отодвигая назад границы горизонта.

Нечто в этом роде почувствовал Пейрак, когда голос Анжелики пробудил в нем целый ряд страстных импульсов и он вдруг увидел, что все вокруг него сразу же преобразилось, приобретя совсем новый смысл и повернувшись к нему совсем под другим углом. Да, они действительно столкнулись с серьезной опасностью, и тем не менее его мужская логика упорно отвергала возможность наступления потусторонних сил.

Но Анжелика не ошибалась. Она обладала большей способностью воспринимать таинственное, нежели он,

и он прекрасно знал, что ЭТО ТОЖЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ.

Он возобновил борьбу.

— Все это чушь и бессмыслица, все эти ваши ощущения, — проворчал он. — Это было бы слишком просто.

Все, что нужно сделать каждой неверной женщине — это всего лишь заявить, что во всем повинны демоны. Это они, наши враги, мадам, или простой случай привел в залив Каско вашего бывшего любовника, готового вновь принять вас в свои объятия?

— Я не знаю. Но отец де Вернон говорил мне, что когда начинают твориться дьявольские вещи, случай всегда бывает на стороне зла, на стороне дьявола, на стороне разрушения и несчастья.

— А кто такой этот отец де Вернон?

— Иезуит, который доставил меня на своем судне в Пентагуэт с Макуойта.

Это сообщение, казалось, поразило Пейрака, как гром среди ясного неба.

— Вы попали в руки французских иезуитов? — воскликнул он изменившимся голосом.

— Да! В Брунsvик-Фэлсе я только случайно избежала участи быть отправленной в Квебек в качестве пленницы.

— Расскажите мне об этом.

Она кратко описала ему все свои приключения с момента отъезда из Хаусснока, и, слушая ее, он мысленно видел перед собой Уттаке, великого вождя ирокезов, который говорил ему: «Ты обладаешь сокровищем! Берегись! Они попытаются отнять его у тебя...» И разве он сам всегда не боялся, что именно через нее, через Анжелику, они попытаются сразить его? Она говорила правду.

Вокруг них сновали враги, гораздо более хитрые, коварные и неуловимые, чем «Трусливые», духи Воздуха.

Мог ли он отрицать, что он и сам подозревает это, тем более, что в кармане его дублета все еще лежала анонимная записка, переданная ему неизвестным моряком в вечер после боя с «Сердцем Марии», клочок пергамента, на котором были набросаны пером следующие слова: «Ваша жена на острове Старого Корабля с Золотой Бородой. Высадитесь на северной стороне острова, чтобы они не заметил и вас, и вы сможете поймать их в объятиях друг друга».

Адские духи, это несомненно, но в то же время духи, которые, шныряя между островами, способны держать в руке перо, чтобы быть уверенными в том, что столь сокрушительное разоблачение попадет в руки того, кому оно предназначалось.

Он сделал глубокий вдох. Все как будто изменилось, приобрело совсем иную окраску, и в этой сумятице неверность Анжелики уже не казалась ему такой неоспоримо предумышленной, запланированной, как раньше. Она попала в паутину заговора, еще более запутанную стечением обстоятельств. Такая женщина, как она, женщина в полном смысле этого слова, неизбежно должна была проявить уязвимую сторону своей натуры, но за ее слабостью он видел и доказательства ее беспримерного мужества. Он снова вспомнил ту ночь на острове, когда он наблюдал за Анжеликой и Коленом издали и ясно видел, как они боролись с искушением.

Конечно, ему было не очень-то приятно сознавать, что ее может искушать кто-то другой, но он знал, что тут он ведет себя неразумно, как мальчишка.

Главным было то, что в ту ночь она сохранила верность ему. Что же касается происшедшего на борту «Сердца Марии», то он не особенно жаждал знать все подробности случившегося, хотя по некоторым высказываниям Колена Патюреля он мог предположить, что именно там было.

Иногда ему даже казалось, что легче было бы простить Анжелику за то, что она отдала свое тело, чем за один-единственный страстный поцелуй, потому что втайне он прекрасно знал все ее чувства и реакции. Для нее поцелуй, по-видимому, всегда означал гораздо более полную отдачу всего ее существа, чем простое подчинение физической близости. Такой уж она была, его бесподобная богиня! Она охотнее отдавала тело, чем губы. И он готов был поклясться, что с «другими» это всегда было именно так. Ему хотелось думать, что ей доставляли наслаждение только его губы, но предъявляя подобные претензии, он опять проявлял смехотворные, мальчишеские чувства. Вот до чего она его довела после всей прожитой им жизни, в которой, следуя своей хорошо продуманной линии, он всегда старался отводить женщинам важное и приятное место, которое тем не менее никогда не должно было затрагивать его мыслей, страхов и подозрений.

— Как вы думаете, почему отец де Вернон отпустил вас? — спросил он.

— Я и сама не имею понятия. Может быть потому, что за эти три дня, которые мы провели вместе в море, он убедился, что я не могу быть той женщиной-демоном Акадии, которой меня все как будто считают.

— А что с Мопертюи и его сыном? Где они?

— Насколько я понимаю, их насильно отправили в Канаду.

Граф взорвался:

— Это означает войну! — крикнул он. — Нет, хватит с меня их закулисных действий! Я пошлю против Квебека свои корабли!

— Нет, не делайте этого! Мы только понапрасну истратим свои силы, а меня еще неистовее будут упрекать в том, что я повсюду сею несчастья и беды. Но мы не должны быть поодиночке, не позволяйте им взять над нами верх, разлучив нас, ранив нас... Жоффрей,

любовь моя, вы же знаете, что вы для меня — все... Не отстраняйте меня или я умру от горя. Отныне и впредь я ничто без вас! Ничто!

И она протянула к нему руки, как заблудившееся дитя.

Она была в его объятиях, и он крепко прижимал ее к себе. Он еще не простил ее, но не хотел, чтобы ее отобрали у него. Он не хотел, чтобы кто-нибудь угрожал ей, покушался на ее жизнь, ее драгоценную, незаменимую жизнь.

Он стискивал ее в своих стальных объятиях и, прижавшись щекой к его твердой щеке, она не помнила себя от радости. Небо кружилось вокруг них, пылая ослепительным светом.

— Чудо! Чудо! — донесся откуда-то издалека, из невероятной дали, чей-то голос. — Чудо! Чудо!

Они услышали доносившийся снаружи гомон, становившийся все громче и громче.

— Чудо! Чудо! Монсеньор, где вы? Идите скорее! Настоящее чудо!

Это был голос Жана Ле Куеннека, который звал под окном со двора.

Граф де Пейрак отпустил Анжелику и отстранился, как будто сожалея о своем порыве, побудившем его раскрыть ей объятия. Он подошел к окну.

— Что там происходит?

— Настоящее чудо, монсеньор! Благодетельница... та знатная дама, покровительница «королевских девушек», которую мы все считали утонувшей... Так вот, она не утонула! Несколько рыбаков из Сен-Мало подобрали ее на одном из островков в заливе вместе с ее секретарем, моряком и мальчиком, которому она спасла жизнь. Они пребывают сюда на лодке... Они как раз входят в гавань.

Глава 83

— Вы слышали? — спросил Пейрак, поворачиваясь к Анжелике. — Покровительница! Похоже на то, что море сочло, что оно уже пресытилось и без достопочтенной герцогини и ее писаки!

Он взглянул на нее, растерянный и нерешительный.

— Мы увидимся друг с другом позже, — сказал он, неохотно отводя взгляд. — Мне кажется, я должен выйти и поприветствовать несчастную женщину, извергнутую морем, как Иона китом, на наши незаконные берега! Вы будете сопровождать меня, мадам?

— Я присоединюсь к вам в гавани, как только уберу это оружие.

Он вышел.

Анжелика с досадой топнула ногой.

Эта девица, Жюльенна, была права. Благодетельница была невероятной заразой. Уж если она все равно считалась утонувшей в течение целых трех дней, она могла бы подождать, по крайней мере, еще несколько часов, прежде чем всплывать на поверхность! Так нет же, ей нужно было выбрать именно тот самый момент, когда Жоффрей де Пейрак раскрыл Анжелике свои объятия, но еще не сложил всю броню, заслонявшую от нее его гордое сердце.

Она чувствовала, что он беспокоится и тревожится за нее, но сознавала и то, что его оскорбленная гордость еще не успокоилась. И вот судьба как будто снова отвернулась от нее.

Несмотря на воспоминание об этом слишком кратковременном объятии, в жилы Анжелики заполз смертельный холод, и она сразу упала духом.

Ей хотелось броситься вслед за Жоффреем, позвать его и уговорить вернуться.

Ее ноги словно налились свинцом, и она едва нашла в себе силы сдвинуться с места, как в каком-то ночном кошмаре.

У выхода она покачнулась и едва не упала. На полу сидел демон с ухмыляющейся пастью и горящими глазами и смотрел прямо на нее.

По ее телу побежали мурашки, к горлу подкатила внезапная тошнота.

— Ох, это ты, Волверина! Как ты меня напугала!

Росомаха не последовала за Кантором в Кеннебек, а продолжала рыскать вокруг селения, похожая на гигантскую ласку своим тяжелым, но гибким, как у змеи, телом.

Она встала, не отводя взгляда от Анжелики.

— Убирайся! Убирайся! — прошептала та шепотом.
— Убирайся! Возвращайся в лес!

Потом ее взгляд остановился на еще какой-то фигуре, огромной и волосатой, медленно шевелившейся в зеленой шелковистой массе листьев.

И снова это оказался только призрак грозящей опасности: это был всего лишь медведь, Мистер Виллоуби, который переваливался, принюхиваясь к запаху фруктов, приносимому теплым, ласковым ветерком.

Он перевернул лапой камень, обнаружил под ним кучку муравьев и быстро слизнул их несколькими движениями языка.

Анжелика машинально направилась вниз, к берегу, направляясь на отдаленный гул голосов, который становился все громче по мере того, как она приближалась. Неожиданно ее окликнул чей-то сдавленный голос, и, повернувшись, она увидела белую, похожую на привидение фигуру.

— Мадам де Пейрак! Мадам де Пейрак!

— Что вы здесь делаете, Мари? Будьте осторожны! Вам с вашими ранами нельзя вставать...

— Пожалуйста, Позвольте мне опереться на вас, милая госпожа, чтобы я могла встретить мою благодетельницу.

Анжелика обвила рукой хрупкую, гибкую талию девушки, личико которой сияло от радости. Ноги словно сами по себе несли ее вперед, и время от времени она оборачивалась, чтобы посмотреть, следуют ли еще за ней медведь и россомаха, и, грозя им кулаком, говорила:

— Убирайтесь! Убирайтесь, кошмарные создания!

Глава 84

Все собрались на берегу. Этот берег! Он был, как театр перед которым расстилалась сцена, где каждый день ставился новый спектакль.

Сейчас к ним приближалась, пересекая гавань, лодка, и через море голов до Анжелики доносились крики, рыдания, восклицания радости и выражения преданности.

— Она жива! — плача, повторяла Мари. — Слава Богу и всем святым на небесах!

Анжелика стояла немного позади остальных, в том месте, где только начинается спуск к воде; отсюда ей было лучше, чем другим, видно все, что происходит. Она увидела, как лодка подошла к берегу и Жан вошел в воду, чтобы направить ее и предотвратить толчок от соприкосновения днища о землю.

И в эту же минуту все «королевские девушки» бросились к ней с истерическими воплями.

Среди всей этой суматохи Анжелика никак не могла отыскать взглядом герцогиню, хотя ее взгляд отметил неожиданное присутствие очень молодой женщины, искусный наряд которой ярким пятном выделялся на носу лодки.

Несмотря на разделявшее их расстояние, Анжелика могла разглядеть, что женщина отличалась совершенно необыкновенной красотой. Ее цвет лица, по контрасту с черными волосами, был ярким, как зажженный светильник, или, точнее, напоминал один из экзотических цветков — камелию или магнолию, — которые мерцают в тени листвы всем изяществом своих душистых лепестков с их чистой белизной, едва тронутой розовым.

Цветок. Или птица, если принять во внимание ослепительно яркие краски ее костюма. Несмотря на то что он был смелым, почти вызывающим как раз настолько, насколько позволяла последняя мода, в разрезе сине-зеленого, как павлиний глаз, верхнего платья виднелась укороченная юбка из желтого атласа и бледно-голубой корсаж со вставкой из алого шелка. Все это образовывало удивительно элегантный ансамбль и безукоризненно шло ей.

Единственной неуместной деталью был жалкого вида ребенок, которого она держала на руках.

— Вы спасли жизнь моему мальчику! Да благословит вас бог! — поднялся над общим гомоном дрожащий голос Жанны Мишо, протянувшей руки к лодке и получившей в них своего Пьера.

Избавившись от своей ноши, женщина в яркой одежде оперлась рукой на руку одного из зрителей и, приподняв, чтобы не замочить, свою желтую атласную юбку, легко спрыгнула на берег.

Тому, что Анжелика заметила в этот момент, суждено было на очень долгое время запечатлеться в ее памяти, почему-то приобретя слишком большое, несоответственное значение. Запечатлеться до того самого дня, когда, преследуемая этими бессознательно отмеченными ее памятью воспоминаниями, она в конце концов нашла ключ ко многим тайнам.

Она заметила алые чулки молодой женщины и ее изящные маленькие башмачки из карминного цвета бархата, обшитого белой кожей, и с отделкой из золотистых атласных розеток.

Анжелика услышала свой голос:

— Но... кто эта женщина?

— Это она, — с рыданием ответила Мари. — Наша покровительница! Мадам де Бодрикур!.. Посмотрите на нее! Разве она не прекрасна? Она наделена всеми добродетелями и достоинствами!..

И, освободившись от поддерживающей руки Анжелики, Мари собрала все свои силы, чтобы добраться до вновь прибывшей и упасть к ее ногам.

— Моя милая, милая госпожа!.. Вы живы!

— Мари, дорогое дитя! — последовал ответ, произнесенный мягким, низким голосом, волнующим контральто, в то время как герцогиня склонилась над Мари и поцеловала ее в лоб.

Какой-то довольно тучный человек в темной одежде с очками на носу выбрался из лодки, не привлекая к себе совершенно никакого внимания, и тщетно пытался привести хоть в какой-то порядок этот обмен приветствиями.

— Хватит, дамы, хватит, — уговаривал он. — Ну пожалуйста, сударыни, пожалуйста, позвольте герцогине подойти к владельцу здешних мест и выслушать его приветствия.

Жоффрей де Пейрак стоял на берегу несколько выше всех остальных, в широком парчовом плаще, развевавшемся и хлопавшем на ветру. Если он и был тоже удивлен неожиданной внешностью герцогини, это можно было заметить разве что по едва заметной иронии, промелькнувшей в его улыбке.

— Дайте же дорогу, дамы, — продолжал настаивать господин в очках, — имейте уважение к усталому состоянию Ее Светлости.

— Мсье Арман! — вскричала разом все девицы, наконец-то соизволив заметить его. Они радостно и дружески окружили его, и мадам де Бодрикур смогла сделать несколько шагов по направлению к графу Пейраку!

Теперь, когда Анжелика смогла увидеть ее поближе, она поняла, что платье герцогини пропитано морской водой и во многих местах порвано, а ее ножки в башмачках из бархата и белой кожи как будто с величайшим трудом передвигаются по песку, неровная

поверхность которого еще более затрудняла это продвижение, и что, несмотря на всю их грациозность и изящество, эти ножки кажутся налитыми свинцом и с трудом отрываются от земли, точно так же, как ноги Анжелики, когда она совсем недавно добиралась сюда из форта.

Или эти ноги лгали, и лгали бессовестно, или лгало ее лицо. Она была не такой юной, как казалось издали, но оказалась даже еще более красивой. Должно быть, герцогине Амбруазине де Бодрикур было около тридцати, и она обладала всей непринужденностью манер, всей уверенностью и всей силой молодости — одновременно и животной и утонченной — свойственной этому блестящему возрасту.

Однако наметанному глазу Анжелики становилось все более и более ясно, что эта ослепительно прекрасная женщина, смело поднимающаяся по побережью, находится на грани обморока. Было ли это результатом изнеможения, страха... или какого-то всепоглощающего волнения?

И Анжелика сама не могла понять, почему ей представляется совершенно невозможным броситься к измученной женщине, чтобы поддержать ее и ободрить дружеским приветствием, как она сделала бы для любого другого человеческого существа.

Жоффрей де Пейрак трижды подмел землю перьями своей шляпы, низко кланяясь прекрасной женщине, и поцеловал ей руку.

— Я — граф де Пейрак де Моран д'Ирристрию... гасконец по происхождению. Приветствую вас, мадам, рад вас видеть в моем американском владении.

Она бросила на него теплый взгляд сквозь ресницы.

— О, мессир, какой сюрприз! Вы носите свой плащ элегантнее, чем любой придворный Версаля.

— Мадам, — галантно ответил он, — позвольте мне сообщить вам, что на этом побережье больше дворян

знатного происхождения, чем в королевской передней.

Потом он низко склонился над ее белой, холодной как лед рукой, и повернувшись к Анжелике, которая неподвижно стояла в нескольких шагах от них, продолжил:

— А это графиня де Пейрак, моя жена, которая проследит за тем, чтобы вам предоставили все, что вам может понадобиться для отдыха после столь жестокого путешествия.

Амбруазина де Бодрикур перевела на Анжелику свои глаза, казавшиеся теперь черными как ночь на лилейно-белом лице. Болезненная улыбка искривила уголки губ, которые внезапно стали совершенно бескровными.

— И уж конечно, во всем Версальском дворце не найти женщины, которая была бы прекраснее вашей жены, мессир де Пейрак, — любезно добавила она своим глубоким голосом, который, казалось, пел, когда она говорила.

Она еще сильнее побледнела, и ее ресницы начали дрожать. Потом с ее губ слетел вздох или, вернее, едва слышный стон.

— Ах! Пожалуйста, простите меня, мадам, — прошептала она, — я умираю!..

И тут она во всех своих ослепительных нарядах, как какая-то великолепная птица, подбитая на лету, лишилась чувств, мягко скользнув к ногам Анжелики. На мгновение Анжелике показалось, что она находится совсем одна в каком-то странном, нереальном месте.

Охваченная невыразимым ужасом, в непонятном оцепенении ума, она спрашивала себя: «Неужели это она? Женщина, которая должна подняться из моря? Женщина, которая должна появиться среди нас, чтобы нести службу Люциферу?»